

Евразийский юридический журнал

№ 9 (76) 2014

Редакционный совет

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камил Абдулович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)

БАЙПЬДИНОВ Даулет Лаикович, д.ю.н., профессор (Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья Верховного Суда Российской Федерации в отставке

БОҢДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа)

БУГЕРА Михаил Евгеньевич, к.э.н. (Государственное Собрание Республики Башкортостан, г. Уфа)

БЫСТРОВ Григорий Ефимович, д.ю.н., профессор (Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А.Тимирязева (РГАУ-МСХА))

ГАРЕЕВ Эдуард Сагидуллович, к.ф.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КАПУСТИН Анатолий Яковлевич, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва)

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОРБУТ Людмила Васильевна, ученый секретарь Российской Ассоциации международного права

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛАВРЕНТЬЕВ Сергей Николаевич, к.и.н., доцент (Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, г. Уфа)

МАЛЕЕВ Юрий Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Евразийское Экономическое сообщество, г. Санкт-Петербург)

МУХАМЕТШИН Фаим Баязитович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

ПАШЕНЦЕВ Дмитрий Алексеевич, д.ю.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ПОНЬКА Виктор Федорович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)

РАЯНОВ Фанис Мансурович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

СЫДЫКОВ Ерлан Батташевич, д.и.н., профессор, академик Международной академии наук педагогического образования (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана)

ТОЛСТОПАЯТЕНКО Геннадий Петрович, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва), Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАТКУДИНОВ Зуфар Максумович, д.ю.н., профессор (Университет управления «ТИСБИ», г. Казань)

ШЕВЕЛЁВА Наталья Александровна, д.ю.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

ШЕМШУЧЕНКО Юрий Сергеевич, д.ю.н., профессор (Институт государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины), академик Национальной академии наук Украины, иностранный член Российской академии наук

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья. Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы сновные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в "Евразийском юридическом журнале", может не совпадать с точкой зрения редакции.

© Евразийский юридический журнал, 2014

Подписано в печать 22.10.2014
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д. И.,
Компьютерная верстка – Гареев А. Р.
Адрес редакции: 119034,
г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasiawall@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
http://www.eurasiawall.ru,
www.eurasiawall.info
www.eurasia-allnews.ru

Eurasian law journal

№ 9 (76) 2014

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH IGOR MIKHAILOVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Vice-Chairman

BEKYASHEV KAMIL ABDULOVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Editorial council memebrrs

ABASHIDZE ASLAN HUSEYNOVICH, Dr of Law, Professor (Russian University of friendship of the people)

BONDARENKO VICTOR NIKOLAEVICH, Dr of Philosophical Sciences, Professor (Bashkir State Pedagogical University of M. Akmulla, Ufa)

BATKHIEV RASHID HUSEYNOVICH, Dr of Law (candidate), judge of the Supreme Court of the Russian Federation in retirement

BAYLDINOV DAULET LAIKOVICH, Dr of Law, Professor (Kazakh National University of al-Farabi)

BUGERA MIKHAIL EVGENEVICH, Dr of Economical Sciences (candidate) (State Assembly of the Republic of Bashkortostan, Ufa)

BYSTROV GRIGORY EFIMOVICH, Dr of Law, Professor (Russian State Agrarian University – K.A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy (RSAU-MAA))

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH, Dr of Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FATKUDINOV ZUFAR MAKSUMOVICH, Dr of Law, Professor (University of Administration «TISBI», Kazan)

GAREYEV EDUARD SAGIDULLOVICH, Dr of Philosophical Sciences (candidate), Professor (Ufa State Petroleum Technical University)

GRACHEVA ELENA JUREVNA, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University)

ISMAILOV SHAUKAT MAKHMUDOVICH, Dr of Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KAPUSTIN ANATOLY YAKOVLEVICH, Dr of Law, Professor (Chairman of the Commission on international law of Association of Lawyers of Russia)

KRIVENKY ALEXANDER IVANOVICH, Dr of Historical Sciences, Professor (Moscow City Pedagogical University)

KOCHARYAN VIGEN VLADIMIROVICH, Dr of Law (candidate), Associate professor (Yerevan State University)

KORBUT LEUDMILA VASILIEVNA, Scientific Secretary of the Russian Association of International Law

LAVRENTYEV SERGEY NIKOLAEVICH, Dr of Historical Sciences (candidate), Associate professor (Bashkir academy of public service and management at the President of the Republic of Bashkortostan, Ufa)

MALEEY YURY NIKOLAEVICH, Dr of Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)

MISHALCHENKO YURY VLADIMIROVICH, Dr of Law, Dr of Economical Sciences, Professor (Eurasian Economic Community, Saint-Petersburg)

MUKHAMETSHIN FAIM BAYAZITOVICH, Dr of Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the RF)

NECHEVIN DMITRY CONSTANTINOVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

NIGMATULLIN RISHAT VAKHIDOVICH, Dr of Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the RF)

PONKA VICTOR FEDOROVICH, Dr of Law, Professor (Russian University of friendship of the people)

PASHENTSEV DMITRY ALEKSEEVICH, Dr of Law, Professor (Financial University at the Government of the Russian Federation)

RAYANOV FANIS MANSUROVICH, Dr of Law, Professor (Bashkir state university, Ufa)

SHEVELYOVA NATALYA ALEKSANDROVNA, Dr of Law, Professor (St. Petersburg State University)

SHEMSHUCHENKO YURY SERGEEVICH, Dr of Law, Professor (V.M. Koretsky Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of Ukraine), Academician of the National Academy of Sciences of Ukraine, member of the Russian Academy of Sciences

SHUVANOV STANISLAV ALEKSANDROVICH, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINYUKOV VLADIMIR NIKOLAEVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

SYDYKOV YERLAN BATTASHEVICH, Dr of Historical Sciences, Professor (Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Euroasian National University of L. N. Gumilev, Astana)

TOLSTOPJATENKO GENNADY PETROVICH, Dr of Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)

Journal is published with support of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of doctor and candidate of sciences should be published.

Published since October 2007.

Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

© Eurasian law journal, 2014

Signed for printing 22.10.2014
Format 62x84 1/8. Conv. print. sh. 21,11.
Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –

Farkhutdinov D.I.

Desktop publishing –

Gareyev A.R.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasianlaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<http://www.eurasialaw.ru>,

www.eurasialegal.info

www.eurasia-allnews.ru

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забинович, д.ю.н.

Члены редакционной коллегии

первый заместитель главного редактора:

ВЫСТОРÓБЕЦ Евгений Анатольевич, к.ю.н.

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.

научный редактор:

ДЗЮБА Ирина Валерьевна

литературный редактор:

ВИНОГРАДОВА Юнис Александровна

технический редактор:

ГАРЕЕВ Артур Рустемович

ГАБИНЕТ Дмитрий Анатольевич, старший преподаватель

ГУСЕЙНОВ Октай Рамазан оглы, к.ю.н., доцент

КОННОВА Елена Владимировна, старший преподаватель, с.н.с.

КОПЫЛОВ Станислав Михайлович, к.ю.н.

ЛЫСЕНКО Владлена Владимировна, к.ю.н., доцент,

представитель ЕврАзЮж в г. Тирасполь

МУРЗАГИЛЬДИН Наиль Таштимерович

САФРОНОВ Константин Юрьевич

ТРАПЕЗНИКОВ Валерий Анатольевич, к.ю.н.

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельсламович, к.ю.н., доцент

САЙМОВА Шолпан Алтынбековна, магистр юриспруденции

руководитель интернет-проектов:

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И. З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забинович

(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH, Dr of Law

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

WYSTORÓBETS EUGENE ANATOLIEVICH, Dr of Law (candidate),

BONDARENKO ALEXANDR VIKTOROVICH, Dr of Philosophical sciences (candidate), Associate Professor

executive editor:

LUKIYANOV MIKHAIL YUREVICH, Dr of Political Sciences (candidate)

scientific editor:

DZYUBA IRINA VALERIEVNA

literary editor:

VINOGRADOVA IUNIS ALEKSANDROVNA

technical editor:

GAREYEV ARTHUR RUSTEMOVICH

GABINET DMITRY ANATOLYEVICH, Senior Lecturer

HUSEYNOV OKTAY RAMAZAN OGLU, Dr of Law (candidate)

KONNOVA ELENA VLADIMIROVNA, Senior Lecturer, Senior Researcher

KOPYLOV STANISLAV MIKHAILOVICH, Dr of Law (candidate)

LYSENKO VLADLENA VLADIMIROVNA, Dr of Law (candidate),

Associate Professor, representative of ELJ in Tiraspol

MURZAGILDIN NAIL TASHTIMIROVICH

SAFRONOV KONSTANTIN YURYEVICH

TRAPEZNIKOV VALERY ANATOLIEVICH, Dr of Law (candidate)

FAIZULLIN GAIAS GABDELISLAMOVICH, Dr of Law (candidate), Associate Professor

SAIMOVA SHOLPAN ALTINBEKOVNA, Master of Law

internet-project:

FARKHUTDINOV DINAR INSUROVICH

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH

(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ЕврАзЭС... Да здравствует ЕАЭС! Евразийский экономический союз начинает действовать в 2015 году.....	8
---	----------

PERSONA GRATA

Степанов В. П. ПГУ – Государствообразующий вуз Приднестровья Наш собеседник – Степанов Вячеслав Петрович, ректор Приднестровского государственного университета имени Т. Г. Шевченко, доктор исторических наук, профессор.....	10
---	-----------

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Азанов Б. К. Договор о Евразийском экономическом союзе: комплексный правовой анализ (Раздел III. Органы Союза., Раздел IV Бюджет Союза., Часть вторая Таможенный союз., Раздел VI Функционирование таможенного союза).....	16
Изотов А. В., Мишалыченко Ю. В. Влияние политических, правовых и экономических процессов на евразийском пространстве на отношения между Россией и Европейским союзом.....	28

ПРАВО СТРАН СНГ

Головки И. И. Прокурор в гражданском судопроизводстве по делам о защите трудовых прав и свобод работников в государствах СНГ.....	35
Каюмова А. Р. О соотношении юрисдикционных принципов защиты и универсальности в расследовании уголовных дел на Украине.....	40
Кушимов Н., Тукулов Б. Сравнительный анализ правового регулирования вопросов признания и приведения в исполнение решений иностранных судов в Республике Казахстан: действующее законодательство, проект Гражданского процессуального кодекса, иностранный опыт, предложения к реформированию.....	43
Ракишев К. Х. Субъект преступного нарушения авторских и смежных прав в сети Интернет по Уголовному кодексу Республики Казахстан.....	48

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Ашавский Б. М. Понятия «правопорядок», «международный правопорядок» и «международный экономический правопорядок»: общее и особенное.....	52
Толстых В. Л. Три идеи самоопределения в международном праве.....	65
Проволоцкий В. В., Иваненко В. С. К вопросу о праве международной безопасности: проблемы определения понятия, предмета и содержания.....	73
Лысенко В. В. Роль международных неправительственных организаций в урегулировании конфликтов.....	80

Криворучко О. А. Проблемные вопросы оснований применения международных договоров арбитражными судами Российской Федерации.....	86
--	-----------

Захарова Л. И. Права человека и охрана окружающей среды: взаимосвязь концепций, актуальные проблемы (часть 1).....	92
--	-----------

Аду Я. Н. Концепция универсальности прав человека: значение международных конференций, региональных и национальных совещаний по правам человека.....	98
---	-----------

Лямин Н. М. Международная уголовная ответственность командиров (гражданских начальников) за международные преступления, совершенные их подчиненными.....	103
---	------------

Хамидова М. Ф. Преступление геноцида по Статуту Международного уголовного суда и Уголовному кодексу Республики Таджикистан.....	108
---	------------

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Шамилова Г. З. Защита права на свободу и безопасность по Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года.....	111
--	------------

ИНТЕРЭКОПРАВО

Бекашев К. А., Теймуров Э. С. О вкладе кафедры международного права университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) в международное экологическое право.....	114
---	------------

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Казачкова Э. М., Кишева М. Х. Проблемы защиты интеллектуальной собственности: китайский вектор.....	119
--	------------

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Елизаров М. В. Об отличительных признаках современного государства.....	124
--	------------

Золотухина Т. А. Федеральный законотворческий процесс и его проблемы.....	128
--	------------

Казаков А. О. Государственно-частное партнерство и инвестиционная деятельность: теоретико-правовой аспект.....	132
--	------------

Шонин Н. Е. Федерализм и сепаратизм: роковая связь?.....	140
--	------------

Ходанич Ю. М. О целях государства в теории П. Лодия.....	143
Безносова Я. В. О соотношении понятий «дхарма» и «право» в древнеиндийской традиции дхармашастр.....	145

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Новикова О. И. Особенности государственно-конфессиональных взаимоотношений в 1945–1955 гг. (на материалах Башкортостана).....	148
---	------------

ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Ямаева А. И.

Бельгийское государство между федерализмом, сепаратизмом и конфедерализмом..... 150

Ямалова Э. Н.

Между гражданственностью и этничностью: особенности формирования нации и государственного строительства постсоветской Эстонии..... 153

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Зайцева Е. Р., Панченко В. Ю.

Юридические препятствия и ограничения конституционных прав и свобод..... 155

Демидов В. Н.

Роль и место органов регионального конституционного правосудия в государственно-правовой системе современной России..... 157

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Бобкова Е. М.

Реализация прав человека в сфере образования в условиях конфликта Молдовы и Приднестровья..... 161

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Рахимов Э. Х.

Существенные условия договора в контексте функционирования контрактной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд..... 165

Шарафутдинов А. Ш.

Возбуждение дела об административном правонарушении в отношении неустановленных лиц..... 168

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Улокина А. М.

Статус несудебной экспертизы в гражданском процессе..... 170

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Бабичев А. Г.

Убийство, сопряженное с другим преступлением: юридическая природа, квалификация и дифференциация ответственности..... 175

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Мельников В. Ю.

Роль института дознания в уголовном процессе России..... 179

Николаев Е. М.

Некоторые проблемы обеспечения безопасности потерпевших в уголовном судопроизводстве путем использования псевдонима..... 182

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Паштов Д. Р.

Функции прокуратуры и участие прокуроров в законотворческой деятельности органов законодательной (представительной) власти субъектов Российской Федерации..... 184

МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРАВО

Гусенова П. А.

Особенности доказывания по мусульманскому праву..... 188

ПРАВО И БЕЗОПАСНОСТЬ

Ватрушкин А. А.

Деятельность Российской Федерации в обеспечении информационной безопасности..... 192

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Теплякова О. А., Бычек А. Э.

Особенности правового регулирования патронатной семьи субъектами Российской Федерации..... 196

СТРАХОВОЕ ПРАВО

Имбаева Г. Р.

Перспективы развития обязательного имущественного страхования частного жилого фонда..... 200

ТЕХНИЧЕСКОЕ ПРАВО

Хайруллин В. А., Шибиркина М. С.

Государственное регулирование качества конечной строительной продукции..... 204

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Мозговая Н. М., Костылева Е. Г.,

Грогуленко Н. В., Шакирова Э. В.

Политическая оппозиция: понятия и дефиниции..... 206

Ошкин В. В.

Влияние избирательного права на взаимоотношения элиты и массы в Европе рубежа XIX–XX вв. (по работам Р. Михельса)..... 209

Севастьянов С. А.

Региональные отделения политических партий в системе партийно-политического представительства Республики Башкортостан в постсоветский период (политико-правовой аспект)..... 211

Титова О. Н.

Взаимодействие политической элиты и молодежи в России..... 215

ФИЛОСОФИЯ И ПРАВО

Бондаренко А. В., Лукиянов М. Ю.

Противодействие коррупции: правовые нормы и морально-этические аспекты проблемы..... 217

РЕЦЕНЗИЯ

Нечевин Д. К.

Рецензия на учебное пособие преподавателей Авагимянц В. А. и Боденковой Е. П. «Le français pour les juristes» (Москва, 2013. — 84 с.)..... 219

НАШ ЮБИЛЯР

Профессору В. М. Шумилову 60 лет..... 222

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ..... 224

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 225

EDITORIAL

- EurAsEC...Long live the EEU!**
The Eurasian Economic Union begins in 2015..... 8

PERSONA GRATA

- Stepanov V. P.**
PSU – constituent university of Transnistrian Republic
Our interlocutor - Stepanov Vyacheslav Petrovich, rector of the Transnistrian State University, doctor of historical sciences, professor..... 10

EURASIAN INTEGRATION

- Azanov B. K.**
Treaty on the Eurasian Economic Union: a comprehensive legal analysis (Section III. Bodies of the Union; Section IV. Budget of the union; Part two. Customs Union. Section VI. Functioning of the Customs Union)..... 16
- Izotov A. V., Mishalchenko Yu. V.**
Political, legal and economic processes within the Eurasian area and its implications for the EU-Russian relations..... 28

LAW OF THE CIS COUNTRIES

- Golovko I. I.**
Attorney in civil proceedings for the protection of labor rights and freedoms of the employees in CIS states..... 35
- Kayumova A. R.**
On the correlation of jurisdictional principles of protection and universality with regard to criminal investigation in Ukraine..... 40
- Kushimov N., Tukulov B.**
Comparative analysis of recognition and enforcement of foreign judgments in Kazakhstan: Current law, new (draft) code of civil procedure, foreign experience, and proposed reforms..... 43
- Rakishev K. Kh.**
The subject of criminal infringement of copyright and related rights on the Internet under the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan..... 48

INTERNATIONAL LAW

- Ashavskiy B. M.**
The notions of «law and order», «international law and order» and «international economic law and order»: general and particular..... 52
- Tolstykh V. L.**
Three ideas of self-determination in international law..... 65
- Provolotckiy V. V., Ivanenko V. S.**
The questions of law of the international security: the problem of definition of the concept, object and content..... 73
- Lysenko V. V.**
The role of NGOs in conflict resolution..... 80
- Krivoruchko O. A.**
Problem questions of the grounds for application of international treaties by commercial courts of the Russian Federation..... 86

Zakharova L. I.

- Human rights and protection of the environment: an interplay between the concepts, actual problems (part 1)*..... 92

Adu Y. N.

- Universal concept of human rights: the role of international, regional and national conferences and meetings on human rights*..... 98

Lyamin N. M.

- The international criminal responsibility of commanders (civilian superiors) for international crimes committed by their subordinates*..... 103

Hamidova M. F.

- The crime of genocide under the Statute of the International Criminal Court and the Criminal Code of the Republic of Tajikistan*..... 108

EUROPEAN LAW

Shamilova G. Z.

- Protection of the right to liberty and security under the European Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950*..... 111

INTERECOLAW

Bekyashev K. A., Teymurov E. S.

- About the contribution of the International Law sub-faculty of the MSLA (O. E. Kutafin university) into the development of international environmental law*..... 114

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Kazachkova Z. M., Kischeva M. Kh.

- The problems of intellectual property protection: china's direction*..... 119

THEORY OF STATE AND LAW

Elizarov M. V.

- On the distinctive features of the modern state*..... 124

Zolotukhina T. A.

- The federal legislative process and its problems*..... 128

Kazakov A. O.

- Public-private partnership and investment activities: theoretical and legal aspects*..... 132

Shonin N. E.

- Federalism and separatism: a fatal connection?*..... 140

Khodanich Yu. M.

- About purposes of the state in P. Lody's theory*..... 143

Beznosova Ya. V.

- The correlation of the concepts of dharma and law in ancient Indian tradition of dharmasastras*..... 145

HISTORY OF STATE AND LAW

Novikova O. I.

- Features of state and confessional relations in 1945–1955 (based upon materials of Bashkortostan)*..... 148

LAW OF FOREIGN STATES

Yamaeva A. I.

Belgium state between federalism, separatism and confederalism..... 150

Yamalova E. N.

Between citizenship and ethnicity: the nation formation and state-building specifics of post-soviet Estonia..... 153

CONSTITUTIONAL LAW

Zaitseva E. R., Panchenko V. Yu.

Legal obstacles and limitations of constitutional rights and liberties..... 155

Demidov V. N.

Role and place of regional constitutional justice in state and legal system of modern Russia..... 157

HUMAN RIGHTS

Bobkova Ye. M.

Enforcement of the human rights in the field of education under the conditions of Moldova and Transdniester..... 161

ADMINISTRATIVE LAW

Rakhimov E. Kh.

The essential terms of the contract in the context of the operation of the contract system in the procurement of goods, works and services for state and municipal needs..... 165

Sharafutdinov A. Sh.

The initiation of an administrative case against unidentified persons..... 168

CIVIL PROCESS

Ulokina A. M.

The status of non-judicial expertise in civil proceedings..... 170

CRIMINAL LAW

Babichev A. G.

Murder associated with another crime: legal nature, classification and differentiation of responsibility..... 175

CRIMINAL PROCESS

Melnikov V. Yu.

Improving of inquiry institute in criminal proceedings of Russia..... 179

Nikolaev E. M.

Some problems of ensuring the safety of victims in criminal proceedings through the use of alias..... 182

LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Pashtov D. R.

The functions of prosecution and prosecutors involved in lawmaking process of legislative (representative) bodies of the subjects of the Russian Federation..... 184

MUSLIM LAW

Gusenova P. A.

Features of proof in Islamic law..... 188

LAW AND SECURITY

Vatrushkin A. A.

Activity of the Russian Federation in the field of information security provision..... 192

FAMILY LAW

Teplyakova O. A., Bychek A. E.

Peculiarities of legal regulation of foster care by the legislation of the subjects of the Russian Federation..... 196

INSURANCE LAW

Igbaeva G. R.

Development perspectives for compulsory property insurance of private residential premises..... 200

TECHNICAL LAW

Khayrullin V. A., Shibirikina M. S.

State regulation of the final construction products quality..... 204

POLITICS AND LAW

Mozgovaya N. M., Kostilyova Ye. G.,

Grogulenko N. V., Shakirova E. V.

Political opposition: concepts and definitions..... 206

Oshkin V. V.

The impact of electoral rights on the relationship between the elite and the masses in Europe at the turn of 19th and 20th centuries (by R. Michels' works)..... 209

Sevastianov S. A.

Regional branches of political parties in the system of party and political representation of the Republic of Bashkortostan in the post-Soviet period (political and legal aspect)..... 211

Titova O. N.

The interaction between the political elite and youth in Russia..... 215

PHILOSOPHY AND LAW

Bondarenko A. V., Lukiyanov M. U.

Combating corruption: legal norms and moral aspects..... 217

BOOK REVIEW

Nechevin D. K.

Review of the textbook of lecturers Avagimyants V. A. and Bodenkova E. P. «Le français pour les juristes». (Moscow, 2013. — 84 p.)..... 219

OUR CELEBRATOR

To the anniversary of Vladimir Mikhailovich Shumilov..... 222

INFORMATION FOR AUTHORS..... 224

ABOUT THE AUTHORS..... 225

ЕврАзЭС... Да здравствует ЕАЭС!

Евразийский экономический союз начинает действовать в 2015 году

10 октября текущего года на саммите в Минске лидеры ЕврАзЭС подписали соглашение «О прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества», а также документы, связанные с прекращением деятельности органов ЕврАзЭС.

ЕврАзЭС ликвидируется в связи с началом функционирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Договор о ЕАЭС вступит в силу 1 января 2015 г. Он был подписан президентами России, Белоруссии и Казахстана 29 мая 2014 г. в Астане.

Таким образом, ЕврАзЭС, просуществовав 14 лет, де-юре оформило свое прекращение, чтобы возродиться в виде Евразийского экономического союза.

До начала 2015 г. Секретариат ЕврАзЭС будет продолжать функционировать, потом организация полностью прекратит свое существование. В ЕврАзЭС создана масштабная договорно-правовая база (215 соглашений) многостороннего торгово-экономического сотрудничества, обеспечившая фундамент для развития евразийской интеграции. Значительная часть функций Сообщества уже передана Евразийскому экономическому союзу, многие документы были переоформлены.

«В тех сферах, которые не попадают под регулирование ЕАЭС (социально-гуманитарное, межрегиональное сотрудничество, отраслевое взаимодействие), реализация ранее заключенных международных договоров и принятых межгосударственных целевых программ продолжится на межгосударственном уровне», — пояснил Юрий Ушаков, помощник президента РФ. Россия рассматривает дальнейшее развитие евразийской интеграции как стимул к экономическому росту и компенсацию издержек от санкций Запада.

«Сегодня СНГ — завтра Евразийский Союз?» — это заголовок колонки редактора в № 4 за 2010 г. Извините, дорогие читатели, ваш главред более 4 лет назад несколько ошибся. Евразийский Союз возник не вместо СНГ, а вместо ЕврАзЭС. Пока так.

Но уже присоединение Армении к Договору об учреждении Евразийского экономического союза красноречиво свидетельствует, что и другие страны Содружества начинают подниматься на другой, более высокий уровень евразийской интеграции. Главы государств нового интеграционного образования подписали в Минске договор о присоединении Армении к договору о Евразийском экономическом союзе. Нурсултан Назарбаев выразил надежду на то, что и Киргизия вступит в Евразийский экономический союз до 2015 г.

Не будем забывать, как ЕврАзЭС, так и ЕАЭС родились в недрах СНГ, что уже само по себе не дает нам право умалять историческое значение Содружества.

Напомним, Соглашение о создании СНГ было подписано Россией, Белоруссией и Украиной 8 декабря 1991 г. Однако полноценного союза не получилось. Грузия стала членом СНГ в 1993 г., но вышла из его состава в августе 2009 г., через год после вооруженного конфликта с Россией. Устав СНГ не подписан Украиной и Туркменистаном, они считаются не государствами — членами, а государствами — участниками Содружества.

В общем, путь, пройденный СНГ, был чрезвычайно сложным и противоречивым, а временами и драматичным. Его зигзагообразность объясняется самой логикой борьбы центробежных и центростремительных тенденций при становлении государственности на постсоветском пространстве. Этим в значительной степени обусловлено затянувшееся объединение стран СНГ в соответствии с объявленными целями и задачами. Сейчас Содружество объединяет Россию, Азербайджан, Армению, Белоруссию, Казахстан, Киргизию, Молдавию, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Украину.

Участники последнего саммита лидеров Содружества, состоявшегося 10 сентября в Минске, единодушны в своих оценках: СНГ — это важный и полезный формат, но его потенциал используется не полностью. «Нужно придать новое дыхание нашей организации, и к 25-летию, которое будет отмечаться в 2016 г., разработать новую концепцию работы», — предложил будущий председатель СНГ президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Лидер Узбекистана Ислам Каримов напомнил, что даже те страны, которые в свое время вышли из содружества — например, Грузия — теперь жалеют о содеянном. «Площадку СНГ пока ничто не может заменить, и те, кто от нее отказывается, вредят сами себе», — поддержал глава Киргизии Алмазбек Атамбаев.

«Слухи о преждевременной смерти СНГ...» (это тоже заголовок колонки редактора в № 10 за 2009 г.) действительно в очередной раз оказались сильно преувеличенными.

Перед минским саммитом Киев открыто признался в том, что передумал покидать СНГ, хотя в марте обещал не только уйти, но еще и ввести визовый режим с Россией. 10 октября лидеры Содружества осудили П. Порошенко за отсутствие на ежегодной встрече, признав, что, в отличие от западных политиков, они еще не имели возможности лично познакомиться с главой украинского государства. Президент России заявил, что предвидит непростые переговоры с ЕС и Украиной относительно корректировки Соглашения об ассоциации. Он же обратился к Казахстану и Белоруссии с предложением выступить здесь с единой позицией.

Спустя почти 10 лет после создания СНГ, в октябре 2000 г. было образовано Евразийское экономическое сообщество. В нем объединились 5 из 11 государств — членов Содружества. За 14 лет существования этого объединения почувствовали себя свободными от обязательств двое членов — Киргизия и Таджикистан.

К подписанию договора ЕАЭС стороны шли несколько лет. Белоруссия, Казахстан и Россия 18 ноября 2011 г. подписали Декларацию о евразийской экономической интеграции — своего рода «дорожную карту» интеграционного процесса, конечной целью которого провозглашается создание Евразийского экономического союза.

Документ, фиксирующий договоренности России, Белоруссии и Казахстана о переходе к следующей после Таможенного союза и Единого экономического простран-

ства стадии взаимодействия был, подписан президентами России, Белоруссии и Казахстана 29 мая текущего года.

3 октября этого года президент России В. Путин подписал закон о ратификации Договора о Евразийском экономическом союзе. Законы о ратификации договора о Евразийском экономическом союзе приняты также в Белоруссии и Казахстане.

Договор состоит из двух частей. В первой изложены цели и задачи евразийского объединения и предусмотрен статус ЕАЭС как международной организации. Во второй части установлены условия экономического сотрудничества и обязательства по интеграции.

Президенты России, Белоруссии и Казахстана дали поручение Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) совместно с правительствами трех стран разработать предложения по подходам к развитию экономического сотрудничества с ключевыми торговыми партнерами ЕАЭС.

Евразийский экономический союз будет налаживать связи с другими интеграционными структурами в Европе и Азии. Такое взаимодействие поможет обеспечить устойчивость глобальной экономики.

После вступления в ЕАЭС Армении и Киргизии следующим государством — членом организации может стать Вьетнам, считает Татьяна Валова, министр ЕЭК по основным направлениям интеграции и макроэкономике. «„Дорожная карта“ уже обсуждается. Правда, формат присоединения все же будет отличаться. Скорее всего, Вьетнам сможет подписать договор с Россией о зоне свободной торговли», — поясняет Т. Валова. «Когда образовывался Евросоюз, важно было иметь общие границы для перевозки угля и стали, а сейчас, в век высоких технологий и виртуальных финансовых потоков, наличие общих границ, в том числе между Россией и Вьетнамом, уже не принципиально», — говорит Т. Валова.

Кстати, такой же подход применим и к Приднестровской Молдавской республике. Меньше года назад глава приднестровского государства Евгений Шевчук объявил евразийскую интеграцию национальной идеей Приднестровья: «Евразийский вектор развития — это выбор приднестровцев, это решение нашего народа» (интервью с Е. В. Шевчуком читайте в № 7 (74, 2014) нашего журнала).

«Нас воспринимают в Приднестровье как посланцев России и российского президента. Это самая важная оценка большой работы, которую РФ проводит по защите своих соотечественников, по защите и обустройству русского мира», — заявил заместитель председателя Правительства РФ, спецпредставитель Президента РФ по Приднестровью Дмитрий Рогозин при открытии недавно музейной экспозиции «Приднестровье — русский рубеж!» в Тирасполе.

О концепции «Евразийского региона „Приднестровье“» читайте в следующем материале данного номера.

Говоря о Евразийском экономическом союзе, В. Путин отметил, что курс на тесную интеграцию стран в этом случае пользуется широкой поддержкой общества. Он сослался на данные опросов, которые проводил Евразийский банк развития. «Деятельность Таможенного союза положительно оценивают 79% граждан РФ, 68% граждан Белоруссии и 84% граждан Казахстана», — добавил президент. Он призвал не терять ничего из богатейшего наследия ЕАЭС.

По официальной версии, евразийский интеграционный проект успешно развивается. За последние три года взаимный товарооборот вырос на 50%, до \$64 млрд. как следует из расчетов Евразийской экономической комиссии.

Мнения экспертов и чиновников относительно перспектив Евразийского союза умеренно оптимистические. «Интеграционные процессы на постсоветском пространстве сейчас будут активизированы, и причина этому — санкции западных стран против России. Санкции — стимул к гармонизации и углублению горизонтальных связей», — говорит Анастасия Степанова, эксперт «International Institute for Applied Systems Analysis». По мнению С. Глазьева, санкции Запада — это однозначно стимул для Евразийского союза.

В Минске Владимир Путин призвал участников саммита обратить внимание на развитие экономического взаимодействия: «Мы никогда не были противниками сближения с ЕС и сами готовы сближаться. Вопрос в условиях нашего сотрудничества. Проблемы создаются не в связи с ответными или защитными мерами, а в связи с тем, что наши партнеры не считают нужным своевременно, открыто и профессионально обсуждать все риски, которые возникают для российской экономики и для других стран СНГ в связи с присоединением к другим торгово-экономическим объединениям». Таким образом В. Путин прокомментировал заявление президента Молдавии Н. Тимофти, который пожаловался на то, что его страна была практически вытеснена из зоны свободной торговли СНГ после того, как Россия ввела ограничения на экспорт молдавской продукции. Путин предложил Кишиневу урегулировать эти вопросы до конца 2015 г. по аналогии с договоренностями, достигнутыми между Россией, Евросоюзом и Украиной.

Президент Белоруссии Александр Лукашенко заявил: «Мы не рассматриваем себя в отрыве от России. В случае если мы будем вместе противостоять всяким угрозам, мы способны выстоять, основой отношений является экономика. Если мы будем нормально продвигаться в торгово-экономической сфере, то никакие бури и ураганы нам не страшны».

Вступление в силу договора о ЕАЭС позволит развить торгово-экономические отношения государств-союзников, усилить их роль в мировой экономике. Завершается формирование крупнейшего на территории СНГ общего рынка, который объединит 170 млн человек и станет новым центром экономического развития.

Таким образом, в условиях глобального кризиса и санкционных войн на первые роли выходит новое экономическое интеграционное образование — Евразийский экономический союз.

Инсур Фархутдинов,
доктор юридических наук,
главный редактор
«Евразийского
юридического журнала»

Степанов В. П.
ПГУ – ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩИЙ ВУЗ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Наш собеседник – Степанов Вячеслав Петрович, ректор Приднестровского государственного университета имени Т. Г. Шевченко, доктор исторических наук, профессор.

Stepanov V. P
PSU – CONSTITUENT UNIVERSITY OF TRANSNISTRIAN REPUBLIC

Our interlocutor is Stepanov Vyacheslav Petrovich, rector of Taras Shevchenko Pridnestrovian State University, Doctor of Law, Professor.

Степанов В. П.

Визитная карточка:

Степанов Вячеслав Петрович родился 28 октября 1969 г. (г. Кишинев, Молдавской ССР) в семье служащих. В 1987 г. поступил в Государственный педагогический университет имени И. Крянгэ на факультет истории и этнопедагогики. После завершения первого курса был призван в ряды Вооруженных Сил СССР. Демобилизовавшись, продолжил учебу в этом же вузе.

Будучи студентом четвертого курса, работал лаборантом в Институте национальных меньшинств Академии наук Молдовы.

После окончания вуза в 1993 г. поступил в аспирантуру Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Рылъского НАН Украины. В начале 1997 г. получил степень кандидата исторических наук.

В последующем продолжил работу в Академии наук Республики Молдова, пройдя путь от ученого секретаря Института межэтнических исследований до директора Центра этнологии.

В 2008 г. присуждена ученая степень доктора исторических наук. Профессор-исследователь.

С 2002 г. работает в Приднестровском государственном университете имени Т. Г. Шевченко. Возглавляет кафедру археологии, этнологии и вспомогательных исторических дисциплин. Последние три года работал проректором по научной работе.

Автор свыше 150 научных работ, затрагивающих проблемы истории и культуры восточнославянского населения Пруто-Днестровского междуречья и Левобережного Поднестровья, современных межэтнических и этносоциальных процессов, этноконфликтологии. Среди них 12 монографий: «Труды по этнографии народов Бессарабии XIX — начала XX вв.», Кишинэу: «Pontos», 2001, 263 с.; «И... разошлись славяне по земле», Кишинев: «Бизнес-элитя», 2002, 240 с. (соавторы: Н. П. Тельнов, Н. Д. Руссов, Р. А. Рабинович); «Грани идентичностей (этно-гражданские процессы в среде национальных меньшинств Республики Молдова) на примере украинского населения (1989–2009)», Тирасполь: «Business-Elita», 2007, 596 с.; «Поиск тропы согласия. Этногосударственные реалии в Республике Молдова (1989–2009 гг.)», Gertany: LAP LAMPERT GmbH & Co. KG Saarbrücken, 2012, 467 с. и др.

Главный редактор журнала «Вестник ПГУ», заместитель главного редактора научного журнала «Общественная мысль Приднестровья», член редакционной коллегии научного журнала «Etnografia Polska» (Академии наук Польши).

За время трудовой деятельности был награжден государственными наградами Республики Южная Осетия — «В ознаменование 20-летия Республики Южная Осетия»; Приднестровской Молдавской Республики — медаль «За отличие в труде».

11 июля 2014 г. Президентом Приднестровской Молдавской Республики назначен и.о. ректора Приднестровского госуниверситета.

— **Уважаемый Вячеслав Петрович, президент Приднестровской Молдавской Республики Евгений Васильевич Шевчук в своем интервью нашему ежемесячному периодическому изданию («Евразийский юридический журнал» № 7 (74)) четко и недвусмысленно заявил о том, что «СИЛЬНАЯ РОССИЯ — ЗАЛОГ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ». Как Вы, не только как ректор ведущего вуза ПМР, но, если выразиться одним верным словом, патриот, оцениваете эти основополагающие принципы обустройства жизни сегодняшней и завтрашней Приднестровской республики?**

— Приднестровскую республику сегодня можно рассматривать как продолжательницу славной исторической традиции построения собственной государственности в условиях оторванности от нашей исторической Родины, России. И, конечно, университет, как центр духовности, в ее судьбе имеет очень важное значение.

Конечно же, каждый приднестровец понимает и ощущает на себе, что его судьба многими невидимыми тончайшими нитями неразрывно связана с Россией, нашей единственной исторической Родиной.

Приднестровская земля во все века была и остается частью очень важного в геополитическом отношении региона Евразии.

Здесь издавна сталкивались и контактировали оседлые земледельцы и кочевые цивилизации Великой степи, восточнославянский мир православия и западнославянская католическая культура, мир христианства и мир ислама, германо-романское пространство и пространство славянское. На протяжении веков и тысячелетий ни о какой стабильности на этих землях не было и речи. Могущественные державы боролись за эти территории. Приднестровье было частью Киевской Руси, Галицко-Волынской Руси, Русско-Литовского государства, Польши, Крымского ханства, Османской империи, Речи Посполитой. Раздоры, войны и конфликты не прекращались здесь десятилетиями и столетиями.

Во все исторические эпохи Приднестровье продолжало нести особую миссию, выполняя значение форпоста Российской империи, а затем советского геополитического проекта. Достаточно вспомнить 1924 год, когда на территории Приднестровья в составе УССР была создана Молдавская Советская Социалистическая Автономия, а уже в 1940 г. свершилось объединение Бессарабии и Молдавской АССР. По сути, Бессарабия была присоединена к Приднестровью. По результату объединения родилась Молдавская Советская Социалистическая Республика.

Геополитическое значение Приднестровья после распада страны СССР возрождается. Но в отличие от других стран россий-

ского ближнего зарубежья, добровольно ставших на путь колониальной подчиненности Западу и провозглашающих этот путь как успехи своей «национально-освободительной борьбы», ПМР полностью сохраняет свою экономическую и политическую самостоятельность, а главное — свою неколебимую верность России.

Приднестровье исторически представляет собой пограничное пространство культур и цивилизаций. На его территории живут представители восточно-романской, восточнославянской и тюркской языковых групп. В стране практически равновелико представлены русские, молдаване и украинцы, а с ними, конечно, в меньшем количестве проживают еще болгары, гагаузы, белорусы, немцы, евреи. Около 90% населения республики исповедуют православие.

В ПМР действуют три официальных языка: русский, молдавский и украинский, в соответствии с основным составом населения. Наиболее широкое распространение получил русский язык, которым владеет все население Приднестровья.

Почти четверть века борьбы за независимость продемонстрировали жизнестойкость и устойчивое устремление народов современного Приднестровья, нацеленное на независимость и вечный союз с Россией.

Сегодня нелегко нашей республике, продолжается пассивное сдерживание движения товаров со стороны Молдовы и Украины. Приднестровские производители, по сути, подвергаются двойному налогообложению, осуществляя выплаты и в бюджет Приднестровья, и в бюджет соседней Молдовы, чтобы иметь возможность реализовывать продукцию за пределы республики. Не просто обстоят дела и с признанием дипломов выпускников нашего вуза. В Молдове до недавнего времени дипломы наших студентов, намерившихся перейти в соседнюю республику, просто уничтожались, а их владельцы просили пересдать ряд предметов и выдавали дипломы вузов уже молдавского образца.

Сложная экономическая ситуация сказывается и на миграции населения, в том числе молодежи. В этом контексте наш университет выступает серьезным ресурсом сдерживания молодежных миграционных потоков.

Как уже отмечалось, Приднестровье — форпост России, но его будущее в немалой степени зависит от того, насколько серьезно будет осуществляться поддержка Россией экономики Приднестровья. Есть такая поговорка: «Свято место пусто не бывает». В Приднестровье уже давно и настойчиво стучатся западные всевозможные эмиссары и структуры гражданских инициатив, предлагающие средства и устойчивое финансирование. Но мы-то понимаем, к чему это приведет!

— **Евгений Васильевич Шевчук, президент ПМР, в своем интервью читателям «Евразийского юридического журнала» (№ 7 (74), 2014) сообщил: «Евразийский вектор развития — это выбор всех приднестровцев, это решение нашего народа».**

— Что касается второго государственного принципа нашего президента Е. В. Шевчука, заявившего и возглавляемому Вами журналу, что «евразийский вектор развития — это выбор приднестровцев, это решение нашего народа», то и тут у нас, граждан Приднестровской республики, никаких сомнений нет. Идея евразийской интеграции Приднестровья полностью подкреплена волей народа, обозначенной в ходе референдума 17 сентября 2006 г. Вся логика исторического развития государства, начиная с момента образования республики и до наших дней, говорит о том, что Приднестровье является неотъемлемой частью евразийского цивилизационного пространства вместе с Россией, Беларуссией, Казахстаном и другими евразийскими государствами СНГ.

В прошлые годы бытовало мнение о том, что Приднестровью не следует полностью отказываться от европейских перспектив и что интересы выживания республики требуют лавировать между различными центрами силы, стараясь не навлечь на себя гнев Вашингтона и Брюсселя, Москвы и Киева. Однако такая политика привела к тому, что Приднестровье оказалось в изоляции, рискуя утратить даже своего естественного союзни-

ка — Россию. Поэтому безальтернативный разворот внешней политики в сторону Москвы, который произошел в начале 2012 г., был естественен по меньшей мере с точки зрения политической целесообразности. Но оформление этого курса в виде евразийской интеграции имеет под собой также экономическую подоплеку.

Меньше года назад глава приднестровского государства Е. В. Шевчук объявил евразийскую интеграцию национальной идеей Приднестровья и поручил внешнеполитическому ведомству республики «инициировать последовательную работу по включению Приднестровья в структуры Евразийского экономического сообщества, Таможенного союза и Единого экономического пространства с целью непосредственного участия Приднестровской Молдавской Республики в создании формирующегося Евразийского союза».

Задача не из легких — Приднестровье не имеет общих границ с государствами Таможенного союза, напротив, оно «зажато» между Молдовой и Украиной, странами, настойчиво артикулирующими свое стремление в Европейский союз. Более того, Приднестровье не имеет статуса признанного государства, и это, казалось бы, окончательно закрывает ему путь в структуры Таможенного союза, а значит, и на рынок Единого экономического пространства. Данные обстоятельства приднестровцев не смущают: в конце прошлого года евразийская идея была закреплена в Концепции внешней политики республики в качестве приоритета развития, одновременно в МИДе Приднестровья шла работа над «дорожной картой» интеграции. В феврале 2013 г. наше внешнеполитическое ведомство, возглавляемое Ниной Штански, вынесло на общественное обсуждение один из ее структурных элементов — концепцию Евразийского региона «Приднестровье». Реализация этого проекта, считают приднестровцы, должна обеспечить поэтапную экономическую интеграцию республики в формирующиеся евразийские структуры, а затем стать фактором признания международной правосубъектности государства.

Глава нашего государства Е. В. Шевчук, поздравляя президента Российской Федерации с днем рождения, совершенно верно отметил: «В Приднестровье признательны за ту неоценимую поддержку, которую Российская Федерация оказывает республике по самому широкому спектру направлений. Принятые руководством Российской Федерации решения об активизации взаимодействия и расширении программ помощи Приднестровью в различных сферах позволили обеспечить стабильность финансового сектора, начать реализацию масштабных социально-инфраструктурных проектов и внести существенный вклад в защиту прав и свобод российских граждан и соотечественников, проживающих в республике. Убежден, что те доверительные отношения, которые сложились между Приднестровьем и Россией, будут в дальнейшем лишь укрепляться и расширяться».

— **Уважаемый Вячеслав Петрович, пожалуйста, расскажите вкратце об истории возглавляемого Вами университета, как развиваете традиции прошлых десятилетий? Евгений Васильевич Шевчук, президент Приднестровской республики, сказал в своем поздравлении ПГУ 1 октября этого года: «Вуз действительно выступает одним из оплотов приднестровской государственности».**

— Мы высоко ценим эти слова нашего Президента. И сразу скажу, что стать государствообразующим вузом Приднестровья помогли в том числе и традиции, приобретенные и сохраненные из десятилетия в десятилетие в течении 84 лет.

Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко был старейшим учебным заведением в Советской Молдавии и таковым сегодня остается в Приднестровской Молдавской республике. Учрежден в 1930 г. В следующем году мы будем отмечать 85-ю годовщину со дня его основания. Конечно, есть вузы, которые гораздо старше. Но и у нашего университета за годы своего развития и роста выработался особый дух и стиль академизма, который всегда чувствуется

в университете, но при этом он особый, отличительный. Мы очень этим гордимся.

Конкретизирую, с Вашего позволения, историю ПГУ. Деятельность Приднестровского государственного университета началась в 1930 г., когда Постановлением Молдавского обкома КП(б)У и СНК МАССР на базе Молдавского педагогического техникума был учрежден Институт народного образования (ИНО) в г. Тирасполе. 1 октября 1930 г. директор Молдавского ИНО профессор А. Я. Бихман подписал приказ № 1, который определял структуру вуза. Первоначально в институте функционировали пять кафедр и три факультета: механико-математический, лингвистический и агробиологический (позже были открыты исторический и географический факультеты). В первом учебном году в ИНО обучались 123 студента, а вместе со слушателями подготовительных курсов их насчитывалось немногим более 200 человек. Преподавание велось на молдавском, украинском и русском языках. В 1933 г. ИНО был преобразован в Молдавский педагогический институт с четырехлетним сроком обучения. В марте 1939 г. в ознаменование 125-летия со дня рождения украинского поэта и художника Тараса Григорьевича Шевченко вузу присвоено его имя.

Сегодня мне часто задают вопрос: «Не мешает ли имя образа украинского национального возрождения курсу вуза на интеграцию с Россией?». Я всегда отвечаю, что каждое историческое время характеризуется своими образами и смыслами. Шевченко в советский период олицетворял как народный образ крепостного украинства, боровшийся с несправедливостью порядков своего времени. Позже, после распада советской системы, он становится символом возрождения украинской идеи. Одновременно Тарас Шевченко продолжает оставаться образцом яркой, неординарной, творческой личности, оставившей после себя большой пласт культурного наследия. Как многие великие люди, он разный. И я не сторонник переименовывать улицы и названия ведомств после дуновения очередного ветра перемен. Имя великого украинского поэта несколько не мешает нашему университету двигаться на сближение с российским образованием.

Возвращаясь к истории ПГУ, отмечу, что педагогический институт сыграл значительную роль в подготовке высококвалифицированных преподавательских кадров. К 1940 г. он выпустил более 700 учителей родного языка и литературы, математики, физики, химии, биологии, истории. Неоценимый вклад в развитие образования края внесли П. И. Кьюру, Н. А. Нарцов, И. В. Очинский, Л. А. Мадан, М. Я. Холостенко, А. Х. Похинин. В годы Великой Отечественной войны институт продолжил свою деятельность в эвакуации в г. Бузуруслане Оренбургской области. Из институтских аудиторий ушли на фронт многие преподаватели, сотрудники и студенты вуза. Среди павших за Родину — преподаватели И. Е. Борисюк, С. В. Василатий, студенты П. Ракул, И. Фрейдкин, А. Маньковский, И. Платон и др. После освобождения Молдавии вуз возвращается в Тирасполь и возобновляет работу согласно Постановлению СНК МССР от 24 июля 1944 г. «О восстановлении сети высших и средних специальных учебных заведений системы наркомпроса МССР», но уже как Учительский институт. Для подготовки молодежи к поступлению в вуз в октябре 1945 г. при институте создается рабочий факультет, который просуществовал до августа 1948 г. В соответствии с приказом Министерства высшего образования СССР от 28 ноября 1951 г. вуз был преобразован в Тираспольский государственный педагогический институт им. Т. Г. Шевченко (ТППИ), в состав которого вошли четыре факультета: филологический, физико-математический, естествознания и географический. С 1956 г. вуз начал подготовку учителей широкого профиля с пятилетним сроком обучения. В октябре 1960 г. институт отметил свое тридцатилетие. Были проведены теоретические и научно-практические конференции профессорско-преподавательского состава и студентов, посвященные юбилею вуза и столетию со дня рождения выдающегося земляка — ученого-химика, академика Н. Д. Зелинского. В 60-е годы ТППИ им. Т. Г. Шевченко становится круп-

ным региональным учебно-методическим и научным центром Молдавии. В институте ежегодно проводились практические конференции, в которых принимали участие учителя средних школ из городов и сел МССР. Открылся планетарий, работали агробиостанция, научные лаборатории, начали функционировать юношеская физико-математическая школа, научное общество студентов и учащихся, клуб путешественников. В 1970 г. за достигнутые успехи в подготовке и воспитании педагогических и научных кадров Тираспольский государственный педагогический институт им. Т. Г. Шевченко был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета МССР, в 1974 г. — занесен в Золотую Книгу Почета МССР, а в 1980 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом «Знак Почета». Институт по праву гордился своими выпускниками, в числе которых молдавские государственные и общественные деятели К. Ф. Ильяшенко, А. Н. Крачун, Е. С. Постовой, Л. Ф. Кулюк, известные ученые Я. С. Гросул, А. М. Лазарев, М. М. Радул, М. Ф. Ярошенко, И. Д. Чобану, писатели и поэты Ф. М. Пономарь, Н. П. Кабак, М. Ф. Опря, С. Е. Моспан. За советский период старейшим вузом Приднестровья было подготовлено свыше 20 тыс. учителей по различным специальностям. На 1 января 1990 г. в штате института состояли пять докторов наук и 163 кандидата наук. На пяти факультетах (физико-математическом, филологическом, географическом, биолого-химическом, педагогическом) по 11 специальностям обучались 5,5 тыс. студентов очного и заочного отделений. В конце 80-х годов начался распад великой державы — СССР. Дезинтеграционные процессы особенно активно проходили в Молдавии. Чтобы противостоять стремительно прогрессирующим деструктивным явлениям во всех сферах жизни, и в частности в научно-образовательном пространстве, приднестровцы создали свою собственную республику. Одним из первых шагов молодой Приднестровской Молдавской Республики стало открытие университета. В сентябре 1990 г. Постановлением Временного Верховного Совета ПМССР в Тирасполе был учрежден государственно-корпоративный университет (ТПКУ) с целью подготовки квалифицированных кадров как для народного образования, так и для различных отраслей народного хозяйства Приднестровья. Учредителями ТПКУ стали Ассоциация местных Советов народных депутатов и предприятий Приднестровского региона, Всероссийский фонд образования. 25 декабря 1990 г. начались учебные занятия на четырех факультетах ТПКУ (историко-юридическом, экономическом, физико-техническом и технологическом, аграрно-экологическом). Важно отметить, что в университете начали работать известные ученые, представители научно-педагогической интеллигенции, вынужденные прервать преподавательскую деятельность в вузах Молдовы. 25 июня 1992 г. после драматических событий в Бендерах и Дубоссарах, в разгар агрессии, развернутой националистами Молдовы против народа Приднестровья, руководство ПМР приняло решение о слиянии двух вузов — Тираспольского государственного педагогического института им. Т. Г. Шевченко и Тираспольского государственно-корпоративного университета Приднестровского региона. На их базе был создан Приднестровский государственно-корпоративный университет им. Т. Г. Шевченко. В связи с 200-летием со дня основания г. Тирасполя в октябре 1992 г. ТПКУ им. Т. Г. Шевченко награжден медалью «Трудовая доблесть». В июне 1997 г. в связи с изменением статуса вуз переименован в Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко.

Заручившись деятельной поддержкой Московского государственного университета, в 1999 г. ПГУ стал полноправным членом Евразийской ассоциации классических университетов.

— И теперь предлагаю, уважаемый ректор, плавно перейти к современному состоянию Приднестровского государственного университета. Чем, как говорится, живет и дышит главное, абсолютно согласен с общей оценкой, государствообразующее высшее учебное заведение ПМР? Как вы оцениваете нынешнее положение Приднестровского государственного университета на образовательном про-

странстве СНГ? В каком направлении вуз будет двигаться дальше?

— Сегодня Приднестровский университет — крупнейшее государственное предприятие Приднестровья. В нем обучается свыше 13 тыс. студентов, работает свыше 1800 сотрудников, из которых 800 — преподаватели вуза.

Вуз сейчас находится на новой ступени развития — происходит формирование образовательной системы в рамках Болонской системы, на которую перешла сегодня и Россия. Мы работаем в системе российских образовательных стандартов, потому что отставать от них категорически не вправе. В этом учебном году мы ожидаем уже третью комиссию по аттестации и аккредитации из России. Все прежние аттестации были очень положительными. Сейчас только закончилась проверка университета нашим Министерством просвещения. Стараемся соответствовать всем требованиям Высшей школы благодаря неустанному труду нашего преподавательско-профессорского состава.

Мы работаем над созданием Университета-комплекса, сочетающего в себе направления средне-специального и высшего профессионального образования, что позволит сформировать качественно новый подход к подготовке равноуровневых специалистов в рамках одного научно-образовательного учреждения. Например, сейчас идет работа над улучшением аграрного образования республики. Обсуждается вопрос создания крупной агрономической площадки в ПГУ путем слияния аграрно-технологического факультета и ряда приднестровских колледжей.

Такой подход будет препятствовать оттоку молодежи за пределы республики, усилит подготовку специалистов среднего-специального образования за счет профессоров и доцентов, которые будут привлекаться к чтению лекций, в том числе в отдельных колледжах, которые перейдут в систему ПГУ им. Т. Г. Шевченко.

— Существует мнение, что Приднестровский госуниверситет — один из главных оплотов приднестровской не только образовательной, но и научной мысли. Так ли это?

— Безусловно. Образование и наука неразрывно связаны друг с другом, не могут развиваться друг без друга. Совсем недавно, 1 октября, университет отметил 84-ю годовщину со дня основания. В приветственном адресе учредителя вуза — Президента Евгения Васильевича Шевчука прозвучали такие слова: «С момента образования Приднестровский государственный университет прошел долгий и славный путь и сегодня по праву считается ведущим учебным и научным центром Приднестровской Молдавской Республики. Задавая, стимулируя и поддерживая самые высокие стандарты образования, вуз достойно выполняет свое благородное предназначение по подготовке высококвалифицированных специалистов в различных областях». Вуз действительно выступает одним из оплотов приднестровской государственности. Помимо того, что это кузница кадров, это мощный идеологический механизм, способствующий формированию устойчивого регионального самосознания приднестровцев. Это надежная важная дипломатическая площадка. Это ПГУ!

Современная высшая школа немыслима без серьезной научной составляющей, особенно это касается такого учебного заведения республиканского статуса, как ПГУ — уникального научного центра, работающего по российским образовательным стандартам и обслуживающего не только Приднестровье, но и русскокультурное население Украины и Молдовы.

Так вышло, что одним из механизмов, повлиявших на изменение сложившейся в Молдове и Украине языковой картины, стали события после распада великой страны. Начались движения так называемых народных фронтов и маргинальных слоев. В немалой степени изменение языковых ценностей и угроза румынизации общества повлияли на начало военных действий на Днестре в далеком 92-м. Сегодня Приднестровский университет, по сути, становится единственным научно-образовательным центром, обеспечивающим потребности русскокультурного населения не только Приднестровья, но и сопредельных стран — Республики Молдова и Украины.

Мы всячески идем навстречу чаяниям и интересам наших соседей, тех людей, кто заинтересован в сотрудничестве и получении образования на языке великого Пушкина. Так, в этом году мы взяли на бюджет десять ребят из восточных областей Украины. Некоторые из них из-за бомбежек даже не успели получить аттестаты. Мы провели экзамены и собеседования с ними, и сегодня они наши студенты. Мы уже взяли на работу ряд наших коллег из Украины, в связи с тем что русскокультурное население соседней страны испытывает серьезный прессинг со стороны украинских национал-радикалов.

После кровопролитных событий 1992 г. Приднестровье испытало на себе ряд миграционных потоков русскокультурных специалистов из Кишинева. Во время визита к коллегам в братскую Абхазию мне довелось услышать слова ректора Абхазского государственного университета Алеко Гварамия: «Трудно себе представить, чтобы в Абхазский университет приехал хоть бы один профессор из Тбилиси, а вот в Тирасполь из Кишинева ездит свыше восьмидесяти доцентов и профессоров». И это правда.

Мы активно привлекаем на свою научную площадку специалистов из сопредельных стран.

ПГУ традиционно выступает местом для проведения разного рода научных форумов, сосредотачивающих усилия педагогов, ученых, экспертов, аналитиков, политиков для исследования актуальных проблем прошлого и современности. Только за последние несколько лет прошли крупные научные форумы с участием специалистов из России, Украины, Молдовы, других государств, такие как: «Северная война и Приднестровье: история и современность» (2010 г.); «Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX — начало XXI вв.)» (2011 г.). Уже стали традиционными международные научно-практические конференции «Склифосовские чтения»; «Михайло-Архангельские чтения» и др. В среднем в вузе в течение учебного года проходит свыше 60 научных конференций, круглых столов, семинаров. Добрая половина из них носит международный характер.

Считаю важным отметить, что в сложных социально-политических условиях, связанных с непризнанностью республики, мы создали 32 научно-исследовательских лаборатории, которые занимаются фундаментальными и научно-прикладными исследованиями, а это немаленькая цифра. Особо отрадны, что некоторые разрабатываемые направления в области нанотехнологий, теоретической физики, медицины, истории получили широкий резонанс и признание не только на постсоветском пространстве, но и за рубежом.

Приднестровье, несмотря на серьезный промышленный потенциал, все же относится к республикам аграрного сектора, в связи с чем вуз уделяет серьезное внимание сельскохозяйственным наукам. Результаты НИИ биологических исследований под руководством В. Ф. Хлебникова оказались весьма интересными и многогранными. Так, в рамках исследований был создан уникальный банк мутантов овощного перца. Он включает в себя около 270 форм. Это позволило создать принципиально новый сорт в мировой практике. Плоды нового сорта пригодны для изготовления нового диетического продукта «чипсы перечные». Исследования в этой области уже заинтересовали многих зарубежных производителей. В другом направлении совместно с российскими коллегами был изобретен новый экологически чистый препарат для сельскохозяйственных культур, который повышает скороспелость, качество и урожайность растений.

Серьезных результатов добились приднестровские археологи, которые вместе с коллегами из Санкт-Петербургского Отдела палеолита ИИМК РАН во главе с доктором исторических наук Н. К. Анисюткиным установили древнейшие палеолитические стоянки древнего человека, которые датируются миллионом лет. Это открытие интересно в контексте аналогичных результатов, полученных в ряде стран Европы. В музее археологии университета хранится одна из уникальных, как подчеркивает руководитель НИЛ «Археология» Н. П. Тельнов, коллекций скифской культуры.

В университете сложились серьезные научные школы, назову лишь несколько. На естественно-географическом факультете имеется школа физиологии стресса под руководством профессора В. А. Шептицкого. Широко известны школы нашего физмата, которые возглавляют профессора Э. А. Сенокосов (физика полупроводников), Э. П. Синявский, С. И. Берил (теоретическая физика) и П. И. Хаджи (теоретическая физика). На филологическом факультете функционирует научная школа под руководством профессора Е. А. Погорелой.

Ряд наших школ возглавляют специалисты из различных научных и образовательных центров России. Так, в Институте истории и государственности сложилась научная школа по отечественной истории под руководством профессора В. Я. Гросула, главного научного сотрудника Института истории РАН. Другой аналогичный пример — академик Национальной академии наук Армении доктор технических наук, профессор МФТИ В. К. Сарьян. И это лишь несколько примеров.

Активно развивается и студенческая наука. Сегодня у нас работает около 100 научных кружков, которые посещает более 1300 человек. В качестве примера могу привести работу политологического кружка под руководством профессора И. Н. Галинского. Результат налицо — весь действующий аппарат МИДа во главе с министром — наши выпускники и в прошлом члены этого научного кружка.

Необходимо также подчеркнуть, что все эти показатели — плод в немалой степени энтузиазма моих коллег. Политически неопределенный статус республики и, по сути, продолжающееся экономическое давление со стороны Молдовы и Украины лишает вуз возможности полноценно развивать материально-техническую базу, на должном уровне поддерживать развитие социальной сферы. Надо найти разумные пути решения накопившихся здесь вопросов.

— **Уважаемый Вячеслав Петрович, в каком русле сейчас развивается сотрудничество возглавляемого Вами университета с Россией?**

— Наш вуз расположен в зоне неразрешенного международного конфликта, между Республикой Молдова и Приднестровьем. Последнее время очень непростая ситуация складывается в соседней Одессе, власти которой отгородились от Приднестровья выкопанным рвом трехметровой глубины... Это разве разумно?

Тесное сотрудничество с РФ стало хорошей традицией, в том числе в сфере подготовки специалистов высшей квалификации. Речь идет о создании условий по обучению и защите наших молодых преподавателей в вузах и научных организациях России. Отрадно отметить, что в прошлом году в советах по защите ведущих российских вузов было защищено двадцать кандидатских и одна докторская диссертация.

Университет активно сотрудничает с российскими образовательными учреждениями. Например, наши студенты одновременно с учебой в ПГУ заочно получают второе высшее образование в некоторых российских вузах, таких как РГГУ, Брянский технический университет, с которыми мы работаем по совместным образовательным программам.

С другими вузами и научными центрами России мы работали и реализуем совместные широкомасштабные проекты в области науки и образования. В качестве примера можно привести Воронежский государственный университет. С ним каждое образовательное подразделение нашего вуза (институт, факультет) составили подробные «дорожные карты», охватывающие вопросы обмена студентами и преподавателями, защиты диссертаций. Совсем недавно в Воронежском государственном университете была защищена диссертация нашего социолога Наталии Грошовой, на стадии доработки работа Виктории Негруль.

Стало доброй традицией принимать в Приднестровье лекторов из российских вузов — МГУ имени М. Ломоносова, Шолоховского университета. Широкую поддержку в предоставлении услуг ведущих специалистов в области истории и политологии нам предоставляет Днестровско-Прутский ин-

формационно-аналитический центр Российского института стратегических исследований, офис которого расположен непосредственно в нашем вузе.

— **Автономная некоммерческая организация «Евразийская интеграция» в развитии Приднестровской Молдавской Республики играет особую роль. В чем она выражается относительно ПГУ?**

— Да, нельзя не отметить участие в жизни ПГУ АНО «Евразийская интеграция». Достаточно привести цифры. В 2013 г. в рамках благотворительной помощи РФ АНО «Евразийская интеграция» отремонтировала 19 помещений, закупила и ввела в эксплуатацию 281 единицу вычислительной техники, в том числе мощный 4-терабайтный сервер. В аудиториях нашего вуза установлено 216 единиц оргтехники и почти 2 тыс. единиц различного технического оборудования. Сейчас активно строится новое здание медицинского факультета. Это значительно улучшит качество подготовки специалистов за счет нового оборудования, которое РФ безвозмездно предоставит нашему вузу. С коллегами из «Евразийской интеграции» мы надеемся и дальше плодотворно сотрудничать.

— **Как вы оцениваете возможность создания на базе ПГУ Российско-приднестровского вуза?**

— Сразу оговорюсь, эта задача требует принятия политического решения приднестровской и российской сторонами. Для нас это — программа-максимум — очень серьезная и масштабная вершина, над достижением которой университет должен работать в тесном сотрудничестве с органами государственной власти Приднестровской республики. Это будет способствовать значительному качественному улучшению материально-технической базы университета, ведь говорить о развитии вуза без серьезного финансирования — наивно. Но сразу отмечу, это весьма сложный процесс в контексте нерешенного статуса Приднестровья, которое добивается права быть независимым государством.

— **Этим летом между ПГУ и «Сколково» был заключен договор о сотрудничестве. Чего вы ожидаете в этом направлении?**

— Факт подписания соглашения между Технопарками «Сколково» и ПГУ мы считаем особо ярким показателем интереса к наработкам приднестровской науки. Это высокий уровень доверия, который мы постараемся всеми своими силами оправдать. Да, у нас разные «весовые категории», но наука не имеет границ. Сейчас мы активно разрабатываем возможные варианты и направления сотрудничества, проводим онлайн-совещания и ждем визита российских коллег для обсуждения деталей при отборе соответствующего проекта.

— **А как обстоит дело со студенческой жизнью в ПГУ? Что нового могут ожидать студенты?**

— Студенты нашего вуза — люди активные, живущие яркой, насыщенной жизнью. В Культурно-просветительском центре им. святых Кирилла и Мефодия, который объединяет различные творческие коллективы, постоянно проходят мероприятия культурного и развлекательного характера. Широко известна студенческая команда КВН «Оранжевое настроение», в том числе и за пределами республики: заняла первое место в престижном конкурсе студенческого юмора в Париже. В этом году мы планируем открыть студенческий театр. Работа уже начата, выделена аудитория, закуплен необходимый реквизит. Думаю, к весне мы сможем пригласить желающих на премьеру.

— **Не можем пройти мимо вопроса о патриотическом воспитании студенческой молодежи...**

— Мы внушаем своим студентам, что Приднестровье является не просто частью Русского мира, не просто «малой землей» исторической России, а фактическим современным российским эксклавом по всем основаниям — цивилизационным, духовным, историческим, военным, стратегическим, экономическим, политическим, социальным, образовательным, культурным. И наши студенты, настоящие патриоты Приднестровской республики, такого же твердого мнения о нашей стране.

— **Уделяет ли вуз внимание бытовой стороне студенческой жизни?**

— Конечно, мы не забываем, что студенты — не самая материально обеспеченная категория граждан. В условиях финансового дефицита мы стараемся поддержать учащуюся молодежь, предоставляя места в общежитиях. Работают буфеты и столовая, где можно вкусно поесть по доступным ценам и приобрести свежую выпечку. Мы планируем расширить ассортимент «здорового студенческого меню». Сейчас ведется активная работа по восстановлению и улучшению оздоровительного лагеря «Сэнэтатя», расположенного на берегу Днестра.

Не забываем и о физическом развитии студентов. Активно работает спортклуб «Рекорд». С начала этого учебного года введены занятия по физкультуре, которые проходят в форме секций, что позволяет студенту сделать выбор с учетом собственных предпочтений. Кроме того, один из корпусов университетского городка полностью отдан под студенческую поликлинику.

— 10 октября текущего года в Тирасполе, столице ПМР, прошла международная научно-практическая конференция «Молдавская АССР: 90 лет первой республике на Днестре». Организатором мероприятия выступил ПГУ имени Т. Г. Шевченко...

— Да, наш университет выступил ее организатором. В конференции приняли участие руководство университета, а также учёные и эксперты из Приднестровья и Молдовы. Внешнеполитическое ведомство представил заместитель министра иностранных дел ПМР Игорь Шорников. Было озвучено приветственное слово Президента ПМР в адрес участников мероприятия. В нём, в частности, говорилось: «Создание МАССР имеет огромное значение для современного Приднестровья. Именно с этого момента начинается отсчёт строительства на Днестре полноценной государственности. На рубеже 80–90-х годов прошлого века в момент, когда приднестровцам приходилось бороться за сохранение своего человеческого достоинства и гражданских прав, память о молдавской автономии со столицей в Тирасполе позволила нащупать верный путь. Приднестровцы отстаивали право самостоятельно решать свою судьбу и быть хозяевами своего будущего. Продолжая традиции старших поколений, Приднестровье уверенно идёт по пути независимости, строя стабильное и сильное государство». С приветственным словом также выступила почетная гостья конференции, ровесница МАССР и выпускница первого выпуска ПГУ им. Т. Г. Шевченко, доктор исторических наук Лукерья Репида.

— Уважаемый Вячеслав Петрович, нашу содержательную беседу хотелось бы завершить темой евразийских судеб Приднестровской республики. Чтобы Вы хотели еще добавить к сказанному в этой сфере?

— 26 апреля текущего года в Тирасполе состоялась международная конференция «Приднестровье на пути к евразийской интеграции: цели, задачи, направления сотрудничества».

В ходе работы конференции активно обсуждалась концепция «Евразийского региона „Приднестровье“», призванного стать инструментом экономической интеграции Приднестровья в пространство Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана. Заместитель директора Российского института стратегических исследований Тамара Гузенкова, затронув в своем докладе особенности современного регионального сотрудничества, согласилась, что географический фактор в евразийских интеграционных процессах может быть вторичным, а значит, у Приднестровья есть реальные евразийские перспективы. В поддержку данного тезиса в своем выступлении также высказался представитель РИСИ Василий Каширин. «В России среди политиков и в экспертном сообществе все чаще звучит мнение о безальтернативности участия Приднестровья в интеграционных процессах на пространстве Евразии», — заявил докладчик.

Глава внешнеполитического ведомства Приднестровья Нина Штански, кстати, выпускница юридического факультета ПГУ, выступая на форуме, высказала мнение о способности евразийской интеграции разрешить ключевые проблемы Приднестровья, и отметила высокую степень общественной поддержки курса республики. «За прошедший год мы не встрети-

ли в нашем обществе оппозиции идее евразийской интеграции Приднестровья», — подчеркнула Министр иностранных дел Приднестровской республики.

— На саммите литеров государств СНГ, прошедшем 10 октября с.г. в Минске, год 2015-й в рамках СНГ был единогласно провозглашен «Годом образования», а Воронеж и таджикский Куляб стали первыми участниками нового гуманитарного проекта «Культурные столицы Содружества»...

— Очень интересная информация для нашего ПГУ. Постараемся в той или иной форме принимать участие в этом интересном проекте. Мы ставим перед собой задачу установить прямые контакты и с дальними странами СНГ, например, Казахстаном, Арменией, Кыргызстаном, и с другими. И были бы очень благодарны «Евразийскому юридическому журналу», если он поспособствует установлению тесных научных отношений с юридическими школами этих стран, но и из регионов России тоже.

— Уважаемый Вячеслав Петрович, что бы Вы хотели пожелать сотрудникам, авторам и читателям Евразийского юридического журнала?

— Возглавляемый Вами журнал выступает объединяющим все евразийские народы в лице юристов-ученых и юристов-практиков, да и всех заинтересованных лиц на территории бывшего Советского Союза фактором. Вы выполняете благородную миссию.

Ваше авторитетное ежемесячное издание во всем пространстве СНГ открывает заново для многих тысяч своих читателей наше родное Приднестровье, оказавшееся в результате неумелой политики изолированным от нашей России. Ваш журнал служит еще одним мостом, позволяющим жителям России и других стран СНГ больше узнать об актуальных и животрепещущих проблемах Приднестровья, нацеленного именно на евразийскую интеграцию.

Ваш журнал имеет прекрасный сайт и портал — громадные интернет-ресурсы с обширной информацией. Наши студенты и преподаватели видят высокую их посещаемость. Замечательно то, что на вашем сайте баннер «Евразийского Приднестровья» из ПМР. А на их сайте — ваш баннер. Это позволяет желающим мгновенно окунуться виртуально через ваш сайт в нашей республике. Спасибо, что ваш журнал очень активно способствует печатно и виртуально распространению информации о нашей республике и нашем университете.

В одном из предыдущих номеров «Евразийского юридического журнала» выступил с концептуальным интервью президент Приднестровской республики Евгений Васильевич Шевчук. В его словах, вынесенных в заголовок «СИЛЬНАЯ РОССИЯ — ЗАЛОГ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ», наше будущее, будущее наших детей, внуков, будущее всего Приднестровья!

От имени студентов и преподавателей ПГУ, всех приднестровцев, живущих в сложной обстановке, вдали от России, желаю народам Евразии мира и благополучия, а также умения его ценить.

Спасибо за содержательное интервью!

Беседу вел:
И. З. Фархутдинов,
доктор юридических наук,
главный редактор «Евразийского
юридического журнала»

Азанов Б. К.

**ДОГОВОР О ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ:
КОМПЛЕКСНЫЙ ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ (РАЗДЕЛ III. ОРГАНЫ СОЮЗА;
РАЗДЕЛ IV. БЮДЖЕТ СОЮЗА; ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ.
РАЗДЕЛ VI. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА)***

Статья является логическим продолжением серии аналитических статей, посвященных исследованию по выявлению юридических лазеек в Союзном договоре. Автором даются собственные комментарии к разделам и пунктам межгосударственного правового документа. Сформулировано определение термина «Евразийский функционер/Евразийский служащий». Приведены мнения зарубежных и отечественных ученых о природе наднациональных институтов. Разработано авторское толкование термина «Суд Евразийского экономического союза. Суд ЕАЭС/Конфедерации».

Ключевые слова: Союзная конституция, Евразийский экономический союз, ЕАЭС, Конфедеративное государство, Федерация, Союзное государство, Бюджет евразийского экономического союза, Органы союза, Суд Евразийского экономического союза, Международный служащий, экстратерриториальный, международная правосубъектность, внешнеполитическая деятельность Союза, гражданско-политический союз, коллегияльный глава Союза.

Азанов Б. К.

Azanov B. K.

**TREATY ON THE EURASIAN ECONOMIC UNION: A COMPREHENSIVE LEGAL ANALYSIS
(SECTION III. BODIES OF THE UNION; SECTION IV. BUDGET OF THE UNION; PART TWO. CUSTOMS UNION.
SECTION VI. FUNCTIONING OF THE CUSTOMS UNION)**

The paper is a logical continuation of a series of works devoted to the study of legal loopholes in the Union Treaty. The authors give their own comments to the sections and paragraphs of interstate legal instrument. The definition of the term «Eurasian functionary/Eurasian employee» is formulated. The opinions of foreign and domestic scholars about the nature of supranational institutions are given. The author's interpretation of the term «Court of the Eurasian Economic Union. Court of EAEC/Confederation» is elaborated.

Keywords: A Union Constitution, the Eurasian Economic Union, the EAEC, the Confederate States, the Federation, the Union State budget of the Eurasian Economic Union, the Commonwealth, the Court of the Eurasian Economic Union, the International Employee.

Введение

Продолжая научно-правовой анализ важнейшего межгосударственного правового акта, а то и «Союзной конституции», считаем нужным подчеркнуть, что Договор о Евразийском экономическом союзе должен стать действенным механизмом правового регулирования внутренних взаимоотношений союзных государств и внешнеполитической деятельности Союза. Сей вопрос пока остается непроработанным и неосвещенным. Говоря о правовом регулировании, мы имеем в виду, каким образом должно осуществляться это регулирование, какой набор юридических инструментов мы можем использовать для достижения правового (юридического) успеха.

«Раздел III. Органы Союза»

Статья 8. Органы Союза

1. Органами Союза являются:
Высший Евразийский экономический совет (далее — Высший совет);
Евразийский межправительственный совет (далее — Межправительственный совет);
Евразийская экономическая комиссия (далее — Комиссия, ЕЭК);
Суд Евразийского экономического союза (далее — Суд Союза).
2. Органы Союза действуют в пределах полномочий, которые предоставлены им настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза.
3. Органы Союза действуют на основе принципов, указанных в статье 3 настоящего Договора.
4. Председательство в Высшем совете, Межправительственном совете и Совете Комиссии осуществляется на ротационной

основе в порядке русского алфавита одним государством-членом в течение одного календарного года без права продления.

5. Условия пребывания органов Союза на территориях государств-членов определяются отдельными международными договорами между Союзом и государствами пребывания».

Согласно ст. 10 Договора о ЕАЭС Высший совет является высшим органом Союза, в состав которого входят главы государств-членов.

Статьей 11 определен порядок работы Высшего совета:

«1. Заседания Высшего совета проводятся не реже 1 раза в год.

Для решения неотложных вопросов деятельности Союза по инициативе любого из государств-членов или Председателя Высшего совета могут созываться внеочередные заседания Высшего совета.

2. Заседания Высшего совета проводятся под руководством Председателя Высшего совета.

Председатель Высшего совета:

ведет заседания Высшего совета;

организует работу Высшего совета;

осуществляет общее руководство подготовкой вопросов, представляемых на рассмотрение Высшего совета.

В случае досрочного прекращения полномочий Председателя Высшего совета новый член Высшего совета от председательствующего государства-члена осуществляет полномочия Председателя Высшего совета в течение оставшегося срока.

3. В заседаниях Высшего совета по приглашению Председателя Высшего совета могут участвовать члены Совета Комиссии, Председатель Коллегии Комиссии и иные приглашенные лица.

Список участников и формат заседаний Высшего совета определяются Председателем Высшего совета по согласованию с членами Высшего совета.

Повестка дня заседаний Высшего совета формируется Комиссией на основе предложений государств-членов.

* Первую статью см. в № 8(75), 2014 «Евразийского юридического журнала».

Вопрос о присутствии аккредитованных представителей средств массовой информации на заседаниях Высшего совета решается Председателем Высшего совета.

4. Порядок организации проведения заседаний Высшего совета утверждает Высшим советом.

5. Организационное, информационное и материально-техническое обеспечение подготовки и проведения заседаний Высшего совета осуществляется Комиссией при содействии принимающего государства-члена. Финансовое обеспечение проведения заседаний Высшего совета осуществляется за счет средств бюджета Союза».

Заседать Высший совет может не реже 1 раза в год. В условиях бурно развивающихся событий в мире заседание членом 1 раз в год не является достаточным. Разумным считаем, что для обсуждения текущих вопросов Союза необходимо собираться 4 раза в год, раз в квартал. По истечении 1-го квартала подотчетные высшему органу союзные институты могут давать в развернутом виде отчеты о состоянии текущих дел на территории ЕАЭС, включая мониторинг по союзным государствам, что могло бы решать возникающие технические сложности, а также решать задачи по острым внешнеполитическим темам.

Более или менее ситуацию исправляет следующий пункт: «Для решения неотложных вопросов деятельности Союза по инициативе любого из государств-членов или Председателя Высшего совета могут созываться внеочередные заседания Высшего совета».

Позволим себе согласиться с должностью председателя Совета, который назначается председательствующей страной-участницей. Председатель имеет достаточно широкие должностные полномочия по организации работы Высшего совета; осуществляет общее руководство подготовкой вопросов, представляемых на рассмотрение Высшего совета. Председателя Совета мы можем определить как коллегиального главу Союза.

Статья 12 указывает на полномочия Высшего совета: «1. Высший совет рассматривает принципиальные вопросы деятельности Союза, определяет стратегию, направления и перспективы развития интеграции и принимает решения, направленные на реализацию целей Союза.

2. Высший совет осуществляет следующие основные полномочия:

1) определяет стратегию, направления и перспективы формирования и развития Союза и принимает решения, направленные на реализацию целей Союза;

2) утверждает состав Коллегии Комиссии, распределяет обязанности между членами Коллегии Комиссии и прекращает их полномочия;

3) назначает Председателя Коллегии Комиссии и принимает решение о досрочном прекращении его полномочий;

4) назначает по представлению государств-членов судей Суда Союза;

5) утверждает Регламент работы Евразийской экономической комиссии;

6) утверждает бюджет Союза, Положение о бюджете Евразийского экономического союза и отчет об исполнении бюджета Союза;

7) определяет размеры (шкалу) долевых взносов государств-членов в бюджет Союза;

8) рассматривает по предложению государства-члена вопросы, касающиеся отмены или изменения решений, принятых Межправительственным советом или Комиссией с учетом положений пункта 7 статьи 16;

9) рассматривает по предложению Межправительственного совета или Комиссии вопросы, по которым при принятии решения не был достигнут консенсус;

10) обращается с запросами к Суду Союза;

11) утверждает порядок проверки достоверности и полноты сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера судей Суда Союза, должностных лиц и сотрудников Аппарата Суда Союза, а также членов их семей;

12) определяет порядок принятия в Союз новых членов и прекращения членства в Союзе;

13) принимает решение о предоставлении или об аннулировании статуса наблюдателя или статуса государства-кандидата на вступление в Союз;

14) утверждает Порядок осуществления Евразийским экономическим союзом международного сотрудничества;

15) принимает решения о переговорах с третьей стороной от имени Союза, в том числе о заключении с ней международных договоров Союза и наделении правом вести переговоры, а также о выражении согласия Союза на обязательность для него международного договора с третьей стороной, прекращении, приостановлении или о выходе из международного договора;

16) утверждает общую штатную численность органов Союза, параметры представленности должностных лиц из числа граждан государств-членов в органах Союза, направляемых по представлению государств-членов на конкурсной основе;

17) утверждает порядок оплаты труда членов Коллегии Комиссии, судей Суда Союза, должностных лиц и сотрудников органов Союза;

18) утверждает Положение о внешнем аудите (контроле) в органах Евразийского экономического союза;

19) рассматривает результаты проведенного внешнего аудита (контроля) в органах Союза;

20) утверждает символику Союза;

21) дает поручения Межправительственному совету и Комиссии;

22) принимает решения о создании вспомогательных органов по соответствующим направлениям;

23) осуществляет иные полномочия, предусмотренные настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза».

Главный надгосударственный орган ВС по ст. 13 может принимать решения и распоряжения: «1. Высший совет принимает решения и распоряжения.

2. Решения и распоряжения Высшего совета принимаются консенсусом. Решения Высшего совета, связанные с прекращением членства государства-члена в Союзе, принимаются по принципу „консенсус минус голос государства-члена, уведомившего о своем намерении прекратить свое членство в Союзе“».

Фундаментальными являются следующие пункты: ВС определяет стратегию, направления и перспективы формирования и развития Союза и принимает решения, направленные на реализацию целей Союза; утверждает Порядок осуществления Евразийским экономическим союзом международного сотрудничества; принимает решения о переговорах с третьей стороной от имени Союза, в том числе о заключении с ней международных договоров Союза и наделении правом вести переговоры, а также о выражении согласия Союза на обязательность для него международного договора с третьей стороной, прекращении, приостановлении или о выходе из международного договора.

Эти положения свидетельствуют о том, что Союз является конфедеративным государством.

Подобно государству, Союз ЕАЭС имеет аппарат, совокупность государственных органов, должностных лиц. В международном праве рядовая правовая норма как деяние любого органа государства рассматривается как деяние самого государства. Союз подобно государству имеет прерогативу осуществлять внешнеполитические и внешнеэкономические отношения. Подобно государству, в Союзе есть коллективный управляющий орган, межправительственный совет, комиссия, судебный орган. Для полной государственности Союза ЕАЭС не хватает только Совета министров иностранных дел.

Союз ЕАЭС/Конфедеративное государство проявляет юрисдикцию, имеет право рассматривать и разрешать дела в соответствии с национальным правом участников Союза.

Под юрисдикцией Союза можно понимать сферу отношений, на которые распространяются полномочия Высшего совета. По характеру можно определить разновидности юрисдикции: по принципу власти — законодательную, исполнительную, судебную; по сфере деятельности — национальную, наднациональную, экстратерриториальную; по объему — полную и ограниченную.

Как нами ранее отмечалось, Союз обладает международной правосубъектностью по образу и подобию государственного образования. Государства являются первичными субъектами международного права как носители суверенитета, в нашем случае в рамках Союза и/или конфедерации у государств-участников объединения выработался «коллективный суверенитет».

Как правосубъектному конфедеративному государству, Союзу присущи следующие характеристики: ЕАЭС создаёт нормы международного права; ЕАЭС подчиняется непосредственному воздействию международно-экономического права; Союз обладает международными правами и обязанностями; Союз участвует в международных правоотношениях; Союз несет ответственность по международному законодательству; наше конфедеративное государство имеет общий международно-правовой статус, определенный в целом международным правом, его принципами набор прав и обязанностей, присущих в равной степени всем государствам; особый международно-правовой статус — набор прав и обязанностей, определенный специфическим положением Союза, специальными договорами.

Кроме того, ЕАЭС/Конфедерации переданы суверенные полномочия по экономической функции государства. Экономической функцией обладает любое независимое государство. В этих условиях осуществляется обеспечение функционирования и развитие экономики Евразийского экономического союза соответствующим набором инструментов и методов с учетом интересов Евразийской конфедерации.

Следующим управляющим союзным институтом является Евразийский межправительственный совет (далее — Межправительственный совет). Межправительственному совету отведены статьи 14–17 Договора: «*Статья 14. Межправительственный совет.* Межправительственный совет является органом Союза, состоящим из глав правительств государств-членов.

Статья 15. Порядок работы Межправительственного совета. 1. Заседания Межправительственного совета проводятся по мере необходимости, но не реже 2 раз в год. Для решения неотложных вопросов деятельности Союза по инициативе любого из государств-членов или Председателя Межправительственного совета могут созываться внеочередные заседания Межправительственного совета. 2. Заседания Межправительственного совета проводятся под руководством Председателя Межправительственного совета. Председатель Межправительственного совета: ведет заседания Межправительственного совета; организует работу Межправительственного совета; осуществляет общее руководство подготовкой вопросов, представляемых на рассмотрение Межправительственного совета. В случае досрочного прекращения полномочий Председателя Межправительственного совета новый член Межправительственного совета от председательствующего государства-члена осуществляет полномочия Председателя Межправительственного совета в течение оставшегося срока. 3. В заседаниях Межправительственного совета по приглашению Председателя Межправительственного совета могут участвовать члены Совета Комиссии, Председатель Коллегии Комиссии и иные приглашенные лица. Список участников и формат заседаний Межправительственного совета определяются Председателем Межправительственного совета по согласованию с членами Межправительственного совета. Повестка дня заседаний Межправительственного совета формируется Комиссией на основе предложений государств-членов. Вопрос о присутствии аккредитованных представителей средств массовой информации на заседаниях Межправительственного совета решается Председателем Межправительственного совета. 4. Порядок

организации проведения заседаний Межправительственного совета утверждается Межправительственным советом. 5. Организационное, информационное и материально-техническое обеспечение подготовки и проведения заседаний Межправительственного совета осуществляется Комиссией при содействии принимающего государства-члена. Финансовое обеспечение проведения заседаний Межправительственного совета осуществляется за счет средств бюджета Союза.

Статья 16. Полномочия Межправительственного совета. Межправительственный совет осуществляет следующие основные полномочия: 1) обеспечивает реализацию и контроль за исполнением настоящего Договора, международных договоров в рамках Союза и решений Высшего совета; 2) рассматривает по предложению Совета Комиссии вопросы, по которым при принятии решения в Совете Комиссии не достигнут консенсус; 3) дает поручения Комиссии; 4) представляет Высшему совету кандидатуры членов Совета и членов Коллегии Комиссии; 5) одобряет проекты бюджета Союза, Положения о бюджете Евразийского экономического союза и отчета об исполнении бюджета Союза; 6) утверждает Положение о ревизии финансово-хозяйственной деятельности органов Евразийского экономического союза, стандарты и методологию ревизий финансово-хозяйственной деятельности органов Союза, принимает решения о проведении ревизий финансово-хозяйственной деятельности органов Союза и определяет сроки их проведения; 7) рассматривает по предложению государства-члена вопросы, касающиеся отмены или изменения принятых решений Комиссии, либо, в случае недостижения согласия, вносит их на рассмотрение Высшего совета; 8) принимает решение о приостановлении действия решений Совета или Коллегии Комиссии; 9) утверждает порядок проверки достоверности и полноты сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера членов Коллегии Комиссии, должностных лиц и сотрудников Комиссии, а также членов их семей; 10) осуществляет иные полномочия, предусмотренные настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза.

Статья 17. Решения и распоряжения Межправительственного совета. 1. Межправительственный совет принимает решения и распоряжения. 2. Решения и распоряжения Межправительственного совета принимаются консенсусом».

Функции и полномочия Межправительственного совета подтверждают конфедеративность ЕАЭС. ЕАЭС как конфедеративное государство имеет основные государственные органы — Высший совет как руководящий орган, Межправительственный совет как союзное правительство, Высший Суд, блок департаментов Евразийской комиссии. Ранее функций Союзного правительства выполняла Евразийская экономическая комиссия (председатель ЕЭК — своего рода премьер-министр), являясь главным наднациональным органом Единого экономического пространства и Таможенного союза, после Высшего совета. Все решения Евразийской экономической комиссии Единого экономического пространства принимались на коллегиальной основе. Коллегия Евразийской экономической комиссии состояла из 9 членов (по 3 Члена Коллегии (Министра) Комиссии от каждой страны-участницы), один из которых является Председателем Коллегии Комиссии (Премьер-министр).

Деятельность ЕЭК структурирована по функциональным направлениям, которые курируют Члены Коллегии (Министры)².

Теперь же функциональные полномочия Комиссии Союза ЕАЭС изменены. Согласно ст. 18 «1. Комиссия является постоянно действующим регулирующим органом Союза. Комиссия состоит из Совета и Коллегии. 2. Комиссия принимает решения, распоряжения и рекомендации. Решения, распоряжения и рекомендации Совета Комиссии принимаются консенсусом.

2 Азанов Б. К. Казахский президент как основатель неоевразийства // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 3 (70). — С. 36.

Решения, распоряжения и рекомендации Коллегии Комиссии принимаются квалифицированным большинством или консенсусом. Высший совет определяет перечень чувствительных вопросов, по которым решения Коллегии Комиссии принимаются консенсусом. При этом квалифицированное большинство составляет две трети голосов от общего числа членов Коллегии Комиссии. 3. Статус, задачи, состав, функции, полномочия и порядок работы Комиссии определяются согласно приложению № 1 к настоящему Договору. 4. Местом пребывания Комиссии является город Москва, Российская Федерация».

В приложении № 1 к Договору о ЕАЭС (Положение о Евразийской экономической комиссии) в развернутом виде представлена сфера деятельности Комиссии: «Основными задачами Комиссии являются... выработка предложений в сфере экономической интеграции в рамках Союза».

2. Комиссия осуществляет свою деятельность на основе следующих принципов: 1. Обеспечение взаимной выгоды, равноправия и учета национальных интересов государств-членов; 2. Экономическая обоснованность принимаемых решений; 3. Открытость, гласность и объективность;

3. Комиссия осуществляет свою деятельность в пределах полномочий, предусмотренных договором и международными договорами в рамках Союза, в следующих сферах: 1. Таможенно-тарифное и нетарифное регулирование; 2. Таможенное регулирование; 3. Техническое регулирование; 4. Санитарные, ветеринарно-санитарные и карантинные фитосанитарные меры; 5. Зачисление и распределение ввозных таможенных пошлин; Установление торговых режимов в отношении третьих сторон; 7. Статистика внешней и взаимной торговли; 8. Макроэкономическая политика; 9. Конкурентная политика; 10. Промышленные и сельскохозяйственные субсидии; 11. Энергетическая политика; 12. Естественные монополии; 13. Государственные и (или) муниципальные закупки; 14. Взаимная торговля услугами и инвестициями; 15. Транспорт и перевозки; 16. Валютная политика; 17. Интеллектуальная собственность; 18. Трудовая миграция; 19. Финансовые рынки (банковская сфера, сфера страхования, валютный рынок; рынок ценных бумаг); 20. Иные сферы, определенные договором и международными договорами в рамках Союза.

4. Комиссия в пределах своих полномочий обеспечивает реализацию международных договоров в право Союза.

5. Комиссия выполняет функции депозитария международных договоров в рамках Союза, решений ВС и МС.

6. Комиссия может быть наделена ВС правом подписывать международные договоры по вопросам, входящих в компетенцию Союза.

7. В целях обеспечения эффективного функционирования Союза, Комиссия вправе создавать консультативные органы для проведения консультации по отдельным вопросам, принятие решений по которым относится к компетенции Комиссии.

8. Комиссия имеет право запрашивать у государств-членов позиции по вопросам рассматриваемым Комиссией. Запрос о представлении позиции направляется в правительство государств-членов. Комиссия также имеет право запрашивать у органов исполнительной власти государств-членов, юридических и физических лиц информацию, необходимую для осуществления Комиссией своих полномочий.

9. Комиссия отвечает за составление бюджета Союза и подготовку отчета о его исполнении является распорядителем средств бюджетной сметы Комиссии.

10. Комиссия пользуется правами юридического лица.

11. Комиссия состоит из Совета Комиссии и Коллегии Комиссии.

12. Совет комиссии вправе образовать структурные подразделения (далее департаменты комиссии). 13. Комиссия в пределах своих полномочий принимает решения, имеющие нормативно-правовой характер и обязательные для государств-членов, распоряжения, имеющие организационно-распорядительный характер, и рекомендации, не имеющие обяза-

тельного характера. Решения Комиссии входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов».

Положение о Комиссии (приложение № 1 к Договору о ЕАЭС) состоит из 26 страниц, полностью осветить и представить которые не представляется возможным из-за лимита формата научной статьи.

Далее для конкретизации исследования считаем нужным остановиться на конкретных вопросах Договора, представляющих интерес для права Евразийского союза и международного права. В п. 17 приложения № 1 говорится: «Решения Комиссии, ухудшающие положение физических лиц и (или) юридических лиц, обратной силы не имеет». Пункт 18 гласит: «Решения Комиссии, улучшающие положение физических и (или) юридических лиц, могут иметь обратную силу, если прямо предусматривают это».

Четко видны оговорки, пункты юридически противоречат друг другу. Возникают сомнения в профессиональной компетентности составителей — экспертов Договора. Совершенно не понятно, каким образом эксперты были привлечены и подключены к обсуждению и принятию окончательного варианта текста Договора. Не имеют ли место сложившиеся на пространстве СНГ практики — «кумовство», «свой», «наш человек»?

Изучая и исследуя положение о Евразийской комиссии, в нескольких пунктах мы нашли не только конфедеративный характер нашего объединения, но и федеративный или характер Союзного государства. Следующие фрагменты показывают федеративность ЕАЭС:

«8. Комиссия имеет право запрашивать у государств-членов позицию по вопросам, рассматриваемым Комиссией. Запрос о представлении позиции направляется в правительство государств-членов. Комиссия также имеет право запрашивать у органов исполнительной власти государств-членов, юридических и физических лиц информацию, необходимую для осуществления Комиссией своих полномочий».

«13. Комиссия в пределах своих полномочий принимает решения, имеющие нормативно-правовой характер и обязательные для государств-членов, распоряжения, имеющие организационно-распорядительный характер, и рекомендации, не имеющие обязательного характера. Решения Комиссии входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов».

Комиссия имеет право запрашивать позиции у государств-членов, а также запрашивать у юридических и физических лиц информацию, виды очертания гражданско-политического Союза.

В этом свете мнение профессора В. М. Шумилова немного совпадает с нашей точкой зрения о том, что: «Логика экономической интеграции ведет, таким образом, к экономическому федерализму, который предполагает, что создание между государствами единого рынка должно проходить на основе глубокой гармонизации всей совокупности условий производства и циркулирования лиц, товаров и услуг»³.

Однако в международной терминологии отсутствует данный термин, не дано определение понятию «экономический федерализм». Отношения между Республикой Татарстан и Республикой Чечня тоже можно отнести под это определение и/или под эту категорию.

Также решения Комиссии, имеющие нормативно-правовой характер, обязательны для государств-членов. Исходя из этого, очевидно, что нормативно-правовые акты Союза обладают приоритетом перед национальным (внутригосударственным) правом. Следом идут юридические нестыковки о распоряжениях, имеющих организационно-распорядительный характер, и рекомендациях, не имеющих обязательного характера.

3 Шумилов В. М. Международное экономическое право: Учебник. — Ростов-на-Дону: Изд-во Феникс, 2003. — С. 102.

Кончается текст словами: «Решения Комиссии входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов». Содержание влияет на смысл Договора и может быть причиной для противоречий.

Заслуживает внимания п. 56 (приложение № 1, Положение о Комиссии): «Должностные лица и сотрудники комиссии являются международными служащими. При исполнении своих служебных обязанностей должностные лица и сотрудники Комиссии независимы от государственных органов и должностных лиц государств-членов и не могут запрашивать или получать указания от органов власти или должностных лиц».

Требуется дать ясное определение понятия «Международный служащий» в условиях ЕАЭС.

В юридическом словаре приведено следующее определение: «Международные служащие — штатные сотрудники международных организаций. При исполнении служебных полномочий независимы от государства своего гражданства и государства размещения штаб-квартиры международной организации»⁴. Считаю уместным термин «Международный служащий» заменить на «Евразийский функционер/Евразийский служащий».

Действенным является то, что должностные лица Союза выступают в личном качестве, а не находятся на службе у государства своего национального гражданства.

В этой связи предлагаем разработанное Б. К. Азановым определение: «Евразийский функционер/Евразийский служащий — сотрудник надгосударственных органов/союзных институтов Евразийского экономического союза, имеющий гражданство одного из государств — членов ЕАЭС.

В своей функциональной деятельности неподотчетен ни одному из государств — членов ЕАЭС, выполняет должностные обязанности во имя развития интеграции, подчинен органам Союза и/или Союзной власти. Обладает иммунитетом и привилегиями согласно внутренним международным актам государств-членов. На него распространяется иммунитет гражданской юрисдикции государства пребывания».

Далее в Договоре прописано: «*Статья 9. Занятие должностей в структурных подразделениях постоянно действующих органов Союза.* Право на занятие должностей в структурных подразделениях постоянно действующих органов Союза имеют граждане государств-членов, обладающие соответствующим профильным образованием и опытом работы. 2. Должностные лица департамента Комиссии не могут быть гражданами одного и того же государства. Отбор кандидатов на занятие указанных должностей производится конкурсной комиссией ЕЭК с учетом принципа равной представленности Сторон. Кандидатуры для участия в конкурсе на занятие указанных должностей представляются членом Совета Комиссии от соответствующей Стороны. 3. Отбор кандидатов на занятие других должностей в департаментах Комиссии осуществляется ЕЭК на конкурсной основе с учетом долевого участия Сторон в финансировании Комиссии. 4. В состав конкурсной комиссии ЕЭК по отбору кандидатов на занятие должностей, указанных в пункте 2 настоящей статьи, входят все члены Коллегии Комиссии, за исключением Председателя Коллегии Комиссии. Конкурсная комиссия ЕЭК принимает свои решения в виде рекомендаций большинством голосов и представляет их Председателю Коллегии Комиссии на утверждение. Если Председателем Коллегии Комиссии в отношении конкретного кандидата принимается решение, входящее в противоречие с рекомендацией конкурсной комиссии ЕЭК, вопрос выносится Председателем Коллегии Комиссии на рассмотрение Совета Комиссии для принятия окончательного решения. Положение о конкурсной комиссии ЕЭК (включая правила проведения конкурса), ее состав, а также квалификационные требования к кандидатам на занятие должностей директоров и заместителей директоров

департаментов Комиссии утверждаются Советом Комиссии. 5. Порядок отбора кандидатов и назначение на должности в Аппарате Суда Союза производятся в соответствии с документацией, регулирующими деятельностью Суда Союза».

«*Статья 19. Суд Союза.* 1. Суд Союза является постоянно действующим судебным органом Союза. 2. Статус, состав, компетенция, порядок функционирования и формирования Суда Союза определяются Статутом Суда Евразийского экономического союза согласно приложению № 2 к настоящему Договору. 3. Местом пребывания Суда Союза является город Минск, Республика Беларусь».

В рамках Евразийского экономического союза важная роль принадлежит Суду Союза. Регламент конфедеративного суда утверждается Высшим советом ЕАЭС/Конфедеративного государства. В условиях Союзного договора признается обязательная юрисдикция Евразийского суда.

Приводим авторское толкование Б. К. Азанова: Суд ЕАЭС/Конфедерации уполномочен: регулировать межгосударственные споры экономического и иного характера, аннулировать действие актов и принимаемых решений институтов Союза, обязывать Стороны Союза выполнять взятые обязательства, давать толкование норм евразийского права. Порядок работы конфедеративного Суда регулируется Статутом Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору): «*Глава 1. Общие положения. Правовой статус.* 1. Суд Евразийского экономического союза (далее — Суд) является судебным органом Евразийского экономического союза (далее — Союз), который образуется и действует на постоянной основе в соответствии с Договором о ЕАЭС (далее — Договор) и настоящим Статутом. 2. Целью деятельности Суда является обеспечение в соответствии с положением настоящего статута единообразного применения государствами-членами и органами Союза, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза. 3. Суд пользуется правами юридического лица. 4. Суд ведет свою документацию, имеет печать и бланки со своим наименованием, учреждает свой официальный интернет-сайт и официальный бюллетень». Далее пункты 5–6 см. в приложении к Договору о ЕАЭС.

«*Глава II. Состав Суда.* 7. В состав Суда входят по два судьи с каждого государства-члена. 8. Срок полномочий Судьи — девять лет.

<...>

10. Судьи назначаются на должность Высшим Евразийским экономическим советом по представлению государств-членов. Судья при вступлении в должность приносит присягу. 11. Судьи освобождаются от должности Высшим Евразийским экономическим советом». Далее см. приложение к Договору о ЕАЭС № 2, пункты 12–21.

«*Глава III. Аппарат Суда.* 22. Деятельность Суда обеспечивает аппарат Суда. 23. В структуру аппарата Суда входят секретариаты судей и секретариат Суда. 24. Секретариат судьи состоит из советника судьи и помощника судьи». Далее см. приложение № 2, пункты 25–38.

Заметим что в п. 35 указано что «Секретариат Суда формируется на конкурсной основе с учетом долевого участия государств-членов в бюджете Союза из числа граждан государств-членов».

Этот пункт будет действовать, скорее всего, при расширении конфедеративного объединения за счет Республики Кыргызстан и Республики Таджикистан, учитывая низкие экономические показатели кыргызстанской и таджикстанской экономик. С учетом возможных долевого взносов наиболее слабых государств (Кыргызстан, Таджикистан) принцип одна страна один голос/консенсуса здесь не уместен. При этом равные права закреплены п. 27 «Руководство Секретариата Суда и его заместители не могут являться гражданами одного и того же государства».

4 Сухарев А. Я., Крутских В. Е. Большой юридический словарь. — М.: Инфра-М, 2003.

Особым является п. 28, где указывается: «Трудовые правоотношения регулируются Договором, принимаемыми международными договорами в рамках Союза и законодательством государств пребывания Суда».

Этот пункт порождает правовой конфликт между национальным законодательством Республики Беларусь и правом Евразийского экономического союза.

Здесь допущено юридическое правонарушение, национальное законодательство страны-участницы не может распространяться на институты Союза.

Участвуя в интеграционном объединении, Республика Беларусь (РБ) сегодня получила колоссальные «дивиденды» — безвозмездную экономическую помощь и финансовые пожертвования со стороны Союзных государств через стабилизационный фонд Евразийского сообщества, где основными донорами являются российские и казахские союзники. Необходимо отдать дань руководству страны, которая крепко защищает свой национально-государственный суверенитет, в этом плане Александр Григорьевич является сильным национальным лидером, который поставил белорусский язык в приоритет над русским, тогда когда русский язык закреплён в белорусской конституции как второй государственный (ст. 17 Конституции Беларуси: «Государственными языками в Республике Беларусь являются белорусский и русский языки»⁵). Согласно Конституции два языка должны быть равнозначными, властями должно обеспечиваться свободное функционирование русского языка. Применение русского языка постепенно сужается (официальные бланки, указатели с названиями улиц приводятся исключительно на белорусском языке). Но здесь область применения языка определяется суверенным правом белорусского государства и народа. Мы не вправе упрекать в этом белорусские власти.

Из послания А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию: «Сегодня появились еще более удивительные рассуждения о том, что у нас, мол, где-то якобы начинают зажимать не то русских, не то русский язык. Конечно, большую глупость не придумаешь. Ну а притеснения русских... Как у нас тут некоторые подкидывают идею... Я просто даже и рассуждать на эту тему не хочу. Потому что если говорить о притеснении русских, то, наверное, русские в Беларуси сами себя притесняют. Я поручаю правоохранительным органам, Комитету госбезопасности немедленно пресекать подобные разговоры, от кого бы они ни исходили»⁶.

«Проблема притеснения русских и русскоязычных в Белоруссии создается провокаторами, деятельность которых займётся КГБ».

Ответы на вопросы членов палаты глава государства Лукашенко начал с «русского вопроса», отметив: «Да, нас пугают — я не зря начал свое вступление с того, чего начал». «Нас пугают: завтра Путин придёт, захватит. Ещё раз повторяю: откуда бы кто-то ни пришел, мы будем за свою страну сражаться. А в ответ некоторым говорю: если сюда придёт Путин, то неизвестно, на чьей стороне будут воевать русские. Поэтому не надо нас пугать Путиным, Россией, и прочее. Здесь нет проблем у России. Нет! Есть отморозки, и в России — тем более, на этой волне». «Вон, где-то у Косинца там, не хочу называть фамилию, уже не помню, какой-то деятель начал заявлять, что у нас, видите ли, ущемляют русский язык — „ура, ура, Крым, там Россия“ и прочее. Я сожалею, что его ещё до сих пор не выкинули оттуда. Вы понимаете? Это провокаторы. Они создают почву для противоречий в нашей стране. У нас нацменов мало.

Немного, но они есть. Вот этого всего наслушавшись, увидев, они завтра начнут, ну, минимум, мордобоем заниматься, пока я не вяжусь в это. Это нам надо? Это нам не надо. Поэтому это провокаторы. Сегодня говорить о том, что мы русский язык так как-то унижаем». «Если кто-то хочет его забрать и размахивать, как флагом — не получится, мы свой язык никому не отдадим. Но мы богаче русских людей в этом плане, потому что у нас есть и белорусский язык, которого Россия не знает, россияне. И сегодня говорить о том, что у нас на дорогах появились названия на „беларускай мове“ — так они всегда были! И что тут плохого? Это наш родной язык! И мы должны его знать. Я, знаете, иногда думаю, когда меня упрекают, что мы белорусскому языку мало внимания уделяем, мне как-то не по себе становится, потому что в этом какая-то соль есть. Уж слишком, видимо, мы осторожно поддерживаем белорусский язык. Но упрекнуть меня в том, что мы русский язык не уважаем или унижаем — это сродни преступлению! Поэтому я поставил задачу Комитету госбезопасности: к таким людям подходить как к диверсантам! Это слышит весь дипломатический корпус и наш посол, наш друг Сан Саныч (присутствующий в зале ППНС посол РФ в Белоруссии Александр Суриков, — прим. ИА REGNUM). Это моя позиция! Я её занимаю», — подчеркнул Лукашенко. Он сообщил также: «Я никогда не буду туалетной бумагой»⁷.

Цитируем информационное агентство «Регнум»: «Вероятно, Лукашенко вспомнил об одном из чиновников районной администрации города Витебска Андрее Геращенко, которого уволили после заявлений о том, что Россия и Белоруссия — братские страны, однако в Белоруссии активно себя проявляют русофобы. Возглавлявший облисполком генерал-майор Александр Косинец не отреагировал на скандальное увольнение Геращенко, а глава пропрезидентского писательского союза Николай Чергинец заявил, что с такими, как Геращенко, состоящим в писательском союзе, „мы будем расправляться“. 12 июня 2013 года, в День России, власти Белоруссии ликвидировали старейшую и крупнейшую организацию российских соотечественников — Минское общество русской культуры „Русь“. Сотрудники МИД РФ не посчитали нужным предоставить юридическую или иную помощь МОРК „Русь“. На протяжении 2013 года активисты минского культурно-просветительского общественного объединения „Русский мир“ предпринимали четыре попытки получить госрегистрацию, после чего подали в Мингорсуд жалобу на действия регистрирующего органа — главного управления юстиции Мингорисполкома. Мингорсуд 24 декабря отказал „Русскому миру“ в удовлетворении жалобы и возможности легальной деятельности. Одним из заметных событий в политической жизни Белоруссии в 2013 году стал первый приговор за использование русского языка»⁸. «В 2013 году знаковым событием для юридической практики постсоветской Белоруссии стал первый приговор за использование русского языка: 3 сентября Суд Фрунзенского района г. Минска приговорил директора минского ЖЭС-48 к штрафу за ответ на обращение гражданина на русском языке. Кроме того, в День России, 12 июня, Мингорсуд решил ликвидировать старейшую и одну из крупнейших организаций российских соотечественников в Белоруссии, действовавшую с 1992 года — Минское общество русской культуры „Русь“»⁹.

К примеру, в Казахстане русский язык имеет статус официального, но не государственного, при всем при этом вся

5 Конституция Республики Беларусь 1994 г., с изменениями и дополнениями от 2004 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pravo.by/main.aspx?guid=6351>

6 Послание президента РБ белорусскому народу [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-obraschaetsja-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-8549/. 22 апреля 2014 года

7 Лукашенко: «Если сюда придёт Путин, то неизвестно, на чьей стороне будут воевать русские» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1794155.html#ixzz3BofixSzl>.

8 Там же.

9 Проживающий в Москве уроженец Бобруйска испытывает физические страдания от слова «Белоруссия» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1842241.html#ixzz3BoaHVV7q>

документация (в том числе фирменные бланки частных и государственных организаций строго двуязычны), печати делопроизводство ведется на русском и казахском языках, правительственные заседания ведутся в основном на русском языке, при том что в парламенте лиц казахской национальности большинство. Согласно данным Агентства республики Казахстан по статистике, по результатам переписи населения в 2009 г. данные таковы: казахов 63,1% / 10 096 763 чел., этнических россиян, имеющих казахское гражданство — 23,7% / 3 793 764 из всего населения 16 009 597, сейчас общее население на 01.08.2014 17 млн 309 чел.¹⁰ По данным независимых демографов сейчас в процентом соотношении казахская нация составляет 76%.

Де-факто русский язык является государственным языком Республики Казахстан. Школы с русским языком имеют статус государственных, также определены статусы русских театров как государственных. Русский язык является обязательным для выпускников школ. Высшие учебные заведения двуязычны. Согласно Конституции Казахстана в Республике Казахстан государственным является казахский язык. В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык (ст. 7)¹¹. Если дать юридическую оценку и сугубо правовое толкование, то только в государственных органах Республики Казахстан допускается использование русского языка. Фактически сфера функционирования русского языка очень широкая. Когда мы бываем с научными командировками в Казахстане, даже удивляемся, когда нам коллеги из Казахстана говорят, что без знания русского языка человек не может устроиться на работу. Многие наши соотечественники подчеркивают, что когда посещают Казахстан, появляются ощущение, что они попадают не в независимое государство, а в субъект Российской Федерации. Хотя Казахстан является социально ориентированным, технологически и инновационно развитым государством, с действенным государственным аппаратом управления и авторитетным национальным лидером.

Это дает нам веские основания говорить о необходимости скорейшего перехода к политическому Союзу с Россией без образования единого федеративного государства. Если в Минске власти Беларуси закрыта единственная русская организация «Русь», то в Казахской Республике в свободном режиме функционирует и финансируется органами государственной власти больше 20 русских организаций/общин — Ассоциация русских, славянских и казахских общественных объединений в Казахстане, Казахстанское республиканское славянское движение «Лад», Русская община Казахстана, Региональное общественное объединение «Союз казаков Степного края», Семиреченская казачья община, Казахстанская ассоциация учителей русских школ, Русский национально-культурный центр, Акмолинское областное культурно-просветительское общество «Лад», Ассоциация славянской культуры «Славия», Русское землячество г. Актау Мангистауской области, Общество славянской культуры «Истоки», Русский культурный центр г. Караганды, «Правовое развитие Казахстана», Образовательный фонд «Светоч», Ассоциация движения социальной и правовой защиты пенсионеров «Поколение», Фонд «Новые образовательные технологии», Независимое информационно-аналитическое Агентство «ПолиТон», Международный православный благотворительный фонд «Веди», Православное благотворительное общество развития образования и культуры в Республике Казахстан «СВЕТОЧ»¹² и др.

10 Комитет по статистике Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/p_perepis?_afzLoop=2060927667364419#%40%3F_afzLoop%3D2060927667364419%26_adf.ctrl.state%3D1d6q4ccdi_229;http://www.stat.gov.kz/faces/homePage?_adf.ctrl.state=1d6q4ccdi_229&_afzLoop=2061650245813245

11 Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029

12 Институт диаспоры и интеграции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zatulin.ru/institute/diaspora/sootech/kazah.htm>

Выходит так, что нашими исконными и истинными союзниками является Казахстан и народ Казахстана.

Важной представляется глава IV «Компетенция Суда».

«39. Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза:

1) по заявлению государства-члена: о соответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору; о соблюдении другим государством-членом (другими государствами-членами) Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также отдельных положений, указанных в международном договоре и (или) решений; о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору, международным договором в рамках Союза и (или) решениям органов Союза; об оспаривании действия (бездействия) Комиссии.

2) по заявлению хозяйствующего субъекта: о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта; об оспаривании действия (бездействия) Комиссии непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта». Далее пункты 40, 41. см. приложение № 2 к договору.

«42. В компетенцию Суда не входит наделение органов Союза дополнительной компетенцией помимо той, которая прямо предусмотрена Договором и (или) международными договорами в рамках Союза». Очевидное, не нуждается в обосновании.

«43. Спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя к государству-члену или Комиссии для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами, предусмотренными Договором и международными договорами в рамках Союза, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором».

«46. Суд по заявлению государства-члена или органа Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, а также по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза и Суда положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, связанных с трудовыми правоотношениями (далее — разъяснение).

47. Осуществление Судом разъяснения означает предоставление консультативного заключения и не лишает государства-члены права на совместное толкование ими международных договоров.

48. Суд осуществляет разъяснение положений международного договора Союза с третьей стороной, если это предусмотрено таким международным договором». Далее см. п. 49.

«50. Суд при осуществлении правосудия применяет:

1) общепризнанные принципы и нормы международного права; 2) Договор, международные договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государство Страна спора; 3) решения и распоряжения органов Союза; 4) международный обычай как доказательство всеобщей практики признанной в качестве правовой нормы.

51. Положения Договора, международных договоров в рамках Союза и международных договоров Союза с третьей стороной, касающиеся разрешения споров, разъяснения и толко-

вания, применяются в части, не противоречащей настоящему Статуту».

Глава V. Судопроизводство. Раздел I. 51. Судопроизводство по делам о разрешении споров. Порядок рассмотрения дел о разрешении споров в Суде Регламентом. 53. Суд осуществляет судопроизводство на основе следующих принципов: независимость судей; гласность разбирательства; публичность; равенство сторон спора; состязательность; коллегиальность. Пункты 54–67 см. приложение к Договору о ЕАЭС. Раздел 3. Состав Судей.

Конфедеративному Евразийскому суду принадлежит особая важная роль в системе судебного контроля над законностью актов государств-членов и в реализации процесса проникновения евразийской юриспруденции в правовой порядок суверенных государств участников Союза. Евразийские судьи свободны в выборе методов толкования. Евразийский суд уполномочен официально констатировать нарушение Стороной законодательства Евразийской конфедерации/ЕАЭС. Однако же здесь полномочия Союзного Суда ограничиваются, Суд не обладает компетенцией интерпретировать национальное законодательство Сторон, не способен объявлять национальный закон недействующим и отменить его. Конфедеративный Суд ЕАЭС действует в соответствии с международным правом и законодательством Евразийской конфедерации. При этом функции Евразийского суда имеют природу действия, права ЕАЭС обладают существенным политическим характером и формируют правовую систему Евразийской конфедерации/ЕАЭС. Работа Евразийского суда и его нормотворческая деятельность занимает главное место в институциональной системе евразийского права. Наше конфедеративное государство/ЕАЭС должно иметь собственные средства для достижения целей Союза и финансовой независимости от возможных политико-экономических казусов. В этой связи образование бюджета ЕАЭС весьма своевременно.

Раздел IV. Бюджет Союза. Статья 20. Бюджет Союза: «1. Финансирование деятельности органов Союза осуществляется за счет средств бюджета Союза, формируемого в порядке, определенном Положением о бюджете Евразийского экономического союза. Бюджет Союза на очередной финансовый год формируется в российских рублях за счет долевых взносов государств-членов. Размеры (шкала) долевых взносов государств-членов в бюджет Союза устанавливаются Высшим советом. Бюджет Союза должен быть сбалансирован в доходах и расходах. Финансовый год начинается 1 января и заканчивается 31 декабря. 2. Бюджет Союза и Положение о бюджете Евразийского экономического союза утверждаются Высшим советом. Внесение изменений в бюджет Союза и в Положение о бюджете Евразийского экономического союза осуществляется Высшим советом».

Полагаем что Бюджет Евразийского экономического союза необходим и призван обеспечивать финансирование всевозможных программ и проектов для развития Союза, функционирования объединения, включая расходы на содержание Союзных институтов Евразийской конфедерации/ЕАЭС. «Бюджет Союза на очередной финансовый год формируется в российских рублях за счет долевых взносов государств-членов».

Исходя из этого, выходит, что Стороны — национальные государства не возражают против использования государственной денежной единицы Российской Федерации в качестве Единой валюты Союза. Де-юре и де-факто Союзный бюджет сформирован из российского рубля. Бюджет, равно как и экономика ЕАЭС, равны российскому рублю. В этой связи стоит вопрос о введении новой единой валюты ЕАЭС¹³.

Уже становится понятным, что максимальные взносы в бюджет Союза будут со стороны казахских и российских партнеров

по Союзу. При этом несколько не умаляем вклад в интеграцию нашего союзника Беларуси и ее народа. Финансовая доля кыргызстанских и таджикстанских участников примерно ясна. На основании последних данных пока первой страной-соискателем на присуждение статуса участника является Республика Армения. Думаем, что присутствие в нашем объединении армянских коллег не окажет негативного влияния на развитие ЕАЭС/Евразийской конфедерации.

Бюджетная политика является критически важной составляющей Союза, участники должны создать все предпосылки и максимально благоприятные условия для развития этого института. Следующая часть представляет особый интерес для правового анализа.

Часть вторая. Таможенный союз

Раздел VI. Функционирование таможенного союза

«Статья 25. Принципы функционирования таможенного союза»

1. В рамках таможенного союза государств-членов: 1) функционирует внутренний рынок товаров; 2) применяются Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза и иные единые меры регулирования внешней торговли товарами с третьими сторонами; 3) действует единый режим торговли товарами в отношениях с третьими сторонами; 4) осуществляется единое таможенное регулирование; 5) осуществляется свободное перемещение товаров между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования и государственного контроля (транспортного, санитарного, ветеринарно-санитарного, карантинного фитосанитарного), за исключением случаев, предусмотренных настоящим Договором.

2. Для целей настоящего Договора, используются понятия, которые означают следующее:

«ввозная таможенная пошлина» — обязательный платеж, взимаемый таможенными органами государств-членов в связи с ввозом товаров на таможенную территорию Союза;

«единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (ТН ВЭД ЕАЭС) — товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности, основанная на Гармонизированной системе описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации и единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых Государств;

«Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза» (ЕТТ ЕАЭС) — свод ставок таможенных пошлин, применимых к товарам, ввозимым (ввезенным) на таможенную территорию Союза из третьих стран, систематизированный в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза;

«тарифная преференция» — освобождение от уплаты ввозных таможенных пошлин или снижение ставок ввозных таможенных пошлин в отношении товаров, происходящих из стран, образующих вместе с Союзом зону свободной торговли, либо снижение ставок ввозных таможенных пошлин в отношении товаров, происходящих из развивающихся стран — пользователей единой системы тарифных преференций Союза и (или) наименее развитых стран — пользователей единой системы тарифных преференций Союза.

Статья 26. Зачисление и распределение ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие). Уплаченные (взысканные) ввозные таможенные пошлины подлежат зачислению и распределению между бюджетами государств-членов. Зачисление и распределение сумм ввозных таможенных пошлин, их перечисление в доход бюджетов государств-членов осуществляются в порядке согласно приложению № 5 к настоящему Договору». Далее статьи 27, 28 см. Договор о ЕАЭС.

Для нас представляют интерес статьи 28 и 29.

13 Азанов Б.К. Евразийский союз Белоруссии, Казахстана, России — какое будущее? // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 5 (72) — С. 26.

«Статья 28. Внутренний рынок»

1. Союз принимает меры по обеспечению функционирования внутреннего рынка в соответствии с положениями настоящего Договора. 2. Внутренний рынок охватывает экономическое пространство, в котором согласно положениям настоящего Договора обеспечивается свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов. 3. В рамках функционирования внутреннего рынка во взаимной торговле товарами государства-члены не применяют ввозные и вывозные таможенные пошлины (иные пошлины, налоги и сборы, имеющие эквивалентное действие), меры нетарифного регулирования, специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Договором.

Статья 29. Исключения из порядка функционирования внутреннего рынка товаров

1. Государства-члены во взаимной торговле товарами вправе применять ограничения (при условии, что такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли) в случае, если такие ограничения необходимы для: 1) охраны жизни и здоровья человека; 2) защиты общественной морали и правопорядка; 3) охраны окружающей среды; 4) охраны животных и растений, культурных ценностей; 5) выполнения международных обязательств; 6) обеспечения обороны страны и безопасности государства-члена.

2. По основаниям, указанным в пункте 1 настоящей статьи, на внутреннем рынке могут быть введены также санитарные, ветеринарно-санитарные и карантинные фитосанитарные меры в порядке, определяемом разделом XI настоящего Договора.

3. По основаниям, указанным в пункте 1 настоящей статьи, оборот отдельных категорий товаров может быть ограничен. Порядок перемещения или обращения таких товаров на таможенной территории Союза определяется в соответствии с настоящим Договором, международными договорами в рамках Союза».

Обращаем внимание на ст. 29 «1. Государства-члены во взаимной торговле товарами вправе применять ограничения...».

Данное заключение принципиально противоречит целям и задачам ЕАЭС и противоречит статьям 25, 28, 32, 33, 42 Договора.

В этом случае между сторонами-членами и ЕАЭС всегда будут возникать противоречия в правовых отношениях и внутренней торговле, имеющие своей первопричиной разность характера национального законодательства и права Евразийского союза. В этой формуле и/или формулировке заложено принципиальное противоречие. Это приведет к структурным изменениям всей системы союзных отношений. Рождается необходимость гласного подчеркивания, что у участников Союза есть единый таможенный кодекс, единое таможенное законодательство, общая внешнеторговая политика для всех трех государств. Если национальные органы не доверяют друг другу или в чем-то сомневаются, зачем надо было «варить всю эту кашу».

В таможенно-экономическом плане ЕАЭС как единое государство. Представьте себе, разве могут, к примеру, субъекты РФ или территориальные единицы Казахстана и Беларуси ставить подобные ограничения друг другу? Конечно же нет! Это не прямое сравнение субъектов федерации РФ и независимых государств. Соображения приведены, поскольку действует Единый таможенный кодекс для трех государств. Это чистой воды дискриминация. Мы не зря приводим этот пример, поскольку еще раз повторимся, что в условиях ЕАЭС и ЕЭП функционирует Единый таможенный кодекс, единая таможенная территория, единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности и Единый таможенный тариф как в едином государстве.

Далее раздел 7 «Регулирование обращения лекарственных средств и медицинских изделий» — См. Договор о ЕАЭС.

2. Таможенно-тарифное регулирование и нетарифное регулирование

«Статья 42. Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза»

1. На таможенной территории Союза применяются единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза, утверждаемые Комиссией и являющиеся инструментами торговой политики Союза.

2. Основными целями применения Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза являются: 1) обеспечение условий для эффективной интеграции Союза в мировую экономику; 2) рационализация товарной структуры ввоза товаров на таможенную территорию Союза; 3) поддержание рационального соотношения вывоза и ввоза товаров на таможенной территории Союза; 4) создание условий для прогрессивных изменений в структуре производства и потребления товаров в Союзе; 5) поддержка отраслей экономики Союза.

3. В Едином таможенном тарифе Евразийского экономического союза применяются следующие виды ставок ввозных таможенных пошлин: 1) адвалорные, устанавливаемые в процентах от таможенной стоимости облагаемых товаров; 2) специфические, устанавливаемые в зависимости от физических характеристик в натуральном выражении облагаемых товаров (количества, массы, объема или иных характеристик); 3) комбинированные, сочетающие оба вида, указанные в подпунктах 1 и 2 настоящего пункта.

4. Ставки ввозных таможенных пошлин Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза являются едиными и не подлежат изменению в зависимости от лиц, перемещающих товары через таможенную границу Союза, видов сделок и иных обстоятельств, за исключением случаев, предусмотренных статьями 35, 36 и 43 настоящего Договора.

5. Для оперативного регулирования ввоза товаров на таможенную территорию Союза при необходимости могут устанавливаться сезонные таможенные пошлины, срок действия которых не может превышать 6 месяцев в году и которые применяются вместо ввозных таможенных пошлин, предусмотренных Единым таможенным тарифом Евразийского экономического союза.

6. Государство, присоединившееся к Союзу, вправе применять ставки ввозных таможенных пошлин, отличные от ставок Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, в соответствии с перечнем товаров и ставок, утверждаемым Комиссией на основании международного договора о присоединении такого государства к Союзу. Государство, присоединившееся к Союзу, обязано обеспечить использование товаров, в отношении которых применены более низкие ставки ввозных таможенных пошлин по сравнению с Единым таможенным тарифом Евразийского экономического союза, только в пределах своей территории и принять меры по недопущению вывоза таких товаров в другие государства-члены без доплаты ввозных таможенных пошлин в размере разницы сумм ввозных таможенных пошлин, исчисленных по ставкам Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, и сумм ввозных таможенных пошлин, уплаченных при ввозе товаров». См. следующие статьи Договора: ст. 43. Тарифные льготы; ст. 44. Тарифные квоты; ст. 45. Полномочия Комиссии по вопросам таможенно-тарифного регулирования».

Продолжая исследовать и анализировать Договор, отметим, что представляются интересными статьи 40, 46, 47, 48, 49, 50.

Статья 40. Ответные меры в отношении третьей стороны: «1. В случае если в соответствии с международным договором Союза с третьей стороной и (или) государств-членов с третьими сторонами предусмотрена возможность применения ответных мер, решения о введении ответных мер на таможенной территории Союза принимаются Комиссией, в том числе путем повышения уровня ставок ввозных таможенных пошлин, введения количественных ограничений, временного приостановления предоставления преференций или принятия

в рамках компетенции Комиссии иных мер, оказывающих влияние на результаты внешней торговли с соответствующим государством. 2. В случаях, предусмотренных международными договорами государств-членов с третьими странами, заключенными до 1 января 2015 года, государства-члены вправе в одностороннем порядке применять в качестве ответных мер повышенные по сравнению с Единым таможенным тарифом Евразийского экономического союза ставки ввозных таможенных пошлин, а также в одностороннем порядке приостанавливать предоставление тарифных преференций при условии, что механизмы администрирования таких ответных мер не нарушают положений настоящего Договора».

Статья 46. Меры нетарифного регулирования: «1. В торговле с третьими странами Союзом применяются следующие единые меры нетарифного регулирования: 1) запрет ввоза и (или) вывоза товаров; 2) количественные ограничения ввоза и (или) вывоза товаров; 3) исключительное право на экспорт и (или) импорт товаров; 4) автоматическое лицензирование (наблюдение) экспорта и (или) импорта товаров; 5) разрешительный порядок ввоза и (или) вывоза товаров». 2. Меры нетарифного регулирования вводятся и применяются на основе принципов гласности и недискриминации в порядке согласно приложению № 7 к настоящему Договору».

Статья 47. Введение мер нетарифного регулирования в одностороннем порядке

«Государства-члены в торговле с третьими странами могут в одностороннем порядке вводить и применять меры нетарифного регулирования в порядке, предусмотренном приложением № 7 к настоящему Договору».

3. Меры защиты внутреннего рынка.

Статья 48. Общие положения о введении мер защиты внутреннего рынка.

«1. Для защиты экономических интересов производителей товаров в Союзе могут вводиться меры защиты внутреннего рынка в отношении товаров, происходящих из третьих стран и ввозимых на таможенную территорию Союза, в виде специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер, а также в виде иных мер в случаях, предусмотренных статьей 50 настоящего Договора. 2. Решение о применении специальной защитной, антидемпинговой или компенсационной меры, об изменении или об отмене специальной защитной, антидемпинговой или компенсационной меры либо о неприменении меры принимает Комиссия. 3. Применение специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер осуществляется на условиях и в порядке согласно приложению № 8 к настоящему Договору. 4. Применению специальной защитной, антидемпинговой или компенсационной меры при импорте товара предшествует расследование, проводимое в соответствии с приложением № 8 к настоящему Договору органом, определенным Комиссией в качестве ответственного за проведение расследований (далее — орган, проводящий расследования). 5. Зачисление и распределение специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин осуществляются в соответствии с приложением № 8 к настоящему Договору».

Статья 49. Принципы применения специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер

«1. Специальная защитная мера может быть применена к товару в случае, если по результатам расследования, проведенного органом, проводящим расследования, установлено, что импорт этого товара на таможенную территорию Союза осуществляется в таких возросших количествах (в абсолютных или относительных показателях к общему объему производства в государствах-членах аналогичного или непосредственно конкурирующего товара) и на таких условиях, что это причиняет серьезный ущерб отрасли экономики государств-членов или создает угрозу причинения такого ущерба. 2. Антидемпинговая мера может быть применена к товару, являющемуся предметом демпингового импорта, в случае если по результатам расследования, проведенного органом, проводящим

расследования, установлено, что импорт такого товара на таможенную территорию Союза причиняет материальный ущерб отрасли экономики государств-членов, создает угрозу причинения такого ущерба или существенно замедляет создание отрасли экономики государств-членов. 3. Компенсационная мера может быть применена к импортированному товару, при производстве, экспорте или транспортировке которого использовалась специфическая субсидия экспортирующей третьей страны, в случае если по результатам расследования, проведенного органом, проводящим расследования, установлено, что импорт такого товара на таможенную территорию Союза причиняет материальный ущерб отрасли экономики государств-членов, создает угрозу причинения такого ущерба или существенно замедляет создание отрасли экономики государств-членов. 4. Для целей применения мер защиты внутреннего рынка под отраслью экономики государств-членов понимаются все производители аналогичного товара (для целей антидемпингового и компенсационного расследований) либо аналогичного или непосредственно конкурирующего товара (для целей специального защитного расследования) в государствах-членах либо те из них, доля которых в общем объеме производства в государствах-членах соответственно аналогичного товара либо аналогичного или непосредственно конкурирующего товара составляет существенную часть, но не менее 25 процентов».

Статья 50. Иные меры защиты внутреннего рынка. «Международным договором Союза с третьей стороной об установлении режима свободной торговли в целях устранения негативного воздействия импорта из этой третьей стороны на производителей государств-членов может быть предусмотрено право применения мер защиты внутреннего рынка на двусторонней основе, отличных от специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер, в том числе в отношении импорта сельскохозяйственных товаров».

Решение о применении таких мер принимается Комиссией. Анализируя указанные статьи, приходим к выводу, что санкции Европейского союза и США зеркально будут отражены и обернутся бумерангом для них самих. Ответные меры будут со стороны Евразийского пространства.

Сейчас европейскими и американскими властями применяются всевозможные отрицательные меры торгово-экономического характера: эмбарго — полное/частичное прекращение экономических связей, приостановка экспорта группы товаров; бойкот — комплексные меры всеобъемлющего характера, направленные на прекращение импорта на уровне юридических и физических лиц; блокада — изоляция страны, прекращение экономических отношений с целью истощения экономических ресурсов, принуждения к требованиям. Независимые государства Казахстан и Беларусь утверждают, что «экономические войны» их не коснутся. Коснутся, еще и как! Белорусская и казахская экономики тесно связаны с российской, и все экономические трудности России заденут казахских и белорусских союзников.

Единое экономическое пространство подразумевает и единую экономику. Появляются все предпосылки для утверждения, что наш Союз имеет очертания политического союза. Невзирая на возражения национальных элит, необходимо закрепить законодательно политичность ЕАЭС.

Надо уходить от «философской конкретики» и «политической болтологии и многословия», наподобие названия «Евразийский экономический союз». Разве Единое экономическое пространство не является экономическим союзом? Могли убрать слово «экономический» и просто оставить «Евразийский союз», сказав всем интересующимся, что Союз предполагает пока тесное взаимодействие в экономической сфере¹⁴.

14 Азанов Б. К. Евразийский союз Белоруссии, Казахстана, России — какое будущее? // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 5 (72) — С. 29; Фархутдинов И. З. За евразийским экономическим союзом — будущее [Электронный ресурс] — Режим

Ранее был заявлен своеобразный проект «Союзного государства» — демократического светского государства, однако не было образовано ни ТС, ни ЕЭП в рамках СНГ.

По этому поводу свое мнение высказал при личном общении наш белорусский коллега, доцент кафедры истории и теории права Витебского государственного университета им. П. М. Машерова Республики Беларусь В. А. Барышев: «О союзном государстве у нас вспоминают от случая к случаю. Это «долгострой», который никогда не будет завершен. Договор в 1999 году подписывал Ельцин. Путин со своей стороны предлагал Беларуси войти в состав России или одним субъектом или шестью областями. Лукашенко долго возмущался таким предложением».

Учитывая широкие полномочия наднациональных органов и союзных институтов, мы определили ЕАЭС как конфедеративное государство. Интересны мнения ученых относительно надгосударственности объединений. Так, французский ученый Ж. Моннэт определил, что «Европейское объединение угля и стали (первый интеграционный шаг государств Европы) является наднациональным, то есть федеральным образованием». По его мнению, «надгосударственность не имеет собственного значения и полностью идентифицируется с федерализмом, продвижение к надгосударственности равнозначны федерализации и наоборот»¹⁵. Британский юрист Т. Хэртли писал: «Европейские сообщества имеют определенное количество отличительных признаков федерации, что привело некоторых авторов к созданию неологизма «надгосударственность» для их описания»¹⁶. Ф. Гривэс полагал: «Термин «надгосударственность» по своей неопределенности и спорам, которые он вызывает, вполне соответствует термину суверенитет»¹⁷. Противоположенные мнения высказывают отечественные ученые — И. А. Смирнов: «Понятие «федеративный» никогда не совпадает с понятием «наднациональный» так же как суверенное государство не совпадает с международной организацией, а первичное с производственным — это явления разного порядка». Профессор Е. А. Шибаева отмечала, что «следует говорить не об ограничении суверенитета государств-членов, добровольно принятых ими функций и полномочиях, закрепленных в положениях учредительных актов, а о надделении международных организаций компетенцией, не имеющей аналогов в практике деятельности международных организаций»¹⁸. Можем вполне согласиться с мнением А. Н. Талалаева, утверждающего, что «при создании надгосударственной организации происходит переход определенных элементов внутренней компетенции государств-членов к организации»¹⁹. Профессор С. В. Черниченко основательно рассматривает наднациональность как качество, связанное «с постепенным процессом перерастания межгосударственных отношений в рамках соответствующего образования во внутрисударственные». В то же время наш старший коллега

отмечает, что «международное и внутрисударственное право действуют в разных плоскостях»²⁰.

Особые утверждение излагает представитель дипломатической академии МИД РФ А. А. Моисеев: «Не вызывает сомнений тот факт, что суверенной государственной власти, стоящей над государствами, не существует, и международное право не наделяет государства суверенитетом. Суверенитет как качественная категория не имеет границ. Появление утверждений об ограничении суверенитета, на наш взгляд, происходит в том числе по причине ошибочного приравнивания суверенитета, являющегося неотъемлемым и существенным качеством государства, к совокупности суверенных прав государства, которые называются суверенными только потому, что они государственные». А. А. Моисеев отрицает конфедерацию как форму государственного образования. В то же время слова А. А. Моисеева о том, что «абсолютными являются международная правосубъектность и суверенитет государства», поддерживают наше утверждение о государственности ЕАЭС, поскольку международная правосубъектность закреплена в Договоре о ЕАЭС. Продолжая свои мысли, он говорит: «Конфедерация обычно не является стабильным объединением государства и эволюционирует в сторону распада либо в сторону создания федерации. Конфедерация не является государством в общепринятом смысле это слова. Теоретически государство может быть членом нескольких конфедераций одновременно»²¹. Такой практики в международном сообществе не наблюдалось (за исключением проекта «Союзное государство — Беларусь — Россия»), поскольку заключение новых договоров с другими суверенными субъектами международного права могут нанести значительный ущерб конфедеративному образованию и ее членам.

Общие выводы

Есть основания, а не только предпосылки к идентификации ЕАЭС как конфедеративного государства: созданы надгосударственные органы, которые имеют такие же функции, как у государственных образований; участниками переданы часть национального суверенитета ибо стороны не могут проводить самостоятельную таможенно-экономическую политику; де-факто и де-юре национальные государства наделили евразийские союзные органы правом принимать обязательные решения для всех участников; наличие государственных функций у Евразийского экономического союза в экономической, торговой, энергетической, валютной сферах фактически указывают не только на конфедеративную форму образования, но и на федеративную форму и форму Союзного государства.

В практике интеграционных объединений может активно применяться ряд методов: запрет, обязывание, дозволение с точки зрения соблюдения нормативов. В межгосударственных объединениях используются методы рекомендательного характера, различаются методы односторонних действий, двухстороннего, многостороннего и наднационального регулирования. Должен присутствовать в интеграционных объединениях принцип разграничения (перераспределения) компетенции между суверенными государствами и межгосударственным объединением, который подразумевает полномочия межгосу-

доступа: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3021:2012-05-11-03-43-02&catid=42:2009-08-02-17-29-19&Itemid=123; Фархутдинов И. З. Сегодня СНГ — завтра Евразийский союз? [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=618:2010-05-12-10-18-02&catid=42:2009-08-02-17-29-19&Itemid=123

15 Monnett J. Les Etats — Unis D» Europe out commence. — P., 1955. — P. 58.

16 Hartley T. C. Constitutional and institutional aspects of the Maastricht Agreement. — 1996. — № 2. — С. 71; Lasok D., Bridge J. W. Op. cit. — P. 231-232.

17 Griebes F. L. Supranationalism and international adjudication. — Urbana, University of Illinois Press, 1969. — P. 10.

18 Шибаева Е. А. Право международных организаций: Вопросы теории Монография. — М.: Международные отношения, 1986 — С. 46-47.

19 Талалаев А. Н.: Критика некоторых современных буржуазных концепций относительно принципов и организационно-правовых форм социалистической экономической интеграции и роли СЭВ в ее осуществлении — М., 1977. — С. 175.

20 Черниченко С. В. Государство как личность, субъект международного права и носитель суверенитета // Российский ежегодник международного права. — СПб.: Издательский дом СПбГУ, 1995. — С. 36-37; Черниченко С. В.: Объективные границы международного права и соотношение международного и внутрисударственного права. — М.: Издательство, 1986. — С. 90; Международное публичное право. Под ред. Бекяшева К. А. — М., 1998; Лукашук И. И. Нормы международного права в международной нормативной системе. — М., 1997.

21 См.: Моисеев А. А. Суверенитет государства в международном праве. Учебное пособие. М.: изд-во Восток-запад, 2009. — С. 41, 61, 65, 75, 339.

дарственной организации. Принципом воздействия на систему правоотношений между бывшими республиками СССР, а в новом качестве между независимыми союзными государствами, является учреждение межгосударственного конфедеративного союза (межгосударственного объединения), что нам удалось успешно воплотить в реальность. Внутри межгосударственного органа применяются методы принятия решений путем консенсуса, большинства, квалифицированного большинства, взвешенным голосованием. Прямое действие на национальное и надгосударственное право может быть осуществлено путем: унификации международно-правовых норм, унификации норм внутреннего права, конвергенции, внутренних правовых режимов вхождения евразийского права во внутреннее право государств участников ЕАЭС. Процесс мировой глобализации создает все предпосылки для создания единого экономического пространства и социально-гражданского пространства на территории бывшего СССР. А для этого что нам нужно?! Нужно формирование соответствующей политико-правовой надстройки. Мы идем к необходимости формирования общей социально-правовой системы Союза ЕАЭС, в которой есть своя общеевразийская проблема, интересы институциональные и нормативные механизмы. Следующие утверждения профессора В. М. Шумилова могут быть крайне негативно встречены Сторонами Союза: «Учитывая размеры и экономический потенциал России, именно она объективно может и должна стать главным стержнем и управляющим звеном экономической интеграции на постсоветском пространстве. Опыт всех более-менее успешных интеграционных группировок показывает, что в интеграции наиболее экономически сильные государства задают тон всем интеграционным процессам, становятся и «законодателями» процесса в некотором роде «тягловой силой»»²².

Никто не может спорить с экономической мощью Российского государства, но никто не может отрицать сильную экономику Республики Казахстан. Вышесказанное будет уместным, если в наш Союз войдут Республика Кыргызстан и Республика Таджикистан. В этом случае ядром Союза могут быть Россия и Казахстан. Сейчас голоса между участниками Евразийской конфедерации распределены в равной доле, все вопросы решаются на основе консенсуса.

Было бы уместным, если бы В. М. Шумилов указал, какие интеграционные объединения работают и распределяют полномочия по такому принципу. Сегодня в мире насчитывается большое количество интеграционных групп. Среди них наиболее известные — Европейский союз (ЕС); Североамериканская ассоциация свободной торговли (НАФТА); Ассоциация Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС); Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН); Латиноамериканская ассоциация интеграции (ЛАИ); «Меркосур»; Экономическое сообщество государств Западной Африки (ЭКОВАС); Таможенный и экономический союз Центральной Африки (ЮДЕАК). Интеграция тюркских государств — Тюркский совет; Лига арабских государств (ЛАГ).

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г., с изменениями и дополнениями от 2004 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://pravo.by/main.aspx?guid=6351>
2. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029
3. Азанов Б. К. Евразийский союз Белоруссии, Казахстана, России — какое будущее? // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 5 (72).
4. Азанов Б. К. Казахский президент как основатель неоевразийства // Евразийский юридический журнал. 2014. № 3 (70).
5. Институт диаспоры и интеграции [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.zatulin.ru/institute/diaspora/sootech/kazah.htm>
6. Комитет по статистике Республики Казахстан [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/p_perepis?_afzLoop=2060927667364419#%40%3F_afzLoop%3D2060927667364419%26_adf.ctrl-state%3D1d6q4ccdi_229; http://www.stat.gov.kz/faces/homePage?_adf.ctrl-state=1d6q4ccdi_229&_afzLoop=2061650245813245
7. Лукашенко: «Если сюда придёт Путин, то неизвестно, на чьей стороне будут воевать русские» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1794155.html#ixzz3Bofixszl>.
8. Лукашук И. И. Нормы международного права в международной нормативной системе. — М., 1997.
9. Международное публичное право. Под ред. Бекашева К. А. — М., 1998.
10. Моисеев А. А. Суверенитет государства в международном праве. Учебное пособие. М.: изд-во Восток-запад, 2009.
11. Послание президента РБ белорусскому народу [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-obraschaetsja-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-8549/. 22 апреля 2014 года
12. Проживающий в Москве уроженец Бобруйска испытывает физические страдания от слова «Белоруссия» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1842241.html#ixzz3BoaHVV7q>
13. Сухарев А. Я., Крутских В. Е. Большой юридический словарь. — М.: Инфра-М, 2003.
14. Талалаев А. Н.: Критика некоторых современных буржуазных концепций относительно принципов и организационно-правовых форм социалистической экономической интеграции и роли СЭВ в ее осуществлении — М., 1977.
15. Фархутдинов И. З. За евразийским экономическим союзом — будущее [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3021:2012-05-11-03-43-02&catid=42:2009-08-02-17-29-19&Itemid=123.
16. Фархутдинов И. З. Сегодня СНГ — завтра Евразийский союз? [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=618:2010-05-12-10-18-02&catid=42:2009-08-02-17-29-19&Itemid=123
17. Черниченко С. В. Государство как личность, субъект международного права и носитель суверенитета // Российский ежегодник международного права. — Спб., Издательский дом СПбГУ, 1995.
18. Черниченко С. В.: Объективные границы международного права и соотношение международного и внутригосударственного права. — М.: Издательство, 1986.
19. Шибаева Е. А. Право международных организаций: Вопросы теории Монография. — М.: Международные отношения, 1986.
20. Шумилов В. М. Международное экономическое право. Учебник. — Ростов-на-Дону: Изд-во Феникс, 2003.
21. Grievies, F. L. Supranationalism and international adjudication. — Urbana, University of Illinois Press, 1969.
22. Hartley T. C. Constitutional and institutional aspects of the Maastricht Agreement. — 1996. — № 2.
23. Monnett J. Les Etats — Unis D» Europe out commence. — P., 1955.

Изотов А. В., Мишальченко Ю. В.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ, ПРАВОВЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НА ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ

В статье раскрывается влияние политических, правовых и экономических процессов на постсоветском пространстве, а также процессов евразийской интеграции на отношения между Европейским союзом (ЕС) и Россией. Авторы рассматривают и сравнивают политики России и ЕС по отношению к странам постсоветского пространства за последнее время, включая проблематику отношений постсоветских стран, евразийской интеграции и ее институтов, Европейской политики соседства и Восточного партнёрства ЕС. Анализируются политические последствия заключения Договора о Евразийском экономическом союзе России, Беларуси и Казахстана, а также Соглашений об ассоциации с ЕС Украины, Грузии и Молдовы. Рассматриваются перспективы дальнейшего влияния фактора постсоветского и евразийского пространства, а также украинского кризиса на отношения между Россией и ЕС.

Ключевые слова: постсоветское пространство, евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, Россия, Европейский союз, соглашения об ассоциации с ЕС, Восточное партнерство, Европейская политика соседства.

Izotov A. V., Mishalchenko Yu. V.

POLITICAL, LEGAL AND ECONOMIC PROCESSES WITHIN THE EURASIAN AREA AND ITS IMPLICATIONS FOR THE EU-RUSSIAN RELATIONS

The article focuses on the political, legal and economic developments within the Post-Soviet area including the processes of the Eurasian integration and its implications for the EU-Russian relations. The authors analyze the EU and Russia's policies towards the Post-Soviet space including dynamics of the Post-Soviet politics, Eurasian integration and its institutions, EU Eastern Partnership and European Neighborhood Policy. The Agreement on the Eurasian Economic Union between Russia, Belarus and Kazakhstan and Association Agreements between the EU and Ukraine, Georgia and Moldova are analyzed. In conclusions the article outlines the prospects for the development of the EU-Russian relations regarding the Post-Soviet international politics and current Ukrainian crisis.

Keywords: Post-Soviet space, Eurasian integration, Eurasian Economic Union, Russia, European Union, Association agreements, Eastern Partnership, European Neighborhood Policy.

Евразийский или постсоветский регион, образовавшийся после распада Советского Союза, за последние 20 лет прошел существенную эволюцию. Политические, правовые и экономические процессы, происходившие в нем за это время, имели достаточно сложный и иногда разнонаправленный характер. Так, интеграционные процессы могли переплетаться с дезинтеграционными. В настоящее время ведутся как академические, так и политические дискуссии относительно того, в каком контексте можно говорить о существовании евразийского или постсоветского региона как целостного политического пространства, а в каком оно является фрагментированным¹.

Одной из основных тенденций политического развития после 1991 г. во всех странах, образовавшихся на месте распада СССР, стал процесс создания национальных государств и национальных идентичностей. Политические элиты постсоветских стран рассматривают укрепление суверенитета своих государств в качестве стратегического приоритета. Однако построение новых национальных идентичностей в одних странах идет за счет противопоставления прежнему советскому и досоветскому общему наследию, а в других оно является элементом создания новых государственностей и идентичностей. Также процесс строительства национальных идентичностей в ряде стран постсоветского пространства осложняется длительными межэтническими конфликтами.

Другой ключевой тенденцией развития постсоветского региона за последние два десятилетия являются процессы интеграции между постсоветскими странами. В последнее время эти интеграционные процессы все чаще получают наименование евразийских интеграционных процессов. В России происходит постепенная замена прилагательного «постсоветский» на прилагательное «евразийский» для характеристики большей части пространства бывшего СССР, поскольку прилагательное «постсоветский», в первую очередь, соотносится с советским институциональным наследием, которое во все большей степени исчезает по мере исторического удаления от СССР.

Интеграционные процессы на пространстве бывшего СССР носят многоуровневый и многоконфигурационный характер, развиваясь в рамках нескольких международных организаций с разным числом участников.

Самой первой из организаций по сотрудничеству между странами, образовавшимися на пространстве бывшего СССР, стало Содружество Независимых Государств (СНГ), которое было создано в 1991 г., а его устав был принят в 1993 г. На первоначальном этапе деятельности СНГ главным его приоритетом стало смягчение последствий распада СССР и поддержание стабильных отношений между политическими элитами новых государств. Также в рамках СНГ было принято множество многосторонних соглашений, нацеленных на поддержание хозяйственных и гуманитарных связей между его странами-членами. В 2011 г. в рамках СНГ был подписан Договор о создании зоны свободной торговли. Примечательно, что Грузия, покинувшая институты СНГ в 2009 г., остается участником многих многосторонних соглашений, подписанных в его рамках. В целом, СНГ, являясь по числу участников наиболее универсальным из постсоветских международных организаций, в большей степени связано именно с «постсоветским элементом» политических процессов на пространстве бывшего СССР. Сотрудничество между странами в рамках этой организации помогло до определенной степени сгладить последствия распада СССР

1 См.: Рябов А. Распадающаяся общность или целостный регион // Pro et Contra. — 2011. — № 3-4 (52). — С. 6-19; Васильева Н., Лагутина М. Глобальный евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. — Спб.: Изд-во Политехнического университета, 2012; Егоров В. Постсоветское пространство как предмет научного осмысления // Обозреватель. — 2011. — № 9. — С. 48-59; Delcour L. Shaping the post-Soviet Space? EU Policies and Approaches to Region-Building. Ashgate, 2011; Delcour L. The European Union and its eastern neighbours: towards a more ambitious partnership? // International Affairs. — Vol. 88. — Is. 6. — P. 1362-1363, Special Issue, Nov 2012.

и помочь сформировать постсоветский международный регион, существенная часть которого уже после 2000 г. стала трансформироваться в евразийское пространство.

Для сравнения, на месте другого распавшегося в 1991–1992 гг. государства — Югославии, в 1990-е годы никакого постъюгославского региона сформировано не было. Формирование постъюгославского или западно-балканского региона началось только после 2000 г., и ключевая роль в этом процессе принадлежала не самим странам бывшей Югославии, а внешнему актору — Европейскому союзу, который запустил процесс стабилизации и ассоциации.

Новый этап интеграционного сотрудничества между частями государств пространства бывшего СССР начался в 2000 г., когда Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан подписали соглашение о создании Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), которое вступило в силу в 2001 г.² В отличие от СНГ, цели ЕврАзЭС в области экономического сотрудничества и интеграции были более амбициозными, в частности, предусматривалось продвижение в сторону единого экономического пространства.

В период между 2003 и 2005 гг. большие ожидания в плане практической реализации интеграции на постсоветском пространстве возлагались на так называемый проект Единого экономического пространства между Россией, Беларусью, Казахстаном и Украиной, о создании которого эти страны договорились в 2003 г. Для России было критически важно, что в отличие от формата ЕврАзЭС участником создаваемого Единого экономического пространства является Украина. Однако после «оранжевой революции» новое украинское руководство заявило, что готово к экономической интеграции с участием России только до стадии зоны свободной торговли.

В 2007 г. Россия, Беларусь и Казахстан приняли решение о строительстве совместного таможенного союза, создание которого было завершено в 2010–2011 гг. С 2012 г. между Россией, Беларусью и Казахстаном действует Единое экономическое пространство, в целом, соответствующее интеграционной стадии единого внутреннего рынка.

Осенью 2011 г. во время президентской предвыборной кампании В. Путин высказался за углубление евразийской интеграции³, что было поддержано лидерами Беларуси и Казахстана. В 2015 г. между Россией, Беларусью и Казахстаном планируется создание Евразийского экономического союза, договор о котором был подписан 29 мая 2014 г. Также ведутся дискуссии о перспективах валютного союза как одной из составляющих евразийской интеграции⁴.

Таким образом, на сегодняшний день евразийские интеграционные процессы в наиболее активной форме охватывают три страны постсоветского пространства — Россию, Беларусь и Казахстан. Также ожидается подключение к ним Армении, и существует вероятность присоединения к ним Кыргызстана, который является членом ЕврАзЭС.

Помимо этого, в контексте интеграционных и политических процессов на евразийском пространстве следует упомянуть и о деятельности Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в которую входят Россия, Беларусь, Армения, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, однако эта организация напрямую не связана с экономической интеграцией. Основным направлением ее деятель-

ности является политическое и военно-политическое сотрудничество ее стран-участниц. Также следует упомянуть и об особом статусе российско-белорусских отношений, что нашло выражение в учреждении так называемого Союзного государства России и Беларуси в 1999 г., однако основные процессы экономической интеграции между двумя странами идут в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Помимо многосторонних интеграционных процессов международные отношения на евразийском пространстве включают в себя целый комплекс двусторонних форматов отношений между постсоветскими странами. Данный набор двусторонних отношений может варьироваться от дружественных до нейтральных или конфронтационных, как, например, между Арменией и Азербайджаном. При этом часто решение проблем в ходе реализации проектов многосторонней интеграции зависит от налаживания отношений и достижения взаимопонимания на двустороннем уровне, при этом крайне важны договоренности между политическими лидерами стран. Это в существенной степени относится и к евразийской экономической интеграции России, Беларуси и Казахстана, где, принимая во внимание лидирующие позиции России в этом формате, крайне важным является качество российско-белорусских и российско-казахстанских отношений. Также на отношения между странами евразийского региона влияют проводимые политики «внешних акторов», прежде всего, таких глобальных игроков, как Европейский союз, США и Китай, а также региональных акторов (например, Турции и Ирана для региона Кавказа; Китая, Ирана, Саудовской Аравии и Афганистан для региона Центральной Азии).

На протяжении всего периода времени после распада СССР положение России на постсоветском пространстве было лидирующим, и ее политика всегда была крайне важным фактором политических процессов на постсоветском пространстве. Российская политика по отношению к странам евразийского региона реализуется как в рамках многосторонних форматов, так и на двустороннем уровне отношений. На многостороннем уровне стратегической целью России было сохранение как можно большей целостности постсоветского пространства, а также продвижение интеграционных проектов в более узком формате с теми странами, которые в наибольшей степени к этому готовы. С другой стороны, Россия негативно относилась к многосторонним форматам сотрудничества постсоветских стран без ее участия, что демонстрирует, например, ее отношение к ГУАМ-ОДЭД. На институциональном уровне постсоветское пространство наиболее целостным являлось в 1990-е годы, что объяснялось, прежде всего, исторической инерцией. После вступления Грузии в СНГ в 1993 г. эта организация включила в себя все страны постсоветского пространства, кроме балтийских государств. Также с 1993 по 1999 гг. все государства — члены СНГ только за исключением Молдовы и Украины являлись участниками Договора о коллективной безопасности⁵.

На сегодняшний день по критерию приоритетности сотрудничества с Россией на постсоветском пространстве, в целом, можно выделить две группы стран.

Беларусь и Казахстан являются членами ЕврАзЭС и принимают участие в самых тесных формах интеграционного сотрудничества с участием России — Таможенном союзе, Едином экономическом пространстве и Евразийском экономическом союзе. Кыргызстан и Таджикистан являются членами ЕврАзЭС. При этом в настоящее время рассматривается возможность присоединения Кыргызстана и Армении к Таможенному союзу и Евразийскому экономическому союзу. Также следует отметить, что все вышеперечисленные страны являются чле-

2 Еще в 1995 г. эти страны приняли решение о создании таможенного союза между ними, но этот проект в 1990-е гг. остался нереализованным.

3 Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. — 03.10.2011.

4 Подробнее о перспективах евразийской валютной интеграции см.: Мишальченко Ю. В., Ткаченко С. Л. Евразийский экономический союз: перспективы построения экономического и валютного союза (на примере Европейского Союза) // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 46. — С. 10–12.

5 В 1999 г. Грузия, Азербайджан и Узбекистан вышли из Договора о коллективной безопасности.

нами ОДКБ, что, в определенной мере, также ориентирует их на российскую политику.

Другая группа постсоветских государств ориентируется на сотрудничество, прежде всего, с Европейским союзом и евро-атлантическими структурами, или предпочитает стратегическое балансирование между Россией и другими глобальными игроками. Грузия после «революции роз» 2003 г. ориентируется, прежде всего, на сотрудничество с ЕС и НАТО. Украина при президентах Л. Кучме (1994–2005) и В. Януковиче (2010–2014) предпочитала стратегическое балансирование, а при президенте В. Ющенко (2005–2010) и после февраля 2014 г. ориентирована, прежде всего, на западные институты. Молдова при президенте М. Воронине (2001–2009) проводила политику балансирования, а после 2009 г. молдавское руководство ориентируется, прежде всего, на европейскую интеграцию.

Богатый нефтяными ресурсами и имеющий возможность транспортировать их в ЕС в обход российской территории Азербайджан на протяжении почти всей своей постсоветской истории предпочитает стратегию балансирования между Россией, ЕС, США, а также региональными державами — Турцией и Ираном. Он не стремится присоединиться к Таможенному союзу, но также и не стремится к форсированию подписания ассоциативного соглашения с ЕС. В Средней Азии Узбекистан, рассматривающий себя как центральное государство региона, на всем протяжении своей истории проводил политику балансирования. Первоначально эта страна была одной из подписавших ташкентский Договор о коллективной безопасности 1992 г., однако в 1999 г. Узбекистан вышел из него, одновременно присоединившись к формату сотрудничества Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы (ГУАМ), тем самым трансформировав его в ГУУАМ. В 2005 г. Узбекистан покинул ГУУАМ, а в 2006 г., после ухудшения отношений с Западом, вызванных его критикой событий в Анджане (2005 г.), вступил в ЕврАзЭС и ОДКБ, из которых вышел, соответственно, в 2008 г. и 2012 г. Богатый нефтяными и газовыми ресурсами Туркменистан также предпочитает политику балансирования, совмещенную с определенной степенью изоляционизма. Основным внешнеполитическим принципом этого государства был провозглашен нейтралитет, также в 2005 г. Туркменистан объявил, что меняет свой статус участника в СНГ на статус наблюдателя.

С 2009 г. наблюдается активизация процессов евразийской интеграции, можно говорить о начале ее нового этапа. При этом отличительной особенностью является то, что Таможенный союз и Единое экономическое пространство России, Беларуси и Казахстана, в целом, основываются на нормах ВТО. Однако на сегодняшний день из всех стран этого интеграционного объединения только Россия является членом ВТО, в ближайшей перспективе ожидается присоединение к ВТО Казахстана, присоединение к ВТО Беларуси, очевидно, будет более длительным процессом⁶. Также Россия, Беларусь и Казахстан заявляли, что намерены учитывать опыт ЕС при построении Евразийского экономического союза. Однако одним из серьезных отличий интеграции в рамках ЕС и евразийской интеграции является то, что в ЕС ни одно государство не занимает такого доминирующего положения, как Россия в Таможенном союзе, на которую приходится большая часть его рынка и промышленного производства.

На настоящее время экономическая интеграция в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства дала положительные экономические результаты, приведя к увеличению товарооборота между странами-членами, тем самым стимулируя производство. Также реализация Единого экономического пространства создала условия для конкуренции юрисдикций, что должно стимулировать государства

к созданию более благоприятных условий для ведения бизнеса. В то же самое время Таможенный союз и Единое экономическое пространство являются институтами, прежде всего, экономической интеграции, и, очевидно, что Казахстан и Беларусь будут крайне скептически относиться к идеям переведения интеграции в политическую плоскость⁷.

Однако, несмотря на прежде всего экономический характер евразийской интеграции, Европейский союз относится к ней достаточно настороженно. Это вызвано несколькими причинами.

Во-первых, принимая во внимание доминирующий экономический вес России в процессах евразийской интеграции, ЕС смотрит на нее сквозь призму своих отношений с Россией и своей оценки ее внешней политики в целом. В настоящее время отношения России и ЕС переживают ряд кризисных явлений, что связано, в первую очередь, с событиями внутри и вокруг Украины.

Во-вторых, ЕС имеет собственные планы по частичной интеграции если не всего постсоветского пространства, то его западной и юго-западной частей. До 2003 г. подход ЕС к постсоветскому пространству был более целостным и базировался на заключении соглашений о партнерстве и сотрудничестве со всеми странами постсоветского пространства, за исключением государств Балтии, с которыми были подписаны Европейские соглашения. В 2003–2004 гг. Евросоюз начинает регионализировать постсоветское пространство, включив Украину, Беларусь, Молдову, Грузию, Армению и Азербайджан в ареал Европейской политики соседства (ЕПС), которая также распространялась и на «южных соседей» ЕС, то есть государства южного и восточного Средиземноморья. В 2008–2009 гг. ЕС инициирует новую внешнеполитическую инициативу — Восточное партнерство, направленную уже исключительно на Украину, Беларусь и Молдову, а также страны Южного Кавказа, тем самым демонстрируя увеличение своей заинтересованности в западной части постсоветского пространства. Исходя из этого, ЕС, в целом, более позитивно смотрит на евразийские интеграционные процессы в регионе Центральной Азии, чем на так называемое пространство «общего соседства» России и Европейского союза, где выше степень конкуренции ЕС и России.

Начиная с 2011–2012 гг. произошла активизация конкуренции России и ЕС на пространстве их общего соседства. Россия инициировала планы Евразийского союза и стремится к тому, чтобы Украина присоединилась к процессам евразийской интеграции. В свою очередь, ЕС поставил для себя стратегическую цель по подписанию так называемых ассоциативных соглашений со странами Восточного партнерства. Усиление конкуренции способствовало и то, что политика ЕС по отношению к его «восточным соседям» была мало связана с его политикой по отношению к России, и, в целом, не учитывала достаточно плотных связей с Россией, которые унаследовали «восточные соседи» ЕС. С другой стороны, политика России по евразийской интеграции и сотрудничеству со странами западной части постсоветского пространства была также мало связана с политикой России по развитию отношений с ЕС. При этом собственно двусторонние отношения России и ЕС находились в состоянии стагнации еще задолго до украинского кризиса. Все эти факторы способствовали росту непонимания

6 Подробнее о влиянии ВТО на евразийскую интеграцию см.: Мишальченко Ю. В., Белоусов С. Н. Россия в ВТО и перспективы развития евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2012. — № 12. — С. 87–98.

7 Подробнее о взаимосвязи политических и экономических аспектов интеграционных процессов на евразийском пространстве см.: Либман А. Постсоветская интеграция и политические системы постсоветских государств // Россия и новые государства Евразии. — 2012. — № 4. — С. 5–20; Винокуров Е. Прагматическое евразийство // Россия в глобальной политике. 30.04.2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Pragmaticheskoeevraziistvo-15950> (дата обращения: 14.06.2014).

и напряженности в отношениях России и ЕС на постсоветском и евразийском пространствах⁸.

Также активизация политик России и ЕС по отношению к странам региона их «общего соседства» привела к тому, что некоторые из них были поставлены перед жестким выбором в пользу приоритетности развития отношений с ЕС или с евразийским объединением. В ряде стран это крайне сузило возможности для традиционно проводимой их правительствами стратегии маневрирования между Москвой и Брюсселем и привело к внутривнутриполитической эскалации. Украина — наиболее драматичный пример таких процессов.

Таким образом, на сегодняшний день комплекс отношений, сложившийся в западной части постсоветского пространства, является фактором, который негативно влияет на отношения России и Европейского союза, снижая их устойчивость. При этом для сегодняшней внешней политики России интеграционные процессы на евразийском пространстве являются приоритетом не только с точки зрения самооценности постсоветского региона, а прежде всего потому, что, как считает сегодняшнее российское руководство, Россия, стоящая во главе интеграционного объединения нескольких стран, станет иметь больший вес в отношениях с другими глобальными игроками, прежде всего, с Европейским союзом. В контексте переговоров с ЕС по новому базовому соглашению, в идеале Россия стремилась бы к заключению такого соглашения не только по линии Россия — ЕС, но и по линии Таможенный/Евразийский союз — ЕС. С другой стороны, для ЕС развитие интеграционных отношений с государствами западной части постсоветского пространства стало тоже одним из основных внешнеполитических приоритетов, от которого он отказываться не собирается, даже если пока не готов открыть перспективу членства для этих стран. При этом как Россия, так и ЕС, очевидно, переоценили значимость ассоциативных соглашений между ЕС и его «восточными соседями». Структурно данные соглашения похожи на соглашения о стабилизации и ассоциации, которые ЕС заключает со странами Западных Балкан, однако речь о вступлении в ЕС в них не идет, точно так же как речь в них не идет и о существенной финансовой помощи со стороны ЕС. Главная проблема не в подписании и ратификации этих соглашений, а в их качественной и последовательной имплементации, что может значительно не совпадать с интересами части политических элит стран региона «общего соседства» России и ЕС, если даже на уровне политической риторики они высказываются за их скорейшее подписание. Как показывает опыт большинства западно-балканских стран, для которых перспектива членства в ЕС была открыта в 2000 г., евроинтеграция — достаточно длительный процесс, первой в ЕС из «западно-балканского пакета» вступила Хорватия в 2013 г., вступление других стран ожидается, очевидно, не раньше 2020 г.

Введение ЕС санкций против России является беспрецедентным шагом за более чем двадцатилетнюю историю их отношений. Традиционно центром притяжения отношений России и ЕС были торгово-экономические вопросы, прежде всего, относящиеся к сфере энергетики. Однако сегодня противоречия России и ЕС в регионе западной части постсоветского пространства оказывают такое влияние на отношения

Евросоюза и России в целом, какого они никогда не оказывали раньше. Создается впечатление, что именно этот комплекс противоречий начинает определять отношения России и Евросоюза в целом. В этой связи следует вспомнить, что примерно с середины 2000-х гг. наметилась тенденция к стагнации отношений России и ЕС и ухудшению их политической составляющей, однако, несмотря на это, экономические показатели отношений, прежде всего, торговля, инвестиции и контакты между людьми продолжали показывать уверенный рост. Поэтому в свете сегодняшней ситуации крайне важным является то, приведет ли текущий политический кризис к уменьшению реального двустороннего товарооборота и сокращению контактов на транснациональном уровне между Европейским союзом и Россией.

Ухудшение отношений России и ЕС, вызванное украинским кризисом, является частью общего ухудшения отношений России и институтов Запада, среди которых ЕС играет крайне важную роль. Теоретически стабилизация отношений России и западного сообщества, в целом, зависит от стабилизации на четырех уровнях отношений.

Первый уровень — это российско-американские и российско-атлантические отношения. Значимость этого уровня отношений определяется тем, что Соединенные Штаты являются ведущим государством Запада и играют крайне важную роль в большинстве его институтов.

Второй уровень — это отношения России со странами так называемой «новой Европы». Этот уровень отношений в большей степени политический по своей природе. Он является отягощенным для государств ЦВЕ фактором коллективной памяти по отношению к периоду второй половины XX в. В свою очередь, Россия чувствительно относится к тому, что страны данного региона, находясь в географической близости от нее, активно стремятся к усилению роли НАТО в этом регионе и его военной инфраструктуры.

Третий уровень — это отношения между Россией и Европейским союзом и его ключевыми странами-членами. Данный уровень является в большей степени экономическим по своей природе, его важность определяется тем, что сотрудничество с ключевыми странами ЕС является крайне важным для модернизации и качественного развития российской экономики.

Наконец, четвертый уровень отношений затрагивает Россию и страны западной части постсоветского пространства, которые находятся между Россией и ЕС (и НАТО). Ситуация на этом уровне отношений в настоящее время является наиболее сложной, она является определяющей для ухудшения отношений на других уровнях.

Столкнувшись с кризисом в отношениях с Западом и его институтами, Россия в настоящее время стремится сбалансировать экономические и энергетические отношения с ним, развивая экономическое и энергетическое сотрудничество с азиатскими странами, прежде всего с Китаем, а также развивая процессы евразийской интеграции. Однако это само по себе не отменяет крайне сложной ситуации в отношениях России и Запада на постсоветском пространстве, прежде всего, в случае с Украиной. ЕС, в свою очередь, тоже стремится к форсированному подписанию, ратификации и имплементации ассоциативных соглашений с Украиной, Грузией и Молдовой.

29 мая 2014 г. в Астане Россией, Беларусью и Казахстаном был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе. Основными целями создания данного союза являются: «создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение

8 Однако негативное отношение России к деятельности ЕС в западной части постсоветского пространства возникло не сразу и нарастало постепенно. Подробнее об эволюции политики России по отношению к ЕПС и Восточному партнерству см.: Izotov A., Khudoley K. Russia and the European Union: Partnership and Conflict Undefined // Made V. and Sekarev A. (eds.). The European Neighbourhood After August 2008. Republic of Letters Publishing BV, Dordrecht, The Netherlands / St. Louis, MO. 2011. — P. 199–232; Izotov A. Russia and the EU's Eastern Partnership in the Context of the EU-Russia Relations // Eastern Partnership Review, ECEAP. No. 15. «The Post Vilnius Challenges of the Eastern Partnership». December, 2013. — P. 7–18;

конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики»⁹.

В соответствии с этим договором, основным институциональным направлением развития интеграции трех стран станет постепенное создание единого внутреннего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы, которое планируется завершить к 2025 г., когда должны быть созданы единые рынки основных энергоносителей — газа и нефти. Также в дальнейшем возможны шаги по направлению к валютной интеграции и созданию общего финансового регулятора. Ранее три страны-участницы уже принимали решения о создании таможенного союза и единого внутреннего рынка, и в этом отношении Договор о Евразийском экономическом союзе укрепляет правовую и институциональную базу процессов евразийской интеграции. Также подписание этого документа имеет большое значение с политической точки зрения, как важный символический шаг.

Каждое из государств, подписавших данный договор, экономически заинтересовано в развитии интеграционных процессов, однако также преследует и свои национальные цели. Для российского руководства помимо экономических целей важна политическая составляющая евразийского интеграционного объединения, которое, по его мнению, может увеличить ее политический и стратегический вес на глобальной арене. В частности, во время подписания Договора о Евразийском экономическом союзе Президент России В. Путин отметил, что создается «притягательный центр экономического развития, крупный региональный рынок, который объединяет более 170 млн человек» и обладает пятой частью мировых запасов газа и 15% мировых запасов нефти¹⁰, и к которому «проявляют интерес крупнейшие экономические игроки»¹¹. Для Казахстана важно сохранение, прежде всего, экономического характера евразийской интеграции. Как отметил Президент Казахстана Н. Назарбаев во время подписания договора, «прежде всего Союз является экономическим и не затрагивает вопросы независимости, политического суверенитета государств — участников интеграционного процесса»¹². Также казахстанский президент подчеркнул, что «важным моментом является то, что на всех уровнях принятия решения организации внедряется принцип консенсуса. Таким образом, голос каждой страны будет определяющим»¹³. Беларусь также рассматривает процессы евразийской интеграции, прежде всего, как экономические. Однако в отличие от богатого энергетическими и, следовательно, финансовыми ресурсами Казахстана белорусская экономика сильно зависит от льготных цен на российские энергоносители. Поэтому данная страна рассматривает на продолжение экономических преференций со стороны России, и для нее важно подчеркнуть особый характер отношений с Москвой. В частности, белорусский Президент А. Лукашенко

отметил, что «ядром и локомотивом» евразийских интеграционных процессов «являлся в СНГ и остаётся союз „Россия — Беларусь“»¹⁴.

Однозначно четкой реакции Европейского союза на подписание договора о Евразийском экономическом союзе не последовало. Нужно учитывать, что Евросоюз смотрит на евразийские интеграционные процессы во многом сквозь призму своей оценки политики России на постсоветском пространстве, а подписание соглашения в Астане происходило на фоне роста военно-политического кризиса в восточной части Украины. Тем не менее, директор департамента по России, Восточному партнерству, Центральной Азии, региональному сотрудничеству и ОБСЕ Европейской службы внешних связей Г. Виганд на ежегодной конференции Ассоциации европейского бизнеса в Москве 17 июня 2014 г. заявил, что ЕС, Восточному партнерству и Евразийскому экономическому союзу «нужно найти возможность выстраивать взаимное сосуществование без усиления напряженности». Также высокопоставленный чиновник ЕС отметил, что так называемая углубленная зона свободной торговли между ЕС и Украиной, которую планируется создать после вступления в силу ассоциативного соглашения, совместима с нормами зоны свободной торговли СНГ, однако создание зоны свободной торговли «от Лиссабона до Владивостока» возможно только в среднесрочной перспективе. В то же время Г. Вигандом было признано, что определяющим фактором отношений России и ЕС в настоящее время являются их разногласия по украинскому кризису, он также выразил сожаления, что эти разногласия возможно будет преодолеть в ближайшем будущем¹⁵. Однако, несмотря на политические проблемы отношений России и Евросоюза, между участниками европейских и евразийских интеграционных процессов за последние 20 лет сформировалась существенная степень экономической и финансовой взаимозависимости, которые невозможно игнорировать¹⁶.

27 июня 2014 г. Украина, Грузия и Молдова подписали соглашения об ассоциации с ЕС¹⁷. В частности, президент Европейской комиссии Ж. М. Баррозу отметил, что заключение данных соглашений стало естественным промежуточным итогом более чем двадцатилетней истории развития этих стран. Он также подчеркнул, что ассоциативные соглашения не являются конечной стадией во взаимоотношениях этих стран с ЕС, и они не направлены против кого бы то ни было¹⁸. Президент Украины П. Порошенко, характеризуя ассоциативное соглашение, сказал, что оно дает Украине «абсолютно новые перспективы»¹⁹. Россия, с одной стороны, отмечает, что подписание данных со-

9 Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астана 29.05.2014) Статья 4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 10.07.2014).

10 Путин В. Стенограмма выступления на начале заседания Высшего Евразийского экономического совета в узком составе Астана. 29.05.2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/45788> (дата обращения: 10.07.2014).

11 Путин В. Заявление для прессы по итогам заседания Высшего Евразийского экономического совета Астана. 29.05.2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/45790#sel> (дата обращения: 10.07.2014).

12 Назарбаев Н. Заявление для прессы по итогам заседания Высшего Евразийского экономического совета Астана. 29.05.2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/45790#sel> (дата обращения: 10.07.2014).

13 Назарбаев Н. Стенограмма выступления на начале заседания Высшего Евразийского экономического совета в узком составе. Астана 29.05.2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/45788> (дата обращения: 10.07.2014).

14 Лукашенко А. Стенограмма выступления на начале заседания Высшего Евразийского экономического совета в узком составе, Астана. 29.05.2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/4578> (дата обращения: 10.07.2014).

15 Wiegand G. Still a strategic relationship — in search of a new paradigm. Remarks at an annual conference organised by the Association of the European Businesses in Moscow 17.06.2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/press_corner/all_news/news/2014/20140618_en.htm (дата обращения: 10.07.2014).

16 См.: Мишальченко Ю. В., Ткаченко С. Л. и др. ЕврАзЭС и ЕС: тенденции взаимодействия в условиях глобализации. Экономико-правовые и валютно-финансовые аспекты. — Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭТУ, 2013.

17 Украина подписала политическую часть Соглашения об ассоциации с ЕС в марте 2014 г.

18 Remarks by President Barroso at the signing of the Association Agreements with Georgia, the Republic of Moldova and Ukraine Brussels, 27 June 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-14-511_en.htm (дата обращения: 10.07.2014).

19 Порошенко подписал соглашение об ассоциации с ЕС ВВС, Русская служба. 27.06.2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

глашений является суверенным правом государств, однако, с другой стороны, подчеркивает, что при формировании зоны свободной торговли между ЕС и ассоциированными странами она может принять меры по защите своего внутреннего рынка²⁰. В частности, Россия может отменить режим свободной торговли с Украиной и ввести стандартный режим наибольшего благоприятствования²¹. В настоящее время идет подготовка к трехсторонним консультациям между Украиной, ЕС и Россией по вопросу влияния Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС на российско-украинские торгово-экономические отношения, при этом Россия не хотела бы скорейшей ратификации ассоциативного соглашения. В свою очередь, если Россия в одностороннем порядке упразднит преференциальный торговый режим с Украиной, то Брюссель может рассмотреть возможность своего отказа в участии в трехсторонних консультациях, с чем не согласна Москва²².

Таким образом, отношения между ЕС, Восточным партнерством и Евразийским экономическим союзом на сегодняшний день складываются довольно непросто. Комплексным решением ситуации могло бы стать создание общей зоны свободной торговли ЕС, Таможенного союза/Евразийского экономического союза, Украины и других ассоциированных с ЕС стран Восточного партнерства. Однако для этого помимо политической воли потребуется время, чтобы решить большое количество чисто экономических и технических вопросов. Объективно способствовать такому проекту может то, что все три стороны либо являются членами Всемирной торговой организации, либо планируют стать ими в ближайшей перспективе. С другой стороны, Россия и ЕС часто расходятся по трактовке некоторых норм ВТО²³. Российский подход является, в целом, более протекционистским, а подход ЕС — более либеральным. Также фактор «ценностного разрыва» и отсутствия согласованного стратегического видения будущего собственно двусторонних отношений Евросоюза и России будет являться препятствующим фактором. Помимо этого, факторами, усложняющими перспективу создания общей зоны свободной торговли, будут и вопросы, относящиеся к внутреннему развитию ЕС и евразийского блока. Россия, Беларусь и Казахстан зафиксировали нормативную и институциональную базу Евразийского экономического союза, однако в ближайшее время предстоит его создание на практике. Со своей стороны, ЕС уже вовлечен в переговоры о создании трансатлантической зоны свободной торговли, и на этом направлении существует меньше полити-

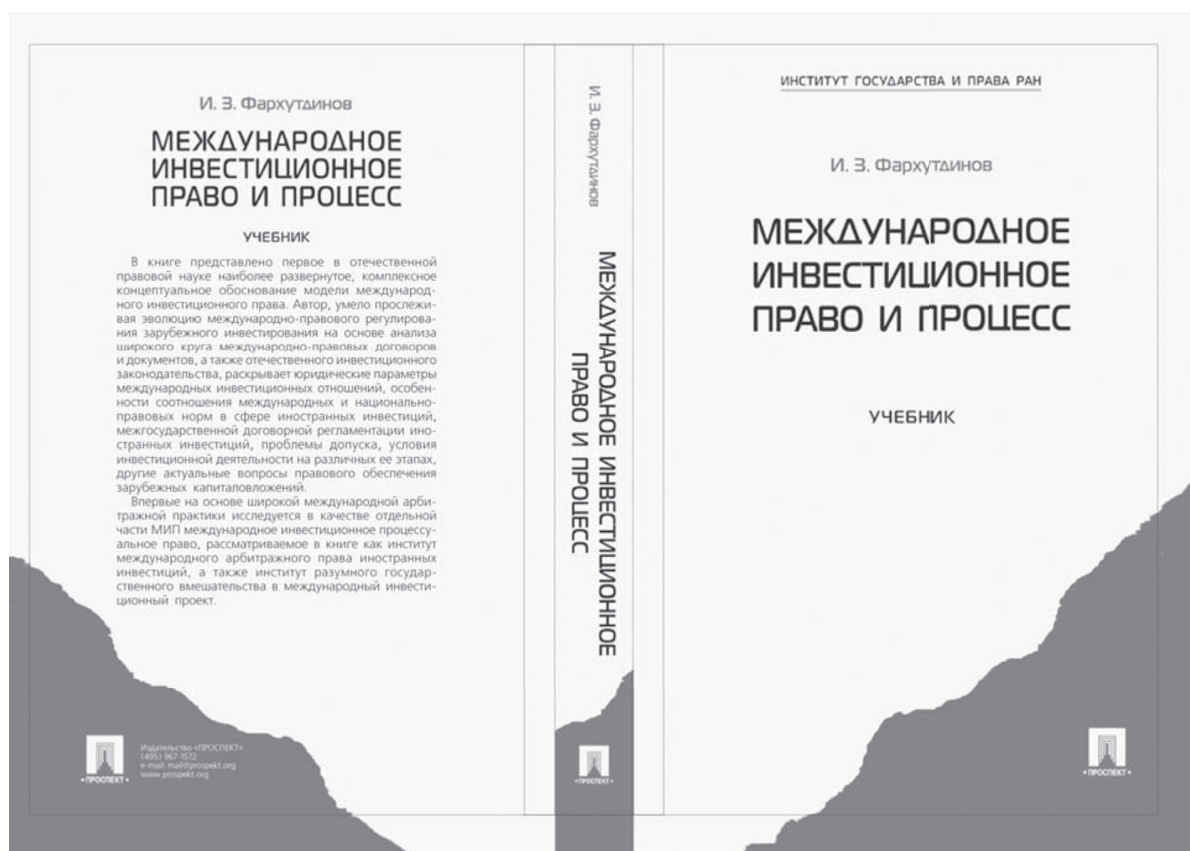
ческих препятствий. Также в 2014 г. Европейской союз ждет обновление большинства его ведущих институтов, в мае 2014 г. состоялись выборы в Европейский парламент, также должна быть сформирована новая Европейская комиссия и избран новый председатель Европейского совета.

Однако на сегодняшний день самым большим политическим препятствием к созданию общего пространства торговли и экономики от Атлантического до Тихого океана является украинский кризис. Только деэскалация ситуации и установление мира в этой стране, который невозможен без совместных усилий всех сторон, может являться залогом начала серьезных консультаций по созданию трансконтинентального экономического пространства.

Пристатейный библиографический список

1. Васильева Н., Лагутина М. Глобальный евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. — СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2012.
 2. Винокуров Е. Прагматическое евразийство // Россия в глобальной политике. 30.04.2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Pragmaticheskoe-evraziistvo-15950>
 3. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) Статья 4. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/
 4. Мишальченко Ю. В., Ткаченко С. Л. и др. ЕврАзЭС и ЕС: тенденции взаимодействия в условиях глобализации. Экономика-правовые и валютно-финансовые аспекты. — Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭТУ, 2013.
 5. Егоров В. Постсоветское пространство как предмет научного осмысления // Обозреватель. — 2011. — № 9.
 6. Изотов А. В. Внешнеполитические стратегии Европейского Союза и России по отношению к западной части постсоветского пространства и их влияние на развитие этого региона, а также процессы посткоммунистических трансформаций в его странах // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке, Выпуск 6.: Сб. статей / Под ред. В. С. Ягьи, Т. С. Немчиновой. — СПб.: СПбГУ, 2013.
 7. Либман А. Постсоветская интеграция и политические системы постсоветских государств // Россия и новые государства Евразии. — 2012. — № 4.
 8. Лукашенко А. Стенограмма выступления на начале заседания Высшего Евразийского экономического совета в узком составе. Астана. 29.05.2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/4578>
 9. Мишальченко Ю. В., Белоусов С. Н. Россия в ВТО и перспективы развития евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2012. — № 12.
 10. Мишальченко Ю. В., Белоусов С. Н. Торгово-экономическое сотрудничество Таможенного союза и Единого экономического пространства Белоруссии, Казахстана и России с Европейским Союзом в условиях глобализации // Бизнес, менеджмент и право. — 2013. — № 1 (27).
 11. Мишальченко Ю. В., Ткаченко С. Л. Евразийский экономический союз: перспективы построения экономического и валютного союза (на примере Европейского Союза) // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 46.
 12. Назарбаев Н. Стенограмма выступления на начале заседания Высшего Евразийского экономического совета в узком составе. Астана 29.05.2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/45788>
- http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/06/140626_ukraine_eu_agreement.shtml (дата обращения: 10.07.2014).
- 20 Украина, Молдавия и Грузия после подписания Соглашения об ассоциации с ЕС ждут экономических последствий. Прогнозы неутешительны Newsru.com 27.06.2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.newsru.com/arch/world/27jun2014/es_econ.html (дата обращения: 10.07.2014).
- 21 Интервью Постоянного представителя России при Евросоюзе В. А. Чижова информационному агентству «РИА Новости», 27 июня 2014 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdcomp/ns-dos.nsf/162979df2beb9880432569e70041fd1e/44257b100055eea844257d04004e40e8!OpenDocument> (дата обращения: 10.07.2014).
- 22 Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с подписанием Европейским союзом соглашений об ассоциации с Украиной, Грузией и Молдовой 27.06.2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdcomp/ns-dos.nsf/162979df2beb9880432569e70041fd1e/44257b100055eea844257d04004f0cb4!OpenDocument> (дата обращения: 10.07.2014).
- 23 О проблемах торговли России и стран Таможенного союза с ЕС в контексте их членства в ВТО см.: Мишальченко Ю. В., Белоусов С. Н. Торгово-экономическое сотрудничество Таможенного союза и Единого экономического пространства Белоруссии, Казахстана и России с Европейским Союзом в условиях глобализации // Бизнес, менеджмент и право. — 2013. — № 1 (27). — С. 11–15.

13. Назарбаев Н. Заявление для прессы по итогам заседания Высшего Евразийского экономического совета. Астана. 29.05.2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/45790#sel=>
14. Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. — 03.10.2011.
15. Путин В. Стенограмма выступления на начале заседания Высшего Евразийского экономического совета в узком составе. Астана. 29.05.2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/45788>
16. Рябов А. Распадающаяся общность или целостный регион // Pro et Contra. — 2011. — № 3–4 (52).
17. Delcour L. Shaping the post-Soviet Space? EU Policies and Approaches to Region-Building. Ashgate, 2011.
18. Delcour L. The European Union and its eastern neighbours: towards a more ambitious partnership? // International Affairs. — Special Issue, Nov 2012. — Vol. 88. — Is. 6.
19. Izotov A. Russia and the EU's Eastern Partnership in the Context of the EU-Russia Relations // Eastern Partnership Review, ECEAP. No. 15. «The Post Vilnius Challenges of the Eastern Partnership». December, 2013.
20. Izotov A., Khudoley K. Russia and the European Union: Partnership and Conflict Undefined // Made V. and Sekarev A. (eds.). The European Neighbourhood After August 2008. Republic of Letters Publishing BV, Dordrecht, The Netherlands / St. Louis, MO, 2011.
21. Wiegand G. Still a strategic relationship — in search of a new paradigm. Remarks at an annual conference organised by the Association of the European Businesses in Moscow. 17.06.2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/press_corner/all_news/news/2014/20140618_en.htm

Головко И. И.

ПРОКУРОР В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ТРУДОВЫХ ПРАВ И СВОБОД РАБОТНИКОВ В ГОСУДАРСТВАХ СНГ

Статья посвящена сравнительно-правовому исследованию законодательства стран СНГ о деятельности прокурора в гражданском процессе по защите трудовых прав и свобод граждан. Сравняются объем полномочий прокурора при обращении с заявлением в суд и вступлении в процесс для дачи заключения.

Ключевые слова: прокурор, гражданский процесс, трудовые права, защита.

Golovko I. I.

ATTORNEY IN CIVIL PROCEEDINGS FOR THE PROTECTION OF LABOR RIGHTS AND FREEDOMS OF THE EMPLOYEES IN CIS STATES

The article is devoted to comparative legal research of legislation of CIS countries on the activities of the prosecutor in civil proceedings for the protection of labor rights and freedoms of citizens. It compares the amount of power of the prosecutor handling a statement in court and in the process of accession to give an opinion.

Keywords: attorney, civil proceedings, labor rights, protection.

Головко И. И.

Прокуратура является государственным органом, который осуществляет деятельность во всех государствах — участниках СНГ. Изучение особенностей участия прокурора в гражданском процессе для защиты трудовых прав и свобод граждан в СНГ в том числе «дает возможность выявить сильные и слабые стороны функционирования той или иной модели органов прокуратуры, использовать позитивный опыт других стран для обоснования предложений об усилении роли и укреплении статуса прокуратуры в Российской Федерации»¹.

Статус и полномочия прокуратуры России и стран СНГ анализировались и ранее², но не в части деятельности прокурора в гражданском судопроизводстве, что повышает актуальность и значение настоящего сравнительного исследования.

Государствами — участниками СНГ уделялось определенное внимание регулированию трудовых отношений и деятельности прокурора, были приняты законы в сфере гражданского судопроизводства, законы о прокуратуре и о труде. Каждое государство СНГ отличается своим подходом к формированию правовой базы в этой сфере отношений, в частности, — в отношении полномочий прокурора.

Законодательство Туркменистана не конкретизирует полномочия прокурора в гражданском судопроизводстве. В силу ст. 110 Конституции Туркменистана³, ч. 2 ст. 1, ст. 43 Закона «О прокуратуре»⁴ прокуратура участвует в рассмотрении дел

в судах. Прокурор участвует в рассмотрении дел по первой инстанции, в судах кассационной и надзорной инстанций (ст. 45 Закона «О прокуратуре»).

В Республике Азербайджан Трудовой кодекс⁵ не наделяет прокуроров надзорными либо правозащитными полномочиями. В соответствии со ст. 133 Конституции⁶, ст. 40 ГПК⁷ прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц или вступить в дело в любой стадии процесса, если этого требует охрана охраняемых законом интересов граждан.

Прокурор обязан участвовать в разбирательстве гражданского дела в случаях, когда это предусмотрено законом или когда необходимость участия прокурора в данном деле признана судом (ст. 40 ГПК), дает заключения по отдельным вопросам в ходе разбирательства дела (ст. 168 ГПК) и после исследования всех доказательств (статьи 189, 191 ГПК).

Решения всех судов, не вступившие в законную силу, прокурор вправе опротестовать независимо участия в данном деле. Помощники прокурора, прокуроры управлений и отделов могут приносить протесты только по делам, которые рассмотрены с их участием (ст. 295 ГПК). Прокурор участвует в заседаниях судов кассационной инстанции (статьи 312–315 ГПК), надзорной инстанции (статьи 332, 333 ГПК), в пересмотре судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 347 ГПК). Прокурор, принесший надзорный протест на судебный акт, вправе приостановить его исполнение до окончания производства в надзорной инстанции (ст. 336).

Рассмотрим законодательную базу деятельности прокурора в гражданском процессе в Армении. Трудовой кодекс Респу-

1 Решетникова Т. А. Правовой статус, функции и полномочия прокуратуры в странах СНГ (сравнительно-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005.

2 Велиев И. В. о глы. Прокуратура в системе органов публичной власти: Опыт сравнительного исследования по материалам Азербайджанской Республики, Российской Федерации и Республики Казахстан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 34 с.; Сидоренко А. В. Конституционный статус органов прокуратуры стран СНГ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003.; Решетникова Т. А. Правовой статус, функции и полномочия прокуратуры в странах СНГ (сравнительно-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005.

3 Конституция Туркменистана от 18.05.1992 г. № 691-ХП База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

4 Закон Туркменистана от 15.08.2009 г. № 50-IV «О прокуратуре Туркменистана» База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

5 Трудовой кодекс Азербайджанской Республики: Утвержден Законом Азербайджанской Республики от 01.02.1999 г. № 618-П База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

6 Конституция Азербайджанской Республики от 12.11.1995 г.: Сайт Президента Азербайджана // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.president.az/azerbaijan/constitution> (дата обращения 13.09.2014 г.)

7 Гражданский процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 28.12.1999 г. База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

блики Армения⁸ не наделяет прокуроров надзорными либо правозащитными полномочиями в трудовых спорах. Прокуратура вправе возбуждать в суде иск о защите государственных интересов (ст. 103 Конституции⁹, ч. 3 ст. 37 ГПК¹⁰).

Конституцией еще одной страны — участницы СНГ — Республики Молдова¹¹ прокуратура нацелена на защиту прав и свобод граждан, содействие осуществлению правосудия (ч. 1 ст. 124). В силу ст. 72 ГПК¹², ст. 9 Закона «О прокуратуре»¹³ в случае необходимости защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, лиц преклонного возраста, инвалидов, которые не могут сами защитить свои права, с приложением письменной просьбы этого лица, или по другим обоснованным причинам прокурор вправе обратиться в суд с иском.

Прокурор участвует в рассмотрении дела судом, если дело возбуждено им (части 1–3 ст. 71 ГПК, ст. 4 Закона «О прокуратуре»); первым из участников процесса дает объяснения (п. 1 ст. 213 ГПК); выступает в прениях (ч. 3 ст. 233 ГПК).

Прокурор приносит апелляционные протесты на определения и решения судов первой инстанции, не вступившие в законную силу (статьи 55, 60, ч. 1 ст. 359 ГПК). Прокурор вправе опротестовать решения, вынесенные в первой инстанции апелляционными палатами; решения, вынесенные в первой инстанции Высшей судебной палатой; другие решения, для которых законом не предусмотрено обжалование в апелляционном порядке, в кассационном порядке (статьи 55, 397, 398 ГПК).

Генеральный прокурор может принести протесты в ревизионном порядке на вступившие в силу судебные акты (ст. 55, 447 ГПК) по предложению Правительственного представителя в случае, если Правительство Республики Молдова, представленное Правительственным представителем, или Европейский суд по правам человека, иницируя примирительную процедуру по ожидающему рассмотрению делу против Республики Молдова, полагают, что решением судебной инстанции грубо нарушено право, предусмотренное Конституцией Республики Молдова или Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод (п. j ст. 449 ГПК).

Трудовой кодекс¹⁴ не наделяет прокуроров надзорными либо правозащитными полномочиями в трудовых спорах.

Конституция следующего государства СНГ — Кыргызстана¹⁵ устанавливает, что прокуроры участвуют в судебном разбирательстве в предусмотренных законом случаях (ст. 77). Прокурор вправе обратиться в суд с заявлением или вступить в дело на любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан (ч. 3 ст. 40 Закона «О прокуратуре Кыргызской Республики»¹⁶). На основании ч. 2 ст. 3 Закона «О прокуратуре» прокурор участвует в рассмотрении дел судами, обязательной категорией дел являются дела о восстановлении на работе. Прокурор обращается в суд в защиту прав, свобод и интересов граждан только по просьбе гражданина, если он сам по уважительным причинам (по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим причинам) не может обратиться в суд (ч. 1 ст. 45 ГПК¹⁷).

Прокурор дает объяснения и выступает в судебных прениях первым (ст. 175, ч. 3 ст. 193 ГПК). ГПК не предусматривает дачу заключений прокурором.

Прокурор вправе принести апелляционное представление на акт суда первой инстанции, не вступивший в законную силу по делам, возбужденным по заявлениям прокурора или рассмотренным с участием прокурора, а также в случае, если судом принято решение, нарушающее государственные или общественные интересы (ст. 315 ГПК).

Прокурор вправе принести кассационное представление на акт суда первой инстанции, вступивший в законную силу по делам, возбужденным по заявлениям прокурора или рассмотренным с участием прокурора, а также в случае, если судом принято решение, нарушающее государственные или общественные интересы (ст. 337–1 ГПК). Прокурор вправе истребовать из суда любое дело, по которому решение вступило в силу (ч. 2 ст. 41 Закона «О прокуратуре»).

Представление в порядке надзора на судебные акты, вступившие в законную силу, приносит по делам, возбужденным по заявлениям прокурора, а также рассмотренным с участием прокурора. По другим делам представления могут быть принесены в том случае, если судом принято решение, нарушающее государственные или общественные интересы (ст. 343 ГПК).

Представление о рассмотрении дела по вновь открывшимся обстоятельствам подается в течение трех месяцев со дня установления этих обстоятельств (ст. 363 ГПК).

Трудовой кодекс¹⁸ не наделяет прокуроров надзорными либо правозащитными полномочиями в трудовых спорах.

В еще одном государстве СНГ — Украине — задача прокурора, участвующего в рассмотрении судом дел — содействовать выполнению закона о всестороннем, полном и объективном рассмотрении дел и постановлению законных решений (ст. 34 Закона «О прокуратуре»¹⁹).

8 Трудовой кодекс Республики Армения от 14.12.2004 г. № НО-124 База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

9 Конституция Республики Армения от 05.07.1995 г. База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

10 Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения (принят 17.06.1998 г.) База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1918&lang=rus> (дата обращения 13.09.2014 г.)

11 Конституция Республики Молдова от 29.07.1994 г. База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

12 Гражданский процессуальный кодекс Республики Молдова от 30.05.2003 г. № 225-XV База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

13 Закон Республики Молдова от 25.12.2008 г. № 294 «О Прокуратуре» База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

14 Трудовой кодекс Республики Молдова от 28.03.2003 г. № 154-XV База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

15 Конституция Кыргызской Республики от 27.06.2010 г. База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

16 Закон Кыргызской Республики от 17.07.2009 г. № 224 «О прокуратуре Кыргызской Республики» База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

17 Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 29.12.1999 г. № 146 База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

18 Трудовой кодекс Кыргызской Республики от 04.08.2004 г. № 106 База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

19 Закон Украины от 05.11.1991 г. № 1789-XII «О прокуратуре» База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

Прокурор не назван ГПК в числе лиц, участвующих в деле. Статья 121 Конституции²⁰, статьи 5, 36–1 Закона «О прокуратуре» устанавливают, что прокурор осуществляет в суде представительство интересов граждан, которые сами не могут защитить свои права по уважительным причинам.

Части 1, 2 ст. 45 ГПК²¹ Украины не ограничивают деятельность прокурора в формах обращения с заявлением и вступлением в процесс для дачи заключения какими-либо категориями дел. В случае предъявления иска лицами, действующими в защиту прав, свобод и интересов другого лица, в заявлении должны быть указаны основания такого обращения (ст. 119 ч. 7 ГПК).

Прокурор вправе вступить в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита конституционных интересов граждан, а также внести апелляционное, кассационное представление на судебные акты или обратиться с заявлением о пересмотре их по вновь выявленным обстоятельствам (статьи 35, 36–1 Закона «О прокуратуре»). Прокурор, который не принимал участия в деле, с целью решения вопроса о наличии оснований для подачи апелляционной или кассационной жалобы, заявления о пересмотре решения по вновь открывшимся обстоятельствам, имеет право ознакомиться с материалами дела в суде (ч. 4 ст. 46 ГПК).

Прокурор вправе принести кассационное представление на вступившее в законную силу решение (постановление) апелляционного суда (ч. 1 ст. 325 ГПК). Прокурор, участвовавший в деле, вправе обжаловать судебные решения в связи с исключительными обстоятельствами после их просмотра в кассационном порядке (ч. 1 ст. 353 ГПК), в течение месяца с момента открытия этих обстоятельств (ч. 1 ст. 355 ГПК).

Прокурор вправе инициировать пересмотр в связи с вновь выявленными обстоятельствами решения или постановления суда, которыми закончено рассмотрение дела, вступившего в законную силу, а также судебного приказа (ч. 1 ст. 361 ГПК).

В соответствии со ст. 259 Трудового кодекса²² высший надзор за соблюдением и правильным применением законов о труде осуществляется Генеральным прокурором Украины и подчиненными ему прокурорами. Прокурор наделен правом обратиться в суд, если решение комиссии по трудовым спорам противоречит действующему законодательству (ч. 2 ст. 231 Трудового кодекса).

Рассмотрим законодательство об участии прокурора в гражданском судопроизводстве по защите трудовых прав граждан Республики Узбекистан. Прокуратура участвует в рассмотрении гражданских дел в судах всех инстанций для защиты прав и законных интересов граждан, причем участие прокурора может быть признано необходимым судом или предусмотрено законом (ст. 46 ГПК, ст. 33 Закона «О прокуратуре»²³). Прокуроры Узбекистана обладают правом обращения в суд с заявлением в интересах граждан без ограничения категории дел или лиц (статьи 5, 46 ГПК²⁴).

20 Конституция Украины от 28.06.1996 г. № 254к/96-ВР База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

21 Гражданский процессуальный кодекс Украины от 18.03.2004 г. № 1618-IV База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

22 Трудовой кодекс Украины от 01.06.1972 г. № 322-VIII [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://istroy.com.ua/2011/01/26/2011-2/> (дата обращения 13.09.2014 г.)

23 Закон Республики Узбекистан от 09.12.1992 г. № 746-ХП «О прокуратуре» База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

24 Гражданский процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 30.08.1997 г. № 477-I База данных «Законодательство стран СНГ»

Прокурор первым выступает в прениях (ст. 198 ГПК), а в случае участия в деле по искам других лиц первым излагает мнение по существу дела (ст. 199 ГПК).

Независимо от участия в деле прокурор может внести апелляционный протест на не вступившее в силу решение суда (ст. 320), кассационный (ст. 348–1), надзорный (ст. 349) протесты на несоответствующие закону судебные акты (ст. 310, 323 ГПК, ст. 4 Закона «О прокуратуре»).

Прокурор может истребовать из суда любое дело, по которому решение вступило в силу, прокурор или по его поручению другие работники органов прокуратуры имеют право изучать в судах любую категорию таких дел (ст. 34 Закона «О прокуратуре»).

Заявление о пересмотре решения, определения или постановления по вновь открывшимся обстоятельствам подается прокурором в суд, вынесший решение, определение или постановление в течение трех месяцев со дня установления обстоятельств, служащих основанием для пересмотра (ст. 364 ГПК).

В силу ст. 9 Трудового кодекса²⁵ Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры осуществляют надзор за исполнением законов о труде. Прокурор вправе обратиться в суд для разрешения трудового спора (ст. 268 Кодекса). Следовательно, прокурор может обратиться с заявлением в суд в защиту прав и свобод работников без ограничений.

Также участником СНГ является Республика Беларусь. На основании ст. 125 Конституции²⁶, ст. 23 ГПК²⁷, ст. 26 Закона «О прокуратуре Республики Беларусь»²⁸ прокуратура осуществляет надзор за законностью, обоснованностью решений по гражданским делам и соблюдением законодательства при их исполнении. Для защиты прав и охраняемых законом интересов граждан прокурор участвует в рассмотрении дел судами первой, кассационной, надзорной инстанций и дает заключения, вправе истребовать из суда любое дело (ст. 27 Закона «О прокуратуре», ст. 81 ГПК²⁹). Статья 22 Закона «О прокуратуре» указывает, что прокурор вправе обращаться в суд в защиту только тех граждан, которые лишены возможности самостоятельно защитить свои права. Прокурор является юридически заинтересованным участником гражданского судопроизводства, имеющим государственный интерес в исходе дела лицом (ст. 54 ГПК).

Прокурор вправе обратиться в суд, если считает, что решение комиссии по трудовым спорам противоречит действующему законодательству (ст. 241 Трудового кодекса³⁰).

[Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

25 Трудовой кодекс Республики Узбекистан от 21.12.1995 г. База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

26 Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994 г. № 2875 База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

27 Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11.01.1999 г. № 238-3 База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

28 Закон Республики Беларусь от 08.05.2007 г. № 220-3 «О прокуратуре Республики Беларусь» База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

29 Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11.01.1999 г. № 238-3 База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spininform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

30 Трудовой Кодекс Республики Беларусь от 26.07.1999 г. № 296-3 База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. —

Участие прокурора в разбирательстве гражданского дела обязательно, если дело возбуждено по заявлению прокурора, и когда необходимость участия прокурора в данном деле признана судом (ст. 83 ГПК).

Согласно ст. 399 ГПК кассационный протест может быть принесен прокурором независимо от участия в рассмотрении дела; помощники прокуроров, прокуроры управлений и отделов могут приносить протесты на решения только по делам, в рассмотрении которых они участвовали. Прокуроры имеют право истребовать из соответствующих судов гражданские дела для разрешения вопроса о наличии оснований для принесения протеста в порядке надзора (ст. 441 ГПК). Должностные лица, которым предоставлено право принесения протестов в порядке надзора, могут приостанавливать исполнение соответствующих судебных постановлений до окончания производства в порядке надзора.

Прокурор вправе опротестовать решение суда в надзорном порядке (статьи 437, 439 ГПК), инициировать пересмотр решения по вновь открывшимся обстоятельствам путем принесения представления (ст. 454 ГПК).

В Республике Казахстан, в силу п. 1 ст. 55 ГПК³¹, ч. 1 ст. 1 Закона «О прокуратуре»³² прокуратура осуществляет высший надзор за точным и единообразным применением законов в гражданском судопроизводстве от имени государства.

Закон Республики Казахстан «О труде в Республике Казахстан»³³, Трудовой кодекс³⁴ не наделяют прокуроров полномочиями в трудовых спорах.

Прокурор обращается в суд с заявлением для защиты и восстановления нарушенных прав граждан (ч. 2 ст. 8 ГПК, ч. 1 ст. 23 Закона «О прокуратуре»). Иск о защите прав, свобод и законных интересов гражданина может быть предъявлен прокурором по просьбе заинтересованного лица, если оно само по уважительным причинам не может обратиться в суд, однако иск о защите трудовых, жилищных и иных прав и свобод неограниченного круга лиц в социальной сфере, а также в защиту интересов недееспособного гражданина может быть предъявлен прокурором независимо от просьбы и заявления заинтересованного лица (ч. 3 ст. 55 ГПК).

Прокурор вправе вступить в процесс по своей инициативе или по инициативе суда для дачи заключения по делу в целях осуществления возложенных на него обязанностей и для защиты прав, свобод и законных интересов граждан.

Участие прокурора в гражданском судопроизводстве обязательно в случаях, когда это предусмотрено законом, когда необходимость участия прокурора в деле признана судом, а также по делам, возбужденным по инициативе прокурора, о восстановлении на работе и др. (ч. 2 ст. 55 ГПК).

Прокурор вправе принести протесты на несоответствующие закону судебные акты в пределах своей компетенции не-

зависимо от участия в рассмотрении дела (ч. 2 ст. 30, статьи 31, 32 Закона «О прокуратуре»).

Прокурор может принести апелляционный протест на не вступившие в силу решения суда первой инстанции (ч. 3 ст. 332 ГПК) независимо от участия в рассмотрении дела. Право кассационного опротестования постановлений и определений суда апелляционной инстанции принадлежит прокурору, участвовавшему в рассмотрении дела в апелляционном порядке. Генеральный прокурор Республики Казахстан и его заместители, прокуроры областей и приравненные к ним прокуроры вправе опротестовать постановления и определения суда апелляционной инстанции независимо от участия в рассмотрении дела (ст. 383–1 ГПК).

Вступившие в законную силу судебные акты местных и других судов могут быть пересмотрены в порядке надзора Верховным Судом Республики по протестам Генерального прокурора как по собственной инициативе, так и по ходатайству лиц, участвовавших в деле. Вступившие в законную силу судебные приказы, определения судов первой и апелляционной инстанции, за исключением определений указанных судов, препятствующих дальнейшему движению дела, пересмотру в порядке судебного надзора не подлежат (ст. 384, 385 ГПК).

Генеральный прокурор одновременно с истребованием дела вправе приостановить исполнение судебного акта для проверки в порядке надзора на срок не свыше трех месяцев (ст. 396 ГПК).

Заявление о пересмотре решения, определения или постановления по вновь открывшимся обстоятельствам подается прокурором в суд, вынесший решение, определение или постановление (ст. 406 ГПК).

Итак, в отличие от других государств — участников СНГ в Белоруссии и Казахстане прокуратура осуществляет надзор за законностью решений судов по гражданским делам. Российское законодательство не наделяет прокурора надзорными полномочиями в гражданском судопроизводстве.

В Армении прокурор вправе подать заявление в суд только в интересах государства.

В Молдове, Кыргызстане, Украине, Беларуси прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав и законных интересов граждан, которые не могут самостоятельно защитить свои права по уважительным причинам (возраст, несовершеннолетие, болезнь, недееспособность и др.).

Прокуроры Казахстана вправе обратиться в суд в защиту социальных прав неограниченного круга лиц, в том числе в сфере трудовых отношений. Следовательно, прокурор не наделен правом обращаться в суд в защиту работника в индивидуальных трудовых спорах.

Прокурор обращается в суд с заявлением без ограничения категориями дел в Азербайджане и Узбекистане.

Статья 45 ГПК РФ устанавливает, что прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан в сфере трудовых (служебных) отношений без каких-либо ограничений.

Таким образом, более ограничены полномочия по защите трудовых прав работников путем обращения с заявлением в суд прокуроров Казахстана, а прокуроры Азербайджана, России, Узбекистана обладают более широкими полномочиями.

Прокурор вступает в дело для дачи заключения, если дело возбуждено им (Молдова); в предусмотренных законом случаях (Кыргызстан, Россия); в предусмотренных законом случаях и по инициативе суда (Азербайджан, Узбекистан, Беларусь); в предусмотренных законом случаях и по инициативе суда, а также по своей инициативе (Казахстан).

В категорию дел «обязательного участия» прокурора включены дела о восстановлении на работе (Кыргызстан, Россия, Казахстан), а прокуроры Казахстана также обязаны участвовать в рассмотрении судом дел о взыскании заработной платы.

Режим доступа: <http://www.base.spinform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

31 Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13.07.1999 г. № 411–1 ЗРК База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spinform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

32 Закон Республики Казахстан от 21.12.1995 г. № 2709 «О прокуратуре» База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spinform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

33 О труде в Республике Казахстан: Закон Республики Казахстан от 10.12.1999 г. № 493–I Сайт по правам ребенка в Республике Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.balazan.kz/comon/zakon/section2.php?SECTION_ID=154 (дата обращения 13.09.2014 г.)

34 Трудовой кодекс Республики Казахстан от 15.05.2007 г. № 251–III ЗРК База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.base.spinform.ru/index.fwx> (дата обращения 13.09.2014 г.)

Таким образом, наибольшими полномочиями по защите трудовых прав работников путем вступления в дело обладают прокуроры Казахстана.

Следующий аспект деятельности прокурора по защите трудовых прав граждан в гражданском судопроизводстве — опротестование (оспаривание) судебных постановлений.

Так, прокуроры Армении вправе опротестовать, а прокуроры Кыргызстана и России — принести представление на решения суда по делам, рассмотренным с участием прокурора.

Прокуроры Азербайджана, Узбекистана, Беларуси, Казахстана вправе внести протест, а прокуроры Украины — принести представление на любое решение суда независимо от участия в рассмотрении дела.

Таким образом, прокуроры Азербайджана, Узбекистана, Беларуси, Казахстана, Украины наделены наибольшими полномочиями по оспариванию незаконных и необоснованных судебных постановлений по всем делам, а значит и по делам в защиту трудовых прав работников.

В соответствии с ГПК Азербайджана, Казахстана прокурор вправе приостановить исполнение акта суда на период переосмотра дела в надзорном порядке по протесту прокурора.

Итак, в результате сравнительного исследования законодательства стран — участниц СНГ установлено, что минимальный объем полномочий прокурора по защите в суде трудовых прав граждан определен законодательством Молдовы, Туркменистана.

Нормы законодательства Кыргызстана, Украины, Узбекистана наиболее близки к российскому законодательству, регламентирующему деятельность прокурора в гражданском процессе по защите трудовых прав граждан.

Наиболее полными полномочиями по защите прав и законных интересов участников трудовых правоотношений об-

ладают прокуратуры Азербайджана, Белоруссии, Казахстана. В сравнении с полномочиями прокурора, установленными ГПК РФ, прокуроры названных стран СНГ наделены даже большим объемом полномочий.

Полагаем, что с целью усиления роли прокуратуры нормы законодательства о деятельности прокуроров Азербайджана, Беларуси, Казахстана возможно и целесообразно использовать в работе по совершенствованию соответствующего законодательства России.

Пристатейный библиографический список

1. Бородин И. Представительская функция прокуратуры // Законность. — 2001. — № 3.
2. Велиев И. В. отглы. Прокуратура в системе органов публичной власти: Опыт сравнительного исследования по материалам Азербайджанской Республики, Российской Федерации и Республики Казахстан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006.
3. Решетникова Т. А. Правовой статус, функции и полномочия прокуратуры в странах СНГ (сравнительно-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005.
4. Руденко Н. В. Представительство интересов гражданина или государства в суде как функция органов прокуратуры в Украине // Государство и право. — 2002. — № 1.
5. Сидоренко А. В. Конституционный статус органов прокуратуры стран СНГ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003.
6. Ярков В. В. Основные мировые системы принудительного исполнения // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / Под. Ред. Л. Ф. Леснической, М. А. Рожковой. — М.: Статут, 2008.

Каюмова А. Р.

О СООТНОШЕНИИ ЮРИСДИКЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ ЗАЩИТЫ И УНИВЕРСАЛЬНОСТИ В РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ НА УКРАИНЕ

Данная статья посвящена анализу проводимых Следственным комитетом РФ расследований уголовных дел, возбужденных на Украине, а именно правовым юрисдикционным основаниям настоящих расследований. Автор подвергает дискуссии принципы уголовной юрисдикции, лежащие в основе расследований, и проводит разграничение между принципом универсальности и принципом защиты. Рассмотрены основные критерии, позволяющие разграничивать эти принципы, и сделаны собственные выводы.

Ключевые слова: принципы уголовной юрисдикции государств, Следственный Комитет Российской Федерации, Украина, безопасность России.

Kayumova A. R.

ON THE CORRELATION OF JURISDICTIONAL PRINCIPLES OF PROTECTION AND UNIVERSALITY WITH REGARD TO CRIMINAL INVESTIGATION IN UKRAINE

This article is devoted to the analysis of criminal investigations conducted by the Investigative Committee of the Russian Federation in respect of crimes committed in Ukraine, namely the legal jurisdictional basis of these investigations. The author exposes to the debate the principles of criminal jurisdiction, which lay the foundation of investigations, and distinguishes between the principle of universality and the principle of protection. The main criteria that enable to distinguish between these principles are considered and own conclusions are drawn.

Keywords: principles of criminal jurisdiction of states, the Investigative Committee of the Russian Federation, Ukraine, security of Russia.

Каюмова А. Р.

Всех россиян сегодня волнуют события, происходящие на Украине. Вооруженный конфликт, каждый день уносящий жизни десятков мирных жителей, во время которого происходят массовые зачистки; рушатся гражданские объекты: детские сады, школы, больницы; происходит захват заложников; применяется запрещенное международным правом оружие, ведется информационная война, с болью в сердце воспринимается всеми жителями нашего государства.

И сегодня как никогда остро встает вопрос о привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении всех данных преступлений.

9 июня в своем интервью ИТАР-ТАСС официальный представитель Следственного комитета России Владимир Маркин сообщил, что по событиям на Украине расследуется шесть уголовных дел.

Первое — в отношении лидера партии «Правый сектор» Дмитрия Яроша, публично призывавшего антироссийские силы к экстремистским действиям и террору на территории России.

Второе — в отношении украинского предпринимателя Геннадия Балашова, который публично призывал к убийству российских граждан.

Третье — о покушении на убийство оператора видеоагентства Russia Today Ruptly Федора Завалейкова.

Четвертое — по фактам угроз, поступивших ряду российских губернаторов в связи с событиями на Украине.

Пятое — по факту незаконного решения должностных лиц Генеральной прокуратуры Украины, которые возбудили уголовное дело в отношении командующего Черноморским флотом Российской Федерации Александра Витко.

Шестое — о запрещенных методах ведения войны, возбужденное по ст. 356 УК РФ (о запрещенных средствах и методах ведения войны), для расследования которого в рамках СК РФ было создано специализированное управление¹.

18 июня Следственный комитет России возбудил уголовное дело, а затем вынес постановление о международном розыске в отношении губернатора Днепропетровской области Игоря Коломойского и министра внутренних дел Украины Арсена Авакова. Они подозреваются в применении запрещенных средств и методов ведения войны; в организации убийства; в похищении человека; в воспрепятствовании законной журналистской деятельности. Следствие полагает также, что они причастны к фактам захвата на Украине журналистов телеканала «Звезда» и гибели журналистов ВГТРК Игоря Корнелюка и Андрея Волошина².

В связи с этими событиями хотелось бы обратить внимание на правовые основания и возможность осуществления уголовной юрисдикции России в отношении украинских граждан.

В том же интервью Владимир Маркин отмечает, что, возбуждая это уголовное дело, Комитет руководствовался положениями ст. 12 Уголовного кодекса РФ, которая закрепляет основания для осуществления Россией экстратерриториальной юрисдикции.

Напомним, что осуществление государством уголовной юрисдикции в отношении физических лиц основано на ряде базовых принципов. Основными из них являются: территориальный; персональный (национальный, принцип активного гражданства); пассивный персональный (принцип пассивного гражданства); принцип защиты (безопасности или реальный) и универсальный принцип.

— Территориальный — зависящий от места совершения преступления; предполагает полное осуществление уголовной юрисдикции государства в отношении всех лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние и находящихся в пределах его территории.

— Персональный (гражданства, активный персональный) — зависящий от гражданства правонарушителя, предполагающий распространение уголовно-правовых норм государства на своих граждан, независимо от места их нахождения.

1 Маркин В. И. Следственный комитет расследует шесть уголовных дел по событиям на Украине [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://russian.rt.com/article/35732#ixzz3B1znNc00> (дата обращения 9 июня 2014 г.)

2 РФ объявила в международный розыск Коломойского и Авакова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://novosti-n.org/ukraine_article/read/8690.html (дата обращения 21 июня 2014 г.)

— Пассивного гражданства (пассивный персональный) — зависящий от гражданства жертвы преступления.

— Защиты (безопасности или реальный) — зависящий от того, нарушены ли интересы государства и затронута ли безопасность государства.

— Универсальный — зависящий от того, рассматривается ли данное нарушение как угроза всему человечеству.

Статья 12 УК РФ определяет экстратерриториальную юрисдикцию Российской Федерации в отношении иностранных лиц. Согласно ч. 3 иностранные граждане, совершившие преступления вне пределов России, подлежат уголовной ответственности по УК РФ в случаях, если преступление направлено против интересов Российской Федерации либо гражданина этой страны, а также в случаях, предусмотренных международным договором, если они не были осуждены за это в иностранном государстве.

Как видим, положения этой части закрепляют три принципа экстратерриториальной юрисдикции — пассивного гражданства, принципа защиты и универсального принципа.

Владимир Маркин отмечает, что возбуждение Следственным комитетом уголовных дел по ситуации на Украине, затрагивающих применение запрещенных методов и средств ведения войны, основано на универсальном принципе.

Этого же мнения придерживается профессор А. Г. Волеводз в своей недавно вышедшей статье³.

Скорее всего, среди представителей российской международно-правовой науки немало ученых, которые также присоединяются к этой точке зрения.

Вместе с тем, на наш взгляд, это утверждение является не совсем однозначным и дискуссионным.

Речь идет о том, что в качестве основания для привлечения к уголовной ответственности за военные и иные преступления, совершенные на территории Украины, может служить и принцип защиты (или безопасности, или реальный).

Несколько отступая и обращаясь к истории дореволюционной науки, можно проследить, что проблемы уголовной юрисдикции государств, как известно, всегда занимали центральное место в доктрине международного уголовного права. Определение пространственной сферы действия уголовного закона — один из самых ранних институтов международного уголовного права, к которому в основном сводился предмет его правового регулирования.

В этом отношении показательное содержание работ по международному уголовному праву русских ученых-международников дооктябрьского периода.

Так, в частности, профессор Ф. Ф. Мартенс отмечает: «Международное уголовное право заключает в себе совокупность юридических норм, определяющих условие международной судебной помощи государств друг другу при осуществлении ими своей карательной власти в области международного общения»⁴. Подобного же определения международного уголовного права в своих трудах придерживались В. Ульяницкий, В. Даневский, В. Спасович и другие, которые ограничивали понятие международного уголовного права вопросами о подсудности и взаимной правовой помощи государств⁵. Профессор П. Казанский пишет: «Международное уголовное право

почти вовсе не знает начал материального значения. В них, собственно, нет и надобности...»⁶.

Профессор П. И. Люблинский, ставя знак равенства между международным уголовным правом и проблемой действия уголовного закона в пространстве, писал: «В настоящей статье мы предполагаем коснуться некоторых из пробелов, обнаружившихся в области определения пределов действия уголовного права, или, как принято называть эту область, — в сфере международного уголовного права»⁷.

Анализ работ указанных авторов свидетельствует о том, что в предмет международного уголовного права они вкладывали, в сущности, регулирование двух вопросов: о правах и обязанностях государств в преследовании уголовных правонарушений, совершенных за пределами их территории, и пределах оказания государствами правовой помощи в преследовании уголовных преступлений.

Оба этих вопроса рассматривались и оценивались представителями науки международного и уголовного права различно. Применительно к первому вопросу в теории выдвигались четыре концепции: территориальное действие уголовных законов, теория личной подсудности, реальная теория и космополитическая теория.

Много внимания реальному принципу или принципу защиты уделялось и уделяется до сих пор зарубежными учеными, в частности, С. Рэндаллом; Броунли⁸; Е. Т. Питгатом⁹; М. Г. Морра¹⁰; А. А. Абельсоном¹¹.

Например, вот что сказал Броунли: «Согласно принципу защиты или безопасности, государства могут заявить о своей юрисдикции в отношении преступлений, совершенных за рубежом над иностранными гражданами, которые, как считается, представляют собой угрозу для некоторых коренных национальных интересов или безопасности государства. Степень, в которой этот принцип может служить оправданием его утверждения юрисдикции, зависит от категории преступлений»¹².

Иначе говоря, любое государство имеет право реагировать на преступление, которое совершено за рубежом и которое непосредственно затрагивает его существенные интересы. В основе этого положения и лежит принцип защиты (безопасности или реальный). Основанная на этом принципе экстратерриториальная уголовная юрисдикция государства возникает в тех случаях, когда безопасность его интересов, затронутых преступлением, вследствие различных причин не может быть обеспечена другим государством, на территории которого произошло преступление или гражданином которого является преступник.

Для установления юрисдикции потерпевшего государства на основе принципа защиты не обязательно закрепление преступности и наказуемости деяния в законодательстве обоих

3 Волеводз А. Г. Уголовное дело о военных преступлениях в Украине возбуждено правомерно [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/experts/> (дата обращения 21 июня 2014 г.)

4 Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. — Т. 2. — СПб, 1905. — С. 388.

5 Ульяницкий В. Международное право. — Томск, 1911. — С. 319; Даневский В. П. Пособие к изучению истории и системы международного права. — Вып. 2. — Харьков, 1892. — С. 33; Спасович В. Учебник уголовного права. — Т. 1. — СПб, 1863. — С. 74; Мирлес А. Краткий курс международного права. — Киев, 1911. — С. 85.

6 Казанский П. Учебник международного права. Публичного и гражданского. — Одесса, 1902. — С. 481.

7 Люблинский П. И. Вопросы международного уголовного права в связи с настоящей войной // Известия МИД. — Пг., 1917. — кн. 1, 2. — С. 216.

8 Consider Randall, above, note 3 at 787 (discussion at note 11 thereof); and Brownlie, above, note 1 at 307.

9 Piggot F. T. Exterritoriality. The Law relating to consular jurisdiction and to residence in oriental countries. — Hong Kong-London, 1907.

10 García-Mora Manuel R. Criminal Jurisdiction over Foreigners for Treason and Offenses against the Safety of the State Committed upon Foreign Territory // University of Pittsburgh Law Review. — 1958. — Vol. 19. — P. 567; Cameron I. The Protective Principle of International Criminal Jurisdiction. — Dartmouth, 1994.

11 Abelson Adam B. The Prosecute/Extradite Dilemma: Concurrent Criminal Jurisdiction and Global Governance // UC Davis Journal of International Law and Policy. — 2009. — № 4 (16). — P. 118.

12 См.: Randall, above, note 3 at 787 (discussion at note 11 thereof); and Brownlie, above, note 1 at 307.

государств, однако такая юрисдикция может быть реализована лишь в отношении определенной категории преступлений. В одних государствах такая группа преступлений достаточно ограничена, в других этот перечень весьма обширен. Общим правилом остается то обстоятельство, что юрисдикция государства, основанная на принципе защиты, может возникнуть только в отношении тех деяний, которые нарушают его действительно существенные интересы, к которым относятся: национальная безопасность; финансовая стабильность; безопасность государственных должностных лиц, дипломатических и консульских агентов. В последнее время наблюдается тенденция включения в разряд существенных интересов государства торговых отношений; отношений по охране окружающей среды; безопасности морских и воздушных сообщений и других.

Следует отметить, что Уголовный кодекс РФ 1996 г. в части действия уголовного закона в пространстве и по кругу лиц впервые предусмотрел принцип защиты, который долгое время отрицался отечественной наукой и практикой. Теперь иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно на территории Российской Федерации и совершившие преступление вне ее пределов, подлежат уголовной ответственности в случаях, если преступление было направлено против интересов Российской Федерации (п. 3 ст. 12).

Переходя к соотношению принципа защиты и универсального принципа, следует отметить, что между ними много общего: это и отсутствие в необходимости двойной криминализации; и возможность осуществления юрисдикции *in absentia* — в отсутствии подозреваемого или обвиняемого, а также применение только к определенной категории преступлений. Охват и сфера применения являются дискуссионными вопросами в отношении принципов защиты и универсальности. Неслучайно уже который год в рамках Шестого комитета ГА ООН ведется работа по кодификации универсального принципа.

А. И. Бойцов, анализируя принцип защиты, называет его, по сути, дубликатом универсального принципа¹³.

Однако есть между ними одно существенное различие: универсальная юрисдикция предполагает возможность ее осуществления любым государством независимо от места совершения преступления и гражданства обвиняемого и потерпевшего. В случае же с реализацией уголовной юрисдикции на основании принципа защиты необходимо, чтобы были затронуты интересы и безопасность государства юрисдикции.

Согласно Консультативной справке Международного Комитета Красного Креста «Универсальная юрисдикция в отношении военных преступлений» экстратерриториальный принцип защиты требует «наличия определенной связи между совершенным деянием и государством, осуществляющим свою компетенцию, тогда как универсальная юрисдикция — дополнительное основание для применения экстратерриториальной юрисдикции — наличия подобной связи не требует»¹⁴.

Иначе говоря, если бы уголовное производство в отношении военных преступлений, совершенных гражданами Украины на юго-востоке этой страны, было инициировано, допустим, в одном из европейских государств, это была бы универсальная юрисдикция.

Россия же сегодня непосредственно связана с событиями на Украине, с той трагедией, которая развернулась на территории близкого некогда нам соседнего государства. В уже отмеченном нами интервью Владимира Маркина ИТАР-ТАСС он

говорит, что принадлежность ряда пострадавших лиц к гражданству Российской Федерации уже является основанием для осуществления Россией своей уголовной юрисдикции, однако, заметим, не универсальной.

Украинский вооруженный конфликт естественным образом затрагивает интересы и безопасность нашего государства: убийства и истязания журналистов-граждан России; нападение на Российское посольство; засылка диверсантов; геноцид русскоязычного населения, с которым нас связывают многовековые исторические, духовные, культурные традиции; потоки беженцев, хлынувшие в нашу страну.

Таким образом, есть все основания утверждать, что действия Следственного комитета России относительно возбуждения уголовных дел по событиям на Украине являются обоснованными. Вместе с тем мы считаем, что базовым принципом осуществления уголовной юрисдикции Россией является принцип безопасности или защиты.

Пристатейный библиографический список

1. Бойцов А. И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. — СПб: Изд-во СПб-го университета, 1995.
2. Волеводз А. Г. Уголовное дело о военных преступлениях в Украине возбуждено правомерно [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/experts/> (дата обращения 21 июня 2014 г.)
3. Даневский В. П. Пособие к изучению истории и системы международного права. — Вып. 2. — Харьков, 1892.
4. Казанский П. Учебник международного права. Публичного и гражданского. — Одесса, 1902.
5. Люблинский П. И. Вопросы международного уголовного права в связи с настоящей войной // Известия МИД. — Пг., 1917. — Кн. 1, 2.
6. Маркин В. И: Следственный комитет расследует шесть уголовных дел по событиям на Украине [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://russian.rt.com/article/35732#ixzz3B1znNc00> (дата обращения 9 июня 2014 г.)
7. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. — Т. 2. — СПб, 1905.
8. Мирлес А. Краткий курс международного права. — Киев, 1911.
9. РФ объявила в международный розыск Коломойского и Авакова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://novosti-n.org/ukraine_article/read/8690.html (дата обращения 21 июня 2014 г.)
10. Спасович В. Учебник уголовного права. — Т. 1. — СПб, 1863.
11. Справка Консультативной службы МККК: Универсальная юрисдикция в отношении военных преступлений [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.icrc.org/.../united-nations-universal-jurisdiction-statement-2013-10 (дата обращения 21 июня 2014 г.)
12. Ульяницкий В. Международное право. — Томск, 1911.
13. Abelson Adam B. The Prosecute/Extradite Dilemma: Concurrent Criminal Jurisdiction and Global Governance // UC Davis Journal of International Law and Policy. — 2009. — № 4 (16).
14. Cameron I. The Protective Principle of International Criminal Jurisdiction. — Dartmouth, 1994.
15. García-Mora Manuel R. Criminal Jurisdiction over Foreigners for Treason and Offenses against the Safety of the State Committed upon Foreign Territory // University of Pittsburgh Law Review. — 1958. — Vol. 19.
16. Piggot F. T. Extraterritoriality. The Law relating to consular jurisdiction and to residence in oriental countries. — Hong Kong-London, 1907.

13 Бойцов А. И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. — СПб: Изд-во СПб-го университета, 1995 — С. 175.

14 Справка Консультативной службы МККК: Универсальная юрисдикция в отношении военных преступлений [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.icrc.org/.../united-nations-universal-jurisdiction-statement-2013-10 (дата обращения 21 июня 2014 г.)

Кушимов Н., Тукулов Б.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ ПРИЗНАНИЯ И ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ СУДОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ПРОЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА, ИНОСТРАННЫЙ ОПЫТ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ К РЕФОРМИРОВАНИЮ

Статья содержит анализ действующего в Республике Казахстан законодательства и практики по вопросам признания и приведения в исполнение решений иностранных судов, а также сравнительный анализ законодательства Англии и США в данной сфере. По результатам сравнительного анализа положительного опыта Англии и США авторы вносят предложения о внесении изменений в проект нового Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан.

Ключевые слова: иностранное судебное решение, признание и приведение в исполнение, Гражданский процессуальный кодекс, Республика Казахстан.

Kushimov N., Tukulov B.
COMPARATIVE ANALYSIS OF RECOGNITION AND ENFORCEMENT OF FOREIGN JUDGMENTS IN KAZAKHSTAN: CURRENT LAW, NEW (DRAFT) CODE OF CIVIL PROCEDURE, FOREIGN EXPERIENCE, AND PROPOSED REFORMS

This article aims to analyze existing laws and the practice of recognition and enforcement of foreign judgments in Kazakhstan. The article also compares the applicable legal framework of England and the US. Based on the findings of the comparative review, the authors make proposals for the revision of the New (Draft) Code of Civil Procedure in relevant part.

Keywords: foreign judgment, recognition and enforcement, the Code of Civil Procedure, the Republic of Kazakhstan.

1. Введение

Теме взаимного признания и исполнения решений иностранных арбитражей, а также преимуществам¹ разрешения споров в международном арбитраже в свете Нью-Йоркской конвенции 1958 г. о взаимном признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений в казахстанской юридической литературе уделено достаточно внимания. Однако нельзя сказать того же в отношении признания и приведения в исполнение на территории РК решений иностранных государственных судов (далее — иностранный суд).

На практике к нам часто обращаются с просьбой рассмотреть возможность признания и приведения в исполнение на территории РК решений судов стран западной Европы, Англии, США. Однако исходя из действующего законодательства РК и практики его применения, за исключением большинства государств бывшего Союза и некоторых отдельных развивающихся государств, решения иностранных судов на территории РК признать и исполнить невозможно. В РК к должнику придется предъявлять новый иск о том же предмете и по тем же основаниям, и в случае предъявления нового иска, в силу различных обстоятельств², исход нового судебного разбиратель-

ства в РК не обязательно будет аналогичен. Известны случаи, когда исход был противоположным.

Вместе с тем у авторов существуют основания полагать, что в этом вопросе возможны позитивные сдвиги в свете принятия в РК новой редакции Гражданского процессуального кодекса (далее — «проект ГПК»). В настоящей статье авторы намерены проанализировать существующее в РК законодательство по вопросу о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, практику его применения, изучить опыт Англии и США, а также внести предложения к совершенствованию редакции существующего проекта ГПК.

2. Действующее законодательство РК и практика его применения

1) Общие положения

В соответствии с ч. 1 ст. 425 действующей редакции ГПК (далее — «действующий ГПК») решения иностранных судов признаются и исполняются в РК, «если это предусмотрено законом или международным договором РК на началах взаимности». Буквальное значение ч. 1 ст. 425 действующего ГПК предусматривает, что решения иностранных судов признаются и исполняются при наличии международного договора или норм внутреннего законодательства РК, предусматривающих такую возможность.

Вместе с тем нам не известно о нормах внутреннего законодательства РК, предусматривающих возможность признания и исполнения в РК решений иностранных судов³.

1 Поскольку Республика Казахстан (далее — «РК») присоединилась к Нью-Йоркской конвенции 1958 г., суды РК, как правило, признают и исполняют решения иностранных арбитражей, вынесенные в странах — участницах Конвенции, за исключением случаев, когда по основаниям, изложенным в ст. 5 Конвенции, в этом может быть отказано (в целом, аналогичные основания содержатся в ст. 32 Закона РК «О международном арбитраже» от 28.12.2004 г.). В свою очередь, решения международных арбитражных судов РК подлежат признанию и приведению в исполнение в более чем 140 странах — участницах Конвенции.

2 К примеру, требования процессуального законодательства РК к доказательственной базе достаточно высокие, сроки исковой давности короче, а формализм при толковании контрактов может

выйти за пределы западных представлений о разумности и т.д.

3 За исключением признания решений иностранных судов, не требующих исполнения, в соответствии со ст. 426 ГПК.

Кушимов Н.

Тукулов Б.

Значение слов «на началах взаимности» в ч. 1 ст. 425 ГПК не совсем понятно, т.к. было бы нелогично применять международный договор или закон на началах взаимности, если, например, международный договор или закон уже предусматривают обязанность РК признавать и исполнять решения иностранного суда. Об этом в казахстанской юридической литературе уже высказывалось авторитетное мнение⁴.

В одном случае Министерство юстиции РК выразило мнение по данному вопросу, указав, что, несмотря на отсутствие международного договора, принудительное исполнение решения иностранного суда возможно на основе принципов взаимности⁵. Это, конечно же, неофициальное толкование, однако мнение представляет определенный интерес. Аналогичное мнение выражалось профессором М. К. Сулейменовым⁶.

На деле подобные высказывания не находят поддержки в практике судов РК. Нам неизвестны случаи, когда суды РК признавали бы и приводили в исполнение решения иностранных судов на началах взаимности при отсутствии международного договора, хотя не исключаем, что такие единичные случаи могли быть.

Практическое применение ч. 1 ст. 425 ГПК отражено в п. 30 Нормативного постановления Верховного Суда РК от 11.07.2003 г. № 5 «О судебном решении»: «Решения иностранных судов признаются и исполняются в РК, если это предусмотрено законом или международным договором». В п. 30 Нормативного постановления Верховного Суда РК слова «на началах взаимности» отсутствуют. Это можно понять как фактическое указание не принимать во внимание слова о взаимности.

Таким образом, получается, что решение иностранного суда на территории РК можно признать и исполнить, только если с соответствующим государством имеется международный договор о правовой помощи по гражданским делам. Анализ судебной практики подтверждает верность этого вывода.

2) Международные договоры РК

География государств, решения которых могут быть признаны и исполнены в РК и наоборот, оставляет желать лучшего. РК заключило двусторонние договоры о правовой помощи по гражданским делам со следующими государствами: Азербайджан (10.06.1997 г.), Вьетнам (31.10.2011 г.), Грузия (17.09.1996 г.), Индия (16.04.2011 г.), КНДР (07.04.1997 г.), КНР (14.01.1993 г.), Кыргызстан (26.08.1996 г.), Литва (09.08.1994 г.), Монголия (22.10.1993 г.), ОАЭ (16.03.2009 г.), Пакистан (23.08.1995 г.), Турция (13.06.1995 г.), Узбекистан (02.07.1997 г.).

Также имеется три основных многосторонних соглашения о правовой помощи, предусматривающих возможность взаимного признания и приведения в исполнение решений судов большинства государств, членом Содружества независимых государств: Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (г. Киев, 20.03.1992 г.), Конвенция о правовой помощи и право-

вых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (г. Минск, 22.01.1993 г.), Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (г. Кишинев, 07.10.2002 г.), Соглашение о порядке взаимного исполнения решений арбитражных, хозяйственных и экономических судов на территориях государств — участников Содружества (г. Москва, 06.03.1998 г.).

Тексты международных договоров РК о правовой помощи по гражданским делам существенно отличаются друг от друга. Тем не менее, международный договор может предусматривать возможность признания и исполнения иностранного решения посредством подачи заявления в суд РК, где решение подлежит исполнению, либо, по выбору взыскателя, в иностранный суд, вынесший решение, для его последующего направления в соответствующий суд РК по официальным каналам связи.

Международный договор, как правило, предусматривает необходимость предоставления взыскателем вместе с заявлением о его признании и исполнении следующих документов:

- (а) решения иностранного суда либо его заверенной копии с подтверждением его вступления в законную силу;
- (б) заверенного перевода решения;
- (в) документов, подтверждающих надлежащее уведомление ответчика о судебном разбирательстве, проходившем в иностранном суде.

В некоторых случаях может потребоваться представление документа, подтверждающего частичное исполнение иностранного решения.

Основания для отказа в признании и приведении в исполнение решений иностранных судов также могут различаться в зависимости от договора. Однако, как правило, имеются общие основания:

- (а) иностранное решение не ступило в законную силу;
- (б) вопрос, по которому иностранный суд вынес решение, относится к исключительной компетенции судов РК;
- (в) не представлены доказательства надлежащего извещения ответчика о судебном разбирательстве в иностранном суде;
- (г) по вопросу, о котором иностранный суд вынес решение, имеется вступившее в законную силу решение суда между теми же сторонами либо такой процесс проходит в РК.

Имеются случаи, когда международный договор позволяет отказать в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда, когда это противоречит законодательству, либо если признание и приведение в исполнение решения может нанести урон суверенитету, безопасности или общественному порядку государства, где испрашивается признание и исполнение.

3) Процедура признания и исполнения в РК

Ни ГПК, ни международные договоры, которые нам удалось изучить, не содержат положений о сроках рассмотрения заявления судом и процедуре его рассмотрения. На практике заявление о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда рассматривается в те же сроки, которые предусмотрены ст. 425–1 ГПК для рассмотрения заявления о признании и приведении в исполнение решений иностранных арбитражей — 15 дней. О поданном заявлении ставится в известность должник. Должник имеет возможность и, как правило, представляет свои возражения по вопросу о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда. По результатам рассмотрения заявления соответствующий районный или приравненный к нему суд выносит определение, которое может быть обжаловано заинтересованной стороной в порядке и сроки, предусмотренные ГПК.

3. Проект ГПК

В тексте проекта ГПК вопросы признания и исполнения решений иностранных судов получили более широкую регламентацию. Однако представление разработчиков проекта показалось нам достаточно противоречивым. Ниже мы оста-

4 См. Сулейменов М. К. Доклад на международной конференции: «Урегулирование инвестиционных споров с участием государств с переходной экономикой» 13–15 ноября 2009 г., г. Москва (в рамках научного проекта, проводимого при поддержке научного фонда «Фольксваген» (Германия) «Право иностранных инвестиций в Азербайджане, Казахстане и России: баланс интересов в странах с переходной экономикой»).

5 Ответ Министра юстиции РК от 22.11.2013 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: № 12022. <http://m.adilet.gov.kz/ru/node/50914>.

6 См. Сулейменов М. К. Доклад на международной конференции: «Урегулирование инвестиционных споров с участием государств с переходной экономикой» 13–15 ноября 2009 г., г. Москва (в рамках научного проекта, проводимого при поддержке научного фонда «Фольксваген» (Германия) «Право иностранных инвестиций в Азербайджане, Казахстане и России: баланс интересов в странах с переходной экономикой»).

новимся на наиболее существенных недочетах, а также концептуальных моментах проекта, которые, на наш взгляд, требуют доработки.

1) *Необходимо конкретизировать основания для признания и исполнения решений иностранных судов*

Одна из основных принципиальных позиций, которую разработчикам ГПК следует выбрать, касается правовых оснований для признания и приведения в исполнение в РК решений иностранных судов. Из анализа проекта невозможно четко определить, будет ли признание и исполнение основываться исключительно на международных договорах или все же будет возможно признание и исполнение в рамках национального законодательства и в соответствии с принципом взаимности при отсутствии международного договора.

В ст. 527 проекта ГПК указано, что решения иностранных судов признаются и исполняются судами РК, если признание и приведение в исполнение таких решений предусмотрено законодательством или международным договором РК либо на основе взаимности (необходимо акцентировать использование союзов «или» и «либо»). Часть 2 указанной статьи устанавливает, что порядок обращения с заявлением о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда, условия и порядок признания и исполнения таких решений определяются ГПК, если международным договором не установлено иное. Содержание ст. 257 проекта наводит на мысль, что его разработчики намерены предусмотреть возможность признания и исполнения решений иностранных судов на основе взаимности.

Однако уже следующая статья (ст. 527-1) вносит противоречие. В ст. 527-1 проекта разработчики пытаются ограничить признание и исполнение решений иностранных судов только рамками международных договоров. Создается впечатление, что разработчики ГПК сами не определились с позицией по данному вопросу.

К примеру, в английском праве имеется четкая концепция: английские суды рассматривают решение иностранного суда как подтвержденный долг должника перед кредитором. Законодательство Англии позволяет исполнять решения судов практически всех государств мира (с некоторыми ограничениями), вне зависимости от наличия международного договора. При этом взаимности иностранного государства не требуется⁷.

Суды большинства штатов США придерживаются схожей позиции⁸. Любопытно то, что, как мы понимаем, США не заключали международных договоров по вопросу о признании

и исполнении решений иностранных судов. Законодательство большинства штатов не обуславливает признание и исполнение решения иностранного суда взаимностью в иностранном государстве. Законодательство шести штатов⁹ содержит положение о применении принципа взаимности по усмотрению суда как основание для признания и исполнения решений иностранного суда, а в двух штатах¹⁰ взаимность является обязательным условием¹¹.

Если разработчики ГПК, включая в ст. 527 проекта слова «или на началах взаимности», действительно намеревались предусмотреть возможность признания и исполнения решений иностранных судов на началах взаимности (при отсутствии международного договора или норм национального законодательства РК), по нашему мнению, для этого следует внести в проект нормы, регламентирующие порядок и критерии признания и исполнения решений иностранных судов на началах взаимности. Иначе упоминание о взаимности в ст. 527 может остаться декларацией.

2) *Возможно, следует уточнить судебные акты, подлежащие признанию и исполнению*

К примеру, согласно английскому праву, исполнению подлежит только вступившее в законную силу решение государственного уполномоченного суда. Английские суды не исполняют решения иностранных судов, основанные на публичном праве иностранного государства, например, о взыскании налогов, штрафов и иных платежей в бюджет. Взыскателем может выступить только физическое или юридическое лицо, даже если иск в интересах этого лица был подан государственным органом.

Исходя из вышеизложенного, возможно, в проект ГПК следует внести уточнение о том, какие судебные акты иностранных судов подлежат признанию и исполнению в РК. К примеру, можно предусмотреть, что в РК признаются и исполняются решения иностранных судов, вытекающие из гражданско-правовых отношений.

3) *Юрисдикция над должником*

Немаловажным способом защиты интересов казахстанских должников в судах иностранных государств является установление критериев, по которым иностранный суд может установить юрисдикцию над казахстанским должником. Судам РК может быть представлена возможность отказа в признании и приведении в исполнение иностранного решения в случае, если имеются сомнения в обоснованности привлечения казахстанского должника к процессу в иностранном государстве.

К примеру, в Англии одним из основных критериев для признания и исполнения решения иностранного суда английским судом является наличие у иностранного суда юрисдикции в отношении должника в момент вынесения решения. При этом наличие юрисдикции английский суд определяет по английскому праву. Это означает, что даже если в соответствии с процессуальным правом иностранного государства суд был правомочен рассматривать спор с участием должника, но в соответствии с английским правом о признании и исполнении решений иностранных судов юрисдикция иностранного суда отсутствовала, в исполнении английским будет отказано¹².

По английскому праву иностранный суд признается имеющим юрисдикцию над должником в следующих случаях:

1. Присутствие должника — физического лица на территории иностранного государства в момент получения повестки. Осуществление юридическим лицом предпринимательской деятельности с постоянным местом нахождения в иностранном государстве в течение определенного срока.

9 Флорида, Айдахо, Мэн, Северная Каролина, Огайо, Техас.

10 Джорджия, Массачусетс.

11 См. Ronald A. Brand Recognition and Enforcement of Foreign Judgments // Fed. Jud. Center Int'l Litig. Guide 11. — 2012.

12 Дело Buchanan v Rucker (1808) 9 East 192

7 Принцип взаимности не применяется как в вопросе исполнения решения иностранного суда, так и в вопросе отказа в исполнении. К примеру, английский суд не примет в качестве аргумента для признания и исполнения решения иностранного суда факт того, что при таких же условиях решение английского суда будет исполнено на территории этого иностранного государства.

8 По этому вопросу интересно мнение судьи Грей Верховного Суда США, выраженное в 1895 г., по делу Hilton v. Guyot: «В тех случаях, когда была представлена возможность для полного и справедливого судебного разбирательства в компетентном суде иностранного государства, который проводит судебные разбирательства на постоянной основе, после должного изучения доводов ответчика либо его добровольной явки в суд, в рамках системы права, которая в должной мере способна обеспечить беспристрастность правосудия между гражданами своего государства и иностранных государств, и если отсутствуют доказательства предвзятости суда, системы законов, которые он применяет, мошенничества при вынесении решения, либо любые другие особые причины, по которым вежливость нашего государства не должна придать ему [решению иностранного суда — прим. авт.] полную силу, существо спора не подлежит рассмотрению повторно в рамках судебного разбирательства, инициированного в данном государстве в отношении решения иностранного суда». Интересно то, насколько прогрессивны были взгляды судьи еще более чем сто лет назад.

2. Предпринимательская деятельность на территории иностранного государства через агента.

3. Должник выступил истцом в иностранном суде.

4. Наличие оговорки о подсудности иностранного суда. Договорная подсудность пользуется уважением английского суда, и поэтому юрисдикция на основании договорной подсудности будет признана практически безоговорочно.

5. Участие в судебном разбирательстве в иностранном суде по существу спора. Участие с целью обжалования подсудности иностранного суда не будет считаться участием «по существу».

По мнению авторов, возможно, в проекте ГПК следует рассмотреть основания, по которым суд РК может отказать в признании и исполнении решения иностранного суда, если в соответствии с установленными в интересах казахстанских должников критериями иностранный суд не может рассматривать спор против казахстанского должника. Иначе может возникнуть ситуация, когда суд иностранного государства вынесет решение в отношении казахстанского должника, с которым должник и спор не имеет фактической связи в соответствии с нашим пониманием о юрисдикции иностранного суда. При этом такие критерии могут отличаться от норм, регламентирующих подсудность казахстанских судов.

4) Процедура признания и исполнения

Статья 528 проекта предусматривает, что заявление взыскателя о принудительном исполнении решения иностранного суда подается в суд РК по месту жительства или месту нахождения должника. В случае если должник не имеет места жительства или места нахождения в РК либо оно неизвестно, ходатайство подается по месту нахождения его имущества. Данная норма придает некоторую ясность в вопросах подсудности.

В ст. 529 проекта указано, что заявление о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда подлежит рассмотрению в месячный срок. В соответствии со ст. 531 по результатам рассмотрения заявления суд выносит определение, которое вступает в законную силу с момента вынесения. Это позитивный момент.

Вместе с тем, по нашему мнению, в ст. 531 следовало бы дополнительно предусмотреть последствия подачи жалобы на определение суда, например, то, что подача жалобы не приостанавливает исполнение определения суда. Это позволило бы избежать затягивания исполнения со стороны должников.

Проект ГПК (ч. 3 ст. 528) устанавливает требования к содержанию заявления взыскателя, а также перечень прилагаемых документов. Предусматривается, что взыскатель обязан приложить к заявлению:

- (а) решение иностранного суда или его заверенную копию;
- (б) заверенный перевод;
- (в) документ, подтверждающий направление заявления должнику;
- (г) доверенность;
- (д) документы, подтверждающие вступление решения в законную силу;
- (е) документы, подтверждающие надлежащее и своевременное уведомление должника, а также
- (ж) соглашение сторон о передаче спора на разрешение иностранного суда (по делам договорной подсудности).

Как видно из вышеизложенного, в соответствии с проектом ГПК взыскатель обязан представить суду в РК значительный объем доказательств, подтверждающий отсутствие каких-либо оснований для отказа в признании и исполнении решения иностранного суда. Должнику фактически достаточно сказать, что те или иные документы взыскателем не представлены, т.е. должник не обязан сам представлять какие-либо доказательства. Это дает должнику необоснованные процессуальные преимущества.

По мнению авторов, подобный подход в проекте ГПК следует пересмотреть в свете нижеследующего:

5) *Бремя доказывания при рассмотрении вопроса о признании и исполнении*

По нашему мнению, строгий подход разработчиков ГПК к взыскателю при рассмотрении судом РК вопроса о признании и исполнении решения иностранного суда не отражает растущую интеграцию РК в мировую экономику и улучшение торгово-экономических отношений, поскольку подрывает доверие иностранных взыскателей к должникам из РК. В этом вопросе интересен опыт Англии и США.

В Англии бремя доказывания оснований для исполнения решения иностранного суда лежит на взыскателе, тогда как бремя доказывания оснований для отказа лежит на должнике. Аналогичным образом в США взыскателю достаточно доказать наличие вступившего в законную силу решения иностранного суда, после чего бремя доказывания отсутствия оснований к признанию и исполнению переходит на должника.

В действующем ГПК при признании и исполнении арбитражных решений, к примеру, бремя доказывания ненадлежащего уведомления об арбитражном разбирательстве несет должник (ст. 425-3 ГПК).

По нашему мнению, в проекте ГПК необходимо определиться с подходом по вопросу о бремени доказывания оснований для отказа в признании и исполнении решения иностранного суда. Кто его будет нести и кого мы намерены защищать, должника или взыскателя? Если должника, соответствует ли это политике открытости нашего государства? Если взыскателя, должник ли мы предусмотреть минимальные гарантии защиты казахстанских должников? Необходимо выбрать баланс.

6) Основания для отказа в признании и исполнении

В ч. 1 ст. 530 проекта ГПК указаны следующие основания для отказа в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда:

- (а) решение не вступило в законную силу;
- (б) сторона, против которой было вынесено решение, не была своевременно и надлежащим образом извещена о времени и месте рассмотрения дела или не могла представить свои объяснения;
- (в) имеется вступившее в законную силу решение суда РК между теми же сторонами о том же предмете и по тем же основаниям;
- (г) истек срок давности приведения решения иностранного суда к принудительному исполнению.

По мнению авторов, ограничение перечня оснований для отказа в признании и исполнении решения иностранного суда четырьмя случаями является хорошим признаком, т.к. обеспечивает больше шансов на успешное признание и исполнение решения иностранного суда. Однако предлагаемый перечень может не отражать интересы РК.

Это связано с тем, что не все иностранные суды способны обеспечить законность и беспристрастность судебного разбирательства. В некоторых случаях решения иностранных судов могут быть совсем чужды нашему правосознанию, к примеру, если подлежит исполнению решение по праву шариата. Каковы в этом случае будут критерии удовлетворения или отказа в удовлетворении заявлений о признании и исполнении решения иностранного суда на началах взаимности? Подобные критерии в ст. 530 проекта ГПК (основания для отказа в признании и исполнении) отсутствуют.

К примеру, в законодательстве большинства штатов США указано, что помимо прочих оснований в признании и исполнении решения иностранного суда может быть отказано: если должник представил доказательства, подтверждающие отсутствие в иностранном государстве справедливого и беспристрастного суда в целом или применительно к конкретному разбирательству; если признание и исполнение решения противоречило бы основным принципам конституции.

В Англии коррупция иностранного суда (т.е. получение взятки судом) или обман по существу требований, заявленных в иске, может послужить основанием для отказа в признании и исполнении решения иностранного суда¹³. Под последним подразумевается ситуация, когда сторона по делу представила суду сфальсифицированные доказательства или иным образом ввела суд либо противоположную сторону в заблуждение. В исполнении решения иностранного суда также может быть отказано, если решение противоречит общественной политике Англии, к примеру, если в основе решения лежит преступная или иная противоправная деятельность.

По мнению авторов, разработчикам ГПК, возможно, следует рассмотреть возможность включения в проект ГПК дополнительных оснований для отказа в признании и исполнении решений иностранных судов, в случае если исполнение такого решения не соответствует определенным критериям, отражающим, к примеру, интересы суверенитета, общественной безопасности, нравственности. При этом важно не переусердствовать, указав слишком широкие критерии для отказа в признании и исполнении.

4. Заключение

Рассмотрев и проанализировав раздел IV проекта ГПК, опыт Англии и США в вопросе признания и исполнения решений иностранных судов, авторы придерживаются мнения о том, что на данном этапе развития РК целесообразно предусмотреть правовой механизм, предусматривающий возможность признания и исполнения решений иностранных судов

на началах взаимности, т.е. в отсутствие международного договора. Это оказало бы существенный импульс на рост доверия к РК со стороны иностранных инвесторов, способствовало бы улучшению инвестиционного климата, большей открытости нашей экономики, а также улучшению торгово-экономических связей с иностранными государствами. При этом следует предусмотреть четкие правовые рамки, которые обеспечили бы защиту национальных интересов при признании и исполнении решений иностранных судов. Принятие новой редакции ГПК является исключительной возможностью реализовать подобную инициативу. И мы надеемся, что предложения, изложенные в настоящей статье, будут услышаны разработчиками проекта ГПК.

Пристатейный библиографический список

1. Сулейменов М. К. Доклад на международной конференции: «Урегулирование инвестиционных споров с участием государств с переходной экономикой» 13–15 ноября 2009 г., г. Москва (в рамках научного проекта, проводимого при поддержке научного фонда «Фольксваген» (Германия) «Право иностранных инвестиций в Азербайджане, Казахстане и России: баланс интересов в странах с переходной экономикой»).
2. Ответ Министра юстиции Республики Казахстан от 22.11.2013 г. № 12022. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://m.adilet.gov.kz/ru/node/50914>.
3. Ronald A. Brand Recognition and Enforcement of Foreign Judgments // Fed. Jud. Center Int'l Litig. Guide 11. — 2012.
4. Buchanan v Rucker (1808) 9 East 192.
5. Showlag v Mansour [1995] 1 AC 431.

13 Дело Showlag v Mansour [1995] 1 AC 431.

Об авторе

Александр Михайлович СОЛНЦЕВ

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов. В 2005 г. с отличием окончил магистратуру РУДН по специальности «Международное право». В 2008 г. защитил кандидатскую диссертацию под руководством профессора А. Х. Абашидзе на тему «Роль международных судебных учреждений в разрешении международных экологических споров». Проходил стажировку в Университете Амстердама (University of Amsterdam, Нидерланды, 2001–2002 гг.) и в Управлении Верховного комиссара ООН по правам человека (Женева, 2012 г.). Член Российской ассоциации международного права. Сфера научных интересов: проблемы теории и практики международного права, в особенности вопросы международного экологического права, международного космического права, мирного разрешения споров; проблемы защиты прав человека; африканистика. Автор и соавтор более 150 работ, опубликованных в России и за рубежом.

А. М. Солнцев

**СОВРЕМЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
О ЗАЩИТЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

Наше издательство предлагает следующие книги:

117335, Москва, Нахимовский проспект, 56. Телефон / факс (многоканальный) +7 (499) 724 25 45

Каталог изданий в Интернете: <http://URSS.ru>

URSS

Ракишев К. Х.

СУБЪЕКТ ПРЕСТУПНОГО НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Статья посвящена рассмотрению вопроса о субъекте преступного нарушения авторских и смежных прав в сети Интернет по Уголовному кодексу Республики Казахстан. Внимание уделяется судебной практике Республики Казахстан по уголовным делам данной категории.

Ключевые слова: субъект преступления, авторские и смежные права, право и интернет, уголовная ответственность

Rakishev K. Kh.

THE SUBJECT OF CRIMINAL INFRINGEMENT OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS ON THE INTERNET UNDER THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The article is devoted to the discussion of the subject of the criminal infringement of copyright and related rights on the Internet under the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. Attention is paid to the court practice of the Republic of Kazakhstan in criminal cases of this category.

Keywords: subject of crime, copyright and related rights, law and the Internet, criminal responsibility.

Ракишев К. Х.

Субъектами преступлений по ст. 184 «Нарушение авторских и (или) смежных прав» и ст. 184-1 «Нарушение прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения или топологии интегральных микросхем» Уголовного кодекса Республики Казахстан (УК РК) являются физические вменяемые лица, достигшие 16 лет.

Хотелось бы отметить, что уголовные дела, связанные с применением информационных технологий, в казахстанской судебной практике единичны. Так, приговором Уральского городского суда от 5 июля 2011 г. гражданка К. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 184 УК. Она с целью открытия компьютерного клуба арендовала помещение, которое оборудовала 14 компьютерами, затем через систему Интернет скопировала программу игры «Counter-strike» и установила ее в приобретенных компьютерах. Не заключая договор с правообладателем, сдавала указанные компьютеры в аренду по цене 100 тенге за час игры. Судом она осуждена к одному году ограничения свободы¹.

В качестве квалифицирующих признаков уголовный закон (ч. 4 ст. 184 УК РК) признает следующие обстоятельства:

- а) неоднократность;
- б) совершение группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
- в) крупный размер или причинение крупного ущерба;
- г) совершение лицом с использованием своего служебного положения.

Неоднократным следует признать такое нарушение авторских и смежных прав, когда лицо ранее уже совершало такое деяние, по которому судимость не погашена или не снята и не истекли сроки давности привлечения такого лица к уголовной ответственности.

В казахстанской судебной практике имеется достаточное количество примеров привлечения одного и того же лица к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 184 УК Республики Казахстан дважды, а то и трижды в течение года. Например, таким лицом, неоднократно судимым за аналогичные преступления (трижды — в 2011 г., дважды — в 2010 г.), является гражданин Н. Так, Жезказганским городским судом 29 марта 2011 г. он осужден по ч. 2 ст. 184 УК РК к одному году ограничения свободы, с признанием в его действиях рецидива преступлений. Затем этим же судом 5 июля 2011 г. гражданин Н. приговорен по ч. 2 ст. 184 УК РК к одному году 6 месяцам ограничения свободы с признанием в его действиях рецидива преступлений

и применением правил статей 59, 60 УК РК. В силу требований ч. 2 ст. 61 УК РК наказание, назначенное ему по приговору Жезказганского городского суда от 27 ноября 2010 г. по ч. 2 ст. 184 УК РК в виде штрафа, постановлено исполнить самостоятельно.

В третий раз обвинительный приговор в отношении гражданина Н. состоялся 16 августа 2011 г. по той же статье. С учетом его личности, наличия в его действиях рецидива преступлений суд назначил ему максимальный предел ограничения свободы с возложением определенных обязанностей².

Нарушение авторских и смежных прав признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если оно совершено двумя или более лицами, заранее, то есть до совершения, сговорившимися о совместном его осуществлении. Рассматриваемое деяние будет признано совершенным организованной группой, когда устойчивая, сплоченная группа заранее объединяется для совершения данного преступления³.

В примечании к ст. 184-1 УК РК отмечается, что деяния, предусмотренные статьями 184, 184-1 УК РК, признаются причинившими значительный ущерб или совершенными в значительном размере, если размер ущерба или стоимость прав на использование объектов интеллектуальной собственности либо стоимость экземпляров объектов авторского права и (или) смежных прав или товаров, содержащих изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения или топологии интегральных микросхем в сто раз превышает месячный расчетный показатель, установленный законодательством Республики Казахстан на момент совершения преступления (п. 1).

В п. 2 примечания к ст. 184-1 УК РК дается следующее разъяснение: деяния, предусмотренные статьями 184, 184-1 УК РК, признаются причинившими крупный ущерб или совершенными в крупном размере, если размер ущерба или стоимость прав на использование объектов интеллектуальной собственности либо стоимость экземпляров объектов авторского права и (или) смежных прав или товаров, содержащих изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения или топологии интегральных микросхем в пятьсот раз превышает месячный расчетный показатель, установлен-

1 Материалы Уральского городского суда, архив за 2011 г.

2 Материалы Жезказганского городского суда, архив за 2011 г.

3 Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Общая и Особенная части / Под общ. ред. И. Ш. Борчашвили. — Изд. 2-е. — Алматы: Жеті жарғы, 2007. — С. 451.

ный законодательством Республики Казахстан на момент совершения преступления.

Под нарушением авторских и смежных прав лицом с использованием своего служебного положения понимаются действия, которые совершаются должностным лицом в пределах своей компетенции, но по своему содержанию заведомо противоречат целям и задачам, ради достижения которых функционирует соответствующий орган.

Хотелось бы отметить, что определенные затруднения возникают у судов Казахстана при определении преступных действий, совершенных в значительном или крупном размере, например, по каким ценам должен происходить расчет стоимости экземпляров произведений или фонограмм: по ценам, реализуемым нарушителем; по ценам продавцов, торгующих данным товаром без нарушений законодательства; либо по отпускным ценам правообладателя?

В отдельных случаях, если произведения или фонограммы являются контрафактными по своим физическим качествам, для установления значительного или крупного размера необходимо исходить из стоимости контрафактных произведений и фонограмм, исходя из нарушителя. Однако, в случае исчисления размера, исходя из заведомо заниженной «пиратской» стоимости экземпляров произведения, ущерб и размер этот окажется необоснованно малым.

В этой связи, по мнению некоторых судей Казахстана, представляется неверным принятие во внимание средней стоимости реализуемых конечным пользователям объектов в конкретном регионе.

Например, международные организации рекомендуют при определении размера ущерба ориентироваться на экономические критерии, в соответствии с которыми реализация одной единицы контрафактной продукции расценивается как срыв легальной реализации такой же единицы продукта.

Не менее важным представляется вопрос о том, кто должен признаваться потерпевшим по делам о таких преступлениях.

Очевидно, что преступление указанной категории, в первую очередь наносит моральный и имущественный вред автору произведений. Потерпевшим одновременно с автором (но не вместо него) также может выступить обладатель исключительных авторских прав. Остальные участники правоотношений в сфере охраны авторских и смежных прав (представители различных организаций, управляющих имущественными правами на коллективной основе, и т. п.) могут выступать в уголовном процессе только как представители потерпевшего.

По изученным делам органом уголовного преследования потерпевшими признаются юридические лица. Так, по делу по обвинению гражданки Г. по ч. 2 ст. 184 УК РК потерпевшим признано ТОО «Первое казахстанское музыкальное издательство».

Из приобщенной к материалам дела ксерокопии доверенности № 1 от 1.01.2011 г. следует, что президент объединения юридических лиц «Казахстанская ассоциация по защите авторских и смежных прав» доверил гражданину В. представлять интересы ОЮЛ «КАЗАСП» по вопросам защиты авторских и смежных прав членов КАЗАСП.

Однако никаких доказательств, подтверждающих членство ТОО «Первое казахстанское музыкальное издательство» в ОЮЛ «КАЗАСП», учредительных документов ОЮЛ «КАЗАСП», подтверждающих полномочия по защите авторских и смежных прав, к делу не приобщено и судом не истребовано.

Наиболее часто потерпевшей стороной по уголовным делам выступало ОЮЛ «КАЗАСП» — Объединение юридических лиц «Казахстанская ассоциация по защите авторских и смежных прав».

Членами ОЮЛ «КАЗАСП» являются ряд компаний-правообладателей, имеющих исключительные права на дистрибуцию аудио- и видеопроизведений.

Из показаний их представителей следует, что ежегодно каждая компания-правообладатель обязана выплачивать роялти за право исключительного владения правами на всей терри-

тории Республики Казахстан. Заключенные вышеперечисленными компаниями договоры о передаче исключительных прав разрешают использование произведения только лицу, которому это право передается, и которое вправе запрещать подобное использование произведения другим лицом⁴.

Анализ судебных дел показал, что в основном к уголовной ответственности привлекаются лица по ч. 2 ст. 184 УК Республики Казахстан за нарушения авторских прав, выразившиеся в незаконном приобретении, хранении, перемещении контрафактных экземпляров произведений в целях сбыта, совершенные в значительном размере. Причем к ответственности привлекаются лица, которые реализуют контрафактный товар (как правило, DVD диски).

По Закону Республики Казахстан «Об авторском праве и смежных правах» контрафактными являются экземпляры произведения, записанного исполнения, фонограммы, передачи организаций эфирного и кабельного вещания, изготовление, распространение или иное использование которых влечет за собой нарушение авторского права и смежных прав в силу положений настоящего Закона либо норм международных договоров, ратифицированных Республикой Казахстан.

Согласно нормативному постановлению Верховного Суда Республики Казахстан № 11 «О применении судами некоторых норм законодательства о защите авторского права и смежных прав» от 25 декабря 2007 г. контрафактными экземплярами следует считать произведения, фонограммы аудиовизуального произведения, передачи организации эфирного и кабельного вещания, экземпляры объекта авторского права и смежных прав, которые изготовлены, распространяются или иным образом используются с нарушением личных неимущественных или имущественных (исключительных) прав автора, исполнителя, производителя фонограмм, организации эфирного и кабельного вещания, либо экземпляры правомерно обнародованных объектов авторского права и смежных прав, с которых удалена или неправомерно нанесена информация об авторе или обладателе смежных прав.

Так, приговором Октябрьского районного суда Карагандинской области от 5 апреля 2010 г. признана виновной и осуждена гражданка Ж. Она с целью осуществления предпринимательской деятельности зарегистрировалась в Налоговом управлении в качестве индивидуального предпринимателя. Затем, арендовав отдел у предпринимателя А. в магазине «Алмагуль», организовала реализацию нелегальных DVD дисков по цене 400 тенге за 1 диск. В ходе оперативно-розыскных мероприятий выявлен факт незаконной реализации контрафактных DVD дисков. Судом она осуждена по ч. 2 ст. 184 УК к 180 часам общественных работ⁵.

Субъектом преступления по уголовному праву Российской Федерации признается лицо, совершившее запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие) и способное нести за него уголовную ответственность. Из многочисленных свойств личности преступника закон выделяет такие, которые свидетельствуют о возможности воздействия на него мерами уголовно-правового характера с целью его исправления и предупреждения совершения новых преступлений. В качестве признаков субъекта преступного деяния ст. 19 УК РФ выделяет следующие: 1) определение лица как физического, т.е. субъектом преступления должно считаться только физическое, а не юридическое лицо; 2) возраст (о возрасте, с которого наступает уголовная ответственность, говорит ст. 20 УК РФ); 3) вменяемость.

В российском уголовном законодательстве определение вменяемости отсутствует, однако оно должно достаточно легко выводиться из логического толкования понятия невменяемости, которое содержится в ст. 21 УК РФ. Исходя из этого следу-

4 Материалы судебной практики г. Алматы, архив за 2011 г.

5 Материалы Октябрьского районного суда Карагандинской области архив за 2010 г.

ет, что вменяемость есть способность лица во время совершения общественно опасного деяния осознавать общественную опасность и фактический характер своих действий (бездействий) и руководить ими. Вменяемость, наряду с возрастом, — необходимая предпосылка вины и уголовной ответственности. Именно эти признаки характеризуют субъекта преступления как лицо, способное нести ответственность за совершенное преступление⁶.

На основании названных признаков можно предложить определение субъекта преступления, под которым следует понимать совершившее преступление физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, а в отдельных случаях наделенное также специальными признаками, указанными в соответствующей норме Особенной части УК РФ⁷.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ, является вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста и совершившее общественно-опасное деяние, предусмотренное данной уголовно-правовой нормой. К физическим лицам, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 146 УК РФ, относятся как граждане России, так и иностранные граждане и лица без гражданства.

В российской юридической литературе некоторые исследователи уголовно-правовых проблем интеллектуальной собственности считают целесообразным снизить возраст, с которого наступает уголовная ответственность за нарушение прав автора или владельца смежных прав, до 14 лет, внося соответствующие изменения в ст. 20 УК РФ. Это обусловлено тем, что именно в этом возрастном периоде подросток начинает осознавать социальную значимость соблюдения прав авторов и смежных прав.

Нам представляется более правильной позиция М. В. Вошинского и А. Г. Морозова, которые считают, что расширение круга субъектов интеллектуальной собственности за счет несовершеннолетних не имеет под собой оснований и вряд ли оправданно. По их мнению, 14-летние по российскому законодательству наделены ограниченными возможностями участвовать в предпринимательской деятельности и, соответственно, выступать субъектами данного преступления. Кроме того, учитывая, что совершение преступлений, предусмотренных ст. 146 УК РФ, требует определенных организаторских способностей и жизненного опыта, несовершеннолетние участвуют в них крайне редко⁸.

В зарубежных странах устанавливаются разные подходы по вопросу уголовной ответственности несовершеннолетних. Так, в Уголовном кодексе Франции возраст уголовной ответственности прямо не установлен, но из содержания ст. 122-8 УК Франции можно заключить, что она может наступить с 13 лет. Согласно французской доктрине дети, не достигшие этого возраста, считаются невменяемыми⁹.

С. Юрков приводит интересный статистический анализ практики назначения наказаний по ст. 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав». В 2008 г. по ч. 2 ст. 146 УК РФ вновь чаще выносятся приговоры (71%) с наказанием в виде лишения свободы на определенный срок условно (средний размер — 13 месяцев). Это же касается и ч. 3 ст. 146 УК РФ — 90% пригово-

ров, однако впервые встречается основное наказание в виде штрафа (30 000 рублей).

В 2009 и 2011 гг. приоритеты в правоприменительной практике не меняются, наиболее часто назначаемым наказанием по частям 2 и 3 ст. 146 УК РФ остается лишение свободы на определенный срок условно. По ч. 2 — 77% в 2009 г.; 81% — в 2001 г.; по ч. 3 — 95% в 2009 г.; 98% — в 2011 г. В 2010 г. по ч. 2 ст. 146 УК РФ опять наблюдается преобладание штрафов (67%), по ч. 3 ст. 146 ситуация не меняется — 98% приговоров с лишением свободы на определенный срок условно¹⁰.

В российской и зарубежной научной литературе обсуждается вопрос о признании юридического лица субъектом данного преступления. Это актуально в свете того, что провайдер, сторона договора, — прежде всего организация (юридическое лицо).

Хотелось бы отметить, что институт уголовной ответственности юридических лиц длительное время существует во Франции, Бельгии, Австрии, Японии и некоторых других государствах, но наибольшее распространение он получил в Англии и США. Немецкий ученый — научный сотрудник кафедры уголовного права Вюрцбургского университета Сюзанна Бек отмечает: «В Англии корпорации могут быть привлечены к уголовной ответственности за совершение целого ряда преступлений, даже в тех случаях, когда требуется наличие умысла. В Германии к уголовной ответственности могут быть привлечены только физические лица; организации можно привлечь лишь за совершение административного правонарушения, состав которого не включает вину как психическое отношение лица к содеянному»¹¹.

Сопоставляя положения правовых систем Великобритании и США, вопрос о виновности юридического лица следует рассматривать в свете понимания вины как социальной категории, а также ответственности перед обществом и государством любого лица (как физического, так и юридического) за негативные последствия совершенных противоправных деяний. При этом речь идет о широком понимании вины юридического лица и его ответственности вне зависимости от вины и ответственности непосредственного виновника преступления.

Также следует особо остановиться на том, что в ч. 3 ст. 146 УК РФ указан специальный субъект — лицо, использующее свое служебное положение. Вопрос здесь возникает не в связи с тем, что понимать под служебным положением и кто из лиц подпадает под действие этого признака, а в связи с тем, как можно использовать служебное положение для нарушения авторских и смежных прав. Практика деятельности правоохранительных органов показывает, что данное преступление совершается, по преимуществу, сотрудниками коммерческих организаций, деятельность которых связана с распространением объектов авторского права или смежных прав, то есть уже в силу этого они не могут совершать данное преступление без использования служебного положения¹².

Считаем важным отметить, что раскрытие вопроса об ответственности участников общественных отношений, возникающих в связи с уголовно-правовой охраной авторских и смежных прав в Рунете, невозможно без рассмотрения отдельных организационно-технических моментов функционирования Сети.

Интернет соединяет пользователей, использующих опознаваемые по цифровому номеру — IP-адресу — технические устройства — компьютеры. Этот номер присваивается провайдером — организацией, которая ведет реестр IP-адресов.

6 Толстая Е. В. Посягательства на авторские и смежные права в российском сегменте сети Интернет: уголовно-правовая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — С. 130–131.

7 Уголовное право России. Общая часть / Под ред. И. Э. Звечаровского. М., 2004. — С. 159.

8 Вошинский М. В. Уголовно — правовые меры противодействия нарушению авторского и смежных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — С. 9; Морозов А. Г. Преступления в сфере авторских и смежных прав: общественная опасность и правила квалификации: Дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2004. — С. 121.

9 Козочкин И. Д. Основания ответственности в современном уголовном праве // Государство и право. — 2010. — № 10. — С. 88.

10 Юрков С. Практика назначения наказаний по статье 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав» // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2012. — № 12. — С. 59.

11 Бек С. Примирение английской и немецкой концепций уголовной ответственности корпораций. — Правоведение. — 2012. — № 2. — С. 165–166.

12 Волков В. М., Подольный Н. А. Проблемы толкования статьи 146 УК РФ // Российская юстиция. — 2005. — № 11. — С. 24.

По IP-адресу происходит поиск и взаимодействие устройств в сети. Для удобства запоминания и восприятия была создана доменная система имен (Domain Name System — DNS), позволяющая поставить в соответствие IP-адресу символическое имя.

В свою очередь указанных провайдеров соединяют между собой локальные интернет-регистраторы (LIR), как правило, это крупные провайдеры. Они занимаются в первую очередь согласованием технических стандартов (обмена данными, соединения сетей и т.д.). Локальных интернет-регистраторов объединяют региональные интернет-регистраторы (RIR) — их в настоящее время пять, и каждый из них действует в определенном регионе мира. Так, Организация европейских поставщиков интернет-услуг (RIPE — Reseaux IP Europeens) создана для координации развития IP-сетей в Европе. Она занимается распределением IP-номеров в европейском регионе, развивает дополнительные технические виды сервиса, касающиеся маршрутизации и системы доменных имен (DNS).

На ранних этапах развития Полномочный орган по цифровым адресам в Интернет (IANA — Internet Assigned Numbers Authority) оказывала услуги по распределению IP-адресов и номеров протоколов (впоследствии эти функции перешли к ICANN). В настоящее время ведет реестр всех идентификаторов, связанных с протоколами Интернет, а также поддерживает хранилище документов Request of Comments (RFC), которые являются стандартами Интернет.

В современный период деятельность по присвоению адресов в Интернет, а также номеров протоколов ведется Корпорацией Интернет по регистрации имен и нумерации (ICANN — Internet Corporation for Assigned Names and Numbers). ICANN — это формально некоммерческая организация, созданная по законодательству Штата Калифорния (США). IANA находится под контролем ICANN. «Одна из основных особенностей ICANN заключается в ее независимости — в Правительственном консультативном комитете (Governmental Advisory Committee) ICANN собраны делегаты из разных стран мира»¹³.

В российской юридической литературе О. Блинов правильно отмечает, что тема защиты интеллектуальной собственности в Интернете продолжает чрезвычайно быстро развиваться, что ставит российских юристов перед потребностью в постоянной работе по улучшению отечественного правового регулирования, по исследованию зарубежного права и по модификации

общепризнанных норм для соответствия российским правовым реалиям¹⁴.

Пристатейный библиографический список

1. Бек С. Примирение английской и немецкой концепций уголовной ответственности корпораций. — Правоведение. — 2012. — № 2.
2. Блинов О. Защита авторских и смежных прав в сети Интернет: опыт США // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2012. — № 11.
3. Волков В. М., Подольный Н. А. Проблемы толкования статьи 146 УК РФ // Российская юстиция. — 2005. — № 11.
4. Воцкий М. В. Уголовно-правовые меры противодействия нарушению авторского и смежных прав: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005.
5. Дашян М. С. Право информационных магистралей (Law of information highways): вопросы правового регулирования в сфере Интернет. — М., 2007.
6. Козочкин И. Д. Основания ответственности в современном уголовном праве // Государство и право. — 2010. — № 10.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Общая и Особенная части / Под общ. ред. И. Ш. Борчашвили. — Изд. 2-е. — Алматы: Жеті жарғы, 2007.
8. Материалы Жезказганского городского суда, архив за 2011 г.
9. Материалы Октябрьского районного суда Карагандинской области архив за 2010 г.
10. Материалы судебной практики г. Алматы, архив за 2011 г.
11. Материалы Уральского городского суда, архив за 2011 г.
12. Морозов А. Г. Преступления в сфере авторских и смежных прав: общественная опасность и правила квалификации: Дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2004.
13. Толстая Е. В. Посягательства на авторские и смежные права в российском сегменте сети Интернет: уголовно-правовая характеристика: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011.
14. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. И. Э. Звечаровского. — М., 2004.
15. Юрков С. Практика назначения наказаний по статье 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав» // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2012. — № 12.

13 Дашян М. С. Право информационных магистралей (Law of information highways): вопросы правового регулирования в сфере Интернет. — М., 2007.

14 Блинов О. Защита авторских и смежных прав в сети Интернет: опыт США // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2012. — № 11. — С. 68–69.

Ашавский Б. М.

ПОНЯТИЯ «ПРАВООРЯДОК», «МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРАВООРЯДОК» И «МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРАВООРЯДОК»: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

В статье рассматриваются понятия правопорядка, международного правопорядка, международного экономического правопорядка и их взаимосвязь. Анализ их содержания проводится в контексте таких понятий, как: «законность», «международная законность», «правоотношение», «международное правоотношение», «правовая система», «международная система», «система международно-правового регулирования» и др.

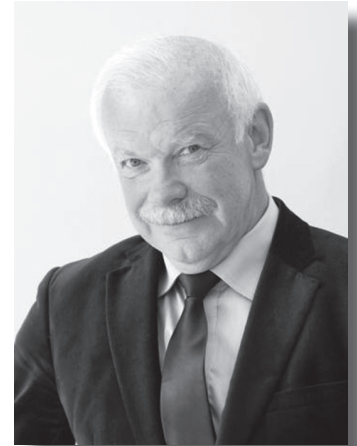
Ключевые слова: правопорядок, международный правопорядок, международный экономический правопорядок, законность, правоотношение, международное правоотношение, правовая система, международная система, система международно-правового регулирования.

ASHAVSKIY B. M.

THE NOTIONS OF «LAW AND ORDER», «INTERNATIONAL LAW AND ORDER» AND «INTERNATIONAL ECONOMIC LAW AND ORDER»: GENERAL AND PARTICULAR

The article considers the notions of law and order, international law and order, international economic law and order and their interrelation. The analysis of their contents is done in the context of such notions as: «lawfulness», «international lawfulness», «legal relationship», «international legal relationship», «legal system», «international system», «system of international legal regulation» and others.

Keywords: law and order, international law and order, international economic law and order, lawfulness, international lawfulness, legal relationship, legal system, international system, system of international legal regulation.

Ашавский Б. М.

Визитная карточка:

Борис Матвеевич Ашавский — выпускник юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. После окончания МГУ в 1972 г. он был зачислен в очную аспирантуру по кафедре международного права. В 1976 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук («Межправительственные конференции в системе международных отношений. Международно-правовые аспекты подготовки и деятельности»). Научный руководитель — д. ю. н., профессор Г. И. Тункин. С 1975 г. работает в Дипломатической академии МИД России (СССР) (младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник, профессор кафедры международного частного права, профессор кафедры международного права). В 1982 г. ВАК при СМ СССР присвоил ему ученое звание старшего научного сотрудника. Имеет дипломатический ранг 2-го секретаря 2-го класса. В 1990 г. им был получен сертификат об окончании Академии американского и международного права (Даллас, Техас, США).

Область специализации Б. М. Ашавского — международное право и пограничные проблемы с международным частным правом.

Основные направления научных исследований: международное экономическое право, международная экономическая безопасность, правовые аспекты международной торговли, правовое регулирование иностранных инвестиций, правовое регулирование деятельности ТНК, право международных организаций, право международных конференций, многосторонняя дипломатия и правила процедуры международных органов. Наряду с этим он высказывает квалифицированные суждения как в печати, так и на научных форумах и по многим другим международно-правовым проблемам. Среди них: воссоединение Крыма с Россией, односторонние экономические санкции, граница правомерного применения силы в международных отношениях, концепция «ответственность по защите», признание государств и правительств, отношение России к международным судебным органам, борьба с терроризмом, защита интересов российских предпринимателей в условиях участия России в ВТО, совершенствование российского инвестиционного законодательства в контексте международных инвестиционных стандартов, вопрос о внешней границе российского континентального шельфа в Арктике и др.

Ему принадлежит приоритет в применении системного подхода при изучении конкретного института международного права в отечественной науке международного права. Он является одним из основателей отечественной концепции международного экономического права.

Б. М. Ашавский подготовил и успешно читает авторские курсы лекций: «Актуальные проблемы международного права», «Международное экономическое право», «Актуальные проблемы международного частного права», «Правовое регулирование иностранных инвестиций». На кафедре он ведет организационно-методическую и учебно-научную работу с аспирантами, осуществляет научное руководство ими.

На протяжении многих лет он был членом специализированного совета Академии по защите кандидатских диссертаций по международному праву, а затем в течении ряда лет являлся ученым секретарем специализированного совета Академии по защите докторских и кандидатских диссертаций по международному праву.

Им опубликовано более 115 научных работ общим объемом более 150 п. л., в том числе 4 монографических исследования, одно из которых посвящено межправительственным конференциям, остается единственным в отечественной науке международного права, а также главы коллективных монографий, учебников, учебные пособия и несколько десятков научных статей.

Им было подготовлено более семидесяти аналитических материалов по заказу МИД России (и СССР) и по его инициативе. На многие из них из МИД и других госорганов получены положительные отзывы. Большинство материалов использовалось при формировании официальной позиции РФ (СССР) в процессе подготовки к переговорам, конференциям и участию в заседаниях в рамках ООН. В течение многих лет он является членом Научно-консультативного совета по международному праву при Председателе Госдумы Федерального Собрания РФ, а также Международно-правового совета при МИД России. Выступает с экспертными оценками в Российском Совете по международным делам (РСМД).

Б. М. Ашавский принимал участие в разработке законопроектов по иностранным инвестициям в составе рабочих групп Комитета по международным делам Верховного Совета СССР и Комитета по экономической политике Госдумы Федерального собрания РФ. Является соавтором одного из законопроектов.

Кроме того, он принимал участие в составе рабочих групп в разработке Кодекса поведения ТНК и Декларации о праве на развитие. В качестве приглашенного лектора и/или исследователя работал в Швейцарии, Лаосе, Вьетнаме, Кампучии (теперь — Камбодже), бывшей Югославии, Люксембурге, Великобритании и Германии. Является членом Российской ассоциации международного права с 1972 г.

Представители естественных наук — физики, математики и другие — обычно начинают дискуссию с призыва: «Определимся в понятиях!». Среди «гуманитариев» это, к сожалению, принято гораздо в меньшей степени. А ведь отсутствие взаимопонимания нередко связано именно с тем, что участники обсуждения вкладывают неодинаковый смысл в одни и те же понятия или используют для их обозначения разные наименования, ошибочно полагая, что они являются синонимами. Конечно, в гуманитарных науках значительно труднее вырабатывать строгие определения используемых понятий. Тем не менее и здесь «определиться в понятиях» необходимо. Не являются исключением в этом смысле и юридические науки вообще, и международное право как наука в частности. Тем более что трудно найти понятия, разработанные в общей теории права, которые могут быть перенесены в теорию международного права без соответствующей адаптации и комментариев. Это обусловлено тем, что общая теория права основывается на изучении «национального» права как системы, регулирующей внутрисударственные отношения, в то время как теория международного права опирается на анализ международного права, регулирующего международные отношения, в основном, — межгосударственные, и являющегося особой системой права.

В отечественной и зарубежной литературе по международному праву, международным отношениям и мировой экономике используется множество понятий, отражающих упорядоченность международных (в частности, межгосударственных) отношений различных видов (политических, дипломатических, экономических, идеологических, информационных, научных, культурных и других). Среди них: миропорядок, новый международный порядок, новый международный экономический порядок (НМЭП), мировой экономический порядок, новый международный информационный порядок (НМИП), международный политический порядок (МПП), международный космический порядок, международный торговый порядок, новый миропорядок (НМП), международное сообщество, интеграционное сообщество, мировое хозяйство, международный порядок межгосударственных экономических отношений, новая международная финансовая архитектура, система международных отношений, международная межгосударственная система, глобальная межгосударственная международная система, международный правопорядок, международный экономический правопорядок и др.

В современных условиях возникает потребность в переосмыслении этих понятий. Однако в нашу задачу не входит рассмотрение каждого из них. Речь идет прежде всего о раскрытии содержания понятий «международный правопорядок» и «международный экономический правопорядок» в контексте непосредственно связанных с ними понятий. В их основе лежит понятие «правопорядок».

Содержание понятия «правопорядок»

Понятие «правопорядок», несмотря на то что оно является одним из основных в системе правовых понятий, по-прежнему вызывает противоречивые суждения. Они касаются различных сторон правопорядка и его связей с другими понятиями. Наиболее важными среди них являются понятия «законность» и «правоотношение».

Прежде всего, понятие «правопорядок» является относительно самостоятельным. Его нельзя считать производным от понятия «законность». Законность представляет собой

соблюдение всеми субъектами права законов и подзаконных актов. Соотношение правопорядка с законностью «дает представление об условиях существования и упрочения правопорядка, но не выражает его сути как порядка общественных отношений, сформировавшегося под правовым воздействием»¹.

Что касается понятия «правоотношение», то существует множество его определений. Наиболее распространенным среди них является следующее: «урегулированное нормами права общественное отношение, участники которого являются носителями субъективных прав и юридических обязанностей, охраняемых и гарантируемых государством»².

Среди характерных признаков правоотношений — то, что они:

- 1) представляют собой особую разновидность общественных отношений;
- 2) складываются на основе правовых норм, в которых выражается и закрепляется государственная воля;
- 3) представляют собой такой вид общественных отношений, который складывается в результате сознательно-волевых действия их участников;
- 4) представляют собой многочисленные и многообразные связи их участников, осуществляемые посредством возлагаемых на них субъективных прав и юридических обязанностей;
- 5) их реализация гарантируется возможностью государственного принуждения³.

Такое понимание правоотношений с изменениями в объеме этой категории стало результатом уточнения знаний, развития понятийной системы общей теории права. Эти изменения накапливались в течение многих десятилетий.

В работе выдающегося русского правоведа и философа Е. Н. Трубецкого «Энциклопедия права», изданной в 1919 г.⁴, была высказана точка зрения о том, что под правоотношениями «следует понимать регулируемые нормами объективного права отношения лиц между собой»⁵. Через 40 лет О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, приняв за основу эту точку зрения, пишут, что «правоотношение возникает между конкретными лицами, характеризуется строгой определенностью взаимного поведения его участников, возникает на основе юридических норм, а осуществление правоотношений обеспечивается мерами государственной охраны»⁶.

С. С. Алексеев уточнил эти характеристики, указав на то, что «связь между лицами (осуществляется — прим. Б. М.) через их субъективные права и обязанности»⁷.

Ю. Г. Ткаченко, проанализировав два аспекта понятия «правоотношения»: «правоотношения — отношения» и «правоотно-

1 Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. — М.: Юрид. лит.-ра, 1976. — С. 180.

2 См.: Марченко М. Н. Теория государства и права: Учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2009. — С. 585.

3 См.: Там же. — С. 585–590.

4 Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. — М., 1919.

5 Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. Юридический институт. — С. — П., 1998. — С. 123.

6 См.: Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. — М.: Госюриздат, 1961. — С. 184–186.

7 См.: Алексеев С. С. Проблемы теории права. Том 1. — Свердловск, 1972. — С. 252.

ношения — модели», сделала вывод об их единстве⁸. В частности, она рассмотрела два определения правоотношений, отражающих соответствующие явления правовой действительности. В первом случае под правоотношением понимаются субъективные права и юридические обязанности, представляющие индивидуальные модели возможного и должного поведения субъектов права, выступающие как образцы — мерки для этого поведения (но не само фактическое поведение). Во втором — под правоотношением понимается фактическое отношение, урегулированное нормами права⁹.

Термин «правоотношение» используется для обозначения двух различных явлений: «модель» — как образ деятельности субъектов и «отношение» — как результат одного из видов предметной деятельности (производственной, социальной, политической, духовной), урегулированной правом. Учитывать, в каком смысле используется этот термин, особенно необходимо в процессе анализа спорных вопросов¹⁰.

Важно понимать, что не существует отношений, которые по своему содержанию являются исключительно правовыми. Говоря о правовых отношениях, необходимо помнить об условности такого наименования: правоотношения не представляют собой самостоятельного вида общественных отношений, существует лишь правовой способ урегулирования этих отношений.

Что касается соотношения понятий «субъект права» и «субъект правоотношения», в общей теории права превагирует мнение относительно их тождественности¹¹.

Появление в общей теории права в середине 50-х годов XX в. новой темы для исследования под названием «правопорядок» связано с именем отечественного теоретика Н. Г. Александрова¹².

Сопоставление понятий «правопорядок» и «правоотношение» выявляет их связи, которые, однако, не отражают существо рассматриваемого понятия. Оно состоит в том, что его выражаются как социальные цели, так и объективный итог правового регулирования общественных отношений. Цель заключается в стремлении законодателя влиять на общественные отношения, обеспечивая необходимый ему порядок, а итог — в приведении общественных отношений в состояние урегулированности и порядка с помощью всех правовых средств¹³.

А. С. Пиголкин считает, что «правопорядок — одна из основных составных частей общественного порядка, складывающегося в результате осуществления различных видов социальных норм, регулирующих разнообразные сферы общественной жизни и различающихся между собой характером и несовпадающим способом воздействия на поведение людей (обычаи, нормы морали, правила общественных организаций и др.)¹⁴.

В этом определении нельзя согласиться с двумя моментами: отсутствием в перечне социальных норм правовых норм (!) и с тем, что эти нормы воздействуют только на поведение людей. Очевидно, что в процессе регулирования они воздействуют на поведение всех субъектов внутригосударственного права: физических и юридических лиц, а также государства.

8 См.: Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. — М., Юрид. лит.-ра, 1980.

Рассмотрению правоотношения в единстве понятий «модели» и «отношения» до этого была посвящена монография Р. О. Халфиной: Халфина Р. О. Общее о правоотношении. — М.: Юрид. лит.-ра, 1974.

9 См.: Ткаченко Ю. Г. Указ. соч. — С. 96–97.

10 См.: Ткаченко Ю. Г. Указ. соч. — С. 114–115.

11 См.: Кечежян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. — М., 1958. — С. 84–86.

12 См.: Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. — М., 1955. — С. 124 и последующие.

13 См.: Васильев А. М. Указ. соч. — С. 181.

14 См.: Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А. Я. Сухарев. — М.: Сов. энциклопедия, 1984. — С. 278.

Нуждается в уточнении положение о том, что правопорядок «регламентируется правовыми нормами, принятыми в установленном в данном государстве порядке»¹⁵. На самом деле, правопорядок — это в значительной степени результат воздействия правовых норм на общественные отношения. Поэтому он не нуждается в регламентации. Другое дело, что правопорядок постоянно корректируется путем принятия новых законов и других нормативных актов, а также внесения изменений в действующие.

А. М. Васильев полагает, что, несмотря на медленное продвижение разработки данного понятия, выяснено, что «правопорядок представляет собой некоторую систему общественных отношений, ядром которой является установившаяся система правоотношений, причем последняя не сводится полностью к первой»¹⁶. С. В. Черниченко касается понятия «правопорядок» в процессе полемики с С. Ю. Марочкиным, В. В. Гавриловым, Б. Л. Зимненко и Л. П. Ануфриевой по вопросу о соотношении международного и внутригосударственного права как правовых систем¹⁷. В отношении понятия «правовая система» он отдает предпочтение точке зрения, согласно которой — «это преломление права, рассматриваемого в качестве системы норм, в процессе его осуществления»¹⁸. Она, по мнению С. В. Черниченко, «может рассматриваться в единстве норм права (и индивидуальных установок) с порождаемыми ими субъективными правами и обязанностями, правовыми связями и правоотношениями и тем самым с устанавливаемым правопорядком»¹⁹. Он считает, что «концепция правопорядка как системы правоотношений и правовых связей в принципе была основана на том, что правоотношения — это индивидуально определенные, урегулированные правом общественные отношения между конкретными их участниками»²⁰. Далее С. В. Черниченко пишет, что «нет так называемых абсолютных правоотношений...»²¹. Последнее утверждение нуждается в уточнении, если иметь в виду рассмотрение правоотношения в единстве понятий «модели» и «отношения»: второе совсем не исключает первого²². Однако, как уже отмечалось, в каждом конкретном случае необходимо учитывать, в каком смысле используется этот термин. Иными словами, рассматриваемый термин является многозначным. Еще более точным, по мнению С. В. Черниченко, было бы определение правопорядка «как системы реализуемых или готовых для реализации субъективных прав и обязанностей через правоотношения и вне правоотношений через правовые связи (понимаемые в указанном смысле)»²³. Здесь возникает вопрос о «правовых связях», которые существуют вне правоотношений. Если исходить из того, что одним из характерных признаков правоотношений является то, что они представляют собой многочисленные и многообразные правовые связи их участников²⁴,

15 См.: Юридический энциклопедический словарь. — С. 278.

16 См.: Васильев А. М. Указ. соч. — С. 181.

17 См.: Черниченко С. В. Вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права как правовых систем (размышления по поводу некоторых книг коллег) // Международные отношения и право: взгляд в XXI век. Материалы конференции в честь заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора кафедры международного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Людмилы Никифоровны Галенской / Под ред. проф. С. В. Бахина. — Ст.-П., 2009. — С. 52–89.

18 См.: Там же. — С. 65.

19 Там же.

20 См.: Там же. — С. 67.

21 См.: Там же.

22 См.: Точки зрения Халфиной Р. О. и Ткаченко Ю. Г., изложенные ранее в данном исследовании.

23 См.: Черниченко С. В. Указ. соч. — С. 67.

24 См. об этом подробнее выше.

то содержание понятия правовых связей, существующих вне правоотношений, неясно.

На это обстоятельство обратила внимание Л. П. Ануфриева, которая, в ходе полемики с С. В. Черниченко, отметила «нерасшифрованность» этого понятия²⁵.

Нет ясности и в отношении того, что представляет собой правовой порядок: процесс или результат? С. В. Черниченко высказывается на этот счет довольно противоречиво: «находящийся в постоянном движении процесс осуществления права», «результат практического действия права», «в рамках теории права и теории международного права, в частности, это не конечный результат»²⁶. Что же это в действительности? Скорее всего, здесь нет никакого противоречия: все зависит от точки зрения. Но в любом случае это и процесс и результат, но не конечный.

Процесс он в том смысле, что, будучи по сути реализацией права, он никогда не заканчивается: постоянно разрабатываются новые правовые нормы, корректируются действующие, перестают действовать старые. Во всех этих случаях осуществляется процесс правового регулирования общественных отношений: появляются новые, изменяются или прекращаются старые.

Результат он — в каждый определенный момент времени в том или ином государстве (внутригосударственный правовой порядок) или в системе государств (международный правовой порядок).

В связи с этими выводами уместно привести точку зрения аргентинских философов права — логика К. Э. Альчуррона и правоведа Е. В. Булыгина, — содержащуюся в их статье «О понятии правового порядка»²⁷, с которой мы познакомились уже после того, как пришли к вышеупомянутым выводам. Они, в частности, полагают, что распространенные среди юристов идеи относительно правового порядка могут быть сведены к следующим восьми тезисам:

I. Правовой порядок есть совокупность обладающих юридической силой (действенных или валидных) норм согласно некоему критерию юридической силы (*validez*).

II. Правовой порядок есть собрание норм.

III. Правовой порядок есть система норм.

IV. Правовые нормы создаются и упраздняются посредством волевых актов.

V. Правовой порядок является динамическим, т.е. подвержен изменениям во времени.

VI. Изменения правового порядка затрагивают его содержание, но не его идентичность: правовой порядок может длиться во времени, не теряя своей идентичности, даже если его содержание различно в каждый момент.

VII. Содержание правового порядка в каждый момент определено или, по крайней мере, определимо, т.е., в принципе, можно определить, какие нормы принадлежат данному правовому порядку в данный момент.

VIII. В каждом государстве имеется один и только один правовой порядок»²⁸.

Авторы справедливо считают, что соединить эти тезисы в единой непротиворечивой теории непросто, поскольку они несовместимы. Что касается их мнения относительно приемлемости каждого из этих тезисов, то с ним трудно согласиться. В частности, это касается первых двух тезисов, в которых правовой порядок отождествляется с нормами права.

В том же, что касается динамизма правового порядка (тезис V), изменения его содержания при сохранении идентичности (тезис VI), определенности содержания правового порядка в каждый момент времени (тезис VII) и существования в каждом государстве только одного правового порядка (тезис VIII), то они, на наш взгляд, полностью подтверждают сделанные нами выводы о том, что правовой порядок — это и процесс и результат, но не конечный²⁹.

Если абстрагироваться от отождествления авторами правового порядка с нормами права, то можно согласиться со следующими их утверждениями. В частности, для совмещения тезисов II и VI необходимо «закрепить за „правовым порядком“ смысл не множества норм (правоотношений — Б. А.), а последовательности таких множеств. Единство этой последовательности, а вместе с тем и идентичность правового порядка (в смысле тезиса VI) задавались бы идентичностью критериев, используемых для идентификации нормативных множеств, принадлежащих этой последовательности. Применение одних и тех же критериев в различные моменты времени ведет к различным результатам: об этом идет речь, когда говорят, что содержание порядка изменчиво. Но как только изменяются критерии идентификации, т.е. они меняются на другие (как это происходит, например, в случае революции или провозглашения независимости), правовой порядок теряет свою идентичность и заменяется другим, новым порядком»³⁰.

Можно согласиться с С. В. Черниченко, когда он говорит, что «ставить знак равенства между международным и внутригосударственным правом, с одной стороны, и международным и внутригосударственным правовым порядком — с другой, было бы, мягко говоря, неточно»³¹. Более того, если говорить более определенно, это неверно. Продолжая, С. В. Черниченко подтверждает последнее соображение, делая вывод о том, что «и тот, и другой правовой порядок — это не право и не правовая система, а одна из сторон правовой системы»³². В другом своем фундаментальном труде «Очерки по философии и международному праву» С. В. Черниченко продолжает аргументировать этот вывод и пишет: «Правовой порядок не действует и не регулирует общественные отношения. Он — результат правового регулирования. Он — сам общественное отношение»³³.

Возвращаясь к сказанному нами ранее, все же он и процесс, и результат. Побуждает к размышлениям еще одно соображение С. В. Черниченко о содержании понятия «правовой порядок». В частности, он пишет, что «урегулированные правом отношения, возникающие в связи с правонарушением... не должны включаться в правовой порядок»³⁴. Действительно, понятие «правовой порядок» ассоциируется с правомерными действиями. Но выделение правомерных действий в качестве предмета исследования неизбежно ставит вопрос о неправомерных действиях, т.е. о правонарушениях и юридической ответственности. Иными словами, речь идет о правоотношениях, направленных на восстановление правового порядка. Вопрос о том, входят ли они в содержание понятия «правовой порядок», не столь однозначен. На наш взгляд, правоотношения, содержащие механизм восстановления правового порядка путем восстановления нарушенного права, являются неотъемлемым компонентом как международного, так и внутригосударственного правового порядка. И это не означает, что «в этом случае понятие правового порядка, — как полагает С. В. Черниченко, — неизбежно будет включать фактически и правовой беспорядок»³⁵.

25 См.: Ануфриева Л. П. Соотношение международного публично-го и международного частного права: правовые категории. — М.: Спарк, 2002. — С. 258.

26 См.: Черниченко С. В. Указ. соч. — С. 67.

27 См.: «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / К. Э. Альчуррон, Е. В. Булыгин, П. Герденфорс, Д. Макинсон; под ред. Е. Н. Лисанюк. — СПб, 2013. — С. 211–222.

28 См.: «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. — С. 212–213.

29 См. выше.

30 См.: «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. — С. 214.

31 См.: Черниченко С. В. Указ. соч. — С. 71.

32 См.: Там же.

33 См.: Черниченко С. В. Очерки по философии и международному праву. — М.: «Научная книга», 2009. — С. 672.

34 См.: Там же. — С. 674.

35 См.: Там же.

Весьма важным представляется также соотношение понятий «правопорядок» и «правовая система». С. В. Черниченко рассматривает правопорядок как часть правовой системы в широком смысле³⁶. Среди различных точек зрения относительно правовой системы он отдает предпочтение той, согласно которой она является преломлением права, рассматриваемого в качестве системы норм в процессе его осуществления. Правовая система рассматривается С. В. Черниченко как право в действии. Он полагает, что правовая система «может рассматриваться в единстве норм права (и индивидуальных установок) с порождаемыми ими субъективными правами и обязанностями, правовыми связями и правоотношениями и тем самым с устанавливаемым правопорядком»³⁷. С. Ю. Марочкин считает, что правовая система охватывает все правовые стороны жизни, что она — всё правовое³⁸. В. В. Гаврилов определяет национальную (внутригосударственную) правовую систему как «характерную для данного государства целостную совокупность действующих на его территории правовых норм, а также юридических органов, учреждений, организаций и правовой идеологии, обеспечивающих в процессе юридической практики, опосредованной правовой психологией, урегулирование общественных отношений в соответствии с объективными закономерностями развития общества»³⁹.

Критический анализ точек зрения С. Ю. Марочкина и В. В. Гаврилова содержится в упомянутой статье С. В. Черниченко. Что касается соотношения категории «правопорядок» и «правовая система», то первая является компонентом второй. Если С. В. Черниченко совершенно определенно высказывается на этот счет, то С. Ю. Марочкин фактически признает это («правовая система — это все правовое»), а из определения национальной правовой системы, данного В. В. Гавриловым («действующие на территории государства правовые нормы»), можно это вывести.

Содержание понятия «международный правопорядок»

Понятие «международный правопорядок» является не менее сложным, чем лежащее в его основе рассмотренное выше понятие «правопорядок». Различия и сходства понятий хорошо видели уже русские дореволюционные юристы-международники. Профессор Д. И. Каченовский писал: «Меры к поддержанию порядка и гармонии в союзе народов... не похожи на средства, употребляемые правительством против подданных. За отсутствием высшего законодателя и суда, человеческие связи поддерживаются здесь только убеждением в их необходимости и естественной силой обстоятельств (*par la force des choses*); крайним средством обороны против честолюбия и самовластия служат коалиции государств»⁴⁰. Далее он отмечает и сходства этих категорий: «Признавая единство внутренних, или государственных, законов, мы находим и в международной жизни те же основные начала, правомерного или юридического порядка»⁴¹. «Итак, — заключает он, — где мы видим независимые государства друг возле друга, где между ними признан всемирно-гражданский оборот и возникли постоянные сношения, там несомненно господствует порядок, гармония, а не про-

извол и случай»⁴². Исследованию понятия «международный правопорядок» в отечественной доктрине уделено внимание Л. П. Ануфриева, В. И. Евинтов, М. И. Лазарев, В. Н. Лихачев, И. И. Лукашук, А. П. Мовчан, Ю. А. Решетов, В. А. Соколов, Н. Е. Тюрина, Н. А. Ушаков, С. В. Черниченко, М. Л. Энтин. Существует большое разнообразие мнений по поводу содержания этого понятия. Их критический анализ содержится в трудах И. И. Лукашука⁴³ и Л. П. Ануфриевой⁴⁴. Естественно, что каждый из этих исследователей дал и свое определение рассматриваемого понятия. И. И. Лукашук считает, что международный правопорядок — «это система международно-правовых отношений, призванная придать сообществу государств структурную устойчивость на основе целей и принципов международного права»⁴⁵. Л. П. Ануфриева, не ставя перед собой цель сформулировать дефиницию международного правопорядка, указала на некоторые опорные точки этой правовой абстракции. В частности, «международный правопорядок» с учетом этого «должен пониматься прежде всего как система международных отношений, основанных на праве (правоотношений) и реализуемых в соответствии с его нормами и иными свойственными ему правовыми средствами воздействия на регулируемый объект. Эта система включает в себя элементы и собственно правопорядка, и того явления, которое в общей теории права рассматривают как его основу — законность, но которое в международном праве органично входит в содержание правопорядка, будучи имманентным режиму осуществления международных отношений в соответствии с правом и одновременно обеспечения соблюдения права»⁴⁶. С. В. Черниченко определяет международный правопорядок как систему межгосударственных отношений, урегулированных международным правом, включая международно-правовые связи...»⁴⁷. А. П. Мовчан полагал, что рассматриваемая категория охватывает три основных компонента — «право, правовые отношения и процедуры, правосознание»⁴⁸.

Общим компонентом для большинства определений международного правопорядка является система международных правоотношений. В этих определениях содержатся и другие компоненты, такие как международное право и международное правосознание. Однако они скорее являются компонентами другой категории — «международно-правовой системы». Так, С. Ю. Марочкин называет среди ее основных компонентов само право, как систему норм, юридическую практику и правосознание, доктрину и идеологию⁴⁹.

По мнению профессора В. М. Шуршалова, точка зрения о тождественности понятий «субъект права» и «субъект правоотношения» «... неприменима к международному праву»⁵⁰. Он аргументирует свое мнение отличием понятия «субъект международного права» от понятия «субъект права» во внутригосударственном праве. На наш взгляд, это не опровергает точку

42 См.: Там же.

43 См.: Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: Учебник. — М-М.: Изд-во БЕК, 1997. — С. 170–171.

44 См.: Ануфриева Л. П. Указ. соч. — С. 267–269.

45 См.: Лукашук И. И. Указ. соч. — С. 171.

46 См.: Ануфриева Л. П. Указ. соч. — С. 277.

47 См.: Черниченко С. В. Очерки по философии и международному праву. — С. 673.

48 См.: Мовчан А. П. Организация Объединенных Наций и международный правопорядок (к 40-летию ООН) // Советский ежегодник международного права. 1985. — М.: Наука, 1986. — С. 21–22. Понятно, что А. П. Мовчан имел в виду международное право, международные правоотношения и процедуры, а также международное правосознание.

49 См.: Марочкин С. Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. — М., 2011. — С. 35.

50 См.: Шуршалов В. М. Международные правоотношения. — М., 1971. — С. 55.

36 См.: Черниченко С. В. Теория международного права: В 2-х томах. — Т. 1: Современные теоретические проблемы. — М.: «НИМП», 1991. — С. 143.

37 См.: Черниченко С. В. Вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права как правовых систем (размышления по поводу некоторых книг коллег). — С. 65.

38 См.: Марочкин С. Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. — Тюмень, 1998. — С. 13.

39 См.: Гаврилов В. В. Понятие и взаимодействие международной и национальной правовых систем. — Владивосток, 2005. — С. 56.

40 См.: Золотой фонд российской науки международного права. — Т. 1. — С. 107.

41 См.: Там же. — С. 110.

зрения о тождественности понятий «субъект права» и «субъект правоотношения» применительно к международному праву. Прежде всего, мы исходим из «единства двух аспектов понятия „правоотношение“»⁵¹. Кроме того, и это главное, отношения между субъектами международного права могут регулироваться только нормами международного права⁵². И наоборот, международные правоотношения возникают только между субъектами международного права. Поэтому, на наш взгляд, понятия «субъект международного права» и «субъект международного правоотношения» тождественны.

Теперь о так называемой международной законности, о термине, который, как видно из вышеизложенного, нередко используется для определения категории «международный правопорядок». А. П. Мовчан считал, что понятие «международная законность» характеризует «соблюдение утвердившегося международного правопорядка, неуклонное следование государств как участников международного сообщества всем требованиям принципов и норм действующего в данный исторический период международного права»⁵³. И. И. Лукашук предложил определение международной законности как «режима функционирования системы международных отношений, основанного на принципе добросовестного выполнения обязательств по международному праву и обеспечивающего реализацию этого принципа»⁵⁴. С. В. Черниченко определил международную законность как «соответствие поведения подавляющего большинства субъектов международного права международно-правовым предписаниям, дозволениям и запретам», и как «обобщенное мерило эффективности международного права»⁵⁵. Термин «законность», по справедливому замечанию С. В. Черниченко, «обычно использовался применительно к внутригосударственной сфере правовой жизни, но позднее стал употребляться и термин „международная законность“»⁵⁶. Если в первом случае использование термина полностью адекватно правовой системе, то во втором оно совершенно не соответствует международно-правовой системе. Понятно, когда о «международных законах», «международном законодательстве», «международной законности» пишут журналисты и политики, не являющиеся специалистами в области международного права. К сожалению, в силу незначительного числа юристов-международников в соответствующих государственных структурах использование этих терминов стало возможным и в наших официальных документах. Но совсем непонятно, почему некоторые юристы-международники используют термин «международная законность», не давая при этом никаких пояснений. Полностью отдавая себе отчет в том, что понимается авторами, использующими этот термин, и понимая необходимость существования какого-то термина, обозначающего вышеизложенную проблему, никак нельзя согласиться с самим термином. Почему? Это очевидно: в международно-правовой системе отсутствует надгосударственный квазизаконодательный орган, нет и квазизаконов, а поэтому не может использоваться термин «законность», а следовательно, и «международная законность». Терминологическая путаница в этой области ведет к непониманию объективных границ действия международного права, к переоценке его роли в качестве регулятора международных отношений и к завышенным ожиданиям. А когда они не оправдываются — вообще к его отрицанию.

51 См. выше.

52 Здесь мы оставляем в стороне дискуссию о существовании т. н. международных политических норм и о нормах международной морали.

53 См.: Мовчан А. П. Указ. соч. — С. 31.

54 См.: Лукашук И. И. Указ. соч. — С. 172.

55 См.: Черниченко С. В. Теория международного права: В 2-х т. — Том 1. — С. 69–70.

56 См.: Там же. — С. 68.

В связи с этим можно согласиться с призывом Л. П. Ануфриевой поискать более адекватную терминологию и понятийный инструментарий. По ее мнению удовлетворяющими необходимым требованиям являются такие термины, как «правомерность», «соответствие праву» и т. д.⁵⁷ Однако она избегает использовать их при характеристике категории «международный правопорядок»⁵⁸.

Как же можно определить категорию «международный правопорядок», учитывая все вышеизложенное?

Международный правопорядок — это система международных правоотношений: материальных и процессуальных.

Международные материальные правоотношения — это урегулированные международным правом международные отношения, прежде всего межгосударственные, по вопросам существа этих отношений. Другими словами — это международные отношения, урегулированные нормами международного права. «Материальные международно-правовые нормы, — как отмечают В. Давид и В. Василенко, — будучи юридическим средством установления прав и обязанностей взаимодействующих субъектов с целью обеспечения их интересов по существу, составляют главенствующую подсистему, которая устанавливает важнейшие правовые параметры международного правопорядка»⁵⁹.

В том, что касается международных процессуальных правоотношений, столь же однозначное их определение затруднено, поскольку отсутствует единая точка зрения относительно процессуальных норм международного права. Подчеркивая важность этих норм, В. Давид и В. Василенко писали, что «функционирование международного правопорядка было бы практически невозможным без наличия в системе международно-правовых норм особой подсистемы процессуальных международно-правовых норм... которые служат необходимым оперативным юридико-техническим рабочим инструментом, с помощью которого приводится в действие механизм международно-правового регулирования, как в стадии создания, так и в стадии применения международно-правовых норм»⁶⁰. Соглашаясь с этой точкой зрения в целом, нельзя согласиться с содержащейся в ней упрощенной оценкой этих норм как оперативного юридико-технического рабочего инструмента, поскольку они могут оказывать и оказывают воздействие, нередко существенное, на материальные международно-правовые нормы.

Далее, эти авторы выделяют «две основные категории процессуальных норм, которые отражают специфику регламентируемых ими процессуальных средств урегулирования и которые соответственно представляют собой две подсистемы, а именно: согласительные международно-правовые нормы, определяющие порядок применения согласительных процессуальных средств урегулирования, и принудительные международно-правовые нормы, определяющие порядок применения принудительных средств процессуального урегулирования»⁶¹. Это верно, но с одним уточнением: процессуальные нормы и того, и другого вида являются «согласительными», поскольку в их основе лежит соглашение между субъектами международного права, прежде всего между государствами. Причем вначале это соглашение достигалось, в основном, путем формирования международно-правового обычая, а в современных условиях сами процессуальные средства и порядок их применения регламентируются, в основном, путем разработки международных договоров.

Сходную с В. Давидом и В. Василенко позицию, правда, в отношении процессуальных международных правоотно-

57 См.: Ануфриева Л. П. Указ. соч. — С. 270.

58 См.: Там же. — С. 277.

59 См.: Давид В., Василенко В. Механизм охраны международного правопорядка. — Брно, 1986. — С. 235.

60 См.: Там же.

61 См.: Там же. — С. 235–236.

шений, занимает Б. И. Кучер. Он подразделяет их на: мирные, «вытекающие из общепризнанного основного принципа мирного разрешения споров между государствами», и принудительные, «проявляющиеся в односторонних индивидуальных или коллективных (совместных) принудительных действиях, призванных прекратить правонарушение и заставить государство-правонарушителя выполнить обязательства, которые вытекают из его ответственности за противоправное поведение»⁶².

И. И. Лукашук к процессуальным международно-правовым нормам относит «те, которые регулируют процессы создания и осуществления международного права»⁶³.

По мнению С. В. Черниченко, эти нормы (процедурные или процессуальные в широком смысле) «регулируют порядок осуществления официальных контактов между субъектами международного права с целью решения возникающих между ними проблем»⁶⁴.

Представляется, что более полное представление о процессуальных нормах международного права было дано И. И. Лукашук. Он выделил «два понятия процессуального права: широкое и узкое. В первом случае речь идет о совокупности норм, регулирующих как правотворческий процесс, так и правоисполнительный (точнее, правоприменительный — прим. Б. А.) процесс. Во втором только последний»⁶⁵.

Тем не менее, и позиция И. И. Лукашука нуждается в уточнении. На наш взгляд, в оба эти понятия следует включить также правосстановительный процесс.

С учетом этих пояснений и уточнений следует подходить к понятию международных процессуальных правоотношений.

При рассмотрении содержания понятия «международный правовой порядок», помимо международных правоотношений, многие исследователи, как уже отмечалось, выделяют и другие его компоненты. Однако, как справедливо полагает Л. П. Ануфриева, на этом направлении сложно отыскать ответ на вопрос о своего рода «дельте» между рассматриваемыми категориями⁶⁶.

При этом никто не учитывает смысловую нагрузку термина «система». Действительно, ведь речь идет не о совокупности международных правоотношений, не об арифметической их сумме, а о системе. На наш взгляд, именно это понятие и является той «дельтой», которая отличает «международный правовой порядок» (как и внутригосударственный) от «международных правоотношений» (как и внутригосударственных). Понятие «система международных правоотношений» отличается от понятия «международные правоотношения». В чем заключается это отличие? Оно в том, что система — это определенная целостность, состоящая из взаимосвязанных компонентов. Просто международные правоотношения такой целостностью не обладают. Когда же мы говорим об их системе, то она представляет собой некое новое качество, которое можно оценить не на уровне ее отдельных компонентов — международных правоотношений, а исходя из существующих между ними взаимосвязей и взаимозависимости. Одним из наиболее важных понятий, позволяющих охарактеризовать взаимодействие системы с ее компонентами, а также между системой и внешней средой, является гомеостазис — «способность системы поддерживать и сохранять устойчивое внутреннее равновесие вопреки «возмущающему» действию факторов внешней

среды»⁶⁷. Это качество системы реализуется благодаря международно-правовым процессуальным нормам, которые лежат в основе механизмов разрешения споров и восстановления нарушенных прав.

Международный правовой порядок, таким образом, является сложноорганизованной системой. В зависимости от того, какие аспекты этой системы подлежат изучению в данном случае, необходимо выделить соответствующие компоненты этой системы и тех связей, в которых они находятся.

В международном праве, как и во всех традиционных, т. е. непограничных научных дисциплинах, есть свои сложившиеся способы членения, выступающие как своеобразный эталон, который, грубо говоря, как трафарет накладывается на рассматриваемые объекты, благодаря чему в них выявляются определенные компоненты, требуемые для решения задач международно-правовой науки.

Так как многие расчленения возникли в процессе более или менее длительной практики решения конкретных задач и в большинстве случаев стали общепринятыми, при анализе очень трудно отделить их от самих объектов. Так международный правовой порядок представляется в качестве системы субъективных прав и обязанностей государств, реализуемых посредством их правоотношений.

Разумеется, на анализе преимущественно лишь системы субъективных прав и обязанностей государств нельзя построить достаточно полную картину функционирования международного правового порядка. Для этого ее необходимо дополнить рассмотрением механизмов его обеспечения и восстановления, основанных на международных правовых процессуальных нормах.

Однако в любом случае международный правовой порядок можно рассматривать как подсистему международно-правовой системы. При этом данная подсистема отражает определенный уровень (итог) борьбы и сотрудничества субъектов международного права (прежде всего, государств) в международно-правовой системе в целом, с учетом конкретного вида международных правоотношений (политических, экономических, экологических, информационных и др.) и соответствующего им вида международного правового порядка.

Для разрешения всех возникающих в связи с этим задач могут потребоваться членения исследуемой подсистемы на ряд новых подсистем — более низкого порядка, причем их группировка, систематизация и анализ могут, в свою очередь, отличаться от традиционно используемых. Весьма близким к «традиционному», но не тождественным ему может рассматриваться расчленение международного правового порядка на следующие основные компоненты:

1) международные правоотношения, базирующиеся на основных правах и обязанностях государств, вытекающих из основных принципов международного права, имеющих характер *jus cogens*;

2) международные правоотношения, в основе которых лежат права и обязанности государств, вытекающие из норм международного права, имеющие общий характер, но не составляющие *jus cogens*;

3) международные правоотношения, в основе которых лежат права и обязанности, принадлежащие только определенным государствам и вытекающие из заключенных ими международных соглашений, носящих конкретный характер⁶⁸.

Относительно норм *jus cogens* Л. А. Алексидзе писал, что они «могут изменяться лишь с согласия всех или почти всех

62 См.: Кучер Б. И. Международный экономический правовой порядок (Вопросы правового регулирования международных экономических отношений). — Киев, 1988. — С. 65–66.

63 См.: Лукашук И. И. Указ. соч. — С. 111.

64 См.: Черниченко С. В. Контуры международного права. Общие вопросы. — М., 2014. — С. 100–101.

65 См.: Лукашук И. И. Указ. соч. — С. 111.

66 См.: Ануфриева Л. П. Указ. соч. — С. 264–266.

67 См.: Поздняков Э. А. Системный подход и международные отношения. — М.: Изд-во «Наука». — 1976. — С. 10.

68 Такое разделение прав и обязанностей международного правоотношения в зависимости от характера международно-правовых норм было предложено отечественным теоретиком Д. Б. Левиным.

См.: Левин Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права. — М.: Наука. — 1974. — С. 71–75.

государств, ибо служат основой созданного государствами международного правопорядка»⁶⁹. С. В. Черниченко, анализируя взаимосвязь императивных норм международного права (*jus cogens*) и обязательства *erga omnes*, т.е. обязательства в отношении всего межгосударственного сообщества в целом и в отношении каждого из его участников, составляют содержание (или, точнее, часть содержания) императивных норм⁷⁰. Как отмечает Д. Б. Левин, «нормы *jus cogens* — это нормы, определяющие коренные основы международных отношений и совпадающие с основными принципами международного права»⁷¹. Вместе с тем возникает вопрос о их неполной когерентности.

В основе международных правоотношений второй категории лежат права и обязанности, которые могут быть изменены отдельными государствами путем взаимных соглашений. А. Фердросс называет соответствующие нормы международного права *jus dispositivum*⁷². Они вытекают из норм международного права, которые носят общий характер.

Международные правоотношения третьей категории в своей основе содержат права и обязанности, связанные с урегулированием специальных вопросов. В повседневной международной практике такие правоотношения составляют большинство.

Процессы, протекающие в рамках международного правопорядка, определяются действиями и взаимодействиями этих трех компонентов. В результате этого расчленения международный правопорядок представляется в качестве реально существующей системы. Однако при решении задач, связанных с исследованием функционирования международного правопорядка, недостаточно использовать только одно его системное представление и, следовательно, использовать лишь одно членение его как целого на компоненты.

В результате другого возможного, но уже «нетрадиционно» членения международный правопорядок может быть представлен в качестве концептуальной системы целеустремленных информационных процессов.

Очевидно, компоненты, на которые расчленен международный правопорядок как целое, в этих системных представлениях принципиально разные. В первом случае акцентируется статическое состояние системы (составляющие систему компоненты), а во втором, — ее динамическое развитие (происходящие в системе процессы). Кроме того, поскольку любая исследуемая система представляет собой компонент системы более высокого порядка⁷³, международный правопорядок может быть представлен, с одной стороны, как компонент (часть) реально существующей международной системы, а с другой стороны, как один из компонентов (стадий) концептуальной системы (процесса) международно-правового регулирования.

В интересах исследования необходимо связать эти системные представления друг с другом. До сих пор международный правопорядок как бы проецировался на два «обычных» и на два «широких» экрана, причем на каждом «обычном» экране проецировалось свое собственное членение на компоненты (реально существующую или концептуальную структуру) международного правопорядка, в первом случае как

компонента реально существующей системы более высокого порядка (международно-правовой системы), а во втором — как компонента концептуальной системы более высокого порядка (системы международно-правового регулирования). Теперь необходимо связать эти экраны друг с другом так, чтобы появилась возможность соотносить различные картины, не обращаясь к самому международному правопорядку.

В общем виде подобное связующее звено, синтезирующее различные системные представления, разработано и предложено В. А. Лефевром⁷⁴. Автор назвал его конфигуратором. Значение конфигуратора весьма велико, поскольку лишь при его помощи можно осуществить особый синтез разных членений, дающий необходимое знание об объекте.

Применительно к системным представлениям международного правопорядка конфигуратором может служить понятие целеустремленной системы⁷⁵. Использование этой «системы» системных представлений международного правопорядка позволит, во-первых, рассмотреть взаимодействия международного правопорядка как системы с окружающей его средой, пронизанные внешними информационными потоками, и, во-вторых, проанализировать взаимодействия трех выделенных нами компонентов внутри международного правопорядка, которые пронизаны внутренними информационными потоками. Все это позволит более точно выяснить роль международного правопорядка в процессе международно-правового регулирования⁷⁶. Отличительной особенностью системы международно-правового регулирования, как полагает И. И. Лукашук, является то, что она представляет собой систему самоуправления, основными субъектами которой являются суверенные государства⁷⁷. На наш взгляд, система МПР является не самоуправляемой, а саморегулируемой. Несмотря на использование категории «управление» в международно-правовой литературе, точнее говорить о регулировании. Тем более, И. И. Лукашук признает отсутствие единства мнений по вопросу об отличии регулирования от управления в современной теории управления⁷⁸. Процесс управления до сих пор остается не дифференцированным от понятия регуляции.

Тем не менее для разрешения всех вышеупомянутых задач прежде всего необходимо определить, что является средой по отношению к международному правопорядку как целеустремленной системе. «Проблема определения среды системы, — по мнению В. Н. Садовского, — это обратная сторона определения самой системы. Понятие системы нельзя строго определить, не сформулировав точного понимания того, что мы будем понимать под ее средой»⁷⁹.

Поскольку речь идет о системе взаимодействующих компонентов, то в роли среды выступает международная система (также система взаимодействующих компонентов), которая

74 См.: Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. — М., 1973. — С. 109–110.

75 См.: Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. — М., 1974. Автор уже использовал это понятие для исследования международной межправительственной конференции. См.: Ашавский Б. М. Международная межправительственная конференция как целеустремленная система // Вестник Московского университета. Серия XII. Право. — 1975. — № 2. — С. 84–89.

76 По мнению И. И. Лукашука, «международный правопорядок — это созданная в процессе МПР (международно-правового регулирования — прим. Б. А.) система правоотношений, поддержание которой необходимо в интересах нормального функционирования системы международных отношений». См.: Лукашук И. И. Международно-правовое регулирование международных отношений (системный подход). — М., 1975. — С. 18.

77 См.: Лукашук И. И. Международно-правовое урегулирование международных отношений. — С. 21

78 См. Там же. — С. 291.

79 См.: Садовский В. Н. Основание общей теории систем. — М., 1974. — С. 211.

69 См.: Алексидзе Л. А. Проблема *jus cogens* в современном международном праве // Советский ежегодник международного права. — М.: Наука, 1969. — С. 142.

70 См.: Черниченко С. В. Взаимосвязь императивных норм международного права (*jus cogens*) и обязательства *erga omnes* // Московский журнал международного права. — 2012. — № 3 (87). — С. 4–6.

71 См.: Левин Д. Б. Указ. соч. — С. 74.

72 Verdross A. *Jus dispositivum and jus cogens in International Law*. — «International Law in the Twentieth Century». — New York, 1969. — P. 220.

73 См.: Исследования по общей теории систем. Общая редакция и вступительная статья В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. — М., 1969. — С. 12.

функционирует и развивается в настоящее время при решающем воздействии закона самосохранения, действующего в одном направлении с силами мирного сосуществования⁸⁰. Г. И. Тункин рассмотрел и включил в научный оборот такие понятия, как «международная юридическая система» и «современная международная система»⁸¹. Затем он дал новое определение международной системы, проанализировал соотношение права и силы в двух основных концептуальных моделях глобальной международной системы. Г. И. Тункин выдвинул и обосновал новое понятие общедемократической, общепризнанной модели международной межгосударственной системы, дал определение нормального функционирования международной системы. Перед этим были рассмотрены два более традиционных понятия: системы международных отношений и международного сообщества. Проанализировав более широкое понятие «международная межгосударственная система» (далее — межгосударственная система), он включил в нее «государства и государственно подобные образования, народы и нации, борющиеся за независимость, то есть государственные образования в процессе становления, межгосударственные международные организации, объединения государств, не являющиеся международными организациями (например, движение неприсоединения, „группа 77“ и т.д.), различные международные органы (например, международные комиссии, международные суды и арбитражи и т.д.), международное право и другие социальные нормы, действующие в этой системе связи между этими компонентами»⁸².

Очевидно, что название «межгосударственная» является условным, так как рассматриваемая система включает не только государства и их отношения. Все компоненты этой системы взаимодействуют между собой. Говоря об интегративных качествах глобальной международной системы, Г. И. Тункин имел в виду, что речь идет не о международной системе вообще, а о современной глобальной международной системе. Развитие же этой системы, прежде всего ее интегративных качеств, по его мнению, определяется закономерностями общественного развития соответствующей эпохи⁸³. Эти закономерности влияют на развитие рассматриваемой системы иногда в различных направлениях. Так, интернационализация, а в современных условиях — глобализация экономической и других аспектов общественной жизни, а также существование собственно глобальных проблем действуют в основном в направлении усиления интеграционных связей в международной системе. А существование суверенных государств, являющееся одной из закономерностей современной эпохи, сдерживает эту тенденцию⁸⁴. Тем не менее, взаимодействие глобальной международной системы, а также ее подсистем со средой происходит в основном через государства. Они, как отмечал Г. И. Тункин, лишь частично интегрированы как в глобальной международной системе, так и в ее подсистемах, и в то же время являются частью среды⁸⁵.

Поскольку межгосударственная система состоит из неординарных компонентов, то и влияние каждого из их видов

на международный правопорядок и обратно (происходящее в основном посредством обмена различного рода информацией) неодинаково. Определяющим является воздействие основных компонентов — государств.

Говоря и о системе, и о среде, следует, конечно, постоянно помнить об условности этого разделения, которое носит в большей или меньшей мере теоретический характер и абсолютизация которого недопустима. «Однако в интересах анализа условное выделение обоих комплексов оправдано, ибо открывает дополнительные возможности изучения тех связей, которые формально разрываются»⁸⁶.

Так как компоненты любой исследуемой системы обычно выступают как системы более низкого порядка⁸⁷, в отношении государств как компонентов межгосударственной системы можно сказать, что они не абстрактные точки, а тоже сложные системы.

Действительно, современная межгосударственная система состоит из более чем 200 государств, отличающихся друг от друга размером территории, народонаселения, географическим положением, уровнем экономического развития и военной мощью, в каждом из которых во многом индивидуальный социально-экономический строй, многие из которых связаны обязательствами, вытекающими из их участия в различного рода объединениях, союзах, международных организациях и международных договорах. Все эти факторы оказывают то или иное воздействие на формирование их внешнеполитических и внешнеэкономических целей.

Внешнеполитическое, как и внешнеэкономическое целеполагание как один из элементов внешней политики государства определяется волей экономически и политически господствующего в данном обществе класса или волей всего народа. Чем же определяется содержание этой воли? Государственная воля определяется в общем и целом имеющимися потребностями и интересами гражданского общества⁸⁸, господством того или иного класса, а в последнем счете — развитием производительных сил и отношений обмена⁸⁹. Таким образом, определяющее влияние на волю государства оказывает в конечном счете экономический строй общества. Однако при этом не следует забывать о влиянии на нее также различных частей надстройки: международной политической обстановки, международных экономических отношений, религии, внутригосударственного (национального) права, национально-правовых и международно-правовых доктрин и т.д. «Экономический строй отдельных государств оказывает влияние на внешнюю политику этих государств... (а следовательно, и на внешнеполитическое целеполагание — прим. Б. А.) как непосредственно, так и через национальные категории надстройки»⁹⁰. Таковы в основном процессы, детерминирующие внешнеполитическое целеполагание с марксистской точки зрения. В современных условиях это не единственная точка зрения. В частности, С. В. Черниченко полагает, что «в настоящее время мы наблюдаем размывание классов, их дробление на социальные группы, интересы которых расходятся»⁹¹. Далее он уточняет, что «его утверждение не следует толковать

80 См.: Лукашук И. И. Отношения мирного сосуществования и международное право (проблемы международно-правового регулирования). — Киев, 1974. — С. 13–14.

81 См.: Tunkin G. International Law in the International System. (Extract from the «Recueil des Cours», Volume IV — 1075). — 1978. — Vol. 147.

82 См.: Тункин Г. И. Право и сила в международной системе. — М., 1983. — С. 14.

Близкая к этой позиция была изложена им и ранее. См.: Тункин Г. И. XXV съезд КПСС и основные проблемы советской науки международного права — СЕМП, 1976. — М., 1978. — С. 12.

83 См.: Тункин Г. И. Право и сила в международной системе. — С. 19.

84 Там же. — С. 20.

85 Там же. — С. 23.

86 Бурлацкий Ф., Галкин А. Социология. Политика. Международные отношения. — М., 1974. — С. 240.

87 См.: Исследования по общей теории систем. — С. 12.

88 Под гражданским обществом понимается «развивающаяся непосредственно из производства и общения общественная организация, которая во все времена образует базис государства и всякой иной идеалистической надстройки». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 3. — С. 35.

89 См.: Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — М., 1969. — С. 47–48.

90 Тункин Г. И. Теория международного права. — М., 2006. — С. 273.

91 См.: Черниченко С. В. Очерки по философии и международному праву. — С. 409.

в том смысле, что общество становится бесклассовым. Просто классы в прежнем понимании теряют свое значение... Социальное расслоение в чем-то усиливается за счет дробления классов в традиционном понимании на социальные группы с особыми интересами. Доминирующие, в данном случае можно употреблять и слово „господствующие“, группы сохраняются»⁹². Среди них, прежде всего, следует назвать политические и бизнес-элиты. Кроме того, весьма важно помнить, что «мы живем не только в отдельных государствах, но и в известной системе государств»⁹³, а поэтому в процессе выдвижения и достижения внешнеполитических целей необходимо учитывать как национальные, так и международные интересы всех стран и народов.

В современную эпоху существования суверенных государств достижение внешнеполитических целей осуществляется в процессе согласования суверенных волеизъявлений⁹⁴ этих государств. Этот процесс протекает, как правило, через определенные входы и выходы государств как системных образований — внутригосударственные и зарубежные органы внешних сношений. В ходе общения государства стремятся к достижению своих внешнеполитических целей. При этом они прибегают к различным организационным формам общения, среди которых: дипломатические переговоры, международные конференции, международные организации и другие международные органы. Для восстановления нарушенных прав они обращаются также в международные судебные органы.

Международно-правовые нормы, регулирующие общение государств и других субъектов международного права, формируются в процессе взаимоотношений между ними. Общеизвестно, что в международных отношениях нет органа, подобного законодательному органу государства, который издавал бы обязательные для государств и других субъектов международного права правовые нормы.

Государства сами в процессе переговоров между их представителями или в процессе повторяющейся практики их взаимоотношений разрабатывают нормы международного права: в первом случае путем заключения международных договоров, а во втором — в результате формирования международно-правовых обычаев. Переговоры проходят в разных организационных формах: в процессе непосредственных двусторонних и многосторонних переговоров, на международных конференциях и в рамках международных организаций⁹⁵.

При этом государства преследуют, как правило, две цели: во-первых, достижение соглашения и, во-вторых, максимально возможное удовлетворение своих интересов, которое обычно заключается в максимально возможном отражении в соглашении его внешнеполитической и внешнеэкономической позиции.

Нетрудно заметить, что достижение первой цели зависит от достижения второй. Действительно, государство не заинтересовано в создании международно-правовой нормы, положения которой недостаточно учитывают его интересы.

Существование процесса формирования международно-правовых норм — в столкновении и в согласовании тех частей внеш-

неполитических и внешнеэкономических позиций государств, которые имеют непосредственное отношение к содержанию соответствующих норм. Сталкиваются и согласовываются прежде всего имеющие отношение к содержанию этих норм части международно-правовых позиций государств. Международно-правовая позиция государства, являющаяся составной частью его внешнеполитической позиции⁹⁶, «включает его точку зрения по всем вопросам международного права, выраженную не только в его заявлениях, но прежде всего в его реальном поведении, в его действиях»⁹⁷.

Поскольку содержание волеизъявлений государств, т.е. их внешнеполитические и внешнеэкономические позиции, как правило, в большей или меньшей степени отличаются друг от друга, то их согласование и воплощение с определенными изъятиями в соглашении возможно лишь в результате взаимных уступок. Соглашение, которое может быть достигнуто в результате взаимных уступок, представляет собой фактически зафиксированный компромисс.

Разумные компромиссы не только возможны, но и необходимы для удовлетворения интересов государства, хотя бы и частичного. В дальнейшем, при появлении благоприятных условий, более полное удовлетворение интересов этого государства становится более осуществимым на основе соглашения, в котором уже частично отражена его международно-правовая позиция.

Таким образом, согласование волеизъявлений государств при создании норм международного права и, следовательно, в процессе формирования международного правопорядка — это борьба и сотрудничество государств.

Содержание понятия

«международный экономический правопорядок»

Понятие «международный экономический правопорядок» представляет собой конкретизацию категории «международный правопорядок» применительно к международным экономическим отношениям. Поэтому все характеристики последней присущи и первой. Существующий международный экономический правопорядок представляет собой подсистему международного правопорядка как системы. В отечественной, впрочем, как и в зарубежной, доктрине международного права существует явный дефицит определений международного экономического правопорядка. Имеющиеся определения столь немногочисленны, что их имеет смысл привести.

Б. И. Кучер под международным экономическим правопорядком понимал «порядок, устанавливаемый и поддерживаемый с помощью международно-правовых норм (прежде всего норм международного экономического права) и воплощаемый в системе международных правоотношений»⁹⁸.

В. М. Шумилов высказался на этот счет следующим образом: «Правапорядок в МП/МЭП⁹⁹ понимается двояко: как система правоотношений (юридический правопорядок) и как реальное состояние отношений, закрепленное правом (фактический правопорядок)¹⁰⁰.

92 См. Там же. Подробнее о доминирующих группах смотри там же. — С. 405–411.

93 Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 49. — С. 370.

94 Согласно широко принятой в отечественной доктрине международного права теории согласование волеизъявлений государств является существом процесса создания норм международного права. Однако это утверждение нуждается в уточнении: согласование может осуществляться лишь в отношении волеизъявлений государств, выявленных вовне, т.е. волеизъявлений (международно-правовых и других позиций) государств.

95 См. об этом подробнее: Лукашук И. И. Дипломатические переговоры и принимаемые на них акты. — М., 2004; Ашавский Б. М. Межправительственные конференции. — М., 1980; Крылов Н. Б. Правотворческая деятельность международных организаций. — М., 1988.

96 См. об этом: Тункин Г. И. Идеологическая борьба и международное право. — М., 1967. — С. 15.

97 Тункин Г. И. Теория международного права. — С. 190. Подробнее о формировании и изменениях, происходящих в международно-правовых позициях государств в ходе их столкновения и согласования см. там же, с. 185–187, 190–192, 208–209. О влиянии идеологии на международно-правовую позицию государства см.: Тункин Г. И. Идеологическая борьба и международное право. — С. 14–18.

98 Кучер Б. И. Международный экономический правопорядок. — Киев, 1988. — С. 61.

99 МП — международное право, МЭП — международное экономическое право.

100 Шумилов В. М. Международное экономическое право // Учебно-методическое пособие. — М., 1999. — С. 189.

Первое определение, в целом верное, является неполным, поскольку в нем не уточняются виды международных экономических правоотношений, входящих в их систему (материальные и процессуальные). Второе исходит из правильной посылки о существовании двух аспектов понятия «правоотношение»: модели и фактического отношения¹⁰¹, но не говорит об их единстве и об условности выделения правоотношений как самостоятельного вида общественных отношений¹⁰².

С учетом вышеизложенного, международный экономический порядок — это система международных экономических правоотношений: материальных и процессуальных.

Международные экономические материальные правоотношения — это урегулированные международным экономическим правом международные экономические отношения, прежде всего межгосударственные, по вопросам существа этих отношений. Иными словами, — это международные экономические отношения, урегулированные материальными нормами международного экономического права.

Что касается международных экономических процессуальных правоотношений, то для их характеристики целесообразно обратиться к мнениям, высказанным на этот счет в отечественной международно-правовой доктрине. Так, например, Г. М. Вельяминов следующим образом определил предмет международного экономического процессуального права: это «отношения, возникающие в связи с разрешением споров экономического характера между субъектами международного публичного права, а также отношения между этими субъектами, возникающие в связи с согласовываемыми ими международно-правовыми актами по урегулированию международных экономических споров между частными лицами из разных государств»¹⁰³.

На наш взгляд, это узкое определение международного экономического процессуального права, а следовательно, и соответствующих норм и правоотношений. Поэтому при рассмотрении международных экономических процессуальных норм следует выделить те, которые регулируют правотворческий, правоприменительный и правоустановительный процесс. Это необходимо учитывать и при характеристике понятия международных экономических процессуальных правоотношений.

Международный экономический порядок, как и международный порядок, может быть представлен в качестве системы субъективных прав и обязанностей государств, в данном случае экономических, реализуемых посредством экономических правоотношений между ними. При этом функционирование международного экономического порядка невозможно без механизмов его обеспечения и восстановления, основанных на соответствующих международно-правовых процессуальных нормах.

Международный экономический порядок также может быть представлен в виде системы, состоящей из таких компонентов, как:

1) международные экономические правоотношения, базирующиеся на основных экономических правах и обязанностях государств, вытекающих из основных принципов международного права и специальных принципов международного экономического права, имеющих характер *jus cogens*;

2) международные экономические правоотношения, в основе которых лежат экономические права и обязанности государств, вытекающие из норм международного права, имеющих общий характер, а также из норм международного экономического права, не составляющих *jus cogens*;

3) международные экономические правоотношения, в основе которых лежат экономические права и обязанности, принад-

лежащие только определенным государствам и вытекающие из заключенных или международных экономических соглашений, имеющих конкретный характер.

Что касается норм *jus cogens*, основное было сказано выше¹⁰⁴. Однако речь шла в основном об основных принципах международного права. Все это относится и к специальным принципам международного права. «Отраслевые принципы международного права, как и основные — по справедливому мнению С. В. Черниченко — должны рассматриваться в качестве императивных»¹⁰⁵. Однако, на наш взгляд, не все они являются таковыми и в некоторых случаях возникает вопрос об их неполной когентности.

В основе международных экономических правоотношений второй категории лежат экономические права и обязанности, которые могут быть изменены отдельными государствами путем взаимных соглашений. Нормы международного права *jus dispositivum* вытекают из норм международного права, которые носят общий характер.

Международные экономические правоотношения третьей категории в своей основе содержат экономические права и обязанности, связанные с урегулированием специальных экономических вопросов. Таких правоотношений большинство.

Действиями и взаимодействиями именно этих трех компонентов определяются процессы, протекающие в рамках международного экономического порядка как относительно самостоятельной, реально существующей системы.

Международный экономический порядок может быть представлен также в качестве концептуальной системы целеустремленных информационных процессов.

Кроме того, международный экономический порядок может быть представлен, с одной стороны, как компонент (подсистема) реально существующего международно-экономического порядка (системы), а с другой стороны, как компонент (подсистема) концептуальной системы (процесса) международно-правового регулирования международных экономических отношений.

Связующим звеном системных представлений международного экономического порядка (конфигуратором) также может служить понятие целеустремленной системы. Его использование позволит, во-первых, рассмотреть взаимодействия международного экономического порядка как системы с окружающей его средой, пронизанные внешними информационными потоками, и, во-вторых, проанализировать взаимодействия трех выделенных компонентов внутри международного экономического порядка, пронизанные внутренними информационными потоками. Это позволит более точно выяснить роль и место международного экономического порядка в процессе международно-правового регулирования международных экономических отношений.

В качестве среды по отношению к международному экономическому правопорядку выступает глобальная международная система (международная межгосударственная система) в целом и глобальная международная экономическая подсистема (международная межгосударственная экономическая подсистема) в частности.

Профессор Университета г. Бонн Р. Дольцер пишет: «Международный порядок межгосударственных экономических отношений зависит, с одной стороны, от традиционного национального экономического порядка («народное хозяйство») и, с другой стороны, от фактической международной экономической интеграции («мировое хозяйство»)»¹⁰⁶. Соглашаться в целом с высказанной точкой зрения, необходимо заметить, что «мировое хозяйство» не сводится к фактической междуна-

101 См. об этом подробнее выше.

102 См. об этом подробнее выше.

103 См.: Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс (Академический курс): Учебник. — М., 2004. — С. 401.

104 См. об этом выше.

105 См.: Черниченко С. В. Взаимосвязь императивных норм международного права (*jus cogens*) и обязательств *erga omnes*. — С. 12.

106 См.: Международное право / В. Витутум и др. — С. 628.

родной экономической интеграции. Это понятие значительно шире. Чуть дальше профессор Р. Дольцер уточняет: «Понятие мирового хозяйства отличается от понятия мировой торговли и международных инвестиций: оно включает в себя области, выходящие за рамки обмена товарами, коммерческими услугами и интеллектуальной собственностью, в частности, валютную и социальную политику»¹⁰⁷. По мнению профессора Р. Дольцера, «с точки зрения международного права противовесом экономической глобализации, т.е. растущей трансграничной и даже трансрегиональной интеграции и взаимозависимости, выступает государственный суверенитет. На основании принципа суверенитета... и принципа территориальности... каждое государство вправе самостоятельно регулировать свои торговые и экономические связи»¹⁰⁸. Несмотря на существующую точку зрения отдельных авторов о том, что государственный суверенитет становится пережитком прошлого, что он, якобы, «является анахронизмом»¹⁰⁹, это не находит подтверждения на практике. Даже участившиеся атаки США и других стран НАТО на суверенитет отдельных государств (Югославия, Ирак, Ливия, Сирия, Украина) говорят лишь о серьезных нарушениях основных принципов и норм международного права, а никак не о правомочности вмешательства во внутренние дела государств даже под благовидным гуманитарным предлогом¹¹⁰.

Поэтому более чем актуально звучат в современных условиях выводы профессора Г. И. Тункина о таких общих законах развития общества, как «интернационализация (в современных условиях — глобализация — прим. Б. А.) хозяйственной, политической, научной и культурной жизни, а также существование суверенных государств»¹¹¹. Мы уже приводили рассуждения профессора Г. И. Тункина о воздействии этих закономерностей на развитие глобальной международной системы¹¹². Все они в одинаковой степени могут быть отнесены и к глобальной международной экономической подсистеме.

В современных условиях происходит длительный исторический переход от эпохи интернационализации хозяйственной, политической и культурной жизни с превалирующими взаимоотношениями между самостоятельно развивающимися государствами к глобализации, ведущей к формированию нового системного уровня организации глобальной международной системы с новыми закономерностями, движущими силами и механизмами регулирования.

Мировое экономическое сообщество трансформируется в целостную экономическую систему, во многом определяющую «правила игры» для национальных хозяйств, в том числе и российского. Современная мирохозяйственная система стала гораздо более сложной и многоуровневой. На системообразующую роль на мировом рынке претендует не только более широкий круг государств и их объединений, но и глобализирующийся капитал (транснациональные корпорации и международные финансовые центры) и международные экономические организации. Интенсивно происходит унификация «правил игры», информатизация экономических процессов, обеспечивается прозрачность экономического пространства и т.п.

В экономике под воздействие глобализации попала, прежде всего, финансовая сфера. «Продолжающаяся интернационализация производственных и торговых трансакций преимущественно связана с внутрирегиональными процессами,

а также с ТНК и операциями, осуществляемыми между их филиалами. Однако главное — находящаяся в стадии становления система глобального регулирования ресурсов планеты, перераспределения мирового дохода, а также всей экономической деятельности»¹¹³.

Международный экономический правопорядок как целостная, сложноорганизованная система состоит из таких компонентов (подсистем), как международный торговый правопорядок, международный финансовый правопорядок, международный инвестиционный правопорядок, международный правопорядок в области развития, экологии, защиты прав человека и экономической помощи, международный правопорядок в области трудовых отношений. Каждый из этих компонентов (подсистем), в свою очередь, представляет собой относительно обособленную систему, также состоящую из компонентов.

Пристатейный библиографический список

1. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. — М., 1974.
2. Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. — М., 1955.
3. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Т. 1. — Свердловск, 1972.
4. Алексидзе Л. А. Проблема *jus cogens* в современном международном праве. — СЕМП. — М., 1969.
5. Ануфриева Л. П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. — М., 2002.
6. Ашавский Б. М. Международная межправительственная конференция как целеустремленная система. — Вестник Московского университета. Серия XII. Право. — 1975. — № 2.
7. Ашавский Б. М. Межправительственные конференции. — М., 1980.
8. Ашавский Б. М. Концепции относительно обязанностей защищать в контексте международного права // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 12 (55).
9. Бурлацкий Ф., Галкин А. Социология. Политика. Международные отношения. — М., 1974.
10. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. — М., 1976.
11. Гаврилов В. В. Понятие и взаимодействие международной и национальной правовых систем. — Владивосток, 2005.
12. Давид В., Василенко В. Механизм охраны международного правопорядка. — Брно, 1986.
13. Золотой фонд российской науки международного права. — Т. 1. — М., 2007.
14. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. — М., 1961.
15. Исследования по общей теории систем / Общ. ред. и вступ. статья В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. — М., 1969.
16. Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. — М., 1958.
17. Крылов Н. Б. Правотворческая деятельность международных организаций. — М., 1988.
18. Кучер Б. И. Международный экономический правопорядок (Вопросы правового регулирования международных экономических отношений). — Киев, 1988.

107 Там же. — С. 631.

108 См. там же.

109 См.: Soros G. The People's Sovereignty: How a new twist on an old idea can protect the world's most vulnerable populations // Foreign Policy. — 2004. — January 1.

110 См. об этом подробнее: Ашавский Б. М. Концепции относительно обязанности защищать в контексте международного права // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 12 (55). — С. 41–45.

111 См.: Тункин Г. И. Теория международного права. — С. 270.

112 См. выше.

113 См. подробнее: Ашавский Б. М. Глобализация: ее плюсы и минусы для России (правовой аспект). Московский юридический форум «Глобализация, государство, право, XXI век»: По материалам выступлений. — М., 2004. — С. 31–39.

19. Лабин Д. К. Международно-правовое обеспечение мирового экономического порядка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. — М., 2005.
20. Левин Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права. — М., 1974.
21. Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. — М., 1973.
22. Лукашук И. И. Отношения мирного сосуществования и международное право (проблемы международно-правового регулирования). — Киев, 1974.
23. Лукашук И. И. Международно-правовое регулирование международных отношений (системный подход). — М., 1975.
24. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: Учебник. — М., 1997.
25. Лукашук И. И. Дипломатические переговоры и принимаемые на них акты. — М., 2004.
26. Марочкин С. Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. — Тюмень, 1998.
27. Марченко М. Н. Теория международного права: Учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2009.
28. Мовчан А. П. Организация Объединенных Наций и международный правопорядок (к 40-летию ООН) // СЕМП. — 1985. — М., 1986.
29. «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / К. Э. Альчуррон, Е. В. Булыгин, П. Герденфорс, Д. Макинсон; под ред. Е. Н. Лисанюк. — СПб, 2013.
30. Поздняков Э. А. Системный подход и международные отношения. — М., 1976.
31. Садовский В. Н. Основание общей теории систем. — М., 1974.
32. Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. — М., 1980.
33. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. Юридический институт. — СПб, 1996.
34. Тункин Г. И. Идеологическая борьба и международное право. — М., 1967.
35. Тункин Г. И. Теория международного права. — М., 2006.
36. Халфина Р. О. Общее о правоотношении. — М., 1974.
37. Черниченко С. В. Теория международного права. В 2-х томах. Том 1: Современные теоретические проблемы. — М., 1991.
38. Черниченко С. В. Вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права как правовых систем (размышление по поводу некоторых книг коллег). — Международные отношения и право: взгляд в XXI век. Материалы конференции в честь заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора кафедры международного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Людмилы Никифоровны Галенской / Под ред. проф. С. В. Бахина. — СПб., 2009.
39. Черниченко С. В. Очерки по философии и международному праву. — М., 2009.
40. Черниченко С. В. Взаимосвязь императивных норм международного права (jus cogens) и обязательств erga omnes // Московский журнал международного права. — 2012. — № 3 (817).
41. Черниченко С. В. Контуры международного права. Общие вопросы. — М., 2014.
42. Шуршалов В. М. Международные правоотношения. — М., 1971.
43. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — М., 1969.
44. Tunkin G. International Law in the International System. (Extract from the «Recueil des Cours», Volume IV — 1075). — 1978. — Vol. 147.
45. Verdross A. Jus dispositivum and jus cogens in International Law. — «International Law in the Twentieth Century». — New York, 1969.

Абшидзе Аслан Хусейнович

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, директор Центра инновационно-образовательных проектов и правовых исследований РУДН.

В 1985 г. с отличием окончил факультет экономики и права Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы по специальности «Юриспруденция». Переводчик с английского языка на русский.

В 1990–1992 гг. обучался в магистратуре в Институте имени Рауля Валленберга (Лундский университет, Швеция) и получил степень магистра по международному публичному праву.

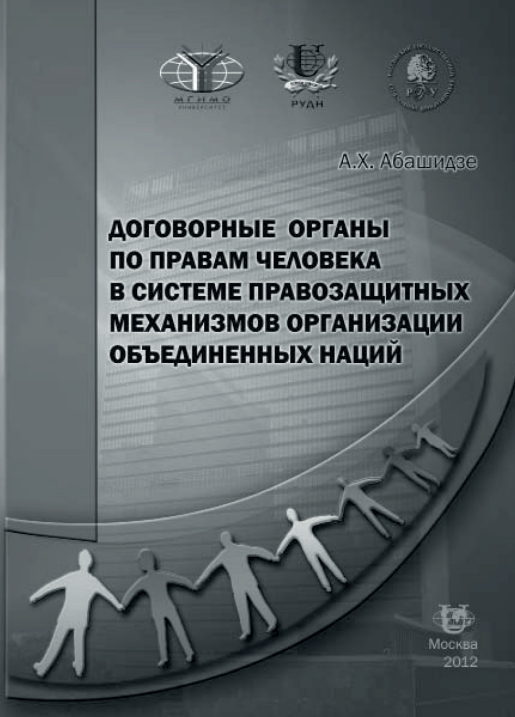
С 2001 г. по настоящее время читает полный курс лекций по международному публичному праву на факультете международных отношений МГИМО (У) МИД России. Выступал с лекциями в Институте прав человека Норвегии, Академии Або (Финляндия), Институте международных отношений Салоники (Греция), Европейском межуниверситетском центре по правам человека и демократизации (Италия).

Председатель Комиссии международного права Российской ассоциации содействия ООН (РАС ООН), Член Исполкома Российской ассоциации международного права, Член Всемирной ассоциации международного права, Член Исполкома Внешнеполитической ассоциации, Член редколлегии Вестника РУДН (серия: Юридические науки), Московского журнала международного права (МЖМП), Российского ежегодника международного права и журнала «Обзоратель». Член научно-консультативного совета при МИД России.

С 2010 по 2014 г. — член и вице-председатель Комитета по экономическим, социальным и культурным правам.

В 2007–2009 гг. — член Рабочей группы по произвольным задержаниям Совета ООН по правам человека.

Пыл его авторством и в соавторстве в России и за рубежом (Великобритания, США, Финляндия, Греция, Италия, Сербия, Армения, Грузия, Казхастане и т.д.) опубликовано более 300 работ.

**ДОГОВОРНЫЕ ОРГАНЫ
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В СИСТЕМЕ ПРАВООЩИТНЫХ
МЕХАНИЗМОВ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ**

A.K. Абшидзе

МОСКВА
2012

Толстых В. Л.

ТРИ ИДЕИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

В статье рассматривается содержание международно-правового принципа самоопределения в контексте трех идей, определяющих сущность государства: суверенитета, общей воли и прав человека. Делается вывод о том, что идея общей воли не должна игнорироваться при определении содержания данного принципа; приводятся аргументы в обоснование данного вывода. Делается вывод о том, что общая воля не может подвергаться воздействию со стороны третьих государств, не причастных к общему благу, образующему ее онтологическое основание; рассматривается проблема незаконного вмешательства в процесс формирования общей воли. Делается вывод об исключении процесса формирования общей воли из предмета международно-правового регулирования; одновременно констатируется заинтересованность третьих государств в установлении факта формирования и выражения общей воли. В этом контексте рассматриваются международные стандарты проведения референдумов, как содержащие указание на доказательства беспорочности общей воли.

Ключевые слова: принцип права наций на самоопределение, государство, суверенитет, общая воля, права человека, невмешательство.

Толстых В. Л.

Tolstykh V. L.

THREE IDEAS OF SELF-DETERMINATION IN INTERNATIONAL LAW

The article examines the content of the international law principle of self-determination in the context of three ideas that define the essence of the state: sovereignty, common will and human rights. The author concludes that the idea of general will should not be ignored in determining the content of this principle; some arguments in support of this conclusion are presented. The author concludes that the general will should not be influenced by the third countries which are not involved in the common good forming its ontological basis; the problem of illegal interference in the formation of the general will is considered. The author concludes that the general will is excluded from the international legal regulation; at the same time third states have an interest in establishing the fact of formation and expression of the general will. International standards of referendums are considered in this context as containing a reference to the evidence of blameless of the general will.

Keywords: the right of nations to self-determination, state, sovereignty, the general will, human rights, non-interference.

1. Содержание принципа самоопределения является одним из наиболее спорных вопросов международного права. Ссылки на этот принцип делались в различных, порой противоречащих друг другу контекстах: деколонизации (начиная с борьбы за независимость США); революций и переворотов (начиная с Великой французской революции); ирредентизма (начиная с процессов объединения Италии и Германии); сецессионизма и автономизма (начиная с разделения Османской и Австро-Венгерской империй). В современное международное право принцип вошел после Первой мировой войны; существенную роль в этом сыграли В. И. Ленин, В. Вильсон и соответствующая политика, проводимая СССР и США. Риторика Ленина довольно интересна. Он пишет о том, что победа капитализма над феодализмом связана с национальными движениями. Для победы товарного производства необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке. Единство языка есть важнейшее условие широкого торгового оборота и тесной связи рынка с хозяином, продавцом и покупателем. Под самоопределением наций понимается «государственное отделение их от чуженациональных коллективов». Дальше — развилка: поскольку буржуазия нации угнетенной борется с угнетающей, пролетариат должен ее поддерживать; поскольку она стоит за свой буржуазный национализм, необходимо быть против. Первый тезис обосновывается еще и тем, что народ, угнетающий другие народы, не может быть свободен¹. Центральным тезисом В. Вильсона был тезис о необходимости учитывать желание наций «жить собственной жизнью и определять собственные институты»² —

«народы и провинции нельзя передавать от суверенитета суверенитету так, как если бы они были просто движимым имуществом и пешками в игре»³. После Первой мировой войны принцип самоопределения повлиял на разрешение в рамках Лиги Наций дела Аландских островов, установление системы мандатов, предоставление международных гарантий меньшинствам, проведение плебисцитов о территориальной принадлежности (Варминско-Мазурский 1920 г., Верхнесилезский 1921 г., Саарский 1935 г. и др.). После Второй мировой войны действие принципа наиболее отчетливо проявилось в функционировании системы опеки и процессе деколонизации. Кроме того, обозначились два более общих его аспекта, связанных с защитой прав человека и народовластием. Принцип был закреплен в ряде важных документов (Уставе ООН, Пактах о правах человека 1966 г., Декларации о принципах международного права 1970 г. и др.⁴); несколько раз к нему обращался

source/fourteenpoints.htm

3 President Wilson's Addendum to the Fourteen Points, 11 February 1918 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.firstworldwar.com/source/fourteenpoints_wilson2.htm

4 Резолюция № 637 (VII) «Право народов и наций на самоопределение» от 16 декабря 1952 г.; Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам (Резолюция № 1514 (XV) от 14 декабря 1960 г.); Резолюция № 1541 (XV) «Принципы, которыми государства-члены Организации должны руководствоваться при разрешении вопроса о том, обязаны ли они передавать информацию, предусмотренную статьей 73 е Устава» от 15 декабря 1960 г.; Резолюция № 1654 (XVI) «О ходе осуществления Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам» от 27 ноября 1961 г.; Резолюция № 2621 (XXV) «Программа действий в целях полного осуществления Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам» от 12 октября 1970 г.

1 Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полное собрание сочинений. Издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1969. — С. 255–320.

2 Woodrow Wilson's «Fourteen Points» Speech, 8 January 1918 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.firstworldwar.com/>

Международный суд ООН и другие международные органы⁵. Официальные тексты по данному вопросу, однако, являются слишком общими и лиги, наоборот, слишком фрагментарными и остенсивными. В этих условиях важную роль в уточнении принципа играет доктрина.

2. Доктринальная дискуссия о содержании принципа самоопределения затрагивает один из главных вопросов права, — связанный с определением сущности государства. Как справедливо отмечает Дж. Крофорд, «самоопределение на самом базовом уровне является принципом, касающимся права быть государством» («... Self-determination is, at the most basic level, a principle concerned with the right to be a State»)⁶.

Для первого, магистрального, направления сущность государства воплощена в суверенитете, т.е. в абсолютной и безусловной территориальной власти. Историческим предшественником суверенитета являлись римские *majestatem* и *imperium* («высшая и неделимая распорядительная власть»⁷). Своим распространением в теории данная идея обязана Макиавелли и Бодену: «Так и суверенитет, данный государю на каких-то условиях и налагающий на него какие-то обязательства, не является собственно ни суверенитетом, ни абсолютной властью, если только то и другое при установлении власти государя не происходит от закона Бога или природы»⁸. Своим распространением на практике она обязана абсолютизму, — колыбели современной государственности. Концепция суверенитета обеспечивает юридическую идентификацию государства; суверенитет является тем критерием, благодаря которому государство отделяется от общества и становится самостоятельным субъектом права, способным к нормотворчеству и правоприменению; это, в свою очередь, делает возможным позитивное право. Государство, таким образом, проявляет себя в людях, обладающих властью. Ж. Ф. Спитц пишет: «Концепция суверенитета выразилась в центрировании политики на понятиях разрешения, власти и полномочий, противостоя тем самым прошлым теориям, которые все были центрированы на субстанциальных понятиях закона и легитимности. Ее введение в политическую философию в начале современной эпохи, как представляется, проявилось в окончательном отказе от рассмотрения данных вопросов: речь больше идет не об определении того, является ли чье-либо полномочие справедливым (что подчиняет существование власти ее моральности, а политическую норму — норме, которая ей не является), но об определении того, кому принадлежит право командовать и как это право было предоставлено»⁹. В современном международном праве идея суверенитета отражена в концепциях юрисдикции и эффективности.

Самоопределение, рассматриваемое в свете идеи суверенитета, является самоопределением правительства (верховой власти). Принцип самоопределения, таким образом, имеет две важнейших импликации: во-первых, он создает

условия для возникновения суверенитета в обществе, еще не организованном в государство и в этом смысле обеспечивает нормативное основание для процесса деколонизации; во-вторых, он обеспечивает сохранение суверенитета в существующих государствах и в этом смысле частично совпадает с принципом невмешательства. Принцип, соответственно, не предполагает сецессию, хотя и не мешает признанию новых государств, образовавшихся в результате внутренних процессов; важнейшими условиями такого признания являются отсутствие иностранного вмешательства и эффективность новой власти.

Видным представителем данного направления является Дж. Крофорд. По его мнению, международное право признает за государством следующие характеристики, образующие концепцию государства: полная компетенция в международной сфере; исключительная компетенция во внутренней сфере; подчиненность международной юрисдикции только при наличии согласия; равенство; необходимость ясно выраженного закрепления исключений из данных принципов. Юридическая характеристика принципа самоопределения выглядит так: 1) международное право признает принцип самоопределения; 2) он не является правом, непосредственно применимым к группе, желающей политической независимости или самоуправления; он применяется как право после того, как субъект самоопределения был определен путем применения соответствующих норм; 3) он обычно применяется к территориям, установленным и признанным как отдельные политические образования, в частности, к территориям под опекой; подмандатным и несамостоятельным территориям; государствам, исключая те их части, которые сами имеют право на самоопределение; возможно, отдельным политико-географическим областям, чьи жители не участвуют в правительстве; другим территориям, в отношении которых самоопределение рассматривается как подходящее решение; 4) если субъект самоопределения еще не является государством, он имеет право выбирать собственную политическую организацию; 5) самоопределение может иметь своим результатом образование отдельного государства либо объединение с другим государством; 6) вопросы самоопределения не могут находиться во внутренней юрисдикции метрополии; 7) когда субъект самоопределения является государством, принцип самоопределения создает гарантию против вмешательства¹⁰.

3. Для второго направления сущность государства выражена в общей воле и обуславливающим ее общим интересе (общем благе). Концепция общего блага была сформулирована еще Платоном: «... истинное искусство государственного управления печется не о частных, но об общих интересах — ведь эта общность связует, частные же интересы разрывают государство — и что как для того, так и для другого, то есть для общего и для частного, полезно, если общее устроено лучше, чем частное»¹¹. Понятие общей воли, однако, и вытекающее из него понятие общественного договора возникают только у просветителей, прежде всего у Руссо: «... одна только общая воля может управлять силами Государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо»; «... волю делает общему не столько число голосов, сколько общий интерес, объединяющий голосующих»¹². Понятие общей воли трансформирует идею суверенитета: как отмечает Ю. Хабермас, для Руссо и Канта «суверенитет народа означает скорее трансформацию власти как господства в такое состояние, когда сам народ дает

5 Консультативное заключение о юридических последствиях для государств, вызываемых продолжающимся присутствием Южной Африки в Намибии вопреки резолюции № 276 (1970) Совета Безопасности от 21 июня 1971 г.; Консультативное заключение о Западной Сахаре от 16 октября 1975 г.; Консультативное заключение о правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории от 9 июля 2004 г.

6 Crawford J. R. The Creation of States in International Law. — Oxford Scholarship Online, January 2010. — P. 106.

7 Бартошек М. Римское право: (Понятия, термины, определения) / Пер. с чешск. — М.: Юридическая литература, 1989. — С. 147.

8 Боден Ж. Шесть книг о государстве // Правовая мысль: Антология / Автор-составитель В. П. Малахов. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. — С. 158.

9 Spitz Jean-Fabien. John Locke et les fondements de la liberté moderne. Paris: PUF, collection «Fondements de la politique», 2001. Цит. по: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://agora.qc.ca/dossiers/Souverainete>

10 Crawford James. The Criteria for Statehood in International Law // British Yearbook of International Law. — Volume 48. — Issue 1 (1976). — P. 108–109; 160–161.

11 Платон. Законы, или О законодательстве (Глава 9) // Полное собрание сочинений в одном томе. — М.: Альфа-книга, 2013. — С. 1196.

12 Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Трактаты. — М.: Наука, 1968. — С. 167, 173.

себе законы (Selbstgesetzgebung)¹³. Концепция политической коммуникации (Д. Харт и Ю. Хабермас), в основе которой лежит аристотелевская идея общения, довольно близка к концепции общественного договора. Гегель и немецкая историческая школа (Гуго, Савиньи и Пухта) восприняли идею общей воли, однако у них она приобрела совершенно иной, более глубокий и трансцендентный характер: «Государство как действительность субстанциальной воли, которой оно обладает в возведенном в свою всеобщность особенном самосознании, есть в себе и для себя разумное»¹⁴. Концепция общей воли оказала значительное влияние на конституционное право, в международном праве ее проявления гораздо менее заметны и в основном ограничиваются европейским континентом.

Самоопределение в свете идеи общей воли является самоопределением народа (нации). Народ при этом может пониматься как этнос, т.е. как «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»¹⁵ (в исторической школе — как духовная общность, которая «обнаруживается, закрепляется и развивается благодаря употреблению одного языка» и «охватывает последовательно сменяющиеся друг друга поколения, а значит, соединяет современность с прошлым и с будущим»¹⁶) и как политический союз. Первый подход предоставляет объективные критерии, однако в силу несовпадения сфер их действия делает идентификацию субъекта самоопределения сложной, почти неразрешимой задачей и часто воспринимается как несущий угрозу хаоса; второй — в значительной степени лишен этих недостатков и в большей степени соответствует современной западной государственности, однако отдает предпочтение форме (политике) в ущерб содержанию (культуре). Условием эффективного политического союза является объединяющая идеология или этническая обособленность; пренебрежение этническими характеристиками делает политическую коммуникацию напряженной и в пределе — невозможной; данные характеристики, таким образом, сохраняют значение предмета политической коммуникации и/или ее мотива. Ю. Хабермас пишет по этому поводу: «Нация граждан обретает свою идентичность не в этнически-культурных сходствах, но в практике граждан, которые активно используют свои демократические права на участие и коммуникацию. Здесь республиканская компонента идеи гражданства полностью освобождается от принадлежности к дополитическому сообществу, интегрированному через происхождение, общие традиции и язык. Рассмотренный в этой перспективе, первоначальный сплав национального сознания и республиканских убеждений оказывается выполняющим лишь функцию катализатора»¹⁷.

Тезис о политической идентификации народа имеет важное следствие: правом на самоопределение, в том числе в форме сепарации, могут пользоваться группы, исключенные из политического общения (исключенные из народа) и в результате оказавшиеся в естественном состоянии. Руссо очень точно замечает: когда правительство перестает подчиняться законам, «государство сжимается»: «большое Государство рас-

падает и в нем образуется другое Государство, состоящее только из членов Правительства и являющееся по отношению к остальному народу лишь его господином и тираном; «в ту минуту, когда правительство узурпирует суверенитет, общественное соглашение разорвано, и все простые граждане, по праву возвращаясь к своей естественной свободе, принуждены, а не обязаны повиноваться»¹⁸. Именно эта мысль закреплена в защитном условии Декларации 1970 г., в соответствии с которым право на отделение может быть реализовано, если во главе государства не стоит «правительство, представляющее без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории».

Идея общей воли, несмотря на почти полное господство в сфере конституционного права и заметное место в международной политической риторике, имеет мало последовательных сторонников в международно-правовой доктрине. Одним из них является канадский ученый и сторонник отделения Квебека Д. Терп. По его мнению, международное право признает право на самоопределение с 1945 г. Единственное, что требуется для осуществления этого права, — это быть народом. Народом является группа лиц, считающая себя народом, т.е. стремящаяся определять свое собственное будущее. Общий язык, культура и религия играют определяющую роль в процессе самоопределения, однако коллективное желание жить вместе является наиболее важным индикатором. Интерпретация права на самоопределение только как права на внутреннее самоопределение посягает на свободу народа выбирать свой политический статус и противоречит универсальному характеру данного права, провозглашенному в Уставе ООН и Пактах о правах человека. Юридическая сила защитного условия Декларации 1970 г. может быть поставлена под сомнение после приобретения независимости балтийскими народами, народами бывших СССР и Югославии, Словакии и Эритреи¹⁹.

Попыткой достижения компромисса между идеей суверенитета и идеей общей воли является концепция внутреннего самоопределения, в соответствии с которой рассматриваемый принцип может создавать права только «в рамках существующих суверенных государств и при условии сохранения территориальной целостности данных государств» («within the framework of existing sovereign states and consistently with the maintenance of the territorial integrity of those states»)²⁰. Данная концепция развивается у Я. Клабберса, который рассматривает право на самоопределение как право на участие в принятии политических решений: «Самоопределение лучше всего понимать как процессуальное право: образования имеют право на то, чтобы их позиция учитывалась при принятии решений относительно их будущего. Это может не предполагать права на сепарацию, ни даже права на автономию или самоуправление, но это предполагает право восприниматься серьезно». Преимуществами своего подхода Я. Клабберс считает то, что он не оперирует понятием «народ» (право на участие есть у всех групп), не поощряет «ложных надежд» на отделение; подчеркивает важность политического процесса²¹. Ограничивая действие принципа конституционно-правовыми отношениями, данная концепция не отвечает на главный вопрос о возможности отделения сообществ, исключенных из политического общения.

13 Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Российский бюллетень по правам человека / Ред. К. А. Любарский. — М., 1995. — Вып. 7 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hrighs.ru/text/b7/Chapter5.htm>

14 Гегель Г. В. Ф. Философия права. — М.: Мир книги, Литература, 2007. — С. 319.

15 Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. — Т. 2. — М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. — С. 296.

16 Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. II. / Пер. с нем. Г. Жигулина / Под ред. О. Катателадзе и В. Зубаря. — Москва-Одесса: Статут, 2012. — С. 284, 285.

17 Хабермас Ю. Указ. соч.

18 Руссо Ж. Ж. Указ. соч. — С. 216.

19 Turp Daniel. Remarks. Contemporary International Law Issues: Opportunities at a Time of Momentous Change: Proceedings of the Second Joint Conference Held in The Hague, The Netherlands, July 22–24, 1993. — Martinus Nijhoff Publishers, 1994. — P. 63–64.

20 Заключение Верховного суда Канады по делу об отделении Квебека 1998 г. Цит. по: Shaw Malcolm. International Law. — Cambridge University Press, 2014. — P. 187.

21 Klabbers Jan. The Right to be Taken Seriously: Self-Determination in International Law Jan Klabbers // Human Rights Quarterly. — Vol. 28. — № 1. — February 2006.

4. Для третьего направления сущность государства выражена в правах человека — отдельная личность с ее естественными правами рассматривается как центр социального устройства, а государство — как институт, главной функцией которого является обеспечение этих прав. Идея прав человека отталкивается от священного характера человеческого существа, имеющего «неотъемлемое достоинство»²². Ш. Розенн основой данной идеи видит библейское высказывание, в соответствии с которым Бог сотворил человека по образу своему (Бытие. I:27)²³. Предпосылки данной идеи могут быть найдены у Протагора («Человек есть мера всех вещей») и Эпикура; в ее теоретическом обосновании участвовали просветители, в том числе и Руссо, подвергнутый за это критике Гегелем; ее современным и наиболее последовательным и полным выражением является либерализм, теоретические основания которого были сформированы в XIX в. А. де Токвилем, Б. Констаном и др.: «Цель наших современников — безопасность частной сферы; и они называют свободой гарантии, создаваемые общественными институтами в этих целях»²⁴. А. де Бенуа в качестве философских оснований концепции прав человека выделяет христианскую традицию, средневековый номинализм и рационализм Нового Времени²⁵. В настоящее время действие идеи прав человека усиливается благодаря феномену трансграничности, ослабляющему идею общей воли, и феномену наднациональности, ослабляющему идею суверенитета. Концепция прав человека вошла в международное право в XIX в. (защита национальных меньшинств); во второй половине XX в. ее влияние стало распространяться на практически все отрасли и институты.

Самоопределение, рассматриваемое в свете идеи прав человека, является самоопределением отдельной личности; принцип самоопределения, таким образом, выступает дополнительным, отдельным от «неотъемлемого достоинства», основанием индивидуальных прав, обусловленных национальной, религиозной или иной идентичностью (в том числе парадоксального права «определения принадлежности к тому этническому, религиозному или языковому сообществу, к которому он или она желает принадлежать»²⁶). Реализация принципа выступает «важнейшим условием для эффективной гарантии и соблюдения прав человека отдельных лиц»²⁷: принцип, таким образом, создает обязательства, реализуемые преимущественно в рамках внутреннего правопорядка и во многом идентичные обязательствам, создаваемым принципом прав человека. В данном контексте сепарация допускается в случае системных нарушений прав человека; двое судей ЕСПЧ, участвующих в вынесении Решения по делу Лозиду от 18 декабря 1996 г., сформулировали эту мысль следующим образом: «До недавнего времени в международной практике право на самоопределение в практических условиях было идентичным праву на деколонизацию и ограниченным им. В последние годы, как представляется, сформировался консенсус, в соответствии с которым народы также могут осуществлять право на самоопределение, если их права человека последовательно и грубо нарушаются, либо же

если они совсем не представлены или массово недопредставлены (under-represented) недемократическим и дискриминационным образом. Если данное описание является верным, право на самоопределение является инструментом, который может использоваться для восстановления международных стандартов прав человека и демократии»²⁸.

Заметными представителями данного направления в современной международно-правовой доктрине являются Р. Маккокводейл и А. Петерс. Р. Маккокводейл пишет, что право на самоопределение является правом человека, а не правом, применимым к «народам» и «территориям». Данное право имеет ограничения, установленные для защиты прав других и общих интересов, особенно необходимости поддерживать международный мир и безопасность, которые, однако, применяются только в определенных обстоятельствах, — когда внутреннее самоопределение уже произошло и в ограничениях есть насущная необходимость. Данный подход отражает изменение ценностей в международном сообществе и переход от государственного (state-based) международного права к более гибкой системе. Действительно, многие претензии на самоопределение были обусловлены тем, что несправедливый государственный правопорядок не соответствовал законным ожиданиям народов. Принципы территориальной целостности и *uti possidetis* являются попытками заново утвердить исключительное положение государства в международном праве. Данные принципы расходятся с развитием права прав человека и поэтому должны обладать приоритетом по отношению к праву на самоопределение только в ограниченных случаях. Подход с позиций прав человека не дает абстрактного ответа на вопрос, какие народы имеют право на самоопределение, однако создает рамки для рассмотрения каждой ситуации и учета всех относимых прав и интересов. Так, сепарация может быть сочтена противоречащей насущной социальной потребности в территориальной целостности. Определение самим государством баланса между правами, нуждающимися в защите, и правом на самоопределение является важным, но не достаточным, поскольку государство связано обязательствами в сфере прав человека²⁹. Р. Маккокводейл указывает три причины, в силу которых принцип самоопределения должен рассматриваться в свете прав человека. Во-первых, потому что его цель такая же, как и прав человека, — защита сообществ и групп от преследований; во-вторых, потому что данный принцип, защищая от угнетения, является условием защиты индивидуальных прав; в-третьих, потому что право прав человека оказалось способным обеспечивать групповые права в экономическом, социальном и культурном контексте³⁰.

А. Петерс отталкивается от нескольких иных и более общих оснований. По ее мнению, гуманность — это альфа и омега суверенитета. Государственный суверенитет остается фундаментом только в историческом или онтологическом смысле, в той мере, в какой взаимное уважение государств образует систему взаимодействующих субъектов и управляет правотворчеством. Государственный суверенитет не только ограничен правами человека, но с самого начала определен и охарактеризован гуманностью и имеет правовую ценность, только если соблюдаются права человека. Трансформация концепции суверенитета отражает изменение нашего восприятия

22 Perry M. J. The Idea of Human Rights: Four Inquiries. — Oxford University Press, 1998. — P. 4–5; 14–15.

23 Rosenne Sh. The perplexities of modern international law. Martinus Nijhoff Publishers, 2004. — P. 202.

24 Констан Бенжамен. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. — 1993. — № 2.

25 de Benoist Alain. Au-delà de droit de l'homme. Défendre les libertés. — Editions Krisis, 2004. — P. 6–9.

26 Заключение Арбитражной комиссии Мирной конференции по Югославии (Комиссия Бадинтера) № 2 от 11 января 1992 г. // Yugoslavia Through Documents: From Its Creation to Its Dissolutio / Ed. by Snežana Trifunovska. — Martinus Nijhoff Publishers, 1994. — P. 474–475.

27 Комитет по правам человека ООН, Замечание общего порядка № 12 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/CCPRIndex.aspx>

28 Loizidou v. Turkey (Merits), European Court of Human Rights, 18 December 1996; Concurring opinion of Judge Wildhaber, joined by Judge Ryssdal [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int>

29 McCorquodale Robert. Self-Determination: A Human Rights Approach // International and Comparative Law Quarterly. — Vol. 43 (1994). — P. 857–885. Цит. по: Martin Dixon, Robert McCorquodale, Sarah Williams. Cases and Materials on International Law. — Oxford University Press, 2011. — P. 227–228.

30 McCorquodale Robert. Ibid. — P. 872–873. Цит. по: Knop Karen. Diversity and Self-Determination in International Law. — Cambridge University Press, 2004. — P. 81–82.

политического порядка; традиционное соотношение между государством и гражданином изменилось: права человека стали рассматриваться как первичные. Утверждение, что государственный суверенитет имеет свой источник и *telos* в гуманности, понимаемой как принцип, в соответствии с которым государство должно защищать права, интересы, потребности и безопасность человека, устраняет базовую антиномию между правами человека и государственным суверенитетом. Не только внутренний, но и внешний государственный суверенитет предполагает ответственность за защиту прав человека. Гуманность, таким образом, является не только внутренним делом, но и международной заботой; государственный суверенитет не запрещает трансграничную заботу о гуманности. Это заставляет переосмыслить проблему гуманитарной интервенции: в случае временной несостоятельности суверенитета, понимаемого как ответственность за людей, данная ответственность возлагается на международное сообщество, действующее через Совет Безопасности³¹.

5. Данные идеи взаимодействуют на нескольких уровнях. Во-первых, они взаимодействуют на теоретическом уровне. Здесь они могут дополнять и взаимно обосновывать друг друга: например, права человека могут рассматриваться как цель гражданского союза; общая воля — как основание суверенитета; суверенитет — как правоохранительная функция или как объективизация идеи общего блага. С другой стороны, они могут сталкиваться: общая воля защищает общий интерес, который не всегда включает частный интерес; частный интерес стремится преодолеть ограничения, налагаемые идеей суверенитета; суверенитет может пренебрегать общей волей и т. д. В этом случае возникает вопрос об установлении ценностной иерархии, который является не только рациональным вопросом, но и вопросом веры, интуиции и психологии.

Во-вторых, данные идеи взаимодействуют на политическом уровне, т. е. учитываются или не учитываются субъектами политики и отражаются или не отражаются в принимаемых ими решениях. Такое политическое взаимодействие является динамичным — удельный вес каждой идеи не является постоянным и зависит от множества социальных, культурных, экономических, идеологических и иных факторов. Современная политическая риторика в основном строится на основе идеи прав человека, однако это не значит, что данная идея будет отражена в риторике завтрашнего дня. А. Кассесе описывает политическую эволюцию принципа самоопределения следующим образом: «Самоопределение было направлено на устранение старого, государственно-ориентированного подхода, превалирующего в международных делах. В соответствии с этим подходом мировое сообщество состояло из властителей — суверенных государств, каждое из которых, прежде всего, заботилось об интересах своих политических элит... Самоопределение, наоборот, означало, что народы и нации должны иметь слово в международных делах: суверенные державы больше не могли свободно распоряжаться ими... Ясно, что эта группа принципов была направлена на подрыв самого основания традиционных принципов, на которых основывалось международное сообщество с момента его возникновения: династическую легитимацию власти, деспотизм (хотя и в постепенно смягчающихся формах) и международную политику, основанную только на согласии между правителями... Самоопределение также размывало один из базовых постулатов традиционного международного сообщества: территориальный суверенитет... Поощряя создание международных субъектов, основанное на свободном желании затронутых народов, самоопределение нанесло смертельный удар многонациональным империям... Как и следовало ожидать, догма суверенитета стала мощным бастионом против полного включения принципа в корпус международно-правовых норм... Включение данного

принципа в мир права таким образом было избирательным и ограниченным во многих отношениях»³².

В-третьих, будучи закрепленными в конкретных нормах, данные идеи взаимодействуют на правовом уровне — в соответствии с законами построения и функционирования конкретной правовой системы. Все три идеи закреплены в международном праве: все три отражены в формулировках принципа самоопределения; идея суверенитета также отражена в принципе суверенного равенства и в принципе невмешательства, а идея прав человека — в принципе защиты прав человека. Толкование принципа самоопределения в контексте двух разных идей может давать взаимоисключающие результаты. Так, в отличие от идеи прав человека и идеи общей воли идея суверенитета фактически отрицает право на сепарацию. Идея общей воли испытывает непрерывное давление со стороны идеи суверенитета и идеи прав человека, результатом чего являются интерпретации, отказывающиеся ей в юридической силе. Среди них — интерпретации, ограничивающие действие принципа самоопределения.

Так, по мнению Р. С. Бхаллы, в результате колонизации утрачивается контроль населения над собственными политическими, социальными и экономическими структурами; самоопределение является восстановлением данного контроля: «Колонизация представляет собой осуществление грубой силы. Ее незаконность состоит в самом отрицании цивилизованного поведения, которое и социально и морально предполагает, что люди могут осуществлять собственную свободную волю при решении собственных дел. Таким образом, колонизация является нарушением владения («trespass») ... Пока нарушение владения не устранено, оно продолжается — по аналогии с очень простым принципом гражданского правонарушения». При рассмотрении самоопределения как корректирующей справедливости мы можем установить разграничительную линию между колониальным населением, имеющим право на независимость, и национальными группами в состоявшихся государствах, не имеющими такого права³³.

Л. Брильмайер полагает, что территориальные права составляют важную часть претензии на отделение, и их значимость должна быть признана международным правом. По меньшей мере, два территориальных аргумента могут быть выдвинуты: связанный с предшествующим завоеванием государством, от которого желают отделиться; и связанный с предшествующим нарушением (wrongdoing) третьей стороны, состоящим в несправедливом соединении территорий (колониальный контекст). Кроме этого, необходимо учитывать ряд дополнительных факторов: как давно была нанесена историческая обида; каков ее характер; поддерживается ли претензия в активном состоянии; населена ли спорная территория членами доминирующей группы. Понимаемое таким образом самоопределение согласуется с принципом территориальной целостности³⁴.

6. Существует, тем не менее, целый ряд правовых аргументов, в силу которых идея общей воли не должна игнорироваться при определении содержания принципа самоопределения. Во-первых, в самом термине «принцип права наций на самоопределение» содержится четкое и недвусмысленное указание на нацию как субъект самоопределения — на нацию, а не на правительство, отдельную личность или национальное меньшинство. Во-вторых, рассмотрение принципа самоопре-

31 Peters Anne. Humanity as the A and {Omega} of Sovereignty // European Journal of International Law. — 2009. — № 3. — P. 514–544.

32 Cassese A. Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal. Cambridge University Press, 1995. — P. 315–317.

33 Bhalla R. S. The Right of Self-Determination in International Law // Issues of Self-Determination / Ed. by W. L. Twining. — Aberdeen University Press, 1991. — P. 91–101. Цит. по: Knop Karen. Op. cit. — P. 71–72.

34 Brilmayer L. Secession and Self-Determination: A Territorial Interpretation // Yale Journal of International Law. — 1991. — Vol. 16. — P. 177–201.

деления, как принципа, связанного исключительно с идеями суверенитета и прав человека, в ситуации, когда эти идеи закрепились в самостоятельных принципах, противоречит принципу юридической экономии и более общей бритве Оккама. В-третьих, защитное условие Декларации 1970 г. является непосредственным выражением идеи общей воли. В-четвертых, поскольку идея общей воли отражена практически во всех национальных правовых порядках, ее международно-правовой статус может быть определен как статус принципа права цивилизованных наций. В-пятых, будучи исключенной из содержания принципа самоопределения, идея общей воли оказывается исключенной из международного права в целом, поскольку никакой другой общей нормы, ее закрепляющей, нет; это, в свою очередь, ставит под вопрос целый ряд специальных норм, использующих данную идею в качестве своей онтологической основы (связанных с защитой национальных меньшинств, межпарламентским сотрудничеством, устойчивым развитием и пр.). В-шестых, использование данной идеи в качестве основы правового урегулирования в некоторых случаях приводило к позитивным результатам, и, наоборот, ее неиспользование в некоторых других случаях приводило к плачевным последствиям. А. Карти пишет по этому поводу: «Принцип эффективности, связанный с порядком и безопасностью, полностью определяет систему и технику международного права. Однако доктрины несостоявшегося государства, опыт современной Африки и иные многочисленные острые и неразрешенные конфликты (Чечня, Кашмир, Палестина, Тибет и т. д.) свидетельствуют о том, что, хотя международное право и обеспечивает правовую отчет, оно делает это, опираясь на исторические правовые традиции, которые стали анахроничными и неполными»³⁵.

Речь, конечно, не должна идти о том, чтобы сделать идею общей воли фундаментом международного права, — скорее она должна идти о том, чтобы определенно признать за ней нормативный статус и тем самым обеспечить ее учет при осуществлении международно-правовой квалификации, наряду с другими соображениями и нормами. Так, данная идея может использоваться при определении международно-правовых последствий государственного переворота, не поддержанного частью населения государства, или радикального изменения национальной и лингвистической политики государства: части государства, не поддержавшие переворот, могут рассматриваться как приобретшие право на отделение. Вполне возможно, идея общей воли может использоваться как тонкий инструмент, корректирующий действие принципа *uti possidetis juris*, опыт применения которого в ряде ситуаций нельзя признать удовлетворительным. Совершенно очевидно, что она должна влиять (и уже влияет) на признание и правопреемство. Наконец, данная идея может рассматриваться, как расширяющая действие принципа невмешательства за счет распространения его на ситуации, в которых иностранное государство вторгается в процесс формирования общей воли или пытается подорвать духовную общность народа (а не только препятствует действующему правительству реализовывать его решения). Этот последний случай должен быть рассмотрен отдельно.

7. Декларация о принципах международного права 1970 г. запрещает «применение экономических, политических мер или мер любого иного характера с целью добиться подчинения себе другого государства». Подчинение предполагает воздействие на волю; «волевое поведение распадается на принятие решения и его реализацию»³⁶. Вмешательство в этой связи имеет место тогда, когда один субъект препятствует другому субъекту принимать решение (формировать волю) и/или реализовывать его (реализовывать волю). Применительно к международным

отношениям можно выделить два варианта препятствования формированию воли: когда иностранное государство препятствует формированию воли правительства и когда оно препятствует формированию общей воли. Формирование общей воли представляет собой сложный политический процесс, участниками которого являются правительство, политические партии, религиозные организации и другие элементы политического организма (нации). Так же как и формирование воли человека, формирование общей воли представляет собой внутренний процесс, т.е. процесс, ограниченный пределами политического организма, из которого исключены внешние по отношению к этому организму субъекты и воздействия. Наличие внешних субъектов и их поведение, безусловно, учитываются внутренними субъектами, однако учет не означает инкорпорации — внешние факторы остаются динамическими источниками информации. Внутренние субъекты обладают монополией на взаимодействие с нацией, аналогией которой является естественная монополия человека на согласование действия своих органов. Вмешательство в процесс формирования общей воли представляет собой преодоление границ политического организма и проникновение в него. Такое проникновение имеет место, когда иностранное государство взаимодействует с одними элементами политического организма и создает помехи для функционирования других элементов (при этом взаимодействие с государством в целом, конечно, является правомерным, будучи взаимодействием двух автономных организмов). Такое проникновение представляет собой нарушение естественных законов функционирования политического организма, оно неизбежно влечет разбалансировку, разъединение, разобщение политического организма, отдаление его элементов друг от друга, и, в крайнем случае, — распад организма или атрофию его отдельных элементов. В этом состоит механистический эффект проникновения. Меняя характер взаимодействия элементов политического организма, такое проникновение неизбежно влияет на результаты взаимодействия, в том числе на принимаемые политические решения. В этом состоит интеллектуальный эффект проникновения. Таким образом, взаимодействие иностранного государства с отдельными элементами политического организма является неправомерным вмешательством; общая воля (ее формирование и реализация) не может подвергаться воздействию со стороны третьих государств, не причастных общему благу, образующему ее онтологическое основание. Любое вмешательство является не только вредным воздействием, но и проявлением отношения к государству, как к несостоявшемуся (*failed*) и несамодостаточному. Именно эта посылка в свое время обеспечивала колонизацию обитаемых территорий; установление режимов капитуляций; расширение жизненного пространства (*Lebensraum*); в настоящее время именно она обеспечила вмешательство во внутренние дела Югославии, Ирака, Ливии и Украины. Довольно часто внешнее воздействие на общую волю оправдывается ссылками на законные цели (например, связанные с защитой прав человека); в этом случае проблема квалификации может быть решена с использованием принципа пропорциональности³⁷. Принцип самоопределения является нормой *jus cogens*³⁸; в этой связи неправомерное воздействие третьих государств

35 Carty A. *Philosophy of International Law*. — Edinburgh University Press, 2007. — P. 92.

36 *Философский энциклопедический словарь* / Под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалева, В. Г. Панова. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — С. 90.

37 Данный принцип, созданный немецкой доктриной и ставший частью права, применяемого ЕСПЧ и ОРС ВТО, рассматривается как принцип права цивилизованных наций (Cannizzaro E. *Diritto Internazionale*. Torino, G. Giappichelli Editore, 2012. — P. 128–131; Должиков А. В. Применение принципа соразмерности ограничения основных прав Европейским Судом по правам человека при рассмотрении «российских дел» // *Практика Европейского суда по правам человека и российская правовая система* / Под ред. Д. В. Красикова. — Саратов: ФГОУ ВПО «Саратовский ГАУ», 2006. — С. 47–48).

38 Консультативное заключение о правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории от 9 июля

на общую волю может быть санкционировано другими третьими государствами. Вопрос о содержании и границах такого рода санкций, однако, остается открытым.

8. Защищенность процесса формирования общей воли означает его исключение из предмета международно-правового регулирования. Заключение Международного суда ООН по Косово от 22 июля 2010 г. подтверждает данное рассуждение. Суд отметил, что в XVIII, XIX и начале XX вв. было принято большое количество деклараций независимости; некоторые из них привели к образованию новых государств, другие — нет; практика государств не предоставляет свидетельств того, что декларации независимости рассматриваются как нарушения международного права; наоборот, из нее следует, что международное право не запрещает данные декларации. Логично предположить, что, если международное право не регулирует декларации независимости, являющиеся непрямым выражением общей воли, то оно не регулирует и референдумы, являющиеся прямым выражением данной воли.

Несмотря на то, что третьи государства не должны воздействовать на формирование общей воли, сам факт ее формирования и выражения представляет для них интерес, поскольку от его существования во многом зависит решение проблемы признания и проблемы определения внешней политики. Данный факт может быть констатирован, только если общая воля была сформирована и выражена с полным осознанием всех существенных обстоятельств и в отсутствие обмана или принуждения со стороны третьих лиц (т.е. если она соответствовала действительному интересу нации). В этом смысле выражение общей воли может рассматриваться как публично-правовая сделка, подпадающая под действие общих начал римского права. Установление факта выражения общей воли и ее беспорочности осуществляется при помощи доказательств. В этом контексте и должен рассматриваться вопрос о действии международных стандартов проведения референдумов, закрепленных в Рекомендации ПАСЕ 1704 (2005) «Референдумы: в направлении надлежащей практики в Европе» и в Кодексе надлежащей практики проведения референдума, принятом Венецианской комиссией в 2007 г.³⁹ Данные стандарты, независимо от степени их обязательности, адресованы не столько нации, осуществляющей самоопределение, сколько третьим государствам, устанавливающим факт формирования и выражения общей воли. Перечисленные в них обстоятельства (мирный характер референдума; всеобщее, равное, свободное и тайное голосование; свобода средств массовой информации и нейтральность властей; международное наблюдение; исчерпание переговорных возможностей; разумный срок между датой назначения референдума и датой его проведения и др.) должны рассматриваться как убедительные доказательства беспорочности общей воли. Отсутствие некоторых из них, однако, не должно автоматически влечь вывод о порочности; такой вывод может быть сделан только на основе анализа конкретной ситуации и при наличии убедительных доказательств принуждения, обмана или ошибки.

Так, военное присутствие третьей стороны может рассматриваться как принуждение, только если оно сопровождалось воздействием на общую волю; в иных случаях (например, когда оно было направлено на защиту процесса свободного формирования общей воли) оно не должно дисквалифицировать референдум. Действительно, целый ряд референдумов о само-

определении проводился в условиях военного присутствия заинтересованной стороны: референдум в Пуэрто-Рико (2012 г.), референдум на Северных Марианских островах (1975 г.), референдумы на Ниуэ (1974 г.) и др. Аналогично нарушения свободы слова и собраний могут рассматриваться как обмен, только если реализация данных свобод была необходима для определения позиции по вопросу, вынесенному на референдум. Вышеуказанные соображения, конечно, не исключают квалификацию военного присутствия как противоречащего праву международной безопасности, а нарушений свободы слова и собраний — как противоречащих праву прав человека.

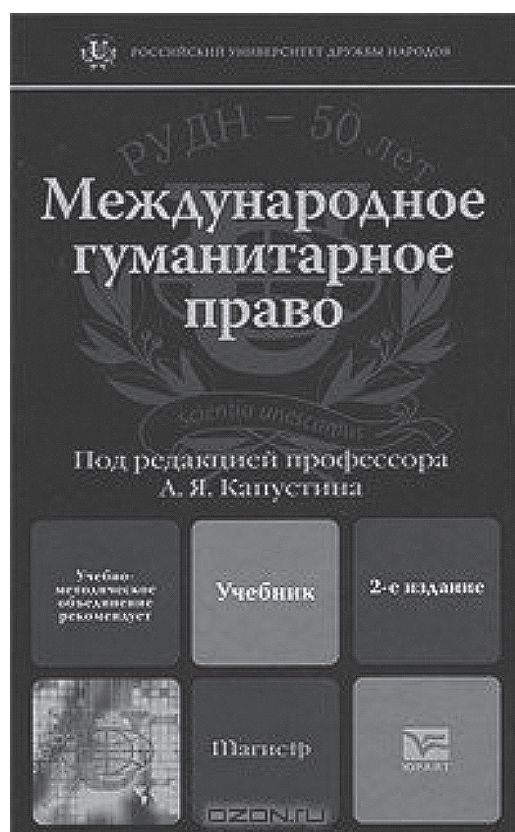
Пристатейный библиографический список

1. Бартошек М. Римское право: (Понятия, термины, определения) / Пер. с чешск. — М.: Юридическая литература, 1989.
2. Боден Ж. Шесть книг о государстве // Правовая мысль: Антология / Автор-составитель В. П. Малахов. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права. — М.: Мир книги, Литература, 2007.
4. Должиков А. В. Применение принципа соразмерности ограничения основных прав Европейским Судом по правам человека при рассмотрении «российских дел» // Практика Европейского суда по правам человека и российская правовая система / Под ред. Д. В. Красикова. — Саратов: ФГОУ ВПО «Саратовский ГАУ», 2006.
5. Заключение Арбитражной комиссии Мирной конференции по Югославии (Комиссия Бадинтера) № 2 от 11 января 1992 г. // Yugoslavia Through Documents: From Its Creation to Its Dissolutio / Ed. by Snežana Trifunovska. — Martinus Nijhoff Publishers, 1994.
6. Комитет по правам человека ООН, Замечание общего порядка № 12 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/CCPRIndex.aspx>
7. Констан Бенжамен. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. — 1993. — № 2.
8. Консультативное заключение о правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории от 9 июля 2004 г. (пар. 88, 155, 156) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.icj-cij.org>
9. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полное собрание сочинений. Издание пятое. — М.: Издательство политической литературы, 1969.
10. Платон. Законы, или О законодательстве (Глава 9) // Полное собрание сочинений в одном томе. — М.: Альфа-книга, 2013.
11. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Трактаты. — М.: Наука, 1968.
12. Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. II. / Пер. с нем. Г. Жигулина / Под ред. О. Катателадзе и В. Зубаря. — Москва-Одесса: Статут, 2012.
13. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. — Т. 2. — М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946.
14. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалева, В. Г. Панова. — М.: Советская энциклопедия, 1983.
15. Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Российский бюллетень по правам человека / Ред. К. А. Любарский. — М., 1995. — Вып. 7 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hrightrights.ru/text/b7/Chapter5.htm>

2004 г. (пар. 88, 155, 156) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.icj-cij.org>

39 Подробно см.: Peters A. Sense and Nonsense of Territorial Referendums in Ukraine, and Why the 16 March Referendum in Crimea Does Not Justify Crimea's Alteration of Territorial Status under International Law. — April, 16. 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ejiltalk.org/sense-and-nonsense-of-territorial-referendums-in-ukraine-and-why-the-16-march-referendum-in-crimea-does-not-justify-crimeas-alteration-of-territorial-status-under-international-law/>

16. Bhalla R. S. The Right of Self-Determination in International Law // Issues of Self-Determination / Ed. by W. L. Twining. — Aberdeen University Press, 1991.
17. Brilmayer L. Secession and Self-Determination: A Territorial Interpretation // Yale Journal of International Law. — 1991. — Vol. 16.
18. Cannizzaro E. Diritto Internazionale. Torino, G. Giappichelli Editore, 2012.
19. Carty A. Philosophy of International Law. — Edinburgh University Press, 2007.
20. Cassese A. Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal. Cambridge University Press, 1995.
21. Crawford J. R. The Creation of States in International Law. — Oxford Scholarship Online, January 2010.
22. Crawford J. The Criteria for Statehood in International Law // British Yearbook of International Law. — 1976. — Vol. 48. — Issue 1.
23. de Benoist Alain. Au-dela de droit de l'homme. Défendre les libertés. — Editions Krisis, 2004.
24. Dixon M., McCorquodale R., Williams S. Cases and Materials on International Law. — Oxford University Press, 2011.
25. Klabbbers J. The Right to be Taken Seriously: Self-Determination in International Law Jan Klabbbers // Human Rights Quarterly. — February 2006. — Vol. 28. — № 1.
26. Knop K. Diversity and Self-Determination in International Law. — Cambridge University Press, 2004.
27. Loizidou v. Turkey (Merits), European Court of Human Rights, 18 December 1996; Concurring opinion of Judge Wildhaber, joined by Judge Ryssdal [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int>
28. Malcolm N. International Law. — Cambridge University Press, 2014.
29. McCorquodale Robert. Self-Determination: A Human Rights Approach // International and Comparative Law Quarterly. — Vol. 43 (1994).
30. Perry M. J. The Idea of Human Rights: Four Inquiries. — Oxford University Press, 1998.
31. Peters A. Sense and Nonsense of Territorial Referendums in Ukraine, and Why the 16 March Referendum in Crimea Does Not Justify Crimea's Alteration of Territorial Status under International Law. — April, 16. 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ejiltalk.org/sense-and-nonsense-of-territorial-referendums-in-ukraine-and-why-the-16-march-referendum-in-crimea-does-not-justify-crimeas-alteration-of-territorial-status-under-international-law/>
32. Peters Anne. Humanity as the A and {Omega} of Sovereignty // European Journal of International Law. — 2009. — № 3.
33. President Wilson's Addendum to the Fourteen Points, 11 February 1918 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.firstworldwar.com/source/fourteenpoints_wilson2.htm
34. Rosenne Sh. The perplexities of modern international law. Martinus Nijhoff Publishers, 2004.
35. Spitz Jean-Fabien. John Locke et les fondements de la liberté moderne. Paris: PUF, collection «Fondements de la politique», 2001.
36. Turp D. Remarks. Contemporary International Law Issues: Opportunities at a Time of Momentous Change: Proceedings of the Second Joint Conference Held in The Hague, The Netherlands, July 22–24, 1993. — Martinus Nijhoff Publishers, 1994.
37. Woodrow Wilson's «Fourteen Points» Speech, 8 January 1918 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.firstworldwar.com/source/fourteenpoints.htm>

Проволоцкий В. В., Иваненко В. С.

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ, ПРЕДМЕТА И СОДЕРЖАНИЯ

В статье обосновывается оригинальная авторская концепция определения понятия и содержания права международной безопасности. Авторы выдвигают определение понятия «международная безопасность», выработанное по итогам анализа международных актов и практики Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН по рассматриваемому вопросу. С учетом содержания понятия «международная безопасность» авторы обосновывают понятие «право международной безопасности» и определяют его предмет и содержание с учетом особенностей функционирования механизма обеспечения коллективной безопасности на базе Устава ООН и предусмотренных в рамках него средств и методов поддержания международного мира и безопасности.

Ключевые слова: международная безопасность, право международной безопасности, Совет Безопасности ООН, Устав ООН, международный мир и безопасность.

Provolotckiy V. V., Ivanenko V. S.

THE QUESTIONS OF LAW OF THE INTERNATIONAL SECURITY: THE PROBLEM OF DEFINITION OF THE CONCEPT, OBJECT AND CONTENT

The article explains the author's original conception of the definition and content of the law of international security. The authors put forward a definition of «international security», worked out on the basis of analysis of international acts and practices of the Security Council and the UN General Assembly on the issue. Taking into account the concept of «international security», the authors substantiate the concept of «law of international security» and define its object and content considering the features of the mechanism of collective security based on the UN Charter and within its means and methods of maintaining international peace and security.

Keywords: international security, law of international security, the UN Security Council, the UN Charter, international peace and security.

Проблемы международной безопасности, её понятия и содержания, равно как и правовые основы и механизмы обеспечения её функционирования, всегда занимали важное место в трудах юристов-международников и неизменно были остро дискуссионными.

Это обусловлено, на наш взгляд, тремя основными обстоятельствами: во-первых, высокой политизированностью всей проблематики правового установления и обеспечения международной безопасности в условиях государственно и социально разделенного мира; во-вторых, отсутствием общесоветского нормативно-правового закрепления понятия и структуры международной безопасности; в-третьих, наличием серьезных доктринальных разногласий относительно как понятия и структуры самой международной безопасности, так и признания формально обособленного нормативного массива в виде отрасли международного права, её внутренней структуры и содержания.

При этом, что касается такой категории, как «право международной безопасности», важно отметить: она была признана и подверглась детальнейшему исследованию главным образом в советской и российской правовых доктринах.

Советская концепция права международной безопасности как права равной международной безопасности, начав свое формирование еще в период между двумя мировыми войнами, фактически вызрела и актуализировалась в условиях реалий международных отношений второй половины XX в., когда международным сообществом была осознана необходимость перехода от конфронтации в рамках холодной войны к политической разрядке¹. Переосмысление основных начал сложившейся к этому времени системы коллективной безопасности подвело к пониманию необходимости обеспечения

1 Собакин В. К. Равная безопасность: принцип равенства и одинаковой безопасности в современных международных отношениях. — М., 1984. — С. 11–62.

ее функционирования как системы равной безопасности каждого из государств. Поэтому ключевыми положениями советской концепции стали принцип мирного сосуществования² и принцип равенства и одинаковой безопасности³. Выдвижение указанных принципов было направлено на обеспечение последовательной реализации принципов суверенного равенства и невмешательства во внутреннюю компетенцию государств в процессе обеспечения международного мира и безопасности.

Однако в современный период наблюдается некая корректировка сложившегося в предыдущие годы понимания структуры и содержания права международной безопасности. Целый ряд ученых уже не выделяют категорию «право международной безопасности» как самостоятельную отрасль международного права, сосредотачивая внимание на анализе отдельных правовых аспектов поддержания международного мира и безопасности, таких как система коллективной безопасности, разоружение, правомерное применение силы, миротворческая деятельность⁴, обеспечение международной безопасности в рамках функционирования механизмов ООН или других международных организаций⁵. Подобный позитив-

2 См., напр., Тункин Г. И. Теория международного права. — М., 2006. — С. 15–39, 58–63.

3 Собакин В. К. Указ соч. — С. 63–119.

4 См. напр.: Shaw M. N. International law. — 6th ed. — Cambridge, 2008. — P. 1118–1166, 1224–1232, 1235–1237; Cassese A. International law. — 2nd ed. — N. — Y., 2005. — P. 339–352, 354–374, 343–346. Среди российских ученых отчасти такой подход прослеживается у Б. Р. Тузмухамедова и С. А. Егорова. См.: Международное право / Отв. ред. В. И. Кузнецов, Б. Р. Тузмухамедов. — С. 441–462, 872–892.

5 Murphy J. F. Force and arms. / The UN legal order: an overview // The United Nations and International law. Edited by

Проволоцкий В. В.

Иваненко В. С.

вистский подход основывается на отображении лишь наиболее актуальных элементов системы обеспечения международной безопасности.

Но следует отметить, что советская концепция, базировавшаяся на идее согласования волей, сегодня может быть востребована и имеет существенный потенциал к развитию, т. к. указанный подход, помимо фактического описания элементов коллективной безопасности, включает и анализ правовых аспектов согласования волей и специфики возникновения и функционирования источников права в данной сфере. Коль скоро проблема формирования источников — одна из наиболее актуальных проблем права международной безопасности, современный позитивистский подход мог бы во многом расширяться и актуализироваться за счет переосмысления идеи согласования волей, интегрированной в нынешнюю отечественную доктрину права международной безопасности.

В современной российской науке в целом доминирует восприятие и исследование права международной безопасности как системы принципов и норм, направленных на поддержание всеобщего мира, обеспечение равной и неделимой безопасности государств, на предотвращение противоправного применения военной силы, проведение миротворческих операций, борьбу с международным терроризмом и другими современными вызовами и угрозами, ограничение и сокращение вооружений, составляющих в своей совокупности обособленную отрасль международного права⁶.

В то же время анализ международно-правовой доктрины и практики свидетельствует, что существуют две основные трактовки понятия права международной безопасности, которое воспринимается и рассматривается в широком и узком смыслах в зависимости от того, как понимается сама международная безопасность.

Узкий подход состоит в том, что правоотношения в области международной безопасности исчерпываются лишь военно-политическими вопросами поддержания мира и безопасности. Так, ещё В. К. Собакин полагал, что коллективная безопасность — это гарантия существования государств разных социально-политических систем, базирующихся на принципах мирного сосуществования и разоружения⁷. Из современных исследователей узкого подхода придерживаются О. Н. Хлестов⁸, В. Л. Толстых⁹, А. С. Андреев¹⁰. А. А. Ковалев, описывая деятельность ООН по поддержанию мира, пишет исключительно о военных и миротворческих операциях, проводимых

под эгидой ООН¹¹. Такой подход ограничивается вопросами безопасности в рамках механизма ООН и иных международных организаций и именуется в литературе «концепцией коллективной безопасности»¹². Достоинством узкого подхода является то, что он ограничивает понятие международной безопасности вопросами, которые могут быть урегулированы при помощи сложившегося и действующего механизма поддержания международного мира и безопасности (то есть военно-политическими аспектами поддержания мира и безопасности), исключая из рассмотрения любые иные вопросы, для регулирования которых указанный механизм не предназначен и не имеет необходимых средств правового регулирования.

Однако в последние годы все чаще слышатся призывы к модернизации указанного «узкого» подхода к определению права международной безопасности за счет включения в его предмет новых актуальных вызовов и угроз, в частности, вопросов противодействия международному терроризму в качестве самостоятельной угрозы международной безопасности, качественно отличающейся от иных существующих проблем международной безопасности, в том числе ввиду негосударственного характера террористических организаций¹³. Вместе с тем представляется, что возможны и контраргументы. Приведенный ниже анализ практики Совета Безопасности ООН показывает, что особенности субъектного состава не оказывают решающего влияния на указанную проблему и позволяют обеспечить ее регулирование в рамках существующего механизма обеспечения международной безопасности.

Представляет интерес позиция Л. А. Лазутина, который в определении права международной безопасности включил лишь военно-политические отношения государств и других субъектов международного права, возникающие в связи с необходимостью предотвращения несанкционированного применения военной силы, борьбы с международным терроризмом, ограничения и сокращения вооружения¹⁴. Такой подход не предполагает расширения предмета права международной безопасности. Проблема терроризма предстает здесь лишь как направление военно-политического взаимодействия государств.

Широкий подход базируется на так называемой «концепции всеобъемлющей международной безопасности»¹⁵. Нарастание ядерных потенциалов, опасность милитаризации космоса и иных особенностей современных средств и методов ведения войны подтолкнули международное сообщество к новому, более широкому пониманию международной безопасности как несводимой лишь к сумме безопасностей каждого из государств

Christopher C. Joyner. — Cambridge, 1997. — P. 97–130; Костенко Н. И. ООН на пути к новому согласию по вопросам международной безопасности // *Международное право и международные организации*. — 2010. — № 1 — С. 16–26.

6 См., напр.: Моисеев Е. Г. Право международной безопасности на современном этапе // *Право и государство: теория и практика*. — 2007. — № 11 (35); *Международное право* / Отв. ред. А. Н. Вылегжанин. — М., 2009. — С. 664; *Международное право* / Отв. ред. Г. В. Игнатенко и О. И. Тиунов. — М., 2010. — С. 521; Емельянова Н. Н. Современные вызовы глобальной безопасности и международное право: Монография / Под ред. М. Н. Копылова. — М., 2012. — С. 11–31; Лазутин Л. А. Размышления о праве международной безопасности // *Российский юридический журнал*. — 2013. — № 3 (90) — С. 46–51;

7 Собакин В. К. Коллективная безопасность. — М., 1962. — С. 22–23.

8 Хлестов О. Н. Удастся ли США изменить систему международной безопасности? // *Московский журнал международного права*. — 2003. — № 4 (52). — С. 26–37.

9 Толстых В. Л. Курс международного права: учебник. — М., 2009. — С. 588–593.

10 Андреев М. В. Россия в современной архитектуре международной и региональной безопасности. // *Российский ежегодник международного права*. — СПб, 2003. — С. 203–206.

11 Ковалев А. А. Актуальные проблемы международной безопасности и пути повышения эффективности Организации Объединенных Наций // «*Международное право – International law*». — 2004. — № 1 (17). — С. 5–11.

12 См., напр., Клименко Б. М. Всеобъемлющая система международной безопасности и международное право // *Всеобъемлющая международная безопасность. Международно-правовые принципы и нормы: Справочник* / Отв. ред. Б. М. Клименко. — М., 1990. — С. 5.

13 См., напр.: Солнцева М. М. Основной доклад // *Проблемы современной международной безопасности и международное право: Материалы межвузовской научно-практической конференции*. — М., 2002. — С. 18; Иванов Э. А., Галафаст О. В. *Международно-правовые проблемы борьбы с терроризмом // Новые вызовы и международное право*. — М., 2010. — С. 103–104.

14 Лазутин Л. А. *Право международной безопасности. // Международное право: учебник* / Отв. ред. Г. В. Игнатенко и О. И. Тиунов. — 5-е изд. — М., 2009. — С. 521.

15 См., напр.: *Всеобъемлющая система международной безопасности и международное право* / Отв. ред. В. С. Верещетин. — М., 1987; *Всеобъемлющая международная безопасность. Международно-правовые принципы и нормы: Справочник* / Отв. ред. Б. М. Клименко. — М., 1990.

в отдельности. Актуализировать комплексный подход к международной безопасности была призвана концепция Всеобъемлющей системы международной безопасности, предложенная СССР¹⁶. Свое развитие концепция получила в идее выделения в проблеме безопасности помимо военного также и гуманитарной, экологической и экономической областей¹⁷. Однако резолюции, связанные с этой концепцией, принимались, по данным ООН, не единогласно¹⁸, что свидетельствовало об отсутствии всеобщего согласия по данной проблеме.

Сторонники широкой трактовки считают: международная безопасность определяется путем учета не только военных, но и иных наиболее значимых сфер развития, защищенность которых также требует совместных усилий всего мирового сообщества. Так, по мнению С. А. Малинина, должна быть обеспечена такая организация международных отношений, которая бы исключала возможность возникновения войны. Поэтому основной направленностью права международной безопасности должна стать профилактическая работа по предупреждению конфликтов посредством принятия комплекса мер в самых различных областях отношений: военной, политической, гуманитарной, экологической и др.¹⁹ В рамках широкого подхода было справедливо указано на ряд международных проблем, нерешенность которых может повлиять не только на бесперебойное функционирование механизма обеспечения международной безопасности, но и представлять угрозу для дальнейшего существования человечества. Не будем отрицать особую актуальность этих проблем, однако представляется сомнительной сама возможность их эффективного урегулирования именно в рамках права международной безопасности при помощи существующего механизма поддержания международного мира и безопасности, разработанного преимущественно для урегулирования военно-политических угроз.

Но следует отметить, что данная концепция недостаточно приемлема для определения предмета права международной безопасности. В частности, Г. И. Тункин полагал, что данная концепция выходит по своему предмету не только за пределы права международной безопасности, но и международного права вообще, поскольку на данном историческом этапе формирование детализированной системы норм по вопросам мирного сосуществования до конца не завершено и государствам приходится использовать также методы политических договоренностей²⁰. Всеобъемлющий подход к международной безопасности в той мере, в какой он выходит за пределы права международной безопасности — это доктрина стратегической дипломатии, предполагавшая в целях разрядки идеологиче-

ского противостояния двух систем комплексное (пакетное) разрешение спорных вопросов. Поскольку концепция всеобъемлющей безопасности не ограничивается описанием только правовых механизмов, обеспечивающих поддержание международной безопасности, она должна рассматриваться одновременно как в политико-дипломатическом, так и в правовом аспектах.

Тем не менее в научной среде вновь актуализировалась идея расширения предмета международной безопасности. Так, А. Я. Капустин, анализируя доклад Группы высокого уровня «Более безопасный мир: наша общая ответственность», Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года, а также практику Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, приходит к выводу о постепенном расширении и адаптации системы коллективной безопасности ООН к современным угрозам и выводам, приведенным в указанных документах²¹.

Весьма широкая трактовка предмета права международной безопасности прослеживается и в целом ряде других научных трудов²².

Вместе с тем, помимо вышеприведенной позиции А. Я. Капустина, в своих выводах не только опирающегося на актуальность соответствующих международных угроз и вызовов, но и учитывающего фактическую возможность использования для борьбы с ними механизма коллективной безопасности, высказывается ряд научных мнений в поддержку расширения понятия международной безопасности за счет тех или иных актуальных угроз и вызовов исключительно на основании собственного суждения соответствующего исследователя об их актуальности, не всегда учитывая, имеет ли действующий правовой механизм поддержания международного мира инструменты для борьбы с подобными рода вызовами и угрозами.

Например, в литературе можно встретить научные суждения о необходимости использования всеобъемлющего подхода к определению международной безопасности и включения в ее предмет экономических и экологических аспектов²³; А. Р. Рахманов определяет глобальную безопасность как такое состояние отношений, прежде всего межгосударственных, которое гарантирует снижение до нижнего предела вероятность возникновения конфликтных ситуаций и способствует гармоничному развитию человечества²⁴; существует мнение, что международная безопасность — «это такой миропорядок, которым создана необходимая обстановка для развития государств и иных субъектов международного права»²⁵.

Был защищен ряд диссертаций, в которых диссертантами обосновывается существование новых видов международной безопасности, например, энергетической,²⁶ экономической²⁷,

16 О создании всеобъемлющей системы международной безопасности / Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. A/RES/41/90 от 04.12.1986 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/41/90>.

17 Пункт 8–10 Всеобъемлющая система международного мира и безопасности. A/RES/42/93 от 07.12.1987 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/42/93>.

18 Так, напр.: по резолюции A/RES/41/90 от 04.12.1986 голосовали: за — 126, против — 1, воздерж. — 24 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://unbisnet.un.org:8080/ipac20/ipac.jsp?profile=voting&index=VM&term=ares4190>; по резолюции A/RES/42/93 голосовали: за — 76, против — 12, воздерж. — 63 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://unbisnet.un.org:8080/ipac20/ipac.jsp?session=14N0107E5E879.10369&menu=search&aspect=power&npp=50&ipp=20&spp=20&profile=voting&ri=1&source=~%21horizon&index=VM&term=A%2FRES%2F42%2F93&x=0&y=0&aspect=power>.

19 См. подробнее: Малинин С. А. Избранное. — СПб, 2003. — С. 21–47.

20 Подробнее о данной концепции и соотношении в её рамках правовых и политических элементов см., напр.: Тункин Г. И. Создание всеобъемлющей системы международной безопасности и международное право // Советский ежегодник международного права. — М., 1987. — С. 11–29.

21 Капустин А. Я. Организация Объединенных Наций и международно-правовые основы поддержания международного мира и безопасности. (К 60-летию ООН) // Международное право — International Law. — 2005. — № 4. — С. 5–30.

22 Право международной безопасности: современное видение и сопутствующие проблемы межгосударственного сотрудничества: Межвузовский сборник научных трудов. — Вып. 3 (7) / Отв. ред.: Игнатенко Г. В., Лазутин Л. А. Екатеринбург, 2011.

23 Айманбетова А. С. Региональные организации коллективной безопасности: Автореф. дисс. ... к. ю. н., — М., 2004. — С. 11–12.

24 Рахманов А. Р. Международно-правовые аспекты всеобъемлющей безопасности // Государство и право. — 2003. — № 2. — С. 70.

25 Моисеев Е. Г. Право международной безопасности на современном этапе. // Право и государство: теория и практика. — 2007. — № 11 (35). — С. 106.

26 См. напр. Василевич Т. А. Международно-правовые проблемы сотрудничества в сфере обеспечения энергетической безопасности: Автореф. дисс. ... к. ю. н. — М., 2008.

27 См. напр. Игнатов Ю. В. Экономическая безопасность государств и проблемы ее международно-правового обеспечения в современных условиях: Автореф. ... дисс. к. ю. н. — М., 2008.

информационной²⁸, экологической²⁹, продовольственной³⁰ и т.д.

Необходимость расширения понятия международной безопасности с учетом включения новых угроз и вызовов признается и на официальном уровне. Герхард Шрёдер, выступая как канцлер ФРГ, утверждал, что безопасность в будущем следует понимать более широко, чем прежде: как безопасность в политическом, социальном, культурном и экологическом, а также в военном смысле³¹. Д. А. Медведев в должности Президента России причислил к актуальным вопросам «глобальной» безопасности последствия мирового финансового кризиса, эпидемии, техногенные катастрофы, и даже проблеме стандартов демократии³². Таким образом, на современном этапе восприятия понятия «международная безопасность» прослеживается тенденция его расширения за счет включения в его состав многих сложных международных проблем на основе критерия их актуальности и наличия трансграничных последствий, способных оказать существенный вред всему международному сообществу.

Подобное безграничное расширение понятия международной безопасности за счет включения в него актуализирующихся в тот или иной исторический период «угроз» международной безопасности чревато полным размыванием данного понятия. В связи с тем, что именно подобный ситуационный подход актуализируется в науке, необходимо вспомнить точку зрения М. Добросельского, полагавшего, что «попытка определения понятия «безопасность» заранее обречена на неудачу и не имеет никакого практического значения, так как невозможно предвидеть и учесть все элементы, структуры или процессы, гарантирующие безопасность во всех возможных ситуациях»³³.

Вышеописанный вектор направления науки весьма интересен, однако он пока не всегда согласуется с международной нормативно-правовой базой и практикой. В этой связи представляется целесообразным вывести искомое понятие международной безопасности как предмета права международной безопасности исключительно из анализа международных актов, закрепляющих механизм коллективного обеспечения

международной безопасности, то есть механизм коллективной безопасности на базе международных организаций.

Одно из первых упоминаний о безопасности именно в контексте механизма коллективного обеспечения международной безопасности присутствует в Статуте Лиги Наций; в его преамбуле есть ставшая потом общеупотребимой формулировка — гарантии «мира и безопасности». Далее по тексту выясняется, что понятие «мир» используется, в основном, в контексте «всеобщий мир» или «сохранение мира»³⁴. Понятие «безопасность» отдельно упоминается только в ст. 8 как национальная безопасность государств в рамках вопроса разоружения.

Конвенции об определении агрессии 1933 г. в преамбулах упоминают и об «интересах всеобщей безопасности», и о праве «на независимость и безопасность, на защиту их территорий...»³⁵, то есть признают элементы и международной, и национальной безопасности.

В Уставе ООН — иное восприятие безопасности. В его тексте «безопасность» упоминается всего в 2 значениях: «мир и безопасность» (угроза миру и безопасности или их поддержание) и в наименовании органа — «Совет Безопасности», который по смыслу системного толкования Устава и его основной функции³⁶ можно назвать как «Совет мира и безопасности».

Термин «безопасность», помимо использования в названии Совета Безопасности, нигде в Уставе отдельно от понятия «мир» не употребляется. В Уставе отдельно встречается лишь термин «мир» (как «всеобщий мир» — например, преамбула, ч. 2 ст. 1), а термин «безопасность» призван играть лишь роль атрибута этого всеобщего мира. В этом — одно из главных концептуальных отличий от системы безопасности Лиги Наций, ибо в рамках правопорядка Лиги «мир» — это совокупность интересов национальных безопасностей всех ее членов при наличии «некоторых обязательств не прибегать к войне»³⁷. А в рамках ООН всеобщий мир — это условие безопасности всех и каждого.

Устав называет в качестве основания применения Советом Безопасности мер в рамках главы VI Устава усмотрение Совета относительно того, представляет ли /может ли представлять рассматриваемая ситуация или спор угрозу миру и безопасности (ч. 2 ст. 33, ст. 34).

Реализуя свои полномочия в рамках главы VII, Совет Безопасности «определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии».

Таким образом, Устав вводит усмотрение Совета как критерий наличия угрозы миру и безопасности или возможности такой угрозы. То есть именно в своей текущей практике Совет определяет наличие или отсутствие формальных оснований применения ст. 24 и глав VI и VII Устава, а значит, и очертавания вышеуказанного негативного определения двуединого понятия «мир и безопасность»³⁸.

28 Кубышкин А. В. Международно-правовые проблемы обеспечения информационной безопасности государства: Автореф. дисс. ... к. ю. н. — М., 2002; См. также: Талимончик В. П. Информационная безопасность в контексте всеобъемлющей системы международной безопасности // Правоведение. — 2008. — № 2 — С. 103–110.

29 Галяметдинова А. Ю. Международно-правовые аспекты экологической безопасности / Автореф. дисс. ... к. ю. н. — М., 2000; Донченко В. Ю. Роль Организации Объединенных Наций в обеспечении экологической безопасности / Автореф. дисс. ... к. ю. н. — М., 2008; Отке А. И. Международно-правовые аспекты экологической безопасности стран-участниц СНГ / Автореф. дисс. ... к. ю. н. — М., 2002.

30 Валетова Ю. А. Международно-правовое обеспечение продовольственной безопасности: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. Она же. К вопросу о месте права международной продовольственной безопасности в системе современного международного права // Вопросы современной юриспруденции: материалы XXVIII международной заочной научно-практической конференции (28 августа 2013 г.). — Новосибирск: СибАК, 2013. — С. 54–58.

31 Выступление Канцлера Федеративной Республики Германии Герхарда Шрёдера // Международная научно-практическая конференция «Мир, безопасность и международное право: взгляд в будущее» / Науч. ред. В. С. Иваненко. — СПб, 2004. — С. 30.

32 Медведев Д. А. Выступление на международной конференции «Современное государство и глобальная безопасность» // Правовые вопросы национальной безопасности. — 2009. — № 3–4 (30–31). — С. 9–11.

33 Добросельский М. Вопросы теории и практики мирного сосуществования. — М., 1977. — С. 93.

34 См. напр., статьи 3, 4, 11, 19 Устава Лиги Наций // Международное публичное право. Сборник документов в 2 частях. Часть 1 / Составители К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев. — М., 2006. — С. 37–41.

35 Конвенция об определении агрессии от 03.07.1933 года и Конвенция об определении агрессии от 04 июля 1933 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. — Вып. VIII. — М., 1935. — С. 27, 31.

36 Статья 24 Устава Организации Объединенных Наций.

37 См. Преамбулу, а также ст. 16, предусматривающую меры реагирования на нарушение Статута Лиги, когда не Совет, а сами члены Лиги должны осуществлять принудительные действия. Причем не все, а «заинтересованные». Тем самым вопросы поддержания мира отданы на усмотрение отдельных государств, которые фактически окажутся заинтересованными в деле международного мира, только если это угрожает или, по крайней мере, не противоречит вопросам их национальной безопасности.

38 Важно отметить, что излагаемая в статье концепция основывается на расширительной трактовке полномочий Совета Безопасности

Анализ практики Совета Безопасности ООН свидетельствует о том, что основной ее массив занимали вопросы военной безопасности, причем в значении принципа недопустимости угрозы силой и ее применения.

1. При вооруженных столкновениях, не имевших характера угрозы миру, Совет выносил резолюции без ссылки на статьи Устава, призывая или обязывая стороны прекратить столкновения или вывести войска с занятой территории³⁹.

2. Совет расследовал в соответствии со статьями 34 и 36 Устава споры и ситуации, развитие которых, по его мнению, могло угрожать международному миру и безопасности⁴⁰.

3. В ряде случаев Совет квалифицировал наличие «угрозы миру», «акт агрессии» или «нарушения мира»⁴¹.

в вопросах обеспечения мира и, в частности, ст. 24. Данная концепция основывается, в том числе, и на позиции Международного суда ООН, высказанной в Консультативном заключении «Юридические последствия для государств, вызываемые продолжающимся присутствием Южной Африки в Намибии (Юго-Западная Африка) вопреки резолюции 276 (1970) Совета Безопасности» (п. 110), указавшего, что полномочия Совета, предусмотренные в ст. 24, не исчерпываются только мерами, предусмотренными в главах VI, VII, VIII Устава. Совет на основании ст. 24 правомочен в целях устранения угрозы миру осуществлять, в том числе, действия, прямо не предусмотренные Уставом. Члены ООН возложили на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Отсюда единственным ограничением полномочий Совета являются цели и принципы ООН, изложенные в главе 1 Устава // Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970), Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1971, p. 52 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.icj-cij.org/docket/files/53/5595.pdf>.

В науке встречаются и ограничительные трактовки полномочий Совета. Основываются подобные позиции на необходимости обеспечить соответствие правоприменительной практики Совета не только целям и принципам Устава, но и формальному содержанию положений иных его статей (в частности, ст. 39, 41 и 42). Подобная постановка проблемы приводит к выводу, что Совет в своей деятельности не должен заниматься восполнением пробелов в международном праве, оставив его государствам как субъектам международного правотворчества, а должен лишь формально применять нормы, закрепившие его полномочия. — См. об этом, напр., Глотова С. В. Расширение правомочий Совета Безопасности: вопросы правомерности // Международное право — International Law. — 2005. — № 4. — С. 135–154.

39 См., напр. Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/27 (1947) от 01.08.1947 по индонезийскому вопросу [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/27> (1947); S/RES/43 (1948) от 01.04.1948 года по Палестинскому вопросу [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/43> (1948); S/RES/178 (1963) от 24.04.1963 по жалобе Сенегала на вторжение со стороны Португалии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/178> (1963).

40 См., напр., резолюция Совета Безопасности S/RES/38 от 17 января 1948 года по индо-пакистанскому вопросу // <http://www.un.org/russian/document/scresol/1948/res38.pdf>; S/RES/134 (1960) от 01.04.1960 г. о положении в Южно-Африканском Союзе [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.un.org/russian/document/scresol/1960/res134.pdf; S/RES/377 (1975) от 22.10.1975 г. по положению в Западной Сахаре [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/scresol/1975/res377.pdf>

41 См., напр. резолюция Совета Безопасности S/RES/54 (1948) от 15.07.1948 по Палестинскому вопросу [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/54> (1948); S/RES/82 (1950) от 25.06.1950 Протест против агрессии, которой подверглась Корейская Республика [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods>.

Кроме того, в качестве угрозы миру и безопасности было квалифицировано и провозглашение расистским меньшинством независимости Южной Родезии⁴².

Другим случаем, формально не связанным с нарушением принципа запрещения применения силы, была ситуация с геноцидом в Руанде. Совет Безопасности в резолюции 1994 г. выразил глубокую обеспокоенность по поводу продолжения систематических и массовых убийств населения в Руанде и указал в п. 3, что он, действуя на основании главы VII Устава ООН, уполномочивает государства-члены провести операцию с использованием всех необходимых средств для достижения гуманитарных целей⁴³.

Также Совет, несмотря на наличие вооруженного конфликта на территории Ливии и действуя на основании главы VII Устава, резолюцией S/RES/1973 (2011) ввёл беспололетнюю зону, ставя перед государствами-членами исключительно задачу по защите гражданского населения от нападений, но не задачу содействия прекращению огня⁴⁴. Вопрос о применении санкций в соответствии со ст. 41 Устава поднимался Советом Безопасности и в связи с иранской ядерной программой и части военных аспектов использования этой программы и нарушения режима нераспространения⁴⁵, и в связи с ядерными испытаниями в КНДР⁴⁶.

Практика ООН свидетельствует, что не только Совет Безопасности занимается вопросами безопасности, но и Генеральная Ассамблея ООН имеет полномочия по рассмотрению общих принципов сотрудничества в деле поддержания международного мира и безопасности.

Резолюции Ассамблеи, по общему правилу, носят характер рекомендаций, но свой вклад в уточнение понятия и содержания международной безопасности они внесли. Международный Суд ООН указывал, что резолюции Генеральной Ассамблеи, даже если они не носят обязательного характера, в отдельных случаях могут иметь и нормативное значение⁴⁷.

Ассамблея приняла ряд деклараций по развитию принципа недопустимости угрозы силой и её применения как основы

[asp?m=S/RES/82](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/82) (1950); S/RES/186 (1964) от 04.03.1964 о ситуации на острове Кипр [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/186> (1964); S/RES/307 (1971) от 21.12.1971; О положении на Индо-Пакистанском субконтиненте [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/307> (1971); S/RES/507 (1982) от 28.05.1982 по жалобе Сейшельских островов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/507> (1982).

42 Резолюция Совета Безопасности ООН от 20.11.1965 S/RES/217 (1965) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/217%281965%29>.

43 Резолюция Совета Безопасности ООН от 22.06.1994 S/RES/929 (1994) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/929%281994%29>.

44 Резолюция Совета Безопасности ООН от 11.03.2011 S/RES/1973 (2011) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1973> (2011).

45 Резолюция Совета Безопасности ООН от 31.07.2005 S/RES/1696 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1696> (2006).

46 Резолюция Совета Безопасности ООН: S/RES/1718 (2006) от 15.12.2006 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1718> (2006); S/RES/1874 (2009) от 12.06.2009 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1874> (2009).

47 § 70 Консультативного заключения Международного Суда ООН о законности угрозы ядерным оружием или его применения от 08.07.1996 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.icj-cij.org/homepage/ru/advisory/advisory_1996-07-08.pdf.

международной безопасности⁴⁸. Деятельность Ассамблеи в области определения принципов сотрудничества в деле поддержания международного мира проявляется и в рассмотрении вопросов разоружения или ограничения вооружений⁴⁹.

Помимо вопросов разоружения, Ассамблея участвовала как вопреки⁵⁰, так и совместно с Советом Безопасности⁵¹ в формировании института операций по поддержанию мира, прямо не предусмотренного Уставом ООН⁵².

В Декларации об укреплении международной безопасности 1970 г. помимо рассмотрения традиционных для права международной безопасности вопросов запрещения применения силы, разоружения и операций по поддержанию мира говорится также о существенной связи экономического разрыва стран и вопросов соблюдения прав человека с вопросами международной безопасности⁵³.

Генеральная Ассамблея уделяла внимание и проблеме международного терроризма, о чем свидетельствуют, например, резолюция A/RES/39/159⁵⁴ и Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма⁵⁵.

Определенного рода расширение претерпело понятие безопасности в рамках принятой Ассамблей в 2000 г. Декларации Тысячелетия, где помимо вышеуказанных вопросов к разделу безопасности отнесены борьба с международным терроризмом, проблема наркотиков, транснациональная преступность и отмывание денег⁵⁶. Данная линия была продолжена и в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г., где раздел «мир и безопасность», помимо положений о поддержании мира, неприменении силы, миростроительстве, также содержит поло-

жения и о терроризме как об одной из самых серьезных угроз международному миру и безопасности⁵⁷. В этом же ключе составлена и Глобальная контртеррористическая стратегия ООН, также представляющая собой лишь перечень обязательств государств по предотвращению и недопущению описанных актов⁵⁸.

Современная система международной безопасности на базе Устава ООН задумывалась как относительно централизованная, однако в процессе практической реализации ряда положений Устава (например, появление механизма санкционирования применения силы вместо использования собственных вооруженных сил ООН, миротворческие операции как самой ООН, так и региональных организаций безопасности) была выявлена тенденция к относительной её децентрализации. При этом сложившаяся система сохранила три принципиальных свойства, отсутствующих у ее предшественниц, позволяющих ей продолжать эффективно функционировать⁵⁹:

1) опору на универсальный (пусть и относительно фрагментированный на данный момент) правопорядок, основанный на закрепленной в пп. 2 и 6 ст. 2 Устава ООН обязанности всех государств действовать в соответствии с принципами ООН;

2) возможность неразрывного применения принципа неприменения силы и её угрозы с принципом мирного разрешения споров посредством, в том числе, полномочий Совета Безопасности как самому рассматривать данные споры, так и рекомендовать передавать споры юридического характера в Международный суд ООН;

3) наличие резерва для укрепления системы, основанного на возможности Совета Безопасности и Международного суда ООН формировать универсальный правопорядок на базе международного обычного права.

Таким образом, проанализировав основные подходы к пониманию международной безопасности в рамках практики Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи и научных исследований, можно выделить три основных подхода к понятию «международная безопасность»: 1) в узком смысле как исключительно военная безопасность; 2) в широком смысле как всеобъемлющая система международной безопасности, включающая военные, экономические, гуманитарные, экологические и иные аспекты; 3) в ситуационном смысле, когда в понятие безопасности включаются любые сложные международные проблемы на основе лишь критерия их международной актуальности и наличия тяжелых последствий, имеющих трансграничный характер и способных оказать существенный вред всему международному сообществу.

Обобщая изложенное, авторы настоящей статьи полагают, что понятие международной безопасности в её универсальном компоненте как предмета права международной безопасности необходимо выводить исключительно на основе анализа практики ООН. Следует учитывать также и специфику правовых процедур, применяемых в соответствии с положениями Устава ООН для поддержания международного мира и безопасности в случае нарушения каким-либо членом международного сообщества принципа неприменения силы либо совершения иных действий, квалифицированных в качестве угрозы международному миру. Соответствующие процедуры имеют узкоспециализированный характер и не обладают по-

48 См., напр.: Декларация об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях. A/RES/42/22 от 18.11.1987 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/42/22>;

Определение агрессии. A/RES/3314 (XXIX) от 14.12.1974 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/3314%28XXIX%29>.

49 См.: Декларация о международном сотрудничестве в целях разоружения. A/RES/34/88 от 11.12.1979 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/34/88>; Декларация о провозглашении 80-х годов вторым Десятилетием разоружения A/RES/35/46 от 03.12.1980 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/35/46>.

50 Единство в пользу мира. A/RES/377 (V) от 03.11.1950 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/377 \(V\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/377 (V)).

51 См. напр.: Повестка дня для мира. A/RES/47/120 от 20.09.1993 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/47/120>.

52 Подробнее см., напр.: Снегина С. Н. Эволюция деятельности Организации Объединенных Наций по поддержанию международного мира и безопасности: Автореф. дисс. ... к. ю. н., — М., 2006. — С. 9–25.

53 Пункт 2, 4, 5, 7, 19–20 Декларации об укреплении международной безопасности A/RES/2734 (XXV) от 16.12.1970 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/2734 \(XXV\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/2734 (XXV)).

54 О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв политического строя в суверенных государствах/Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/39/159 от 17.12.1984 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/39/159>.

55 Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма A/RES/49/60 от 09.12.1994 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/49/60>.

56 Пункт 9 Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций. A/RES/55/2 от 18.09.2000 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/55/2>.

57 Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. A/RES/60/1 от 24.10.2005 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/60/1>.

58 Антитеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций. A/RES/60/288 от 20.09.2006 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/60/288>.

59 Об особенностях функционирования универсальной системы коллективной безопасности, с учетом принципа суверенного равенства, см.: Kelsen H. Peace through Law. — New York, 1944, — P. 19–23.

тенциалом для эффективного урегулирования с их помощью иных ситуаций невоенного характера.

Завершить статью необходимо изложением авторской позиции относительно понятия и содержания международной безопасности и права международной безопасности, которые смогли бы вобрать в себя все отмеченные выше моменты.

Представляется, что под международной безопасностью следует понимать такое состояние мирового сообщества, которое характеризуется мирным сосуществованием народов и государств, наличием механизма недопущения решения спорных вопросов и разногласий между субъектами международного права с помощью силы или её угрозы, обеспечения политической независимости и территориальной целостности государств, предотвращения и/или прекращения вооруженных конфликтов, гонки вооружений, отсутствием юридических

оснований для применения положений ст. 24 и глав VI и VII Устава ООН, то есть отсутствием таких обстоятельств, которые квалифицировались бы Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей ООН в качестве угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии.

Отсюда следует, что право международной безопасности должно рассматриваться и пониматься как система принципов и норм международного права, направленных на поддержание и обеспечение всеобщего мира, предотвращение нарушения принципа запрещения угрозы силой и ее применения и иных ситуаций, представляющих собой угрозу миру и безопасности (по смыслу ст. 24 и глав VI и VII Устава ООН), а также норм по ограничению гонки вооружений и разоружению, по организации миротворческой деятельности ООН и других международных организаций в рамках или под эгидой ООН.

Лысенко В. В.

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ

В статье анализируется роль и правовой статус международных неправительственных организаций и их участия в превентивной дипломатии и урегулировании внутригосударственных и международных конфликтов.

Ключевые слова: права человека, гражданское общество, неправительственные организации, конфликт.

Lysenko V. V.

THE ROLE OF NGOs IN CONFLICT RESOLUTION

The article describes the role and legal status of non-governmental actors and their participation in preventive diplomacy and settlement of domestic and international conflicts.

Keywords: human rights, civil society, non-governmental organizations, the conflict.

Лысенко В. В.

Со времени возникновения государственности и до настоящего времени люди не научились избегать силы или угрозы применения силы при разрешении конфликтов между народами и странами. История изобилует войнами и военными конфликтами. Ученые подсчитали, что за последние 5,5 тысяч лет на земле было более 15 тысяч войн, и только 300 лет люди жили в мире. Только за 50 последние лет локальные войны и вооруженные конфликты вспыхивали в мире более 250 раз¹.

Некоторые ученые², пытаясь спрогнозировать будущее на ближайшие 40 лет, считают, что люди продолжат и дальше воевать из-за того, из-за чего воевали всегда: ресурсов, территорий, религии, идеологии и массы других причин, провоцирующих напряжение и враждебность в отношениях между государствами.

Однако механизм возникновения конфликтов наверняка изменится. В течение следующих 40 лет, по мере того как население мира может приблизиться к 9 млрд человек и из-за последствий глобального потепления, борьба за ресурсы и социальная дестабилизация, по всей видимости, лишь усилятся. Прогнозы, согласно которым в ближайшие годы мир достигнет точки «пика добычи нефти», поднимают вопросы о поиске новых резервов, глубоководном бурении, коммерциализации методов добычи нефти и сланцевого газа³.

Сфера международных права и международных отношений естественным образом не осталась в стороне от феномена конфликта. Их участниками сначала становились города-полисы, затем — целые страны и, наконец, блоки государств. После окончания Второй мировой войны международное сообщество пришло к осознанию необходимости стремиться к тому, чтобы как можно большее число конфликтов было урегулировано мирными политическими и правовыми средствами. При этом под урегулированием конфликтов такими способами обычно понимаются «любые действия, направленные на предотвращение или прекращение вооруженной борьбы и разрешение противоречий мирным способом»⁴.

В итоге, в ст. 33 главы VI Устава Организации Объединенных Наций «Мирное разрешение споров» появилась

запись, которая гласит, что «стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать подержанию международного мира и безопасности, прежде всего, должны стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, применения арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору»⁵. Однако все эти положения были рассчитаны скорее на то, что сторонами, участвующими в спорах и конфликтах, будут государства в самом традиционном понимании этого слова, а их легитимными представителями на международной арене — лидеры государств, министры иностранных дел, полномочные представители и т. д. Между тем со времени принятия Устава ООН сама система международных отношений успела кардинально измениться. На мировой арене появились новые участники международных отношений, которые сегодня определяются термином «новые международные акторы»⁶.

В настоящее время все большее число государств начинают осознавать, что необходимо искать новые, во многом нетрадиционные подходы к решению проблем выживания человечества, созданию новых и реорганизации существующих механизмов для координации усилий не только государств в этом направлении, но и самого населения планеты. Одной из реально существующих, но не используемых на глобальном уровне возможностей является признание государствами партнерской роли многочисленных неправительственных организаций.

Еще в начале XXI в. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в своем докладе «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке. Повестка дня для мира» подчеркнул, что «государства перестали быть единственным инициатором решений для многочисленных проблем нашей небольшой планеты. Чем сложнее проблема — будь то переговоры о введении запрета на наземные мины, введение ограничений на выбросы, которые содействуют глобальному потеплению, или учреждение Международного уголовного суда, — тем чаще мы видим,

1 Слипченко В. И. Войны шестого поколения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gramotey.com/?open_file=1269091607

2 Эндрус Д., Франклин Д. Мир в 2050 году. — Издательство «Манн, Иванов и Фербер». — 2012. — С. 26.

3 Там же. — С. 45.

4 Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. — М.: Аспект Пресс, 1997. — С. 92.

5 Устав ООН и Статут Международного Суда. — М.: ОПИЗ, 1945. — С. 16–17.

6 Лобарев С. В. Политическая роль новых акторов международных отношений: Автореф. канд... полит. наук. — Москва, 2002 г. — С. 26; Грум Дж. Растущее многообразие международных акторов / Международные отношения: социологические подходы / рук. авт. колл. проф. П. А. Цыганков. — М.: Гардарики, 1998. — С. 222–239.

что в поиске консенсусных решений вместе с суверенными государствами участвуют неправительственные организации...»⁷.

Декларация тысячелетия ООН, утвержденная Резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г.⁸, в п. 30 призывает «предоставить частному сектору, неправительственным организациям и гражданскому обществу в целом более широкие возможности для содействия достижению целей и осуществлению программ ООН». Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. подчеркивает «позитивный вклад частного сектора и гражданского общества, включая неправительственные организации, в поощрение и осуществление программ в областях развития и прав человека и [...] важность их дальнейшего взаимодействия с правительствами, Организацией Объединенных Наций и другими международными организациями»⁹.

В 2014 г. Генеральный Секретарь ООН Пан Ги Мун подчеркнул все возрастающую роль неправительственных организаций и соответственно гражданского общества во всех демократических и развивающихся странах¹⁰. Он признал, что существуют три основных вида деятельности, осуществляя которые, неправительственные организации могут внести свой вклад в широкую область управления конфликтами и построения мира. Ими являются:

1) превентивная дипломатия, поскольку НПО знакомы с положением на местах и имеют возможность обратить внимание правительств на опасность зарождающихся кризисов и возникающих конфликтов;

2) миротворчество, когда НПО могут оказывать гуманитарную и социальную помощь в опасных и сложных условиях;

3) постконфликтное миростроительство, когда НПО могут помочь правительствам и населению обрести уверенность в себе и ресурсы для построения долгосрочного мира.

Важнейшая роль НПО в предотвращении конфликтов была признана различными международными экспертами. Так, в частности, Комиссией глобального управления в докладе «Наш дом — Земля»¹¹ осмысляются опыт и проблемы глобального управления и признается, что «формальные, межправительственные механизмы могут быть лишь частью большей, развивающейся и более динамичной мозаики». Представители Института международных мирных исследований определяют важные области, в которых НПО могут усилить влияние правительств и международных организаций на раннее предупреждение и предотвращение внутренних конфликтов путем «увеличения возможности доступа к сторонам, участвующим в конфликте, и потоку информации о них; более полного реагирования; усиления влияния мирных стратегий через собственные организационные структуры; и создания условий для участия великих держав в крупномасштабных операциях превентивного и спасательного характера»¹².

7 Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятьдесят четвертая сессия. Доклад Генерального секретаря ООН «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке», 2000 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/conferen/millennium/2000-6.html>

8 Декларация тысячелетия ООН 2000 г. Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml

9 Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятьдесят девятая сессия. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. A/60/L.1. п. 172. — С. 45.

10 Встреча Генерального Секретаря ООН с НПО, аккредитованными при ООН. 2014 г. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.whd.ru/secretary>

11 Report of the Commission on Global Governance. ISBN 0-19-827998-1. — Oxford University Press, 2013. — P. 37.

12 Peacekeepers at risk: the lethality of peace operations Jaïr van der Lijn and Jane Dundon. SIPRI Policy Brief. 2013 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sipri.org>

Например, Международный Комитет Красного Креста (МККК) и другие гуманитарные организации играли и играют важнейшую роль в предотвращении конфликтов. МККК¹³, который был основан в 1863 г., работает сегодня по всему миру, оказывая гуманитарную помощь людям, пострадавшим в результате конфликтов и вооруженного насилия, а также распространяя знания о законах, защищающих жертв войны. Он действует в интересах жертв войны; военнопленных, интернированных гражданских лиц, раненых и больных, перемещенных лиц и лиц, оказавшихся на оккупированной территории. Подписывая Женевские конвенции, государства предоставили МККК мандат также и на содействие развитию гуманитарного права и соблюдению его положений, а также на распространение знаний о них среди военных, студентов, школьников, широких слоев общественности.

Большая часть деятельности МККК по предотвращению конфликтов сосредоточена на уменьшении пагубных последствий вооруженных конфликтов за счет сведения их к минимуму. Организация проводит «превентивную гуманитарную дипломатию», которая состоит в глубоком анализе ситуаций, складывающихся в соответствующих регионах, создании организационных структур на местах, привлечении внимания правительств, властей и гражданского общества к их обязанностям в соответствии с международным гуманитарным правом, повышении возможностей местных партнеров и организации систем раннего предупреждения конфликтов¹⁴.

Кроме того, МККК, пользуясь преимуществами своего нейтрального статуса в урегулировании конфликта, может предложить и так называемые добрые услуги противоборствующим сторонам, которые могут, например, заключаться в установлении перемирия или же в создании специальных санитарных и безопасных зон¹⁵.

Деятельность МККК не ограничивается только оперативной деятельностью непосредственно на местах ведения боевых действий. С момента создания члены МККК осознавали важную роль права в деле гуманизации войны и ограничения ее тяжелых последствий. Поэтому содействие развитию международного гуманитарного права является одной из важнейших задач Международного Комитета¹⁶. Это подтверждается определенной классификацией его деятельности:

— по субъектам: МККК действует в отношении покровительствуемых лиц: оказание непосредственной помощи жертвам вооруженных конфликтов: гражданского населения, раненых и больных из состава действующих армий, раненых и больных, лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море, военнопленным); сотрудничает с государствами и международными межправительственными организациями (в качестве технического, правового помощника, посредника или субститута Державы-Покровительницы); устанавливает постоянные связи с институтами гражданского общества (неправительственными организациями, СМИ, университетами, институтами, общеобразовательными учреждениями и т. д.);

— по характеру деятельности: МККК осуществляет оперативную работу (предоставление гуманитарной, медицинской помощи жертвам конфликта, посещение лагерей военнопленных, мест содержания интернированных гражданских лиц, восстановление семейных связей, поиск пропавших без вести и т. д.); оказывает правовую помощь (составление модельных

13 МККК официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.icrc.org/rus/who-we-are/index.jsp>

14 Мандат, цели и задачи МККК [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/who-we-are/mandate/index.jsp>

15 Харрофф-Тавель М. Деятельность Международного Комитета Красного Креста в обстановке насилия внутри страны. — М.: МККК, 1995. — С. 36-37.

16 Семенова Е. С. Роль международного Комитета Красного Креста в развитии и реализации норм международного гуманитарного права: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — С.27.

законов, подготовка проектов международных договоров, организация и проведение встреч экспертов, инициирование совместно со Швейцарским Федеральным Советом международного правового процесса); распространяет знания по МПП в вооруженных силах и среди гражданского населения (проведение экспертных семинаров, лекций, научно-практических конференций, и т.д.); осуществляет мониторинг нарушений норм МПП;

– по объектам: осуществляет защиту прав и свобод человека в условиях вооруженного конфликта; защиту гражданских объектов в период вооруженного конфликта; защиту от военного воздействия природной среды, как части биосферы, необходимой для выживания человека.

Статус нейтральности МККК позволяет ему работать во время вооруженных конфликтов и в обстановке насилия внутри страны в качестве нейтрального посредника. Однако некоторыми учеными неоднократно ставился вопрос о том, должны ли неправительственные организации сохранять нейтральность в условиях конфликта. В частности, в 60-х гг. прошлого века против принципа нейтральности неправительственных организаций в условиях конфликта выступил французский активист Р. Бернард Кушнер — основатель движения «Врачи без границ». Его аргументы сводились к тому, что в условиях осуществляемого геноцида гуманистически ориентированные организации не могут и не должны быть нейтральными¹⁷. Данный тезис впоследствии поддержали и многие другие активисты различных гуманитарных неправительственных организаций, считающие, что «нейтралитет организации рискует стать оправданием ее бездействия» в некоторых ситуациях¹⁸.

На международной арене существует много женских общественных объединений, которые сегодня стремятся действовать в самых разных сферах общественных отношений, в том числе и в урегулировании современных конфликтов. К таким НПО можно отнести самые разные организации, начиная от «Комитета солдатских матерей России» (КСМР), «Международной лиги женщин за мир и свободу» или «Международного альянса женщин», и заканчивая «Международной федерацией женщин с университетским образованием». В качестве примера также можно назвать действия «Комитета солдатских матерей России» в урегулировании чеченского конфликта; сербской неправительственной организации «Zene na delu» (Women at Work) в урегулировании югославского конфликта; МНПО «Autonomous Women's Center Against Sexual Violence» и «Labris», которые в течение нескольких осуществляли доставку гуманитарной помощи гражданскому населению Югославии.

Другим примером организации по содействию и укреплению мира является «Международное ненасилие» — общественное объединение, организованное на принципах самоуправления, и работающего на территории Российской Федерации и СНГ. С 2001 г. «Международное ненасилие» является администрирующим и координирующим агентством Рабочей Группы НПО СНГ по предотвращению и урегулированию конфликтов. Рабочая группа была создана в 1998 г. в рамках процесса региональной конференции по проблемам беженцев, перемещенных лиц и других форм вынужденных переселенцев и Содружестве Независимых Государств и соседних государств (Конференция СНГ по беженцам). Она является формой сотрудничества людей, НПО и ассоциаций НПО из государств и регионов Евразии с целью объединения и координации усилий по предотвращению и урегулированию

конфликтов. За время существования организации активисты «Международного ненасилия» участвовали в миротворческих акциях в зонах грузино-абхазского, молдавско-приднестровского, осетино-ингушского, работали в Чечне, Дагестане и других регионах. Организацией накоплен богатейший практический миротворческий опыт и обширные связи во всех конфликтных регионах бывшего СССР. Это позволяет ей с успехом реализовывать крупные комплексные проекты на региональном уровне.

Федерация мира и согласия (ФМС) — международная неправительственная организация с консультативным статусом при ЭКОСОС и статусом участника Совета Европы. Являясь правопреемницей Советского комитета защиты мира (СКЗМ), ведет свою историю с 27 августа 1949 г. Основной лозунг Федерации — «Мир в собственном доме и во всем мире»¹⁹. ФМС активно способствует урегулированию этнических, социальных, религиозных и других конфликтов, а также борется против любых проявлений ксенофобии, национализма и шовинизма, где бы они ни проявлялись. ФМС постоянно участвует в многочисленных миротворческих акциях, выступает за укрепление режима ядерного нераспространения, за ограничение arsenалов оружия массового уничтожения. ФМС делает все от нее зависящее для укрепления основ международного правопорядка, содействуя мирным и гуманитарным инициативам ООН. ФМС с ее солидным интеллектуальным потенциалом и традициями содействует распространению культуры мира, совмещая ее с традициями России и других стран СНГ, Европы и всего мира и прилагает все больше усилий к тому, чтобы она стала важным фактором сплочения общества, его демократизации и стабильного справедливого развития. ФМС организовывала и проводила общественную экспертизу проектов некоторых важных законов, результаты которой доводятся до сведения не только российских законодателей, но и их коллег из стран СНГ.

На наш взгляд, можно выделить ряд типичных функций, которые на сегодняшний день могут реализовываться различными неправительственными организациями в урегулировании современных конфликтов:

- мониторинг соблюдения прав человека;
- функция нейтрального посредника;
- оказание гуманитарной помощи гражданскому населению;
- функция «взаимодействия» с общественным мнением;
- функция внешнего контроля за конфликтным поведением сторон.
- реабилитационная функция;
- коммуникативная и координационная функция;
- превентивная функция, предполагающая раннее предупреждение конфликта;
- влияние через формирование необходимого общественного мнения на властные структуры государства, от которых зависит принятие того или иного решения.

Говоря о формах деятельности неправительственных организаций в условиях конфликта, исследователи данного вопроса в первую очередь выделяют такие из них, как:

- доставка гуманитарной помощи непосредственно нуждающимся в ней лицам;
- сбор информации о реальном положении дел в зоне конфликта;
- помощь в установлении контактов (как официальных, так и неофициальных) с целью снижения напряженности между участниками конфликта;
- внедрение образовательных программ, ставящих своей целью изменения ориентации людей с конфликтного поведения на поиск согласия;

17 Лебедева М. М. Развитие неофициального посредничества в современном мире: тенденции, проблемы, перспективы // Вестник Московского Университета. Серия 18. — Социология и политология. — 1998. — № 3. — С. 32.

18 Destexhe A. L'humanitaire Impossible en Deux Siecles D'ambiguite. — Pans: Armand. — Colin, 2003. — P. 68.

19 Официальный сайт Федерации мира и согласия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ifpc.ru>

— посещение лагерей беженцев, баз военнопленных с целью осуществления контроля за соблюдением прав человека в период конфликта, а также после его урегулирования;

— поиск лиц, пропавших без вести в период конфликта;

— организация форумов и семинаров для предоставления возможности высказаться и обсудить спорные проблемы представителям всех сторон конфликта, с целью достижения согласия, снижения напряженности между конфликтующими сторонами, а также составления «истории болезни конфликта», с которой согласились бы все стороны.

Однако, безусловно, не следует идеализировать неправительственные организации и слишком преувеличивать их роль в урегулировании современных конфликтов. Нередко преимуществами, которыми обладают неправительственные организации, являются одновременно и недостатками деятельности НПО в урегулировании современных конфликтов, в числе которых можно назвать следующие:

— Во-первых, действуя на уровне отдельных общин, неправительственные организации порой с трудом видят целостную картину конфликта.

— Во-вторых, слабой стороной деятельности НПО нередко является и то, что одновременно в конфликт вовлекается слишком много неправительственных организаций. Например, только в конфликте в Руанде в 1994 году насчитывалось порядка ста неправительственных организаций.

— В-третьих, подобная ситуация обычно порождает определенные трудности, связанные со взаимодействием неправительственных организаций, а также выработкой единой программы воздействия на конфликт²⁰.

— В-четвертых, одной из проблем деятельности неправительственных организаций может явиться то, что их представители не всегда оказываются хорошо подготовленными с профессиональной точки зрения.

Влияние международных неправительственных организаций на решение международных проблем, их активное участие в различных сферах международного сотрудничества неизбежно актуализирует проблему определения их международно-правового статуса.

Например, МККК, как международная гуманитарная организация, занимает совершенно особое положение в силу того, что он признан в качестве самостоятельной единицы с особым статусом (статусом *sui generis*) и пользуется рядом привилегий в рамках действия международного права, обладает также особыми правами, которыми был наделен на основе четырех Женевских конвенций 1949 г.²¹

Относительно той роли, которую играют гуманитарные организации в ходе вооруженных конфликтов, ведется длительная полемика. Их деятельность не всегда оценивается адекватно. С одной стороны, речь идет о том, каким организациям можно разрешить осуществлять гуманитарные миссии, связанные с правами человека. А с другой стороны, — встает вполне очевидный вопрос: каким образом следует организовать эту работу с тем, чтобы гуманитарные организации сами не способствовали нарушениям прав человека? Эти два аспекта одной проблемы зачастую смешивают, заявляя, что в основе деятельности всех гуманитарных организаций должен лежать принцип уважения прав человека.

Если исходить из того, что в своей деятельности гуманитарные организации должны руководствоваться принципами, закрепленными в международных конвенциях о правах

человека, такой подход должен подразумевать действия этих организаций по предотвращению и выявлению случаев их нарушения. Если это происходит, то работа НПО может привести к положительным результатам, и в таком случае можно говорить о полезной координации²² деятельности гуманитарных организаций.

В течение определенного времени гуманитарные организации рассматривали вопрос о создании собственной системы отчетности, прежде всего, в условиях вооруженных конфликтов²³. В результате одной из инициатив, предпринятых в этом направлении, появился проект «Сфера», в рамках которого была создана Гуманитарная хартия, в которой были изложены три наиболее важные области ответственности гуманитарных организаций. Каждая из этих областей относится к сфере международных правовых обязательств, применимых к правительствам и негосударственным субъектам. В Гуманитарной хартии нашло свое отражение фундаментальное значение права на достойные условия жизни. Такое право отражено в международных правовых нормах, касающихся обеспечения права на жизнь, на достойный человека уровень жизни, на свободу от жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения или наказания. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам считает, что данное право также включает право на достаточное жилище²⁴, право на питьевую воду²⁵, право на питание²⁶.

Думается, что право человека на жизнь также подразумевает право на принятие мер, направленных на защиту жизни в тех случаях, когда для нее возникает угроза, а также подразумевает обязанность других по принятию таких мер. С этим непосредственно связана и обязанность по оказанию помощи ради спасения жизни. Кроме того, в МПП особо выделены нормы, касающиеся оказания помощи гражданскому населению во время вооруженных конфликтов, в соответствии с которыми государство, как сторона конфликта, обязано давать разрешение на оказание гуманитарной и беспристрастной помощи.

Упомянутые проблемы деятельности НПО в урегулировании конфликтов стали, например, причиной того, что американской неправительственной организацией «Взаимодействие» (InterAction) была разработана программа подготовки персонала неправительственных организаций, занимающихся вопросами здравоохранения в сложной чрезвычайной обстановке.

Кроме того, организация «Взаимодействие» выступила в 1998 г. с инициативой принятия соответствующего Протокола о сотрудничестве неправительственных организаций и согласованности их действий. Протокол обязывает организации, подписавшие его, давать указания руководителям своих представительств на местах о том, чтобы они стремились достичь согласия со своими коллегами в районах конфликтов по ряду вопросов, потенциально вызывающих разногласия. Данный протокол может быть подписан любой неправительственной организацией²⁷. Такой документ призван регулировать и вопрос о взаимоотношениях неправительственных организаций с официальными структурами в зонах деятельности НПО.

22 Bouchel-Saulnier F. The principles and practices of «rebellious humanitarianism» // International Activity Report. 2000 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://web.archive.org/web/2001/041/036>

23 International Council on Human Rights Policy. Deserving Trust: Issues of Accountability for Human Rights NGO's (Draft Report). — Versoix: ICHRP, 2013. — P. 41–45.

24 Право на достаточное жилище. Изложение фактов № 21 // Rev. 1. ООН, УВКПЧ. — Женева, 2010. С. 67.

25 The rights to water. Fact sheet № 35. UN. OHCHR. — Geneva, 2010. — P. 22.

26 The rights to adequate food. Fact sheet № 34. UN. OHCHR. — Geneva, 2010. — P. 53.

27 Доклад о глобальных катастрофах 2013 года. — М.: Международная федерация Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, 2013. — С. 90.

20 Natsios A. S. An NGO Perspective / Managing Global Chaos: Sources of and Responses to International Conflict / Ed. by Ch. A. Crocker and F. O. Hampson with P. Aall — Washington D. C.: United States Institute of Peace Press, 2006. — P. 344.

21 See: The Code of Conduct for the International Red Cross and Crescent Movement and NGOs in Disaster Relief // Humanitarian Charter and Minimum Standards of Disaster Response. — Oxford, 2010. — P. 312–322.

И этот аспект проблемы также заставляет обратить на себя внимание, поскольку контакты официальных властей с НПО строятся далеко не всегда просто. Официальные власти часто стараются ограничить деятельность неправительственных организаций в зонах конфликтов, рассматривая ее (иногда не без основания) как вмешательство во внутренние дела государства.

В контексте разрешения представленной к изучению проблемы предлагаются определенные рекомендации, направленные на превенцию конфликта путем анализа законодательства стран СНГ:

- независимая правовая экспертиза законов и законопроектов, анализ соответствия национальных законодательств международным нормам и стандартам в области предупреждения и урегулирования конфликтов,

- подготовка и внесение конкретных рекомендаций к законопроектам, направленных на предупреждение возможных конфликтов и конфликтного напряжения;

- обращение в международные организации с целью привлечения внимания к существующим проблемам,

- проведение совместных акций НПО, направленных на обмен опытом по использованию национального законодательства в сфере предупреждения и решения различных типов конфликтов.

В сфере реализации проектов, направленных на защиту прав человека, выделены аспекты, повышающие эффективность работы НПО:

- расширение сети НПО, специализированных в сфере предоставления правовой помощи населению;

- широкое информирование об услугах (консультации, лоббирование интересов; представление и защита интересов в судах).

В системе Организации Объединенных наций на сегодняшний день, к сожалению, отсутствует рабочий механизм для предотвращения насильственных конфликтов, возникающих не на уровне межгосударственных отношений, а внутри самого сообщества. Межгосударственный формат самой ООН не должен препятствовать поддержке такой работы на уровне гражданских структур в конфликтных и потенциально конфликтных регионах.

Рекомендациями для ООН могли бы стать следующие идеи:

- Создать в системе ООН сеть институтов, специализирующихся на проблематике предотвращения и урегулирования конфликтов и работающими непосредственно с местными сообществами и гражданскими структурами в конфликтных регионах. Для той цели предлагается, в качестве первого шага, расширить мандат и возможности существующих в системе ООН институтов для работы в этой сфере. В перспективе абсолютно необходимо создание специального института (агентства) ООН, работающего в сфере предотвращения вооруженных конфликтов на самых различных уровнях, в особенности — на уровне местных сообществ и гражданских организаций.

- Ввести в рамках ООН практику совместных обращений к странам-донорам и организациям-донорам для поддержки объединенных программ действий неправительственных организаций и международных институтов по содействию снижению напряженности в регионах, где имеют или могут иметь место насильственные конфликты (по примеру совместных гуманитарных призывов).

- Проводить регулярные консультации между институтами системы ООН и гражданскими организациями, работающими в сфере предотвращения и урегулирования конфликтов, с целью анализа ситуации, выявления конфликтного потенциала и определения направлений совместных действий по предотвращению насилия.

- Поддерживать существующие сети миротворческих организаций, а также развивать организацию и проведение общественных миротворческих и мониторинговых миссий

различного типа и формата. Такие миссии могут обеспечить эффективное использование миротворческого потенциала общественных организаций в сферах мониторинга, анализа, обмена опытом, а также при необходимости быстрого реагирования на развивающуюся кризисную ситуацию. Участие гражданского общества в миротворческих миссиях важно и полезно, и, таким образом, оно требует разработки единых подходов и процедур;

- Создать в структуре ООН постоянную Рабочую группу общественных экспертов по управлению (регулированию) и предотвращению конфликтов, которая будет укреплять взаимодействие НПО и международных организаций.

Рассмотрев специфические функции и формы деятельности НПО в урегулировании современных политических конфликтов, можно прийти к следующему выводу о том, что новые проблемы, а также специфические особенности современного этапа развития международных отношений (в первую очередь, проблема урегулирования современных конфликтов) демонстрируют возникшую необходимость в появлении новых акторов в системе международных отношений. Пик темпов роста численности НПО приходится на рубеж тысячелетий, и связан он с изменениями в системе международных отношений последних лет, с определенной востребованностью такого рода субъектов в мировой политике.

Факт того, что в международных отношениях существует особая тенденция возникновения разного рода неправительственных организаций в качестве специфической реакции общества на те или иные конфликты (например, „Международный Комитет Красного Креста“ (МККК) начал свое существование в результате конкретного конфликта — битвы при Сольферино²⁸, „Комитет солдатских матерей России“ (КСМР) также появился как реакция на конфликт в Чечне, поводом к возникновению российского неформального объединения „Братья сербов“ послужил югославский конфликт и так далее), говорит об особой востребованности участия данного типа негосударственных акторов в системе международных отношений.

Раннее предупреждение и превентивные меры имеют смысл только в том случае, если они осуществляются в тесном взаимодействии с другими внешними структурами. Именно с этой целью Комиссия Карнеги рекомендует проводить ежегодные координационные встречи НПО: «Руководство крупных всемирных гуманитарных НПО должно договориться о регулярных встречах — по крайней мере, ежегодных — для обмена информацией, сокращения дублирующих действий, принятия общих норм деятельности во время кризисов. Это сотрудничество должно вести непосредственно к созданию более широких связей неправительственных организаций с местными НПО, находящимися в регионах возможных кризисов, правозащитными группами, гуманитарными организациями, организациями, занимающимися проблемами развития, и организациями, осуществляющими неформальную дипломатию, содействующую предотвращению и разрешению конфликтов»²⁹.

Таким образом, возможности международного сообщества предотвращать конфликты становятся все более ограниченными. Традиционные стратегические средства государств, такие как дипломатия сдерживания и меры принуждения, становятся значительно менее результативными и пригодными. Повышение эффективности институтов гражданского общества, в том числе НПО, усиление их взаимодействия с государственными органами и международными организациями, многостороннее сотрудничество может способствовать предотвращению и разрешению конфликтов, особенно в случаях, когда

28 Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино. — СПб., 1993.

29 Таннер Ф. Предотвращение конфликтов и разрешение конфликтов: пределы многостороннего участия // Международный журнал Красного Креста. — 2000. — № 839. — С. 67.

международные организации не имеют полномочий действовать по своему усмотрению, а государственная власть является одним из участников конфликта либо страдает дефицитом доверия со стороны населения.

Можно надеяться, что правительства все большего числа государств будут считаться с мнением общественных организаций и привлекать их к процессу разработки и принятия решений.

Пристатейный библиографический список

1. Встреча Генерального Секретаря ООН с НПО, аккредитованными при ООН. 2014 г. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.whd.ru/secretary>
2. Декларация тысячелетия ООН 2000 г. Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
3. Доклад о глобальных катастрофах 2013 года. — М.: Международная федерация Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, 2013.
4. Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино. — СПб., 1993.
5. Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. — М.: Аспект Пресс, 1997.
6. Лебедева М. М. Развитие неофициального посредничества в современном мире: тенденции, проблемы, перспективы // Вестник Московского Университета. Серия 18. — Социология и политология. — 1998. — № 3.
7. Лобарев С. В. Политическая роль новых акторов международных отношений: Автореф. канд... полит. наук. — Москва, 2002.
8. Грум Дж. Растущее многообразие международных акторов / Международные отношения: социологические подходы / рук. авт. колл. проф. П. А. Цыганков. — М.: Гардарика, 1998.
9. Мандат, цели и задачи МККК [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/who-we-are/mandate/index.jsp>
10. МККК официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.icrc.org/rus/who-we-are/index.jsp>
11. Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятьдесят четвертая сессия. Доклад Генерального секретаря ООН «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке», 2000 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/conferen/millennium/2000-6.html>
12. Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятьдесят девятая сессия. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. A/60/L.1. п. 172.
13. Официальный сайт Федерации мира и согласия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ifrc.ru>
14. Право на достаточное жилище. Изложение фактов № 21 // Rev. 1. ООН, УВКПЧ. — Женева, 2010.
15. Семенова Е. С. Роль международного Комитета Красного Креста в развитии и реализации норм международного гуманитарного права: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2009.
16. Слипченко В. И. Войны шестого поколения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gramotey.com/?open_file=1269091607
17. Таннер Ф. Предотвращение конфликтов и разрешение конфликтов: пределы многостороннего участия // Международный журнал Красного Креста. — 2000. — № 839.
18. Устав ООН и Статут Международного Суда. — М.: ОГИЗ, 1945.
19. Харрофф-Тавель М. Деятельность Международного Комитета Красного Креста в обстановке насилия внутри страны. — М.: МККК, 1995.
20. Эндриус Д., Франклин Д. Мир в 2050 году. — Издательство «Манн, Иванов и Фербер». — 2012.
21. Bouchel-Saulnier F. The principles and practices of «rebellious humanitarianism» // International Activity Report. 2000 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://web.archive.org/web/2001/041/036>
22. Destexhe A. L'humanitaire Impossible en Deux Siecles D'ambiguite. — Pans: Armand. — Colin, 2003.
23. International Council on Human Rights Policy. Deserving Trust: Issues of Accountability for Human Rights NGO's (Draft Report). — Versoix: ICHRP, 2013.
24. Natsios A. S. An NGO Perspective / Managing Global Chaos: Sources of and Responses to International Conflict / Ed. by Ch. A. Crocker and F. O. Hampson with P. Aall — Washington D. C.: United States Institute of Peace Press, 2006.
25. Peacekeepers at risk: the lethality of peace operations Jair van der Lijn and Jane Dundon. SIPRI Policy Brief. 2013 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sipri.org>
26. Report of the Commission on Global Governance. ISBN 0-19-827998-1. — Oxford University Press, 2013.
27. The Code of Conduct for the International Red Cross and Crescent Movement and NGOs in Disaster Relief // Humanitarian Charter and Minimum Standards of Disaster Response. — Oxford, 2010.
28. The rights to adequate food. Fact sheet № 34. UN. OHCHR. — Geneva, 2010.
29. The rights to water. Fact sheet № 35. UN. OHCHR. — Geneva, 2010.

Криворучко О. А.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОСНОВАНИЙ ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья содержит анализ трех проблемных вопросов в области оснований применения международных договоров российскими правоприменителями на примере арбитражных судов: различные классификации международных договоров в международной правовой системе и национальной; различия в понимании и регламентации процедуры официального опубликования международных договоров; несогласованность совокупности оснований применения международных договоров. Все проблемные вопросы имеют общую базу и их разрешение должно иметь комплексный подход.

Ключевые слова: международный договор, правоприменитель, правовая система, арбитражные суды, основания применения.

Криворучко О. А.

PROBLEM QUESTIONS OF THE GROUNDS FOR APPLICATION OF INTERNATIONAL TREATIES BY COMMERCIAL COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article contains the analysis of three problem issues concerning the grounds of application of international treaties by the Russian law enforcers on example of commercial courts: different classifications of international treaties in international and national legal systems; differences in understanding and regulating the procedure of the official publication of international treaties; lack of coordination of the complex of grounds for application of international treaties. All the problems have a common base and their resolution should have an integrated approach.

Keywords: international treaty, enforcer, legal system, commercial courts, grounds for application.

Криворучко О. А.

В соответствии со ст. 118 Конституции Российской Федерации¹ и п. 3 ст. 1 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства². Таким образом, арбитражное судопроизводство (как разновидность гражданского судопроизводства) является одним из видов осуществления судебной власти в Российской Федерации.

Согласно п. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона «О судебной системе» судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных, народных и арбитражных заседателей.

В ст. 4 Проекта статей «Ответственность государств за международно-противоправные деяния», принятого резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 56/589 от 12.12.2001 г., предусмотрено, что поведение любого органа государства должно рассматриваться как деяние этого государства в соответствии с международным правом независимо от того, осуществляет этот орган законодательные, исполнительные, судебные или любые иные функции, независимо от положения, занимаемого им в организации государства, и независимо от его характера как органа центральной власти или административно-территориального деления государства (п. 1)³.

Реализуя от имени государства властную функцию, арбитражные суды становятся правообязанными по соблюдению включенных в установленном порядке в правовую систему России общепризнанных принципов и норм международного права, в том числе содержащихся в международных договорах. Такая правовая обязанность обусловлена комплексом между-

народных и внутригосударственных правовых оснований для применения соответствующих норм.

В самом обобщенном виде данный комплекс оснований международного характера: общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры, международные обычаи и решения Европейского суда по правам человека. К правовым основаниям национального характера отнесем основные принципы права, конституционные положения, нормы остальных источников российского права в их иерархической последовательности и руководящие разъяснения высших судебных инстанций.

Российская Федерация является участницей огромного количества международных договоров различного качества — двухсторонних, многосторонних, регулирующих самые разнообразные области интересов. В такой ситуации невозможно преувеличить особую значимость обеспечения надлежащего исполнения нашим государством своих международно-правовых договорных обязательств.

Рост взаимозависимости государств и народов и обусловленная этим потребность в расширении сферы и повышении интенсивности взаимодействия международного и национального права побуждают государства использовать правовые методы и формы, облегчающие и упрощающие сам механизм этого взаимодействия. При этом сохраняется сам принцип взаимодействия, объективно обусловленный самостоятельностью системы международного и системы национального права⁴.

Однако существуют обстоятельства, значительно усложняющие как сам процесс применения норм международных договоров Российской Федерации, так и доктринальные изыскания по поводу обеспечения российских судов четкими рекомендациями и надлежащей «помощью» при отправлении правосудия в контексте регулирования международных договоров. (Автором не отрицается независимость судей при отправлении правосудия, термин «помощь» здесь употреблен в значении обеспечения аппарата суда должными средствами отыскания

1 Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 года // Справ. — правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.03.2014).

2 Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Справ. — правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.03.2014).

3 56-я сессия (2001–2002 годы) Генеральной ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/ga/sixth/56/sixth_res.shtml

4 Усенко Е. Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российской конституция // Московский журнал международного права. — М., 1995. — № 2. — С. 15–16.

текста действующего международного договора, его адекватного комментария, обобщения общепризнанной практики, получения квалифицированного заключения по спорному вопросу в отношении подлежащего применению международного договора и пр.)

Общим для предлагаемых далее проблемных вопросов представляется объективное основание их возникновения — базовые, фундаментальные различия международной и российской национальной правовых систем.

Начнем с проблемы различия в понимании видов международных договоров, суть которой состоит в следующем.

Как известно, механизм согласования, увязки международного и национального права базируется на принципе, что государство обеспечивает выполнение международного договора всеми находящимися в его распоряжении властными действиями в соответствии с конституционными и иными предписаниями⁵.

Действующее международное право по-разному классифицирует международные договоры: по количественному составу — двусторонние и многосторонние; по объекту — политические, экономические, социальные и др., по субъектам — межгосударственные и договоры, заключенные между государствами и международными организациями или между международными организациями. Возможны и иные классификации. Однако отсутствует в международном праве классификация международных договоров по органу, действующему от имени государства при его заключении. И такое положение вещей вполне оправданно, поскольку государство как суверенное образование свободно в определении своих органов, уполномоченных от его имени выступать в международных сношениях, в том числе и в определении внутригосударственных процедур по приведению в исполнение международного договора. Если возможна такая аналогия, то государство на публичной международной арене выступает как юридическое лицо в частных правоотношениях, то есть единое образование, обладающее собственной волей, олицетворенное в своих органах.

Между тем, согласно ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»⁶ международные договоры России заключаются на трех уровнях: от имени РФ (межгосударственные договоры), от имени Правительства РФ (межправительственные договоры), от имени федеральных органов исполнительной власти или уполномоченных организаций (договоры межведомственного характера).

На основании этого в юридической науке устоялось мнение о том, что «в российскую правовую систему входят три типа международных договоров». Автор озабоченного утверждения, конечно, в последующем указывает, что эти три типа международных договоров «в широком смысле все являются межгосударственными договорами, т.е. международными договорами государства как субъекта международного права, которое и несет ответственность за их выполнение»⁷. Несмотря на это, действующее российское законодательство предлагает именно такую классификацию международных договоров Российской Федерации и соответствующие данной классификации юридические последствия (юридическая сила договора, порядок его

введения в правовую систему и исполнения, взаимодействия его норм с нормами национального права).

Однако такая классификация, как мы отметили выше, отсутствует в международном праве, которое является той правовой системой, которая устанавливает руководящие основы функционирования данного источника норм права.

Как справедливо подчеркивает Б. Л. Зимненко, «международное право исходит из того, что международный договор может быть заключен исключительно субъектом международного права. Ни правительство, ни тем более министерство, ведомство, иной государственный орган и/или орган государственной власти не имеют право заключать международные договоры от своего имени. В связи с этим приведенная в ст. 3 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» «классификация международных договоров в зависимости от того, кем был заключен договор, и, как следствие, наименование договора соответственно межгосударственным, межправительственным или договором межведомственного характера является алогичной, не вполне соответствующей общепризнанным нормам международного права, действующим в сфере права международных договоров»⁸. При этом автор отмечает, что озабоченный «Закон мог бы указать перечень лиц, государственных органов, имеющих возможность участвовать в заключении международных договоров от имени Российской Федерации, не подразделяя международные договоры на межгосударственные, межправительственные, договоры межведомственного характера»⁹.

Такое предположение ученого в целом оправданно и закономерно. Даже принимая во внимание предоставленную международным правом каждому государству свободу в определении порядка и способов обеспечения исполнения международных договорных обязательств, следует понимать, что международные договоры являются источниками международного права и их характеристики, предполагающие, в том числе, классификацию, определяются именно в международной правовой системе. Внутригосударственная правовая система должна воспринимать и применять данные источники права в итоговом сформированном варианте и не должна вмешиваться в их качественные характеристики.

Вместе с тем, очевидно, что государство выступает как субъект права через свои органы и должностных лиц.

Система и структура органов и должностных лиц государства построена таким образом, что каждое звено специализируется и, соответственно, отвечает за определенный круг вопросов. Такая организация оптимально обеспечивает рациональное законотворчество, правоприменение и иные правовые и неправовые процессы в правовой системе.

Международные договоры с течением времени охватывают все больший спектр вопросов и областей деятельности субъектов как международного, так и национального права, в связи с чем участие каждого государства в создании международных договорных норм и придании им юридической силы (то есть в процессе заключения международных договоров) закономерно должно обеспечиваться через специализированные органы.

Предполагаем, что именно о такой специализации говорит профессор Б. Л. Зимненко, предлагая отразить ее в законе о международных договорах Российской Федерации. Это в полной мере будет соответствовать принципу добросовестного исполнения государством своих обязательств. Узкоспециальный орган или должностное лицо обладает всей полнотой информации о состоянии дел в предполагаемой для урегулирования международным договором области.

Придание особого статуса или нивелирование регулирующего эффекта международного договора в зависимости

5 Международное публичное право: Учебник / Под ред. Л. П. Ануфриевой, Д. К. Бекашева, К. А. Бекашева, В. В. Устинова [и др.]. — М., 2005. — С. 112.

6 Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» //Собрание законодательства Российской Федерации. — 17.07.1995. — № 29. — С. 2757.

7 См.: Морозов А. Н. Реализация международных договоров в Российской Федерации: правовые основания// Журнал российского права. — М., 2009. — № 2. — С. 100–110 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.juristlib.ru/book_3774.html (дата обращения 29.09.2014).

8 Зимненко Б. Л. Международное право и правовая система Российской Федерации/Курс лекций: общая часть. — М., 2010. — С. 277.

9 Зимненко Б. Л. Указ. соч. — С. 277.

от уровня принятия решения о его обязательности для государства является совершенно необоснованным.

В таком случае, дабы избежать возможного неисполнения международных договорных обязательств, в национальном законодательстве можно также закрепить правило о том, что согласие на обязательность всех международных договоров дает высшее должностное лицо государства, в то время как на стадии согласования положений договоров принимают участие специализированные органы и должностные лица.

В числе рассматриваемых проблемных вопросов необходимо выделить также проблему официального опубликования международных договоров Российской Федерации, которая состоит в следующем.

Современная доктрина исходит из того, что международные договоры, в которых участвует Российская Федерация, действуют при соблюдении определенных условий: при выраженном в определенном порядке согласии Российской Федерации на обязательность для нее международного договора, самоисполнимости положений данного договора, а также если международный договор официально опубликован¹⁰.

Требование опубликования, обнародования договоров вытекает из одного из важнейших принципов права, признанных цивилизованными нациями, в соответствии с которым субъект права обязан соблюдать лишь те нормы права, которые опубликованы в общедоступной форме. «Закон не обязывает, если он не опубликован» (*non obligat lex nisi promulgata*). Коль скоро договор является непосредственно применимым, то он подлежит опубликованию так же, как и закон. В противном случае суд не вправе его применять¹¹.

При этом профессор А. Н. Галенская совершенно обоснованно констатирует, «что договор, о наличии которого не доведено до сведения непосредственных исполнителей, не может быть ими исполнен, а это означает, что неисполнение конкретными лицами международного договора автоматически влечет нарушение этого договора со стороны государства. Из этого следует, что опубликование договора является одним из условий его добросовестного выполнения, но само по себе не влияет на его действительность»¹².

Отметим, что проблема официального опубликования международных договоров Российской Федерации не нова в науке, но практика применения норм международных договоров свидетельствует о том, что, несмотря на имевшиеся теоретические разработки, данная проблема для российских судей остается актуальной.

С. Ю. Марочкин до изменений законодательства по данному вопросу в 2012 г. обращал внимание на имевшиеся здесь существенные противоречия — на тот момент было предусмотрено два момента: международные договоры публикуются одновременно с законом о ратификации, а также опубликованию подлежат вступившие в силу международные договоры. «На самом деле, — подчеркивает автор, — это не происходит ни в первый, ни во второй обозначенные моменты. Закон о ратификации конкретного договора в «Собрании законодательства РФ» сопровождается пояснением — текст договора будет опубликован после вступления его в силу для РФ. Реально же он появляется много времени спустя даже после вступления

в силу, несмотря на то, что договор уже действует и порождает юридические последствия».¹³

Это хорошо, если начало действия договора согласовано сторонами в зависимости от вступления его в силу; в таком случае, установив обстоятельство невступления в силу договора, суд может его не применять, но если договор не содержит такой ссылки, то в период его действия он может быть применен, несмотря на отсутствие его публикации — но это прямое нарушение российского основного закона и общепризнанных принципов международного права.

Также, по мнению С. Ю. Марочкина, в ряде источников официального опубликования текстов международных договоров «следовало указать и «Российскую газету» как официальный источник опубликования, в которой (а также в Ведомственном приложении к ней) публикуются некоторые договоры, в том числе затрагивающие права человека, что непосредственно важно для судов»¹⁴.

На сегодняшний день в законодательстве России принцип о том, что договор не может быть применен внутри страны, пока он не опубликован, сохранен и, более того, поднят на конституционный уровень. Однако Конституция Российской Федерации не содержит формального требования опубликования международных договоров, за исключением косвенного требования, выраженного в ч. 3 ст. 15: любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

Общепринято считать, что данное конституционное положение в полной мере распространяется и на международные договоры¹⁵.

Конституцию Российской Федерации очень значимо дополняет Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации», который напрямую связывает непосредственное действие международных договоров с необходимостью опубликования. Данный Закон в п. 3 ст. 5 устанавливает, что положения официально опубликованных международных договоров в РФ, не требующие издания внутренних государственных актов для применения, действуют в РФ непосредственно.

В 2012 г. Конституционным Судом Российской Федерации принято Постановление по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова¹⁶. Среди прочего в данном постановлении отмечено, что вступившие в силу международные договоры Российской Федерации, в том числе затрагивающие права, свободы и законные обязанности человека и гражданина, подлежат обязательному официальному опубликованию в установленном порядке, без чего они не могут считаться удовлетворяющими принципам правового государства, юридиче-

10 См. об этом: Марочкин С. Ю. Применение судами России норм международного права: десять лет после принятия Конституции РФ // Российский ежегодник международного права. — СПб., 2003. — С. 71–72; Марочкин С. Ю. Какие международные нормы и договоры подлежат применению судами // Арбитражный и гражданский процесс. — М., 2005. — № 1. — С. 44.

11 Лукашук И. И. Международное право в судах государств. — СПб., 1993. — С. 133.

12 Галенская А. Н. Применение норм международных договоров в арбитражной практике // Журнал международного частного права. — СПб., 1997. — № 3 (17). — С. 5–6.

13 Марочкин С. Ю. Законодательное, доктринальное и практическое освоение конституционного принципа о нормах международного права в правовой системе России // Применение международных договоров в области прав человека в правовой системе Российской Федерации: Материалы научно-практической конференции. — Екатеринбург, 2003. — С. 61.

14 Марочкин С. Ю. Какие международные нормы и договоры подлежат применению судами // Арбитражный и гражданский процесс. — М., 2005. — № 1. — С. 47.

15 Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий // Под общ. ред. Б. Н. Топорнина, Ю. М. Батурина, Р. Г. Орехова. — М., 1997. — С. 109.

16 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.03.2012 № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова». Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.10.2013).

ского равенства и правовой определенности как необходимым конституционным критериям защиты прав и свобод человека и гражданина на территории Российской Федерации.

Возможно, именно это решение, хотя не исключено, что и отдельные теоретические разработки, повлияли на принятие изменений в законодательстве России об официальном опубликовании.

Статьей 30 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» (в редакции от 25.12.2012) предусмотрено следующее:

«1. Вступившие в силу для Российской Федерации международные договоры, решения о согласии на обязательность которых для Российской Федерации приняты в форме федерального закона, подлежат официальному опубликованию по представлению Министерства иностранных дел Российской Федерации в Собрании законодательства Российской Федерации.

2. Вступившие в силу для Российской Федерации международные договоры (за исключением договоров межведомственного характера) по представлению Министерства иностранных дел Российской Федерации также официально опубликовываются в Бюллетене международных договоров и размещаются (опубликовываются) на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

2.1. Международный договор, который предусматривает до вступления в силу временное применение Российской Федерацией всего договора или его части либо договоренность о временном применении которого достигнута каким-либо иным образом (за исключением договоров межведомственного характера), незамедлительно подлежит по представлению Министерства иностранных дел Российской Федерации официальному опубликованию в Бюллетене международных договоров и размещению (опубликованию) на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

3. Международные договоры Российской Федерации межведомственного характера опубликовываются по решению федеральных органов исполнительной власти или уполномоченных организаций, от имени которых заключены такие договоры, в официальных изданиях этих органов»¹⁷.

Первичный анализ данной статьи показывает в первую очередь очередное дублирование данной нормой принятой нашим законодателем классификации международных договоров, которая была проанализирована нами в рамках первого вопроса, а также соответствующих ей юридических последствий в виде порядка опубликования.

Что же мы еще имеем в действующем законодательстве России в отношении данного вопроса?

Согласно абзацу 3 ст. 3 Федерального закона «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» международные договоры, ратифицированные Федеральным Собранием, публикуются одновременно с федеральными законами об их ратификации¹⁸.

Отметим, что ст. 4 данного Закона предусматривает, что официальным опубликованием федерального конституционного закона, федерального закона, акта палаты Федерального Собрания считается первая публикация его полного текста в «Парламентской газете», «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» или первое разме-

щение (опубликование) на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Хотя международные договоры в перечислении не указаны, следует полагать, что таким образом дано официальное толкование нормативному содержанию понятия «официальное опубликование», в том числе, в их отношении.

При этом справочно-правовая система по вопросу об источниках официального опубликования международных договоров отсылает нас к Указу Президента РФ «О порядке опубликования международных договоров Российской Федерации» 1993 г.

Приведем содержание означенного Указа:

«1. Вступившие в силу для Российской Федерации международные договоры (кроме договоров межведомственного характера) подлежат официальному опубликованию в ежемесячном «Бюллетене международных договоров» издательства «Юридическая литература» Администрации Президента Российской Федерации, а в необходимых случаях также в газете «Российские вести». Упомянутый порядок распространяется на международные договоры Российской Федерации, которые заключены или присоединение к которым осуществлено начиная с 1 января 1992 г.

Международные договоры Российской Федерации могут доводиться до всеобщего сведения иными средствами массовой информации и издательствами.

2. Опубликование международных договоров Российской Федерации, предусмотренное пунктом 1 настоящего Указа, осуществляется по представлению Министерства иностранных дел Российской Федерации, в необходимых случаях — совместно с Министерством внешних экономических связей Российской Федерации, Государственным комитетом Российской Федерации по экономическому сотрудничеству с государствами — членами Содружества или другими заинтересованными центральными органами федеральной исполнительной власти.

3. Международные договоры Российской Федерации, заключенные от имени министерств и других центральных органов федеральной исполнительной власти (договоры межведомственного характера), публикуются в официальных изданиях этих органов»¹⁹.

Таким образом, налицо в очередной раз определение юридических последствий для международных договоров, исходя из уровня органа, участвующего от имени Российской Федерации в их заключении. Отсутствует в этом документе четкая процедура опубликования и доведения до всеобщего сведения международных договоров Российской Федерации, совершенно не определены сроки данной процедуры.

В итоге имевшиеся в достаточном количестве теоретические разработки и практические советы на момент принятия изменений российским законодателем не были учтены. Так, не была указана «Российская газета» в числе источников официального опубликования, не установлены единые сроки официального опубликования международных договоров, сохранена рассмотренная нами выше классификация международных договоров и соответствующее их деление в части порядка и мест официального опубликования.

Прогрессивным моментом проведенных нововведений можно считать признание в качестве официального источника размещения официального сайта в сети Интернет — такое опубликование, очевидно, призвано быть оперативным. Однако анализ указанного сайта²⁰ показывает, что на нем опубликованы не все действующие для России международные договоры, а лишь за последние три месяца, хотя с момента вступления в силу изменений прошло уже более года. Таким

17 Справ. — правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.01.2014).

18 Федеральный закон от 14.06.1994 года № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» (в редакции Федерального закона от 25.12.2012 № 254-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 20.06.1994. — № 8. — С. 801.

19 Указ Президента Российской Федерации от 11.01.1993 № 11 «О порядке опубликования международных договоров Российской Федерации» // Справ. — правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.01.2014).

20 Дата обращения к Интернет ресурсу 21.03.2014.

образом, российскому правоприменителю, видимо, требуется определенный переходный период для освоения данного ресурса, а разработчикам или координаторам необходимо оперативно размещать на нем соответствующие нормативные правовые акты.

Необходимо понимать, что осведомленность судебного корпуса очень значима. Однако осведомленность частных лиц (юридических и физических) как о процессуальных, так и материальных нормах права имеет не меньшее значение. Презумпция осведомленности частных лиц о нормах права, закрепляющих права, свободы и законные интересы, в значительной мере зависит от соблюдения государством принятых на себя обязательств по официальному опубликованию нормативно-правовых актов. Безусловно, появление специализированных правовых баз «КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс» и др., а также широкого распространения сети Интернет значительно облегчает отыскание правовой информации, в том числе текстов нормативных правовых актов. Но необходимо четко понимать, что получение информации и официальное опубликование — это разнопорядковые явления, влекущие различные правовые последствия, при этом только последнее имеет способность породить какие-либо правовые последствия.

Следует согласиться с мнением Ю. Г. Морозовой (высказанным еще более 10 лет назад) о назревшей необходимости законодательного урегулирования вопросов официального опубликования нормативных правовых актов в Российской Федерации, а также возможности опубликования «любых международных актов, в частности международных организаций и международных судов»²¹.

С одной стороны — неисполнение внутригосударственной процедуры по обеспечению российского правоприменителя возможностью должного применения международного договора, вступившего в силу для государства, является основанием для ответственности именно государства как участника международных отношений, нарушившего принципы обязательности и добросовестности исполнения обязательств по договору; а органы правоприменения и частные лица (будь то юридические или физические лица) обязаны руководствоваться тем, что применению подлежат только официально опубликованные нормативно-правовые акты, как предусмотрено в национальной правовой системе. И с этой точки зрения государство не может предъявлять завышенных требований к своим органам и частным лицам.

Но с другой стороны — возникает коллизийная ситуация: действующее международное право не предусматривает в качестве одного из оснований применения его норм официального опубликования нормативных актов, а российское законодательство такое основание устанавливает. Соответственно, руководствуясь общими принципами международного права, российский правоприменитель и частные лица должны в своей деятельности учитывать заключенные и вступившие в силу международные договоры России, невзирая на положения внутреннего права.

Представляется более правильным первый вариант, но с оговоркой. Общеизвестно, что государство самостоятельно определяет порядок и способы реализации международных договоров в рамках своей правовой системы. Требование об официальном опубликовании не бесосновательно и имеет свои вполне закономерные цели и должно быть исполнено. А государство, дорожа своей репутацией на мировой арене и соблюдая положения как общепризнанных принципов международного права, так и международных договоров, обязано создать такой механизм официального опубликования, который позволит исключить имеющиеся недостатки в этом про-

цессе и соответствующие злостные уклонения от исполнения международных обязательств.

Выделим также еще одну проблему.

Из анализа международно-правовых оснований применения норм международных договоров в национальной правовой системе следует, что международная правовая система исходит из приоритетного применения норм международных договоров Российской Федерации перед любыми нормами национального права.

Вместе с тем российская правовая система не пришла к единообразному пониманию данного вопроса. Имеющиеся доктринальные разработки и противоречивая судебная практика еще больше вносят разлад в процесс применения норм международных договоров национальными судами.

Что касается судебной практики, то при отсутствии достаточно четких законодательных ориентиров для применения международных договоров судьям очень сложно принимать обоснованные, непротиворечивые и юридически корректные решения. Суд, как орган государственной власти, конечно, наделен компетенцией судебного толкования, однако такое толкование не должно подменять собою правотворческие функции. Следует даже квалифицировать как обязанность законодательных и исполнительных органов государственной власти создание нормативно-правовой базы для надлежащего и прозрачного применения норм международных договоров судами. Практика показывает, что такой базы недостаточно на сегодняшний день, порой суды применяют не вступившие в силу или официально не опубликованные, либо вообще не действующие в отношении Российской Федерации международные договоры, но соотносят их по юридической силе с внутренними нормативными правовыми актами.

С учетом предыдущего вопроса можно указать, что В. Я. Суворова в ходе детального анализа вопроса о том, с какого момента международные договоры Российской Федерации подлежат исполнению и применению, тем не менее ответа по существу не дает, но приводит ряд значимых примеров того, что, несмотря на устоявшуюся в теории и российском законодательстве точку зрения о возможности и обязательности применения международных договоров только после их официального опубликования в Российской Федерации, практика идет как по этому пути, так и по кардинально противоположному²². Автор отмечает, что арбитражные суды «не всегда обращают внимание на неопубликование договора», предполагая, что «это происходит... потому, что они не считают это препятствием для его применения»²³.

Все это не означает, что на правосудности выносимых решений, на защите нарушенных прав, и, в целом, на результатах деятельности судов²⁴.

Подводя итог, отметим, что каждая из упомянутых проблем является областью исследования многих авторов, имеется достаточное количество теоретических разработок путей преодоления сложившихся ситуаций. Однако практика очень тяжело идет по пути восприятия таких разработок.

Все эти проблемы не зря объединены общностью их природы: все они лежат в плоскости правовых оснований при-

21 Морозова Ю. Г. Подлежит ли применению международное соглашение, не опубликованное в средствах массовой информации? // Арбитражная практика. — М., 2002. — № 6. — С. 95.

22 См.: Суворова В. Я. С какого момента международные договоры Российской Федерации подлежат исполнению и применению? // Российский юридический журнал. — Екатеринбург, 2010. № 1 (70). — С. 142–151. В результате подробного описания проблемы с официальным опубликованием международных договоров в Российской Федерации автор указывает лишь, что «вступивший в законную силу международный договор подлежит добросовестному исполнению и применению, а его своевременное опубликование способствует этому».

23 Суворова В. Я. Указ соч. — С. 145.

24 Марочкин С. Ю. Применение судами России норм международного права: десять лет после принятия Конституции РФ // Российский ежегодник международного права. — СПб., 2003. — С. 67–68.

менения норм международных договоров российским правоприменителем и все они образовались на стыке двух систем. Это свидетельствует о наличии недостатков в национальной правовой системе в области реализации государством своего права на самоорганизацию в порядке и способах, обеспечивающих соблюдение своих международно-правовых обязательств. Единственно возможными путями преодоления таких проблем является рациональное изменение соответствующей нормативной основы и обеспечение надлежащего доступа к полноценным информационным ресурсам национального правоприменителя.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 года // Справ. — правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.03.2014).
2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Справ. — правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.03.2014).
3. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.07.1995. № 29. С. 2757. 56-я сессия (2001–2002 годы) Генеральной ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/ga/sixth/56/sixth_res.shtml
4. Федеральный закон от 14.06.1994 года № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» (в редакции Федерального закона от 25.12.2012 № 254-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 20.06.1994. — № 8.
5. Указ Президента Российской Федерации от 11.01.1993 № 11 «О порядке опубликования международных договоров Российской Федерации» // Справ. — правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.01.2014).
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.03.2012 № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова». Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.10.2012).
7. Галенская Л. Н. Применение норм международных договоров в арбитражной практике // Журнал международного частного права. СПб., 1997. № 3 (17).
8. Зимненко Б. Л. Международное право и правовая система Российской Федерации / Курс лекций: Общая часть. — М., 2010.
9. Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий // Под общ. ред. Б. Н. Топорнина, Ю. М. Батурина, Р. Г. Орехова. — М., 1997.
10. Лукашук И. И. Международное право в судах государств. — СПб., 1993.
11. Марочкин С. Ю. Законодательное, доктринальное и практическое освоение конституционного принципа о нормах международного права в правовой системе России // Применение международных договоров в области прав человека в правовой системе Российской Федерации: Материалы научно-практической конференции. — Екатеринбург, 2003.
12. Марочкин С. Ю. Какие международные нормы и договоры подлежат применению судами // Арбитражный и гражданский процесс. — 2005. — № 1.
13. Марочкин С. Ю. Применение судами России норм международного права: десять лет после принятия Конституции РФ // Российский ежегодник международного права. — СПб., 2003.
14. Международное публичное право: Учебник / Под ред. Л. П. Ануфриевой, Д. К. Бекашева, К. А. Бекашева, В. В. Устинова [и др.]. М., 2005.
15. Морозов А. Н. Реализация международных договоров в Российской Федерации: правовые основания // Журнал российского права. — 2009. — № 2 [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.juristlib.ru/book_3774.html (дата обращения 29.09.2014).
16. Морозова Ю. Г. Подлежит ли применению международное соглашение, не опубликованное в средствах массовой информации? // Арбитражная практика. — М., 2002. — № 6.
17. Суворова В. Я. С какого момента международные договоры Российской Федерации подлежат исполнению и применению? // Российский юридический журнал. Екатеринбург, 2010. — № 1 (70).
18. Усенко Е. Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская конституция // Московский журнал международного права. — М., 1995. — № 2.

Захарова Л. И.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНЦЕПЦИЙ, АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ (ЧАСТЬ 1)*

В настоящей статье рассматриваются три поэтапно возникших подхода к вопросу о том, каким образом следует нормативно закрепить право человека на жизнь в здоровой окружающей среде. В первой части статьи подвергнуты анализу два подхода из трех сложившихся. Раньше всех возник подход, согласно которому это право является элементом права каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья (права на здоровье). Он отражен в Международном пакте об экономических, социальных, культурных правах 1966 г., ряде иных международных договоров, резолюциях Комиссии по правам человека и замечаниях общего порядка Комитета по экономическим, социальным, культурным правам. Второй подход оформился благодаря деятельности Европейского суда по правам человека, который толкует это право как составную часть права на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции, закрепленного в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ЕКПЧ).

Ключевые слова: охрана окружающей среды, право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, право на здоровье, право на здоровую природную среду, Международный пакт об экономических, социальных, культурных правах 1966 г., Комиссия по правам человека, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, право на уважение частной и семейной жизни, Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ЕКПЧ).

Захарова Л. И.

Zakharova L. I.

HUMAN RIGHTS AND PROTECTION OF THE ENVIRONMENT: AN INTERPLAY BETWEEN THE CONCEPTS, ACTUAL PROBLEMS (PART 1)

The article is an overview of three approaches that gradually developed in search of an answer to the question of how the right to life in a healthy environment should be normatively established. In Part 1 two of the three approaches are analyzed. According to the first approach this right is an element of the right of everyone to the enjoyment of the highest attainable standard of physical and mental health (right to health). It is enshrined in the 1966 International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, a number of other international treaties, resolutions of the Commission on Human Rights and general comments of the Committee on Economic, Social and Cultural Rights. The second approach was moulded thanks to the activities of the European Court of Human Rights that interprets this right as an integral part of the right to respect for private and family life, home and correspondence laid down in the 1950 European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.

Keywords: protection of the environment, right of everyone to the enjoyment of the highest attainable standard of physical and mental health, right to health, right to a healthy environment, the 1966 International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, the Commission on Human Rights, the Committee on Economic, Social and Cultural Rights, right to respect for private and family life, home and correspondence, the European Court of Human Rights, the 1950 European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.

Концепция уважения прав человека в международном праве окончательно оформилась и получила свое нормативное закрепление во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., справедливо называемой международным каталогом прав человека, — почти на 25 лет раньше, чем концепция охраны окружающей среды, первые контуры которой были обрисованы в Декларации Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей среды 1972 г. Принцип 1 Стокгольмской декларации 1972 г. провозгласил в качестве основного право человека на «благоприятные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет вести достойную и процветающую жизнь», однако документ не имел силы международного договора. Конференция ООН по проблемам окружающей среды 1972 г. положила начало общественному осознанию взаимосвязи концепций прав человека и охраны окружающей среды, пониманию того, что качество окружающей среды — это существенный фактор, способствующий реализации целого ряда прав человека. Необходимость учета экологических аспектов влечет новое прочтение уже оформившихся прав человека — эту тенденцию известный британский исследователь вопроса А. Бойль образно называет «озеленением» прав человека (“greening of human rights law”)¹.

С принятием Всеобщей декларации прав человека 1948 г. перед наукой и практикой возник вопрос о том, как должно быть закреплено это право в отношении отдельно взятого индивида. В процессе поиска ответов на этот вопрос наметилось как минимум три подхода. Исторически первым стал тот, в соответствии с которым право на благоприятную окружающую среду рассматривается как неотъемлемый компонент более широкого социального права на здоровье. Такой подход возник и сохраняется на универсальном уровне в деятельности правозащитных органов ООН (Комиссии по правам человека, ныне Совета по правам человека) и международных договорных органов (Комитета по экономическим, социальным, культурным правам). Впоследствии в практике Европейского суда по правам человека оформился второй из возможных подходов, по которому нарушения права индивида на благоприятную окружающую среду толкуются как нарушение личного права на уважение частной и семейной жизни, за-

* Работа проводилась за счет средств гранта РГНФ по соглашению № 14-03-00732/14.

1 Boyle A. Human Rights and the Environment: Where Next? //The European Journal of International Law. — 2012. — Vol. 23. — № 3. P.614; Boyle A. Human Rights and Environmental Law: Some Current Problems [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.eui.eu/Documents/DepartmentsCentres/Law/ResearchTeaching/WorkingGroups/08-03-HumanRights.pdf>. P.4. (дата обращения: 26.09.2014).

крепленного в ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Третий подход получил отражение позже двух других — в ряде региональных договоров по правам человека, в которых отдельным образом закреплено коллективное право на благоприятную окружающую среду. При такой интерпретации благоприятная окружающая среда рассматривается не только как индивидуальное, но и как общее благо.

Остановимся подробнее на рассмотрении каждого из трех вышеперечисленных подходов.

Свое нормативное закрепление право на здоровье обрело далеко не сразу. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. не затронула в период своей разработки и принятия вопроса об окружающей среде, благоприятной для проживания человека. Однако в самом общем виде в п. 1 ст. 25 в Декларации получило закрепление право на жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для *поддержания здоровья человека* (курсив авт. — Л. З.) и благосостояния его самого и его семьи — право, которое впоследствии стало именоваться правом человека на здоровье. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах в ст. 12 закрепил право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья.

Право на здоровье также признано в пп. iv п. «е» ст. 5 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. (обязательство государств-участников запретить и ликвидировать расовую дискриминацию во всех ее формах и обеспечить равноправие каждого человека, в частности, в отношении осуществления «права на здравоохранения, медицинскую помощь, социальное обеспечение и социальное обслуживание»); в пп. «f» п. 1 ст. 11 («право на охрану здоровья и безопасные условия труда, в том числе по сохранению функции продолжения рода») и ст. 12 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. (обязательство государств-участников принимать «все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин в области здравоохранения, с тем чтобы обеспечить на основе равенства мужчин и женщин доступ к медицинскому обслуживанию, в частности в том, что касается планирования размера семьи»).

Право ребенка на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения и средствами лечения болезней и восстановления здоровья провозглашено в ст. 24 Конвенции о правах ребенка 1989 г. Среди мер, необходимых для полного осуществления данного права, в п. 2 ст. 24 Конвенции 1989 г. названы меры для: «а) снижения уровней смертности младенцев и детской смертности, б) обеспечения предоставления необходимой медицинской помощи и охраны здоровья всех детей с уделением первоочередного внимания развитию первичной медико-санитарной помощи, с) борьбы с болезнями и недоеданием, в том числе в рамках первичной медико-санитарной помощи, путем, среди прочего, применения легкодоступной технологии и предоставления достаточно питательного продовольствия и чистой питьевой воды, принимая во внимание опасность и риск загрязнения окружающей среды, д) предоставления матерям надлежащих услуг по охране здоровья в дородовой и послеродовой периоды, е) обеспечения осведомленности всех слоев общества, в частности родителей и детей, о здоровье и питании детей, преимуществах грудного кормления, гигиене, санитарии среды обитания ребенка и предупреждении несчастных случаев, а также их доступа к образованию и их поддержки в использовании таких знаний, ф) развития просветительской работы и услуг в области профилактической медицинской помощи и планирования размера семьи».

Право на здоровье защищено и рядом региональных договоров по правам человека. В ст. 11 пересмотренной Евро-

пейской социальной хартии 1961 г. провозглашается право на охрану здоровья, которое, в частности, включает в себя следующие меры: «1) устранение, насколько это возможно, причин нездоровья, 2) предоставление услуг консультационного и просветительского характера, направленных на укрепление здоровья и здорового образа жизни и на развитие чувства личной ответственности за свое здоровье, 3) предотвращение, насколько это возможно, эпидемических, эндемических и других заболеваний, а также несчастных случаев».

Статья 16 Африканской хартии прав человека и народов 1981 г. закрепляет «право на максимально возможный уровень физического и психического здоровья» и возлагает на государства-участники обязательство принимать необходимые меры для защиты здоровья своих народов и обеспечивать предоставление им медицинской помощи в случае болезни. В Американской конвенции о правах человека 1969 г. обязательство государств-участников в области экономических, социальных и культурных прав сформулировано в общем виде как обязательство прогрессивного развития (ст. 26). Дополнительный (Сан-Сальвадорский) протокол к Американской конвенции о правах человека в области экономических, социальных и культурных прав 1988 г. его конкретизировал: ст. 10 Протокола посвящена праву на здоровье, понимаемому как право на наивысший уровень физического, психического и социального благополучия.

В своей резолюции 1989/11 от 2 марта 1989 г. Комиссия по правам человека подтвердила право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья (п. 1) и призвала государства отказаться от дискриминации в сфере здравоохранения (п. 2) в целях обеспечения прав человека в отношении всех пациентов, в том числе и больных ВИЧ и СПИД (п. 4)².

В 2002 г. Комиссия по правам человека резолюцией 2002/31³ учредила пост Специального докладчика по праву каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья. Он собирает информацию, поддерживает диалог со всеми сторонами, включая правительства, органы ООН, специальные учреждения и программы ООН, в первую очередь ВОЗ и ЮНЭЙДС, а также неправительственными организациями и международными финансовыми институтами, готовит доклады о состоянии дел в области обеспечения права на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, которые включают обзор национального законодательства, хорошей практики и препятствий, формулирует рекомендации о мерах, которые следует принять государствам. С 2006 г. Комиссию по правам человека сменил Совет по правам человека, сохранивший мандат Специального докладчика по этой проблематике.

Статья 41 Конституции Российской Федерации 1993 г. провозглашает право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь. В России финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию различных систем здравоохранения (государственной, муниципальной, частной), поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и эпидемиологическому благополучию.

2 Commission on Human Rights resolution 1989/11. Non-discrimination in the field of health. 2 March 1989. E/CN.4/RES/1989/11 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.refworld.org/docid/3b00f0b348.html> (дата обращения: 16.09.2014).

3 Commission on Human Rights resolution 2002/31. The right of everyone to the enjoyment of the highest attainable standard of Physical and Mental Health. 22 April 2002. E/2002/23-E/CN.4/2002/200 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ohchr.org/EN/Issues/Health/Pages/SRRRightHealthIndex.aspx> (дата обращения: 16.09.2014).

Право на здоровье или право на медицинскую помощь признано в конституциях как минимум 115 государств. По крайней мере, еще в 6 конституциях закреплены обязанности государств в области здравоохранения, например, обязанность расширять медицинские услуги или выделять бюджетные средства на эти цели⁴.

В преамбуле Устава Всемирной организации здравоохранения 1946 г. содержится определение здоровья как «состояния полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствия болезней или физических дефектов» — именно ВОЗ первой из международных организаций четко обозначила своей целью «достижение всеми народами возможно высшего уровня здоровья» (ст. 1 Устава ВОЗ)⁵. История подготовки проекта и выработанная в результате формулировка п. 1 ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах указывают на целую совокупность необходимых социально-экономических факторов, которые обеспечивают человеку здоровую жизнь. Составными элементами права на здоровье, как следует из положений Декларации 1948 г. и Пакта 1966 г., как минимум, являются питание, одежда, жилище, медицинский уход и социальное обслуживание. Кроме того, как указал Комитет по экономическим, социальным и культурным правам в своем Замечании общего порядка № 14, посвященном праву на наивысший достижимый уровень здоровья (2000 г.)⁶, для обеспечения этого права важны доступ к безопасной питьевой воде и адекватным санитарным условиям, безопасные и здоровые условия труда и здоровая окружающая среда (п. 4), а население должно участвовать в принятии решений по всем связанным со здоровьем вопросам на общинном, национальном и международном уровнях (п. 11).

Среди мер, которые должны быть приняты участвующими в Пакте государствами для полного осуществления этого права, были названы: а) обеспечение сокращения мертворождаемости и детской смертности и здорового развития ребенка, б) улучшение всех аспектов гигиены внешней среды и гигиены труда в промышленности, в) предупреждение и лечение эпидемических, эндемических, профессиональных и иных болезней и борьбы с ними, д) создание условий, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни.

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам в Замечании общего порядка № 14 поясняет, что под п. «а» ст. 12 Пакта 1966 г. понимаются обязательства государств по обеспечению права на материнское, детское и репродуктивное здоровье (п. 14), под предупреждением эпидемических, эндемических, профессиональных и иных заболеваний в п. «с» подразумевается подготовка информационно-профилактических программ против ВИЧ, СПИДа, иных заболеваний, наносящих ущерб половому и репродуктивному здоровью, а под их лечением — создание системы

неотложной медицинской помощи, совершенствование эпидемиологического надзора, разработка или совершенствование программ иммунизации и других стратегий борьбы с инфекционными заболеваниями (п. 16), под формулировкой п. «д» «создание условий, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни» имеется в виду обеспечение равного и своевременного доступа к базовым профилактическим, лечебным и реабилитационным услугам здравоохранения и к информации по вопросам охраны здоровья, в частности, регулярное проведение программ обследования, надлежащее лечение психических больных и оказание психиатрической помощи, обеспечение основными лекарственными средствами (п. 17). Кроме того, на международном уровне государствам — участникам Пакта рекомендовано воздерживаться от введения эмбарго или принятия аналогичных мер, ограничивающих поставки в достаточном объеме медикаментов и медицинского оборудования в другие государства в качестве инструмента политического и экономического давления (п. 41).

Остановимся подробнее на том, как Комитет по экономическим, социальным и культурным правам толкует п. «б» ст. 12 Пакта. Он вводит формулировку «право на здоровую природную среду и на гигиену труда». Первая часть данной формулировки — «право на здоровую природную среду» — предполагает необходимость обеспечивать адекватное снабжение безопасной питьевой водой и базовыми санитарными услугами, предупреждение и снижение уровня воздействия на население вредных веществ, таких, как радиация и опасные химикаты, или других пагубных экологических условий, которые прямо или косвенно влияют на здоровье человека. Вторая часть формулировки — «гигиена труда» — нацелена на максимально возможное с разумной точки зрения устранение причин возникновения вредных для здоровья факторов производственной среды, в частности, меры по предупреждению несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. По мнению Комитета по экономическим, социальным и культурным правам, п. «б» ст. 12 Пакта 1966 г. также охватывает обеспечение адекватного жилья, достаточное снабжение продовольствием, предупреждение злоупотребления алкоголем и потребления табака, наркотиков и других вредных веществ (п. 15).

Обязательства государств по обеспечению права на здоровье можно разделить на три вида: обязательство соблюдать право на здоровье (the obligation to respect), обязательство его защищать (the obligation to protect) и обязательство его имплементировать (the obligation to fulfill). Такая типология обязательств государств в сфере прав человека впервые была предложена британским ученым Генри Шью еще в 1980 г.⁷ и охотно воспринята в практике деятельности правозащитных органов и специализированных учреждений ООН.

Обязательство государства соблюдать право на здоровье основано на необходимости воздерживаться от действий, которые прямо или косвенно его нарушают (например, государство не должно допускать запрет или ограничение в доступе к медицинским услугам). Обязательство защищать право на здоровье предполагает предотвращение нарушения права на здоровье третьими сторонами (например, государство принимает законодательные меры с тем, чтобы частные компании соответствовали в своей деятельности стандартам в сфере прав человека — примерами могут служить регулирование состава пищевых продуктов, контроль в области маркетинга медицинского оборудования и лекарств, особенно тех лекарств, безопасность которых не подтверждена, предотвращение запретов или ограничений доступа общественности к информации о состоянии окружающей среды третьими

4 The Right to Health. Fact Sheet No.31. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. World Health Organization. 2008 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ohchr.org/Documents/Publications/Factsheet31.pdf>. P.10 (дата обращения: 06.09.2014).

5 Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf?ua=1> (дата обращения: 06.09.2014).

6 Committee on Economic, Social and Cultural Rights. Report on the twenty-second, twenty-third and twenty-fourth sessions (25 April- 12 May 2000, 14 August — 1 September 2000, 13 November — 1 December 2000.). The United Nations Economic and Social Council. Official records, 2001. Supplement No.2. E/2001/22; E/C.12/2000.21. Annex IV. P.128-148 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/documents/ecosoc/docs/2001/e2001-22.pdf> (дата обращения: 05.09.2014).

7 Shue H. Basic Rights: Subsistence, Affluence and US Foreign Policy. — New Jersey: Princeton University Press. — 1st ed., 1980; 2nd, revised ed., 1996.

лицами). Обязательство имплементировать право на здоровье требует принятия на национальном уровне соответствующих законодательных, административных, бюджетных, судебных мер, например, выработки национальной политики или национального плана в области здравоохранения⁸.

Второй возможный подход к вопросу о том, как должно быть закреплено право человека на благоприятную окружающую среду и как должна обеспечиваться его правовая защита в суде или ином международном органе (англ. — justiceability), был выработан в практике Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ). Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — ЕКПЧ 1950 г.) в ст. 8 провозгласила право на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции. Начиная с 1990-х гг. ЕСПЧ в четком соответствии с этимологией термина «экология» (буквально «наука о доме» — от греч. «ойкос» — жилище, дом и «логос» — учение, наука) ЕСПЧ стал расширительно толковать право, закрепленное в ст. 8, как право, включающее в себя в качестве необходимой составляющей право на благоприятную окружающую среду и предполагающее исполнение государством ряда позитивных обязательств в этой сфере.

Первым делом, где ЕСПЧ продемонстрировал такой подход, стало дело «Пауэлл и Рейнер против Соединенного Королевства». Заявители Р. Д. Пауэлл и М. Э. Рейнер, британские подданные, проживали в непосредственной близости от крупного аэропорта «Хитроу» и, по их словам, страдали от чрезмерно высокого уровня шума, поскольку над их домами часто пролетали самолеты. Заявители направили свои жалобы в Комиссию по правам человека 31 декабря 1980 г. Она признала жалобы приемлемыми и передала дело в ЕСПЧ 16 марта 1989 г. Заявители утверждали, что нарушены ряд их прав, гарантированных Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г.: право на уважение частной и семейной жизни (ст. 8), право на уважение собственности (ст. 1 Протокола № 1), право на справедливое судебное разбирательство (п. 1 ст. 6), право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе (ст. 13). В постановлении по делу ЕСПЧ констатировал, что жалоба на нарушение ст. 8 в связи с шумом, вызываемым самолетами, летящими на разумной высоте при соблюдении авиационных инструкций по воздушной навигации, не подтверждена ни одним из заявителей (§ 46) и в резолютивной части решения заявил об отсутствии у себя юрисдикции рассматривать жалобы по ст. 8. Однако историческое значение решения «Пауэлл и Рейнер против Соединенного Королевства» заключается в том, что при рассмотрении их жалоб право на благоприятную окружающую среду впервые рассматривалось как необходимое условие реализации других прав заявителей. До передачи дела в ЕСПЧ Комиссия по правам человека признала жалобы приемлемыми вследствие нарушения ст. 13 в связи со ст. 8 ЕКПЧ 1950 г.: 17 октября 1985 г. в отношении Рейнера двенадцатью голосами против четырех, 16 июля 1986 г. — в отношении Пауэлла пятнадцатью голосами против одного (§ 25)⁹.

Впоследствии в своих постановлениях ЕСПЧ признавал нарушения ст. 8, если органы государственной власти не смогли должным образом защитить граждан от рисков здоровью или жизни, возникающих при осуществлении государством или

частным бизнесом опасной деятельности или деятельности, загрязняющей окружающую среду.

Примером такого рода может служить постановление ЕСПЧ по делу «Лопес Остра против Испании» ЕСПЧ от 9 декабря 1994 г. Г. Л. Остра утверждала, что имело место нарушение статей 8 и 3 ЕКПЧ 1950 г., поскольку она и ее семья в течение нескольких лет жили в г. Лорке вблизи предприятия по переработке жидких и твердых отходов — источника неприятных запахов, шума и вредных испарений, что привело к ухудшению состояния здоровья заявительницы и ее дочери. Г. Л. Остра возложила ответственность за создавшееся положение на испанские власти, обвинив их в безответственном отношении к данной проблеме (§ 34). Хотя, по мнению Суда, испанские власти и муниципалитет Лорки теоретически не несут прямую ответственность за выбросы вредных веществ на предприятии, однако «именно город разрешил строительство данного предприятия на своей территории и именно государство финансировало это строительство» (§ 52). ЕСПЧ констатировал: «Государству не удалось установить справедливый баланс между интересами экономического благосостояния города (создание предприятия по переработке отходов) и надлежащим соблюдением прав заявительницы на неприкосновенность ее жилища, личной и семейной жизни» (§ 58). В резолютивной части Суд признал нарушение ст. 8 ЕКПЧ 1950 г. и обязал Испанию выплатить заявительнице в течение трех месяцев 4 млн испанских песет в возмещение понесенного ею ущерба, а также 1,5 млн испанских песет в качестве компенсации судебных издержек и расходов¹⁰.

На обязанность государства «устанавливать баланс между интересами пользователей дорог и местных жителей» и на тот факт, что меры, принимавшиеся государством, «систематически оказывались неэффективными», ЕСПЧ указал и в постановлении по делу «Дееш против Венгрии» от 9 ноября 2010 г. (§ 23). Заявитель страдал от загрязнения и шума на 12–15% выше уровня, установленного законом, от интенсивно использованного участка автодороги на улице, где он проживал. Г-н Дееш требовал компенсации от органа, эксплуатировавшего дороги. ЕСПЧ единогласно признал нарушение ст. 8 ЕКПЧ 1950 г. и обязал Венгрию выплатить заявителю 6 тыс. евро в качестве компенсации морального вреда¹¹.

Заявители по делу «Ди Сарно и др. против Италии» проживали в провинции Неаполь, затронутой длительным «мусорным кризисом». С 2000 по 2008 г. утилизацию и переработку мусора неэффективно осуществляли частные компании. Однако, как и в постановлении по делу «Лопес Остра против Испании», ЕСПЧ указал в своем постановлении от 10 января 2012 г. на то, что факт передачи итальянскими властями публичных функций третьим лицам не освобождает их от обязанностей в соответствии со ст. 8 ЕКПЧ 1950 г. (§ 110)¹².

Российские граждане также направляют в ЕСПЧ свои индивидуальные жалобы, затрагивающие различные аспекты экологического благополучия. Примером решения, косвенно затрагивающего вопросы экологии, может служить известное постановление ЕСПЧ от 7 мая 2002 г., вынесенное по жалобе А. Т. Бурдова, ликвидатора последствий аварии на Чернобыльской АЭС. В нем Суд признал нарушение ст. 6 ЕКПЧ

8 The Right to Health. Fact Sheet No.31. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. World Health Organization, 2008 — Р. 25–28 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ohchr.org/Documents/Publications/Factsheet31.pdf>. (дата обращения: 06.09.2014).

9 Case of Powell and Rayner v. the United Kingdom. Application no. 9310/81. Judgment of the European Court of Human Rights. 21 February 1990 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [{itemid: \[001-57622\]}](http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57622#) (дата обращения: 22.09.2014).

10 Case of López Ostra v. Spain. Application no. 16798/90. Judgment of the European Court of Human Rights. 09 December 1994 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57905> (дата обращения: 23.09.2014).

11 Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Дееш против Венгрии (Deés v. Hungary)». Жалоба № 2345/06. 9 ноября 2010 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. — 2011. — № 5. — С. 22.

12 Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Ди Сарно против Италии (Di Sarno v. Italy)». Жалоба № 30765/08. 10 января 2012 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. — 2012. — № 7. — С. 32–33.

1950 г. и ст. 1 Протокола № 1 к ней, а также обязал Россию выплатить ему три тысячи евро в качестве компенсации морального ущерба наряду с компенсацией за вред, причиненный во время ликвидации аварии¹³. Как отмечают отечественные исследователи, «жалоба о невыплате компенсации А. Буридова явилась следствием существенного нарушения конституционных прав на благоприятную окружающую среду, на охрану здоровья» — успешное ее удовлетворение способствовало росту обращений в ЕСПЧ российских граждан, пострадавших в чернобыльской катастрофе¹⁴.

На нарушение ст. 8 ЕКПЧ 1950 г. с полной определенностью ссылалась Н. М. Фадеева, и именно на этом основании ЕСПЧ в своем решении от 17 октября 2003 г. признал ее жалобу приемлемой. Заявительница указывала на то, что проживание в санитарно-защитной зоне металлургического комбината «Северсталь» (г. Череповец) представляет опасность для ее жизни и здоровья по ст. 8 ЕКПЧ 1950 г. — в результате его деятельности в атмосфере наблюдалась повышенная концентрация вредных веществ¹⁵.

В постановлении по делу «Фадеева против Российской Федерации» ЕСПЧ отметил, что ст. 8 ЕКПЧ 1950 г. «применяется в самых разнообразных случаях, связанных с экологическими проблемами, однако ее нарушение не всегда связано с ухудшением окружающей среды» (§ 68) и выделил два условия, при наличии которых правонарушение следует рассматривать как нарушение ст. 8. Во-первых, оно должно «непосредственно воздействовать на жилище заявителя, его семейную или личную жизнь» (§ 68). Во-вторых, неблагоприятное воздействие на окружающую среду должно «достигнуть некоторого минимального уровня» — такая формулировка является оценочной, ее применимость зависит от «интенсивности и продолжительности» правонарушения, его «материальных или психических результатов». При этом следует принимать во внимание общий экологический контекст: незначительность ущерба по сравнению с экологическими рисками, присущими жизни в любом современном городе, может способствовать тому, что Суд констатирует отсутствие оснований для применения ст. 8 ЕКПЧ 1950 г. (§ 69).

ЕСПЧ также указал, что хотя Россия не несет прямой вины за посягательство на личную и семейную жизнь заявительницы, однако отметил, что в число позитивных обязательств государства входит обязанность регулировать частную промышленность в целях предотвращения или прекращения подобных посягательств (§ 89) и пришел к выводу о «достаточной связи» между загрязнением окружающей среды вследствие атмосферных выбросов вредных веществ, осуществляемых металлургическим комбинатом, и государством (§ 92). Суд также установил обязанность российских органов государственной власти принять «соответствующие меры для исправления ситуации» без конкретизации таковых. Одним из возможных способов решения проблемы было названо переселение заявительницы в экологически безопасное место (§ 142). В резолютивной части постановления ЕСПЧ признал нарушение ст. 8 ЕКПЧ, обязал Российскую Федерацию в течение

трех месяцев возместить моральный вред в размере 6000 евро и любой суммы налогов, которые могут быть начислены на эту сумму, а также компенсировать судебные расходы и издержки в размере 6500 евро и 5540 фунтов стерлингов, понесенные соответственно российскими и британскими юристами заявительницы¹⁶.

Таким образом, в рамках Совета Европы праву человека на благоприятную окружающую среду обеспечивается достаточно эффективная защита благодаря расширительному прочтению ст. 8 ЕКПЧ 1950 г. Европейским судом по правам человека.

Пристатейный библиографический список

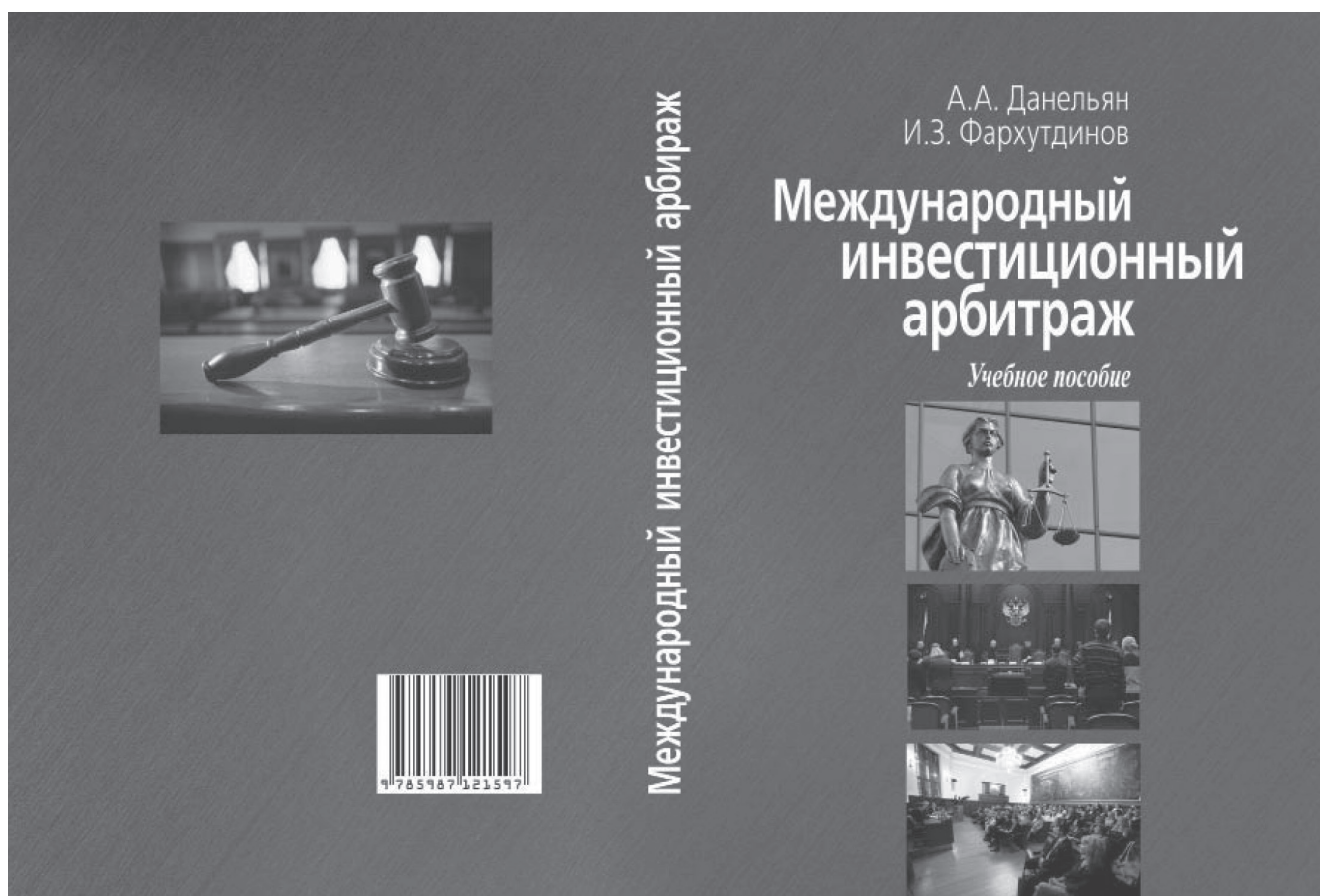
- Boyle A. Human Rights and the Environment: Where Next? // The European Journal of International Law. — 2012. — Vol. 23. — № 3.
- Boyle A. Human Rights and Environmental Law: Some Current Problems [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.eui.eu/Documents/DepartmentsCentres/Law/ResearchTeaching/WorkingGroups/08-03-HumanRights.pdf>
- Commission on Human Rights 1989/11. Non-discrimination in the field of health. 2 March 1989. E/CN.4/RES/1989/11 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.refworld.org/docid/3b00f0b348.html>
- Commission on Human Rights resolution 2002/31. The right of everyone to the enjoyment of the highest attainable standard of Physical and Mental Health. 22 April 2002. E/2002/23-E/CN.4/2002/200 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ohchr.org/EN/Issues/Health/Pages/SRRRightHealthIndex.aspx>
- The Right to Health. Fact Sheet No. 31. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. World Health Organization. 2008 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ohchr.org/Documents/Publications/Factsheet31.pdf>
- Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf?ua=1>
- Committee on Economic, Social and Cultural Rights. Report on the twenty-second, twenty-third and twenty-fourth sessions (25 April — 12 May 2000, 14 August — 1 September 2000, 13 November — 1 December 2000). The United Nations Economic and Social Council. Official records, 2001. Supplement No.2. E/2001/22; E/C.12/2000.21. Annex IV. P. 128–148 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/documents/ecosoc/docs/2001/e2001-22.pdf>
- Shue H. Basic Rights: Subsistence, Affluence and US Foreign Policy. — New Jersey: Princeton University Press. — 1st ed., 1980; 2nd, revised ed., 1996.
- Case of Powell and Rayner v. the United Kingdom. Application no. 9310/81. Judgment of the European Court of Human Rights. 21 February 1990 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57622#{"itemid":\["001-57622"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57622#{)
- Case of López Ostra v. Spain. Application no. 16798/90. Judgment of the European Court of Human Rights. 09 December 1994 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57905>
- Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Фадеева против Российской Федерации». Жалоба № 55723/00. 9 июня 2005 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=21889 \(дата посещения-23.09.2014\)](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=21889 (дата посещения-23.09.2014)).

13 Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Бурдов против Российской Федерации». Жалоба № 59498/00. 7 мая 2002 г. // Европейский суд по правам человека и Российская Федерация: постановления и решения, вынесенные до 1 марта 2004 г. / Отв. ред. Ю. Ю. Берестнев. — М: Норма, 2005. — С. 1–8.

14 Даваева К. К. Защита гражданами Российской Федерации конституционного права на благоприятную окружающую среду в Европейском суде по правам человека // Евразийский юридический журнал. — 2011. — № 1 (32). — С. 52.

15 Решение Европейского суда по правам человека по делу по вопросу приемлемости жалобы «Фадеева против Российской Федерации». Жалоба № 55723/00. 16 октября 2003 г. // Европейский суд по правам человека и Российская Федерация: постановления и решения, вынесенные до 1 марта 2004 г. — С. 518–525.

11. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Дееш против Венгрии (Deés v. Hungary)». Жалоба № 2345/06. 9 ноября 2010 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. — 2011. — № 5.
12. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Ди Сарно против Италии (Di Sarno v. Italy)». Жалоба № 30765/08. 10 января 2012 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. — 2012. — № 7.
13. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Бурдов против Российской Федерации». Жалоба № 59498/00. 7 мая 2002 г. // Европейский суд по правам человека и Российская Федерация: постановления и решения, вынесенные до 1 марта 2004 г. / Отв. ред. Ю. Ю. Берестнев. — М: Норма, 2005.
14. Даваева К. К. Защита гражданами Российской Федерации конституционного права на благоприятную окружающую среду в Европейском суде по правам человека // Евразийский юридический журнал. — 2011. — № 1 (32).
15. Решение Европейского суда по правам человека по делу по вопросу приемлемости жалобы «Фадеева против Российской Федерации». Жалоба № 55723/00. 16 октября 2003 г. // Европейский суд по правам человека и Российская Федерация: постановления и решения, вынесенные до 1 марта 2004 г.

Аду Я. Н.

КОНЦЕПЦИЯ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, РЕГИОНАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ СОВЕЩАНИЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Статья рассматривает различные итоговые документы конференций и совещаний по правам человека на международном, региональном и на национальном уровнях, которые закрепили концепцию универсальности прав человека в ходе подготовки и по результатам Венской всемирной конференции по правам человека 1993 г.

Ключевые слова: права человека, универсальность, конференция, совещания.

Adu Y. N.

UNIVERSAL CONCEPT OF HUMAN RIGHTS: THE ROLE OF INTERNATIONAL, REGIONAL AND NATIONAL CONFERENCES AND MEETINGS ON HUMAN RIGHTS

The article analyses final documents of different conferences and meetings on human rights at international, regional and national levels that confirmed the universal concept for human rights during the preparatory and following the Vienna Conference on Human Rights of 1993.

Keywords: human rights, universality, conferences, meetings.

Аду Я. Н.

Концепция о том, что права человека являются универсальными ценностями, находит свое отражение не только в естественной правовой теории и принятых на ее основе различных документах, разных доктринах, но и в подготовке к различным конференциям, в том числе к *Венской Конференции по правам человека 1993 г.*

Важным моментом в подготовке к международным Конференциям в целом являются Совещания, которые проводят разные национальные, региональные и международные структуры, ответственные за такие мероприятия. Однако, несмотря на то, что данная стадия имеет существенное значение, так как она выражает официальное мнение сторон Конференции, никто фактически о ней не упоминает в официальных документах.

В этой связи можно сказать, что различные Совещания, которые заложили основу универсальности и принципа неделимости и взаимосвязанности прав человека, в свое время сыграли значительную роль в формировании этой концепции.

Одними из важных элементов, необходимых для консолидации универсализации и неделимости прав человека, являются международные Конференции и Совещания по правам человека, проводимые под эгидой ООН. Они играют большую роль в укреплении прав человека, как в разных регионах мира, так и в отдельных странах.

Одной из главных Конференций по утверждению универсальности и неделимости прав человека является Тегеранская Конференция, проходившая с 22 апреля по 13 мая 1968 г. Данная Конференция была проведена для обзора состояния ситуации с правами человека спустя 20 лет после принятия Всеобщей декларации прав человека. По окончании работы Конференции был принят документ под названием «Воззвание Тегеранской конференции»¹, в котором нашли отражение важные положения универсальности и неделимости прав человека.

По положениям Воззвания, Всеобщая декларация прав человека отражает общую договоренность народов мира в отношении неотъемлемых и нерушимых прав каждого человека и является обязательством для членов международного сообщества². Соответственно, в Воззвании была подчеркнута

необходимость выполнения государствами своих обязательств соблюдать и поощрять уважение прав человека и основных свобод для всех без какой-либо дискриминации³. Оно подчеркивает неделимость гражданских и политических прав, а также экономических, социальных и культурных прав при их осуществлении⁴. В данном документе отмечается озабоченность мирового сообщества в связи с бедностью, неграмотностью, дискриминацией в отношении женщин, дискриминацией по религиозным или расовым признакам и проблемами защиты семьи и детей⁵. Перечисленные проблемы являются ключевыми, так как они по большому счету препятствуют соблюдению такой ценности, как универсальность и неделимость прав человека.

В общем Тегеранская Конференция выявила, что спустя многие годы после принятия Всеобщей декларации прав человека достижение цели, поставленной перед мировым сообществом, далеко от совершенства. Многие государства не реализовали взятые на себя обязательства. В этой связи Воззвание Тегеранской конференции завершалось призывом ко всем правительствам оказать содействие в том, чтобы воплотить в реальность идеи, изложенные во Всеобщей декларации прав человека, и удвоить усилия в целях достижения такого уровня жизни людей, который отвечает требованиям свобод и достоинства и содействует расцвету физических, умственных и духовных способностей человека и его социального благосостояния. Данная Конференция также подтвердила приверженность всех государств к универсальности и неделимости прав человека. Поэтому спустя еще почти 40 лет после Тегеранской конференции по правам человека Генеральная Ассамблея ООН вновь призвала государства-члены к созыву очередной всемирной встречи на высоком уровне для обзора и оценки проведенной работы в области прав человека, а также выявления трудностей в их осуществлении. Так, были проведены различные региональные и национальные Совещания по подготовке к Венской Конференции по правам человека 1993 г.

С 14 по 25 июня 1993 г. в Вене состоялась Всемирная Конференция ООН по правам человека, с участием представителей 171 государства. В работе данной Конференции приняли участие около 7 тысяч человек, включая представителей ака-

1 Воззвание Тегеранской конференции 13 мая 1968 года (Document ST/HR/1/Rev.5 (Vol. I/PART 1)).

2 Права человека, Сборник международных договоров, Том 1 (часть первая): Организация Объединенных Наций. — Нью-Йорк и Женева, 1994.

3 Абашидзе А. Х. Организация Объединенных Наций и защита прав коренных народов: Монография. — М.: РУДН, 2010. — С. 51.

4 Там же. — С. 52.

5 Там же.

демических кругов, договорных органов по правам человека, национальных учреждений и более 800 Неправительственных организаций⁶.

Цель Венской Конференции по правам человека так же, как предыдущей, Тегеранской Конференции, заключалась в проведении обзора и оценки деятельности ООН по правам человека и, соответственно, перспективы ее совершенствования. Приведённые цифры участников подтверждают важность и значимость данной Конференции. В завершении Венской всемирной конференции был принят итоговый документ под названием «Венская декларация и Программа действий Всемирной Конференции по правам человека», который был одобрен на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН рез. 48 (121) 1993 г.⁷

Итоговый документ Венской Конференции предусматривает укрепление деятельности ООН в области защиты и уважения прав человека во всём мире, а также устранение существующих препятствий для реализации всех прав человека, иными словами, укрепление принципов универсальности и неделимости прав человека. В рассматриваемом документе особо подчеркнуто, что демократия, развитие и уважение к правам человека являются взаимозависимыми и взаимокрепляющимися. Процесс поощрения и защиты прав человека на национальном и международном уровнях должен носить универсальный характер и осуществляться без каких-либо условий⁸.

Венская Всемирная конференция по правам человека также подтвердила универсальность и неделимость прав человека и право на развитие как универсальную и неотъемлемую часть основных прав человека⁹. Декларация приравнивает защиту прав человека к глобальной задаче, поэтому Всемирная конференция подтверждает священный долг всех государств выполнять свои обязательства по поощрению всеобщего уважения, соблюдения и защиты всех прав человека и основных свобод для всех в соответствии с Уставом ООН, другими договорами, касающимися прав человека, и нормами международного права. «Универсальность этих прав и свобод носит бесспорный характер, и права человека и основные свободы являются правами, данными каждому человеку с рождения; их защита и поощрение являются первейшей обязанностью правительств»¹⁰. Надо отметить, что Венская декларация и программа действий носит рекомендательный характер. Однако, несмотря на то, что государства-участникам данной Конференции не удалось принять Венскую декларацию и Программу действий в виде Конвенционных норм, в настоящее время не вызывает сомнений факт их обязательности в связи с тем, что государства сами признают принцип универсальности и неделимости прав человека.

Венская декларация по правам человека и Программа действий также рассматривают отдельные права человека и призывают к их реализации.

Например, что касается «свободы от пыток», Декларация гласит, что особое внимание следует уделять обеспечению универсального соблюдения и эффективного осуществления принципов медицинской этики, относящихся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключённых или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятых Генеральной Ассамблеи ООН¹¹.

Анализ положения документов Тегеранской конференции по правам человека 1968 г. и Венской Всемирной конференции по правам человека позволяет определить основные черты концепции универсальности прав человека. К ним относятся:

6 Там же. — С. 53.

7 Там же.

8 Там же. — С. 154.

9 Там же.

10 Док ООН A/CONF.157/24.

11 Там же.

– принятые на них декларации являются важными документами международных конференций, проводимых на высочайшем уровне под эгидой ООН;

– состав участников Конференции имел универсальный характер, так как в них участвовало большинство государств-членов ООН, представители национальных и международных организаций по защите прав человека;

– данные Конференции провозглашают универсальность и неделимость международных прав человека, закреплённых в разных международных договорах по правам человека и Всеобщей декларации по правам человека 1948 года.

Международно-признанные права человека являются универсальными и неделимыми по целому ряду параметров:

а) в геополитическом и социокультурном смысле независимо от политических, социальных и культурных особенностей государства;

б) в этно-социальных, религиозно-политических и гендерных различиях индивида: предоставление, обеспечение и защита прав человека — это обязанность каждого государства независимо от политических убеждений, социальной принадлежности, религии, пола, цвета кожи или расы индивида;

в) в международно-признанном характере прав человека: обеспечение и защита прав человека — обязанность международного сообщества независимо от местонахождения индивида и его гражданства, а проведение подобных Конференций демонстрирует приверженность международного сообщества обеспечивать защиту основных прав и свобод человека;

г) в универсальном характере средств их обеспечения: права человека стали «краеугольным камнем» в деятельности ООН.

Наряду с Всемирными конференциями по правам человека, указанными выше, также состоялись региональные и национальные подготовительные Соповещения по правам человека перед Венской Всемирной конференцией по правам человека, которые тоже играли важную роль в формировании принципа универсальности и неделимости прав человека. Они закрепили и утвердили приверженность универсальности и неделимости прав человека. Среди них можно перечислить Парижское Соповещение 1992 г., Тунисское Соповещение 1993 г., которое явилось продолжением предыдущего, Бангкокское Соповещение 1993 г., Соповещение в Сан-Хосе 1993 г., Сеульское Соповещение и многие немаловажные другие.

Соповещение в Сан-Хосе 1993 г. С 18 по 22 января 1993 г. в городе Сан-Хосе (Коста-Рика) состоялось Подготовительное соповещение к Венской Всемирной конференции по правам человека, в котором приняли участие страны Латинской Америки и Карибского бассейна. На данном региональном Соповещании были рассмотрены различные вопросы по правам человека, касающиеся:

– оценки прогресса в деле поощрения и защиты всех прав человека и основных свобод с уделением особого внимания применению соответствующих стандартов и документов в области прав человека и эффективности международных и региональных методов и процедур по их защите;

– проведения международного года коренных народов мира;

– определения факторов, препятствующих полному осуществлению всех прав человека;

– рассмотрения взаимосвязи между развитием, демократией и всеобщим осуществлением всех прав человека с учетом взаимозависимости и неделимости экономических, социальных, культурных, гражданских и политических прав;

– рассмотрения в соответствии с целями и принципами Устава ООН последних тенденций и новых проблем в области полного осуществления всех прав человека, в частности прав уязвимых групп населения;

– рекомендаций относительно обеспечения эффективного осуществления всех прав человека и улучшения координации механизмов ООН и региональных систем и, в случае необходимости, взаимосвязи между ними;

– рекомендаций относительно обеспечения технического и финансового сотрудничества, необходимого для усиления поощрения и защиты прав человека.¹²

По итогам Совещания была принята заключительная Декларация, в которой подчеркивается, что поощрения и защита прав человека должны получить первоочередное внимание со стороны ООН и что это должно найти свое отражение в распределении бюджетных средств Организации (параграф 29)¹³.

Также в преамбуле, как в некоторых параграфах, нашли отражение универсальность и неделимость всех прав человека. В преамбуле говорится о том, что основными критериями изучения и выполнения международных договоров по правам человека в рамках системы ООН должны стать взаимозависимость, универсальность, объективность, беспристрастность, неизбирательность и ответственность государств за выполнение своих обязательств. В связи с этим все государства-участники данного Совещания подтверждают свою приверженность делу поощрения и обеспечения полного соблюдения прав человека, закрепленных во Всеобщей декларации, а также в универсальных и региональных договорах по правам человека, как на индивидуальной основе, так и в рамках широкого неизбирательного и не дискриминационного международного сотрудничества.

В Совещании приняли участие страны целого региона – Латинской Америки и страны Карибского моря. Круг участников подтверждает приветствие целым регионом принципа универсальности и неделимости прав человека. Следует отметить, что все государства-участники готовы оказать содействие в уважении и соблюдении прав человека независимо от их политического, социального и экономического развития.

Бангкокское Совещание 1993 г. Очередное подготовительное Совещание к Венской Всемирной Конференции по правам человека также прошло в Бангкоке с 29 марта по 2 апреля 1993 г. Оно завершилось принятием документа под названием «Бангкокская декларация». Данная декларация также приняла во внимание важные вопросы по правам человека. На повестке дня Совещания в Бангкоке стояли вопросы, касающиеся универсальности и неделимости прав человека, как-то:

– рассмотрение вопросов, связанных с защитой и поощрением прав человека, включая осуществление международных и региональных документов по правам человека;

– рассмотрение вопросов, связанных с целями Всемирной конференции, имеющих особо большое значение для региона, включая деятельность в области общественной информации на региональном и национальном уровнях (региональная перспектива)¹⁴.

Бангкокская декларация фактически ничем не отличается от предыдущих Деклараций, принятых по итогам других подготовительных Совещаний. Она признает универсальность, неделимость, объективность и неизбирательность всех прав человека. Декларация также подтверждает взаимозависимость и неделимость экономических, социальных, культурных, гражданских и политических прав и органическую взаимосвязь между развитием, демократией, всеобщим осуществлением всех прав человека и социальной справедливостью, к чему надо подходить комплексным и сбалансированным образом. Она также напоминает, что декларация о праве на развитие признала право на развитие в качестве универсальной и неотъемлемой части основных прав человека.

Страны-участники подтверждают свою приверженность принципам, содержащимся в Уставе ООН и Всеобщей декларации прав человека, а также полному осуществлению всех прав человека во всем мире (параграф 1)¹⁵. Они подчеркивают

и утверждают универсальность и неизбирательность всех прав человека и необходимость избегать применения двойных стандартов при осуществлении прав человека и политизации этого вопроса, а также то, что никакие нарушения прав человека нельзя оправдать (параграф 7)¹⁶. Эти государства признают, что, хотя права человека имеют универсальные и неделимые характеры, они должны рассматриваться в контексте динамичного и развивающегося процесса международного нормотворчества с учетом значимости национальных и региональных особенностей и различных исторических, культурных и религиозных условий (параграф 8)¹⁷. Они также подтверждают взаимозависимость и неделимость экономических, социальных, культурных, гражданских и политических прав человека (параграф 10)¹⁸.

Однако важным в этом итоговом документе было подтверждение необходимости изучения возможностей создания региональных механизмов для поощрения и защиты прав человека в Азии (параграф 26)¹⁹. Следует отметить, что, в отличие от африканского, американского, европейского континентов, в Азии не существует региональный механизм (суд) защиты прав человека.

Тунисское Совещание 1993 г. Третьим региональным совещанием, прошедшим в рамках Венской Всемирной конференции по правам человека, было Тунисское Совещание, состоявшееся в декабре 1993 года как продолжение Парижского Совещания. Парижское Совещание утвердило принцип, с точки зрения которого национальные учреждения и другие неправительственные организации должны играть важную роль в системе ООН по защите прав человека и закреплению принципа универсальности и неделимости прав человека. Данный принцип получил название «парижский принцип», который был закреплен в резолюции 1992/54 Комиссии по правам человека и в резолюции ГА ООН от 15 декабря 1993 года²⁰. В соответствии с данным принципом национальные учреждения и НПО должны занимать ключевое место в поощрении и защите прав человека, а также способствовать укреплению принципов универсальности и неделимости прав человека.

Итоговой документ данного Совещания рекомендовал Комиссии по правам человека всесторонне поощрять и защищать те универсальные, взаимозависимые и неделимые права человека, которые подтверждены в Венской декларации и Программе действий, призывают к выполнению на национальном уровне положений международных договоров по правам человека. При обсуждении сотрудничества между национальными учреждениями рассматривалось несколько тем, в том числе обучение по вопросам прав человека и демократии. В рекомендациях отмечалось, что национальные учреждения должны следить за тем, чтобы в рамках такого обучения соблюдался принцип универсальности и уважались основные неделимые права человека²¹.

Итак, как уже было отмечено, Тунисское Совещание по правам человека, как и предыдущие Совещания, уделяло особое внимание наряду с «парижским принципом» принципу неделимости и универсальности прав человека.

Другие Совещания по правам человека. В докладах о других Совещаниях и мероприятиях согласно шестому пункту (п. 6) повестки дня Всемирной конференции по правам человека также рассматривались отдельно позиции стран, сформулированные по итогам подготовительных совещаний.

Например, итоговый документ канадского подготовительного совещания в Оттаве 21–23 марта 1993 года в своих заключительных рекомендациях затрагивал вопросы демократии,

16 Там же.

17 Там же.

18 Там же.

19 Там же.

20 Док. ООН E/CN.4/1994/45.

21 Там же.

12 Док. ООН A/CONF.157/LACRM/15.

13 Там же.

14 Док. ООН A/CONF.157/ASRM/8.

15 Там же.

развития прав человека и свободы; прав коренных народов, международных механизмов в области прав человека, прав женщин как прав человека и вопросов универсальности и неделимости прав человека²². Итак, канадские правозащитники выдвинули новые и эффективные инициативы с целью обеспечения всеобщего соблюдения универсальных прав человека, предоставляя приоритет следующим пяти рекомендациям ООН и ее государств-членов:

- обеспечение универсальности и неделимости прав человека;
- поддержка развития, демократии и прав человека;
- признание прав женщин;
- развитие международных механизмов;
- уважение прав коренных народов²³.

Относительно женщин Всемирная конференция по правам человека признает приоритетный характер деятельности по отражению тематики, касающейся прав женщин, во всех компонентах системы ООН, что позволит обеспечить их полное уважение и соблюдение. Канада предлагает ООН призвать государства, группы лиц и отдельных лиц придерживаться принципа универсальности прав человека.

Несмотря на то, что государства-члены провозгласили принцип неделимости всех прав человека, для развития государств представляется крайне важным, чтобы они предприняли конкретные действия, подтверждающие их решимость содействовать осуществлению экономических, социальных и культурных прав человека.

В отношении коренных народов, руководствуясь принципами универсальности и неделимости прав человека, следует также признать, что коренные народы должны внести уникальный и значительный вклад в определение понятия прав человека, в процесс осуществления прав человека и в развитие теории и практики прав человека.

В отношении универсальности и неделимости прав человека Канадское Совецание подтверждает принцип универсальности основных прав человека, закрепленный в Международном билле о правах человека. Оно признает важность уважения принципа социального многообразия и учета политических особенностей на местном уровне, тем не менее, делегаты данного Совецания считают, что защита и поощрение универсальных прав человека является обязанностью всех государств, независимо от их политических, экономических или культурных систем или режимов. Никакие обстоятельства не могут оправдывать нарушение универсальных прав человека, так как среди них не существует никакой иерархии.

Данное Совецание подтверждает, что основные гражданские и политические права и основные экономические, социальные и культурные права носят взаимозависимый и неделимый характер. Государства в этой связи не могут и не должны игнорировать какие-либо из этих прав под тем предлогом, что не обеспечено соблюдение других прав.

В рекомендациях Совецания говорится о том, что культурные различия не должны использоваться в качестве основания для оправдания нарушения прав женщин или религиозных меньшинств. Ценности, присущие правам человека, носят универсальный характер и не являются особенностью какого-либо одного региона или одной культуры. Осуществление экономических, социальных и культурных прав не должно служить основанием для оправдания нарушения гражданских или политических прав. Принцип неделимости прав человека означает обеспечение равного уважения всех прав человека. Каждый человек имеет право знать об универсальных правах человека и содействовать их осуществлению.

Совецание пришло к выводу о том, что с учетом принципов универсальности и неделимости необходимо обеспечить укрепление механизмов ООН по контролю над соблюдением экономических, социальных и культурных прав путем выделе-

ния надлежащих ресурсов и отведения времени для совещаний инспекционных органов.

Кроме того, необходимо создать дополнительные механизмы для обеспечения всеобъемлющего применения стандартов в области универсальных прав человека в отношении групп лиц или отдельных лиц, находящихся в неблагоприятном положении. Такие механизмы должны включать определенный набор инструментов, например, конвенции и структуры института омбудсменов, призванные способствовать налаживанию с инвалидами сотрудничества в целях содействия осуществлению и защите их прав.

В рамках подхода, согласно которому необходимо обеспечить отражение и уважение универсальных прав человека на национальном уровне, принцип неделимости универсальных прав человека требует обеспечения согласованности между различными элементами внешней политики и практики государств. Политика в сфере торговли, окружающей среды и в военных вопросах, а также политика, охватывающая вопросы оказания помощи и взаимоотношений с международными финансовыми учреждениями, не должна носить нейтральный характер, а должна содействовать осуществлению прав человека.

Подробные Совецания и Конференции были проведены как на национальном, так и на региональном уровне под эгидой ООН, национальных и региональных органов по обеспечению прав человека и НПО по поощрению и защите прав человека и основных свобод. В качестве примеров можно привести Каирское Совецание по правам человека 1993 г. (Египет)²⁴, Сеульское Совецание по правам человека (Южная Корея), Канарское Совецание по правам человека (Испания), солидарности и развития 2 февраля 1996 г. (Испания), Бангкокское Совецание по правам человека, различные совещания ОБСЕ и т. д.

Исходя из всего вышесказанного, можно делать следующие выводы:

- 1) права человека стали стимулом развития деятельности ООН, которая созывает различные конференции с целью создания структуры и условий для обеспечения и защиты этих прав;
- 2) государства в основном приветствуют и подтверждают свою приверженность к всеобщему уважению основных прав и свобод человека, об этом свидетельствуют разные национальные конференции, семинары, симпозиумы и др.;
- 3) большинство государств признают принцип универсальности и неделимости прав человека независимо от их политического, социального, экономического строя. В связи с этим права человека, по их мнению, должны предоставляться всем в независимости от политических или религиозных убеждений, социальной принадлежности, расы, цвета кожи человека и т. д.;
- 4) многие государства мира, представляющие разные континенты, с различными политическими, экономическими, культурными и социальными системами, участвовали во Всемирных Конференциях по правам человека, в разных Совецаниях и встречах по правам человека;
- 5) несмотря на политические, экономические, культурные и социальные различия и убеждения государств, все участники Всемирной Конференции по правам человека и различных Совецаний и встреч по правам человека признают универсальность и неделимость прав человека и призывают все государства к полному обеспечению, соблюдению поощрению и защите прав человека. В ходе различных конференций и совещаний также сформировались различные принципы и концепции универсальности прав человека;

24 Арабская конференция по правам человека, состоявшаяся в порядке подготовки к всемирной конференции, Каир, 10–12 апреля 1993 года (Document UN. A/CONF/157/PC/42/Add.5).

22 Док ООН A/CONF.157/PC/86.

23 Там же.

6) если изначально универсальность и неделимость прав человека и основных свобод носили рекомендательный характер, то в настоящее время они получили статус принципа международного права прав человека, а также международного права в целом и, следовательно, носят обязательный характер.

Таким образом, основные черты универсальности прав человека в основном подтверждаются региональными форумами с той лишь разницей, что показывают тенденцию к признанию универсального характера прав человека в рамках отдельных регионов или стран.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х. Организация Объединенных Наций и защита прав коренных народов: Монография. — М.: РУДН, 2010.
2. Всемирная конференция по правам человека, Подготовительный комитет, четвертая сессия Женева, 19–30 апреля 1993 года, Пункт 6 повестки дня: доклад о других совещаниях и мероприятиях: документ, представленный Канадским подготовительным совещанием Всемирной конференции по правам человека (Document UN. A/CONF.157/PC/86).
3. Всемирная конференция по правам человека, региональное совещание стран латинской Америки и Карибского бассейна в рамках всемирной конференции по правам человека, Сан-Хосе, Коста-Рика 18–22 апреля 1993 года (Document UN. A/CONF.157/LACRM/15).
4. Всемирная конференция по правам человека, Тунисское совещание декабря 1993 года (E/CN.4/1994/45).
5. Всемирная конференция по правам человека: Арабская конференция по правам человека, состоявшаяся в порядке подготовки к всемирной конференции, Каир, 10–12 апреля 1993 года (Document UN. A/CONF.157/PC/42/Add.5).
6. Всемирная конференция по правам человека: Венская декларация и программа действия июня 1993 года (Document UN. A/CONF.157/24).
7. Всемирная конференция по правам человека: доклад регионального совещания для Азии в рамках всемирной конференции по правам человека, Бангкок, 29 по 2 апреля 1993 года (Document UN. A/CONF.157/ASRM/8; A/CONF.157/PC/59).
8. Международная конференция по правам человека. — Воззвание Тегеранской конференции 13 мая 1968 года (Document ST/HR/1Rev.5 (Vol. I/PART 1)).
9. Права человека, Сборник международных договоров. — Том 1 (часть первая): Организация Объединенных Наций. — Нью-Йорк и Женева, 1994 год.
10. Резолюции ГА ООН от 15 декабря 1993 г. Парижский принцип.

Лямин Н. М.

МЕЖДУНАРОДНАЯ УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОМАНДИРОВ (ГРАЖДАНСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ) ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ ИХ ПОДЧИНЕННЫМИ

В статье раскрывается специфика международной уголовной ответственности должностных лиц — военных командиров, а также гражданских начальников (то есть невоенных руководителей, обладающих реальными рычагами власти) за преступные действия их подчиненных («командная ответственность»). Автор высказывает предположение о возможных механизмах применения Международным уголовным судом правовых норм Римского статута, устанавливающих ответственность за вышеуказанную категорию преступных деяний в дополнение к основным составам преступлений, предусмотренным данным международным правовым актом. Автор анализирует особенности субъектов и субъективной стороны преступлений категории «командной ответственности».

Ключевые слова: командная ответственность, военные командиры, гражданские начальники, Международный уголовный суд, прикосновенность к преступлению.

Лямин Н. М.

Lyamin N. M.

THE INTERNATIONAL CRIMINAL RESPONSIBILITY OF COMMANDERS (CIVILIAN SUPERIORS) FOR INTERNATIONAL CRIMES COMMITTED BY THEIR SUBORDINATES

The article reveals the peculiarities of international criminal justice officials — military commanders and civilian superiors (i.e. non-military leaders with the real levers of power) for the criminal acts of their subordinates («command responsibility»). The author suggests possible mechanisms for the enforcement of International criminal court legal provisions of the Rome Statute, which establishes liability for the above category of criminal acts in addition to the basic elements of a crime provided for in international legal act. The author analyses the peculiarities of the subjects and subjective side of the crime category of «command responsibility».

Keywords: command responsibility, military commanders and civilian superiors, the international criminal court, the implication in the crime.

В процессе осуществления международного уголовного правосудия международными уголовными трибуналами *ad hoc* был выработан принцип уголовной ответственности военных командиров за совершение международных преступлений их подчиненными.

Данный принцип является уникальным в правовой доктрине и юридической практике, так как практически неизвестен национальным системам уголовного права.

Несмотря на то, что принцип уголовной ответственности командиров появился сравнительно недавно, попытки его воплощения в правовых нормах предпринимались на протяжении многих столетий.

Так, в Кодексе Либера 1864 г., принятом в США в период гражданской войны, декларировалась уголовная ответственность для командиров, отдающих приказы о нанесении ранений или причинении смерти прекратившим сопротивление противникам, а также одобряющим такие деяния. Однако ответственность за данные противоправные действия не подпадает под современное понимание ответственности командиров за преступления подчиненных, так как являет собой скорее пример санкции за прямое соучастие в их совершении, а не за преступное бездействие.

Необходимость уголовной ответственности военных командиров за преступное бездействие в отношении преступлений подчиненных впервые была озвучена в 1919 г. на Предварительной Мирной конференции Комиссии по вопросам ответственности авторов войн. На ней говорилось о необходимости международного уголовного правосудия для лиц, воздерживающихся от предотвращения либо от принятия мер к предотвращению, прекращению или наказанию за нарушение законов или обычаев войны.

Однако практическая реализация рассматриваемого принципа была осуществлена только после окончания Второй мировой войны. Несмотря на то, что соответствующие правовые нормы не предусматривались ни уставами Нюрнбергского и Токийского трибуналов, ни Законом Контрольного совета

№ 10, ряд государств предусмотрел уголовную ответственность вышестоящих должностных лиц (в первую очередь, военных командиров) за преступные действия их подчиненных¹. Среди подобных нормативно-правовых актов можно выделить: французский Ордонанс от 28 августа 1946 г. «О наказании военных преступлений», Закон Китая от 24 октября 1946 г. «О Суде над военными преступниками», Закон Герцогства Люксембург от 2 августа 1947 г. «О наказании военных преступлений» и др.

Правовая доктрина уголовной ответственности командиров за преступления подчиненных нашла свое практическое выражение в нескольких судебных процессах в отношении ряда японских и немецких офицеров. Первым таким процессом можно считать дело в отношении командующего 14-й японской армией на Филиппинах генерала Томойуки Ямашита.

Дело Ямашита рассматривалось Военным Судом США в Маниле, а затем пересматривалось Верховным Судом США в 1946 г. Суд пришел к выводу о виновности командующего в связи с неприятием им надлежащих мер, которые бы позволили бы ему контролировать подчиненных и препятствовать совершению ими военных преступлений.

Следует упомянуть также аналогичные дела, рассматриваемые после окончания Второй мировой войны: «Соединенные Штаты против Карла Брандта и других», «Соединенные Штаты против Вильгельма Листа и других» («Дело заложников»), «Соединенные Штаты против Вильгельма Лееба и других» («Дело Верховного командования»).

Весьма значимым для развития доктрины ответственности военных командиров можно считать решение военного трибунала в Токио по делу: «Соединенные Штаты против Соены

1 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Нюрнбергский процесс и прогрессивное развитие международного права // Международное право — International Law. — 2006. — № 3. — С. 72–101.

Тойоды». В данном решении были выделены следующие элементы ответственности командиров:

- фактическая совершенность преступлений;
- осведомленность командующего об их совершении;
- наличие у командующего фактической власти над преступниками;
- непринятие находящихся в непосредственной компетенции командующего мер;
- отказ от действий по наказанию преступников².

Впервые свое закрепление, в качестве нормы международного гуманитарного права, доктрина ответственности военных командиров за преступления, совершенные их подчиненными, получила в 1977 г. в статьях Дополнительного протокола (Протокола I) к Женевским конвенциям 1949 г. Так, ч. 2 ст. 86 данного Протокола провозглашает: «Тот факт, что нарушение Конвенций или настоящего Протокола было совершено подчиненным лицом, не освобождает его начальников от уголовной или дисциплинарной ответственности в зависимости от случая, если они знали или имели в своем распоряжении информацию, которая должна была дать им возможность прийти к заключению в обстановке, существовавшей в то время, что такое подчиненное лицо совершает или намеревается совершить подобное нарушение, и если они не приняли всех практически возможных мер, в пределах своих полномочий для предотвращения или пресечения этого нарушения»³.

Свое дальнейшее развитие доктрина ответственности военных командиров за преступления подчиненных получила в процессе деятельности международных уголовных трибуналов ad hoc⁴.

В уставах Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии и Международного уголовного трибунала по Руанде ответственность командиров впервые получила свое закрепление в качестве нормы международного уголовного права. Так, п. 3 ст. 7 («Личная уголовная ответственность») Устава Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии от 25 мая 1993 г., провозглашает: «Тот факт, что любое из деяний, упомянутых в статьях 2–5 настоящего Устава, было совершено подчиненным, не освобождает его начальника от уголовной ответственности, если он знал или должен был знать, что подчиненный собирается совершить или совершил такое деяние, и если начальник не принял необходимых и разумных мер по предотвращению таких деяний или наказанию совершивших их лиц»⁵. Аналогичная международно-правовая норма содержится в п. 3 ст. 6 Устава Международного трибунала по Руанде от 8 ноября 1994 г.

Необходимо отметить, что практика применения трибуналами ad hoc принципа ответственности командиров за преступления подчиненных или «командной ответственности»

2 См. Дмитриевский С. Международное уголовное право [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mup-info.com/mup/biblioteka/book>.

3 Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) от 8 июня 1977 г. // Международное публичное право. Сборник документов / Сост. и авт. предисл. К. А. Бекяшев, Д. К. Бекяшев. — М.: Проспект, 2009. — С. 1020.

4 Международное право: Особенная часть / Отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. М. Абайдельдинов. — Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013. — С. 394; Право международных организаций: Учебник / Под ред. А. Х. Абашидзе. — М.: Юрайт, 2014. — С. 443.

5 Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии от 25 мая 1993 г. // Международное уголовное право в документах: Учеб. пособие. В 2 т. Т. 2 / Сост. Р. М. Валеев, И. А. Тарханов, А. Р. Каюмова. — Изд. 2, перераб. и доп. — М.: Статут, 2010. — С. 209.

(«command responsibility») зачастую инкриминировала подсудимым соучастие в международных преступлениях. Данная практика, безусловно, входит в противоречие с основополагающим принципом уголовного права (признаваемым как международным правом, так и внутренним правом большинства государств мирового сообщества) — привлечения лица к ответственности за конкретное преступление лишь при наличии его вины (в форме умысла или неосторожности) в данном преступлении.

Причиной этого стало широкое применение трибуналами (в первую очередь Международным трибуналом по бывшей Югославии) доктрины «совместной преступной деятельности» («joint criminal enterprise», JCE). Согласно положениям данной доктрины основными признаками соучастия в преступлении являются:

- множественность лиц, участвующих в совершении конкретных преступлений;
- совершение одного или нескольких преступлений в рамках общего плана («common plan»);
- любое участие лица в осуществлении вышеуказанного плана.

В процессе осуществления деятельности Международным трибуналом по бывшей Югославии (далее — МТБЮ) были выделены три формы «совместной преступной деятельности»: основная («basic»), системная («systemic») и расширенная («extended»)⁶.

Наиболее сомнительной с точки зрения международного уголовного права представляется концепция расширенной формы JCE. В рамках данной концепции лицо должно нести уголовную ответственность за преступления третьих лиц, не охваченные общим планом, направленным на совершение международного преступного деяния, если оно предвидело возможность совершения преступления третьими лицами и не предотвратило их.

Так, генерал Радислав Крстич был привлечен к ответственности МТБЮ в качестве соучастника преступления, за то, что «должен был осознавать» вероятность убийств подчиненными ему военнослужащими на базе в Поточарах⁷.

Доктрина «совместной преступной деятельности» (в особенности ее расширенная форма) подвергалась значительной критике за то, что согласно ее положениям лица могут подергаться уголовной ответственности за самостоятельные преступные действия третьих лиц, то есть за эксцессы исполнителя.

Данное понимание уголовной ответственности за преступные деяния третьих лиц имеет некоторое внешнее сходство с «командной ответственностью», в части actus reus (объективной стороны преступления). Однако в части mens rea (вины) различия между соучастием и «командной ответственностью» весьма существенны.

Субъективная сторона «командной ответственности» может предусматривать различную форму вины: от умысла (прямого или косвенного) до преступной неосторожности (легкомыслия или небрежности). Однако даже наличие прямого умысла на непредотвращение преступных деяний своих подчиненных либо на покрывательство подобных деяний не означает умысла на непосредственное соучастие в данных преступлениях (так как направленность умыслов на соучастие в преступлении и на его непредотвращение кардинальным образом различается).

Значительно более взвешенный подход по отношению к ответственности командиров и иных должностных лиц за преступные действия их подчиненных демонстрирует Римский

6 Кибальник А. Г. Некоторые проблемы понимания соучастия в решениях современных международных трибуналов // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2013. — № 6. — С. 3–6.

7 Там же.

статут Международного уголовного суда (далее — Статут, Римский Статут).

Статья 28 Римского статута Международного уголовного суда «Ответственность командиров и других начальников» формулирует рассматриваемую ответственность следующим образом:

«В дополнение к другим основаниям уголовной ответственности по настоящему Статуту за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда:

а) Военный командир или лицо, эффективно действующее в качестве военного командира, подлежит уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, совершенные силами, находящимися под его эффективным командованием и контролем либо, в зависимости от обстоятельств, под его эффективной властью и контролем, в результате неосуществления им контроля надлежащим образом над такими силами, когда:

I) такой военный командир или такое лицо либо знало, либо, в сложившихся на тот момент обстоятельствах, должно было знать, что эти силы совершали или намеревались совершить такие преступления; и

II) такой военный командир или такое лицо не приняло всех необходимых или разумных мер в рамках его полномочий для предотвращения или пресечения их совершения либо для передачи данного вопроса в компетентные органы для расследования и уголовного преследования.

б) Применительно к отношениям начальника и подчиненного, не описанным в пункте (а), начальник подлежит уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, совершенные подчиненными, находящимися под его эффективной властью и контролем, в результате неосуществления им контроля надлежащим образом над такими подчиненными, когда:

I) начальник либо знал, либо сознательно проигнорировал информацию, которая явно указывала на то, что подчиненные совершали или намеревались совершить такие преступления;

II) преступления затрагивали деятельность, подпадающую под эффективную ответственность и контроль начальника; и

III) начальник не принял всех необходимых и разумных мер в рамках его полномочий для предотвращения или пресечения их совершения либо для передачи данного вопроса в компетентные органы для расследования и уголовного преследования»⁸.

Формулировка ст. 28 Римского статута отличается от формулировок аналогичных статей в уставах международных уголовных трибуналов *ad hoc*. Прежде всего, данная статья применяется «в дополнение к другим основаниям».

Таким образом, вышеуказанная статья применяется лишь в случае наступления общественно-опасных последствий в форме совершения подчиненными командиров (гражданских начальников) преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС, согласно ст. 5 Римского Статута.

Тем не менее ответственность командиров невозможно идентифицировать в качестве формы соучастия в преступлении. Концепция «совместной преступной деятельности» представляется неприемлемой в контексте общепринятой точки зрения о необходимости наличия вины, как необходимого условия уголовной ответственности (из-за отсутствия у субъектов преступного бездействия, подпадающего под понятие «командной ответственности», умысла на подобное соучастие). В то же время неприменимой к ситуации, связанной с «командной ответственностью», является и более взвешенная, разработанная в решениях Международного уголовного суда,

8 Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // Международное уголовное право в документах: Учеб. пособие. В 2 т. — Т. 2 / Сост. Р. М. Валеев, И. А. Тарханов, А. Р. Каюмова. — Изд. 2, перераб. и доп. — М.: Статут, 2010. — С. 277–278.

концепция сложного соисполнительства (*co-perpetration*). Данная концепция признает исполнителями любых лиц, действующих в рамках общего плана, при условии, что их поведение явилось необходимым условием наступления преступного результата.

Наиболее приемлемой формой соотношения ответственности командиров (гражданских начальников) и основного состава преступления, в дополнение к которому подобная ответственность может быть применена, является прикосновенность к преступлению. Понятие прикосновенности к преступлению, до сих пор не используемое в международном уголовном праве, встречается (на законодательном или доктринальном уровнях) в ряде национальных уголовно-правовых систем (в том числе, в теории уголовного права Российской Федерации). В российском уголовном праве прикосновенность к преступлению представляет собой правовой институт, который устанавливает основания и пределы ответственности лиц, не относящихся к категории соучастников, однако причастных к совершению преступных деяний (аналогичное понимание понятия прикосновенности к преступлению присутствует в уголовном праве США, где под данным понятием понимается уголовно наказуемая причастность к преступлению, не находящаяся с ним в причинной связи). Российское национальное право знает два вида прикосновенности к преступлению: укрывательство преступления и попустительство.

Законодательные определения укрывательства преступления и попустительства в российском уголовном праве отсутствуют. Теория уголовного права Российской Федерации определяет укрывательство преступления как «заранее не обещанное укрывательство преступника, средств или орудий совершения преступления либо предметов, добытых преступным путем, а равно заранее не обещанное приобретение или сбыт таких предметов»⁹. В свою очередь, попустительство «определяется как невоспрепятствование достоверно известно готовящемуся или совершаемому преступлению лицом, обязанным и имевшим возможность предотвратить преступление»¹⁰.

Безусловно, ответственность командиров (гражданских начальников) не подпадает под вышеупомянутые доктринальные дефиниции, даваемые наукой российского уголовного права. Во-первых, субъективная сторона данных разновидностей прикосновенности к преступлению предусматривает умысел в качестве формы вины. Преступное же поведение в рамках «командной ответственности» может осуществляться как в форме умысла, так и в форме преступной неосторожности. Во-вторых, объективная сторона «командной ответственности» хотя и имеет некоторые общие черты с объективной стороной укрывательства преступления и (особенно) попустительства, но не вписывается в них полностью.

Однако, в целом, концепция прикосновенности к преступлению адекватно отражает отношение «командной ответственности» к основному составу преступления. Можно констатировать, что «командная ответственность» представляет собой особую форму прикосновенности к преступлению.

Представляется, что вышеупомянутая концепция могла бы способствовать в толковании (в процессе рассмотрения конкретных дел) Международным уголовным судом порядка применения положений Римского статута, касающихся ответственности командиров (гражданских начальников) за преступные действия подчиненных, в соответствии с п. «с» ч. 1 ст. 21 Статута («Применимое право»): «Если это возможно, Суд применяет общие принципы права, взятые им из национальных законов правовых систем мира...»¹¹.

9 Уголовное право в 2 т. — Т. 1. Общая часть: Учеб. для бакалавров / отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. — 3-е изд. перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2014. — С. 298.

10 Там же. — С. 300.

11 Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // Международное уголовное право в документах: Учеб. по-

В свою очередь, подобное толкование могло бы приобрести прецедентное значение при рассмотрении Международным уголовным судом последующих уголовных дел с элементами «командной ответственности», в соответствии с п. 2 ст. 21 Римского Статута: «Суд может применять принципы и нормы права в соответствии с тем, как они были истолкованы в его предыдущих решениях»¹².

Практическое значение от принятия вышеуказанной концепции заключалось бы в дифференциации, при осуществлении правосудия Международным уголовным судом, непосредственного исполнительства преступления, соучастия в преступлении и прикосновенности к преступлению (в форме «командной ответственности»), а, следовательно, в упорядочивании применения санкций (учитывая различную степень общественной опасности данных форм преступного поведения).

Данная дифференциация приобретает особое значение при рассмотрении дел о совершении преступления геноцида (с элементом «командной ответственности»). Особая тяжесть и опасность для мира и безопасности человечества фактически уравнивают, в контексте совершения данного международного преступления, непосредственное исполнительство и соучастие. Об этом говорит, в частности, ст. III Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г., которая предусматривает наказание не только за геноцид, но и за покушение на его совершение и соучастие в нем, а также за заговор и прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида¹³. Квалификация в этой связи преступного бездействия командиров (гражданских начальников) по отношению к действиям подчиненных, направленным на совершение вышеуказанного преступления, как соучастия (либо «сложного соисполнительства»), игнорировала бы отсутствие у данных должностных лиц умысла она существование преступления геноцида или содействие в его осуществлении.

Следует констатировать также и внутреннюю неоднородность преступлений, объединенных термином «командная ответственность». Прежде всего, необходимо отметить возможность дифференциации данных преступлений в зависимости от различий в субъекте и в субъективной стороне.

Множественность возможных форм вины при совершении преступных деяний, относимых к «командной ответственности», уже констатировалась в данной статье. В случае наличия умысла на совершение преступления, относимого к данной категории, его направленность не должна совпадать с направленностью умысла подчиненных на совершение международного преступления, состав которого предусмотрен статьями 6–8 Римского Статута. В противном случае преступное деяние (точнее, преступное бездействие) военного командира (гражданского начальника) переходит из категории «командной ответственности» в категорию соучастия.

Субъектом подобной разновидности преступных деяний может выступать ответственное должностное лицо (военный командир или гражданский начальник) способное осуществлять эффективный контроль над своими подчиненными. При этом основным критерием эффективности, как правило, признается не столько наличие юридических полномочий, сколько фактическое наличие у лица властных рычагов. Так, Г. Верле пишет следующее: «Как правило, контроль начальника над поведением подчиненных основывается на его юридически обоснованной власти, однако начальнику достаточно осуществлять контроль de facto. Так, военные звания или другие властные формы просто выступают в роли показателей эффективного контроля; решающим фактором являются фактические обсто-

ательства. Следовательно, объем юридической (de jure) власти начальника может быть как расширен, так и сужен пределами фактического (de facto) контроля»¹⁴.

Как следует из вышеуказанного, субъекты преступных деяний в рамках «командной ответственности» подразделяются на две категории: командиров и гражданских начальников. Уголовная ответственность каждой из данных категорий, согласно Римскому статуту Международного уголовного суда, имеет определенные особенности, которые обусловлены большей степенью контроля над подчиненными, которой обладают военные командиры в сравнении с гражданскими начальниками.

Основными отличиями ответственности командиров от ответственности гражданских начальников, согласно ст. 28 Римского Статута, являются:

1. Возможность привлечения военных командиров (или лиц, эффективно действующих в подобном качестве) к ответственности за преступные действия подчиненных при отсутствии фактического знания командиров о данных преступных деяниях (в формулировке пп. i п. а ст. 28 Статута «такой военный командир или такое лицо либо знало, либо в сложившихся на тот момент обстоятельствах должно было знать, что эти силы совершали или намеревались совершить подобные преступления»¹⁵). В то же самое время пп. i п. б ст. 28 Статута сужает объем ответственности гражданских начальников по отношению к ответственности военных командиров: «Начальник либо знал, либо сознательно проигнорировал информацию, которая явно указывала на то, что подчиненные совершали или намеревались совершить такие преступления»¹⁶.

Таким образом, вышеуказанная статья Римского статута ограничивает возможные формы вины при совершении гражданскими начальниками преступлений, связанных с «командной ответственностью», исключая из числа данных форм преступную небрежность. В то же самое время преступная неосторожность (в форме легкомыслия) сохраняется как возможная форма вины при совершении гражданскими начальниками рассматриваемой категории преступлений (о данном обстоятельстве свидетельствует формулировка «сознательно проигнорировал информацию», не тождественная формулировке «знал», выражающей точное представление о совершаемом подчиненными преступлении).

2. Возможность уголовной ответственности военных командиров (или лиц, эффективно действующих в подобном качестве) за преступные деяния подчиненных, выходящие за рамки непосредственной функциональной ответственности данных командиров. На это указывает формулировка пп. ii п. б ст. 28 Римского статута, данная в отношении ответственности гражданских начальников (и отсутствующая в отношении определения условий уголовной ответственности военных командиров): «Преступления затрагивали деятельность, подпадающую под эффективную ответственность и контроль начальника»¹⁷.

Подобный подход обусловлен высокой степенью ответственности командиров за все стороны жизни подчиненных. Данная точка зрения является практически общепризнанной и зафиксирована в соответствующих внутригосударственных нормативных правовых актах большинства государств мирового сообщества. Так, ст. 33 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации провозглашает: «Единачалие заключается в наделении командира (начальника) всей

14 Верле Г. Принципы международного уголовного права: Учебник / Пер. с англ. С. В. Саяпина. — О.: Феникс; М.: Транслит, 2011. — С. 259–260.

15 Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // Международное уголовное право в документах: Учеб. пособие. В 2 т. — Т. 2 / Сост. Р. М. Валеев, И. А. Тарханов, А. Р. Каюмова. — Изд. 2, перераб. и доп. — М.: Статут, 2010. — С. 278.

16 Там же.

17 Там же.

сбие: В 2 т. — Т. 2 / Сост. Р. М. Валеев, И. А. Тарханов, А. Р. Каюмова. — Изд. 2, перераб. и доп. — М.: Статут, 2010. — С. 274.

12 Там же. — С. 275.

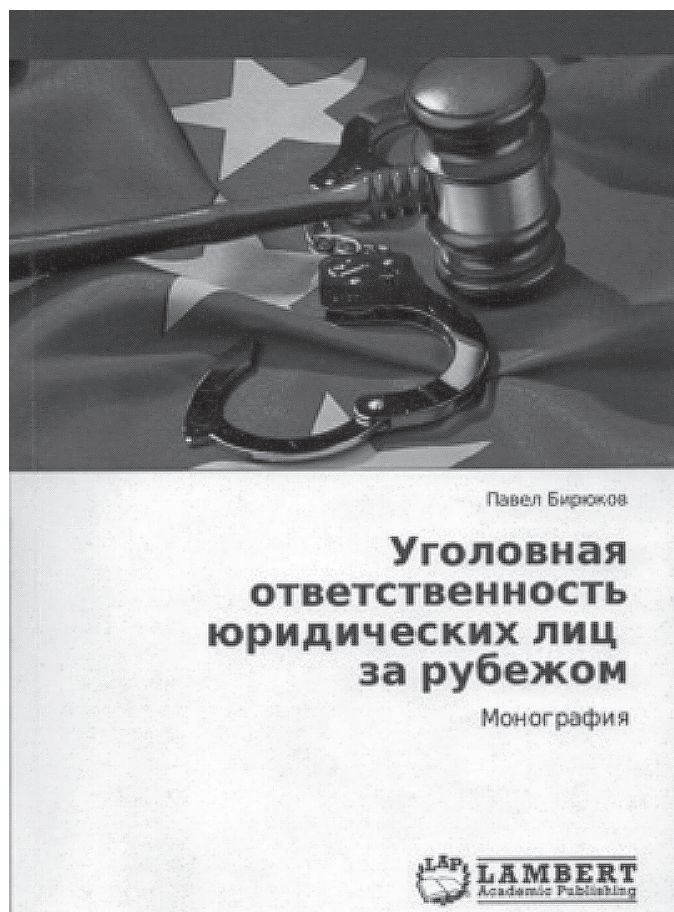
13 Подробнее см. Карташкин В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. — М.: Норма, 2009. — С. 205.

полнотой распорядительной власти по отношению к подчиненным и возложении на него персональной ответственности за все стороны жизни и деятельности воинской части, подразделения и каждого военнослужащего»¹⁸.

Резюмируя вышесказанное и проведя аналогии с доктринальными положениями национального уголовного права (прежде всего — уголовного права Российской Федерации), можно предположить, что «командная ответственность» представляет собой особую форму прикосновенности к преступлению, может иметь разнообразные формы вины и определенные различия в категориях субъектов данного преступного деяния.

Пристайный библиографический список

1. Верле Г. Принципы международного уголовного права: учебник / Пер. с англ. С. В. Саяпина. — О.: Фенікс; М.: ТрансЛит, 2011.
 2. Дмитриевский С. Международное уголовное право [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mur-info.com/mur/biblioteka/book>.
 3. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) от 8 июня 1977 г. // Международное публичное право.
- 18 Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержден Указом Президента Российской Федерации «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» от 10 ноября 2007 г. № 1495 // СЗ РФ. — 2007. — № 47 (ч. 1) — Ст. 5749.
4. Карташкин В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. — М.: Норма, 2009.
 5. Кибальник А. Г. Некоторые проблемы понимания участия в решениях современных международных трибуналов // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2013. — № 6.
 6. Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // Международное уголовное право в документах: Учебное пособие. В 2 т. — Т. 2 / Сост. Р. М. Валеев, И. А. Тарханов, А. Р. Каюмова. — Изд. 2, перераб. и доп. — М.: Статут, 2010.
 7. Уголовное право в 2 т. — Т. 1. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. — 3-е изд. перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2014.
 8. Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержден Указом Президента Российской Федерации «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» от 10 ноября 2007 г. № 1495 // СЗ РФ. — 2007. — № 47 (ч. 1). — Ст. 5749.
 9. Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии от 25 мая 1993 г. // Международное уголовное право в документах: Учебное пособие. В 2 т. — Т. 2 / Сост. Р. М. Валеев, И. А. Тарханов, А. Р. Каюмова. — Изд. 2, перераб. и доп. — М.: Статут, 2010.

Хамидова М. Ф.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ГЕНОЦИДА ПО СТАТУТУ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА И УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

В данной статье проанализировано преступление геноцида по Статуту Международного уголовного суда и по Уголовному кодексу Республики Таджикистан. На основе проведенного исследования автором обоснована необходимость включения поправки в уголовное законодательство Республики Таджикистан.

Ключевые слова: Римский статут, Международный уголовный суд, уголовное законодательство Республики Таджикистан, преступление геноцида.

Hamidova M. F.

THE CRIME OF GENOCIDE UNDER THE STATUTE OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT AND THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

This article describes the crime of genocide under the Statute of the International Criminal Court and the Criminal Code of the Republic of Tajikistan. Based on the research the author substantiates the necessity of the inclusion of an amendment to the criminal law legislation of the Republic of Tajikistan.

Keywords: the Rome Statute, International Criminal Court, criminal legislation of the Republic of Tajikistan, the crime of genocide.

Хамидова М. Ф.

Республика Таджикистан является единственным государством — участником СНГ, которое не только подписало, но и ратифицировало Статут Международного уголовного суда (далее — МУС). Присоединение государства к МУС влечет за собой существенные последствия для его правовой системы, одним из которых является имплементация в законодательстве государства — члена Суда положений его Статута.

Геноцид является одним из преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС. В соответствии со ст. 5 Статута МУС юрисдикция Суда ограничивается наиболее тяжкими преступлениями, вызывающими озабоченность всего международного сообщества. В соответствии со Статутом Суд обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений: а) преступление геноцида; б) преступления против человечности; в) военные преступления; г) преступление агрессии¹.

В ст. 6 Римского статута закреплено, что «геноцид» означает совершение деяний с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. Далее следует список из пяти деяний, признаваемых Статутом МУС геноцидом при обязательном условии их совершения при вышеуказанных обстоятельствах. Геноцид может быть выражен в применении одного или нескольких предусмотренных ст. 6 Римского статута способов:

- а) убийство членов этой группы;
- б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства;
- в) преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное ее уничтожение.

Согласно Элементам преступлений эта форма геноцида означает, что исполнитель создал определенные жизненные условия для одного или нескольких лиц, принадлежащих к конкретной национальной, этнической, расовой или религиозной группе, и имел умысел уничтожить, полностью или частично, эту национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. При этом в п. 4 отмечается, что жизненные условия должны быть рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение такой группы. Кроме того, в ст. 6 (с) уточняется, что «термин «жизненные условия» может включать в себя умышленное лишение ресурсов, насущно необходимых для выживания, таких, как продовольствие или медицинское

обслуживание, или систематическое изгнание из жилищ, но не ограничивается ими»².

Этническая группа (этнос) — исторически возникший вид устойчивой социальной группы людей, представленный племенем, народностью, народом, характеризующийся компактным расселением, особенностями быта, культуры, традиций.

Расовая группа объединяет группу людей, имеющих общность происхождения, определенную совокупность внешних физических признаков (цвет кожи, волос, форма носа, губ, лица и др.) и иные исторически сложившиеся особенности.

Религиозная группа — определенная группа людей, исповедующих соответствующую религию, отличную от официальной или признанной в конкретном обществе;

- г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения;
- д) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Действия по уничтожению должны быть направлены на одну из четырех групп, перечисленных в самом понятии геноцида: национальная, этническая, расовая или религиозная. Под национальной группой понимается группа людей, принадлежащая к определенной нации. Нация (от лат. natio — племя, народ) есть историческая общность людей, складывающаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, языка, некоторых особенностей культуры и характера (например, американская нация, французская нация)³.

Определение геноцида не содержит формального требования о том, что наказуемые деяния должны быть совершены в рамках широкомасштабного или систематического нападения или как часть организованного общего плана уничтожить группу.

Нужно отметить, что для описания субъективной стороны данного преступления важное значение имеет не фактическое количество жертв, а скорее умысел преступника уничтожить значительную часть этой группы. А фактическое количество жертв играет главную роль при доказательстве умысла преступника совершить именно геноцид. Чем больше количество реальных жертв, тем логичнее вывод, что умысел был направлен на уничтожение группы «полностью или частично».

Выражение «полностью или частично» означает, что отдельный акт расового насилия не образует состава престу-

1 Статут МУС. Ст. 5.

2 Элементы преступлений. Ст. 6 (с).

3 Полный курс уголовного права: В 5 т. — Т. 1 / Под ред. А. И. Коробеева. — СПб., 2008. — С. 643.

пления геноцида. О последнем можно говорить, когда присутствует намерение уничтожить значительное количество представителей группы, хотя и не обязательно уничтожать эту группу целиком.

Как отмечает У. Шабас, данное определение означает количественное измерение. Необходимо, чтобы обозначенное количество было значительным, и намерение лишить жизни всего лишь нескольких членов группы не может быть признано геноцидом⁴.

Очень часто авторами отмечается, что геноцид отличается от других составов, определенных Римским статутом, своим «специальным намерением» («*dolus specialis*»)⁵. В сущности три из четырех преступлений согласно Римскому статуту предусматривают уголовную ответственность за умышленное истребление людей или убийство. Однако геноцид отличается от преступлений против человечности и военных преступлений тем, что деяния в соответствии со ст. 6 Статута МУС должны быть совершены с конкретным намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. Преступление геноцида не может быть совершено по неосторожности.

Поскольку принципы, лежащие в основе Конвенции о геноциде 1948 г., признаны в международном праве в качестве обязательных даже без каких-либо договорных обязательств, Республика Таджикистан имплементировала их в качестве обязательных путем инкорпорации, не будучи даже государством — участником данного договора⁶. Статья 398 Уголовного кодекса Республики Таджикистан предусматривает уголовную ответственность за геноцид. Непосредственным основным объектом геноцида являются отношения по безопасности человечества, обеспечивающие безопасные условия существования национальной, этнической, расовой или религиозной группы людей. В качестве дополнительного объекта геноцида выступает жизнь или здоровье людей указанных групп.

Из определения геноцида, которое закреплено в диспозиции ст. 398 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, следует, что он характеризуется действиями, направленными на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы людей и выражается в применении одного или нескольких из следующих предусмотренных этой статьей способов:

- а) полное или частичное физическое истребление;
- б) насильственное воспрепятствование деторождению;
- в) принудительная передача детей из одной человеческой группы в другую;
- г) причинение тяжкого вреда их здоровью;
- д) иное создание жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы.

Такой способ совершения геноцида, предусмотренного Статутом, как «убийство членов группы», таджикский законодатель описывает по-другому, а именно как «полное или частичное физическое истребление», хотя суть от этого не меняется, поскольку когда в Элементах преступлений дается толкование «истреблению», предусмотренному п. 1 (б) ст. 7 Статута как одному из альтернативных действий преступлений против человечности, то последнее описывается именно как «убийство одного или нескольких лиц, в том числе путем создания условий жизни, рассчитанных на то, чтобы уничтожить часть населения»⁷.

Такие альтернативные способы совершения геноцида по таджикскому уголовному законодательству, как насильственное воспрепятствование деторождению, принудительная

передача детей из одной человеческой группы в другую и причинение тяжкого вреда их здоровью, в целом соответствуют аналогичным альтернативным действиям по конструкции объективной стороны геноцида, предусмотренного ст. 6 Статута МУС.

К иному созданию жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы, согласно Уголовному кодексу Республики Таджикистан следует отнести, например, преднамеренное заражение окружающей среды химическими токсинами, радиоактивными материалами или иными опасными для жизнедеятельности людей веществами, установление запрета на поставку определенной продукции в места массового проживания определенной группы, отказ в выделении необходимых средств для восстановления разрушенных или поврежденных объектов жизнеобеспечения после стихийных бедствий или иных чрезвычайных событий и т. п.⁸

Статья 398 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, так же как и ст. 6 Статута, для квалификации преступления не устанавливает условия фактического уничтожения идентифицируемой группы; достаточно, если совершено одно из действий, составляющих объективную сторону состава геноцида, но с обязательным условием — намерением подобного уничтожения.

Обязательным признаком субъективной стороны преступления геноцида по Уголовному кодексу Республики Таджикистан, так же как и по ст. 6 Статута МУС, является цель его совершения — полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы. И именно этим геноцид отличается от иных видов умышленного лишения жизни другого человека.

Таким образом, проанализировав положения ст. 6 Римского статута МУС, предусматривающей ответственность за геноцид, мы пришли к выводу, что они полностью отражены в ст. 398 («Геноцид») Уголовного кодекса Республики Таджикистан.

В п. «е» ч. 3 ст. 25 Римского статута закреплено, что лицо будет нести уголовную ответственность за прямое и публичное подстрекательство других к совершению геноцида.

Несмотря на то, что таджикский законодатель определил объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 398 Уголовного кодекса Республики Таджикистан «Геноцид», как преступление с усеченным составом (т.е. оно будет считаться оконченным «уже в момент совершения действий, а не после их выполнения»⁹), все же полагаем, что положения Уголовного кодекса Республики Таджикистан не соответствуют Римскому статуту в смысле его п. «е» ч. 3 ст. 25. В сущности, по смыслу ст. 398 Уголовного кодекса Республики Таджикистан лицо будет нести уголовную ответственность за геноцид лишь с момента совершения им одного из альтернативно предусмотренных способов осуществления геноцида, т.е. действий, направленных на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы путем их полного либо частичного физического истребления, насильственного воспрепятствования деторождению либо передачи детей из одной человеческой группы в другую, причинения тяжкого вреда их здоровью либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы. Такое деяние, как прямое и публичное подстрекательство других к совершению геноцида, в таджикском законодательстве не предусмотрено. Полагаем, что для приведения в соответствие положений Уголовного кодекса Республики Таджикистан Статуту необходимо включить в Особенную часть Уголовного кодекса Республики Таджикистан норму с таким содержанием, которое предусмотрено в п. «е» ч. 3 ст. 25 Статута МУС.

4 Schabas W. An Introduction to the International Criminal Court. Fourth Edition. Oxford University Press, 2011. — P. 104.

5 Ibid.

6 Раджабов С. А. Становление и развитие Международного уголовного суда. — Душанбе, 2005. — С. 105.

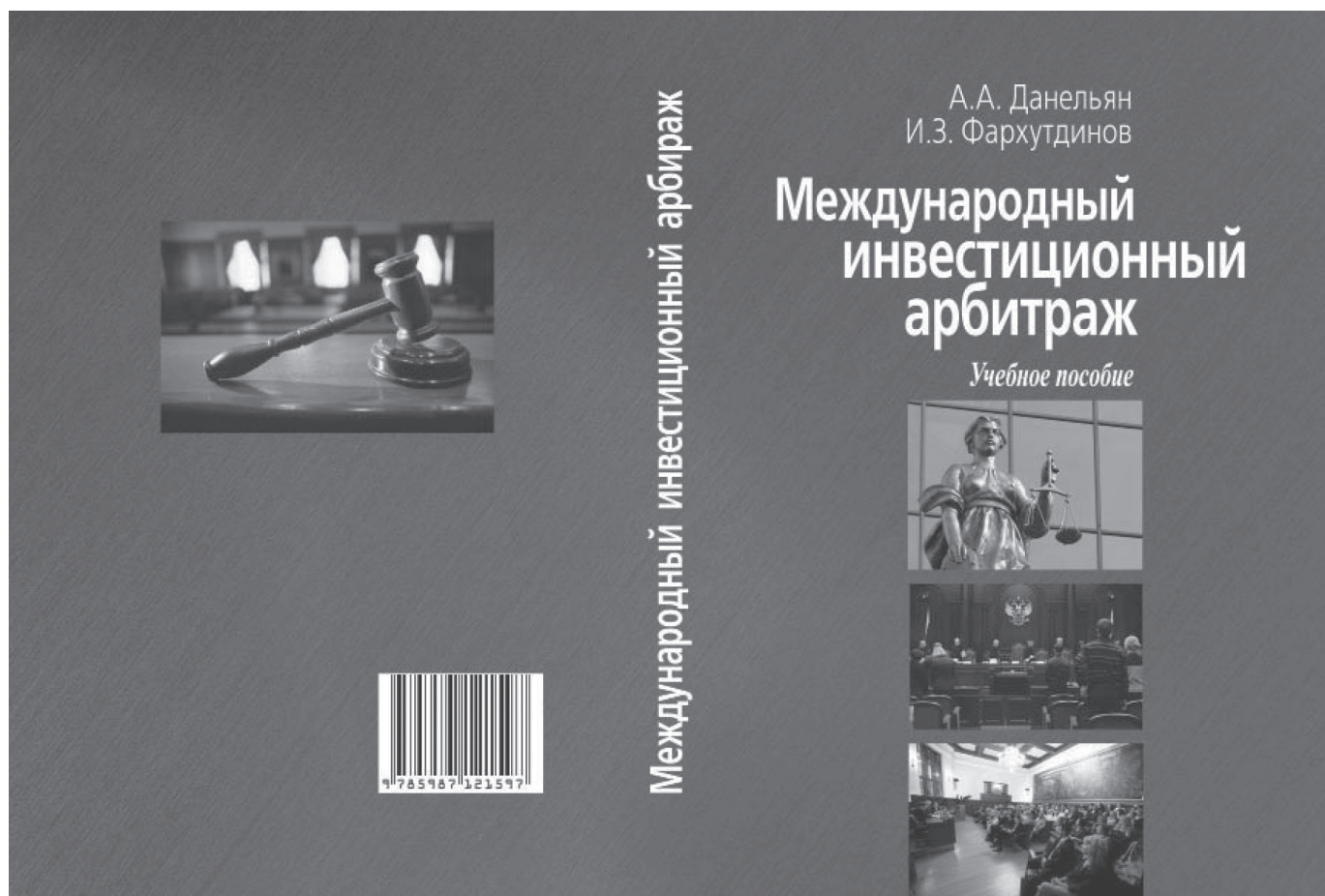
7 Элементы преступлений. Ст. 7 п. 1 (б).

8 Вартанян В. М., Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Уголовная ответственность за геноцид. — Ставрополь, 2001.

9 Коробеев А. И. Ук. соч. — С. 645.

Пристатейный библиографический список

1. Текст Статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. см.: Международное публичное право: Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев. — Ч. II. — М.: Изд-во Проспект, 2006.
2. Элементы преступлений // Волеводз А. Г., Волеводз В. А. Современная система международной уголовной юстиции: Хрестоматия. — М., 2009.
3. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. Официальный текст. — Душанбе, 2014.
4. Вартанян В. М., Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Уголовная ответственность за геноцид. — Ставрополь, 2001.
5. Полный курс уголовного права: В 5 т. — Т. 1 / Под ред. А. И. Коробеева. — СПб., 2008.
6. Раджабов С. А. Становление и развитие Международного уголовного суда. — Душанбе, 2005.
7. Schabas W. An Introduction to the International Criminal Court. — 4th Edition. — Oxford University Press, 2011.

Шамилова Г. З.

ЗАЩИТА ПРАВА НА СВОБОДУ И БЕЗОПАСНОСТЬ ПО ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД 1950 ГОДА

В статье раскрывается проблематика реализации защиты права на свободу и безопасность по Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. в контексте ст. 5 Конвенции. Особое внимание уделяется изучению изложенных правовых позиций Европейского суда по правам человека, что может способствовать как развитию российского законодательства в сфере прав человека и практики его применения, так и повышению уровня отстаивания в ЕСПЧ интересов России, а также уровня защиты права на свободу и безопасность жертвами соответствующих нарушений.

Ключевые слова: право на свободу и безопасность, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Европейский суд по правам человека.

Shamilova G. Z.

PROTECTION OF THE RIGHT TO LIBERTY AND SECURITY UNDER THE EUROPEAN CONVENTION ON HUMAN RIGHTS AND FUNDAMENTAL FREEDOMS OF 1950

The article reveals the problems of protection of right to liberty and security under the European Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950 in the context of the Convention's Article 5. Special attention is given to study of legal position of European Court of Human Rights, which may contribute to both the development of the Russian legislation in the sphere of human rights and its implementation and improvement of protection of the Russia's interests in the ECHR as well as protection level of the right to liberty and security by victims of the appropriate violations.

Keywords: the right to liberty and security, the European convention on human rights and fundamental freedoms 1950, European Courts of Human rights

Шамилова Г. З.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., более знакомая нам под названием «Европейская конвенция по правам человека»¹, была открыта для подписания 4 ноября 1950 г. в Риме и вступила в силу 3 сентября 1953 г. Конвенция закрепила отдельные права и свободы, признанные во Всеобщей декларации прав человека, и основала международный судебный орган (далее — Суд) компетентный выносить постановления в отношении государств, которые не выполняют принятые на себя обязательства.

Европейская конвенция по правам человека (далее — ЕКПЧ, Конвенция) — это международный договор, который могут подписать только государства — члены Совета Европы. Конвенция учреждает Суд, определяет его функции и содержит список прав и свобод, которые государства обязуются соблюдать.

Государство, подписавшее Конвенцию, именуемое также «Государство — участник Конвенции», признает и гарантирует основные гражданские и политические права своих граждан, а также любого другого лица, на которое распространяется действие его законов. Конвенция предусматривает, в частности, право на жизнь, право на справедливое судебное разбирательство, право на уважение частной и семейной жизни, свободу выражения мнения, свободу мысли, совести и религии, право на уважение частной собственности. Она также запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание, рабство и принудительные работы, бесосновательное и незаконное заключение под стражу, дискриминацию в использовании прав и свобод, гарантируемых Конвенцией.

Суд является заложником своего успеха: около 50 000 новых жалоб поступает в Суд каждый год. Отголосок, который получают некоторые постановления Суда, и растущее признание среди граждан государств-участников Конвенции оказывают значительное влияние на количество обращений, поступающих ежегодно в Суд.

Одно из наиболее существенных прав, которые защищает Конвенция, право на личную свободу и безопасность, является основным предметом ст. 5. Эта статья следует за статьями, защищающими право на жизнь (ст. 2), право не подвергаться пыткам и другому бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению и наказанию (ст. 3) и право не подвергаться рабству, каторжным работам или принудительному труду (ст. 4). Статья 5 стоит на страже фундаментального права человека, а именно защищает личность от произвольного нарушения государством права на личную свободу.

Согласно статистике Европейского суда по правам человека за 2013 г., нарушения по ст. 5 Конвенции занимают «почетное» третье место (15,97%), пропуская вперед лишь нарушения по ст. 6 — «Право на справедливое судебное разбирательство» (30,05%) и ст. 8 — «Право на уважение частной и семейной жизни» (18,45%)².

Право на свободу и безопасность — одно из основополагающих прав человека, возможность делать все, что не нарушает прав других людей и общества в целом. Право на свободу, в частности, включает комплекс конкретных правомочий, реализуемых в сфере личной (свобода выбора места пребывания, свобода передвижения, половая свобода и т. д.), политической (свобода мысли, свобода слова и т. д.), профессиональной (свобода труда, свобода творчества и т. д.) жизни. Рабство является преступлением международного характера. Право на свободу может быть ограничено (в большей или меньшей степени) в качестве уголовного наказания на определенный срок или даже пожизненно. Право на свободу не исключает также принудительного привлечения лица к выполнению конституционных обязанностей, таких как воинская. В случае причинения гражданину физического, морального или имущественного вреда вследствие нарушения его права на свободу и безопасность этот вред подлежит обязательному возмещению на основании ГК РФ.

1 Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года и Протоколы к ней // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 163.

2 Статистическая информация на официальном сайте ЕСПЧ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.echr.coe.int>

Если сравнить само содержание ст. 5 Конвенции, например, с Хартией основных прав Европейского союза³, то в ст. 6 Устава (Хартии) выражается право на свободу и безопасность личности в одном пункте: «Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность», а ст. 5 Конвенции содержит не менее пяти положений, одно из которых включает шесть дополнительных подпунктов, то есть одиннадцать элементов в общей сложности, закрепляющих то же право.

Примечательно, что п. 1 ст. 5 оговаривает все случаи, когда личность теряет свое право на свободу перед лицом принуждения со стороны государства. Статья устанавливает исчерпывающий список исключений, не допускающий широкого толкования.

Важность права на свободу и безопасность признается в течение уже нескольких веков. Она выражена в ряде документов, предшествовавших международным соглашениям в области прав человека, таких как Великая хартия вольностей (1215 г.) и конституции США и Франции XVIII в. Основная цель ст. 5 — гарантировать защиту физической свободы лица, ограждая его от произвольного заключения под стражу. Статья не касается лишь ограничений свободы передвижения, которая регулируется ст. 2 Протокола № 4.

Тщательная проработка положений ст. 5 необходима вследствие того, что даже такое фундаментальное право, как право на физическую свободу, не является абсолютным. В каждой правовой системе существует определенный диапазон ситуаций, в которых право на физическую свободу может отступить перед лицом каких-либо иных жизненных интересов общества. Эти ситуации возникают, прежде всего (но не исключительно), когда речь идет о системе уголовного права.

Согласно ст. 14 Конвенции право на свободу и безопасность гарантируется каждому без каких бы то ни было различий по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам⁴.

Суд постоянно подчеркивает важность права на свободу и безопасность в демократическом обществе. Например, рассмотрев дело *De Wilde, Ooms and Versyp* («Vagrancy») v Belgium (1971 г.)⁵, где заявители добровольно явились в полицию для заключения под стражу, Суд постановил, что право на свободу и безопасность слишком важно в демократическом обществе, чтобы человек лишился гарантий его защиты, провозглашенных Конвенцией, исключительно по причине добровольной явки в полицию. Статья 5 обеспечивает защиту не только непосредственно в момент задержания лица, но и периодически после заключения под стражу вплоть до освобождения, либо до вынесения уголовным судом приговора к лишению свободы.

Провозглашая «право на свободу», п. 1 ст. 5 подразумевает физическую свободу личности; его (суда) целью является обеспечение того, чтобы никто не мог быть лишен этой свободы произвольно. Для того чтобы определить, был ли человек «лишен свободы» по смыслу ст. 5, отправной точкой должна служить конкретная ситуация, и должен учитываться целый ряд критериев, таких как вид, продолжительность, оказываемое воздействие и способ осуществления рассматриваемых мер⁶.

3 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://europa.eu/>

4 Запрещение дискриминации в рамках Европейской конвенции о защите прав человека (статья 14) // *interights* руководство для юристов // текущее издание по состоянию на июнь 2009 г.

5 *De Wilde (De Wilde), Ooms (Ooms) и Версип (Versyp) против Бельгии*. Решение Европейского суда по правам человека от 18 июня 1971 г. // Европейский суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. — М.: Издательство НОРМА, 2000.

6 *Гудзарди против Италии (Guzzardi v. Italy)*: Постановление Европейского суда по правам человека от 06 ноября 1980 г. (жалоба

Разница между лишением и ограничением свободы заключается только лишь в степени или строгости применяемых мер, а не в их сути или природе. Хотя процесс классификации по принадлежности к одной из этих категорий является зачастую непросто задачей, так как некоторые граничные случаи являются делом субъективного мнения, суд не может избежать этого выбора, от которого зависит применимость или неприменимость ст. 5⁷.

Военная служба, существующая в государствах — участниках Конвенции, никоим образом не представляет собой лишение свободы согласно Конвенции, что четко оговорено в ст. 4 (3) (b). Кроме того, довольно широкие ограничения свободы передвижения военнослужащих вызваны особыми требованиями военной службы, поэтому обычные ограничения, сопутствующие этому, не подпадают под действие ст. 5. Каждое государство вправе устанавливать свою собственную систему военной дисциплины и в этом отношении обладает определенной свободой усмотрения. Рамки, за которые согласно требованиям ст. 5 государство не должно выходить, не являются идентичными для военнослужащих и гражданских лиц. Дисциплинарные взыскания или меры, которые рассматриваются как лишение свободы при применении их к гражданскому лицу, могут не обладать той же характеристикой, когда налагаются на военнослужащего. Тем не менее такие взыскания или меры подпадают под ст. 5, если они принимают форму ограничений, коренным образом отличающихся от обычных условий жизни военнослужащих в вооруженных силах государств — участников Конвенции. Для того чтобы установить наличие такой характеристики, следует учитывать целый ряд факторов, таких как характер, продолжительность, последствия и способ исполнения данного наказания или дисциплинарной меры.

Представляется, что изучение изложенных правовых позиций ЕСПЧ может способствовать как развитию российского законодательства в сфере прав человека и практики его применения, так и повышению уровня отстаивания в ЕСПЧ интересов России, а также уровня защиты права на свободу и безопасность жертвами соответствующих нарушений.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что право на личную свободу и безопасность является настолько основным и общепризнанным правом человека, что в благополучных и устоявшихся демократических странах, которые провозглашают либеральные ценности, это право часто считается само собой разумеющимся. Что касается России, если обратиться к статистике ЕСПЧ за 1959–2010 гг., то можно обнаружить следующее: в данный период времени в Российской Федерации нарушения Конвенции распределены следующим образом: ст. 6–21%, ст. 1 Протокола 1–17%, ст. 3–15%, ст. 5–14%, остальные права — 33% от общего числа нарушений⁸. Надеемся, что положительные изменения в области защиты права на свободу и безопасность человека, происходящие в последнее время в нашей стране, также не останутся на достигнутом уровне, но и будут развиваться дальше.

Пристатейный библиографический список

1. *Гудзарди против Италии (Guzzardi v. Italy)*: Постановление Европейского суда по правам человека от 06 ноября 1980 г. (жалоба № 7367/76)
2. *Де Вильде (De Wilde), Оомс (Ooms) и Версип (Versyp) против Бельгии*. Решение Европейского суда по правам человека от 18 июня 1971 г. // Европейский суд по правам человека № 7367/76
3. *Энгель и другие против Нидерландов (Engel and Others v. the Netherlands)*: Постановление Европейского суда по правам человека от 8 июня 1976 г. (жалоба № 5100/71)
4. Статистическая информация на официальном сайте ЕСПЧ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.echr.coe.int>

- вам человека. Избранные решения: В 2 т. — М.: Издательство НОРМА, 2000.
3. Запрещение дискриминации в рамках Европейской конвенции о защите прав человека (статья 14) // *interights* руководство для юристов // текущее издание по состоянию на июнь 2009 г.
 4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года и Протоколы к ней // *Собрание законодательства РФ*. — 2001. — № 2. — Ст. 163.
 5. Статистическая информация на официальном сайте ЕСПЧ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.echr.coe.int>
 6. Энгель и другие против Нидерландов (Engel and Others v. The Netherlands): Постановление Европейского суда по правам человека от 8 июня 1976 г. (жалоба № 5100/71)

Монография

Монография посвящена исследованию теоретических и практических проблем реализации норм водного и земельного права в условиях рыночных отношений в Республике Казахстан. В работе даны понятия и раскрыты содержания механизма реализации норм водного и земельного права и их составных элементов; выявлены особенности водного процесса и дана классификация процессуальных форм реализации норм водного права; изучены вопросы правоприменения как особой формы реализации норм водного права и предложены пути повышения его эффективности; изложены проблемы международного сотрудничества в области охраны и использования водных ресурсов, его роли и места в механизме реализации нормы водного права, исследованы историко-политические вопросы развития земельных правоотношений в Республике Казахстан. Авторами рассмотрены широкий круг правовых норм, институтов водного и земельного права, выявлены их взаимодействие с другими отраслями права. Раскрыты такие темы, как водно-земельные правоотношения, управление водным процессом, различные виды его целевого использования, аренда земельных участков и арендная плата за землю.

Сауле Сулейменова
Сулейменова Сауле Жусупбековна, доктор юридических наук, профессор КазНУ им.Аль-Фараби. Автор совместно с Шолпан Саймовой опубликовали ряд научных работ и статей в области водного и земельного права Республики Казахстан в отечественных и зарубежных изданиях.

Сауле Сулейменова
Шолпан Саймова

Водно-земельные правоотношения Республики Казахстан

Монография

Сулейменова, Саймова

978-3-659-26372-9

Бекашев К. А., Теймуров Э. С.

О ВКЛАДЕ КАФЕДРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О. Е. КУТАФИНА (МГЮА) В МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Данный обзор посвящен научным исследованиям кафедры международного права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) в области международного экологического права. С целью выявления роли кафедры в развитии международного экологического права приведены краткие сведения о проблемах, выступивших в качестве предмета научного анализа, и основные выводы по ним.

Ключевые слова: Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кафедра международного права, международное экологическое право, «Антология интерэкоправа».

Beckashev K. A., Teymurov E. S.

ABOUT THE CONTRIBUTION OF THE INTERNATIONAL LAW SUB-FACULTY OF THE MSLA (O. E. KUTAFIN UNIVERSITY) INTO THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW

The review is devoted to scientific researches of the International Law sub-faculty of O. E. Kutafin Moscow State Law University in the field of international environmental law. The summary of issues studied by our scholars and their main conclusions thereon are revealed in order to identify the role of the sub-faculty in the development of international environmental law.

Keywords: O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), International Law sub-faculty, international environmental law, Anthology of Interecolaw.

История кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА; далее — кафедра международного права МГЮА) начинается в марте 1949 г. Именно тогда в составе Московского факультета Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ) была образована кафедра международного права. В 1990 г. на ее основе были созданы кафедра международного права и кафедра конституционного права зарубежных стран, а в 2002 г. — кафедры международного права и международного частного права.

В настоящее время на кафедре работают десять штатных преподавателей, в том числе четыре доктора и шесть кандидатов юридических наук. Профессорско-преподавательским составом кафедры международного права МГЮА подготовлено и издано множество статей и монографий, посвященных как общим, так и отдельным специфическим проблемам международного экологического права. К примеру, в «Антологии интерэкоправа»¹ упоминаются труды К. А. Бекашева (47 раз), Н. А. Соколовой (61 раз), Я. С. Кожеурова (2 раза), Л. И. Захаровой (2 раза).

Общие вопросы международного экологического права раскрываются в учебнике по международному публичному праву², подготовливаемом кафедрой международного права МГЮА с 1998 г. Он получил широкую известность среди студентов и сотрудников ведущих вузов Российской Федерации, а также практикующих юристов. Последним выпуском данного учебника явилось его 5-е издание в 2011 г. В главе XXI учебника подробно с использованием актуальной отечественной и зарубежной литературы раскрываются понятие, источники,

принципы международного экологического права, международно-правовые проблемы охраны мирового океана, животного и растительного мира, атмосферного воздуха, биологического разнообразия, устойчивого развития, деятельности международных организаций и транснациональных корпораций в природоохранной сфере, охраны окружающей среды в период вооруженных конфликтов, оценки воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, предотвращения трансграничного вреда от опасных видов деятельности, роль СНГ и Российской Федерации в охране окружающей среды.

В учебнике по международному праву для бакалавров, выпущенном в 2014 г., с учетом требований нового образовательного стандарта дополнительно рассмотрены вопросы охраны окружающей среды от радиоактивного заражения, стойких органических загрязнителей³.

Касательно отдельных специфических проблем экологического права, следует отметить, что на кафедре исследуются самые разные аспекты международного экологического права. Так, заведующим кафедрой международного права МГЮА доктором юридических наук, профессором К. А. Бекашевым неоднократно поднимались проблемы правовой охраны природы⁴, международных водотоков⁵, ресурсов открытого моря⁶,

Бекашев К. А.

Теймуров Э. С.

1 Антология интерэкоправа: учебное пособие, тематический каталог, ссылки на скачивание полных текстов, источниковедческие обзоры, интервью и статьи / Под. ред. Е. А. Высторобца; [предисл. В. И. Данилова-Данильяна, к читателям А. Д. Буриана, пролог Р. М. Валеева]. — 2-е изд. — М. — Уфа: МИРМП/ОС, Центр интерэкоправа ЕврАзНИИПП, 2014. — 678 с.; Московская инициатива в развитие международного права окружающей среды [Электронный ресурс]. — 2014. — Режим доступа: http://miel.d.narod.ru/index/anthology_of_interecolaw/0-10 (дата обращения: 22.01.2014).

2 Международные проблемы борьбы с ННН промыслом: политика и право / Бекашев К. А., Крайний А. А. — М.: Изд-во ВНИРО, 2012. — 360 с.

3 Международное право: учебник для бакалавров / отв. ред. К. А. Бекашев. — М.: Проспект, 2014. — С. 284–304.

4 Охрана природы и рыбохозяйственное законодательство. Учебник / Бекашев К. А. — М.: Легкая и пищевая пром-сть, 1981. — 152 с.; Правовая охрана природы / Баледин В. П., Бекашев К. А., Боголепов Р. Д., Гусев Р. К. и др.; Под ред. Петрова В. В. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. — 312 с.

5 Бекашев К. А. Правовой режим международных водотоков // Lex Russica. — 2009. — № 2. — С. 471–483.

6 Бекашев К. А. ФАО и правовое регулирование промысла ресурсов открытого моря: Автореферат дис. ... к. ю. н.). — Л., 1973. — 19 с.;

предотвращения загрязнения мирового океана⁷, правового регулирования промысла рыбных ресурсов⁸, вопросы деятельности отдельных международных организаций в природоохранной сфере⁹ и др. Наиболее детально автором изучены вопросы рыболовства. В частности, исследована роль ФАО, Генеральной комиссии по рыболовству в Средиземном море и иных международных организаций в регулировании промысла живых ресурсов открытого моря, раскрыто понятие незаконного, несообщаемого и нерегулируемого (ННН) промысла, даны рекомендации по борьбе с ним, проанализированы Соглашение по обеспечению выполнения мер по международному сохранению и управлению рыболовными судами в открытом море (1993 г.), Соглашение о мерах государства порта по предотвращению, сдерживанию и ликвидации ННН промысла (2009 г.), Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Сенегал о сотрудничестве в области рыболовства (2011 г.), договоры Российской Федерации с Республикой Корея (2009 г.), КНДР (2012 г.), Японией (2012 г.) и Китаем (2012 г.), посвященные исключительно вопросам предотвращения ННН промысла, и другие.

- Бекашев К. А. ФАО и правовые вопросы охраны живых ресурсов открытого моря. — М.: Пищ. пром-сть, 1976. — 185 с.
- 7 Бекашев К. А. Международно-правовые вопросы предотвращения загрязнения мирового океана / Научно-технический прогресс и правовая охрана природы. Проблемы совершенствования природоохранного законодательства в условиях научно-технического прогресса / Под ред. Петрова В. В. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. — С. 169–191.
- 8 Бекашев Д. К., Бекашев К. А. Международно-правовые вопросы борьбы с ННН промыслом и развитие сотрудничества РФ в этой области // Ежегодник морского права 2008. Юбилейное издание к 40-летию Ассоциации международного морского права / Отв. ред.: Колодкин А. Л. — М.: Линкор, 2009. — С. 34–54; Бекашев К. А. Квота Вылова — важная мера в международно-правовом регулировании морского промысла // Советский ежегодник международного права, 1972. — М.: Наука, 1974. — С. 170–178; Бекашев К. А. Международно-правовые вопросы инспекции за выполнением правил рыболовства // Советский ежегодник международного права, 1984. — М.: Наука, 1986. — С. 232–244; Бекашев К. А. Международно-правовые вопросы охраны атлантических тунцов / Труды: Проблемы морского права. Труды Союзморниипроект. Т. 31 (37). — М.: Транспорт, 1971. — С. 111–121; Бекашев К. А. Роль В. И. Ленина в создании и становлении советского рыбного хозяйства // Материалы ежегодных собраний, 1970–1972 гг. Труды Советской Ассоциации морского права / Науч. ред.: Колодкин А. Л. — М.: Союзморниипроект, 1973. — С. 97–109; Бекашев К. А. Российская Федерация в авангарде борьбы с ННН промыслом живых морских ресурсов (в соавторстве) // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 4 (59). — С. 29–38; Бекашев К. А., Сапронов В. Д. Мировое рыболовство: вопросы международного сотрудничества. — М.: Агропромиздат, 1990. — 287 с.; Международные проблемы борьбы с ННН промыслом: политика и право / Бекашев К. А., Крайний А. А. — М.: Изд-во ВНИРО, 2012. — 360 с.
- 9 Бекашев Д. К., Бекашев К. А. Правовой статус и деятельность Генеральной комиссии по рыболовству в Средиземном море и рекомендации по сотрудничеству Российской Федерации с этой организацией // Евразийский юридический журнал. — 2011. — № 9. — С. 25–31; Бекашев К. А., Крайний А. А. Правовой статус и основные направления деятельности международной комиссии по сохранению атлантических тунцов (ИККАТ) по борьбе с ННН промыслом // Евразийский юридический журнал. — 2010. — № 10 — С. 46–56; Бекашев К. А. Международные акты ФАО по вопросам рыболовства и их имплементация в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 4. — С. 39–49; Бекашев К. А. Международные рыбохозяйственные организации и проблемы управления морским рыболовством // Актуальные проблемы международного права. — М., 1989. — С. 3–31.

Профессором Н. А. Соколовой исследовались вопросы эффективности норм международного экологического права¹⁰, форм сотрудничества в сфере охраны природы¹¹, экологической безопасности¹², защиты и сохранения морской среды¹³, специальные принципы международного экологического права¹⁴, охрана природы в период вооруженных конфликтов¹⁵, им-

- 10 Соколова Н. А. К вопросу об эффективности норм международного права окружающей среды // Материалы научно-практической конференции Иркутской области. — Иркутск, 1997. — С. 14–16.
- 11 Соколова Н. А. Правовые вопросы сотрудничества Российской Федерации и Республики Корея в сфере охраны окружающей среды // Материалы международной конференции «Перспективы сотрудничества Сибири и Юго-Восточной Азии в XXI веке (The 21st Century Siberia–East Asia, Cooperative Perspectives)». — Тэчжон, 2003. — С. 26–42; Соколова Н. А. Специфика правовых и организационных форм международного сотрудничества в сфере охраны окружающей среды // Сибирский юридический вестник. — 1998. — № 2. — С. 62–69.
- 12 Соколова Н. А. Обеспечение коллективной экологической безопасности как импульс для развития международного права // Актуальные проблемы международного права: Liber amicorum в честь профессора Револя Миргалимовича Валеева. — Казань: Центр инновационных технологий, 2013; Соколова Н. А. Экологический аспект безопасного развития // Тезисы докладов на Байкальском форуме «Безопасное развитие регионов». — Иркутск, 1997. — С. 157–159.
- 13 Соколова Н. А. Защита и сохранение морской среды как условия осуществления свобод открытого моря // Морское право и практика. — 2005. — № 1. — С. 20–32; Соколова Н. А. Международно-правовая охрана уязвимых морских экосистем // Морское право и практика. — 2008. — № 4. — С. 35–41; Соколова Н. А. Международно-правовые проблемы охраны морского биоразнообразия // Морское право и практика. — 2006. — № 4. — С. 20–31; Соколова Н. А. Морские генетические ресурсы как новый объект международно-правовой охраны // Морское право и практика. — 2007. — № 4. — С. 11–19.
- 14 Соколова Н. А. Взаимосвязь основных и специальных принципов при регулировании международных отношений по охране окружающей среды // Сибирский юридический вестник. — 1999. — № 1. — С. 56–59; Соколова Н. А. Принцип «загрязнитель платит» в системе принципов международного права окружающей среды // Материалы международной научно-практической конференции «Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения)». — М., 2009. — С. 410–413; Соколова Н. А. Развитие системы принципов международного экологического права // Труды Московской государственной юридической академии: Сб. статей № 6. — М.: Юристъ, 2001. — С. 50–64; Развитие принципов международного экологического права и проблемы их имплементации (на примере законодательства Российской Федерации): Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Соколова Н. А. — М., 1998. — 185 с.
- 15 Соколова Н. А. Имплементация норм МПП по защите природной среды // Российский ежегодник международного права. — СПб: СКФ «Россия-Нева», 2004. — С. 19–26; Соколова Н. А. Институт международно-правовой защиты природной среды в период вооруженного конфликта // Studii Juridice Universitare. — 2008. — № 3–4. — С. 165–175; Соколова Н. А. Международное гуманитарное право и защита природной среды // Argumentum ad Judicium. ВЮЗИ — МЮИ — МГЮА. Труды. Том II. — М., 2006. — С. 310–316; Соколова Н. А. Некоторые вопросы защиты окружающей среды в период вооруженных конфликтов // Российский ежегодник международного права. Специальный выпуск. — СПб: «СКФ Россия-Нева», 2000. — С. 169–171; Соколова Н. А. Обычные нормы и защита окружающей среды в период вооруженных конфликтов // Российский ежегодник международного права. Специальный выпуск 2005. — СПб: СКФ «Россия-Нева», 2006. — С. 40–48; Соколова Н. А. Природная среда как объект защиты международного гуманитарного права // Международное право — International Law. — 2010. — № 2. — С. 60–67.

плементации международных экологических норм в Российской Федерации¹⁶, роль международных организаций в охране окружающей среды¹⁷, проблемы управления в сфере охраны окружающей среды¹⁸, и другие.

Его разработано понятие международного управления в сфере охраны окружающей среды, под которым понимается осуществляемое на основе и в рамках международного права целенаправленное воздействие на международные отношения с целью достижения благоприятного качества окружающей среды для обеспечения устойчивого развития и экологической безопасности. Отмечается разнообразие концепций международного управления. По мнению ученого, управление охватывает международно-правовое регулирование, координацию и организацию международных отношений в сфере охраны окружающей среды. К функциям международного управления автор относит следующие: регулирование, контроль, прогнозирование, координацию, реформирование, организационную.

Н. А. Соколова отмечает необходимость кодификации специальных принципов международного права охраны окружающей среды, создания Всемирной организации по окружающей среде, которая должна обладать достаточными полномочиями для эффективного решения глобальных экологических проблем. Не менее важным, по мнению автора, является правовое регулирование действий физических и юридических лиц по охране окружающей среды, при этом делается вывод о невозможности принятия единого кодифицирующего акта ввиду особенностей права отдельных государств.

Доцентом кафедры Я. С. Кожеуровым подготовлена и опубликована статья, посвященная международно-правовой ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом¹⁹. В ней автор приходит к выводу о необходимости выделения ответственности за международно-противоправное деяние и за вредные последствия запрещенных действий. С учетом судебной практики и отчетов КМП рассмотрены обязательства по предотвращению зна-

чительного трансграничного вреда и по обеспечению оперативной и адекватной компенсации в случае его причинения. Автор выделяет более полусотни соглашений, регулирующих ответственность за последствия опасных видов деятельности, классифицируя их по областям: исследование и использование космического пространства, защита морской среды, загрязнение моря нефтью, опасные отходы, использование ядерной энергии и др. Более детально вопросы ответственности за вредные последствия использования ядерной энергии Я. С. Кожеуровым рассмотрены в статье «Международно-правовые аспекты возмещения ядерного ущерба, причиненного аварией на АЭС „Фукусима-1“»²⁰.

Доцент Л. И. Захарова, основной сферой научных интересов которой является международно-правовое регулирование спорта, также уделила внимание проблемам международного экологического права. Она затронула вопросы защиты окружающей среды при проведении международных спортивных соревнований²¹, а также проблемы взаимодействия ЮНЕП и Международного олимпийского комитета в экологических целях²². В частности, автором подробно проанализированы Повестка 21 Олимпийского движения, одобренная на Третьей Всемирной конференции по спорту и окружающей среде (Рио-де-Жанейро, 1999 г.), Руководство МОК в области спорта и окружающей среды (2006 г.), Меморандум о взаимопонимании между АНО «Организационный комитет XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи» и ЮНЕП от 05.06.2009, двустороннее соглашение России и ЮНЕП от 17.04.2013, касающееся сотрудничества по ряду экологических аспектов проведения Олимпийских зимних игр в Сочи. Л. И. Захарова делает вывод о формировании принципа сохранения окружающей среды во время тренировок и проведения спортивных соревнований.

Кроме того, в настоящее время в рамках диссертационных исследований на кафедре разрабатываются вопросы международно-правового регулирования рационального использования пресной воды (Э. С. Теймуров), проблема экологических мигрантов (Е. Ю. Маркова).

Вышеуказанное позволяет с уверенностью сказать, что кафедра международного права МГЮА занимает одно из лидирующих мест в исследовании актуальных проблем международного экологического права и разработке положений по его кодификации и развитию.

Пристатейный библиографический список

1. Соколова Н. А. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в сфере охраны окружающей среды // Сибирский юридический вестник. — 2001. — № 3. — С. 22–26; Соколова Н. А. Имплементация норм Конвенции ООН по морскому праву 1982 года о защите морской среды (часть XII) в российском законодательстве // Сибирский юридический вестник. — 2000. — № 1. — С. 12–18; Соколова Н. А. Международное право и российское экологическое законодательство // Сибирский юридический вестник. — 1999. — № 2. — С. 66–68.
- 17 Соколова Н. А. Вопросы охраны окружающей среды в деятельности международных судебных учреждений // Российский ежегодник международного права. — СПб: СКФ «Россия-Нева», 2003. — С. 99–110; Соколова Н. А. Роль ООН в прогрессивном развитии международного права окружающей среды // Российский ежегодник международного права. 2005. — СПб: СКФ «Россия-Нева», 2006. — С. 270–278; Соколова Н. А. Специализированные учреждения ООН: международное управление в сфере охраны окружающей среды // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Москва, 10–11 апреля 2009 г. / Под ред. А. Я. Капустина, Ф. Р. Ананидзе. — М.: РУДН, 2010. — С. 464–475.
- 18 Соколова Н. А. Международно-правовые проблемы управления в сфере охраны окружающей среды: монография / отв. ред. д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ К. А. Бекашев. — М.: Проспект, 2010. — 317 с.; Соколова Н. А. Правовой режим природных ресурсов и концепции международного управления // Материалы научно-практической конференции «60 лет кафедре международного права МГЮА им. О. Е. Кутафина». — М.: Проспект, 2009. — С. 155–159.
- 19 Кожеуров Я. С. Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом // Альманах кафедры международного права Ceteris Paribus. Выпуск 3. — М.: Проспект, 2012. — С. 103–119.
- 20 Кожеуров Я. С. Международно-правовые аспекты возмещения ядерного ущерба, причиненного аварией на АЭС «Фукусима-1» // Актуальные проблемы российского права. — 2013. — № 6. — С. 768–774.
- 21 Захарова Л. И. Защита окружающей среды при подготовке международных спортивных соревнований // Альманах кафедры международного права Ceteris Paribus. Выпуск 4. Отв. ред. К. А. Бекашев. — М.: Проспект, 2013. — С. 55–67.
- 22 Захарова Л. И. «О спорт, ты — мир!» Роль международного права, lex sportiva и lex olympica в регулировании международных спортивных отношений. — М.: ГИ «Центральная типография», 2013. — С. 141–154.
1. Бекашев Д. К., Бекашев К. А. Международно-правовые вопросы борьбы с ННН промыслом и развитие сотрудничества РФ в этой области // Ежегодник морского права 2008. Юбилейное издание к 40-летию Ассоциации международного морского права / Отв. ред.: Колодкин А. Л. — М.: Линкор, 2009. — С. 34–54.
2. Бекашев Д. К., Бекашев К. А. Правовой статус и деятельность Генеральной комиссии по рыболовству в Средиземном море и рекомендации по сотрудничеству Российской Федерации с этой организацией // Евразийский юридический журнал. — 2011. — № 9. — С. 25–31.

3. Бекашев К. А. Квота Вылова — важная мера в международно-правовом регулировании морского промысла // Советский ежегодник международного права, 1972. — М.: Наука, 1974. — С. 170–178.
4. Бекашев К. А., Крайний А. А. Правовой статус и основные направления деятельности международной комиссии по сохранению атлантических тунцов (ИККАТ) по борьбе с ННН промыслом // Евразийский юридический журнал. — 2010. — № 10 — С. 46–56.
5. Бекашев К. А. Международно-правовые вопросы инспекции за выполнением правил рыболовства / Советский ежегодник международного права, 1984. — М.: Наука, 1986. — С. 232–244.
6. Бекашев К. А. Международно-правовые вопросы охраны атлантических тунцов / Труды: Проблемы морского права. Труды Союзморниипроект. Т. 31 (37). — М.: Транспорт, 1971. — С. 111–121.
7. Бекашев К. А. Международно-правовые вопросы предотвращения загрязнения мирового океана / Научно-технический прогресс и правовая охрана природы. Проблемы совершенствования природоохранного законодательства в условиях научно-технического прогресса / Под ред. Петрова В. В. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. — С. 169–191.
8. Бекашев К. А. Международные акты ФАО по вопросам рыболовства и их имплементация в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 4. — С. 39–49.
9. Бекашев, К. А. Международные рыбохозяйственные организации и проблемы управления морским рыболовством // Актуальные проблемы международного права. — М., 1989. — С. 3–31.
10. Бекашев К. А. Правовой режим международных водотоков // Lex Russica. — 2009. — № 2. — С. 471–483.
11. Бекашев К. А. Роль В. И. Ленина в создании и становлении советского рыбного хозяйства / Материалы ежегодных собраний, 1970–1972 гг. Труды Советской Ассоциации морского права / Науч. ред.: Колодкин А. Л. — М.: Союзморниипроект, 1973. — С. 97–109.
12. Бекашев К. А. Российская Федерация в авангарде борьбы с ННН промыслом живых морских ресурсов (в соавторстве) // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 4 (59). — С. 29–38.
13. Бекашев К. А., Сапронов В. Д. Мировое рыболовство: вопросы международного сотрудничества. — М.: Агропромиздат, 1990. — 287 с.
14. Бекашев К. А. ФАО и правовое регулирование промысла ресурсов открытого моря: Автореферат дис. ... к. ю. н.). — Л., 1973. — 19 с.
15. Бекашев К. А. ФАО и правовые вопросы охраны живых ресурсов открытого моря. — М.: Пищ. пром-сть, 1976. — 185 с.
16. Захарова Л. И. Защита окружающей среды при подготовке международных спортивных соревнований // Альманах кафедры международного права Ceteris Paribus. Выпуск 4. Отв. ред. К. А. Бекашев. — М.: Проспект, 2013. — С. 55–67.
17. Захарова Л. И. «О спорт, ты — мир!» Роль международного права, *lex sportiva* и *lex olympica* в регулировании международных спортивных отношений. — М.: Ги «Центральная типография», 2013. — С. 141–154.
18. Кожеуров Я. С. Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом // Альманах кафедры международного права Ceteris Paribus. Выпуск 3. — М.: Проспект, 2012. — С. 103–119.
19. Кожеуров Я. С. Международно-правовые аспекты возмещения ядерного ущерба, причиненного аварией на АЭС «Фукусима-1» // Актуальные проблемы российского права. — 2013. — № 6. — С. 768–774.
20. Международное право: учебник для бакалавров / отв. ред. К. А. Бекашев. — М.: Проспект, 2014. — С. 284–304.
21. Международное публичное право: учебник / Л. П. Ануфриева, К. А. Бекашев, Е. Г. Моисеев, В. В. Устинов [и др.]; отв. ред. К. А. Бекашев. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2011. — С. 760–817.
22. Международные проблемы борьбы с ННН промыслом: политика и право / Бекашев К. А., Крайний А. А. — М.: Изд-во ВНИРО, 2012. — 360 с.
23. Московская инициатива в развитие международного права окружающей среды [Электронный ресурс]. — 2014. — Режим доступа: http://miel.narod.ru/index/anthology_of_interecolaw/0-10. — Дата доступа: 22.01.2014.
24. Охрана природы и рыбохозяйственное законодательство. Учебник / Бекашев К. А. — М.: Легкая и пищевая пром-сть, 1981. — 152 с.
25. Правовая охрана природы / Балезин В. П., Бекашев К. А., Боголепов Р. Д., Гусев Р. К., и др.; Под ред. Петрова В. В. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. — 312 с.
26. Соколова Н. А. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в сфере охраны окружающей среды // Сибирский юридический вестник. — 2001. — № 3. — С. 22–26.
27. Соколова Н. А. Взаимосвязь основных и специальных принципов при регулировании международных отношений по охране окружающей среды // Сибирский юридический вестник. — 1999. — № 1. — С. 56–59.
28. Соколова Н. А. Вопросы охраны окружающей среды в деятельности международных судебных учреждений // Российский ежегодник международного права. — СПб: СКФ «Россия–Нева», 2003. — С. 99–110.
29. Соколова Н. А. Защита и сохранение морской среды как условия осуществления свобод открытого моря // Морское право и практика. — 2005. — № 1. — С. 20–32.
30. Соколова Н. А. Имплементация норм Конвенции ООН по морскому праву 1982 года о защите морской среды (часть XII) в российском законодательстве // Сибирский юридический вестник. — 2000. — № 1. — С. 12–18.
31. Соколова Н. А. Имплементация норм МГП по защите природной среды // Российский ежегодник международного права. — СПб: СКФ «Россия–Нева», 2004. — С.19–26.
32. Соколова Н. А. Институт международно-правовой защиты природной среды в период вооруженного конфликта // Studii Juridice Universitare. — 2008. — № 3–4. — С. 165–175.
33. Соколова Н. А. К вопросу об эффективности норм международного права окружающей среды // Материалы научно-практической конференции Иркутской области. — Иркутск, 1997. — С. 14–16.
34. Соколова Н. А. Международно-правовая охрана уязвимых морских экосистем // Морское право и практика. — 2008. — № 4. — С. 35–41.
35. Соколова Н. А. Международно-правовые проблемы охраны морского биоразнообразия // Морское право и практика. — 2006. — № 4. — С. 20–31.
36. Соколова Н. А. Международно-правовые проблемы управления в сфере охраны окружающей среды: монография / отв. ред. д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ К. А. Бекашев. — М.: Проспект, 2010. — 317 с.
37. Соколова Н. А. Международное гуманитарное право и защита природной среды // Argumentum ad Judicium. ВЮЗИ — МЮИ — МГЮА. Труды. Том II. — М., 2006. — С. 310–316.

38. Соколова Н. А. Международное право и российское экологическое законодательство // Сибирский юридический вестник. — 1999. — № 2. — С. 66–68.
39. Соколова Н. А. Морские генетические ресурсы как новый объект международно-правовой охраны // Морское право и практика. — 2007. — № 4. — С. 11–19.
40. Соколова Н. А. Некоторые вопросы защиты окружающей среды в период вооруженных конфликтов // Российский ежегодник международного права. Специальный выпуск. — СПб: «СКФ Россия-Нева», 2000. — С. 169–171.
41. Соколова Н. А. Обеспечение коллективной экологической безопасности как импульс для развития международного права // Актуальные проблемы международного права: Liber amicorum в честь профессора Револя Миргалимовича Валеева. — Казань: Центр инновационных технологий, 2013.
42. Соколова Н. А. Обычные нормы и защита окружающей среды в период вооруженных конфликтов // Российский ежегодник международного права. Специальный выпуск 2005. — СПб: СКФ «Россия-Нева», 2006. — С. 40–48.
43. Соколова Н. А. Правовой режим природных ресурсов и концепции международного управления // Материалы научно-практической конференции «60 лет кафедре международного права МПЮА им. О. Е. Кутафина». — М.: Проспект, 2009. — С. 155–159.
44. Соколова Н. А. Правовые вопросы сотрудничества Российской Федерации и Республики Корея в сфере охраны окружающей среды // Материалы международной конференции «Перспективы сотрудничества Сибири и Юго-Восточной Азии в XXI веке (The 21st Century Siberia–East Asia, Cooperative Perspectives)». — Тэчжон, 2003. — С. 26–42.
45. Соколова Н. А. Принцип «загрязнитель платит» в системе принципов международного права окружающей среды // Материалы международной научно-практической конференции «Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения)». — М., 2009. — С. 410–413.
46. Соколова Н. А. Природная среда как объект защиты международного гуманитарного права // Международное право — International Law. — 2010. — № 2. — С. 60–67.
47. Соколова Н. А. Развитие системы принципов международного экологического права // Труды Московской государственной юридической академии. Сб. статей № 6. — М.: Юристъ, 2001. — С. 50–64.
48. Соколова Н. А. Роль ООН в прогрессивном развитии международного права окружающей среды // Российский ежегодник международного права. 2005. — СПб: СКФ «Россия-Нева», 2006. — С. 270–278.
49. Соколова Н. А. Специализированные учреждения ООН: международное управление в сфере охраны окружающей среды // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Москва, 10–11 апреля 2009 г. / Под ред. А. Я. Капустина, Ф. Р. Ананидзе. — М.: РУДН, 2010. — С. 464–475.
50. Соколова Н. А. Специфика правовых и организационных форм международного сотрудничества в сфере охраны окружающей среды // Сибирский юридический вестник. — 1998. — № 2. — С. 62–69.
51. Развитие принципов международного экологического права и проблемы их имплементации (на примере законодательства Российской Федерации): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Соколова Н. А. — М., 1998. — 185 с.
52. Соколова Н. А. Экологический аспект безопасного развития // Тезисы докладов на Байкальском форуме «Безопасное развитие регионов». — Иркутск, 1997. — С. 157–159.
53. Антология интерэкоправа: учебное пособие, тематический каталог, ссылки на скачивание полных текстов, источниковедческие обзоры, интервью и статьи / Под ред. Е. А. Высторобца; [предисл. В. И. Данилова-Данильяна, к читателям А. Д. Буриана, пролог Р. М. Валеева]. — 2-е изд. — М. — Уфа: МИРмпОС, Центр интерэкоправа ЕврАзНИИПП, 2014. — 678 с.;

Казачкова З. М., Кишева М. Х.
ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ:
КИТАЙСКИЙ ВЕКТОР

Данная статья посвящена становлению и развитию института интеллектуальной собственности в Китае, новым направлениям эволюции данного института. Главный акцент сделан на рассмотрении новых вызовов, с которыми сталкивается государство в области режима защиты интеллектуальных прав, процедур, противоречий имплементации норм международного права в данной области. Показаны особенности легитимации интеллектуальных прав в свете решения экономических задач; проведения юридических мероприятий по защите и охране интеллектуальной собственности. Рассмотрены новые тенденции в защите интеллектуальных прав на примере Китая.

Ключевые слова: интеллектуальные права, авторское право, программное обеспечение, защита интеллектуальных прав, защита права интеллектуальной собственности, административный орган, патент, международные стандарты защиты интеллектуальных прав.

Kazachkova Z. M., Kischeva M. Kh.
THE PROBLEMS OF INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION: CHINA'S DIRECTION

The article deals with the issues in the field of the origin and the development of the institute of the intellectual property in China. The new trends of the intellectual rights protection are the object of searching. The main idea of this article is what is the message and the responds to the new challenges in the field of the intellectual property. The specific ways of legal regulation of intellectual rights in the light of decision making in national economy, protection and defending of intellectual property are the key questions of this article.

Keywords: intellectual rights, copyright, program equipment, protection of intellectual property rights, administrative agency, patent, international standards of protection of the intellectual rights.

Одним из основных условий стабильности международного обмена и сотрудничества в области науки, техники, экономики и культуры является надлежащее состояние института защиты интеллектуальной собственности.

Евразийское направление в этом отношении не является исключением. А с учетом новых доминант международного сотрудничества России изучение данного направления, несомненно, актуализируется.

Так, согласно Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р¹, в ближайшее десятилетие в стране предстоит создать инновационную социально-ориентированную экономику. В этой связи актуализируются вопросы всестороннего изучения и внедрения правовых инструментов инновационного развития, в том числе, уже апробированных зарубежной практикой. Речь идет, прежде всего, о Китае. Ведь Китай — это наш стратегический партнер.

О степени важности проблемы защиты интеллектуальной собственности для судеб российско-китайского сотрудничества свидетельствует высказывание Д. Рогозина о том, что «близка к решению проблема защиты прав интеллектуальной собственности в сфере военно-технического сотрудничества. Мы близки к решению проблемы по поставкам самолета «Сухой», по лицензионной сборке СУ-27, и поставок СУ-35 в Китай. Китайская сторона сигнализирует о том, что они полностью восприняли наш сигнал по уважению интеллектуальной собственности российских производителей»². Еще одно немаловажное обстоятельство обращения к данной теме состоит в том, что нередко высказывается точка зрения о том, что именно в пло-

скости защиты интеллектуальных прав лежат сходные для России и Китая институциональные проблемы³, что могло бы стать основанием проведения совместных мероприятий в данной области. И, хотя предпринятые в России усилия дают все больше позитивных плодов⁴, целый ряд проблем, связанных с необходимостью защиты интеллектуальных прав, все еще не решен. И в этой связи обращение к данной проблематике, исследование зарубежного опыта представляется своевременным.

Реформирование данного института и в России, в Китае затронуло и публично-правовые, и частноправовые аспекты регулирования института интеллектуальной собственности. В обоих государствах создан Суд по интеллектуальным правам, проводятся форумы и конференции, издаются специализированные журналы.

Совершенствование администрирования интеллектуальной собственности постепенно сказывается на состоянии данного сегмента общественных отношений.

Так, за период 2011–2014 гг. доля нелицензионного программного обеспечения, установленного в России, сократилась на 1%, составив 62%. Вместе с тем эти показатели в абсолютном исчислении требуют более эффективных шагов по установлению правопорядка в данной сфере.

По данным глобального исследования рынка программного обеспечения, проведенного компанией BSA, коммерческая сто-

Казачкова З. М.

Кишева М. Х.

1 Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. — 2012. — 02.01. — № 1. — Ст. 216.

2 Кузьмин В. Понятный китайский. Российская газета. — 2012. — 07.12.

3 David McHardy Reid. Intellectual Property Rights: A Comparative Perspective on Asia, EU, and North America. Norteamerica. — Year 7. — Is. 1. — January — June, 2012. — P. 32.

4 Правовая охрана интеллектуальной собственности в Российской Федерации: основные достижения за пятидесятилетнюю историю Роспатента и задачи на ближайшее будущее // Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.garant.ru

имость нелицензионного программного обеспечения в России в 2013 г. составила в общей сложности 87,076 млрд рублей⁵.

А ведь это лишь одно из направлений совершенствования системы защиты интеллектуальной собственности.

Этот пример символичен, так как отражает наиболее существенный аспект анализируемой проблемы. XXI век, как известно, — это век господства информации и информационных технологий. В этой связи меняется не только содержание, но и характер изобретений. Большое значение в законодательствах многих стран мира приобретает институт интеллектуальных прав, их охраны и защиты с учетом вызовов информационной эры. Причем эти изменения затрагивают различные аспекты: вопросы правового регулирования патентов, авторских и смежных прав, торговых марок, промышленных образцов и ноу-хау, защиты конкуренции от недобросовестной практики⁶. Эти тенденции оказывают несомненное воздействие на логику и динамику процессов развития и защиты института интеллектуальной собственности.

Китайский опыт правового регулирования одного из аспектов построения инновационной экономики, упорядочения института интеллектуальной собственности, является интересным по ряду обстоятельств.

С одной стороны, Китай является второй по величине экономикой в мире и, возможно, самой древней страной с развитой изобретательской традицией. Трудно себе представить всемирную историю изобретений без того вклада, который был внесен представителями этого государства. Это бумага, компас, книгопечатание, бумажные банкноты, порох и многое другое.

С другой стороны, китайский опыт характеризуется противоречивыми тенденциями, большим числом правонарушений в сфере интеллектуальной собственности, беспрецедентной степенью распространенности случаев выпуска контрафактной продукции, недобросовестной конкуренции, злоупотребления интеллектуальными правами⁷. Острой проблемой является выпуск и реализация пиратской продукции, в том числе пиратского программного обеспечения. Пиратская продукция, в отличие от контрафакта, реализуется с молчаливого согласия потребителей. В этом смысле выпуск пиратской продукции — еще большее зло в контексте развития правового сознания и правовой культуры.

Так, даже книга о Гарри Поттере была издана в Китае накануне выхода в свет оригиналов Д. К. Роулинг.

Эти тенденции не заслоняют множество примеров технологических прорывов в Китае. Однако нередко даже эти технологические прорывы сопровождаются многочисленными судебными спорами, большими судебными издержками.

Так, фирма «Технологии Хуавей», являющаяся лидером по поставкам телекоммуникационных сетей нового поколения, в настоящее время обслуживает 45 из 50 мировых операторов.

Государство на протяжении многих лет предоставляет этой компании многочисленные налоговые преференции, льготные условия землепользования, государственные гарантии. Государство оказывало этой фирме поддержку и за рубежом, в том числе при заключении выгодных контрактов, для стимулирования ее участия в научно-исследовательских разработках.

Одновременно эта фирма неоднократно участвовала в судебных разбирательствах, в том числе как сторона спора с аме-

риканской фирмой «Сиско», транснациональной компанией, разрабатывающей и продающей оригинальное сетевое оборудование. В конфликте с «Сиско» китайская сторона приняла такую позицию: репутационные риски не позволят фирме успешно продвигаться в Европе и США. Поэтому фирма получила содействие со стороны государства по всем необходимым направлениям защиты.

В результате компания стала одной из 50 лучших фирм, в 2010 г. вошла в список самых конкурентоспособных транснациональных корпораций.

В структуре правонарушений большой удельный вес составляют деликты, связанные с выпуском контрафактной продукции. Например, один из наиболее популярных китайских автомобилей был сконструирован таким образом, что конструкция автомобиля наполовину воспроизводила знаменитую марку «Мерседес», а вторая его половина — это копия другой знаменитой немецкой автомобильной марки «БМВ»⁸.

Эти противоречивые тенденции в развитии института интеллектуальной собственности свидетельствуют о том, что следует сформировать и развивать более эффективный баланс законодательных, административных и экономических мер.

В этом ракурсе используются различные рычаги влияния. Так, Китай стал позиционировать себя на международной арене как государство, где защита интеллектуальной собственности является частью политики комплексных реформ, стимулирования открытости экономики, прогрессивного развития правовой системы, включая институционализацию системы защиты интеллектуальных прав.

Как следует из обзора политики защиты интеллектуальной собственности в Китае, юридические мероприятия в этой стране по укреплению данного института, разработке законов и положений о защите прав интеллектуальной собственности осуществляются последовательно, начиная с конца 1970-х годов. Китай активно адаптирует универсальные стандарты защиты прав интеллектуальной собственности.

Многие эксперты отмечают, что Китай привнес свое законодательство о защите интеллектуальной собственности в системный вид за очень короткие сроки. Следует особо выделить дату 3 марта 1980 г., когда китайское правительство подало заявку о приеме во Всемирную организацию интеллектуальной собственности. Вскоре Китай официально стал государством — членом ВОИС 3 июня 1980 г.

Закон «О товарных знаках» Китайской Народной Республики был принят 23 августа 1982 г., положив начало целой системе взаимосвязанных шагов по созданию целого сегмента современной правовой системы Китая для защиты прав интеллектуальной собственности.

Так, 12 марта 1984 г. на четвертом заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей был принят Патентный закон Китайской Народной Республики. В том же году, 19 декабря, китайское правительство представило документы для присоединения к Парижской конвенции по охране промышленной собственности.

В 1985 г. Китай стал государством — членом Всемирной организации интеллектуальной собственности.

Переломным этапом стал 1986 г. Общие принципы гражданского права Китайской Народной Республики Китая, принятые на четвертой сессии Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва 12 апреля 1986 г., были распространены на интеллектуальные права. Права на интеллектуальную собственность были четко определены впервые в качестве гражданских прав граждан и юридических лиц. Этот закон впервые подтвердил права авторства (авторское право) в качестве одного из важнейших гражданских прав.

Китай стал также одним из первых государств, подписавших Договор по интеллектуальной собственности в отношении

5 Воронина Ю. Софт вступает в права // Российская газета. — 2014. — 1 июля.

6 New Progress in China's Protection of Intellectual Property Rights. Information Office of the State Council of the People's Republic of China. — 2005 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: English.gov.cn

7 McHardy Reid D. Intellectual Property Rights: A Comparative Perspective on Asia, EU, and North America // Norteamerica. — Year 7. — Is. 1. — January — June, 2012. — P. 32.

8 Chinese Copy BMW and Mercedes [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.businessweek.com>.

интегральных микросхем на дипломатической конференции, состоявшейся в Вашингтоне в 1989 г.

Китай присоединился к Мадридскому соглашению о международной регистрации товарных знаков 4 июля 1989 г.

Закон «Об авторском праве» Китайской Народной Республики был принят на 15-м заседании седьмого Национального народного конгресса 7 сентября 1990 г.

Таким образом, 80-е годы прошлого столетия подготовили благоприятную почву для дальнейшего совершенствования данного института.

В 90-е годы прошлого века международные экономические отношения и международные экономические условия уже претерпели большие изменения. В ноябре 1990 г. в результате многосторонних торговых переговоров в ГАТТ, Уругвайского раунда был подготовлен проект Соглашения по торговым аспектам права интеллектуальной собственности.

Стороны, участвующие в выработке международных стандартов защиты интеллектуальных прав, стали выходить на новый уровень согласований.

Таким образом, международный стандарт защиты прав интеллектуальной собственности стал обретать новые формы.

В Китае были предприняты дополнительные меры для повышения уровня защиты прав интеллектуальной собственности.

В июле 1992 г. китайское правительство подало заявку о присоединении к Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений.

Параллельно 30 июля 1992 г. Китай подал заявку в ЮНЕСКО, выразив желание и государственную волю о присоединении к Всемирной конвенции об авторском праве. И в октябре 1992 г. Китай стал государством-членом обеих конвенций.

В начале января 1993 г. китайское правительство представило документы о присоединении к Конвенции о защите производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм. Заявка была подана во Всемирную организацию интеллектуальной собственности. В 1993 г. Китай стал государством-членом этой международной организации.

Закон Китайской Народной Республики «О борьбе с недобросовестной конкуренцией» был принят 2 сентября 1993 г. и вступил в силу 1 декабря того же года.

В сентябре 1993 г. Китай подал заявку о присоединении к Договору о патентной кооперации. В целом, Китай присоединился к более чем десяти международным конвенциям, договорам, соглашениям и протоколам.

Кроме названных выше документов, Китай присоединился к Будапештскому договору о международном признании депонирования микроорганизмов для целей патентной процедуры, Локарнскому соглашению о создании международной классификации для промышленных образцов. Китай стал стороной Мадридского соглашения о международной регистрации знаков; подписал соответствующий Протокол.

Китай принял участие в Соглашении о международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков, подписанном в Ницце.

Китайская сторона стала частью Соглашения о связанных с торговлей правах интеллектуальной собственности.

В дальнейшем Китай участвовал в целом ряде новых конвенций, в том числе в Международной конвенции по охране новых сортов растений, Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений.

Китай подписал Всеобщую конвенцию об авторском праве, Конвенцию по охране производителей фонограмм от несанкционированного дублирования.

Суммируя изложенные тезисы, можно заключить, что основные элементы правовой защиты интеллектуальной собственности были сформированы, в основном, в последние 20 лет прошлого столетия. Вместе с тем эти тенденции развивались и в последующие годы.

Отдельное направление развития интеллектуальных прав было связано с поддержкой изобретений в области химии и фармацевтики. Поощрялись изобретения в области агрохимии. Здесь важно отметить то, что использовались определенные административные ограничения: патентовались только такие изобретения, которые содержали не менее двух оригинальных компонентов⁹.

Для ускоренной подготовки кадров в сфере защиты интеллектуальных прав китайское правительство стало тесно сотрудничать с соответствующими международными организациями, поддерживать подготовку специалистов за границей.

Вместе с Всемирной организацией интеллектуальной собственности Китай провел более 30 учебных классов и семинаров, в которых участвовало более 3000 человек. Образовательные программы в области интеллектуальной собственности были развернуты в более чем 70 высших учебных заведениях по всей стране.

В 1986 г. был открыт научно-исследовательский центр по правам интеллектуальной собственности в Пекинском университете.

Семь напряженных лет понадобилось, чтобы сложилась научная школа Пекинского университета по интеллектуальной собственности. Все эти годы в ведущем университете проводились научные исследования, культивировалось преподавание специальных курсов в данной области. Это позволило зарегистрировать научную школу на основе достижений в области преподавания и проведенных исследований.

Консолидация всех этих шагов позволила в короткие сроки внедрить программы подготовки профессиональных кадров в этой области.

Увеличилось число защищенных кандидатских и докторских диссертаций в данной области.

Все эти мероприятия, разумеется, приносили свои плоды.

Вместе с тем все эти годы многие исследователи, практики, представители бизнеса по всему миру, и Россия в этом смысле не является исключением, рассматривают Китай в качестве государства, незаконно присваивающего изобретения, в особенности программное обеспечение¹⁰.

Причем особую тревогу вызывает тенденция, связанная с использованием и в государственном, и в частном секторе пиратского программного обеспечения.

Так, в Китае доля пиратского программного обеспечения колеблется, по разным оценкам, в пределах 40% — 77%, и даже превышает этот показатель. Дифференциация наблюдается по секторам применения программного обеспечения. Так, бизнес прибегает к этой практике значительно чаще, чем государство.

Разумеется, предпринимаются шаги по противодействию этим тенденциям.

Так, эксперты сходятся в одном: с 2011 г. также наметились положительные сдвиги. На этот год приходится снижение доли пиратского программного обеспечения на 3 пункта¹¹.

Есть серьезные аналитические работы, ранжирующие причины и условия такой ситуации.

Так, в качестве причин рассматриваются политико-экономические факторы, несовершенное законодательство, неэффективность правовой работы в данной области. Есть исследователи, которые вполне резонно в качестве основной причины такого положения рассматривают недостаточный

9 Zhou Chuanjie. Protection of Intellectual Property Rights in China. Business on China. Loyola Marymount University and Loyola Law School. Digital Commons at LMU and LLS // Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review. — 12-1-1989. — P. 70-71.

10 McHardy Reid D. Intellectual Property Rights: A Comparative Perspective on Asia, EU, and North America. Norteamerica. — Year 7. — Is. 1. — January- June, 2012. — P. 32.

11 Cyrus Lee. View from China. — May, 17, 2002.

уровень правовой культуры населения, противоречия, связанные с адаптацией ценностей коллективистской социальной психологии к новым, рыночным условиям.

С учетом этих институциональных сложностей в Китае успешно задействуется информационный ресурс. Были приняты усилия по популяризации идей и законодательства об интеллектуальной собственности. Начиная с 2004 г. государство ежегодно с 20 по 26 апреля проводит специальные недели, призванные пропагандировать важность защиты прав интеллектуальной собственности. В этой связи широко используются газеты, журналы, телевидение, радио, Интернет.

Проводятся семинары и творческие конкурсы, активизируется реклама, поддерживающая общественный интерес в сфере интеллектуальной собственности. Целью этих мероприятий является формирование благоприятной общественной атмосферы, в которой соблюдаются правила, нормы, установки в области интеллектуальных прав.

Разумеется, выделяются бюджетные средства для подготовки профессиональных кадров в этой области, широкого освещения проблем интеллектуальной собственности в средствах массовой информации.

Такой акцентированный подход привел к увеличению тиражей специальных изданий, учебных видеокассет и брошюр.

Как результат, наметились положительные сдвиги в формировании новой правовой культуры и правосознания граждан. Фиксируется определенный рост изобретательской активности и зарегистрированных патентов, интенсификации диалога гражданского общества и административных агентств.

Так, уже к середине августа 2009 г. было подано 108 000 заявок на право получения патентов, 22 000 из которых было подано иностранцами. В дальнейшем количество поданных заявок и зарегистрированных патентов неуклонно росло.

Одновременно развивались механизмы разрешения споров в этой области, в том числе административный и судебный порядок¹²

Принимая во внимание китайский опыт реформ по защите интеллектуальной собственности, некоторые авторы утверждали, что западным фирмам придется заново продумать метод, каким образом развивать новые технологии и продавать их¹³. Речь идет о своеобразном парадоксе. Позитивные шаги, дающие незамедлительный эффект в других странах, не всегда эффективны в этом случае.

С сожалением отмечалось, что должностные лица в Китае на местном уровне применяют недобросовестную практику сближения с государством, интересы бизнеса и государства сращиваются. Называются разные причины: сращивание интересов бизнеса и государства в контексте незаконного присвоения чужих интеллектуальных прав, неэффективность работы суда по интеллектуальным правам. Как результат, наблюдаются сложности в плане устойчивого снижения числа правонарушений в данной области. В ряде источников отмечается, что рост правонарушений в области интеллектуальных прав — это устойчивая тенденция в Китае.

Так, в 2010–2011 г. по сравнению с предыдущим периодом этот рост составил 5%. Отрицательные тенденции сохранялись и позднее.

Существуют данные о том, что около 55% компаний постоянно совершают правонарушения в этой области. Около 41% американских компаний в Китае уверены, что их оригинальная продукция подделывается.

В этой связи в октябре 2010 г. в Китае началась общенациональная кампания по стимулированию соблюдения интеллектуальных прав. В марте 2011 г. кампания была прод-

лена еще на три месяца. Было выработано ряд мероприятий по оптимизации функций Министерства торговли в данном направлении.

Есть еще один аспект. Ученые обращают внимание на то обстоятельство, что административные органы по защите авторских прав получали слишком мало финансовых ресурсов для осуществления административной политики.

Более того, институт юридической ответственности за правонарушение в сфере интеллектуальной собственности нуждался в усилении, особенно на фоне отказа от криминализации правонарушений в области нелегального использования программного обеспечения предприятиями. На фоне развертывания государством протекционистских мер эти негативные тенденции только усиливались.

Нужны были принципиально новые решения.

Отмечая изменившийся подход, китайский президент Ху Джинтао во время визита в США в 2006 г. заявил, что для существенной защиты интеллектуальной собственности Китаю необходимо строить экономику, основанную на нововведениях, вместо производства дешевой продукции¹⁴.

Эти решения лежали в плоскости не только позитивного права, но и правоприменения.

Введение новых правил в Китае вместе с усилением регулирования привело к тому, что восприятие Китая в мире стало меняться в благоприятном направлении¹⁵.

Позже, в июне 2006 г., Суд по интеллектуальным спорам поддержал производителя препарата «Виагра», французскую компанию «Пфайзер», подавшую иск против китайских фальсификаторов¹⁶. Это было знаковое событие для иностранных компаний, которые поняли, что возможность получения квалифицированной правовой помощи, правовых средств против пиратской и контрафактной продукции многократно увеличилась.

Как видим, формирование правового порядка в сфере интеллектуальной собственности, культивирование уважения к данному институту — весьма сложная задача, решение которой предполагает умелое и эффективное задействование административных, законодательных, экономических рычагов. Одновременно государство должно развернуть целую систему мероприятий, нацеленных на правовое просвещение всех субъектов, вовлеченных в данный процесс.

Пристатейный библиографический список

1. Воронина Ю. Софт вступает в права // Российская газета. — 2014. — 1 июля.
2. Кузьмин В. Понятный китайский // Российская газета. — 2012. — 07 декабря.
3. Правовая охрана интеллектуальной собственности в Российской Федерации: основные достижения за пятидесятилетнюю историю Роспатента и задачи на ближайшее будущее // Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.garant.ru
4. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 N 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. — 02.01.2012. — № 1. — Ст. 216.
5. Cox A., Sepetys K. Intellectual Property Rights Protection in China: Litigation, Economic Damages, and Case Strategies. — Thomson/West, 2005.
6. Chinese Copy BMW and Mercedes [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.businessweek.com.
7. Cyrus Lee. View from China. — 2002. — May, 17.

12 Enforcing intellectual rights in China [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.chinabusinessreview.com

13 Cox A., Sepetys K. Intellectual Property Rights Protection in China: Litigation, Economic Damages, and Case Strategies. — Thomson/West, 2005. — P. 11.408

14 Ibid.

15 Ibid. — P.11.407.

16 Ibid. — P.11.407–11.409.

8. McHardy Reid D. Intellectual Property Rights: A Comparative Perspective on Asia, EU, and North America // Norteamerica. — Year 7. — Is. 1. January- June, 2012.
9. Enforcing intellectual rights in China [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http.: www.chinabusinessreview.com](http://www.chinabusinessreview.com)
10. New Progress in China's Protection of Intellectual Property Rights. Information Office of the State Council of the People's Republic of China. 2005 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: English.gov.cn
11. Zhou Chuanjie. Protection of Intellectual Property Rights in China. Business on China. Loyola Marymount University and Loyola Law School. Digital Commons at LMU and LLS // Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review. — 1989. — 12-1.

Елизаров М. В.

ОБ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ ПРИЗНАКАХ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Статья посвящена рассмотрению ряда отличительных признаков современного государства, которые позволяют говорить о нем как о самостоятельной разновидности социального института. В ходе своего исследования автор приходит к выводу о том, что в настоящее время назрела насущная потребность в формировании научной категории «современное государство» как идеального в теоретическом плане объекта, которая могла бы стать ориентиром для построения передовых методов и институтов государственного управления как в Российской Федерации, так и за рубежом.

Ключевые слова: государство, современное государство, признаки современного государства, традиционные структуры власти, методы и технологии управления, иерархия государственного аппарата, дипломатия, инфраструктура, коммуникации.

Elizarov M. V.

ON THE DISTINCTIVE FEATURES OF THE MODERN STATE

The article is devoted to considering a number of distinctive features of the modern state that allow us to acknowledge it as an independent type of social institution. The study concludes that currently there is an urgent need to consider the modern state as a scientific category and ideal theoretical construct that may be a reference point for establishing best practices and effective governing institutions both in the Russian Federation and abroad.

Keywords: state, modern state, features of the modern state, traditional power structures, management methods and technologies, hierarchical structure of the state apparatus, diplomacy, infrastructure, communications.

Елизаров М. В.

Государство является наиболее устойчивой и доминирующей формой социальной организации в современном мире. Об этом свидетельствует и тот факт, что сегодня число людей и географических объектов на нашей планете, не подпадающих под юрисдикцию кого-либо государства, относительно невелико.

В то же время категория «государство» очень многогранна и включает в себя широкий диапазон различных политических форм, к которым относятся древнегреческие полисы, восточные деспотии, империи и династические царства. Все они вправе называться государством, но в то же время составляют разнообразные формы политической организации, которые существовали параллельно и сменяли друг друга на протяжении истории. Да и современная политическая карта мира отличается большим разнообразием государственных образований. В частности, отечественный исследователь В. Е. Чиркин, обращая внимание на разнообразие государств современного мира, считает возможным классифицировать их по следующим основаниям: 1) по социальным признакам; 2) по форме; 3) по видам государственного режима; 4) по способу возникновения (революция, сращивание государств и образование нового единого государства, разделение государств на несколько новых) и т. д.¹

Страны современного мира существенно различаются между собой в территориальном, политическом и социально-экономическом отношениях, начиная от огромной России до крохотной Андорры. Некоторые государства прошли длительный исторический путь, в то время как другие возникли в недавнем прошлом. Многие из них достигли высоких стандартов уровня жизни, используют передовые методы, технологии и институты управления, обладают широко развитой инфраструктурой и современной материально-технической базой. В то же время существует и большое число стран, которые продолжают оставаться на той ступени общественного развития, которую на языке социологов принято обозначать термином «традиционное общество».

Словно две разные реальности, традиционная и современная системы общества сосуществуют в нашем сегодняшнем

мире. Было бы, конечно же, ошибкой рассматривать наш мир через призму этих двух систем, а тем более абсолютизировать их. Однако в рамках научной работы такой подход полезен как чисто эвристический метод исследования.

Теперь попытаемся выделить ряд отличительных признаков современного государства, которые позволили бы нам говорить о нем как о самостоятельной разновидности социального института. Традиционно государство принято рассматривать через триаду таких элементов, как «территория», «власть» и «население». Такое сочетание при определении сущности государства было предложено еще немецким юристом и государствоведом Георгом Еллинеком еще в XIX в. Еллинек считал, что следует «... искать объективное существо государства в одном из его составных, по-видимому, реально существующих, элементов. Эти элементы суть — территория, народ, властитель»².

Опираясь на данную триаду, попытаемся выделить специфические признаки, которые характерны для современного государства. Для начала нами будет рассмотрен первый элемент в триаде, предложенный Еллинеком, — территория.

Значимость территории для любого государства трудно переоценить. Во все времена расширение и укрепление территориальных владений, своего «жизненного пространства» сопровождало процесс развития многих народов и государств. Однако именно в современном государстве территория имеет особый правовой статус, закрепленный и охраняемый как национальным законодательством, так и международным правом. Территория современного государства включает в себя и часть морского пространства, называемого «территориальными водами», а с относительно недавних времен еще и так называемое «воздушное пространство», расположенное над сухопутной территорией государства. И то, и другое находится под исключительной юрисдикцией отдельно взятого государства. Неслучайно принцип «целостности и неприкосновенности территории» закреплены Конституцией РФ (ч. 3 ст. 4).

Линии территориальных границ наносятся на топографические карты посредством демаркации и с максимальной точностью обозначаются на местности специальными погра-

1 Чиркин В. Е. Элементы сравнительного государствоведения. — М.: Институт государства и права РАН, 1994. — С. 20.

2 Еллинек Г. Общее учение о государстве. — СПб, 1908. — С.103.

ничными знаками, которые определяются международными договорами в ходе делимитации. Примечательна в этом отношении точка зрения Э. Гидденса о том, что империи доиндустриальной эры, например, Китайская или Римская, «... были обширными и могущественными политическими образованиями, но их территориальные пределы обычно представляли собой неясно очерченные рубежи, нежели четко демаркированные на всех участках границы»³.

Современные государства ревностно стоят на страже своих границ и территориальной целостности по целому ряду причин. Во-первых, границы обозначают пространственную сферу государственной юрисдикции и власти, т.е. суверенитета. Во-вторых, государственные границы выполняют функцию «каналов» на пути движения людей, товаров, капитала и информации между территориями разных государств⁴. В-третьих, границы определяют пространственную досягаемость прав и обязанностей индивидов, которые образуют институт гражданства или подданства (в монархиях).

В пределах территории государства происходит установление многообразных форм социально-экономической, политической и культурной жизни, функционируют регулярные армия и флот, которые обладают современным уровнем вооружения и технического оснащения, повышенной готовностью к чрезвычайным ситуациям, оборонительному сдерживанию и особенно войне. Это, в свою очередь, создает у людей чувство социальной стабильности и безопасности. По этой причине сознание современного человека во многом определяется в терминах государства: вне государства — анархия и неопределенность, тогда как внутри государства — стабильность и безопасность. Безопасность в данном случае мы понимаем как защиту территории государства против угрозы извне, что равноценно защите Родины. В этом отношении сохранение целостности территории выступает главным компонентом современной концепции суверенитета, а также всех форм патриотических учений, которые в сознании людей связывают государство с понятием «родина». Как пишет И. А. Ильин, «борясь за родину, мы боремся за совершенство, и силу, и свободу духа; а для его расцвета нам нужна и территория, и быт, и государственная мощь»⁵.

Вторая ключевая характеристика современного государства заключена в природе его населения. Благодаря длительному совместному проживанию у граждан государства появляется то, что принято называть чувством солидарности, сплоченности. Причем данное чувство никак не связано ни с кровнородственными связями, ни с общим вероисповеданием, хотя это тоже может иметь какое-то значение. Солидарность граждан возникает в рамках обособленной системы социальной и культурной общности. Общность в данном случае мы понимаем как последовательную и взаимосвязанную систему социальных ценностей и отношений.

Известно, что для традиционной государственной системы характерна слабая взаимосвязь между социальными группами. Дворянство, купечество, служивые люди или крестьяне — все эти сословия были мало связаны между собой общностью интересов и ценностей, а чувство солидарности, присущее гражданам современного государства, не было столь развито. В современном государстве, напротив, индивиды и социальные группы вне зависимости от социального происхождения и места проживания (центр или провинция) обладают развитым гражданским самосознанием. Гражданское самосознание предполагает единение и сплоченность граждан, единение

и солидаризацию с государством, постоянство во времени и пространстве.

С точки зрения Б. Андерсона, по сути, все современные национально-государственные образования выступают как «воображаемые политические сообщества»⁶. Воображаемое сообщество отличается от реального: его участники не вступают в повседневное межличностное взаимодействие между собой; вместо этого они удерживают в сознании незримый образ своей общности. Этому в немалой степени способствуют и регулярные переписи населения. И хотя большинство представителей «воображаемого сообщества» лично незнакомы и никогда даже не встречаются, они при этом обладают чувствами единения и солидарности, которые особенно отчетливо проявляются в периоды войн, вторжений извне, а также общими целями, идеалами и интересами. В этом отношении вполне закономерна идея единства и сплоченности граждан (нации по гражданству) — представителей различных этносов, проживающих на территории одного государства, например, Российской Федерации, осознание себя единым народом с общей культурой и менталитетом (например, российским менталитетом) и незримой общностью.

Третий важный признак современного государства — это принципы, на которых основана власть правительства. В отличие от традиционного типа государства, где власть опирается на многовековые ценности народных масс (по принципу «так было всегда»), в современном государстве власть основывается на рациональных началах, проистекая не из традиции, а из «... убежденности в законности (легитимности) предписанных правил и право осуществлять власть по таким правилам»⁷.

Современное государство во многом есть результат разумного замысла и практической деятельности человека. В отличие от традиционной государственной системы, в котором власть монарха (царя или императора) обожествляется и, согласно устоявшимся представлениям, дается свыше, современное государство складывается постепенно, являясь конечным итогом усилий, направленных на создание более совершенной модели управления.

Рационалистическое начало, положенное в основание системы власти современного государства, опирается на верховенство права и согласие граждан. По этой причине современное государство — это конституционное (правовое) государство. Глава государства получает легитимный статус власти по согласию и волеизъявлению граждан. Без легитимации носителя государственной власти можно считать деспотом. По этой причине легитимным должен быть момент передачи и получения государственной власти. Для того чтобы власть была признана легитимной «... необходимо, чтобы общество признало правомерными ее цели, режим и лидеров, соотнеся их с общепринятыми нормами морали, идеологии и права»⁸. При этом вовсе не обязательно, чтобы степень легитимности власти была абсолютной, так как «... легитимность вовсе не означает, что абсолютно все граждане принимают данную власть», достаточно выражения согласия избирателей.

Существенным признаком современного государства, на наш взгляд, является также система развитых институтов демократии и прав человека. Демократия как форма правления предполагает более высокую степень легитимности, открытости, гибкости, что позволяет решать глубоко укоренившиеся в обществе разногласия мирным путем. В наши дни с понятием «демократия», как правило, связывается высокий уровень развития государства и институтов общества. В частности, как

3 Giddens A. A Contemporary Critique of Historical Materialism. Vol. 2. The Nation State and Violence. — Cambridge: Polity, 1985. — P. 49–50.

4 Wilson T. M., Donnan H. Nation, state and identity at international borders. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. — P. 22.

5 Ильин И. А. Родина и мы. Статьи. — Смоленск: «Посох», 1995. — С. 226.

6 Anderson B. Imagined Communities / rev. ed. — London: Verso, 1991. — P. 6.

7 Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology: Vol I. / Ed. by. Roth G., Wittich C. — University of California Press, 1978. — P. 215.

8 Шабров О. Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. — М.: «Интеллект», 1997. — С. 144.

пишет А. Д. Керимов, «демократия есть наиболее рациональный способ согласования различных интересов, по-видимому, наиболее справедливая из изборожденных к сегодняшнему дню форм государственной власти»⁹.

Примечательно, что во многих традиционных государствах институты власти лишают прав женщин, молодежь, а иногда и бедные слои общества. Граждане лишены всеобщего избирательного права, срок полномочий органов власти ничем не ограничен. Это создает серьезные проблемы для создания современной демократической системы и нарушает равное правое граждан.

В странах с подлинно демократическим устройством честные выборы помогают устранить угрозу тирании, предоставляют населению равные возможности вне зависимости от пола, расы, происхождения и образования влиять на политическую жизнь государства. И хотя демократия, как и любая другая форма политической организации власти, не лишена недостатков, мировой опыт показывает, что демократическое устройство предоставляет более эффективные средства мирного разрешения разногласий в обществе при помощи всеохватывающих, «прозрачных» и подотчетных структур управления.

Еще одной отличительной особенностью современного государства является большая степень его вовлеченности в систему непрерывных дипломатических отношений. Поддержание дипломатических связей — необходимое условие функционирования государства в нынешних условиях. В традиционном государстве дипломатические контакты, как правило, имели форму кратковременных миссий и были призваны обслуживать интересы вождей, королей, императоров в урегулировании споров и военных конфликтов, которые возникали между ними, главным образом из-за их стремления к расширению своих территориальных владений. Дипломатами обычно становились представители аристократии, дворянства, высшие духовные сановники, происходившие из знатных родов.

В современном государстве масштабы дипломатической деятельности значительно увеличиваются. Методы дипломатии значительно расширяются и становятся упорядоченными и формализованными¹⁰. Возникают постоянные дипломатические представительства. И если для «старой дипломатии» характерен упор на элитизм, тайну, двусторонние соглашения, то главными принципами современной дипломатии стали открытость, компетентность, многосторонний характер соглашений. Дипломатами становятся выходцы из самых широких слоев общества. Национальные лидеры регулярно проводят двусторонние или многосторонние конференции на высшем уровне, в то время как министры иностранных дел и другие дипломаты взаимодействуют между собой в рамках международной системы — глобальной по своим масштабам, постоянно посещая различные страны и проводя так называемую «челночную дипломатию».

Наконец, ничто так не отличает современное государство от традиционного, как прогрессивные формы и средства управления. Для несовременной государственной системы характерна неразвитость технических средств управления с опорой на исторически сложившиеся традиции. Как следствие наблюдается слабое влияние центра на периферию, отсутствует профессиональный аппарат власти (силовые структуры, служба безопасности, полиция, разведка, эксперты, аналитики и пр.).

В этом отношении такие государства, как, например, Новая Гвинея, нельзя считать современными в силу неразвитости инфраструктуры и материально-технической базы. Население этих стран по-прежнему лишено таких благ современной

цивилизации, как орудия труда из металла, спички, книги, одежда. Граждане этих стран разделены на тысячи различных племен, которые говорят не только на разных диалектах, но и многих языках, а межплеменные войны там обычное явление. Централизованного аппарата правительства порой не существует даже внутри одного племени, не говоря уже о передовых методах, технологиях и институтах управления.

Процесс трансформации существующих племенных органов власти в современные правительственные структуры — первостепенный механизм борьбы со слабым государственным аппаратом постколониальных стран Африки и Азии, что особенно характерно для сельских периферийных окраин. И на данный момент процесс этой трансформации далек от завершения. Как показывает опыт, первое препятствие, с которым сталкиваются страны, вставшие на путь строительства современной государственности, является проблема подотчетности и прозрачности власти, обусловленная весьма значимой ролью традиционных структур управления. Вторая проблема — это сильный этнический компонент, который проявляется при осуществлении власти традиционными племенными структурами, что не может не приводить к социальному и политическому расслоению общества на почве этнических разногласий. И третьей проблемой являются сложности, связанные с размежеванием власти между муниципальными властями и племенными структурами внутри самой государственной администрации.

Для современного государства, напротив, свойственна развитая и независимая от каких-то племенных, этнических и расовых предпочтений централизованная и внутренне организационно дифференцированная система управления, что особенно важно для такого крупного государства, как Российская Федерация. От традиционных форм организации современная модель государства отличается тем, что управление в нем осуществляется на рациональных началах, а именно — на основе официально установленных и стандартизированных правил, процедур, строгого распределения порядка действий и обязанностей должностных лиц, которые проходят специальную подготовку и на основе квалификации получают назначение и заработную плату¹¹.

В традиционных государствах управление концентрировалось в центре империи, тогда как «окраинные области чаще всего превращались в источник сбора дани и не являлись объектами постоянной и строго охраняемой государственной юрисдикции». Поэтому «... местным системам управления предоставлялась значительная автономия, при условии удовлетворения требований имперской власти»¹². Другими словами, в традиционном государстве центр (столица) имел слабое влияние в периферийных областях, а основным средством внутренней политики было насилие (карательные экспедиции, всевозможные поборы и тяжелые повинности и т. п.).

В современном государстве центральный аппарат власти имеет возможности осуществлять непосредственную координацию всех сфер общества даже в окраинных областях благодаря иерархическим принципам управления. Как писал отечественный исследователь А. А. Зиновьев, в современном государстве «... складывается иерархическая структура, начиная от учреждений центральной власти и кончая учреждениями власти минимальных территориальных единиц. Между ними устанавливаются различные отношения, включая подчинение низших уровней высшим и распределение власти, т. е. некоторую автономность низших уровней по отношению к высшим»¹³. Эта официально принятая иерархия является существенной

9 Керимов А. Д. Современное государство: вопросы теории — М.: «Норма», 2007. — С. 45.

10 Никольсон Г. Дипломатия / Пер. с английского под ред. и с предисловием А. А. Трояновского. — М.: ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1941. — С. 28.

11 Dodd N. Social theory and Modernity. — Wiley-Blackwell, 1999. — P. 35–36.

12 Pierson C. The modern state. — 2 ed., illustrated. — Routledge, 2004. — P. 9.

13 Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. Серия «Русский путь». — СПб.: «Нева», 2004. — С. 196.

характеристикой современного государства и позволяет успешно осуществлять централизованную власть в пределах всей государственной юрисдикции.

Чтобы работать точно и слаженно, органы государства используют передовые технические средства управления. В частности, коммуникации необходимы для того, чтобы «... передавать соответствующие команды подчиненным органам, представлять необходимые доклады и отчеты вышестоящим»¹⁴. Соответственно, в своей деятельности государственные органы власти должны использовать «... самые различные типы связи: от простого телефона и селекторных установок до спутниковых систем и мобильных аппаратов», при этом все эти технические средства должны быть «предельно быстродействующими», как например, «ядерный чеходанчик» с ядерной кнопкой сигнала¹⁵.

Без развитых технических средств управления — «... железнодорожного сообщения, авиации, автомобильных дорог, речного и морского транспорта (в том числе каботажного сообщения по побережью приморских государств)» современное государство просто не сможет существовать и «... распадется на отдельные замкнутые общины или удельные княжества»¹⁶. В частности, автомобильные дороги выполняют функцию инструментов для проникновения государственного аппарата управления в самые отдаленные окраины, являясь не просто средством для перемещения общественного транспорта, а частью государственной инфраструктуры. Поэтому дорогам, как и всем стратегическим объектам, присваивают названия и номера.

Аналогичным образом в современном государстве действует развитая система документирования, паспортного контроля с соответствующими идентификационными номерами. Место жительства граждан, адреса проживания занесены в единый информационно-справочный реестр, благодаря чему процедура отслеживания и розыска граждан чрезвычайно упрощается.

И, несмотря на то, что средства сообщения могут находиться в разной собственности — как государственной, так и частной, особенно важные из них для государства находятся в государственной собственности. В частности, «... есть государственные дороги, государственный транспорт, государственные (правительственные) авиаотряды, правительственная (в том числе фельдъегерская, засекреченная и др.) связь»¹⁷. Так или иначе, развитые средства и формы управления выступают неотъемлемой составляющей современного государства, без которых последнее не сможет существовать.

Существуют и другие отличительные особенности современного государства, о которых мы не упомянули. Их список можно было бы продолжить, но в таком случае и критерии современного государства будут размываться, поэтому лучше всего придерживаться нескольких четко выделяемых признаков.

Завершая наш обзор, позволим себе сделать следующие основные выводы:

1. На сегодняшний день не сложилось единого общепризнанного понятия «современное государство» как самостоятельной научной категории. Страны современного мира значительно отличаются друг от друга в силу исторических, географических, политических, социально-экономических и культурных факторов, и далеко не все из них достигли современного уровня. Многие из них продолжают оставаться на той ступени общественного развития, которую в социологии принято обозначать устоявшимся термином «традиционное

общество», поскольку слишком сильны племенные, этнические, расовые отношения, в крайне неразвитом состоянии находится материально-техническая база и инфраструктура, преобладает ручной труд, отсутствуют продвинутое средства коммуникации и управления и т. п.

2. Обнаружив отсутствие ясности в понимании термина «современное государство», мы выделили ряд отличительных признаков, которые позволяют нам говорить о нем как о самостоятельной разновидности социального института. В их числе: 1) особый правовой статус территории государства и его границ; 2) развитый институт гражданства и гражданского самосознания; 3) рационалистические принципы построения системы власти и верховенство права; 4) развитые институты демократии и прав человека; 5) большая степень вовлеченности в систему непрерывных дипломатических связей; 6) современные формы и технические средства управления.

3. Страны современного мира существенно различаются по степени того, насколько полно они отвечают вышеобозначенным признакам. В этом отношении одни страны, наиболее полно соответствующие обозначенным характеристикам, имеют все основания для того, чтобы мы могли отнести их к категории «современное государство». Другие же страны, которые в меньшей степени соответствуют обозначенным характеристикам, скорее всего, будут отнесены нами к традиционному типу государства;

4. Основываясь на выделенных признаках, мы приходим к выводу о том, что под современным государством следует понимать тип государственной системы, достигшей высокого уровня организации, развитых институтов демократии, рациональных принципов построения власти и верховенства права, применяющей прогрессивные средства решения разнообразных проблем социальной жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Чиркин В. Е. Элементы сравнительного государственоведения. — М.: Институт государства и права РАН, 1994.
2. Еллинек Г. Общее учение о государстве. — 1908.
3. Giddens A. A Contemporary Critique of Historical Materialism. — Vol. 2. — The Nation State and Violence. — Cambridge: Polity, 1985.
4. Wilson T. M., Donnan H. Nation, state and identity at international borders. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
5. Ильин И. А. Родина и мы. Статьи. — Смоленск: «Посох», 1995.
6. Anderson B. Imagined Communities / rev. ed. — London: Verso, 1991.
7. Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology: Vol I. / Ed. by. Roth G., Wittich C. — University of California Press, 1978.
8. Шабров О. Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. — М.: «Интеллект», 1997.
9. Керимов А. Д. Современное государство: вопросы теории — М.: «Норма», 2007. — С. 45.
10. Никольсон Г. Дипломатия / Пер. с английского под ред. и с предисловием А. А. Трояновского. — М.: ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1941.
11. Dodd N. Social theory and Modernity. — Wiley-Blackwell, 1999.
12. Pierson C. The modern state. — 2 ed., illustrated. — Routledge, 2004.
13. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. Серия «Русский путь». — СПб: «Нева», 2004.
14. Чиркин В. Е. Современное государство. — М.: «Международные отношения», 2001.

14 Чиркин В. Е. Современное государство. — М.: «Международные отношения», 2001. — С. 101.

15 Там же.

16 Там же.

17 Чиркин В. Е., ук.соч., С.101–102.

Золотухина Т. А. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ЕГО ПРОБЛЕМЫ

В статье проводится анализ самостоятельных стадий и этапов федерального законотворческого процесса, исследуются сопровождающие данный процесс проблемы и направленные на их преодоление научные дискуссии в рамках каждого этапа «рождения» закона. По результатам проведенного исследования формулируются научно обоснованные способы преодоления существующих проблем рассматриваемого процесса.

Ключевые слова: законотворческий процесс, законотворческая инициатива, законопроект, законодательное предложение, Федеральное Собрание, санкционирование.

Zolotukhina T. A. THE FEDERAL LEGISLATIVE PROCESS AND ITS PROBLEMS

In the article the analysis of individual stages and phases of the Federal legislative process is made, the issues connected with this process and the scientific discussion aimed at their overcoming within each stage of the law's creation are investigated. As a results of the study scientifically proven ways to overcome the existing problems of the considered process are formulated.

Keywords: the legislative process, legislative initiative, the bill, the legislative proposal, the Federal Assembly, validation.

Золотухина Т. А.

Активизация федерального законотворчества, колоссальный объем принимаемых в последнее время в России федеральных законов наглядно демонстрирует наличие существенных проблем федерального законотворческого процесса, преодоление которых способно позитивно повлиять на правовую политику в стране. При этом анализ законотворческих ошибок свидетельствует о необходимости осуществления комплекса мероприятий со стороны как ученых-правоведов, так и практикующих специалистов в области законотворчества.

В настоящее время федеральный законотворческий процесс регламентируется Конституцией РФ, Федеральным законом от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» и собственными регламентами палат Федерального Собрания — Государственной Думы и Совета Федерации, а в некоторых случаях — специальными законами. Однако обнаруживающаяся неполнота правового регулирования обуславливает необходимость единой правовой основы законотворческого процесса в виде скорейшей разработки и принятия федерального (федерального конституционного) закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации», в котором надлежит закрепить порядок разработки, принятия, опубликования и введения в действие российских законов, определить важнейшие правила, приемы, методы законодательной техники и способы разрешения споров, которые могут возникать в процессе работы над законопроектом внутри палат и между ними. Такой закон облегчил бы работу самому законодателю, а нормативно-правовые акты высшей юридической силы избавил бы от законотворческих ошибок и трудностей в процессе правоприменения, тем более что соответствующий законопроект уже давно разработан, но нуждается в усовершенствовании.

В современной России процесс принятия и вступления в силу федеральных конституционных и федеральных законов представлен нормативно закрепленной процедурой прохождения ряда последовательных стадий и этапов: предпарламентская стадия, включающая этапы законотворческой инициативы и внесения законопроекта в Государственную Думу; парламентская стадия, включающая этапы предварительного рассмотрения и обсуждения законопроекта, принятия закона Государственной Думой, одобрения (отклонения) закона Советом Федерации; послепарламентская стадия или промульгация закона, включающая этапы санкционирования принятого закона главой государства, опубликования закона и вступления его в силу.

Под законотворческой инициативой понимается конституционно установленная, юридически значимая возможность компетентных субъектов инициировать (возбудить) законотворческий процесс. В этой связи требуется заменить установленное в Конституции РФ наименование инициативы по созданию законов, ибо все стадии данного процесса носит творческий характер.

В качестве субъектов права законотворческой инициативы российская Конституция называет Президента РФ, Совет Федерации и его членов, депутатов Государственной Думы, Правительство РФ, законодательные (представительные) органы власти субъектов Федерации (обладатели общего права законотворческой инициативы), а также Конституционный и Верховный Суды РФ, но только по вопросам, имеющим непосредственное отношение к их деятельности (обладатели специального права законотворческой инициативы). Не исключена и совместная законотворческая инициатива нескольких субъектов. Кроме того, через субъектов права законотворческой инициативы нередко действует множество субъектов «лоббирования».

Наиболее активными субъектами указанного права были и остаются депутаты Государственной Думы, а в последнее время важным поставщиком законопроектов в Государственную Думу стал Президент РФ. Правительству РФ в этом процессе отводится лишь четвертая часть от объема всех принимаемых к рассмотрению законопроектов, хотя в области активизации законопроектной деятельности Правительства РФ отмечается положительная динамика, что обусловлено социальной значимостью решаемых им вопросов¹.

Среди высших судебных органов число обращений с законотворческой инициативой крайне мало и не одинаково: системы общих и арбитражных судов особенно остро и быстро ощущают недостатки и проблемы в законодательстве, что об-

1 См.: Гребенников В. В., Васецкий Н. А., Полуян Л. Я. Федеральный законодательный процесс в зеркале статистики (Аналитический обзор) // Государство и право. — 1998. — № 9. — С. 92, 94–95; Мазуренко А. П. Российская правотворческая политика: концепция и реальность. — М.: Юрист, 2010. — С. 96–118; Лихобабин В. А. Делегированное законодательство. Не посмотреть ли на старое по-новому? // Правовая политика и правовая жизнь. — 2004. — № 1. — С. 139–140; Нисневич Ю. А., Платонов В. М., Сливовский Д. Е. Законодательная деятельность: Политико-правовой анализ: Учеб. пособие для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2007. — С. 118.

условливает их активность в этой области. Напротив, Конституционный Суд РФ избегает участия в законотворческом процессе путем реализации права законотворческой инициативы, поскольку принятый по его инициативе закон может быть оспорен в будущем по основанию его неконституционности именно в данный орган судебной власти².

Несмотря на значительное число субъектов права законотворческой инициативы, российские ученые-правоведы обосновывают необходимость расширения перечня субъектов данного права за счет его предоставления общественным организациям, политическим партиям, населению РФ в форме его объединения в инициативные группы или в принципе даже любому гражданину³, что (при обеспечении элемента слаженности в работе коллектива) представляется вполне оправданным.

Формой реализации права законотворческой инициативы является законопроект, то есть проект нового закона, либо проект закона о внесении изменений и дополнений в действующие законы, либо проект закона о признании действующих законов утратившими силу. Его подготовка начинается с принятия компетентным государственным органом решения о необходимости издания закона и о создании рабочей группы, которой поручается подготовить проект. При разработке проекта закона большое значение имеют правильный выбор темы будущего закона, круга общественных отношений, подлежащих правовому регулированию, определение цели правового воздействия и возможных последствий правового регулирования, учет принципа системности и соблюдение правил законодательной техники.

В свою очередь современная законотворческая практика требует официального закрепления такой формы реализации права законотворческой инициативы, как законодательное предложение. На разных этапах развития юридическая наука и практика неоднозначно относились к законодательным предложениям, признавая или отрицая существование такой формы реализации права законотворческой инициативы⁴. В современных условиях ее использование необходимо и должно сводиться к обоснованию потребности в принятии нового закона (в изменении действующего или в отмене старого) и к изложению его основного содержания.

Указанные обстоятельства требуют законодательного оформления в виде внесения дополнений в Конституцию РФ и принятия специального федерального закона об инициативе (народной инициативе) или о реализации права законотворческой инициативы, в котором надлежит предусмотреть формы реализации права законотворческой инициативы, а также субъектов реализации данного права в соответствующей форме.

С учетом выявленных недостатков законопроект дорабатывается и вместе с сопроводительными документами вносится в порядке законотворческой инициативы в Государственную Думу Федерального Собрания, которая обязана принять внесенный законопроект к своему производству и выразить к нему свое отношение. В противном случае Государственная Дума

считается нарушившей конституционные права соответствующих субъектов.

Центральное место в законотворческом процессе отводится парламентской стадии принятия закона, которая реализуется каждой палатой Федерального Собрания самостоятельно.

Первая часть парламентской стадии законотворческого процесса осуществляется Государственной Думой, которая проводит предварительное рассмотрение и обсуждение поступивших документов в рабочих органах палаты и непосредственное принятие внесенного законопроекта на ее пленарных заседаниях, как правило, в трех чтениях. При этом целесообразно нормативно зафиксировать сроки, определяющие временной интервал между чтениями законопроекта⁵.

На этапе предварительного рассмотрения и обсуждения законопроект проверяется на соответствие установленным требованиям, в результате чего, либо возвращается инициатору, либо проходит подготовку к рассмотрению палатой в первом чтении. В ходе подготовки законопроекта к рассмотрению в первом чтении он подвергается всестороннему исследованию, глубокому и детальному анализу с точки зрения потребности законодательного урегулирования соответствующих общественных отношений, полезности принятия того или иного закона; осуществляются сбор и оформление материалов по обсуждаемому проекту, изучаются и обобщаются все поступающие в ходе его рассмотрения отзывы, замечания, предложения; рассматриваются возникшие по проекту разногласия и вырабатываются компромиссные варианты решений; выявляются и обсуждаются возможные последствия вступления законопроекта в силу; уточняется, редактируется текст законопроекта. В результате осуществления этих действий законопроект рекомендуется к принятию или к отклонению.

В ходе первого чтения законопроекта обсуждаются его концепция, актуальность и практическая значимость, целесообразность принятия закона, дается оценка соответствия его основных положений Конституции РФ и согласованности законопроекта с другими актами системы российского законодательства, а также делается выбор между альтернативными законопроектами.

Во втором чтении осуществляется построчная корректировка законопроекта без изменения его концепции, обсуждаются конкретные поправки. Далее проводится голосование по отдельным поправкам либо по таблицам поправок, рекомендуемых к принятию, рекомендуемых к отклонению, и поправок, по которым не было принято решение, а завершается второе чтение голосованием по вопросу о принятии или об одобрении законопроекта во втором чтении.

В рамках третьего чтения законопроекта он обсуждается в целом, устраняются возможные внутренние противоречия, устанавливаются правильные взаимосвязи статей и проводится редакционная правка, необходимая в связи с изменениями, внесенными в его текст при рассмотрении во втором чтении. Таким образом, в рамках третьего чтения законопроект официально становится законом, хотя возможно принятие закона сразу в трех чтениях либо в результате второго чтения.

Федеральный закон принимается Государственной Думой большинством голосов от общего числа депутатов, а федеральный конституционный закон считается одобренным палатой, если за это проголосовало не менее чем две трети голосов от общего числа ее депутатов (то есть квалифицированное большинство). Если законопроект не принят или не одобрен Государственной Думой в третьем чтении, он считается отклоненным.

Вторая часть парламентской стадии законотворческого процесса реализуется Советом Федерации и заключается в том, что принятый (одобренный) Государственной Думой закон

2 Косолапов М. Ф. Конституционный механизм взаимодействия законодательной и судебной власти в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. — 2002. — № 1. — С. 100.

3 Например, Булаков О. Н., Рязанцев И. Н. Парламентское право России: Курс лекций / под ред. О. Н. Булакова. — М.: Юстициформ, 2007. — С. 92–95; Затонский В. А. Правовая активность граждан как форма проявления правовой жизни // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. — Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. — С. 384–385.

4 См.: Хабибуллина Г. Р. Законодательные предложения в системе стадий законодательного процесса // Правовая политика и правовая жизнь. — 2008. — № 4. — С. 107–109; Абрамова А. И. Право законодательной инициативы: проблемы обеспечения и защиты // Журнал российского права. — 2006. — № 3.

5 См.: Абрамова А. И. Современный законодательный процесс Российской Федерации: стадии и проблемы их совершенствования // Журнал российского права. — 2007. — № 2.

проходит процедуру одобрения в Совете Федерации. Здесь проводится его предварительное рассмотрение в рабочих органах палаты, обсуждение на пленарных заседаниях, одобрение (отклонение) закона Советом Федерации.

В результате предварительного рассмотрения принятый (одобренный) Государственной Думой федеральный (федеральный конституционный) закон рекомендуется Совету Федерации к одобрению или отклонению (с соответствующей мотивировкой). В заключении в обязательном порядке указывается, подлежит ли закон обязательному рассмотрению Советом Федерации, а также излагается обобщенная позиция органов государственной власти субъектов РФ по законам, относящимся к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

Принятый Государственной Думой федеральный закон считается одобренным Советом Федерации, если за его одобрение проголосовало более половины от общего числа его членов либо если в течение 14 дней со дня регистрации он вообще не был рассмотрен Советом Федерации. Одобренный Государственной Думой федеральный конституционный закон считается одобренным Советом Федерации, если за это проголосовало не менее трех четвертей от общего числа членов этой палаты. Закон считается отклоненным, если за его одобрение не проголосовало необходимое число членов Совета Федерации.

В случае отклонения Советом Федерации принятого Государственной Думой федерального закона либо одобренного его федерального конституционного закона на парламентской стадии законотворческого процесса вводится дополнительная процедура повторного рассмотрения закона, направленная на преодоление разногласий, возникших между палатами парламента. Для проведения этой процедуры возможно создание на паритетных началах согласительной комиссии, принятие федерального (но не федерального конституционного) закона в одобренной ранее редакции квалифицированным большинством голосов депутатов (то есть решается вопрос о преодолении вето Совета Федерации), снятие федерального (федерального конституционного) закона с повторного рассмотрения. По признанию ученых, создание согласительной комиссии является наиболее эффективным способом выработки согласованного решения между двумя основными субъектами законотворческого процесса⁶.

На заключительной послепарламентской стадии законотворческого процесса осуществляется промульгация принятого парламентом закона, которая охватывает этапы санкционирования (подписания) официального текста закона главой государства в установленные конституцией (обычные или сокращенные) сроки, его опубликования в официальном издании государства и вступления принятого и опубликованного закона в силу.

Подписанные принятого (одобренного) парламентом федерального (федерального конституционного) закона осуществляется Президентом РФ, по общему правилу, в течение 14 дней с момента его поступления главе государства. В случае несогласия главы государства с законом или с его отдельными положениями Президенту РФ предоставляется право в течение указанного срока отклонить федеральный закон, ибо данное право неприменимо в отношении федерального конституционного закона, и с соответствующей мотивировкой возратить его в парламент. В свою очередь в действующем федеральном законодательстве и регламентах палат Федерального Собрания целесообразно предусмотреть право «постатейного» вето российского Президента. В случае если Президент в течение предусмотренного срока не отклонил, но и не подписал принятый (одобренный) Федеральным Собранием федеральный (федеральный конституционный) закон, то целесообразно, что-

бы данный закон подлежал опубликованию и вступал в силу автоматически⁷.

Право отлагательного вето Президента РФ влечет повторное рассмотрение закона палатами Федерального Собрания. В рамках этой процедуры допускается принятие федерального закона в редакции, предложенной Президентом РФ, снятие федерального закона с дальнейшего рассмотрения, одобрение федерального закона в ранее принятой редакции, создание специальной комиссии для преодоления возникших разногласий. Решение о принятии закона в новой редакции либо о снятии его с рассмотрения считается принятым, если за него проголосовало большинство от общего числа депутатов палаты. Решение об одобрении закона в ранее принятой редакции принимается большинством не менее двух третей голосов от общего числа депутатов. Принятый в новой или одобренный в ранее принятой редакции федеральный закон направляется в Совет Федерации, который либо рассматривает его как вновь принятый, либо одобряет его большинством не менее двух третей голосов от общего числа членов палаты. Повторно рассмотренный и одобренный в ранее принятой редакции федеральный закон подлежит безусловному подписанию в течение 7 дней Президентом РФ, ибо вторичное вето на закон наложено быть не может.

Подписанный главой государства федеральный (федеральный конституционный) закон передается для официального опубликования, которое заключается в объявлении от имени органов государственной власти полного и точного текста принятого закона со всеми его официальными реквизитами в законодательно уполномоченном на то общедоступном печатном или электронном издании в семидневный срок после дня его подписания Президентом РФ. К числу официальных источников публикации российских законов относятся «Российская газета», «Парламентская газета» или «Собрание законодательства Российской Федерации». Официальным опубликованием закона признается также его первое размещение (опубликование) на «Официальном интернет-портале правовой информации»⁸. Наряду с официальным опубликованием возможны и иные факультативные формы доведения закона до всеобщего сведения. Кроме того, для принятых федеральных конституционных и федеральных законов целесообразно установить семидневный срок со дня первой официальной публикации для перевода текста закона на государственные языки республик в составе РФ, а также на языки большинства или малых народов субъектов Федерации. По завершении перевода текст закона в течение 7 дней со дня получения такого перевода подлежит публикации в официальных средствах массовой информации органов государственной власти субъектов Федерации⁹.

Фактически законотворческий процесс завершается вступлением закона в силу (введение закона в действие), что является связующим звеном между законотворческим процессом и практикой реализации закона. При этом в действующем законодательстве предусмотрены два порядка вступления закона в силу: обычный — по истечении 10 дней со дня первого по времени официального опубликования закона и исключительный — когда в самом законе либо в акте о введении его в действие определена дата вступления его в силу. При этом распространенная сегодня практика вступления законов в силу со дня официального опубликования представляется недопустимой, что подчеркивается и в юридической литературе.

Итак, столь подробная законодательная регламентация цикла подготовки, принятия и введения в действие законов

6 Кожокарь И. П. Значение консенсуса в правотворческом процессе // Правовая политика и правовая жизнь. — 2007. — № 4. — С. 38.

7 Кочетков А. В. Стадии законодательного процесса как формы проявления правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. — 2003. — № 4. — С. 159.

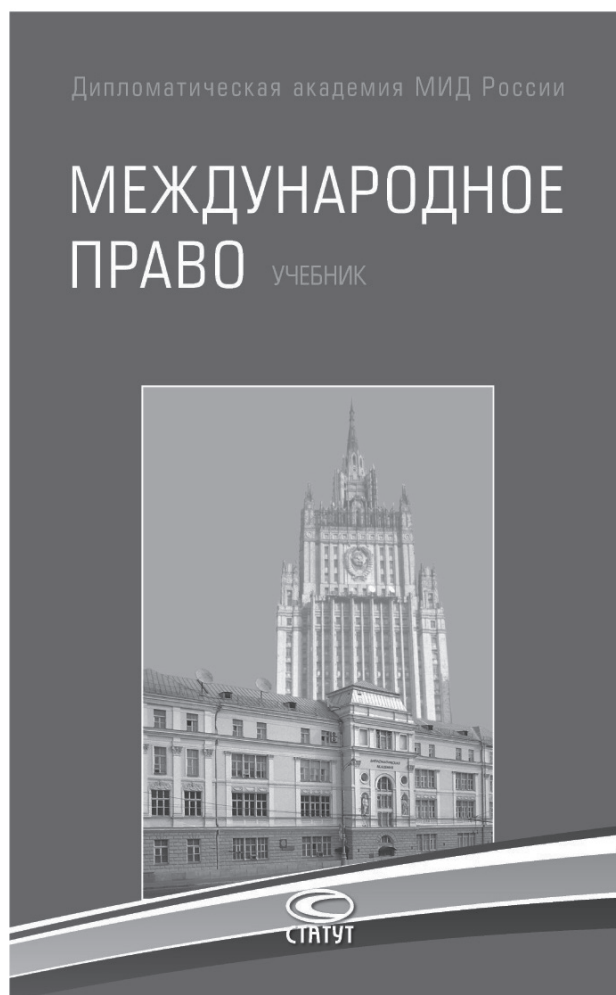
8 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.pravo.gov.ru

9 Малков В. П. Опубликование и вступление в силу федеральных законов, иных нормативных правовых актов // Государство и право. — 1995. — № 8. — С. 27.

свидетельствует об особой его значимости для цивилизованного государства, что неизбежно обуславливает потребность в совершенствовании отдельных стадий и этапов законотворческого процесса, в преодолении выявляемых юридической доктриной законотворческих ошибок.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамова А. И. Право законодательной инициативы: проблемы обеспечения и защиты // Журнал российского права. — 2006. — № 3.
2. Абрамова А. И. Современный законодательный процесс Российской Федерации: стадии и проблемы их совершенствования // Журнал российского права. — 2007. — № 2.
3. Булаков О. Н., Рязанцев И. Н. Парламентское право России: Курс лекций / под ред. О. Н. Булакова. — М.: Юстицинформ, 2007.
4. Гребенников В. В., Васецкий Н. А., Полуян Л. Я. Федеральный законодательный процесс в зеркале статистики (Аналитический обзор) // Государство и право. — 1998. — № 9.
5. Затонский В. А. Правовая активность граждан как форма проявления правовой жизни // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. — Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005.
6. Кожокарь И. П. Значение консенсуса в правотворческом процессе // Правовая политика и правовая жизнь. — 2007. — № 4.
7. Косолапов М. Ф. Конституционный механизм взаимодействия законодательной и судебной власти в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. — 2002. — № 1.
8. Кочетков А. В. Стадии законодательного процесса как формы проявления правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. — 2003. — № 4. — С. 159.
9. Лихобабин В. А. Делегированное законодательство. Не посмотреть ли на старое по-новому? // Правовая политика и правовая жизнь. — 2004. — № 1. — С. 139–140.
10. Мазуренко А. П. Российская правотворческая политика: концепция и реальность. — М.: Юрист, 2010.
11. Малков В. П. Опубликование и вступление в силу федеральных законов, иных нормативных правовых актов // Государство и право. — 1995. — № 8.
12. Нисневич Ю. А., Платонов В. М., Слизовский Д. Е. Законодательная деятельность: Политико-правовой анализ: Учеб. пособие для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2007.
13. Хабибуллина Г. Р. Законодательные предложения в системе стадий законодательного процесса // Правовая политика и правовая жизнь. — 2008. — № 4.

Казаков А. О.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО И ИНВЕСТИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Автор устанавливает, что в юридической литературе и законодательстве отсутствует единство в понимании того, что может представлять собой государственно-частное партнерство и инвестиционная деятельность. В законодательстве субъектов Российской Федерации государственно-частное партнерство можно определить как взаимовыгодное сотрудничество между публичным партнером с одной стороны, и частным партнером — с другой, осуществляемое путем заключения соглашения о государственно-частном партнерстве, направленное на социально-экономическое развитие субъекта Российской Федерации. Раскрыты характеристики инвестиционной деятельности, муниципально-частного партнерства.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, инвестиционная деятельность, соглашение о государственно-частном партнерстве, частный партнер, публичный партнер, инвестор.

Казаков А. О.

Kazakov A. O.

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AND INVESTMENT ACTIVITIES: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS

The author states that in the legal literature and legislation there is no unity in understanding what may be a public-private partnership and investment activities. In the legislation of the subjects of the Russian Federation, a public-private partnership may be defined as mutually beneficial cooperation between the public partner on the one hand, and the private partner — on the other, carried out by an agreement on public-private partnership aimed at socio-economic development of the subject of the Russian Federation. The peculiarities of investment activity and municipal-private partnership are examined.

Keywords: public-private partnerships, investment activity, agreement on public-private partnership, the private partner, the public partner, investor.

Сотрудничество публичной власти и частных лиц имело место в глубокой древности, например в Древнем Риме. Уже тогда (в виде системы откупов) находила свое воплощение идея, лежащая и по сей день в основе государственно-частного партнерства (далее — ГЧП) — привлечение частных лиц, их ресурсов и средств для управления объектами, контроль которых остается за государством¹. В целом взаимодействие между этими двумя категориями лиц находило свое воплощение практически на всех этапах общественного развития, но формы такого сотрудничества были различными.

Как таковое ГЧП возникло в Великобритании в последние десятилетия прошлого века и стало известно зарубежным правовым порядкам как «Public-Private Partnership» (PPP). В настоящий момент институт ГЧП получил широкое распространение в странах как англо-саксонской (Великобритания, США), так и континентальной правовой семьи (Германия, Франция и т.п., в том числе и в России). При этом далеко не во всякой стране существует отдельный закон, посвященный ГЧП; некоторые государства практикуют принятие одних только законов о концессионных соглашениях. Как поясняет П. Гагарин, по общему правилу в странах с развивающейся экономикой принимаются отдельные законы (так как ГЧП развивалось «снизу»), в странах же с развитой экономикой нормы и принципы о ГЧП рассредоточены во всем законодательстве (так как развитие ГЧП происходило «сверху»)². В результате сфера ГЧП законодательно охватывается в том или ином виде практически в любом развитом правовом порядке.

На сегодня ГЧП является одним из наиболее перспективных и динамично развивающихся институтов российского

права. Об этом свидетельствует повышенный интерес к нему со стороны юристов и экономистов как в теории, так и на практике, проявляющийся в том числе через многочисленные публикации на страницах известных научных изданий. Но не стоит удивляться столь повышенному вниманию к институту ГЧП. Именно он в силу своей природы призван помочь в решении целого ряда актуальных проблем, стоящих в настоящий момент перед российской экономикой, законодательством и правом. Как указывает Б. Б. Бицотти, специалист Nexia Finance Group, введение этого института в правовую систему РФ вызвано такими преимуществами ГЧП (прежде всего перед стандартными процедурами госзакупок) как открытость, публичность и прозрачность сделок³. «Минимизация рисков, связанных с коррупцией и неэффективным использованием бюджетных средств, — это то самое преимущество, которое получает государство от партнерства с частным бизнесом в формате ГЧП», — констатирует он⁴.

В настоящий момент единство в понимании того, что представляет собой ГЧП, отсутствует. Во многом это связано с недостаточным правовым регулированием института ГЧП на уровне федерального законодательства. До сих пор в России не принято федерального закона, регулирующего ГЧП, хотя российскому правовому порядку институт ГЧП на уровне законодательства субъектов Российской Федерации известен достаточно давно (впервые в нашей стране конструкция ГЧП появилась в законодательном акте г. Санкт-Петербурга в 2006 г.)⁵. При этом законы субъектов Российской Федерации о ГЧП силь-

1 Белицкая А. В. Государственно-частное партнерство: историко-правовой аспект // История государства и права. — 2010. — № 21. — С. 22.

2 Гагарин П. Государственно-частное партнерство: проблемы и перспективы развития // [Электронный ресурс]. Финансовая газета. — 2013. — № 14. Доступ из справ. — правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.09.2014).

3 Бицотти Б. Б. Государственно-частное партнерство: перспектива и ретроспектива [Электронный ресурс] // Бюджет. — 2011. — № 11. Доступ из справ. — правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.09.2014).

4 Там же.

5 Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах: закон Санкт-Петербурга от 25.12.2006 г. № 627–100 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gov.spb.ru>, <<http://gov.spb.ru/law?d&nd=8442332&nh=0> (дата обращения: 01.09.2014).

но различаются по качеству своей проработки. Как отмечает И. Е. Ильин, «некоторые из них достаточно детально регулируют вопросы ГЧП... Но есть и такие законы, которые содержат лишь рамочное регулирование отношений в сфере ГЧП, включают лишь общие положения (зачастую состоят из 5–7 статей) и являются фактически декларативными документами»⁶. Не говоря уже о том, что почти в четверти субъектов Российской Федерации такие законы до сих пор не приняты.

Однако в имеющихся трудностях имплементации института ГЧП в российскую правовую систему нет ничего особенного. Исторически ГЧП как самостоятельный гражданско-правовой институт возник в странах англо-саксонской правовой семьи с развитой рыночной экономикой. Поэтому такой процесс породил множество проблем, которые до сих пор не решены в юридической литературе. Как отмечает Н. Н. Литягин, «в юридической литературе понятия „частно-государственное“ и „государственно-частное“ партнерство широко используются, но в них вкладывается различный смысл, ими охватывается многообразие видов деятельности, правовых форм их осуществления»⁷. Более того, «анализ литературных источников по рассматриваемой проблеме свидетельствует о крайней степени неопределенности понятия государственно-частного партнерства»⁸. Иными словами, на вопрос «Что же такое ГЧП?» каждый ученый дает свой ответ.

Например, исследователи Швецов Ю. Г. и Сенцова Н. В. обозначают ГЧП как «взаимовыгодное сотрудничество государства и частного бизнеса в реализации социально значимых проектов, реализуемое в самых разнообразных вариантах»⁹. По их мнению, «зарубежные законодатели, подчеркивая приоритетность направления частного бизнеса, ввели понятие «частно-государственное партнерство», дабы подчеркнуть приоритет именно бизнеса перед государством в этом союзе»¹⁰. В России, напротив, учитывая отечественный менталитет, особенности национального рынка, главенствующую роль органов государственной власти, быстрее прижилось понятие «государственно-частное партнерство», которое определяет ведущую роль уже государства»¹¹.

С предложенной исследователями точкой зрения, представляется, нельзя безоговорочно согласиться. В именовании такого сотрудничества термином «ГЧП», а не «ЧГП» в России нет ничего особенного. Исторически ГЧП возникло как «Public-Private Partnership», т. е. в дословном переводе с английского языка на русский язык — «публично-частное партнерство». Хотя в российском законодательстве закрепилось именно «государственно-частное партнерство», в обоих языках на первом месте в словосочетании «ГЧП» не зря указывается публичный элемент. Это неудивительно, ведь существует такой институт в первую очередь для решения общественно-полезных задач и достижения социально-значимых целей, а уже потом для извлечения прибыли и всего остального.

Ряд ученых (Д. Царев, А. Иванюк) и вовсе делают вывод о том, что «...необходимость введения нового понятия «государственно-частное партнерство» в систему российского права отсутствует», обосновывая это тем, что «с точки зрения права отношения в сфере ГЧП — это всего лишь гражданско-правовое отношение, в котором обязательным участником является

публично-правовое образование (Российская Федерация, ее субъект, муниципальное образование)»¹². Вследствие этого «термин «ГЧП» может применяться и использоваться в области экономики, политики и иных общественных отношениях, но как социально-экономический и политический институт (явление)»¹³. С этим тезисом, разумеется, также согласиться довольно сложно. Как справедливо замечает О. Н. Лебединец, «термин „государственно-частное партнерство“ уже прочно вошел в современную экономическую, правовую жизнь, без него уже немыслимо выполнение важнейших социальных функций государства»¹⁴. Это не только социально-политический, но и правовой институт, базирующийся как на частно-правовых, так и на публично-правовых началах. Отметим, что необходимость правового урегулирования отношений в рамках государственно-частного партнерства очевидна. Поэтому употребление такого термина, как «ГЧП» обоснованно и необходимо, диктуется самой логикой развития гражданского оборота, исторической необходимостью.

Таким образом, точек зрения к определению того, чем же все-таки является ГЧП, в литературе довольно много, и по своему содержанию они значительно отличаются. Как справедливо отмечает Ю. А. Халимовский, «понимание ГЧП, встречающееся в некоторых нормативных актах и публикациях... Отличается неоправданным расширением объема явлений, охватываемых этим термином»¹⁵. По его мнению, «основной смысл ГЧП состоит не просто во взаимодействии публичных и частных образований, а в качественно ином распределении рисков и в опосредованном участии частных партнеров в реализации некоторых функций публичной власти и решении государственных и общественных задач, что нехарактерно для частного бизнеса»¹⁶. Хотя такой признак ГЧП, как рисковость, вряд ли можно назвать определяющим, введение его в понятие ГЧП Ю. А. Халимовским следует признать удачным и заслуживающим внимания со стороны ученых и практиков.

Несколько обособленно среди прочих выглядит подход исследователей Е. В. Раздьяконовой и А. Н. Шадринцевой. Авторы констатируют, что «в научной литературе встречаются разные определения: „частно-государственное партнерство“, „публично-частное партнерство“, „частно-публичное партнерство“, „партнерство власти и бизнеса“ и др.»¹⁷. При этом, по мнению ученых, подобного рода интерпретации возникают из-за недостаточной регламентации ГЧП¹⁸. Однако вследствие того, что существующими законопроектами предлагается ввести механизмы ГЧП на уровень местного самоуправления, использование термина «государственно-частное партнерство» с точки зрения юридической техники будет неверным, так как органы муниципальной власти не являются органами власти государственной (однако и те, и другие являются органами пу-

6 Ильин И. Е. Новое в законодательстве о государственно-частном партнерстве // Аудитор. — 2013. — № 5. — С. 13.

7 Литягин Н. Н. О некоторых аспектах государственно-частного партнерства // Российская юстиция. 2012. — № 7. — С. 6.

8 Там же. — С. 7.

9 Швецов Ю. Г., Сунцова Н. В. Банк как участник государственно-частного партнерства в инвестиционных процессах [Электронный ресурс] // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. — 2013. — № 2. Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.09.2014).

10 Там же.

11 Там же.

12 Царев Д., Иванюк А. Государственно-частное партнерство — правовой аспект // Финансовая газета. — 2009. — № 17. — С. 13.

13 Там же.

14 Лебединец О. Н. Государственно-частное партнерство как форма сотрудничества публично-правовых и частно-правовых субъектов [Электронный ресурс] // Образование и право. — 2012. — № 12. — Доступ из справ. — правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.09.2014).

15 Халимовский Ю. А. Государственно-частное партнерство в субъектах РФ: блуждание в темноте [Электронный ресурс] // Налоги. — 2011. — № 14. Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.09.2014).

16 Там же.

17 Раздьяконова Е. В., Шадринцева А. Н. Публично-частное партнерство в социальной сфере: экономико-правовой аспект // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». — 2013. — № 4. — С. 22.

18 Там же.

бличной власти)¹⁹. Поэтому авторы предлагают использовать термин «публично-частное партнерство»²⁰.

Следует высоко оценить представленную учеными точку зрения. Хотя законодатель, по всей видимости (исходя из находящегося в открытом доступе законопроекта о ГЧП), решил пойти по пути введения дополнительного термина «муниципально-частное партнерство» (впрочем, полностью аналогичного термину «государственно-частное партнерство», но применительно к сфере местного самоуправления), нельзя не отметить справедливое замечание ученых-юристов. С точки зрения юридической техники термин «публично-частное партнерство» действительно более точный и обобщающий, чем те, что предложены законодателем (государственно-частное партнерство и муниципально-частное партнерство), тем более что законопроект о ГЧП оперирует понятием «публичный партнер», который включает в себя и Российскую Федерацию, и субъект Российской Федерации, и муниципальное образование в лице их уполномоченных органов. Однако выбор разработчиков законопроекта был все же сделан в пользу понятий «ГЧП» и «МЧП» (хотя неизвестно, в какой редакции законопроект будет принят). Поэтому во избежание двусмысленности в дальнейшем условимся обозначать рассматриваемое нами явление в том виде, в каком оно закрепилось в сознании ученых и практиков — т.е. непосредственно как «государственно-частное партнерство» (ГЧП).

Особо следует выделить поход В. В. Романовой, по мнению которой ГЧП предполагает «объединение определенных инвестиций обоих участников для достижения согласованного сторонами результата, а по достижении согласованного результата предполагается получение определенной участника прибыли»²¹. Тем самым автором подчеркивается инвестиционная составляющая государственно-частного партнерства. Ранее на инвестиционную составляющую обратил внимание и А. В. Чернов, говоря о том, что ГЧП «по существу, представляет собой механизм согласования интересов и обеспечения равноправия государства и бизнеса в рамках реализации крупных инвестиционных экономических проектов, направленных на достижение целей государственного управления»²².

Однако наиболее обоснованный, на наш взгляд, подход был предложен в своих исследованиях А. В. Белицкой. Ученый предлагает «рассматривать ГЧП как одну из возможных форм взаимодействия между государством и частным предпринимательством, которая является видом инвестиционной деятельности», мотивируя это тем, что договор, заключаемый в рамках ГЧП, является разновидностью договора с инвестиционными условиями (т.е. фактически инвестиционного договора)²³. В результате исследователь рассматривает ГЧП как «юридически оформленное на определенный срок, основанное на объединении вкладов и распределении рисков сотрудничество публичного и частного партнеров в целях решения государственных и общественно важных задач, осуществляемое путем

реализации инвестиционных проектов в отношении объектов, находящихся в сфере публичного интереса и контроля»²⁴. Таким образом, А. В. Белицкая делает принципиально важный вывод — ГЧП является разновидностью инвестиционной деятельности. При этом автор подчеркивает, что «ГЧП — это экономическая категория и лишь отдельные аспекты его осуществления подлежат правовой регламентации», с чем нам, безусловно, следует согласиться²⁵.

В этом контексте будет полезно обратиться к законодательству субъектов Российской Федерации, в которых общественные отношения, касающиеся ГЧП, уже урегулированы (всего же на сегодняшний день закон о ГЧП принят в шестидесяти пяти субъектах Российской Федерации).

В соответствии с рейтингом развития государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации (по состоянию на 01 февраля 2014 г.), составленного Центром развития государственно-частного партнерства, первая десятка субъектов Российской Федерации с наиболее высокими результатами развития ГЧП выглядит следующим образом: 1. г. Санкт-Петербург; 2. Республика Татарстан; 3. Новосибирская область; 4. Свердловская область; 5. Нижегородская область; 6. Воронежская область; 7. Ленинградская область; 8. Самарская область; 9. Ярославская область; 10. г. Москва²⁶. Во всех перечисленных выше регионах-лидерах принят свой отдельный закон о ГЧП (за исключением города Москвы). Однако его присутствие или отсутствие не всегда может служить определяющим показателем развития ГЧП в том или ином субъекте Российской Федерации. Например, Пермский край расположился на 14-м месте, что можно признать хорошим результатом, учитывая то, что закон о ГЧП в этом субъекте Российской Федерации пока не принят (при этом по сравнению с 2013 г. регион улучшил свои позиции на 42 позиции). К примеру, в Челябинской области такой закон принят, но в рейтинге этот субъект Российской Федерации располагается лишь на 50-м месте, Вологодская область (где закон о ГЧП также имеется) — на 18-м, Калининградская область (аналогично) — на 33-м.

Далее следует поближе рассмотреть понятия ГЧП, представленные в Законах двух лучших субъектов Российской Федерации по показателям развития ГЧП: города федерального значения Санкт-Петербург и Республики Татарстан.

Согласно пп. 1 п. 1 ст. 4 Закона Санкт-Петербурга «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах», «государственно-частное партнерство — взаимовыгодное сотрудничество Санкт-Петербурга с российским или иностранным юридическим или физическим лицом либо действующим без образования юридического лица по договору простого товарищества (договору о совместной деятельности) объединением юридических лиц в реализации социально значимых проектов, проектов, направленных на развитие образования, здравоохранения, социального обслуживания населения, физической культуры, спорта, культуры, туризма, транспортной и инженерной инфраструктур, инфраструктуры связи и телекоммуникаций в Санкт-Петербурге, которое осуществляется путем заключения и исполнения соглашений, в том числе концессионных»²⁷.

В свою очередь согласно пп. 1 п. 1 ст. 2 Закона Республики Татарстан «О государственно-частном партнерстве в Республике Татарстан», «государственно-частное партнерство — взаи-

19 Там же.

20 Там же.

21 Романова В. В. Государственно-частное партнерство в строительстве и модернизации энергетической инфраструктуры: понятие, проблемы правового регулирования [Электронный ресурс] // Государственная власть и местное самоуправление. — 2012. — № 5. Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.09.2014).

22 Чернов А. В. Государственно-частное партнерство в сфере малоэтажного жилищного строительства [Электронный ресурс] // Налоги. — 2010. — № 3. — Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.09.2014).

23 Белицкая А. В. Государственно-частное партнерство как вид инвестиционной деятельности: правовые аспекты [Электронный ресурс] // Предпринимательское право. — 2011. — № 1. — Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.09.2014).

24 Там же.

25 Там же.

26 Рейтинг регионов ГЧП-2014. Развитие государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pppcenter.ru>, <http://pppcenter.ru/assets/docs/raytingreg2014.pdf> (дата обращения: 01.09.2014).

27 Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах: закон Санкт-Петербурга от 25.12.2006 г. № 627-100 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gov.spb.ru>, <http://gov.spb.ru/law?d&nd=8442332&nh=0> (дата обращения: 01.09.2014).

мовыгодное сотрудничество Республики Татарстан и частных партнеров по реализации социально значимых инфраструктурных, инновационных, инвестиционных и иных проектов и программ, которое осуществляется путем заключения и исполнения соглашений о государственно-частном партнерстве, в том числе с участием муниципальных образований»²⁸.

Понятие, представленное в Законе о ГЧП Республики Татарстан кажется нам более совершенным. В отличие от понятия, представленного в Законе о ГЧП Санкт-Петербурга, в нем сотрудничество между публичным и частным партнером осуществляется путем заключения и исполнения соглашений «о государственно-частном партнерстве» (а не просто соглашений, в том числе концессионных). В целом же представленные дефиниции весьма похожи. При этом следует учесть, что Закон Санкт-Петербурга о ГЧП был принят на целых 5 лет раньше и был первым законом о ГЧП в Российской Федерации.

В целом в законодательстве субъектов Российской Федерации государственно-частное партнерство можно определить как взаимовыгодное сотрудничество между публичным партнером с одной стороны, и частным партнером — с другой, осуществляемое путем заключения соглашения о государственно-частном партнерстве, направленное на социально-экономическое развитие субъекта Российской Федерации. Тем самым отражаются наиболее типичные, на наш взгляд, признаки ГЧП, определяемые в большинстве законов субъектов Российской Федерации о ГЧП: 1. это взаимовыгодное сотрудничество между публичными и частным партнером; 2. осуществляется путем соглашения о государственно-частном партнерстве; 3. направлено на социально-экономическое развитие субъекта Российской Федерации.

Особое внимание следует обратить на то, что такое сотрудничество имеет взаимовыгодный характер. Как справедливо отмечает В. Н. Лисица, «сотрудничество государства и субъекта предпринимательской деятельности, предполагающее равноправие и взаимный интерес, в большей степени отражает суть государственно-частного партнерства, чем простое привлечение государством бизнеса для выполнения последних работ (услуг) для государственных нужд»²⁹.

Но если законодательство субъектов Российской Федерации о ГЧП действующее в среднем уже от двух до четырех лет, можно считать проработанным на удовлетворительном уровне (но нуждающимся в доработке), на федеральном уровне закон о ГЧП до сих пор не принят. Государственной думой Федерального собрания Российской Федерации во втором чтении рассматривается Проект Федерального закона № 238827–6 «Об основах государственно-частного партнерства, муниципально-частного партнерства в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту — Проект, законопроект), внесенный в парламент Правительством Российской Федерации³⁰. Согласно пп. 1 п. 1 ст. 3 Проекта «государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство — юридиче-

ски оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, осуществляемое на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве, которое заключено по результатам конкурсных процедур, в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения доступности и повышения качества товаров, работ, услуг, обеспечение которыми потребителей обусловлено полномочиями органов государственной власти и органов местного самоуправления, в установленных в соответствии со ст. 6 настоящего Федерального закона формах и в рамках которого публичный партнер и частный партнер принимают на себя обязательства в соответствии со ст. 11 настоящего Федерального закона»³¹.

В целом понятие ГЧП, предложенное в законопроекте, можно считать проработанным, однако на настоящий момент велика вероятность того, что оно может подвергнуться корректировке (что уже не раз происходило при рассмотрении законопроекта о ГЧП в Государственной думе). Тем не менее, из представленного определения можно выявить ряд признаков, характеризующих (по мнению разработчиков законопроекта) ГЧП. Итак, ГЧП: 1. юридически оформлено; 2. оформлено на определенный срок; 3. основано на объединении ресурсов; 4. основано на распределении рисков; 5. осуществляется на основании соглашения, заключенного по результатам конкурса; 6. заключено в целях привлечения в экономику частных инвестиций; 7. заключено в целях обеспечения доступности и повышения качества товаров, работ, услуг.

Из перечисленных признаков ГЧП следует обратить особое внимание и на цели заключения соглашения о ГЧП, среди которых законодатель определяет привлечение в экономику частных инвестиций. Такой признак свидетельствует о том, что ГЧП можно определить как разновидность инвестиционной деятельности, её особую форму, регулируемую в соответствии со специальным законодательством (каким и служит законодательство о ГЧП). В научной литературе такая точка зрения, как мы уже упоминали, была высказана А. В. Белицкой. Но чтобы дать окончательный ответ на вопрос о том, можно ли ГЧП рассматривать в качестве разновидности инвестиционной деятельности, следует проанализировать само понятие «инвестиционная деятельность» и соотнести его с категорией «государственно-частное партнерство». Поэтому далее обратимся к законодательству об инвестициях.

В отличие от правового регулирования ГЧП инвестиционная деятельность регулируется в течение длительного времени. Впервые легальное определение инвестиционной деятельности появилось еще в СССР. Согласно п. 1 ст. 2 Основ законодательства об инвестиционной деятельности в СССР (приняты ВС СССР 10.12.1990 № 1820–1, утратили силу на территории Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона от 25.02.1999 № 39–ФЗ) под инвестиционной деятельностью понималась «совокупность практических действий граждан, юридических лиц и государства по реализации инвестиций»³². В свою очередь, в соответствии с п. 2 ст. 1 Закона РСФСР от 26.06.1991 N 1488–1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» (в ред. от 19.07.2011, действующий

28 О государственно-частном партнерстве в республике Татарстан: закон Республики Татарстан от 01.08.2011 г. № 50-ЗРТ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mert.tatarstan.ru>, http://mert.tatarstan.ru/rus/dokumenti_v_sfere_investitcii (дата обращения: 01.09.2014).

29 Лисица В. Н. Государственно-частное партнерство в российском праве [Электронный ресурс] // Административное право. — 2010. — № 3. — Доступ из справ. — правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.09.2014).

30 Об основах государственно-частного партнерства, муниципально-частного партнерства в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект Федерального закона № 238827–6 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru>, <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=238827-6&02> (дата обращения: 16.07.2014).

31 Об основах государственно-частного партнерства, муниципально-частного партнерства в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект Федерального закона № 238827–6 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru>, <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=238827-6&02> (дата обращения: 16.07.2014).

32 Основы законодательства об инвестиционной деятельности в СССР: приняты ВС СССР 10.12.1990 № 1820–1 [Электронный ресурс] // Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.07.2014).

в части, не противоречащей Федеральному закону от 25.02.1999 № 39-ФЗ) инвестиционная деятельность — это вложение инвестиций, или инвестирование, и совокупность практических действий по реализации инвестиций³³. Наконец, в соответствии с абзацем 3 ст. 1 Федерального закона от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (в редакции от 28.12.2013) «инвестиционная деятельность — это вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта»³⁴.

Как мы видим из представленных легальных дефиниций, под инвестиционной деятельностью в отечественном законодательстве понимается:

1. практические действия по реализации инвестиций («Основы законодательства об инвестиционной деятельности в СССР»);

2. вложение инвестиций и практические действия по реализации инвестиций (Закон «Об инвестиционной деятельности в РСФСР»);

3. вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта (ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»).

Все три определения практически совпадают по своему содержанию. Исключение оставляет третье определение, в котором законодатель вводит в понятие «инвестиционной деятельности» цель вложения инвестиций (в виде получения прибыли и, что важно, достижения «иного полезного эффекта»). При этом закон не поясняет, в чем состоит т. н. «иной полезный эффект». Если первое определение, содержащееся в «Основах законодательства об инвестиционной деятельности в СССР», считается утратившим силу вместе с самими «Основами...», то остальные два на сегодняшний день являются действующими. Имея две различные трактовки, они схожи по содержанию, но различны по своей форме.

Следует сказать, что подобного рода дуализм хоть и не вреден, но все же нежелателен и с точки зрения юридической техники должен быть устранен законодателем. Необходимо закрепить единое понятие «инвестиционная деятельность» в целях совершенствования российского законодательства, при этом предпочтение нужно отдать понятию, закрепленному в ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений». В дальнейшем целесообразно вообще лишить законной силы Закон «Об инвестиционной деятельности в РСФСР», оставив действовать более совершенный ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (при необходимости осуществив его доработку).

Из легального определения инвестиционной деятельности возникает закономерный вопрос: как соотносится такая деятельность с предпринимательской деятельностью (по смыслу ст. 2 ГК РФ)? Как отмечает Ю. Е. Будникова, «из легального определения инвестиционной деятельности следует, что инвестиционная деятельность может быть предпринимательской (когда она осуществляется предпринимателями в целях систематического извлечения прибыли), а может и не быть таковой

(при отсутствии признаков предпринимательской деятельности — ст. 2 ГК)»³⁵. Кроме того, по справедливому замечанию О. В. Пиняскиной, инвестиционной деятельностью могут быть свойственны некоторые признаки предпринимательской деятельности (самостоятельность, рискованность и т. п.) за исключением ряда особенностей³⁶. Следовательно, по своей природе инвестиционная деятельность далеко не всегда совпадает с предпринимательской деятельностью, хотя их внутренняя родовая связь не может вызывать сомнений.

Несмотря на правовое закрепление понятия «инвестиционная деятельность», в юридической литературе вопрос о том, что же следует считать такой деятельностью (инвестированием), до сих пор не решен однозначно. Как отмечает Р. В. Чикулаев, согласно российской экономической теории инвестиционная деятельность подразумевает вложение инвестиций (финансовых, имущественно-материальных, трудовых, интеллектуальных и иных ценностей) в соответствующие объекты как материального, так и нематериального мира³⁷. В юридической науке подход несколько иной. Как указывает А. В. Майфат, «под инвестированием мы понимаем процесс передачи, вложения различного рода субъектами (инвесторами) материальных благ в деятельность организатора инвестирования с целью получения ими в будущем материальной выгоды, дохода, который целиком зависит от усилий организатора инвестирования»³⁸. При этом, как замечает исследователь, инвестиции передаются в собственность организатору инвестирования и инвестор, как правило, полностью лишается де факто и де юре контролировать переданные им материальные блага для получения выгоды или дохода³⁹. Таким образом, правоотношения между инвестором и организатором инвестирования можно охарактеризовать как относительные. Поэтому «не являются инвестированием приобретение недвижимости, валюты и иные способы сбережения, поскольку здесь интерес реализуется в рамках абсолютных отношений»⁴⁰.

Как считает О. В. Пиняскина, под «инвестиционной» понимается правомерная деятельность по вложению имущества и осуществлению практических действий с целью получения в будущем прибыли и (или) достижения иного положительно-го социального результата, основанная на инициативе и ответственности инвестора, предполагающего наличие возможных рисков потерь в ходе осуществления такой деятельности»⁴¹. Представленное понятие выгодно отличается от указанных выше дефиниций прежде всего тем, что его автор подчеркивает цель инвестирования — получение прибыли или достижения иного положительного социального результата (невооруженным взглядом видны параллели с официальной формулировкой инвестиционной деятельности из ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»).

Как справедливо отмечает ученый, «применительно к российскому правовому полю сложилась неоднозначная практика употребления термина «инвестиционная деятельность»: «... с одной стороны, при использовании словосочетания «инве-

33 Об инвестиционной деятельности в РСФСР: закон РСФСР от 26.06.1991 № 1488-1 (ред. от 19.07.2011) [Электронный ресурс] // Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.07.2014).

34 Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 28.12.2013) [Электронный ресурс] // Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.07.2014).

35 Будникова Ю. Е. Основы регулирования инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений // Юридический мир. — 2012. — № 11. — С. 13.

36 Пиняскина О. В. О правовой природе инвестиционной деятельности // Банковское право. — 2010. — № 2. — С. 18.

37 Чикулаев Р. В. Высокорисковые (венчурные) инвестиции в системе правового регулирования финансовых инструментов // Юрист. — 2013. — № 7. — С. 43.

38 Майфат А. В. Инвестор: понятие, статус, деятельность [Электронный ресурс] // Современное право. — 2005. — № 10. — Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.09.2014).

39 Там же.

40 Там же.

41 Пиняскина О. В. Указ. соч. — С. 18.

стиционная деятельность» подразумевается профессиональная деятельность участников на рынке ценных бумаг... С другой стороны, если организация занимается капитальными вложениями активов куда-либо, это также трактуется как «инвестиционная деятельность»⁴². Такое важное замечание вызвано в первую очередь тем, что в зарубежных правовых системах инвестиционная деятельность связывается, как правило, только с профессиональной деятельностью на рынке ценных бумаг, однако в российской правовой системе термин «инвестирование» исторически имеет более широкую трактовку. Тем не менее, такого рода запутанность не играет большой роли на практике — законодательство практически любого государства имеет свою специфику в определении и регулировании инвестиций, и это не является фактором, каким-либо образом тормозящим развитие инвестиционной деятельности в стране.

По мнению В. В. Долинской, инвестиционная деятельность — это «процесс вложения материальных и нематериальных благ в объекты предпринимательской и иных видов деятельности (инвестиций) и осуществление практических действий для достижения поставленных инвестором целей — получения прибыли и (или) достижения иного полезного социального эффекта»⁴³. В свою очередь инвестиции — это «имущество, а также иные права, имеющие денежную оценку, подлежащие вложению в объекты какой-либо деятельности с целью получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта»⁴⁴. Ученый констатирует: в то время как в «Европе и США под инвестициями обычно понимаются вложения в ценные бумаги», в «российском законодательстве понятие «инвестиции» до недавнего времени использовалось как синоним «капитального строительства» и (или) в сфере международного частного права»⁴⁵. Добавим, что это также объясняется спецификой отечественного законодательства: как и в случае с термином «инвестирование», термин «инвестиции» толкуется в российском праве значительно шире, чем в большинстве развитых стран.

Инвестиции можно классифицировать по ряду целому оснований. Как отмечает Ю. Е. Будникова, традиционно инвестиции классифицируются на портфельные и прямые: 1. Портфельные инвестиции — это вложения в акции, облигации, другие ценные бумаги, доли участия в хозяйственных обществах и товариществах; 2. Прямые инвестиции — это вложения в приобретение, создание новых, реконструкцию и техническое перевооружение действующих производств⁴⁶. Иначе говоря, это капитальные вложения в терминологию действующего российского законодательства (таким образом, инвестиции в рамках ГЧП нужно считать прямыми, а не портфельными). В литературе выделяются и иные классификации. Например, в зависимости от формы собственности инвестиции можно подразделить на: 1) государственные; 2) муниципальные; 3) частные; 4) смешанные⁴⁷. В свою очередь инвестиции в рамках ГЧП могут быть государственными, муниципальными и частными. Существование смешанных инвестиций также возможно (тогда, когда финансирование объекта соглашения о ГЧП берет на себя и частный, и публичный партнер).

По нашему мнению, в вопросе правового определения инвестиционной деятельности (далее по тексту — ИД) необходимо указать то, что такая деятельность предполагает наличие трех обязательных признаков:

ИД — это всегда осуществление действий по вложению инвестиций. Это ключевой признак, и он выделяется во всех

без исключения подходах к определению ИД и вопросов относительно него возникнуть не может даже у самого проницательного исследователя.

ИД осуществляется с целью получения прибыли или иного общественно-полезного эффекта. Этот признак можно называть вторым по значимости, и трактуется он исследователями по-разному; однако если о получении прибыли упоминают многие ученые, то об ином общественно-полезном эффекте упоминается гораздо реже.

В ИД всегда заложен риск потери инвестором вкладываемых им инвестиций или не получения им ожидаемого дохода. Несмотря на свою очевидность, определяется довольно редко, хотя в нем во многом и заложена сущность ИД как таковой.

Следовательно, под ИД следует понимать осуществление инвестором действий по вложению инвестиций с целью получения прибыли или иного общественно-полезного эффекта на свой страх и риск. Приведенную нами трактовку инвестиционной деятельности следует называть широкой, т.к. именно она может предполагать наличие самых различных форм, среди которых можно выделить и ГЧП.

Как указывает В. Ф. Попондопуло, «основаниями инвестиционных правоотношений могут выступать различные гражданско-правовые договоры (купли-продажи, лизинга, подряда, простого товарищества и др.), нередко именуемые инвестиционными соглашениями»⁴⁸. При этом «договорные формы реализации инвестиционных соглашений с участием публично-правового образования, включая проекты ПЧП (публично-частного партнерства — прим. А.К.), отличаются своими видовыми особенностями, которые касаются порядка составления договоров, требований к субъектам, объектам и содержанию договоров»⁴⁹. Таким образом, есть все основания утверждать, что соглашение о ГЧП можно рассматривать в качестве договорной формы реализации инвестиционного соглашения, его разновидности, тем не менее обладающим своей собственной сферой применения.

В целом под инвестиционным соглашением (договором) в науке понимают как «гражданско-правовые отношения сторон, когда инвестор обязуется передать инвестиции, а организатор инвестирования за вознаграждение обязуется осуществить вложение на основе инвестиционного проекта с целью получения инвестором в будущем от организатора инвестирования в собственность имущества в срок, установленный договором»⁵⁰. При этом вокруг правовой природы самого инвестиционного соглашения споры шли почти десятилетие. Точку в них поставил Высший Арбитражный суд Российской Федерации. В соответствии с правовой позицией ВАС РФ инвестиционный договор может представлять собой договор определенного вида, являться смешанным или не поименованным договором в зависимости от условий, включенных сторонами⁵¹. Таким образом, конструкция инвестиционного договора (а стало быть и соглашения о ГЧП) стала возможна в российской правовой системе благодаря действию принципа свободы договора, закрепленного в ст. 421 ГК РФ.

Следовательно, соглашение о государственно-частном партнерстве можно и нужно понимать как разновидность инвестиционного соглашения, (в виде договора, прямо не поименованного в гражданском кодексе Российской Федерации), а деятельность в рамках ГЧП — разновидностью инвестици-

42 Пиняскина О. В. Указ. соч. — С. 19.

43 Долинская В. В. Инвестиции и инвестиционная деятельность [Электронный ресурс] // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2011. — № 1. — Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.09.2014).

44 Там же.

45 Там же.

46 Будникова Ю. Е. Указ. соч. — С. 13.

47 Долинская В. В. Указ. соч.

48 Попондопуло В. Ф. Инвестиционная деятельность: правовые формы осуществления, публичной организации и защиты // Юрист. — 2013. — № 19. — С. 17.

49 Попондопуло В. Ф. Указ. соч. — С. 20.

50 Коновалов В. В. Договор в инвестиционной деятельности: особенности судебной защиты прав и интересов инвесторов // Российский судья. — 2012. — № 8. — С. 13.

51 Постановление Президиума ВАС РФ от 30.11.2007 по делу № 8105/07 Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.09.2014).

онной деятельности. В таких отношениях инвестором может выступать не только частное лицо, но и лицо публичное — государство. Как отмечает О. В. Пиняскина, «государство, в лице его исполнительных органов, является не только регулятором инвестиционного процесса в стране, но и само выступает в роли инвестора»⁵². В том числе и по этой причине отношения в сфере ГЧП должны подвергаться особому правовому регулированию.

Чтобы окончательно разрешить вопрос о том, можно ли ГЧП рассматривать в качестве разновидности инвестиционной деятельности, необходимо определить и раскрыть главные (сущностные) признаки, которыми обладает ГЧП как юридическая категория. По нашему мнению, среди сущностных признаков ГЧП можно выделить следующие:

во-первых, ГЧП — это всегда сотрудничество публичного партнера с одной стороны и частного партнера — с другой. При этом такое сотрудничество должно осуществляться взаимовыгодно и на паритетных началах;

во-вторых, ГЧП осуществляется путем заключения соглашений о государственно-частном партнерстве. Такие соглашения имеют частно-правовую природу, и также являются договорами, прямо не поименованным в ГК РФ;

в-третьих, такие соглашения направлены на привлечение в экономику частных инвестиций для решения общественно-полезных задач и достижения социально-значимых целей. Как отмечает Ю. А. Халимовский, такие «общественно значимые цели подразумевают, как правило, создание, реконструкцию или модернизацию инфраструктурных объектов (дороги, мосты, трубопроводы и иные сооружения), объектов энергетики, жилищно-коммунального комплекса, здравоохранения, образования и т. п.»⁵³.

Иные признаки ГЧП можно признать в качестве факультативных или характерных для конкретного законодательства, регулирующего отношения, связанные с ГЧП. Итак, исходя из приведенных признаков, можно сформулировать следующее определение ГЧП:

Государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство — это сотрудничество, осуществляемое между публичными партнерами с одной стороны и частными партнерами с другой, путем заключения соглашений о государственно-частном партнерстве, направленных на привлечение частных инвестиций для решения общественно-полезных задач и достижения социально-значимых целей.

Сравнив полученное нами определение, и прочие определения, приведенные выше (в том числе и в законопроекте о ГЧП), можно обнаружить, что практически во всех приведенных дефинициях наличествует хотя бы один сущностный признак ГЧП, установленный нами ранее. Следовательно, можно констатировать, что в рамках российской правовой системы и отечественной юридической науки категория государственно — частного партнерства толкуется в целом верно, хотя тот факт, что легальное понятие ГЧП до сих пор отсутствует на федеральном уровне, вызывает справедливую критику.

Проанализировав действующее законодательство о ГЧП и законодательство об инвестициях, а также учитывая определенное нами понятие и сущностные признаки ГЧП, также можно определить у этого правового института по крайней мере два аспекта, на основании которых государственно-частное партнерство можно назвать разновидностью инвестиционной деятельности и которые ранее в юридической науке не выделялись:

1. Материальный (экономический) аспект. Как известно, ГЧП как таковое появилось в начале 90-х годов прошлого века в Великобритании в форме т. н. «инициативы частного финансирования» (англ. Private Finance Initiative (PFI), суть которой заключалась в привлечении частных инвестиций для реализа-

ции крупных государственных инфраструктурных проектов. Таким образом, государственно-частное партнерство в основе своей природы и своего возникновения содержит инвестиционную составляющую.

2. Формальный (правовой) аспект. Как можно установить из уже указанного в законопроекте понятия ГЧП (пп. 1 п. 1 ст. 3 законопроекта о ГЧП), такое партнерство направлено в первую очередь на привлечение в экономику частных инвестиций⁵⁴. Об этом также свидетельствует п. 1 ст. 1 законопроекта о ГЧП, в котором указано, что «целью настоящего Федерального закона является создание правовых условий для привлечения инвестиций в экономику Российской Федерации и повышения качества товаров, работ, услуг, обеспечение которыми потребителей относится к полномочиям органов государственной власти, органов местного самоуправления»⁵⁵. Тем самым разработчиками законопроекта в качестве приоритетного выделено направление привлечения инвестиций в экономику Российской Федерации.

Кроме того, в пп. 11 ст. 3 законопроекта о ГЧП вводится понятие т. н. инвестиционных и эксплуатационных обязательств, которые представляют собой «обязательства частного партнера по созданию, в том числе по проектированию, строительству, реконструкции, объекта соглашения о государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве, финансированию, его эксплуатации и (или) техническому обслуживанию, возникающие на основании соглашения»⁵⁶. Следовательно, законопроект указывает, что частный партнер, осуществляя инвестиционные обязательства, фактически является инвестором (хотя прямо в законопроекте инвестором он не именуется).

В заключение необходимо назвать еще один упомянутый в юридической литературе аргумент. Как пишет в своем исследовании А. В. Белицкая, в зависимости от субъектов, выступающих в качестве инвесторов, может выделяться инвестиционная деятельность государства, муниципальных образований, физических и юридических лиц⁵⁷. Соответственно можно выделить публичное (государственное, муниципальное) инвестирование, частное инвестирование и, наконец, государственно-частное партнерство. Таким образом, ГЧП представляет собой особый вид инвестиционной деятельности, «в котором публичный и частный партнеры взаимодействуют между собой, объединяют вклады, распределяют риски и делят прибыль»⁵⁸.

Вышеуказанное позволяет согласиться с тем, что ГЧП можно определить как способ вложения инвестиций, особый вид инвестиционной деятельности. В свою очередь участники этого партнерства — публичный и частный партнер могут выступать в качестве инвесторов, т. е. лиц, осуществляющих вложение инвестиций. Справедливо будет отметить, что в роли инвестора следует рассматривать в первую очередь частного партнера, однако в отдельных случаях в таком качестве может выступать и публичный партнер. Кроме того, по смыслу рассматриваемого в Государственной думе законопроекта о ГЧП в качестве инвесторов можно будет рассматривать и некоторых других участников ГЧП (например, это т. н. финансирующее лицо — см. пп. 6 п. 1 ст. 3 законопроекта о ГЧП). Поэтому скорейшее

54 Об основах государственно-частного партнерства, муниципально-частного партнерства в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект Федерального закона № 238827-6 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru>, <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=238827-6&02> (дата обращения: 16.07.2014).

55 Там же.

56 Там же.

57 Белицкая А. В. Государственно-частное партнерство как вид инвестиционной деятельности: правовые аспекты [Электронный ресурс] // Предпринимательское право. 2011. № 1. Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.09.2014).

58 Там же.

52 Пиняскина О. В. Указ. соч. — С. 18.

53 Халимовский Ю. А. Указ. соч.

принятие закона о ГЧП должно сыграть положительную роль не только в контексте становления и развития института ГЧП в российском законодательстве и праве, но и укрепить отечественный гражданский оборот в целом.

Пристатейный библиографический список

- Белицкая А. В. Государственно-частное партнерство: историко-правовой аспект // История государства и права. — 2010. — № 21.
- Белицкая А. В. Государственно-частное партнерство как вид инвестиционной деятельности: правовые аспекты [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Предпринимательское право. 2011. № 1. Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.09.2014).
- Бицотти Б. Б. Государственно-частное партнерство: перспектива и ретроспектива [Электронный ресурс] // Бюджет. — 2011. — № 11. Доступ из справ. — правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.09.2014).
- Будникова Ю. Е. Основы регулирования инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений // Юридический мир. 2012. — № 11.
- Гагарин П. Государственно-частное партнерство: проблемы и перспективы развития [Электронный ресурс] // Финансовая газета. — 2013. — № 14. Доступ из справ. — правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.09.2014).
- Долинская В. В. Инвестиции и инвестиционная деятельность [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Законы России: опыт, анализ, практика. — 2011. — № 1. Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.09.2014).
- Ильин И. Е. Новое в законодательстве о государственно-частном партнерстве // Аудитор. 2013. — № 5.
- Коновалов В. В. Договор в инвестиционной деятельности: особенности судебной защиты прав и интересов инвесторов // Российский судья. — 2012. — № 8. — С. 13.
- Лебединец О. Н. Государственно-частное партнерство как форма сотрудничества публично-правовых и частных субъектов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Образование и право. — 2012. — № 12. Доступ из справ. — правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.09.2014).
- Лисица В. Н. Государственно-частное партнерство в российском праве [Электронный ресурс] // Административное право. — 2010. — № 3. Доступ из справ. — правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.09.2014).
- Литягин Н. Н. О некоторых аспектах государственно-частного партнерства // Российская юстиция. — 2012. — № 7.
- Майфат А. В. Инвестор: понятие, статус, деятельность // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Современное право. — 2005. — № 10. Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.09.2014).
- Основы законодательства об инвестиционной деятельности в СССР: приняты ВС СССР 10.12.1990 № 1820-1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Доступ из справ. — правовой системы «Консультанта Плюс» (дата обращения: 16.07.2014).
- Об инвестиционной деятельности в РСФСР: закон РСФСР от 26.06.1991 № 1488-1 (ред. от 19.07.2011) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Доступ из справ. — правовой системы «Консультанта Плюс» (дата обращения: 16.07.2014).
- Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 28.12.2013) [Электронный ресурс] // Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.07.2014).
- Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах: закон Санкт-Петербурга от 25.12.2006 г. № 627-100 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gov.spb.ru>, <http://gov.spb.ru/law?d&nd=8442332&nh=0> (дата обращения: 01.09.2014).
- О государственно-частном партнерстве в республике Татарстан: закон Республики Татарстан от 01.08.2011 г. № 50-ЗРТ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mert.tatarstan.ru>, http://mert.tatarstan.ru/rus/dokumenti_v_sfere_investitcii (дата обращения: 01.09.2014).
- Об основах государственно-частного партнерства, муниципально-частного партнерства в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект Федерального закона № 238827-6 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru>, <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=238827-6&02> (дата обращения: 16.07.2014).
- Пиняскина О. В. О правовой природе инвестиционной деятельности // Банковское право. — 2010. — № 2.
- Попондопуло В. Ф. Инвестиционная деятельность: правовые формы осуществления, публичной организации и защиты // Юрист. — 2013. — № 19.
- Постановление Президиума ВАС РФ от 30.11.2007 по делу № 8105/07 [Электронный ресурс] // Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.09.2014).
- Раздьяконова Е. В., Шадринцева А. Н. Публично-частное партнерство в социальной сфере: экономико-правовой аспект // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». — 2013. — № 4.
- Рейтинг регионов ГЧП-2014. Развитие государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pppcenter.ru>, <http://pppcenter.ru/assets/docs/raytingreg2014.pdf> (дата обращения: 01.09.2014).
- Романова В. В. Государственно-частное партнерство в строительстве и модернизации энергетической инфраструктуры: понятие, проблемы правового регулирования [Электронный ресурс] // Государственная власть и местное самоуправление. — 2012. — № 5. Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.09.2014).
- Халимовский Ю. А. Государственно-частное партнерство в субъектах РФ: блуждание в темноте [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Налоги. — 2011. — № 14. Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.09.2014).
- Царев Д., Иванюк А. Государственно-частное партнерство — правовой аспект // Финансовая газета. — 2009. — № 17.
- Чернов А. В. Государственно-частное партнерство в сфере малоэтажного жилищного строительства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Налоги. — 2010. — № 3. Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.09.2014).
- Чичулаев Р. В. Высокорисковые (венчурные) инвестиции в системе правового регулирования финансовых инструментов // Юрист. — 2013. — № 7.
- Швецов Ю. Г., Сунцова Н. В. Банк как участник государственно-частного партнерства в инвестиционных процессах [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. — 2013. — № 2. Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.09.2014).

Шонин Н. Е.

ФЕДЕРАЛИЗМ И СЕПАРАТИЗМ: РОКОВАЯ СВЯЗЬ?

В статье рассматриваются вопросы становления современного российского федерализма, его характерных особенностей, классификации современных федераций и вопрос уязвимости территориальной целостности федераций в современном мире. Автор приходит к выводу, что конституционные федерации обладают большей стабильностью, нежели другие типы сложных государств.

Ключевые слова: нация, этнос, национализм, федерализм, федеративный договор, федерация, типология, самоопределение, «парад» суверенитетов, сепаратизм.

Shonin N. E.

FEDERALISM AND SEPARATISM: A FATAL CONNECTION?

The subject of this article are some problems of the formation of the contemporary Russian federalism, its specifics, the classification of the present-day federative states and the vulnerability of the territorial integrity of the federations today. The author comes to a conclusion, that the constitutional federations possess a greater stability than all the other types of composite states.

Keywords: nation, ethnos, nationalism, federalism, federative treaty, federation, typology, self-determination, «parade» of sovereignties, separatism.

Шонин Н. Е.

В научной литературе немало публикаций, посвященных проблеме классификации федераций и специфике российского федерализма¹. Как правило, выделяют три принципиально различающихся типа: конституционную, договорную федерацию и федерацию смешанного типа, под которой, оказывается, можно понимать едва ли не большинство современных, в том числе и унитарных государств, из которых выделяют так называемые сложные унитарные государства с подразделениями на децентрализованные и регионалистские/региональные². Правда, некоторые авторы относят

к сложным только федерации, конфедерации и империи, да еще и заявляют, что они образуются в результате слияния отдельных государственных образований, «которые имели все признаки государства, в том числе и суверенитет, но определенную часть своих суверенных прав, как правило, добровольно передали высшим центральным органам союзного государства»³. Согласиться с этим невозможно, поскольку такое определение подходит только к подлинным, договорным, федерациям, таким как Швейцария, прошедшая, правда, стадию конфедерации, но не называвшая себя таковой. Её название, сохранившееся по сей день, — *Schweizerische Eidgenossenschaft*, т.е. «Швейцарское товарищество на клятве». Такую же ошибку совершают и А. А. Иванов и В. П. Иванов, авторы «Теории государства и права»: «Федерация (лат. *foedus*) представляет собой добровольное объединение ранее самостоятельных государственных образований в одно союзное государство»⁴.

В действительности же практически все современные федерации являются федерациями конституционного типа, даже если они были созданы когда-то из суверенных государств (Германия 1871–1933 гг., современная Германия, субъекты федерации которой, федеральные земли, неоднократно перекраивались вплоть до создания новых). Конституционной федерацией был, в сущности, и СССР, и является нынешняя Российская Федерация. Что же касается конституционно-договорного способа образования федераций, то он может иметь место только в том случае, если конституционная федерация увеличивается вследствие приема в её состав какого-либо иностранного суверенного государства по желанию последнего. Таковой федерацией стала сейчас Россия после воссоединения с Крымом, ибо сначала Крым был признан суверенным государством и только потом был принят в состав России на правах нового субъекта федерации. Так что те авторы, которые до сих пор относили Российскую Феде-

1 См., например: Абдулатипов Р. Г. Федералогия. Учебное пособие [Теория и история государства и права]. — СПб.: Питер, 2004; Бахлов И. В. Специфика формирования современного российского федерализма: теоретические и политико-правовые основания выбора модели // Регионоведение. — 2011. — № 4; Грачев Н. И. Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства: основные закономерности и тенденции развития: Монография. — М.: Издательство «Книгодел», 2009; Гукешкоков М. Х. Проблемы классификации форм государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 1999; Пастухов В. Б. Российский федерализм: политическая и правовая практика // Общественные науки и современность. — 2003. — № 3. — С. 53; Петров Н. В. Федерализм по-русски // Pro et Contra. — 2000. — Т. 5. — № 1. — С. 8–9; Федерализм: энциклопедия. — М.: Изд-во МГУ, 2000. — С. 449–453; Подберезкин А. Особенности российского федерализма [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nasled.ru/struktura/index.htm> (дата обращения 13.02.14 г.); Синюков В. И. О форме федерации в России // Государство и право. — 1993. — № 5; Чиркин В. Е. Государствоведение: Учебник. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юристъ, 2000. — 384 с. — ISBN 5-7975-0321-2; Соломко И. М. Специфические особенности становления российского федерализма // Современные наукоемкие технологии. — 2005. — № 7. — С. 86–87 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.rae.ru/snt/?section=content&op=show_article&article_id=4263 (дата обращения: 13.02.2014 г.) и мн. др.

2 См.: Форма государственного устройства [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Форма_государственного_устройства (дата обращения 15.02.14 г.)

Чиркин В. Е. Государствоведение: Учебник. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юристъ, 2000; Иванов А. А., Иванов В. П. Теория государства и права. — М.: Юнити-Дана, 2007. Лекция 5. Форма государства; Формы государственного устройства: понятие, виды [Электронный ресурс] — Режим доступа:

<http://yurist-online.com/uslugi/yuristam/literatura/stati/tgp/009.php> (дата обращения: 15.02.14); Конституционное право зарубежных стран: учебник / Под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо и Л. М. Энттина. — 2-е изд., перераб. — М.: Норма, 2009. — С. 153–171; и др.

3 Формы государственного устройства: понятие, виды [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://yurist-online.com/uslugi/yuristam/literatura/stati/tgp/009.php> (дата обращения 15.02.14 г.)

4 Иванов А. А., Иванов В. П. Теория государства и права. — М.: Юнити-Дана, 2007. Лекция 5. Форма государства.

рацию к такому смешанному типу, ошибались, путая способ образования федерации с характером субъектов федерации. Что действительно применимо к России с использованием термина «смешанный», так это способ формирования субъектов федерации — национально-территориальный. Так что, как справедливо отмечает А. Подберезкин, федерализм в России действительно во многом уникален. Ему трудно подобрать аналоги в истории и современном мире⁵. Особенно если иметь в виду многонациональный состав российского государства: более ста этносов.

По мнению западных политологов, коль скоро в современном мире действуют две противоположно направленные тенденции, интеграция и фрагментация⁶, многонациональные государства, как федеративные, так и унитарные, находятся в особенно уязвимом с точки зрения сохранения территориальной целостности положении. На это указывает, в частности, Н. Спайкмен (1893–1943), разработавший в «Американской стратегии в мировой политике» (*America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power*, New York, Harcourt, Brace and Company (1942)) и «Географии мира» (*The Geography of the Peace*, New York, Harcourt, Brace and Company (1944)) десять критериев геополитического могущества государства и считавший, что только этническая однородность способствует территориальной целостности государства⁷.

На первый взгляд логично. И распад Югославии, да и Советского Союза как будто подтверждают этот тезис. Но именно «как будто»! Процесс развала СССР действительно грозил продолжиться в распаде Российской Федерации («парад» суверенитетов 1990-х годов). Но процесс остановился. Именно остановился, а не был остановлен: приведение конституций субъектов в соответствие с федеральной конституцией было почти чисто техническим делом. Несмотря на то, что ряд бывших автономий объявили суверенитет, он везде имел оговорку «в составе России», что говорит о том, что руководители большинства этих республик при всем желании получить в свои руки как можно больше власти (тем более что президент РФ Б. Ельцин разрешил им брать столько суверенитета, сколько они смогут осилить), и не помышляли о выходе из состава России, сознавая, что население этих республик их не поддержит.

И дело не только в том, что в настоящее время только в Чувашии, Дагестане (ок. 200 этносов!), Осетии и Чечне коренное население превышает 50%, в Кабардино-Балкарии, Калмыкии и Татарии титульный этнос составляет около 50%, а в 14 субъектах Российской Федерации, имеющих статус (национальных) республик, титульный этнос составляет порой очень небольшую часть населения⁸. Дело в том, что национализм нерусских этносов, на который сделал ставку В. И. Ленин, чтобы укрепить влияние своей в общем-то малочисленной партии в стране с преимущественно русским, особенно в европейской части, населением, так и не получил распространения среди основной массы населения. И это не удивительно. Как заметил ныне покойный профессор Ф. Б. Садыков в пору

заведования кафедрой научного коммунизма Башгосуниверситета, национализм свойствен недоучкам от интеллигенции, трудовой народ им трудно заразить. Да и лозунг В. И. Ленина «Мы за самоопределение, но мы против отделения» вызывал раздражение у чрезмерно националистически настроенных лидеров, так что они переходили в разряд оппозиции, а как с оппозицией большевики поступали — известно.

В свете вышесказанного становится совершенно очевидным, почему сепаратизм, вредный для территориальной целостности любого государства, и особенно чреватый для сложных государств, не смог развиваться в России, народы которой оказались куда более прочно спаянными многовековой историей совместного проживания, нежели иные федерации и сложные унитарные государства. Опасность для России скорее исходит от тех, кто желает видеть Россию снова унитарным государством с чисто административно-территориальным делением. Вот это вызовет серьезную вспышку национализма и сепаратизма. Но устоявшиеся конституционные федерации перестраивать нельзя, и это понимают все трезвомыслящие политики, например, Р. Г. Абдулатипов⁹, ибо альтернативой является то, о чем писал Д. Грей еще в 1997 г.: «...в условиях Российской Федерации, как минимум, вероятно, что человеческие издержки — цена жестокости войны и ужасов „этнических чисток“ — построения суверенных государств-наций на территориях с давно перемешанным населением, никогда не образывавшем наций, могут быть столь велики и ужасающи, что для их предотвращения потребуется установить новоимперский режим, способный, в духе Гоббса, поддерживать мир между соперничающими народами»¹⁰.

Так что сепаратизм отнюдь не является имманентно присущей федеративным государствам болезнью в латентной стадии. И неважно, являются ли они договорными или конституционными федерациями. Хотя следует заметить, что именно конституционные федерации по причине перемешанного за многие века совместного проживания населения обладают наибольшей стабильностью. Здоровый образ жизни, сиречь мудрая национальная политика, а главное неуклонное повышение благосостояния народа, никогда не позволят ни привиться, ни развиваться сепаратизму. Сепаратизм имеет шансы прежде всего в слабых, бедных государствах. Кроме того, необходимо отметить, что Россия — единственная из великих держав, которая расширялась почти без завоевания чужих территорий, исключение составляют разве что незначительные войны в Средней Азии, да война за Кавказ в середине XIX в., которой, кстати, могло бы и не быть, если бы не намерение Турции, стремившейся с XV в. вытеснить русских из черноморско-каспийского региона, закрепиться хотя бы на Кавказе. Поэтому вражды между народами России не было, что особенно наглядно доказывает история Отечественной войны 1812 г., Первой мировой и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. А что касается сложных унитарных государств, то вероятность их распада даже при сравнительном благосостоянии населения гораздо выше, чем у России, о чем говорит ситуация, например, в Великобритании и Испании.

Пристатейный библиографический список

1. Абдулатипов Р. Г. Федералогия. Учебное пособие [Теория и история государства и права]. — СПб.: Питер, 2004.
2. Грачев Н. И. Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства: основные закономерности и тенденции развития. — М.: Аспект-пресс, 2004. — С. 159.
3. Нартов Н. А. Геополитика: Учеб. для вузов / Под ред. проф. В. И. Старовойтова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Единство, 2003.
4. Этнический состав Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nationalsecurity.ru/maps/russiaethno.htm> (дата обращения 21.11.13).
5. Подберезкин А. Особенности российского федерализма [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nasled.ru/struktura/index.htm> (дата обращения 14.02.14).
6. См.: Rosenau J. N. New Dimension of Security: The Interaction of Globalizing and Localizing Dynamics. // *Security Dialogue*. — 1994. — Vol. 25, September. — P. 255–282; Лебедева М. М. Мировая политика: Учебник / М. М. Лебедева. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект-пресс, 2004. — С. 159.
7. См.: Нартов Н. А. Геополитика: Учеб. для вузов / Под ред. проф. В. И. Старовойтова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Единство, 2003.
8. См.: Этнический состав Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nationalsecurity.ru/maps/russiaethno.htm> (дата обращения 21.11.13).
9. См.: Абдулатипов Р. Г. Федералогия. Учебное пособие [Теория и история государства и права]. — СПб.: Питер, 2004. — С. 11.
10. Грей Дж. Поминки по просвещению: Политика и культура на закате современности / Пер. с англ. Л. Е. Переяславцевой, Е. Рудницкой, М. С. Фетисова и др. / Под общей редакцией Г. В. Каменской. — М.: Праксис, 2003. — С. 271–272.

- вития. — монография. — М.: Издательство «Книгодел», 2009.
3. Грей Дж. Поминки по просвещению: Политика и культура на закате современности / Пер. с англ. Л. Е. Переяславцевой, Е. Рудницкой, М. С. Фетисова и др. / Под общ. ред. Г. В. Каменской. — М.: Праксис, 2003.
 4. Гукешоков М. Х. Проблемы классификации форм государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 1999.
 5. Иванов А. А., Иванов В. П. Теория государства и права. — М.: Юнити-Дана, 2007.
 6. Конституционное право зарубежных стран: Учебник / Под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. — 2-е изд., перераб. — М.: Норма, 2009.
 7. Монголия попросилась в состав России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kavkazpress.ru/archives/22172> (дата обращения 15.02.14 г.).
 8. Нартов Н. А. Геополитика: Учеб. для вузов / Под ред. проф. В. И. Староверова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Единство, 2003.
 9. Пастухов В. Б. Российский федерализм: политическая и правовая практика // Общественные науки и современность. — 2003. — № 3.
 10. Петров Н. В. Федерализм по-русски // Pro et Contra. — 2000. — Т. 5. — № 1.
 11. Подберезкин А. Особенности российского федерализма [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nasled.ru/struktura/index.htm> (дата обращения 13.02.14 г.).
 12. Синюков В. И. О форме федерации в России // Государство и право. — 1993. — № 5.
 13. Федерализм: энциклопедия. — М.: Изд-во МГУ, 2000.
 14. Форма государственного управления [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Форма_государственного_устройства (дата обращения 15.02.14 г.).
 15. Формы государственного устройства: понятие, виды [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://yurist-online.com/uslugi/yuristam/literatura/stati/tgp/009.php> (дата обращения 15.02.14 г.).
 16. Чиркин В. Е. Государствоведение: Учебник. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрист, 2000.
 17. Этнический состав Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nationalsecurity.ru/maps/russiaethno.htm> (дата обращения 21.11.13 г.).

Ходанич Ю. М.

О ЦЕЛЯХ ГОСУДАРСТВА В ТЕОРИИ П. ЛОДИЯ

В статье рассматривается и анализируется вопрос о целях государства в теории П. Лодия, одного из ведущих философов и правоведов первой половины XIX в. в Российской империи.

Ключевые слова: государство, цель государства, безопасность, благосостояние.

Khodanich Yu. M.

ABOUT PURPOSES OF THE STATE IN P. LODIY'S THEORY

In the article author considers and analyzes question about purposes of state in theory of P. Lodyi, one of the leading philosophers and lawyers of the first half of 19th century in the Russian Empire.

Keywords: state, purpose of state, security, welfare.

Ходанич Ю. М.

П. Лодий в своем главном труде по юриспруденции «Теория общих прав» понимает государство как неравное общество свободных людей, которые объединились под одной верховной властью для достижения общей безопасности и благосостояния¹. Ученый пытается сам объяснить такое понимание данной категории, отмечая, что государство является: 1) неровным обществом, так как в нем находится верховная власть, которая именуется в обществе общественной, а в государстве — государственной; 2) свободных людей, то есть таких, которые при своем вступлении в государство никому не были подвластны, так как человек, находящийся под властью других, не может вступать в общество без обиды тех, кому подвластен; 3) для достижения общей безопасности и благосостояния, так как это является целью каждого государства².

Таким образом, цель любого государств, согласно теории П. Лодия, заключается в достижении общего благосостояния и безопасности. Прежде всего, следует подчеркнуть, что такая цель присуща каждому государству, в противном случае о государстве как таковом речь идти не может. Государство, следовательно, не может образовываться для достижения каких-либо меркантильных интересов верховных правителей, других частных интересов отдельных членов общества. Наоборот, целью его является достижение благосостояния и безопасности всего общества, то есть каждого его члена, вступившего в союз под названием «государство». Указанное связано с тем, что государство является публичным объединением, публичным союзом определенного количества членов общества, и, соответственно, должны быть обеспечены, в первую очередь, публичные цели, каковыми являются общая безопасность и благосостояние.

П. Лодий предоставляет объяснение понятиям благосостояния и безопасности. Итак, общее благосостояние является таким состоянием государства, в котором оно может оказывать свое положение совершенным, т.е. беспрепятственно успевать в достижении своей цели. Частное же благосостояние является таким состоянием граждан, при котором каждый из них может оказать свое положение как внутреннее, так и внешнее, совершенным, или в котором они могут приводить свои как душевные, так и телесные силы в большее совершенство, и получать все то, чего требуют потребности, выгоды и удоволь-

ствия жизни³. Государство как раз и является соединением общего и частного благосостояния.

В свою очередь, безопасность есть такое состояние людей, в котором им не грозит никакое зло. Безопасность может быть внешней, когда членам общества не угрожает никакое зло, исходящее от других людей, не являющихся членами общества, и внутренней, когда одним членам от других не угрожает никакое зло. Кроме этого, безопасность также может быть общей (совместной), когда всему обществу как нравственной личности не угрожает никакое зло, которое может возникнуть от его членов. Частная же безопасность — это когда никакое зло, которое может возникнуть взаимно от каждого из членов общества, не угрожает последним⁴.

Таким образом, выделяются две основные цели образования института государства — общее благосостояние и общая безопасность. Категория благосостояния, стоит отметить, является довольно абстрактной. Как в отношении государства, так и в отношении конкретной личности, она связана с совершенством, возможностью быть совершенным, возможностью достигать такого совершенства. В случае государства такое совершенство связывается с возможностью беспрепятственно достигать цели (которой, очевидно, является совершенство), в случае же конкретного лица — с душевными и телесными силами, которые, в результате приведения их в большее совершенство, приводят к получению определенных благ, удовлетворению потребностей и интересов, получению определенных выгод. Таким образом, понятие благосостояния для члена общества имеет как физическую (телесную), так и духовную (моральную) составляющие.

Что же касается безопасности, то она, в первую очередь, связывается с состоянием, в котором как членам общества, так и государству не угрожает «никакое зло», т.е. отсутствуют опасности, угрозы их существованию. В общем по поводу целей образования государства, которые определены философом, следует отметить, что позитивным является именно их абстрактный характер и всеобщность, ведь если определять конкретные цели, то все невозможно перечислить, в связи с чем имел бы место ряд дополнительных вопросов о целях государства.

Основой государства ученый называет такое начало, из которого вытекают и воспринимаются права и обязанности членов государства. В силу того, что государство есть общество, а в обществе основой прав и обязанностей человека есть цель общества, поэтому и в государстве основой прав и обязанно-

1 Лодий П. Д. Теория общих прав, содержащая в себе философское учение о естественном всеобщем государственном праве. — СПб: Типография Департамента внешней торговли, 1828. — С. 1

2 Там же. — С. 1-2.

3 Там же. — С. 2.

4 Там же. — С. 3

стей человека и гражданина являются: 1) цель государства; 2) постановления, которые ее определяют.

Согласно цели государства видно, что граждане могут и что должны делать (как они могут и как должны действовать), а чего не делать (как не следует действовать), то есть из нее выводятся общие права и обязанности. Постановлениями же, точнее в силу различных обстоятельств и случаев, определяются права и обязанности граждан⁵. Таким образом,

основой государства является сама цель государства, а также постановления, которые ее определяют, то есть непосредственно те предписания верховной власти, которые необходимы для достижения указанных целей государства.

Пристатейный библиографический список

1. Лодий П. Д. Теория общих прав, содержащая в себе философское учение о естественном всеобщем государственном праве. — СПб: Типография Департамента внешней торговли, 1828.

5 Там же. — С. 28

Безносова Я. В.

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ДХАРМА» И «ПРАВО» В ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ ДХАРМАШАСТР

В статье анализируется понятие «дхармы» как предмета дхармашастр — древнеиндийских этических трактатов, содержащих правовые предписания. Определяется место и роль правовых предписаний в дхармашастрах.

Ключевые слова: Древняя Индия, дхарма, право, дхармашастры.

Beznosova Ya. V.

THE CORRELATION OF THE CONCEPTS OF DHARMA AND LAW IN ANCIENT INDIAN TRADITION OF DHARMAŚASTRAS

The article analyzes the concept of Dharma as the subject of dharmasastras, which are ancient Indian ethical treatises, containing law rules. The place and role of the law rules in dharmasastras are defined.

Keywords: ancient India, dharma, law, dharmasastras.

Безносова Я. В.

«Великие риши, приблизившись к Ману, сидевшему углубившись в себя, почтив его должным образом, сказали такую речь: „О божественный! Благоволи сказать нам точно и в должном порядке дхармы всех четырех варн и имеющих смешанное происхождение!“» (ЗМ, I. 1–2)¹, «Почтив Владыку йогинов Яджнавалкью, сказали мудрецы: „Поведай нам всю совокупность дхарм варн, ашрам и прочих“» (ЗЯ, I. 1)², — именно такими словами начинается изложение материала в выдающихся древнеиндийских этических трактатах — дхармашастрах Ману и Яджнавалкьи, из чего можно сделать вывод, что предметом их выступает дхарма.

Попытки, предпринимаемые в научной литературе с целью объяснить значение данного термина, как правило, сводились к заключению о том, что он не имеет аналогов в европейских языках и в зависимости от контекста переводится как «право», «закон», «справедливость», «долг», «истина», «праведность», «религия», «мораль» и др.

В историко-правовых исследованиях, посвященных изучению права Древней Индии, понятие «дхарма» часто переводится именно как «право», «закон», и, исходя из этого, древнеиндийские трактаты, предметом которых выступает дхарма — дхармашастры — рассматриваются исключительно в качестве правовых сводов³. Вместе с тем формулировка точного определения указанного термина может помочь в раскрытии природы дхармашастр и определить место в них правовым предписаниям.

Интересно, что понятие «дхарма» является ключевым сразу в нескольких религиозно-философских системах Индии и выступает одной из важнейших категорий вообще всей традиционной индийской культуры.

Так, в основе джайнизма, оформившегося как религиозно-этическое учение в середине I тысячелетия до н.э., лежит вера в объективное существование двух категорий — джива (живое) и аджива (неживое), которые находятся в непрерывном взаимодействии, порождаящем все явления жизни. В категорию аджива, то есть неживого, входит пять понятий: пудгала — материя, дхарма — средство, среда, стимулирующие движение или действие, адхарма — средство или среда, стимулирую-

щие отсутствие движения (например, земля), акаша — пространство и кала — время. Все они изначально и в сути своей неизменяемы. Меняться могут только условия, в которых они себя проявляют. Человек может добиться прекращения взаимодействия джива и аджива, и душа постепенно освободится от притяжений со стороны всего того, что относится к аджива, и достигнет состояния мокши — полной свободы, спасения⁴. Таким образом, дхарма — одна из неживых субстанций — способствует движению, является его условием, пронизывает собой все, она никем не сотворена и существует извечно⁵.

В появившемся на три столетия позже джайнизма буддизме термин «дхарма» имеет два основных значения: 1) закон, или Учение Будды, как совокупность доктринальных, этических, ценностных и психотехнических основоположений буддийской религии; в этом смысле «дхарма» является полным синонимом слова «буддизм»; 2) элементарное психофизическое состояние; по буддизму, жизнь во всех её проявлениях есть выражение различных комбинаций или «потоков» нематериальных частиц — дхарм; сочетания дхарм определяют бытие того или иного человека, животного растения, камня и т.д.; после распада соответствующего сочетания наступает смерть, но дхармы не исчезают бесследно, а образуют новую комбинацию; этим определяется перерождение индивида в соответствии с законом кармы — воздаяния в зависимости от поведения в предыдущей жизни⁶.

В брахманско-индуистской традиции термин «дхарма» трактуется весьма неоднозначно. Так, известный советский индолог Н. Р. Гусева указывает, что дхарма — это «свод правил, обязательный для каждого индуса, регламентирующий его веру, поведение и отличающий его от приверженца любой другой религии, которая традиционно определяется в индуизме словом «адхарма», т.е. недхарма»⁷. Специалист в области истории Древней Индии А. А. Вигасин под дхармой понимает «совокупность установленных правил, прежде всего, ритуальных, соблюдение которых является необходимым условием поддержания космического порядка»⁸. Российский ученый-религиовед Е. А. Торчинов указывает, что «в брахманско-индуистской традиции Дхар-

1 Законы Ману / Перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. — М.: Наука, 1992 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/asiatica/indica/samhita/manu/rus.html>.

2 Здесь и далее ссылка на: Самозванцев А. М. Книга мудреца Яджнавалкьи. — М.: Восточная литература, 1994.

3 Самозванцев А. М. Правовой текст дхармашастры. — М.: Наука, 1991. — С. 5–6.

4 Гусева Н. Р. Джайнизм. — М.: Наука, 1968. — С. 67.

5 Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. — М.: Наука, 1993. — С. 71.

6 Основы религиоведения / Под ред. И. Н. Яблокова. — М.: Высшая школа, 1998. — С. 149.

7 Гусева Н. Р. Индуизм. История формирования. Культурная практика. — М.: Наука, 1977. — С. 16.

8 Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / Под общ. ред. М. Ф. Альбедиль, А. М. Дубянского. — М.: Республика, 1996. — С. 180.

ма — прежде всего, сословно-варновый долг каждого индуса с закрепленными для лица определенного социального статуса общественными и религиозными обязанностями. Вместе с тем под Дхармой также понимается и вся совокупность норм, предписаний и доктрин брахманской религии, восходящей к религиозным представлениям эпохи Вед. Одновременно Дхарма есть некий должный социально-религиозный миропорядок, который должен неукоснительно поддерживаться всеми индустами через соблюдение своих сословных и кастовых обязанностей. Его оппозиция — адхарма, неправедность»⁹.

Трактовка понятия «дхарма» в индийской культурной традиции разрабатывалась и в рамках теософского направления. Так, известный теософ Анни Безант определяет дхарму как «внутреннюю природу, которая достигла в каждом человеке определенной стадии развития и раскрытия. Внутренняя природа создает форму внешней жизни, что выражается в мыслях, словах, действиях... дхарма не что-то внешнее, подобно закону или справедливости, религии или правосудию. Это — закон развивающейся жизни, который формирует все её внешние стороны для самовыражения... согласно которому мы должны достигнуть следующей стадии развития»¹⁰.

Что же по этому поводу говорят сами дхармашастры? Полноценного определения понятию «дхарма» в них мы не найдем. Однако встречаются упоминания о «признаках» дхармы и её «источниках». Так, в шлоке 92 главы VI Законов Ману перечисляются 10 «признаков» дхармы: «Постоянство, снисходительность, смирение, непохищение, чистота, обуздание чувств, благоразумие, знание Веды, справедливость и негневливость — образуют дхарму, обладающую десятью признаками». «Веду, священное предание, поведение добродетельных и самоудовлетворение — это объявили четырьмя очевидными источниками дхармы» (ЗМ, II.12).

Кроме того, из текста дхармашастр следует, что ими выделяется некоторое количество положений, составляющих общую дхарму — норму поведения, которой должны были следовать все без исключения. Так, согласно ст. 123 кн. I Законов Яджнавалкьи, «непричинение вреда, правдивость, нестяжательство, чистота, обуздание чувств, щедрость, самообладание, сострадание и терпение — дхармы, исполняемые всеми людьми». «Надо говорить правду, говорить приятное, не следует говорить неприятную правду, не следует говорить приятную ложь — такова вечная дхарма» (ЗМ, IV. 138).

Однако основное внимание дхармашастры уделяют соблюдению каждым индивидом своей собственной дхармы, в зависимости от его социального статуса, принадлежности к определенной варне. Законы Ману указывают, что долг брахмана заключался в том, чтобы учиться и учить других, совершать жертвоприношения, подносить дары и получать их. Долг кшатрия состоял в «защите», что подразумевало участие в сражениях во время войны и управление государством в период мира. Главная обязанность вайшьев состояла в разведении скота и в возделывании земли. Подобно представителям двух высшестоящих варн, вайшьям так же предписывалось совершать жертвоприношения и изучать Веды. Обязанность шудры заключалась в том, чтобы служить трем высшим сословиям. Шудре запрещалось слушать или произносить текст Веды (ЗМ, I. 88; ЗМ, X. 97; ЗМ, XI. 132).

Интересно, что дхарма вместе с артхой (artha — деятельность, направленная на приобретение и надлежащее использование материальных благ), камой (kama — удовлетворение чувственных побуждений) и мокшей (moksa — освобождение от мирских уз) органически входила в совокупность основных жизненных целей, которые, согласно индуистской традиции, следовало определенным образом сочетать и практиковать на жизненном пути¹¹.

9 Торчинов Е. А. Буддизм. Карманный словарь. — СПб: Амфора, 2002. — С. 28.

10 Безант А. Дхарма [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.theosophy.ru/lib/abdharma.htm> (дата обращения: 23.08.2014)

11 Сыркин А. Я. Краткая суть дхармы (Золотое правило) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vedanta.ru/dharma.php>

Таким образом, одна из целей жизни правоверного индуса на земле заключалась в надлежащем следовании общей и своей собственной дхарме. Помочь ему в этом и наставить на путь истинный и призваны были дхармашастры, которые предусматривали с этой целью целый комплекс религиозно-ритуальных, этических и правовых предписаний. Причем последние (правовые предписания) изначально не были характерны для литературы этого жанра. На определенном этапе дхармашастры стали заимствовать носящие политико-правовой характер положения артхашастр, после чего последние утратили своё значение. Об этом, в частности, сообщает А. А. Вигасин: «Составители „Ману-смирита“ и „Яджнавалкья-смирита“ при написании разделов о политике и праве (радждахарме в широком смысле слова) не нашли необходимого материала в литературе дхармашастр и активно обращались к литературе артхашастр»¹². А. М. Самозванцев также отмечает, что дхармашастры в вопросах права «испытывали сильное воздействие артхашастр»¹³.

Таким образом, все сферы жизни индуса (религия, этика и право) оказались объединены единой идеей — идеей дхармы, которая стала морально-нравственной основой его поведения.

Будучи включенными в дхармашастры, правовые предписания в основной своей массе композиционно оказались расположены в разделе, посвященном дхарме царя (радждахарме), и именно в этом усматривается то место, которому в дхармашастрах отводилось, в целом, правовой тематике. По замечанию В. Н. Романова, право попадало в дхармашастры в качестве конкретизированного выражения основного долга царя — защиты подданных: «Благодаря такому обрамлению отпадала необходимость в прямой мотивации той или иной правовой нормы. Она находила себе „оправдание“ постольку, поскольку само отправление правосудия (и - шире — „защита подданных“) стало в дхармашастрах объектом этических суждений»¹⁴. Похожие рассуждения мы встречаем и у А. М. Самозванцева: «Вопросы, составляющие сферу светского права, являются частью другой большой темы — радждахармы — обязанностей царя. Она подается либо как частный случай дхармы домохозяина (у Яджнавалкьи), либо как дхарма кшатрия-царя¹⁵ в рамках дхармы варн (у Ману). Право, таким образом, представлено здесь не само по себе, а в числе и в качестве правил добродетельного поведения кшатрия-царя, т.е. как предмет этики в понимании дхармашастр. Составители их, по сути, имели дело не с религией или правом в чистом виде, а с религией или правом как важными компонентами этики»¹⁶.

В качестве адресата дхармические нормы (в отличие от правовых) в разделе о радждахарме имеют не частное лицо, которому предписывается не совершать преступления, а царь, которому разъясняется, как наказывать преступников и разрешать споры (получается, синтез нормы права и этического предписания). Приведем пример: «Царю надлежит принудить должника (этическое наставление для царя во исполнение им своей дхармы — Я. Б.) уплатить в казну 10 со 100 от взысканных денег, а получившего деньги кредитора — 5 со 100 (правовое предписание: должнику полагается уплатить — Я.Б.)» (ЗЯ, III. 42). В ряде случаев этическая составляющая опускается, но логически вытекает из смысла нормы: «Должник должен быть

(дата обращения: 23.08.2014).

12 Вигасин А. А., Самозванцев А. М. «Артхашастра»: проблемы социальной структуры и права. — М.: Наука, 1984. — С. 48.

13 Самозванцев А. М. Теория собственности в Древней Индии. — М.: Наука, 1978. — С. 8.

14 Романов В. Н. Некоторые особенности этических представлений древних индийцев (по материалам дхармашастр) // Вестник древней истории. — 1980. — № 3. — С. 141.

15 Бондаренко Г. В. Личностные особенности мудреца-правителя в учении Лао-цзы: психологические и политические аспекты // Евразийский юридический журнал, № 3 (70). — М., 2014. — С. 204.

16 Самозванцев А. М. Правовой текст дхармашастры. — М.: Наука, 1991. — С. 8.

принужден уплатить долги кредиторам в том порядке, в каком они были взяты» (ЗЯ, II, 41), — подразумевается, что опять-таки царь должен принудить должника уплатить долг.

Таким образом, правовая норма представлена не сама по себе, а в рамках этического предписания царю, и цель её включения в дхармашастру заключается не в непосредственном регулировании общественных отношений, а в содействии царю в реализации им своей дхармы.

Необходимо также отметить, что при заимствовании правового материала из артахаштр составителей дхармашастр не сильно заботила чёткость передачи правовых предписаний. Так, «в ряде случаев Яджнавалкья совершенно не соблюдает необходимой точности в юридических вопросах. Иногда речь идет о наложении штрафа за преступление, но размер штрафа не указывается. В размерах его, в отличие от КА (Артахаштра Каутильи — Я. Б.), тут наблюдается разноречивость и непоследовательность», отмечается «непоследовательность и небрежность» составителя, «сбивчивость» терминологии, а в ряде случаев дхармашастра Яджнавалкьи оказывается «юридически некорректна»¹⁷. Всё это, на наш взгляд, указывает на то, что составители дхармашастр не ставили себе целью создание в лице дхармашастр сборников правовых предписаний.

Что касается самого дхармического предписания, то его структуру можно представить следующим образом: «Если ты брахман / кшатрий (царь) / вайшья / шудра, то должен, соответственно, наставлять в Веде / обеспечивать мир и карать преступников / заниматься ремеслом, земледелием / служить, иначе не достигнешь высшей цели».

При этом исполнение или неисполнение дхармы — это свободный выбор каждого индивида-представителя той или иной варны (всё зависит от того, хочет ли он достичь той самой высшей цели или нет). Об этом, в частности, свидетельствует и стиль изложения материала в дхармашастрах — оптатив. По замечанию известного советского санскритолога Г. Ф. Ильина, исследовавшего дхармашастру Ману, «подавляющее большинство стихов (шлок), содержащих установления, приписываемые прародителю людей Ману, написано в желательном наклонении — оптативе, называемом также потенциалис. В санскритском языке оптатив применялся в тех случаях, когда давалось предписание или рекомендация, когда подчеркивалась условность действия и т. д. В русском языке желательное наклонение как самостоятельная грамматическая форма отсутствует, но возможности относительно точной его передачи имеются. Предложения с применением оптатива точнее всего переводятся на русский язык выражениями: «надо сделать то-то»¹⁸, «пусть поступит так», «если случится то-то, ему следует действовать так-то» и т. д. Этим подчеркивается желательность или необходимость того или иного действия, но не его обязательность, установленная в законодательном порядке»¹⁹. Это заключение позволило Г. Ф. Ильину сделать вывод о том, что дхармашастры не применялись в судебной практике: «Читателю должно быть ясно, что это не свод действующего законодательства, а только крайне тенденциозный (хотя и весьма авторитетный) сборник поучений в добродетели, да к тому же и составленный только одной из многочисленных брахманских школ, изучавших ведийские тексты»²⁰. Идея Дхармы как морально-этического свода правил, тождественен китайской правовой традиции.

17 Вигасин А. А., Самозванцев А. М. «Артахаштра»: проблемы социальной структуры и права. — М.: Наука, 1984. — С. 43.

18 Поскольку Г. Ф. Ильин ведет речь об оптативе, то, на наш взгляд, корректнее было бы привести указанный перевод в следующем виде: «Надо бы сделать то-то».

19 Законы Ману / Перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. — М.: Наука, 1992 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/asiatica/indica/samhita/manu/rus.html>. (дата обращения: 21.09.2013).

20 Законы Ману / Перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. — М.: Наука, 1992 [Электронный ресурс]. —

Исходя из вышесказанного, на наш взгляд, можно привести следующее определение понятия «дхарма». Дхарма — это предписываемая каждому индивиду в зависимости от его принадлежности к той или иной социальной группе (варне) морально-нравственная установка, которой ему следует придерживаться посредством выполнения прописанных в дхармашастрах религиозных, этических и правовых предписаний. Из данного определения можно выделить следующие признаки дхармы:

1) дхарма — это морально-нравственная установка, то есть цель, направленность, то, к чему нужно стремиться;

2) есть общая для всех установка, а есть установки, характерные для каждой варны;

3) чтобы следовать этой установке (исполнить дхарму) существуют религиозные, этические и правовые предписания, прописанные в дхармашастрах;

4) исполнение дхармы не является обязательным.

Таким образом, понятие дхармы носит этический характер и является по своему содержанию шире понятия права, нормы которого, в свою очередь, выступает лишь средством соблюдения и исполнения дхармы. Само по себе право, следовательно, не является дхармической темой, предмет дхармашастр — дхарма, а не право, поэтому неверно рассматривать их в качестве правовых сводов. Правовые же предписания представлены в них лишь постольку, поскольку они необходимы для исполнения каждым индивидом в зависимости от принадлежности к той или иной варне своей собственной дхармы.

Пристатейный библиографический список

1. Безант А. Дхарма [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.theosophy.ru/lib/abdharma.htm> (дата обращения: 23.08.2014).
2. Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. — М.: Наука, 1993.
3. Бондаренко Г. В. Личностные особенности мудреца-правителя в учении Лао-цзы: психологические и политические аспекты // Евразийский юридический журнал № 3 (70). — М., — С. 204-205.
4. Вигасин А. А., Самозванцев А. М. «Артахаштра»: проблемы социальной структуры и права. — М.: Наука, 1984.
5. Гусева Н. Р. Джайнизм. — М.: Наука, 1968.
6. Гусева Н. Р. Индуизм. История формирования. Культурная практика. — М.: Наука, 1977.
7. Законы Ману / Перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. — М.: Наука, 1992 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/asiatica/indica/samhita/manu/rus.html> (дата обращения: 21.09.2013).
8. Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / Под общ. ред. М. Ф. Альбедиль, А. М. Дубянского. — М.: Республика, 1996.
9. Основы религиоведения / Под ред. И. Н. Яблокова. — М.: Высшая школа, 1998.
10. Романов В. Н. Некоторые особенности этических представлений древних индийцев (по материалам дхармашастр) // Вестник древней истории. — 1980. — № 3.
11. Самозванцев А. М. Книга мудреца Яджнавалкьи. — М.: Восточная литература, 1994.
12. Самозванцев А. М. Правовой текст дхармашастры. — М.: Наука, 1991.
13. Самозванцев А. М. Теория собственности в Древней Индии. — М.: Наука, 1978.
14. Сыркин А. Я. Краткая суть дхармы (Золотое правило) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vedanta.ru/dharma.php> (дата обращения: 23.08.2014).
15. Торчинов Е. А. Буддизм. Карманный словарь. — СПб: Амфора, 2002.

Новикова О. И.

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ В 1945–1955 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ БАШКОРТОСТАНА)

В статье рассматривается реализация государственной религиозной политики на примере одного из российских регионов в 1945–1955 гг.

Ключевые слова: государство, религиозные организации, антирелигиозная пропаганда, Башкирия.

Novikova O. I.

FEATURES OF STATE AND CONFESSIONAL RELATIONS IN 1945–1955 (BASED UPON MATERIALS OF BASHKORTOSTAN)

The article deals with the implementation of state religious policy on the example of one of the Russian region during 1945–1955.

Keywords: state, religious organizations, antireligious propaganda, Bashkiria.

Новикова О. И.

Взаимоотношения политических структур и религиозных институтов в процессе развития человеческого общества приобретали различные формы. Например, во многих странах мусульманского мира и по сей день существует такая форма, как теократическая монархия, где власть и господствующая религия слиты воедино. Теократической монархией является и Папское государство Ватикан, созданное в Европе в Средние века. В иной форме складываются взаимоотношения церкви и государства в демократических странах. Здесь главным принципом становится их независимость, автономность друг от друга. Тоталитарные режимы в минувшем XX в. способствовали появлению такой формы взаимоотношений, как обязательный для граждан воинствующий атеизм, ставший государственным мировоззрением.

Духовная жизнь современного российского общества существенно отличается от советских времен идеологическим многообразием, свободой совести и вероисповедания, свободой мысли и слова, свободой литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества. В период продолжающегося реформирования и демократизации общества становится особенно актуальным изучение эволюции отношений государства и религиозных объединений. Особенно интересен опыт взаимоотношений государственных и религиозных институтов и структур в критические периоды истории российского общества — в период революций и войн.

Период Великой Отечественной войны характеризуется «оттепелью» во взаимоотношениях государства с конфессиями. Воинствующий атеизм был заменен на более лояльную по отношению к религиозным объединениям политику. Терпимое отношение государственной власти объяснялось, прежде всего, масштабами развития религиозного движения. Оживление религиозного движения во время войны и в первые послевоенные годы можно считать закономерным явлением: часто люди находили в вере необходимую точку опоры, утраченную вместе с потерей близких, семьи, дома.

4 сентября 1943 г. И. В. Сталин встретился с руководителем Русской православной церкви¹. Результатами этой встречи стали восстановление патриаршества², образование Духовного управления мусульман Средней Азии, Северного Кавказа и Дагестана, Закавказья³, Совета евангельских христиан-баптистов, регистрация других конфессий.

В 1943 г. при СНК СССР был создан Совет по делам русской православной церкви, который должен был контролировать

проведение религиозной политики. В течение 1945–1946 гг. Совет разрешил открытие 290 молитвенных зданий, а специальным постановлением СНК СССР от 26 августа 1945 г. было узаконено существование на территории СССР 100 православных монастырей, ликвидированных в 50-е годы, а во время войны восстановленных и заселенных прежними обитателями⁴. В Башкирии Совет по делам русской православной церкви, согласно заключению Совнаркома Башкирской АССР, по заявлениям верующих разрешил открыть в период с 28 мая 1944 г. по 13 октября 1947 г. 30 церквей и 4 молитвенных дома⁵. Помимо этого Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР разрешил открытие с 19 января 1946 г. по 30 декабря 1947 г. 10 мечетей и молитвенного дома евангельских христиан-баптистов в г. Давлеканово⁶. В конечном счете эта политика работала на укрепление авторитета режима, на завоевание политических симпатий верующих. Однако даже вышеизложенные факты говорят о том, что патернализм властей был избирательным и касался главным образом русской и православной церкви. Справедливости ради следует отметить, по перечню республик и областей, где имелись зарегистрированные мечети, с указанием их количества по состоянию на 20 апреля 1952 г. по европейской части и Сибири Башкирская АССР занимала первое место (23 мечети), Куйбышевская область шла следом (20). По Советскому Союзу больше было только в Дагестанской АССР (26)⁷.

Лояльность по отношению к церкви была одним из направлений государственной религиозной политики. Другим направлением стала активизация атеистической деятельности культурно-просветительных учреждений.

Еще в октябре 1944 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «Об организации научно-просветительной пропаганды», в котором поставил как одну из важнейших задач того времени антирелигиозную пропаганду, борьбу за преодоление бескультурья, суеверий и предрассудков. Далее в решении ЦК говорилось, что основным содержанием научно-просветительной пропаганды должно быть материалистическое объяснение явлений природы, разъяснение достижений науки, техники и культуры. Среди населения, особенно в деревне, рекомендовалось широко практиковать организацию лекций, проведение бесед и громкие читки популярных брошюр и статей о строении вселенной, о происхождении солнца и земли, об основных астрономических явлениях, о возникновении и развитии жизни, о происхождении человека, о строении человеческого тела, о происхождении и жизни растений и животных, о причинах болезней и борьбе с ними, о на-

1 Куроедов В. А. Религия и церковь в советском обществе. — М., Полит. лит.-ра, 1984. — С. 90.

2 Русское православие. Вехи истории. — М., Политиздат, 1989. — С. 650.

3 Саидбаев Т. С. Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. — М., 1978. — С. 147.

4 РГАСПИ. Ф.17. — Оп.132. — Д. 497. — Л. 19; Д. 111. — Л. 46.

5 ГАРФ. Ф.Р-6991. — Оп. 2. — Д. 20. — Лл. 1–30.

6 Там же. Оп. 4. — Д.15. — Лл. 2, 3, 22, 50, 60, 85; Д. 19. — Лл. 139, 473.

7 ГАРФ. — Ф.Р-6991. — Оп. 4. — Д. 23. — Л. 60.

учных основах земледелия и животноводства, о мерах повышения урожайности и продуктивности животноводства, об энергии и ее использовании и т. д.⁸ Выполнение постановления ЦК можно проиллюстрировать следующими данными за 1946 г.⁹:

Тематика лекций	Кол-во прочитанных лекций
Общественно-политические	3691
Естественнонаучные	1977
Исторические	1864
Сельскохозяйственные	1674
О пятилетнем плане	1398
Медицинские	821
Литературные	802
Экономико-географические	333
Педагогические	274
Краеведческие	124

Как видно из таблицы, преобладала общественно-политическая тематика лекций; чуть меньше читалось лекций и докладов на естественнонаучные, исторические, сельскохозяйственные темы.

Противоположность науки и религии подчеркивалась самими названиями лекций: «Наука и религия о происхождении жизни на Земле», «Религиозные «пророчества» и научное предвидение», «Наука и борьба с суевериями», «Наука против знахарства». Во многих случаях внимание обращалось на гносеологические корни религии. Например, в цикл лекций «Наука и религия» включались темы: «Что такое религия и как она возникла», «Появление религии и религиозных предрассудков», «Происхождение христианства и его сущность», «Как возникли религиозные обряды», «Происхождение религиозных праздников» и т. п. В 1949 г. на антирелигиозные темы было прочитано 1983 лекции, в том числе 837 на башкирском и татарском языках. Но тематика лекций касалась христианства и православия, а для башкирского и татарского населения актуальнее были бы вопросы происхождения ислама и, как говорилось в партийных документах, «его реакционной сущности»¹⁰.

Во второй половине 50-х годов все большее место стала занимать естественнонаучная, атеистическая тематика. Этому способствовали принятые в 1954 г. постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» (июль 1954 г.) и «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» (ноябрь 1954 г.). В первом из них подчеркивалась необходимость «всесторонне использовать культурно-просветительные учреждения для широкого распространения среди трудящихся естественнонаучных знаний, показа достижений советской науки, техники и культуры...»¹¹. На заседании бюро Башкирского обкома КПСС 24 августа 1954 г. было отмечено, что горкомы, райкомы и первичные партийные организации неудовлетворительно руководят научно-атеистической пропагандой среди населения, в результате чего этот важнейший участок идеологической работы находился в запущенном состоянии, в то время как деятельность церквей, мечетей и различных сект значительно активизировалась. В результате в первой половине 50-х годов увеличился поток ходатайств об открытии новых церквей, мечетей и молитвенных домов, особенно из Белебеевского, Альшеевского, Янаульского, Благовещенского, Дюртюлинского, Болтачевского, Бузовьязовского районов¹².

8 ЦГИА РБ. — Ф.Р-1862. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 34; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, Пленумов ЦК. — Т. 6. — М., 1985. — С. 121–123; Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП (б). — М., 1947. — С. 475–476.

9 ЦГАОО РБ. — Ф. 122. — Оп. 26. — Д. 445. — Л. 18.

10 ЦГИА РБ. Ф.Р-1862. — Оп.1. — Д.16. — Л. 131.

11 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, Пленумов ЦК. — Т. 6. — М., 1985. — С. 506.

12 ЦГАОО РБ. Ф.122. — Оп. 32. — Д. 1299. — Лл. 15, 16.

На дни религиозных праздников приходилась основная масса случаев массового пьянства и невыходов на работу. Религиозные праздники не были объявлены выходными днями, поэтому их празднование рассматривалось как нарушение трудовой дисциплины. Бюро обкома партии предложило следующие меры по исправлению сложившейся ситуации: шире развернуть чтение популярных лекций на антирелигиозные темы; разнообразить формы и средства воздействия на башкирском и татарском языках; издать на этих языках популярные книги и брошюры о религии и атеизме; шире вовлекать молодежь в различные коллективы художественной самодеятельности, спортивные организации, технические, сельскохозяйственные и научные кружки¹³. Итак, нужно было заметно усилить антирелигиозную пропаганду среди всех слоев населения, используя все методы, формы и средства идейно-политического воздействия. Основной упор делался на молодежь, только формирующую свои взгляды на жизнь, и наиболее внушаемую часть общества — женщин.

Большое распространение получили тематические вечера и вечера вопросов и ответов по научному атеизму, естествознанию с показом опытов. В атеистической пропаганде широко использовались достижения науки, в первую очередь такие, как создание и запуск первых государственных спутников Земли.

Новым в деятельности культпросветучреждений явились разработки и практическое осуществление советских праздников и обрядов, была сделана попытка замещения религиозных праздников светскими. Вместо Пасхи, Масленицы стали проводиться праздники первой борозды, весеннего сева, первого снопа и другие, посвященные разным периодам сельскохозяйственного года. Особенно широко отмечались праздники урожая, где подводились итоги прошедшей уборочной кампании, чествовались наиболее отличившиеся труженики. Стали проводиться праздники труда, в ходе которых подводились итоги социалистического соревнования.

Вошел в обиход ряд других обрядов и праздников, которые непосредственно не были связаны с трудовой деятельностью людей, а были посвящены выдающимся событиям их личной жизни — совершеннолетию, получение паспорта, свадьба, рождение ребенка, проводы на заслуженный отдых. Также праздники посвящались смене времен года — встреча Нового года, проводы зимы и т. п. Проводились различные тематические вечера: «Жить по-коммунистически», «Борьба за новое в животноводстве», «Вечер женщин», «Вечер отдыха», «Вечер, посвященный герою Мусе Джалилю» и другие¹⁴. Проведение мероприятий в вечернее время было наиболее удобным, так как собирало наибольшую аудиторию участников, освобожденных от основной работы в колхозе, совхозе.

Итак, в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы наблюдалось некоторое улучшение положения религиозных объединений. Однако следует признать, что государство и правящая партия использовали религиозные организации как инструмент формирования не просто пассивно-лояльного, а активно поддерживающего власть гражданина. Тоталитарный режим применял такие методы, как тотальный контроль над деятельностью религиозных организаций, столкновение интересов верующих различных конфессий.

Пристатейный библиографический список

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, Пленумов ЦК. — Т. 6. — М., 1985.
2. Куроедов В. А. Религия и церковь в советском обществе. — М., Полит. лит.-ра, 1984.
3. Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП (б). — М., 1947. — С. 475–476.
4. Русское православие. Вехи истории. — М., Политиздат, 1989.
5. Саидбаев Т. С. Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. — М., 1978.

13 ЦГАОО РБ. Ф.122. — Оп. 32. — Д. 1299. — Лл. 20–21.

14 ЦГИА РБ. — Ф.Р-1910. — Оп.2. — Д.101. — Лл. 77, 84.

Ямаева А. И.

БЕЛЬГИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО МЕЖДУ ФЕДЕРАЛИЗМОМ, СЕПАРАТИЗМОМ И КОНФЕДЕРАЛИЗМОМ

Процесс децентрализации Бельгии продолжается в течение полувека. Автор приходит к выводу о том, что политические кризисы повлекли государственные реформы. Отмечается, что последние реформы 2010–2011 гг. дали регионам степень уникальной автономии, но не изменили характер бельгийского федерализма.

Ключевые слова: федерализм, государство, конституция, право, полномочия.

Yamaeva A. I.

BELGIUM STATE BETWEEN FEDERALISM, SEPARATISM AND CONFEDERALISM

The movement towards decentralization in Belgium has been going on for half a century. The author comes to the conclusion that political crises have been followed by state reforms. The author traced a tendency that the last to date reforms of 2010–2011 brought in an unprecedented level of autonomy but did not modify the nature of Belgium's federalism.

Key words: federalism, state, constitution, law, authority.

Ямаева А. И.

В течение последних десятилетий Бельгия пережила преемственность государственных реформ, часто предшествовавших тяжелым политическим кризисам, самым длительным из которых был кризис 2010–2011 гг.: 541 день без постоянного правительства¹.

С созданием нового бельгийского правительства в 1830 г. французский язык был принят в качестве единственного официального, как язык политических и экономических элит. Большая часть населения нового государства, однако, говорит на фламандских или валлонских диалектах, в отличие от французского далеко не однородных. В ответ на создание «франкоязычного движения» Бельгии создается движение в защиту территориальной и языковой самобытности Фландрии.

Первая перепись населения, проведенная в 1846 г., показала, что в стране преобладает население, говорящее на фламандских диалектах. Сначала фламандское движение получило признание голландцев в виде закрепления фламандского как официального языка наравне с французским (1898 г.)². Эта первая победа не удовлетворила чаяния фламандцев об автономии. Опасаясь за выживание своего языка, они хотели установить административную границу между Севером и Югом. Эта граница устанавливается в 1921 г. с последующим пересмотром в 1962 г. В 1970–1971 гг., после пересмотра Конституции, происходит создание четырех лингвистических регионов³: одноязычного региона, говорящего по-голландски (Фландрия), франкоязычного региона (Валлония), Брюсселя, двуязычной территории в центре страны и немецкоязычного региона по другую сторону. Фламандский язык в регионе используется в сфере образования, в общественных делах и юстиции. В 1960-х центробежный процесс, начатый фламандской стороной, находит отклик в Валлонии. Стремления валлонов к большей автономии в экономической и социальной сферах для преодоления промышленного спада

в регионе в сочетании с требованиями фламандцев о защите языка и культуры способствуют развитию бельгийской институциональной модели федерализма. После пересмотра Конституции в 1980 г. были созданы регионы и общины, а также политические образования, для нужд которых переводятся значительные финансовые суммы. Деньги идут на финансирование образования и культуры, экономического развития, сферы занятости, инфраструктуры (порты, дороги и т.д.)⁴.

Институциональное упрощение Фландрии происходит с того момента, когда парламент и правительство региона и общины помогают объединить позиции различных политических партий для дальнейшего укрепления своего влияния на севере страны среди французских политиков⁵. Напомним, что на Фламандский регион приходится 60% бельгийского населения и 70% объема производства материальных ценностей. Политика Фламандского парламента, поддержанная всеми фламандскими партиями в 1999 г., остается на сегодняшний день политикой поддержки большей автономии.

Шестая государственная реформа (2010–2011 гг.) часто преподносится как одна из самых амбициозных в истории Бельгии.

В результате реформы Бельгия становится одной из стран, в которых субъекты федерации имеют наиболее широкие полномочия. Эта реформа предусматривает, что в дополнение к политике занятости вопросы семейной политики и здравоохранения передаются с федерального уровня субъектам федерации. Помимо передачи полномочий в указанных сферах, наиболее важным нововведением является увеличение фискальной автономии, что идет на пользу субъектам федерации. Если раньше большинство налогов были собраны и перераспределены федеральным органом, шестая реформа позволила регионам ввести независимые налоги, покрывающие 70% их финансовых потребностей⁶. Реформа не меняет конкретные структурные данные в бельгийской федеральной модели. Именно эти особенности вызывают центробежную институциональную динамику, в условиях которой последовательные кризисы привели к дальнейшему сокращению

1 Reuchamps Cf. M., Sinardet D., Dodeigne J. L'avenir du fédéralisme en Belgique. Visions des parlementaires fédéraux et régionaux avant l'accord sur la sixième réforme de l'État // La Revue Nouvelle — 6 juin, 2013. — P. 40 ets.

2 De Coorebyter V. La vision du fédéralisme // Cahiers d'études du Centre Jacques Georquin. — 2005. — № 3. — P. 2–8.

3 Deschouwer K. The Politics of Belgium. Governing a Divided Society. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009; Mabille X. Histoire politique de la Belgique. Facteurs et acteurs de changement. — Bruxelles: CRISP, 2000.

4 Nassaux J. — P. Le nouveau mouvement bruxellois. — Bruxelles, CRISP, 2001; Le Courrier hebdomadaire du CRISP, Vol. 2103–2104.

5 Jans T. et Deschouwer K. La Flandre et la Belgique de demain: une identité devenue institution // Fédéralisme — régionalisme. — 1998. — P. 91–106.

6 Deschouwer K. et Reuchamps M. The Belgian Federation at a Crossroad // Regional and Federal Studies. — 2013. — Vol. 23. — № 3. — P. 263.

полномочий федерального органа в пользу субъектов федерации⁷.

Рассмотрим различные факторы, которые в конечном итоге угрожают самому существованию Федерации. Бельгии изначально характерна двойственная политическая и институциональная организация. С 1970 г. основные национальные партии исчезли из-за привязки к своей языковой группе (французской или фламандской). На институциональном уровне Бельгия делится на восемь регионов, в которые входят три общины и два общественных комитета, но в действительности основными действующими субъектами, на которые делится государство, являются Фландрия и Валлония, которые имеют полноту региональной юрисдикции⁸. Средства массовой информации также делятся между двумя языковыми общинами в соответствии с подразделениями политических партий.

Бельгийская модель федерализма отличается от других моделей федеральной системы полным отсутствием иерархии норм и соответствующего принятия принципов исключительной юрисдикции, а также полномочиями между федеральными и федеративными образованиями. Различные организации довольно свободно осуществляют свою политику без обязательств по консультациям с федеральным правительством или с другими субъектами федерации.

На самом деле, фрагментация компетенций предполагает сотрудничество между различными субъектами. Кроме того, отмечается разделение полномочий между сообществом и областью (особенно в Брюсселе). Здесь мы подходим к другому конкретному аспекту бельгийского федерализма: наличие различных типов федеральных субъектов (общин, регионов, общественных комитетов) в одном и том же районе⁹.

Если предположить, что одни и те же причины порождают определенные последствия, двойственная структура бельгийского федерализма и отсутствие связей между политикой, обществом и средствами массовой информации с обеих сторон должны породить новые проблемы.

Бельгийские политические партии можно разделить на несколько групп¹⁰. Попадают в эту категорию все франкоязычные политические партии (Социалистическая партия [PS], Реформа движение [MR], Демократический гуманистический центр [CHR], и Ecolo), зеленые (Грон), социалисты (SPA) и либералы (OpenVLD). Эти партии хотят непрерывности федерального правительства, особенно фламандская сторона. Они также относительно близки к общему распределению полномочий между федеральным органом и субъектами федерации¹¹.

Фламандский национализм представлен двумя партиями: фламандской *Belang* (12% голосов на выборах) и *N-VA* (28% голосов), выступающими за Фландрию как за независимое государство. Первая партия во Фландрии выступает за независимость Фландрии, что в настоящее время не представляется возможным из-за отсутствия народной поддержки¹². Положение *N-VA* совершенно иное. Она защищает идею пре-

вращения Бельгии в конфедерацию, которая не соответствует традиционному определению этого термина — а именно свободная ассоциация независимых государств, объединивших ограниченные юрисдикции. В этой схеме премьер-министр будет упразднен, а также будут отменены прямые выборы федерального парламента. Брюссель также будет сотрудничать с Фландрией и Валлонией, а его население должно будет выбирать между этими двумя субъектами. Реализация этой программы если не означает конец Бельгии, то, по крайней мере, предполагает ряд неопределенностей¹³.

Партия Фламандских христианских демократов выступает за то, чтобы Бельгия развивалась в направлении федеральной системы, в которой субъекты федерации будут нести центр тяжести федерального правительства.

Три сценария можно прогнозировать для будущего Бельгии: распад государства, переход к конфедеративной модели, эволюция федеративной системы.

Реализация федерализма в Бельгии не положит конец политическим противоречиям между общинами. Если напряжение уменьшится, это будет связано с передачей полномочий, что позволит решить спорные вопросы между Фландрией и Валлонией.

Однако эта гипотеза представляется маловероятной, если учесть все последствия. Если сепаратистские партии набрали до 40% голосов на выборах 2013 г., то количество представителей фламандской стороны, голосующих за то, чтобы их область стала независимым государством, не превышает 15%. Эта цифра не меняется последние 15 лет, даже в периоды политического кризиса. Казалось бы, кризис должен был побудить более серьезно задуматься о варианте независимости. Разделение без референдума было бы возможно, например, на условиях соглашения в результате переговоров между фламандской и французской сторонами¹⁴.

Но множественные споры, которые могут при этом возникнуть — споры о делении правительства, государственных предприятий, задолженности, федеральных зданиях, статусе меньшинств — список можно продолжать долго и трудно завершить, делают подобный вариант невозможным.

Одним из препятствий является бельгийский государственный долг. Бельгия пережила в последние годы трудности с финансированием. Напряженность, связанная с доходностью облигаций в 2010–2011 годах и в большей степени обусловленная невозможностью сформировать правительство в связи с перспективой распада страны — ничто по сравнению с тем финансовым крахом, который последует, если запустится процесс разделения. Второе препятствие к разделению — сам Брюссель, который представляет экономическую периферию Бельгии. Но нынешняя ситуация, где каждый имеет доступ к столице Бельгии и Европе и может использовать его «образ», устраивает всех. Фламандцы считают Брюссель своей столицей по символическим причинам, а также по экономическим — как город с международной репутацией. Достижение компромисса невозможно, так как фламандцы и валлоны не хотят отказываться от Брюсселя¹⁵.

Сценарий конфедерализма представляется преимущественным в свете преодоления необходимости международного признания и использования любой связи с общественностью. Но проблемы (например, распределения долга или статуса Брюсселя) точно так же остаются неразрешенными. Данный сценарий более радикальный и фактически заменяет переговоры по разделению. Наконец, мы не должны упускать из виду, что конфедеративный сценарий также включает в себя вопрос о Брюсселе. Многие фламандские наблюдате-

7 Swenden W. The Future of Belgian Federalism — Between Reform and Swansong? // *Regional and Federal Studies*. — 2013. — Vol. 23. — № 3. — P. 378–379.

8 De Coorebyter V. *Op. cit.* — P. 2–8.

9 Swenden W. *Op. cit.* — P. 379–380.

10 Jacob S. et C. Pasquet Le fédéralisme conflictuel: identité régionale et gestion des conflits en Belgique, in H. Pauliat (dir.), *L'Autonomie des collectivités territoriales en Europe*. — Limoges: Presses universitaires de Limoges, 2004. — P. 239–266.

11 Dassetto F. Le Cinquième Royaume. Quelles assises culturelles et sociales pour une Belgique (con) fédérale? — Bruxelles: Éditions Couleur livres, 2009.

12 Reuchamps M. The Future of Belgian Federalism Through the Eyes of the Citizens // *Regional and Federal Studies*. — 2013. — Vol. 23. — № 3. — P. 353–368.

13 Laborderie V. Les difficultés d'une séparation éventuelle. In V. Laborderie et N. Parent (dir.), *Good Morning Belgium*. — Bruxelles: Éditions Mols, 2012. — P. 33–36.

14 Swenden W. *Op. cit.* — P. 370–377.

15 Reuchamps M. *Op. cit.* — P. 354–356.

ли отмечают, что конфедерализм не может дистанцировать Фландрию от Брюсселя. Помимо вопроса о Брюсселе, важно, какой тип субъекта федерации (регион или сообщество) будет входить в конфедерацию¹⁶.

Различные мнения по этому вопросу фламандской и французской стороны, вероятно, опираются на ограниченное представление о происходящем в стране. В первом случае кризисные факторы не исправлены и продолжается процесс перехода федерального правительства в регионы и общины. Возникает только вопрос о скорости, с которой этот процесс будет осуществляться и на уровне дефедерализации. Это будет зависеть от того, того как быстро требования об автономии будут выполнены.

Другая возможность состоит в осуществлении коррекции недостатков существующего бельгийского федерализма и, в частности, устранении факторов раскола и конфронтации между общинами. Еще один аспект заключается в разработке пространства для дискуссии на федеральном уровне. Ключевой вопрос — будет ли Бельгия развиваться в будущем как федеральный округ.

В заключение можно отметить в качестве последнего элемента организацию дискуссий между различными субъектами, а также выявление общих интересов и внедрение параллельной юрисдикции, где федеральное правительство (или другой игрок) может играть ведущую роль.

Возможно, выйти из тупика может помочь гражданское общество, так как все эти события действительно происходили под его непосредственным давлением и под влиянием общественного мнения.

Пристатейный библиографический список

1. Coorebyter V. De La vision du fédéralisme // Cahiers d'études du Centre Jacques Georgin. — 2005. — № 3.

2. Dassetto F. Le Cinquième Royaume. Quelles assises culturelles et sociales pour une Belgique (con) fédérale? — Bruxelles, Éditions Couleur livres, 2009.
3. Deschouwer K. The Politics of Belgium. Governing a Divided Society, Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2009.
4. Deschouwer K., Reuchamps M. The Belgian Federation at a Crossroad // Regional and Federal Studies/ — 2013. — Vol. 23. — № 3.
5. Jacob S., Pasquet C. Le fédéralisme conflictuel: identité régionale et gestion des conflits en Belgique // H. Pauliat (dir.), L'Autonomie des collectivités territoriales en Europe, Limoges, Presses universitaires de Limoges, 2004.
6. Jans T., Deschouwer K. «La Flandre et la Belgique de demain: une identité devenue institution», Fédéralisme — régionalisme, 1998,
7. Laborderie V. Les difficultés d'une séparation éventuelle // V. Laborderie et N. Parent (dir.), Good Morning Belgium, Bruxelles, Éditions Mols, 2012.
8. Mabile X. Histoire politique de la Belgique. Facteurs et acteurs de changement. — Bruxelles, CRISP, 2000.
9. Nassaux J. — P. Le nouveau mouvement bruxellois, Bruxelles, CRISP, 2001, «Le Courrier hebdomadaire du CRISP», № 2 103–2 104.
10. Reuchamps Cf. M., Sinardet D., J. Dodeigne L'avenir du fédéralisme en Belgique. Visions des parlementaires fédéraux et régionaux avant l'accord sur la sixième réforme de l'État // La Revue Nouvelle. — Juin 2013. — № 6.
11. Reuchamps M. The Future of Belgian Federalism through the Eyes of the Citizens // Regional and Federal Studies. — 2013. — Vol. 23. — № 3.
12. Swenden W. The Future of Belgian Federalism — Between Reform and Swansong? // Regional and Federal Studies. — 2013. — Vol. 23. — № 3.

16 Swenden W. Op. cit. — P. 370–377.

Абашидзе Аслан Хусейнович

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, директор Центра инновационно-образовательных проектов и правовых исследований РУДН.

В 1985 г. с отличием окончил факультет экономики и права Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы по специальности «Юриспруденция». Переводчик с английского языка на русский.

В 1990–1992 гг. обучался в магистратуре в Институте имени Рауля Вальленберга (Юридический университет, Швеция) и получил степень магистра по международному публичному праву.

С 2001 г. по настоящее время читает полный курс лекций по международному публичному праву на факультете международных отношений МГИМО (У) МИД России. Выступал с лекциями в Институте прав человека Норвегии, Академии Або (Финляндия), Институте международных отношений Салоники (Греция), Европейском межвузовском центре по правам человека и демократизации (Италия).

Председатель Комиссии международного права Российской ассоциации содействия ООН (РАС ООН). Член Исполкома Российской ассоциации международного права. Член Всемирной ассоциации международного права. Член Исполкома Внешнеполитической ассоциации. Член редколлегии Вестника РУДН (серия: Юридические науки), Московского журнала международного права (МЖМП), Российского ежегодника международного права и журнал «Обозреватель». Член научно-консультативного совета при МИД России.

С 2010 по 2014 г. — член и вице-председатель Комитета по экономическим, социальным и культурным правам.

В 2007–2009 гг. — член Рабочей группы по произвольным задержаниям Совета ООН по правам человека.

Под его авторством и в соавторстве в России и за рубежом (Великобритания, США, Финляндия, Греция, Италия, Сербия, Армения, Грузия, Казakhstan и т.д.) опубликовано более 300 работ.

А.Х. Абашидзе

**ДОГОВОРНЫЕ ОРГАНЫ
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В СИСТЕМЕ ПРАВООЩИТНЫХ
МЕХАНИЗМОВ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ**

Москва
2012

ДОГОВОРНЫЕ ОРГАНЫ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В СИСТЕМЕ ПРАВООЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

А.Х. Абашидзе

Ямалова Э. Н.

МЕЖДУ ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬЮ И ЭТНИЧНОСТЬЮ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ

В статье рассматриваются основные этапы и особенности формирования эстонской нации сквозь призму государственного строительства. Обозначены основные факторы, обуславливающие специфику развития эстонского национализма. Отдельно рассмотрены этнополитические аспекты развития постсоветской Эстонии. Делается вывод, что на современном этапе в Эстонии отсутствуют открытые конфликты и, несмотря на определенную этно-культурную напряженность между эстонским и русским населением, риски открытых конфликтов между данными этническими группами невелики.

Ключевые слова: нация, этнос, государство, этнополитика, национализм, Эстония.

Yamalova E. N.

BETWEEN CITIZENSHIP AND ETHNICITY: THE NATION FORMATION AND STATE-BUILDING SPECIFICS OF POST-SOVIET ESTONIA

The article considers the main stages and features of the formation of the Estonian nation through the prism of state-building process. The main factors stipulating the specific of Estonian nationalism development are identified. Ethno-political aspects of post-Soviet Estonia development are considered separately. It is concluded that at the present stage there are no open conflict in Estonia, and despite a certain ethno-cultural tensions between the Estonian and Russian population, the risk of open conflict between the ethnic groups are small.

Keywords: nation, ethnicity, state, ethnic policies, nationalism, Estonia.

Ямалова Э. Н.

Специфика исторического развития Эстонии, заключающаяся в многовековой политической зависимости, обусловила тот факт, что процесс нациообразования эстонцев начался намного раньше их первого опыта государственного строительства. Социально-экономическая и культурная дискриминация как со стороны Германии, так и со стороны царской России, стимулировали подъем национализма. Именно национализм стал доминантной политической идеологией, мобилизовавшей эстонцев в борьбе за политическую независимость.

Процесс государствообразования во многом был детерминирован геополитической ситуацией. Будучи небольшой страной и входя в поле интересов могущественных держав (Германии и России), Эстония была вынуждена искать поддержки у третьих сил в лице таких стран, как Великобритания и США, которые не представляли для нее экспансионистской угрозы. Данные специфические геополитические условия значительно повлияли на конкретные обстоятельства и характер становления первых политических институтов Эстонии. Авторитарные политические традиции, исходящие от Германии и России, наталкивались на противостояние со стороны эстонского национализма, который идентифицировал это влияние как враждебное себе и искал изоляции от них посредством восприятия западных либерально-демократических моделей политического развития. Именно этим объясняется тот факт, что первая независимая политическая система Эстонии, сформированная в 1918–1920 гг., в большей степени отражала западно-демократические атрибуты по примеру системы Великобритании, с присущей ей сильной законодательной властью, значительно ограничивающей полномочия премьер-министра и правительства. Знаменательно, что эстонцы выбрали именно эту — парламентскую форму правления, несмотря на кризисную политическую и экономическую ситуацию, которая предполагала в этих условиях более эффективную систему с президентской формой правления. Однако геополитические условия толкали эстонцев к этому выбору исходя из национально-политических интересов, а не требований эффективности. Депрессивные 1930 гг. показали несостоятельность парламентской формы правления в условиях политической нестабильности. Государственный переворот К. Пятса 1933 г. ликвидировал основы парламентаризма. Однако именно таким путем Эстонии удалось избежать вполне возможного фашистского режима, реальная угроза которого исходила от набирающей популярность в то время Лиги Ветеранов Войны.

Основы парламентаризма были реанимированы в 1938 г. с существенным дополнением Конституции 1938 г., которая, в отличие от первой Конституции 1920 г., вводила институт президентства. Однако избрание Президента Эстонии было решено осуществлять парламентским большинством, а не общенациональными выборами. В данном случае эстонцы учли печальный опыт фашизма Германии, который показал, что в условиях кризиса массы могут сделать выбор в пользу диктатора и тирании¹.

Попытки установления казарменно-коммунистического тоталитаризма со стороны Советской России, которые были предприняты ею в 1924 и в 1939–1940 гг., создали прецедент, при котором левые идеи в Эстонии потеряли в дальнейшем всякую поддержку. Дальнейшие 50 лет советского господства только усилили эти настроения.

Таким образом, уже на ранних этапах соевой независимости объективные геополитические особенности создали своеобразную прививку для эстонского народа как от фашизма, так и от коммунизма. Эстонский национализм развивался как антитеза равным образом германскому фашизму и интернациональному коммунизму. Именно поэтому крайние силы как ультраправого, так и ультралевого толка, никогда в дальнейшем в Эстонии не имели массовой поддержки. С другой стороны, германский и советский экспансионизм усилил в эстонском обществе тенденции к западоцентризму, а устремление к европейской интеграции стало рассматриваться как единственно возможное условие сохранения национальной независимости и выживания эстонского этноса. Это, в свою очередь, обуславливало восприятие Эстонией политических традиций либерально-демократического сообщества и радикальное уничтожение рецидивов советской политической системы, которое стало возможно в период восстановления независимости Эстонии с 1991 г. Конституция 1992 г. восстановила демократические политические институты, такие как парламент и пост Президента.

Специфической чертой нациообразования постсоветского периода является этнически-языковая ситуация, связанная с тем, что эстонское общество в период советского периода перестало быть моноэтническим. Эстонцы составляют только 68%

1 Lauristin M., Vihalemm P. The Political Agenda During Different Periods of Estonian Transformation: External and Internal Factors // Journal of Baltic Studies. — 2009. — Vol. 40. — № 1. — P. 21.

от всего населения страны. Значительную долю (26%) составляют русские². Данное соотношение многими политическими силами Эстонии трактуется как угрожающее для самосохранения эстонского этноса. Поэтому в первые годы восстановленной независимости были приняты законы, ограничивающие гражданские права русского населения. Таким образом, процесс государственного строительства по либерально-демократической модели вполне сочетался с доминированием во властной политике Эстонии национализма этнического типа. Тем не менее, ориентация на западные либерально-демократические ценности вынуждает правительство решать межкультурные и этнические противоречия компромиссным путем, избегая радикализма.

Русскоязычное население составляет основную этническую группу меньшинства эстонского общества. Процесс интеграции ее в эстонскую нацию является наиболее конфликтным моментом в постсоветском развитии страны. Несмотря на неоднозначную трактовку решения этой проблемы со стороны властей, можно признать, что в настоящее время в решении данной проблемы осуществлен заметный прогресс и с каждым годом «русский вопрос» теряет свою актуальность.

Основными противоречиями между эстонским большинством и русскими являются законы о языке и гражданстве. Русскоязычному населению, не прошедшему требования натурализации, предполагается обязательное владение эстонским языком, отказано в статусе гражданства. Это лишает неграждан участия в выборах Государственного Собрания и возможности устроиться на работу в государственные структуры. Тем не менее, правительство Эстонии пыталось в данном вопросе сохранить определенный компромисс, позволив негражданам участвовать в выборах в местные органы власти. В дальнейшем в политике правительства наблюдались шаги по либерализации вопроса, связанного с проблемами русского меньшинства. В частности, в 2001 г. была отменена норма избирательного закона, запрещающего баллотироваться в депутаты Государственного Собрания лицам, не владеющим эстонским языком³.

В Эстонии действуют многочисленные политические организации и партии, представляющие интересы русскоязычного населения. Наиболее влиятельные из них:

1. Объединенная народная партия Эстонии. Основана 8 октября 1994 г. Председатель — Виктор Андреев. На выборах 1999 г. получила 6 мест в парламенте.

2. Русская партия. Основана 3 октября 1994 г. на съезде Русского национального союза. В начале 1996 г. слилась с Русской народной партией Эстонии. Насчитывает 500 членов. Председатель — Николай Маспанов.

3. Русская партия единства. Основана в 1997 г. бывшими членами Русской партии. Лидер — Игорь Седашев.

4. Русское демократическое движение Эстонии — РДДЭ. Политическая организация, выражающая интересы некоренного населения Эстонии. Основано 30 августа 1991 г. Руководящий орган в промежутках между съездами — Центральный совет. Председатель Центрального совета — Александр Ильин⁴.

В целом, однако, политические силы русской общины крайне разрозненны и до сих пор не смогли мобилизоваться в единую политическую организацию. Поэтому, несмотря на то, что в выборах 1992–1999 гг. русские партии всегда неизменно имели представительство в парламенте, оно было минимальным и никогда не имело существенного влияния на правительственную политику.

Выборы 2003 г. впервые оказались полностью проигрышными для русских партий. Ни одна из них не преодолела 5%-й

барьер. Впервые русскоязычные избиратели проголосовали за эстонские партии. Во многом данный факт объясняется успехами национальной политики и прогрессом в области натурализации. Все большее число русских принимают гражданство Эстонии и интегрируются в эстонскую нацию. Этот процесс пошел более интенсивно после 2004 г., когда Эстония стала членом Европейского союза. Знаменательно, что молодое поколение этнических русских одобряет европейскую интеграцию Эстонии даже в большей степени, чем этнические эстонцы. Это показали результаты общенационального референдума 2003 г.

В 2005 г. правительство Эстонии сообщило, что количество русскоязычных, выполнивших требования натурализации, превысило 137 тыс. человек, то есть с 1992 г. впервые число принявших гражданство превысило число тех, кто до сих пор не выполнил требования натурализации. Правительство также заявило, что процесс интеграции в единое национальное общество завершится в течение следующих 10 лет⁵.

Существенным фактором нормализации отношений в языковой сфере Эстонии служит распространение в стране английского языка, который является сближающим для этнических групп эстонцев и русских. За период с 1992 по 2005 гг. путем натурализации гражданство Эстонии получили 135 тыс. человек.

Большинство людей, желавших получить гражданство, воспользовались этой возможностью уже в течение 1990-х годов (более 110 тыс. человек с 1992 по 2000 г.).

В связи со вступлением Эстонии в Европейский союз (ЕС) в мае 2004 г. граждане Эстонии автоматически стали гражданами ЕС. В связи с вышеназванным фактом интерес к эстонскому гражданству увеличился, особенно со стороны молодежи, и количество ходатайств также возросло. Так, в 2004 г. количество лиц, просивших об эстонском гражданстве, удвоилось по сравнению с предыдущим годом и составило 6 523 человека⁶.

Таким образом, в настоящее время в Эстонии отсутствуют открытые конфликты. Несмотря на определенную этно-культурную напряженность между эстонским и русским населением, риски открытых конфликтов между данными этническими группами невелики. Связано это, во-первых, с более либеральной в сравнении с началом 1990-х годов правительственной политикой в отношении русских, реализуемой на рубеже XX–XXI вв. В 2001 г. эстонское правительство под давлением комиссии ЕС и России отменило обязательное требование знания эстонского языка для кандидатов, баллотирующихся в Государственное Собрание. Во-вторых, в стране последовательно идет процесс натурализации, и все большее количество русских, в особенности представителей молодого поколения, выполняют требования натурализации и получают гражданский статус. Таким образом, социальная база этнического конфликта с каждым годом сокращается. В-третьих, русские партии достаточно разрознены и слабы, чтобы мобилизовать русскую общину для открытой конфронтации.

Пристатейный библиографический список

1. Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс / Сост. А. А. Танин-Львов. — М.: РОССПЭН, 2001.
2. Путь в Европу / Под. общ. ред. И. М. Клямкина, Л. Ф. Шевцовой. — М.: Новое издательство, 2008.
3. Dawisha K., Parrott B. Russia and the New States of Eurasia: The Politics of Upheaval. Cambridge: Press Syndicate of the University of Cambridge, 1994.
4. Lauristin M., Vihalemm P. The Political Agenda During Different Periods of Estonian Transformation: External and Internal Factors // Journal of Baltic Studies. — 2009. — Vol. 40. — № 1.
5. Lauristin M., Vihalemm P. The Political Agenda During Different Periods of Estonian Transformation: External and Internal Factors // Journal of Baltic Studies. — 2009. — Vol. 40. — № 1. — P. 13.
6. Путь в Европу / Под. общ. ред. И. М. Клямкина, Л. Ф. Шевцовой. — М.: Новое издательство, 2008. — С. 135.

Зайцева Е. Р., Панченко В. Ю.
ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРЕПЯТСТВИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД

Статья посвящена соотношению юридических препятствий и ограничений как явлений в правовом регулировании конституционных прав и свобод. Авторы приходят к выводам о том, что законные ограничения прав и свобод по общему правилу не могут рассматриваться в качестве юридических препятствий; ограничения, не отвечающие конституционным условиям правомерности, являются юридическими препятствиями, преодолимыми в судебном порядке, при этом судебная оценка выступает юридически значимым критерием различия правовых ограничений и препятствий.

Ключевые слова: юридические препятствия в реализации прав и свобод, ограничения прав и свобод, права и свободы человека и гражданина, конституционное право, правовое регулирование, теория права.

Zaitseva E. R., Panchenko V. Yu.
LEGAL OBSTACLES AND LIMITATIONS
OF CONSTITUTIONAL RIGHTS AND LIBERTIES

The paper deals with co-relation between legal obstacles and limitations as phenomena in legal regulation of constitutional rights and liberties. Authors come to the conclusions that legal limitations of rights and liberties could not in general be considered as legal obstacles; limitations, which do not meet constitutional conditions of legality, could be overcome by legal proceedings, whereas judicial evaluation is legally relevant criteria to differentiate legal limitations and obstacles.

Keywords: legal obstacles for implementation of rights and liberties, limitations of rights and liberties, the rights and liberties of man and citizen, constitutional law, legal regulation, theory of law.

Категория «юридические (правовые) препятствия в реализации прав и законных интересов» позволяет распознать среди всех обстоятельств, влияющих на процесс реализации права, юридические факторы (условия, обстоятельства), которые блокируют (полностью или частично), затрудняют процесс осуществления правовых возможностей (прав и законных интересов), идентифицировать их с формально-юридической и содержательно-социальной сторон.

По своей природе юридические препятствия в реализации прав и законных интересов могут быть либо нормативно установленными, либо юридико-фактическими. Они осложняют реализацию правовых возможностей (прав, свобод, законных интересов), требуя от носителя прав и законных интересов дополнительных, нормативно незапрограммированных, либо предусмотренных в установленном правом порядке реализации права, но несоразмерных, неразумных организационных, материально-технических, временных, интеллектуальных и иных затрат¹.

Весь комплекс основных прав и свобод, закрепленных в Конституции России, можно разделить на права и свободы, реализация которых не требует особой регламентации, и основные права и свободы, которые не могут обойтись без специального правореализующего механизма. Реализация прав и свобод — это процедурно-правовой механизм их осуществления, который раскрывается через упорядоченность, структуру (субъекты, объекты, характер связей между ними), разнообразные социальные и юридические факторы, формы, способы, условия и гарантии осуществления конституционных норм в соответствии с демократическими процедурами, принципами законности и социальной справедливости².

1 См. подр.: Панченко В. Ю. О понятии юридических препятствий в реализации и защите прав и законных интересов // Академический юридический журнал. — 2013. — № 3. — С. 14.

2 См.: Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России: Учебное пособие. — М.: Изд-во МГУ, Инфра-М-Норма, 1997. — С. 237.

Юридические препятствия заложены в самом праве, в нормативно-регулятивных средствах либо в юридически значимой деятельности по их использованию. Юридические препятствия являются законными в формальном смысле, но неправовыми с точки зрения целей правового регулирования. Так, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, отсутствие регистрации по фактическому месту жительства хотя и не является непреодолимым препятствием для реализации гражданином принадлежащих ему прав, но, применительно к конкретным правам и конкретным обстоятельствам, может создать такие неудобства в процессе правопользования, требующие дополнительных усилий, которые повлекут ограничения этих прав, несоразмерные конституционно значимым целям³.

В конституционном праве категория «препятствие в реализации прав и свобод» связана, в первую очередь, с категорией «ограничение прав и свобод личности». Эти понятия, несмотря на внешнее сходство, по своей сущности различны.

Ограничения конституционных прав и свобод непреодолимы в данное время на территории данного государства, поскольку устанавливаются самим государством, которое, в силу своего суверенитета, в каждом конкретном случае отдает приоритет публичному интересу перед интересом частным. Ограничения всегда устанавливаются исключительно федеральной государственной властью или от ее имени, так как только федеральная государственная власть в полной степени может

3 Постановление Конституционного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона «О садоводческих огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобой гражданина А. В. Воробьева» // СПС «КонсультантПлюс».

Зайцева Е. Р.

Панченко В. Ю.

отражать публичный интерес Российской Федерации как государства. Они всегда устанавливаются открыто, с указанием их оснований, пределов и срока действия.

Во-первых, ограничения устанавливаются в специальных статьях Конституции РФ, определяющих общие принципы ограничения конституционных прав и свобод (статьи 55, 56 Конституции РФ).

Во-вторых, ограничения прав могут предусматриваться в конституционных оговорках, когда в одной статье Конституции РФ провозглашается право на что-либо, и в ней же закрепляется ограничение этого права (так называемая оговорка в законе). Так, Конституция РФ, предоставляя право на объединение, запрещает создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ст. 13); гарантируя свободу мысли и слова, не допускает пропаганду или агитацию, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду (ст. 29); предоставляя гражданам право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме, оговаривает, что не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда (ст. 32); предоставляя каждому право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, не допускает экономическую деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ст. 34).

В-третьих, ограничения закрепляются в нормативных актах не ниже уровня федерального закона. Так, согласно ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Более того, в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия (ст. 56 Конституции РФ).

В-четвертых, ограничения могут устанавливаться в решениях федеральных судов. Так, согласно Конституции РФ, ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений допускается только на основании судебного решения (ст. 23); никто не вправе проникать в жилище, неприкосновенность которого провозглашается, против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения (ст. 5); каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность, а арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению (ст. 22). Отсюда видно, что ограничения, устанавливаемые Конституцией РФ, федеральным законодательством и решениями федеральных судов, являются «изъятием» у человека этого права в определенных обстоятельствах на определенное время на территории РФ.

Ограничения как бы «аннулируют» права лица в данное время и при данных обстоятельствах. Права, как такового, у лица нет. Поэтому ограничения, которые устанавливаются федеральным законодательством и решениями федеральных судов, являются объективными в пределах этого государства. Другое дело, что эти ограничения могут быть признаны «чрезмерными» или «дискриминационными» международными

судебными органами, юрисдикцию которых Российская Федерация признает. Так, Европейский суд по правам человека признал дискриминационными ограничения прав человека в контексте состояния здоровья человека, например, когда ВИЧ-статус используется в качестве основания для применения различного режима в области доступа к образованию, занятости, медицинского обслуживания, передвижений, социального обеспечения, жилья и убежища⁴. По мнению того же суда, не являются чрезмерным ограничением права на объединение положения п. 2 ст. 3 и п. 6 ст. 47 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях», закрепляющие требования, которым должна отвечать политическая партия⁵.

Отсюда соотношение категорий «юридические препятствия» и «ограничения» реализации конституционных прав и свобод может быть представлено следующим образом: 1) ограничения прав и свобод, отвечающие всем конституционно установленным требованиям (статьи 55, 56 Конституции РФ), по общему правилу не могут рассматриваться в качестве юридических препятствий, поскольку задают рамки существования самих прав и свобод и презюмируются в качестве таких пределов прав и свобод до момента возможной дисквалификации в порядке конституционного судопроизводства или надгосударственной судебной деятельности; 2) ограничения прав и свобод, не отвечающие конституционным условиям правомерности по источнику их закрепления (не установленные на уровне федерального законодательства) являются юридическими препятствиями, преодолимыми в порядке гражданского, административного или конституционного судопроизводства; 3) юридически значимым критерием, отличающим ограничения и юридические препятствия, и механизмом, способным «перевести» те или иные правовые установления в ранг той или иной категории, выступают результаты судебной деятельности соответствующего уровня, которые не могут быть пересмотрены в рамках правовой системы данного государства.

Пристатейный библиографический список

1. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России: Учеб. пособие. — М.: Изд-во МГУ, Инфра-М-Норма, 1997.
 2. Панченко В. Ю. О понятии юридических препятствий в реализации и защите прав и законных интересов // Академический юридический журнал. — 2013. — № 3.
 3. Постановление Европейского суда по правам человека от 10 марта 2011 г. «Дело «Киютин (Kiyutin) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. — 2011. — № 12.
 4. Постановление Европейского суда по правам человека от 12 апр. 2011 г. «Дело «Республиканская партия России (Republican Party of Russia) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. — 2011. — № 12.
 5. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона «О садоводческих огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобой гражданина А. В. Воробьева» // СПС «КонсультантПлюс».
- 4 См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 10 марта 2011 г. «Дело «Киютин (Kiyutin) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. — 2011. — № 12. — С. 9, 104–121.
- 5 Постановление Европейского суда по правам человека от 12 апр. 2011 г. «Дело «Республиканская партия России (Republican Party of Russia) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. — 2011. — № 12. — С. 9, 121–152.

Демидов В. Н.

РОЛЬ И МЕСТО ОРГАНОВ РЕГИОНАЛЬНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Конституционное правосудие в современном мире признается одним из неотъемлемых элементов демократического правового государства, основанного на принципах верховенства права и разделения властей. При федеративном устройстве государства оно может существовать на двух уровнях — федеральном и региональном, поскольку субъекты Федерации обладают значительной самостоятельностью, в том числе своими Основными законами. В России функцию конституционного правосудия на региональном уровне осуществляют конституционные (уставные) суды. В статье раскрываются особенности правового статуса этих судов в условиях федеративного устройства Российского государства, а также освещается их роль и значение в практической реализации принципов, гарантий и ценностей, закрепленных в федеральной Конституции и конституциях (уставах) субъектов Федерации.

Ключевые слова: конституция, конституционные (уставные) суды, конституционное правосудие, конституционное судопроизводство, федеративное государство, конституционные ценности.

Демидов В. Н.

Demidov V. N.

ROLE AND PLACE OF REGIONAL CONSTITUTIONAL JUSTICE IN STATE AND LEGAL SYSTEM OF MODERN RUSSIA

Constitutional justice in the contemporary world is recognized as one of the essential elements of a democratic state based on the rule of law and separation of powers. In a federal state, it can exist on two levels — federal and regional, as subjects of the Federation have considerable autonomy, including their basic laws. In Russia, the function of constitutional justice at the regional level performed by the constitutional (charter) courts. The article describes the characteristics of the legal status of these courts under the federal structure of the Russian state, and highlights their role and importance in the practical implementation of the principles, guarantees and values enshrined in the Federal Constitution and the constitutions (charters) of subjects of the Federation.

Keywords: Constitution, constitutional (charter) courts, constitutional justice, constitutional litigation, a federal state, constitutional values.

Институт конституционного правосудия является одним из исторических достижений конституционализма и в настоящее время признается неотъемлемым атрибутом правового государства. Современное демократическое государство не может обойтись без осуществления независимого и профессионального судебного контроля над правотворческой деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления. Наличие в государстве механизма обеспечения соответствия законодательства положениям Конституции как учредительного и высшего нормативного правового акта рассматривается в качестве одного из принципов современного конституционализма, признающего государствами с различным уровнем политического, экономического, социального и культурного развития¹.

Установление в Российской Федерации конституционного правосудия отвечает таким основам ее конституционного строя, как принципы верховенства права, федерализма, правового и социального государства, разделения властей, обеспечения приоритета прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов власти. Его предназначение состоит в обеспечении верховенства и прямого действия конституционных норм, упорядочении властных полномочий органов государства. Данный вид судебной власти гарантирует защиту прав и свобод человека и гражданина от нарушающих их законов и иных нормативных правовых актов.

Роль и значение конституционного судебного контроля проявляются в том, что данный институт судебной власти выступает в качестве гарантии соблюдения конституционных норм. Чтобы Конституция стала реально действующим нормативным актом, она должна быть обеспечена правовой защитой. В условиях современного демократического государства толь-

ко судебный конституционный контроль способен в полной мере обеспечить действенную правовую охрану Конституции. Без такого контроля она может оставаться всего лишь общей декларацией принципов и намерений. В нашей стране конституционное правосудие является принципиально новым институтом правовой системы, который выступает как главный элемент правовой защиты Конституции России, конституций и уставов субъектов Федерации.

Значение конституционного правосудия определяется его функцией подчинения политики праву. Конституционная юстиция является самостоятельным видом государственной контрольной деятельности, осуществляемой по судебной процедуре. Именно эта форма обеспечивает объективность и беспристрастность конституционного контроля, выступает гарантией независимого рассмотрения конституционных правовых споров. Как отмечают исследователи, если конституционный контроль осуществляют несудебные органы, то он носит общий характер, поскольку такой конституционный контроль в значительной степени испытывает влияние проводимой в государстве политики. Судебный же конституционный контроль можно квалифицировать как контроль специализированный и неполитический².

В мировом масштабе конституционное правосудие реализуется по двум организационным моделям — американской и европейской. В нашей стране, юриспруденция которой относится к континентальной системе права, воспринята европейская модель. Она характеризуется тем, что конституционная юстиция представляет собой обособленную ветвь судебной власти, осуществляющую правосудие на основе самостоятельного вида судебной деятельности — конституционного судопроиз-

1 Хабриева Т. Я. Теория современного основного закона и Российская Конституция // Журнал российского права. — 2008. — № 12.

2 Анисимова Т. В. Юридическая природа конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации // Адвокат. — 2009. — № 3.

водства, которое по своей правовой природе является одной из форм осуществления правосудия в Российской Федерации (статья 118, часть 2, Конституции РФ). На федеральном уровне его осуществляет Конституционный Суд России, а на уровне субъектов Российской Федерации — их конституционные (уставные) суды.

В соответствии с Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» конституционный (уставный) суд может создаваться субъектом Российской Федерации для рассмотрения вопросов соответствия региональных законов, нормативных правовых актов органов государственной власти и местного самоуправления положениям конституции (устава) субъекта Федерации, а также для толкования конституции (устава) субъекта Российской Федерации. Его создание происходит по инициативе самого субъекта Федерации, финансирование производится за счет средств регионального бюджета, а вопросы, отнесенные к его компетенции, рассматриваются в порядке, установленном региональным законом. При этом его решения, как и решения любого другого судебного органа, являются обязательными для исполнения и не могут быть пересмотрены иным судом.

Региональное конституционное (уставное) правосудие проистекает из федеративной природы Российского государства, которая обеспечивает децентрализацию государственной власти, учет национальных, конфессиональных и региональных особенностей ее субъектов, дает возможность передать в субъекты необходимый объем государственно-правовых вопросов. Она же определяет систему государственных органов, структуру законодательства, распределение полномочий между федеральными и региональными органами власти. В частности, федеративное устройство означает наличие у субъектов Российской Федерации собственных судебных полномочий в рамках конституционного принципа разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. Создание института региональной конституционной (уставной) юстиции дает возможность реализовать закрепленный в Российской Конституции принцип федерализма в построении системы органов судебной власти.

Особенность правового статуса конституционных (уставных) судов заключается в том, что они входят в единую судебную систему России и вместе с тем являются органами власти субъектов Федерации. Конституционные (уставные) суды — это единственные органы судебной власти, которые выносят свои решения именем субъекта Российской Федерации. В отличие от судов общей юрисдикции и арбитражных судов конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации не образуют единую систему и не являются нижестоящей инстанцией по отношению к Конституционному Суду Российской Федерации. Но при этом органы региональной конституционной юстиции в своей деятельности ориентируются на Конституционный Суд России. И это вполне оправданно, поскольку конституционное правосудие на федеральном и региональном уровнях действует в рамках единого правового пространства и осуществляется в одном и том же порядке конституционного судопроизводства.

Федеральный и региональные органы конституционного судебного контроля исполняют общую функцию обеспечения верховенства права, соблюдения конституционной законности. Общность правовой природы органов конституционного правосудия предопределяет схожесть места и роли Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации на соответствующих этапах федеративного государства. Региональное конституционное (уставное) правосудие по своему предназначению призвано решать в субъектах Российской Федерации те же задачи, которые на федеральном уровне возложены на Конституционный Суд России. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном

Суде Российской Федерации» стал объединяющим и ориентирующим началом для правовых норм законов субъектов Российской Федерации о конституционных (уставных) судах³. Как отмечается, «конституционноуставное правосудие в субъектах Российской Федерации есть составная часть конституционного правосудия Российской Федерации в целом, функционирование которого обеспечивает единство конституционности на основе федеральной Конституции, конституций и уставов субъектов Федерации на территории всей Российской Федерации»⁴.

Как отметил известный правовед, один из разработчиков действующей Конституции Российской Федерации С. М. Шахрай, «в федеративном государстве организация конституционного правосудия на двух уровнях предпочтительнее его организации только на федеральном уровне. Во-первых, создание в субъектах Федерации собственных органов конституционного правосудия повышает их роль в развитии федеративных отношений в соответствии с принципами конституционного строя. Хотя федеральный орган конституционного правосудия и органы конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации обладают своими полномочиями, связанными с регулированием федеративных отношений, в различном объеме и каждый на своем уровне имеют собственные задачи, в целом они действуют как партнеры в решении общих задач — обеспечении территориального верховенства федеральной Конституции и на этой основе упорочения Федерации и установления в ней конституционного строя»⁵.

Благодаря наличию региональных конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации воспроизводится та конституционная модель функционирования органов государственной власти, которая установлена на общероссийском уровне. Это отвечает требованиям статьи 77 (часть 1) Конституции Российской Федерации, согласно которым система органов государственной власти республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов устанавливается субъектами Российской Федерации самостоятельно в соответствии с тем числе с основами конституционного строя Российской Федерации. Характерно, что Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» предусматривает процедуру назначения на должность судьи конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации (пункт «з» части третьей статьи 5). Подобный подход содействует повышению демократизации политической жизни регионов, восприимчивости положительного опыта разрешения конституционно-правовых споров на федеральном уровне, упорочению государственного механизма и стандартов защиты прав и свобод граждан. Не случайно должности председателя, заместителя председателя и судьи конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации входят в перечень типовых государственных должностей субъектов Российской Федерации, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 4 декабря 2009 года № 1381 «О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации».

Принципиальной особенностью конституционного правосудия является то обстоятельство, что оно ориентировано на защиту не только буквы, но и духа Конституции. Это вытекает из самой сущности Конституции как основополагающего юри-

3 Артемова С. Т. Юридическая природа и принципы функционирования конституционных (уставных) судов субъектов РФ как правоохранительных органов // Конституционное и муниципальное право. — 2011. — № 11. — С. 59.

4 Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: Учеб. пособие / Н. В. Витрук. — М.: Юрист, 2005. — С. 463–464.

5 Шахрай С. М. Конституционное правосудие в системе российского федерализма. — СПб, 2001. — С. 172.

дического акта, который в сжатой, концентрированной форме выражает главные ценности страны, основу ее экономического, социального, политического и культурного устройства. Разрешая конкретно-правовые споры, преодолевая неопределенность в понимании конституционных норм, орган конституционной юстиции по определению должен глубоко вникнуть в тот глубокий пласт принципов и отношений, который скрывается за каждой применяемой им конституционно-правовой нормой. Благодаря этому конституционное правосудие обеспечивает динамичность понимания конституции, ее развитие, отражающее развитие самого общества, которое по ней живет. Как отметил Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин, «Конституция — это ни в коем случае не застывший, однозначный и понимаемый исключительно буквально текст. Это — живой документ. Который как базовый нормативный фундамент постоянно изменяющегося политического, социального, экономического мира должен жить и реализоваться в контексте перемен в этом мире. Таким образом, задача Конституционного Суда — в каждом своем решении объективировать динамический баланс конституционных ценностей. А именно защищать неизменные и неотъемлемые базовые ценности, учитывая при этом те насущные потребности конкретно-исторического развития России, в которых эти ценности находят свое актуальное воплощение»⁶.

Данное определение не только характерно для понимания сущности Конституции и конституционного правосудия на федеральном уровне, но и помогает лучше понять деятельность конституционных (уставных) судов по защите конституций (уставов) российских регионов как субъектов федеративного государства, каждый из которых обладает спецификой и самостоятельностью при решении своих вопросов. Это обуславливает роль конституций и уставов субъектов Российской Федерации как правовых документов, встроенных в единое российское правовое пространство и развивающих принципы и ценности, заложенные в Российской Конституции, но на региональном уровне являющихся учредительными актами, определяющими работу органов государственной власти и местного самоуправления, жизнь региона в целом. На необходимость действия конституционных норм в режиме реального регулирования общественных отношений обратил внимание и Президент Республики Татарстан Р. Н. Минниханов, отметив, что «законодательство тем сильнее, чем теснее оно связано с жизнью. Со временем будут обновляться и конкретные статьи Конституции Республики Татарстан. Но ее принципиальные положения, ее дух останутся неизменными и в дальнейшем будут определять правовые основы социально-экономического, политического и духовно-культурного развития республики, находиться на страже неотъемлемых прав и свобод ее жителей»⁷. Это емкое определение роли Конституции Татарстана в жизни республики безусловно подходит и для других субъектов Федерации, и конституционные (уставные) суды могут и должны играть свою роль в реализации данного потенциала их конституций (уставов).

Вполне естественно, что исходя из полномочий, роли и значения в системе органов государственной власти конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации за ними закрепилась репутация хранителей базовых фундаментальных ценностей, признаваемых как в рамках всего федеративного государства, так и имеющих особое значение для каждого конкретного региона с учетом его специфики. Причем нередко речь идет не только о сугубо правовых ценностях, составляющих основу современного конституционализма, но и о ценностях, тесно связанных с культурным наследием конкретного

региона, историческим восприятием и самоидентификацией народов, государственность которых реализована в том или ином субъекте Российской Федерации. Вот, например, Глава Республики Северная Осетия — Алания и Председатель ее Конституционного Суда обращают внимание на то, что действующая Конституция этой республики впервые в практике ее конституционного строительства закрепила в названии региона термин «Алания». Они отмечают следующее: «В Конституции республики 1994 года было закреплено новое название Северной Осетии — «Республика Северная Осетия — Алания», что объясняется необходимостью восстановления исторической связи осетинского народа со своими непосредственными предками — аланами и стремлением идентифицировать себя в тех основных понятиях и названиях, под которыми известны осетины в доктрине мировой исторической науки и долгое время в обывденном сознании народов Европы»⁸.

Насущной потребностью современного конституционализма является не только воплощение ценностей, непосредственно закрепленных в нормах Конституции, но и, как отмечается в литературе, генерирование новых конституционных ценностей как результата оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля. Например, «в практике Конституционного Суда РФ получил свое обоснование целый ряд формально не имеющих прямого закрепления в Конституции РФ ценностей, включая такие, как: справедливость и правовая определенность, устойчивость публичных правоотношений, стабильность условий хозяйствования, поддержание баланса публичных интересов государства и частных интересов субъектов правоотношений и др.»⁹. Развитие данного сегмента конституционных ценностей, а следовательно, и конституционного регулирования неразрывно связано с осуществлением конституционного правосудия, в том числе на региональном уровне с деятельностью конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации.

Учреждение и развитие конституционной (уставной) юстиции в субъектах Российской Федерации является залогом формирования демократической государственности России, которая немаловажна без сильной судебной власти в регионах. Конституционные (уставные) суды являются именно тем институтом власти, посредством которого укрепляется конституционная законность и сохраняется стабильность конституций и уставов субъектов Российской Федерации. Выявляя неконституционные положения действующих законов, признавая их утратившими юридическую силу, органы конституционной (уставной) юстиции субъектов Российской Федерации нацелены региональные парламенты на создание более качественных законов с точки зрения соответствия Конституции России и конституциям (уставам) субъектов Федерации. Вынося решения о конституционности закона или его отдельных положений, конституционные (уставные) суды способствуют устранению препятствий в их реализации. Решая вопросы о соответствии конституции (уставу) того или иного законодательного акта, они нередко предпринимая вопросы законодательства; высказанные ими правовые позиции не подлежат обжалованию, а юридическая сила постановления конституционного (уставного) суда о признании нормативного правового акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же нормативного правового акта.

Конституционное правосудие по своему потенциалу способно внести свою стабилизирующую роль в развитие государства и общества как на федеральном, так и на региональном уровнях. Как справедливо отмечается, «проблемы конститу-

6 Зорькин В. Д. Конституционный Суд России в историческом контексте. Размышления к юбилею Конституционного Суда // Журнал конституционного правосудия. — 2012. — № 4. — С. 7.

7 Минниханов Р. Н. 20 лет Конституции Татарстана // Татарстан. — 2012. — № 10. — С. 5.

8 Мамсуров Т. Д., Цалиев А. М. Республика Северная Осетия — Алания в составе Российской Федерации. — М. — Владикавказ, 2013. — С. 8–9.

9 Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. — М.: Юрист, 2013. — С. 15–16.

ционного государства, демократии, свободы и прав личности связаны со всей совокупностью общественных отношений и всей системой конституционного права, выступающего одной из гарантий развития цивилизационного процесса»¹⁰. На разрешение именно этих проблем ориентирована работа конституционной юстиции, что определяет ее объективную востребованность как специализированного государственно-правового института, занимающего уникальное место в системе органов государственной власти, в том числе и регионального уровня. При этом для полной реализации данного ее потенциала на региональном уровне необходимо завершение процесса ее формирования, что остается основной задачей обозримого будущего.

Пристатейный библиографический список

1. Анисимова Т. В. Юридическая природа конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации // Адвокат. — 2009. — № 3.
2. Артемова С. Т. Юридическая природа и принципы функционирования конституционных (уставных) судов субъектов РФ как правозащитных органов // Конституционное и муниципальное право. — 2011. — № 11.
3. Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. — М.: Юрист, 2013.
4. Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: Учеб. пособие. — М.: Юрист, 2005.
5. Зорькин В. Д. Конституционный Суд России в историческом контексте. Размышления к юбилею Конституционного Суда // Журнал конституционного правосудия. — 2012. — № 4.
6. Мамсуров Т. Д., Цалиев А. М. Республика Северная Осетия — Алания в составе Российской Федерации. — М. — Владикавказ, 2013.
7. Минниханов Р. Н. 20 лет Конституции Татарстана // Татарстан. — 2012. — № 10.
8. Хабриева Т. Я. Теория современного основного закона и Российская Конституция // Журнал российского права. — 2008. — № 12.
9. Шахрай С. М. Конституционное правосудие в системе российского федерализма. — СПб, 2001.
10. Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. — М.: ЮНИТИ, 1997. — С. 92.

10 Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. — М.: ЮНИТИ, 1997. — С. 92.

Об авторе

Александр Михайлович СОЛНЦЕВ

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов. В 2005 г. с отличием окончил магистратуру РУДН по специальности «Международное право». В 2008 г. защитил кандидатскую диссертацию под руководством профессора А. Х. Абашидзе на тему «Роль международных судебных учреждений в разрешении международных экологических споров». Проходил стажировку в Университете Амстердама (University van Amsterdam, Нидерланды, 2001–2002 гг.) и в Управлении Верховного комиссара ООН по правам человека (Женева, 2012 г.). Член Российской ассоциации международного права. Сфера научных интересов: проблемы теории и практики международного права, в особенности вопросы международного экологического права, международного космического права, мирного разрешения споров; проблемы защиты прав человека; африканистика. Автор и соавтор более 150 работ, опубликованных в России и за рубежом.

А. М. Солнцев

**СОВРЕМЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
О ЗАЩИТЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

Наше издательство предлагает следующие книги:

Издательская группа **URSS**

117335, Москва, Нахимовский проспект, 56
 Телефон / факс (многоканальный) +7(499) 724 25 45

Каталог изданий в Интернете: <http://URSS.ru>
 E-mail: URSS@URSS.ru

Открыты в магазинах книжки, а также электронные версии доступны по адресу URSS.RU. Ваши замечания и предложения будут рады и отправки на веб-странице этой книги на сайте <http://URSS.RU>

Бобкова Е. М.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА МОЛДОВЫ И ПРИДНЕСТРОВЬЯ

В статье рассматривается специфика и возможности взаимодействия образовательных систем Молдовы и Приднестровья.

Ключевые слова: образование, права человека, апостиль, нострификация.

Bobkova Ye. M.

ENFORCEMENT OF THE HUMAN RIGHTS IN THE FIELD OF EDUCATION UNDER THE CONDITIONS OF MOLDOVA AND TRANSNIESTER

The article discusses the specifics and possibility of interaction of educational systems of Moldova and Transdnierster.

Keywords: education, human rights, apostille, nostrification.

Бобкова Е. М.

Право на образование — одно из фундаментальных естественных основных прав человека¹, закрепленное в ряде международных документов². Во Всеобщей Декларации прав человека роль образования ориентирована на «... полное развитие человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам... содействие взаимопониманию, терпимости и дружбе между народами, расовыми и религиозными группами»³.

Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) определяет право на образование как элемент права на жизнь, права на развитие, права на непрерывное образование, которое должно реализовываться в течение всей жизни. Обращаем особое внимание на необходимость международного внедрения «качественного образования», опирающегося на правозащитный подход⁴.

В то же время необходимость защиты права на образование во время вооруженных противостояний сегодня приобретает особую актуальность в разных частях мира — Южном Судане, Афганистане, Газе, Сирии, Украине. Со стороны экспертов ООН все чаще раздаются призывы к мировому сообществу «... о недопустимости появления потерянного поколения, растущего без доступа к образованию в результате конфликтов»⁵.

Проблемам реализации прав на образование в Приднестровье уделено внимание в Отчете о правах человека в Приднестровском регионе Республики Молдова⁶. Старший эксперт ООН Томас Хаммарберг, комментируя ситуацию с нострификацией аттестатов об окончании школы и университетских дипломов, выразил надежду на то, что «...поиск и выявление решений будут происходить во благо прав тех людей, кого они непосредственно касаются, т.е. учеников и студентов. Люди должны быть защищены в максимально возможной степени от неблагоприятных последствий текущей политической ситуации... Основой целью должно быть соблюдение интересов детей, о которых идет речь»⁷.

Образование сегодня превратилось в мировую систему гигантских масштабов. Это огромная социальная машина, в которой над миллионными контингентами людей на протяжении десятилетий идет образовательная работа. В образование человек включается чаще всего с 3 лет, а большинство не покидает его практически всю жизнь⁸.

Высокий уровень производственного потенциала, техническая и социальная оснащенность современной жизни, задачи модернизации или конкуренции задают сегодня во многих странах высокие образовательные стандарты. Но их требования все чаще не согласуются с реальными возможностями обществ. Это выражается в ограниченности материально-технических, финансовых, кадровых и прочих ресурсов для обеспечения стремлений широких слоев населения к высшим уровням образования.

1 Миков П. В. Участники образовательного процесса в правовом пространстве школы: права, обязанности, ответственность [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vuzlib.su/books/4570-ред_A_Б_Суслова-Права_человека__Учебно-методический_комплекс/38- (дата обращения: 20.07.2014)

2 Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенция о правах ребенка, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод.

3 Всеобщая Декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 года.

4 The Dakar Framework for Action — Education for All: meeting with our commitments, World Education Forum. Dakar, Senegal, 26–28 April, 2000 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.unesco.org/education/efa/ed_for_all/framework.shtml (дата обращения: 20.07.2014)

5 Конфликт в Сирии лишает детей права на образование [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=20758#_U_YWm36VvGg

6 Томас Хаммарберг был комиссаром Совета Европы по правам человека (2006–2012); Генеральным секретарем Международного центра Улофа Пальме (2002–2005); послом правительства Швеции по гуманитарным вопросам (1994–2002); региональным советником по Европе, Центральной Азии и Кавказу для Верховного комиссара ООН по правам человека (2001–2003); Специальным представителем по правам человека в Камбодже (1996–2000); членом Комитета ООН по правам ребенка (1991–1996); Генеральным секретарем организации «Спасем детей», Швеция (1986–1992); Генеральным секретарем «Международной амнистии» (1980–1986).

7 Хаммарберг Т. Отчет о правах человека в Приднестровском регионе Республики Молдова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.md/key_doc_pub/Senior_Expert_Hammarberg_Report_TN_Human_Rights_Russian.pdf

8 Иваненков С. П. Проблемы социализации современной молодежи. Монография. — СПб, 2003. Изд. 2-е, доп. — С. 261.

Современная образовательная ситуация характеризуется динамичностью, многоплановой вариативностью, накоплением инновационного потенциала⁹.

Необходимо отметить, что число документов, регламентирующих вопросы взаимодействия Молдовы и Приднестровья в вопросах экономического, социального и культурного развития в интересах населения, довольно значительно. Среди первых документов, определивших основные принципы во взаимоотношениях Приднестровья и Молдовы, следует упомянуть «Протокол согласованных вопросов (11.03.1996)» Снегур — Смирнов, и Меморандум об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем (08.05.1997, Москва).

Меморандум содержал новый подход сторон к проблеме урегулирования, обязывает стороны к взаимосогласованному рассмотрению проблем, позволяет закрепить достигнутые ранее договоренности и предоставляет Приднестровью право самостоятельно устанавливать и развивать экономические, научно-технические и культурные связи с другими государствами.

Подписание сторонами конфликта этих документов свидетельствовало о преодолении «глухой поры» и некоторой нормализации переговорного процесса. Далее стороны сосредоточили свои усилия на согласовании позиций, что позволило обозначить общие контуры предстоящих соглашений.

Определяющее значение для успешности работы по согласованию позиций имело нахождение общей формулы действия. Так, согласно «Протоколу рабочей встречи руководства Республики Молдова и Приднестровья (24.05.1997), подписанному президентами (на тот момент) И. Н. Смирновым и П. А. Лучинским, были созданы комиссии Сторон для координации и обеспечения переговорного процесса для разработки проектов соглашений, в том числе и по образованию.

Одним из важнейших документов стало «Соглашение об организационных основах социально-экономического сотрудничества между Республикой Молдова и Приднестровьем от 10 ноября 1997 г. В данном соглашении, ориентированном на повышение эффективности использования экономического потенциала сторон, прописано создание Объединенной Комиссии по социально-экономическому сотрудничеству между Молдовой и Приднестровьем, которая для осуществления своих функций создает постоянно действующие рабочие группы¹⁰. На современном этапе¹¹ Приднестровье представляет министр просвещения ПМР С. И. Фадеева.

В то же время ряд вопросов, касающихся повседневной жизни людей на обоих берегах Днестра, к сожалению, не попадает в повестку дня заседаний экспертных (рабочих) групп. В частности, не урегулирован вопрос о начислении трудовых пенсий, расчете трудового стажа среди лиц, работающих и в Молдове и в Приднестровье, в том числе в сфере высшего образования.

По-прежнему не теряет актуальности вопрос взаимного признания актов гражданского состояния и документов об образовании (впервые вопрос поднят в рамках заседания комиссии 16 мая 2001 г.). Разница во взглядах и подходах существенно затрудняет получение конкретного результата, востребованного жителями обоих берегов.

9 Гукаленко О. В. Гуманитарный контекст развития Приднестровской Молдавской Республики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pmr21.info/text.php?cat=12&name=gumanitarniy%20kontext%20razvitiya%20PMR&arch=onsite> (дата обращения: 20.07.2014)

10 Соглашение об организационных основах социально-экономического сотрудничества между Республикой Молдова и Приднестровьем (10.11.1997).

11 Под современным этапом мы рассматриваем 2012–2014 гг. За этот период прошли четыре встречи рабочих экспертных групп в области гуманитарных и социальных вопросов.

Нострификация дипломов и аттестатов — процесс признания документов иностранных государств о среднем, высшем и послевузовском образовании. Процедура предполагает признание соответствующими органами этих документов законными на территории данного государства, где был получен документ¹².

Для окончивших приднестровские вузы и средние специальные учебные заведения процедура такого признания осложнена: требуется экспертиза диплома соответствующим вузом Молдовы. После определения разницы в учебной программе назначаются экзамены по предметам, которых нет в программе приднестровского высшего учебного заведения, но есть в учебной программе молдавского. И лишь затем проводится процедура признания.

Обсуждаемый в экспертных кругах международный опыт применения апостиля может стать механизмом разрешения одного из наиболее острых вопросов в диалоге между Молдовой и Приднестровьем.

Специальный штамп — апостиль — введен в действие в Республике Молдова 16 марта 2007 г. Он отменяет требование легализации иностранных документов в Молдове и молдавских за рубежом. Этим штампом пользуются государства — члены Гаагской конвенции от 5 октября 1961 г. «Об апостиле». Другими словами, Конвенция отменяет требование легализации документов в стране их происхождения.

Конвенция распространяется на все официальные документы, которые были выданы или получены на территории одного из договаривающихся государств, и должны быть представлены в органах или частных организациях (по требованию последних) на территории другого договаривающегося государства.

Таким образом, апостиль удостоверяет подлинность подписи лица, подписавшего документ, и подлинность печатей (если они проставлены на документе). Апостиль проставляется только на документах от учреждений и организаций Республики Молдова. Дальнейшее консульское заверение не требуется. Документ считается легитимным на территории одного из государств — стран участников Гаагской конвенции сразу после апостилизации (проставление штампа (печати) апостиля).

В Республике Молдова апостиль на акты об образовании, выданные учебными заведениями, аккредитованными в порядке, установленном законодательством, должны быть представлены вместе с подтверждением от учебного заведения, выдавшего акт об образовании или от Министерства просвещения, проставляя Министерство юстиции Республики Молдова и Министерство иностранных дел и европейской интеграции Республики Молдова¹³.

В риторике молдавских и приднестровских специалистов в сфере образования употребляются понятия «нострификация», «легализация» и «признание дипломов». Разрешение данного конкретного вопроса зачастую упирается в различия интерпретации политической составляющей данной дефиниции, тогда как гармонизация отношений в образовательной сфере между сторонами конфликта является одним из важнейших факторов, способных в будущем сформировать поколение, готовое к диалогу.

Нострификация документов, выданных вузами признанных стран, хоть и не лишена некоторых бюрократических проволоч-

12 Нострификация в разных странах проходит похожие этапы: 1. Подтверждение диплома или аттестата в учебном заведении. 2. Подтверждение в соответствующем министерстве. Как правило, процедура занимает около месяца. Если вам нужно предоставить диплом за рубежом, вы должны проставить апостиль на диплом или легализовать его в соответствующем консульстве того государства, в которые его требуется предоставить.

13 Исключение составляют акты, совершенные органами центрального публичного управления по требованию физических и юридических лиц по их ходатайству.

чек, является достаточно простой и прозрачной процедурой. Ситуация крайне обостряется (если не сказать заходит в тупик), когда речь заходит о постконфликтных зонах. В рамках работы рабочей (экспертной) группы по образованию так и не было достигнуто существенного прогресса в этом вопросе.

В то же время обе стороны конфликта — Молдова и Приднестровье — более чем за 20 лет наработали существенную правовую базу, регулирующую процессы нострификации документов об образовании. Общий порядок нострификации документов находится на сайте Министерства просвещения Приднестровья¹⁴. Специалисты нострификационного органа в своей работе руководствуются следующими документами: указом Президента ПМР от 1 августа 2002 г. № 469 «Об установлении дополнительных требований к должностным лицам при замещении государственных должностей» (САЗ 02–31); приказом МП ПМР от 16.07.2002 г. № 525 «Об утверждении порядка признания и установления эквивалентности (нострификации) документов иностранных государств об образовании и ученых званиях» (рег. № 2022 от 02.27.2003г) (САЗ 03–09); приказом МП ПМР от 12.07.2005 г. № 676 «О внесении дополнений в «Порядок признания и установления эквивалентности (нострификации) документов иностранных государств об образовании и учёных званиях» (рег. № 2022 от 27.02.2003 г., САЗ 03–09) (САЗ 05–39).

Обратимся к опыту нострификации признанных стран и стран с неопределенным статусом, пережившим конфликтный период взаимоотношений.

Интересен опыт нострификации иностранных дипломов, выданных признанными странами, в Финляндии. Для данной процедуры предусмотрено три варианта. Вариант первый: при трудоустройстве на государственную службу или общественную работу (например: учитель, юрист, врач и т.д.) потенциальный работник в обязательном порядке подает заявку на нострификацию диплома в Финский национальный совет по образованию (ФНСО). Оценка приемлемости и соответствия диплома опирается на нормы международного права, в частности Конвенцию о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе (Лиссабон, 1997 г.), а также рекомендации из финского университета.

Второй вариант нострификации довольно прост и демократичен и апеллирует к оценке образовательного документа высшим учебным заведением. Привлекает внимание довольно большая свобода и самостоятельность вузов в вопросах нострификации. Так, после подачи заявления «...высшие учебные заведения самостоятельно решают вопросы, касающиеся приема студентов и передачи кредитов, полученных за рубежом. Высшие учебные заведения при необходимости могут просить Финский национальный совет по образованию предоставить дополнительную информацию о соответствующей иностранной программе в качестве основы для процесса принятия решений»¹⁵.

Третий путь еще проще. При устройстве на работу в частную кампанию решение о соответствии полученного соискателем образования принимает сама фирма-наниматель.

Несколько иной подход осуществляет Финский национальный совет по образованию, оценивая образовательные документы, выданные вузами стран с неопределенным политическим статусом. Так, дипломы из Тайваня принимаются финскими университетами, но при трудоустройстве на государственные или общественные работы документы должны получить официальное одобрение от ФНСО. Палестинские ди-

пломы должны быть признаны Израилем, но некоторые из них должны быть подтверждены финскими университетами. Аналогичная ситуация наблюдается и в случае Приднестровья.

Обращает на себя внимание демократичность данного процесса в Финляндии. И довольно высокая степень потенциальной имплементации в условиях молдо-приднестровского конфликта.

Вернемся к практикам нострификации Израилем дипломов, выданных учебными заведениями в Палестинской автономии. Учреждением, ответственным за признание палестинских (и других иностранных) университетов и степеней для аккредитации (сертификации) является Совет по высшему образованию, возглавляемый министром образования страны. Нормативные акты данного Совета свидетельствуют, что подход к степеням из палестинских университетов такой же, как и к дипломам и степеням любого другого не-израильского университета, на основе научных критериев и без ссылки на территориальный статус или политические факторы.

Принимая во внимание ситуацию политического конфликта в целом и прямой контроль Израиля над палестинскими университетами на протяжении многих лет, можно предположить, что в реальности данный механизм работает с некоторыми оговорками и трудностями. На практике некоторые университеты признаны, другие нет. Так, например, «... Аль-Кудс в Восточном Иерусалиме не признается, и есть широко распространенное убеждение, что это отражает политические, а не академические критерии (с учетом аннексии Израилем Восточного Иерусалима). В то же время исламский университет Газы, считающийся учреждением ХАМАС, в отличие от Аль-Кудс, признан израильским советом»¹⁶.

Можно провести параллели между израильско-палестинской и молдо-приднестровской ситуацией, в контексте, когда решение конкретной социально-значимой проблемы определяется политическим дискурсом сторон.

Похожая ситуация сложилась с нострификацией дипломов, выданных учебными заведениями Северного Кипра. В Турции они являются полноправными членами Совета высшего образования и включены в список учреждений, выпускники которых могут сдавать вступительные экзамены в любых вузах Турции. Соответственно, дипломы, выданные вузами Северного Кипра, Турцией признаются.

Совершенно очевидно, что похожие отношения сложились между Приднестровьем и Россией. Так, образовательная система Приднестровья находится в образовательном поле РФ, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко дважды успешно прошел российскую аккредитацию. Что касается дипломов, то существует договоренность о признании приднестровских дипломов Министерством образования РФ.

Аналогичное положение и в следующем: образовательные документы, выданные учебными заведениями Северного Кипра, не признаются Республикой Кипр и международным сообществом. Однако вузы активно сотрудничают с научными и образовательными учреждениями разных стран, «... часто в рамках обмена студентами определенного факультета, научно-исследовательской деятельности, организации мероприятий (конференций, семинаров, и т.д.). Некоторые университеты также являются членами Европейской ассоциации университетов. Ближневосточный университет является членом Международной ассоциации университетов».

Интересна информация о признании дипломов «разведенных» Косово и Сербии. Между сторонами существует соглашение о взаимном признании университетских дипломов, выданных после 2008 г. Дипломы косовских университетов признаются в странах Европы. Процедура нострификации

14 Официальный сайт Министерства просвещения Приднестровья [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://minpros.info/index.php?option=com_content&task=view&id=91

15 Ulkomaisten Tutkintojen Tunnustaminen Suomessa, Helsinki, 2010 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.oph.fi/download/124801_Ulkomaisten_tutkintojen_tunnustaminen_Suomessa.pdf (дата обращения 11.09.2014)

16 Higher Education, spotlight on Israel [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.il/mfa/aboutisrael/education/pages/higher%20education.aspx> (Дата обращения 13.09.14)

в Косово регулируется «Управлением национальной квалификации» в соответствии с международными стандартами.

Полезным может стать опыт информационной работы с «нострификантами» в Германии. Выработанный механизм позволяет иностранным гражданам дистанционно проверять, признаются ли в Германии полученные ими на Родине дипломы или нет. При содействии Министерства иностранных дел создана специальная база данных, в которую внесены все известные немцам образовательные учреждения всех стран мира с пометками о том, признаются ли их дипломы.

В то же время факт признания диплома еще не означает, что можно сразу же начинать искать работу в Германии по своей специальности. В стране около 60 немецких специальностей относятся к так называемым «регламентированным профессиям». Иностранцы граждане, желающие работать по этим профессиям, должны обладать не только соответствующим дипломом, но и подтверждением эквивалентности (нострификация) этого документа немецким образовательным стандартом. То есть обучение должно продолжаться столько же лет, сколько и в Германии, при такой же длительности практической квалификации¹⁷. Например, в Германии могут быть признаны дипломы всех российских вузов, имеющих государственную аккредитацию¹⁸.

Исследования в определенной степени позволяют предложить следующие варианты решения проблемы признания образовательных документов Приднестровья: расширение роли вузов в процессе нострификации образовательных документов; создание совместного сайта (на молдавском и русском языках), информирующего о процедуре нострификации, с размещением на нем как нормативных актов сторон, так и перечня вузов, образовательные документы которых признаны.

Пристатейный библиографический список

1. Higher Education, spotlight on Israel [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.il/mfa/aboutisrael/education/pages/higher%20education.aspx> (дата обращения 13.09.14).
- 17 Признание диплома в Германии. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tupa-germania.ru/rabota/priznanie-diploma-v-germanii.html> (Дата обращения: 28.04.2014).
- 18 Высшее образование в Германии // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://evropaedu.ru/articles/43-education-in-germany/208-2011-10-18-13-39-44.html> (Дата обращения 28.04.2014).
2. The Dakar Framework for Action — Education for All: meeting with our commitments, World Education Forum. Dakar, Senegal, 26–28 April, 2000 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.unesco.org/education/efa/ed_for_all/framework.shtml (дата обращения: 20.07.2014).
3. Ulkomaisten Tutkintojen Tunnustaminen Suomessa, Helsinki, 2010 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.oph.fi/download/124801_Ulkomaisten_tutkintojen_tunnustaminen_Suomessa.pdf (дата обращения 11.09.2014).
4. Высшее образование в Германии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://evropaedu.ru/articles/43-education-in-germany/208-2011-10-18-13-39-44.html> (дата обращения 28.04.2014).
5. Гукаленко О. В. Гуманитарный контекст развития Приднестровской Молдавской Республики // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pmr21.info/text.php?cat=12&name=gumanitarniy%20kontext%20razvitiya%20PMR&arch=onsite> (дата обращения: 20.07.2014).
6. Иваненков С. П. Проблемы социализации современной молодежи. Монография. — СПб, 2003.
7. Конфликт в Сирии лишает детей права на образование [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=20758#.UYWm36VvGg>.
8. Миков П. В. Участники образовательного процесса в правовом пространстве школы: права, обязанности, ответственность [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vuzlib.ru/books/4570-ред__А_Б_Суслова-Права_человека_Учебно-методический_комплекс/38- (дата обращения: 20.07.2014).
9. Признание диплома в Германии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tupa-germania.ru/rabota/priznanie-diploma-v-germanii.html> (Дата обращения: 28.04.2014).
10. Хаммарберг Т. Отчет о правах человека в Приднестровском регионе Республики Молдова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.md/key_doc_pub/Senior_Expert_Hammarberg_Report_TN_Human_Rights_Russian.pdf (дата обращения: 20.07.2014).

Рахимов Э. Х.

СУЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ ДОГОВОРА В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ Контрактной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд

Статья посвящена определению существенных условий контракта при осуществлении государственных закупок. Анализируется законодательство о государственных закупках, систематизируются существенные условия контракта.

Ключевые слова: контракт, государственные закупки, существенные условия договора.

Rakhimov E. Kh.

THE ESSENTIAL TERMS OF THE CONTRACT IN THE CONTEXT OF THE OPERATION OF THE CONTRACT SYSTEM IN THE PROCUREMENT OF GOODS, WORKS AND SERVICES FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS

The article is devoted to defining the essential conditions of the contract in public procurement. The public procurement legislation is analyzed, the essential terms of the contract are systematized.

Keywords: contract, government procurement, the essential terms of the contract.

Рахимов Э. Х.

В правоприменительной практике заказчиков (контрактных служб, работы комиссий по закупкам) и, прежде всего, при разработке документации о закупках первостепенное значение имеет описание «модели» предполагаемой закупки, причем не столько с позиций определения ее натуральных показателей, сколько с точки зрения построения правовой модели предстоящей закупки, отраженной в ее «договорно-правовой архитектуре», а именно в существенных условиях договора (контракта). Существенные условия договора служат своеобразным «каркасом» предстоящей модели закупки, и от того, насколько полно и детально такие условия будут учтены заказчиком, зависит эффективность и результативность осуществления закупки.

В настоящее время такая категория, как «существенные условия договора», не отличается высокой степенью однозначности и законченности, несмотря на ее фактически легальный характер в ст. 432 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). Через понятие существенных условий определяется тот минимальный набор условий, которые стороны обязаны согласовать в договоре, чтобы можно было определить, о чем они договорились¹. Как отмечает Л. Андреева, «от правильного решения вопроса о наличии или отсутствии в договоре существенных условий зависит признание его заключенным»².

Судебная практика пестрит разнообразием взаимно противоречащих решений, что не добавляет оптимизма заказчику, формирующему заказ и самостоятельно определяющему существенные условия контракта³.

С учетом того, что закупки для государственных и муниципальных нужд урегулированы специальным законодательством, определенно возникает вопрос о необходимости анализа, определения и систематизации таких условий, которые следует относить к существенным⁴.

Существенные условия государственного контракта отличаются значительной детализацией и во многом определяются специальным законодательством, в частности ч. 5, ст. 30, частями 4, 13, 27 ст. 34, ст. 42 Федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок» (далее — Закон 44-ФЗ)⁵.

Необходимо отметить, что в Законе 44-ФЗ используется термин не «существенные условия», как в ГК РФ, а «обязательные условия». В связи с этим возникает вопрос, являются ли такие условия существенными по смыслу ст. 432 ГК РФ и каковы правовые последствия невключения данных условий в государственный контракт. Хотя данная ситуация и не имеет значительного коллизийного потенциала, однако вносит путаницу в сложные правоотношения. Представляется оптимальным использование в Законе 44-ФЗ терминологии ГК РФ, а именно ст. 432 ГК РФ, где говорится о «существенных» или «необходимых» условиях.

К числу общих существенных условий государственного контракта в соответствии со ст. 432 ГК РФ, статьями 34, 42 Закона 44-ФЗ (которые должны быть отражены в любом государственном контракте) относятся предмет контракта⁶; условие о твердой цене контракта; наименование и описание объекта закупки; информация о количестве и месте доставки товара, являющегося предметом контракта; сроки поставки товара, срок завершения работ или график оказания услуг; начальная цена контракта; источник финансирования; ответственность заказчика и подрядчика за неисполнение или ненадлежащее исполнение предусмотренных контрактом обязательств; порядок и сроки осуществления заказчиком приемки выполненной работы (ее результатов) в части соответствия ее объема требованиям, установленным контрактом, а также порядок и сроки оформления результатов этой приемки; сроки возврата заказчиком подрядчику денежных средств, внесенных в качестве обеспечения исполнения контракта (если подрядчиком применяется такая форма обеспечения исполнения контракта); порядок и сроки оплаты товара, работы или услуги; условие о банковском сопровождении контракта (в установленных законом случаях); условие об уменьшении суммы, подлежащей уплате

контракта на основе современного законодательства // Ученые записки юридического факультета. — 2009. — № 15. — С. 72–80.

5 СЗ РФ. — 2013. — № 14. — Ст. 1652.

6 В настоящей работе термины «государственный контракт», «контракт на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» являются синонимами (прим. автора).

1 Курбатов А. В. Существенные условия и незаключенность договора: проблемы теории и практики // Хозяйство и право. — 2012. — № 6. — С. 32.

2 Андреева Л. Существенные условия договора: споры, продиктованные теорией и практикой // Хозяйство и право. — 2000. — № 12. — С. 89–96.

3 Степанова И. Е. Существенные условия договора: проблемы законодательства // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2007. — № 7. — С. 60.

4 Рахимов Э. Х. Краткий анализ условий порядка размещения государственного заказа, заключения и исполнения государственного

физическому лицу на размер налоговых платежей, связанных с оплатой контракта, если контракт заключается с физическим лицом; если контракт заключается на срок более чем три года, и цена контракта составляет более чем 100 миллионов рублей, он должен включать в себя график исполнения контракта.

Отдельно следует рассмотреть существенные условия разных видов государственных контрактов.

1. Существенные (обязательные) условия контракта на поставку товаров для государственных и муниципальных нужд

Помимо указанных выше условий, подлежащих включению в любой из видов государственного контракта, контракт заключается на условиях, установленных извещением об осуществлении закупки или приглашением принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя), документацией о закупке, заявкой, окончательным предложением участника, с которым подлежит заключению контракт, за исключением случаев, когда предоставление таких документов не предусмотрено законом (ч. 1 ст. 34 Закона № 44-ФЗ). Правила описания объекта закупки в документации о закупке содержатся в ст. 33 Закона № 44-ФЗ; требования к содержанию извещения об осуществлении закупки — в ст. 42 Закона № 44-ФЗ. Анализ указанных норм позволяет выявить условия, которые включаются в контракт на поставку товара:

- требования к качеству, техническим и функциональным характеристикам товара (п. 1 ч. 1 ст. 33 Закона № 44-ФЗ);
- изображение товара, позволяющего его идентифицировать, если поставляемый товар должен соответствовать изображению (п. 4 ч. 1 ст. 33 Закона № 44-ФЗ);
- требования к состоянию товара (новый или бывший в употреблении, в ремонте) (п. 7 ч. 1 ст. 33 Закона № 44-ФЗ);
- указание на международные непатентованные наименования лекарственных средств, а при их отсутствии — химические, группировочные наименования, если контракт заключается на поставку лекарственных средств (п. 6 ч. 1 ст. 33 Закона № 44-ФЗ);
- требования к гарантийному сроку товара и (или) объему предоставления гарантии качества, к расходам на эксплуатацию товара, к обязательности осуществления его монтажа и наладки, к обучению лиц, осуществляющих использование и обслуживание товара, — по необходимости, а в случае поставки машин и оборудования — если это предусмотрено документацией на товар (ч. 4 ст. 33 Закона № 44-ФЗ);
- требования о предоставлении гарантии производителя товара и (или) поставщика и сроке ее действия в случае поставки новых машин и оборудования (ч. 4 ст. 33 Закона № 44-ФЗ);
- сведения о количестве, месте доставки и сроке поставки товара (п. 2 ст. 42 Закона № 44-ФЗ).

Также следует учитывать существенные условия, применимые для гражданско-правового договора поставки товаров.

2. Существенные (обязательные) условия контракта на выполнение подрядных работ для государственных и муниципальных нужд

Существенные (обязательные) условия контракта на выполнение подрядных работ для государственных и муниципальных нужд:

- требования к качеству, техническим и функциональным характеристикам работ (п. 1 ч. 1 ст. 33 Закона № 44-ФЗ);
- требования к гарантийному сроку работы и (или) объему предоставления гарантии качества (ч. 4 ст. 33 Закона № 44-ФЗ);
- место выполнения работы (п. 2 ст. 42 Закона № 44-ФЗ);
- срок завершения работы (п. 2 ст. 42 Закона № 44-ФЗ);
- объем подлежащей выполнению работы (п. 1 ст. 766 ГК РФ);
- стоимость подлежащей выполнению работы (п. 1 ст. 766 ГК РФ);
- срок начала и окончания работы (п. 1 ст. 766 ГК РФ);
- размер и порядок финансирования и оплаты работ (п. 1 ст. 766 ГК РФ);

– способы обеспечения обязательств сторон (п. 1 ст. 766 ГК РФ).

Также контракт заключается на условиях, установленных извещением об осуществлении закупки или приглашением принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя), документацией о закупке, заявкой, окончательным предложением участника, с которым подлежит заключению контракт, за исключением случаев, когда предоставление таких документов не предусмотрено законом (ч. 1 ст. 34 Закона № 44-ФЗ). Правила описания объекта закупки в документации о закупке содержатся в ст. 33 Закона № 44-ФЗ, требования к содержанию извещения об осуществлении закупки — в ст. 42 Закона № 44-ФЗ. Анализ указанных норм позволяет выявить условия, которые включаются в контракт на выполнение подрядных работ:

Также согласно п. 2 ст. 766 ГК РФ условия государственного или муниципального контракта определяются в соответствии с объявленными условиями торгов или запроса котировок цен на работы и предложением подрядчика, признанного победителем торгов или победителем в проведении запроса котировок цен на работы.

3. Существенные (обязательные) условия контракта на оказание услуг для государственных и муниципальных нужд

Действующее законодательство не предусматривает такого вида контракта, как государственный контракт на оказание услуг для государственных нужд, поэтому мы проанализируем содержание существенных условий, содержащихся в положениях главы 39 ГК РФ о возмездном оказании услуг в совокупности с положениями Закона 44-ФЗ.

Существенные (обязательные) условия контракта на оказание услуг для государственных или муниципальных нужд:

- требования к качеству, техническим и функциональным характеристикам услуг (п. 1 ч. 1 ст. 33 Закона № 44-ФЗ);
- требования к гарантийному сроку услуги и (или) объему предоставления гарантии качества (ч. 4 ст. 33 Закона № 44-ФЗ);
- место оказания услуги (п. 2 ст. 42 Закона № 44-ФЗ);
- график оказания услуг (п. 2 ст. 42 Закона № 44-ФЗ).

Подводя итог, необходимо отметить, что при анализе условий закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд в целом, обнаруживаются условия, которые нельзя отнести к существенным, так как они не подлежат обязательному включению в государственный контракт, однако они твердо указаны в законодательстве и имеют выраженный императивный характер, например в сфере страхования⁷. Такие условия предлагаются именовать «условиями, требующими учета», нуждающимися в детальном анализе и систематизации.

Примеры условий, требующих учета:

- в случае, когда государственный контракт заключается по результатам торгов на размещение заказа на поставку товаров для государственных или муниципальных нужд, государственный или муниципальный контракт должен быть заключен не позднее 20 дней со дня проведения торгов;
- сторона, получившая проект государственного или муниципального контракта, не позднее тридцатидневного срока подписывает его и возвращает один экземпляр другой стороне, а при наличии разногласий по условиям государственного контракта в тот же срок составляет протокол разногласий и направляет его вместе с подписанным государственным или муниципальным контрактом другой стороне либо уведомляет ее об отказе от заключения государственного или муниципального контракта.

Проведенный анализ свидетельствует, что существенные условия договора, в особенности с учетом функционирования контрактной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд, требуют разра-

7 Игбаева Г. Р. Гражданско-правовая характеристика договора страхования // Арбитражный и гражданский процесс. — 2007. — № 9.

ботки соответствующей системы классификации и дальнейшей систематизации, что будет являться задачей дальнейших научных исследований.

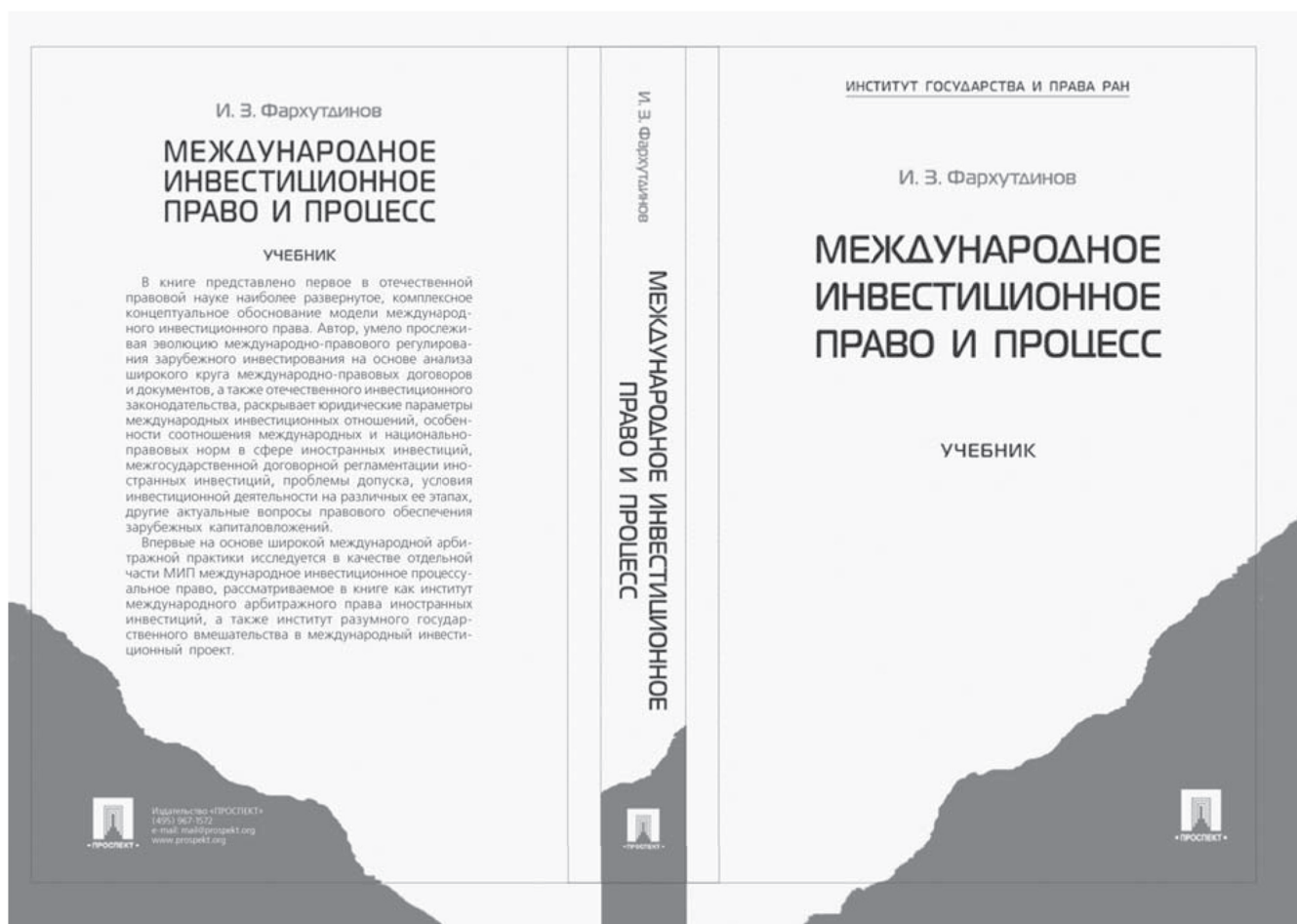
В заключение отметим, что необходимость учета существенных условий контракта принимает особую актуальность в плане реализации федеральными органами исполнительной власти Постановления Правительства РФ от 2 июля 2014 г. № 606 «О порядке разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов, а также о случаях и условиях их применения» (вместе с Правилами разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов), принятого в соответствии с п. 11 ст. 34 Закона 44-ФЗ⁸.

Пристайный библиографический список

1. Андреева Л. Существенные условия договора: споры, продиктованные теорией и практикой // *Хозяйство и право*. — 2000. — № 12. — С.89–96.
2. Игбаева Г. Р. Гражданско-правовая характеристика договора страхования // *Арбитражный и гражданский процесс*. — 2007. — № 9.

8 СЗ РФ. — 2014. — № 28. — Ст. 4053.

3. Курбатов, А. В. Существенные условия и незаключенность договоров: проблемы теории и практики [Текст] / А. В. Курбатов // *Хозяйство и право*. — 2012. — № 6. — С. 32.
4. Рахимов Э. Х. Краткий анализ условий порядка размещения государственного заказа, заключения и исполнения государственного контракта на основе современного законодательства // *Ученые записки юридического факультета*. — 2009. — № 15. — С.72–80.
5. Степанова И. Е. Существенные условия договора: проблемы законодательства // *Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ*. — 2007. — № 7.
6. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок» // *СЗ РФ*. — 2014. — № 28. — Ст. 4053.
7. Постановление Правительства РФ от 2 июля 2014 года № 606 «О порядке разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов, а также о случаях и условиях их применения» (вместе с «Правилами разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов») // *СЗ РФ*. — 2013. — № 14. — Ст. 1652.

Шарафутдинов А. Ш.

ВОЗБУЖДЕНИЕ ДЕЛА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ В ОТНОШЕНИИ НЕУСТАНОВЛЕННЫХ ЛИЦ

В статье обозначается проблема возможности возбуждения дела об административном правонарушении в отношении неустановленного лица. Автор анализирует различные положения Кодекса об административных правонарушениях, касающиеся возбуждения дел об административных правонарушениях в отношении неустановленных лиц, выводами чего служат предложения по изменению административного законодательства. Целью работы является всестороннее изучение вопросов, связанных с возможностью возбуждения дел об административных правонарушениях в отношении неустановленных лиц, в частности, по правонарушениям, объектом которых является общественный порядок и общественная безопасность. При решении конкретных вопросов избранной темы применены общенаучные и частные методы исследования.

Ключевые слова: возбуждение дела об административном правонарушении, административное расследование, поводы возбуждения дела об административном правонарушении, протокол, регистрация заявлений и сообщений.

Шарафутдинов А. Ш.

Sharafutdinov A. Sh.

THE INITIATION OF AN ADMINISTRATIVE CASE AGAINST UNIDENTIFIED PERSONS

The article indicated the problem of initiation of administrative proceedings against unidentified persons. The author analyzes various provisions of the Code on administrative offences relating the initiation of administrative proceedings against unidentified persons, the conclusions of which are the proposals for change of administrative law. The aim of this work is a comprehensive study of issues related to the possibility of initiation of administrative offence cases against unidentified persons, in particular, of offences, the subject of which is the public order and public security. When addressing specific issues of the chosen subject general academic and private research methods are applied.

Keywords: initiation of administrative proceedings, administrative investigation, reasons for the initiation of administrative offence cases, protocol, registration of statements and messages.

В современном обществе для обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, кроме организационных мер, используются и меры административного принуждения, среди которых отдельным элементом выступают меры административной ответственности. В связи с этим законодатель одной из задач законодательства об административных правонарушениях предусмотрел охрану общественного порядка и общественной безопасности.

В современном мире административная ответственность является одним из наиболее обширно применяемых, в рамках государственного управления, видов юридической ответственности и эффективным инструментом воздействия государства на лиц, допустивших нарушение установленных правил поведения.

Общественные отношения, охраняемые нормами административного законодательства, имеют широкие рамки, в связи с чем подвержены постоянным изменениям. Так, в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) с момента его принятия по настоящее время внесено свыше трехсот восьмидесяти изменений. Это говорит о постоянно возникающих сложностях в правоприменении отдельных норм КоАП РФ, а также о конфликтах с иными нормативными правовыми актами.

Проблемные аспекты возникают и на стадии возбуждения дела об административном правонарушении. Названная стадия имеет определяющее значение для всего производства, поскольку от полной и всесторонней фиксации обстоятельств совершения административного правонарушения зависит окончательное решение, вынесенное по делу. В рамках стадии возбуждения решаются закрепленные в КоАП РФ задачи.

Итак, ч. 1 ст. 28.1 закрепила поводы возбуждения дела об административном правонарушении. Среди них:

– непосредственное обнаружение должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административ-

ных правонарушениях, достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения;

– поступившие из правоохранительных органов, а также из других государственных органов, органов местного самоуправления, от общественных объединений материалы, содержащие данные, указывающие на наличие события административного правонарушения;

– сообщения и заявления физических и юридических лиц, а также сообщения в средствах массовой информации, содержащие данные, указывающие на наличие события административного правонарушения;

– фиксация административного правонарушения в области дорожного движения или административного правонарушения в области благоустройства территории, предусмотренного законом субъекта Российской Федерации, совершенного с использованием транспортного средства либо собственником или иным владельцем земельного участка либо другого объекта недвижимости, работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи;

– подтверждение содержащихся в сообщении или заявлении собственника (владельца) транспортного средства данных о том, что транспортное средство находилось во владении или в пользовании другого лица (по отношению к предыдущему поводу).

Статья 28.1 КоАП РФ, да и сама глава 28 не определяет порядок возбуждения дела об административном правонарушении в отношении неустановленных лиц, в связи с чем данный вопрос является проблемным. Необходимо отметить, что КоАП РФ не предусматривает отдельных норм осуществления данной процедуры. В связи с этим действуют общие правила возбуждения дела об административном правонарушении. В соответствии с ними дело считается возбужденным с момента

составления протокола осмотра места совершения административного правонарушения, составления первого протокола о применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренных ст. 27.1 КоАП РФ, составления протокола об административном правонарушении или вынесения прокурором постановления о возбуждении дела об административном правонарушении, вынесения определения о возбуждении дела об административном правонарушении при необходимости проведения административного расследования, предусмотренного ст. 28.7 КоАП РФ, вынесения постановления по делу об административном правонарушении в случае, предусмотренном ч. 1 или 3 ст. 28.6 КоАП РФ.

Итак, ст. 28.7 КоАП РФ закрепила конкретный перечень случаев, в рамках которых проводится административное расследование. Под случаями в данном контексте понимается та или иная область, в которой совершается административное правонарушение.

Необходимо также отметить, что законодатель в КоАП РФ, а именно в ч. 2 ст. 28.7 закрепил, что решение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования принимается должностным лицом, уполномоченным в соответствии со ст. 28.3 КоАП РФ составлять протокол об административном правонарушении, в виде определения, а прокурором в виде постановления немедленно после выявления факта совершения административного правонарушения.

Должностные лица органов внутренних дел имеют возможность правомерного вынесения определения о проведении административного расследования в рамках совершенных административных правонарушений, например, в области дорожного движения и на транспорте. В то же время отсутствует возможность возбуждения административного расследования, например, в рамках производства по делам об административных правонарушениях в области общественного порядка и общественной безопасности.

Исходя из вышеизложенного, следует, что возможность возбудить дело в отношении неустановленного лица существует только в рамках административного расследования.

В связи с изложенным, при применении отдельных норм КоАП возникают коллизии. Например, Приказ МВД «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» закрепил обязательность регистрации в КУСП заявлений (сообщений) о преступлении, об административном правонарушении и о происшествии, в том числе поступивших в электронной форме, в которых

имеются признаки состава того или иного правонарушения, предусмотренного главой 20 КоАП РФ. Исходя из этого, по поступившим зарегистрированным заявлениям в установленные законодательством сроки должны приниматься соответствующие решения.

В соответствии с ч. 4 ст. 28.1 дело об административном правонарушении считается возбужденным с момента:

- составления протокола осмотра места совершения административного правонарушения;
- составления первого протокола о применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренных ст. 27.1 КоАП РФ;
- составления протокола об административном правонарушении или вынесения прокурором постановления о возбуждении дела об административном правонарушении;
- вынесения определения о возбуждении дела об административном правонарушении при необходимости проведения административного расследования, предусмотренного ст. 28.7 КоАП РФ;
- вынесения постановления по делу об административном правонарушении в случае, предусмотренном ч. 1 или 3 ст. 28.6 КоАП РФ.

Учитывая, тот факт, что у должностных лиц отсутствует возможность составлять протокол об административном правонарушении на неустановленное лицо, необходим его розыск. В связи с этим в рамках правонарушений в отношении неустановленных лиц, составы которых закреплены в главе 20 и которые зарегистрированы в КУСП, выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Это в корне неправильно.

На основании изложенного необходимо внести изменения в положения КоАП РФ, которые регламентируют возможность вынесения определения о назначении административного расследования, а именно в ст. 28.7 КоАП РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Арзуманян А. А. Административное расследование в механизме производства по делу об административном правонарушении // Пробелы в российском законодательстве. — 2008. — № 2.
2. Вицке Р. Э., Шарафутдинов А. Ш. Вопросы рассмотрения дела об административном правонарушении по месту регистрации юридического лица // Пробелы в российском законодательстве. — 2011. — № 5.
3. Сайфуллин Э. В. Проблемы формирования гражданского общества в России. Социально-политические науки. — 2012. — № 1.
4. Фаткуллин Б. Х. Некоторые аспекты применения участковым уполномоченным полиции мер принуждения // Черные дыры в российском законодательстве. — 2013. — № 3.

Улокина А. М.

СТАТУС НЕСУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена вопросу использования специальных знаний в гражданском процессе в форме несудебной экспертизы. Автор подчеркивает, что ввиду того, что законодательством не предусмотрено такого отдельного вида доказательства, как несудебная экспертиза, а во многих законодательных актах экспертное исследование такого вида является возможным, а зачастую и обязательным, в судебном процессе возникают сложности с приобщением доказательств такого рода. Автор отмечает необходимость расширения существующего перечня законодательства в гражданском процессе, добавив в него несудебную экспертизу в качестве самостоятельного вида.

Ключевые слова: гражданский процесс, доказательства, судебная экспертиза, несудебная экспертиза.

Ulokina A. M.

THE STATUS OF NON-JUDICIAL EXPERTISE IN CIVIL PROCEEDINGS

The article focuses on the use of expertise in civil proceedings in the form of non-judicial expertise. The author points out that in view of the fact that the legislation does not provide such proof as a separate type of non-judicial expertise, and in many statutes expert research of this kind of proof is possible, and often mandatory, there are difficulties with the initiation of evidence of this kind in the trial. The author points out the need to expand the existing list of laws in civil proceedings by adding a non-judicial expertise as a separate kind.

Keywords: civil procedure, evidence, judicial expertise, non-judicial expertise.

Улокина А. М.

«Судебная экспертиза является основным проводником современных достижений науки и техники в судопроизводство с целью его объективизации, повышения значимости вещественных доказательств, их всестороннего и полного использования при доказывании. Одновременно в силу интеграции научного знания идет и обратный процесс использования методов и методик, разработанный специально для производства судебных экспертиз в других сферах человеческой деятельности, и прежде всего для экспертиз, никак не связанных с судопроизводством»¹.

В качестве такого примера можно рассмотреть проведение искусствоведческих экспертиз. Не представляется возможным обойтись без специальных знаний в области искусства. В настоящее время искусствоведческая экспертиза весьма востребована. За получением заключения обращаются как музеи и антикварные салоны, так и частные владельцы, и коллекционеры объектов искусства. Сложно представить, что на аукцион может быть выставлен образец искусства без подтверждения его культурной, исторической, художественной и материальной ценности. Искусствоведческая экспертиза снимает эти вопросы. Более того, зачастую проводится не одна, а несколько искусствоведческих экспертиз. А. Т. Боннер в статье, посвященной проблеме судебной и внесудебной искусствоведческой экспертизы, описывает ситуацию использования экспертных методик для установления подлинности картины К. Малевича «Черный квадрат»².

Но даже если такие экспертизы и проводятся с целью, никак не связанной с судопроизводством, то как быть в том случае, если заключения несудебных экспертиз впоследствии появляются в суде?

Ранее данный вопрос не привлекал большого внимания процессуалистов в силу того, что в основном речь шла об экспертизах, проведенных в рамках других гражданских, арбитражных или уголовных дел. Соответственно, эти заключения уже были должным образом оценены и исследованы судами в других процессах. Суды принимали такие результаты экс-

пертиз в качестве иных документов и материалов (ст. 89 АПК РФ) или просто в качестве письменных доказательств. Причем наличие в деле такой экспертизы могло послужить основанием для отказа в удовлетворении ходатайства о назначении экспертизы по рассматриваемому делу.

В 2001 г. ситуация изменилась. Принятый Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» № 73-ФЗ от 31.05.2001 г. в ст. 37 содержит положение о том, что государственные судебно-экспертные учреждения вправе проводить на договорной основе экспертные исследования для граждан и юридических лиц. Таким образом, с появлением этого Федерального закона у физических и юридических лиц появилась возможность обращаться за проведением экспертных исследований в государственные судебно-экспертные учреждения. В соответствии с ранее действующим законодательством экспертиза могла проводиться только на основании определения суда, постановления следователя (в уголовном процессе).

Появление такой нормы о проведении несудебных экспертных исследований было продиктовано современной действительностью.

В ряде своих статей как ГПК, так и АПК предусматривают соблюдение истцом обязательного порядка досудебного урегулирования спора с ответчиком. Часто это видится невозможным без привлечения специальных знаний. В таком случае применяют заключения различных несудебных экспертиз.

Зачастую стороны при заключении различных договоров прописывают возможность проведения экспертизы при возникновении претензий друг к другу.

Аналогичные ситуации можно встретить и в договорах поставки, когда прописывается условие проведения экспертизы качества партии товара. Если же после проведения экспертизы эксперт придет к выводу, что товар поставлен некачественный, у покупателя возникает необходимость вернуть некачественный товар и возместить понесенные убытки. Если же вывод экспертизы наоборот будет подтверждать соответствие поставленной продукции установленным нормам, то и претензии покупателя будут признаны несостоятельными (в качестве примера можно рассмотреть постановление ФАС Северо-Западного округа от 13.09.12 по делу № А56-49101/2011).

1 Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. — М., 2005. — С. 302.

2 Малахова Ю. Есть истинные ценности // Российская газета. — 2002. — 7 февраля.

Очевидно, что без использования специальных знаний и проведения определенных испытаний невозможно проверить качество поставляемой продукции. В большинстве случаев покупатель лично не обладает такими знаниями, и привлечение экспертных организаций для решения данных вопросов видится единственным справедливым выходом.

Генетическая экспертиза установления отцовства обычно проводится на основании определения суда. Это связано с тем, что зачастую ответчик добровольно отказывается участвовать в ее проведении и уклоняется от уплаты алиментов. В таком случае мать ребенка вынуждена обращаться в суд с иском об установлении отцовства и взыскании алиментов. Но также встречаются и случаи, когда указанная экспертиза проводится добровольно вне судебного процесса. Предположим, что отец не вписан в свидетельство о рождении ребенка по определенным причинам, но на руках у родителей имеется заключение генетической экспертизы, подтверждающее его отцовство. Согласно ст. 1142 ГК РФ к наследникам первой очереди относятся дети, супруг и родители наследодателя. Будет ли иметь право ребенок на наследство своего отца в случае его смерти? Видимо, мать будет обращаться в суд с иском об установлении отцовства, и в качестве одного из доказательств будет представлена генетическая экспертиза, проведенная при жизни отца. Как суд должен отнестись к такому доказательству? Посчитает ли он его допустимым? Если бы отец был жив, вероятно, судом была бы назначена повторная экспертиза. Статья 2 ГПК РФ устанавливает, что целью гражданского судопроизводства является защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан. А одним из принципов гражданского судопроизводства признается объективность истины. В случае лишения ребенка причитающегося ему наследства нарушаются его законные права. Очевидно, что для данного гражданского дела генетическая экспертиза является существенным доказательством, так как точность исследования достигает 99,999% в случае положительного ответа. Естественно, она должна быть проверена судом на относимость и допустимость к процессу в порядке, предусмотренном статьями 59 и 60 ГПК РФ, как и любое другое доказательство, представляемое в суд.

В п. 6 ст. 131 ГПК РФ содержится положение об указании цены иска, если он подлежит оценке, а также расчет взыскиваемых или оспариваемых денежных сумм. Аналогичное положение дублируется и в п. 6 ст. 125 АПК РФ. При несоблюдении указанных требований ст. 136 ГПК РФ и ст. 128 АПК РФ исковое заявление может быть оставлено без движения. Кроме того, при подаче искового заявления имущественного характера, размер государственной пошлины рассчитывается исходя из цены иска³.

На практике часто встречаются случаи, когда без привлечения специальных знаний невозможно определить цену иска (постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 24.09.12 по делу № А39–2519/2011).

Однако есть и другая цель производства экспертизы до обращения в суд. При формировании своей позиции перед обращением в суд любой юрист анализирует и изучает все имеющиеся доказательства и обстоятельства, на которые в процессе судебного заседания предстоит сослаться, а также определяет вероятностное поведение ответчика. Чем в большей степени иск основывается на неподтвержденных фактами предположениях, тем он менее обоснован, и тем меньше вероятность выиграть дело. Ввиду сказанного, если для выяснения фактов и обстоятельств, на которые юрист собирается сослаться в процессе рассмотрения дела в суде, требуются специальные знания, лучше, по возможности заблаговременно, провести такие исследования и подтвердить или опровергнуть свои предположения. Зачастую по результатам таких

экспертных исследований необходимость обращения в суд опадает сама собой.

Как уже было сказано, в современной действительности в процессе рассмотрения гражданских и арбитражных дел суды часто сталкиваются с наличием у сторон в качестве доказательств результатов экспертиз, проведенных до обращения в суд.

Отличительной чертой данных экспертиз для суда по сравнению с экспертизами, проведенными в рамках других гражданских, арбитражных или уголовных дел, является то, что они ранее не были исследованы и оценены судом.

Мнения процессуалистов о возможности использования результатов несудебных экспертиз в судебном процессе в качестве доказательств разделились.

Одни полагают, что они ни в каком виде не могут быть использованы в суде. Так, Е. Р. Россинская отмечает, что «предварительные исследования с использованием судебно-экспертных методик не имеют доказательственного значения»⁴. Свою позицию она обосновывает тем, что «закон не предоставляет права сторонам назначать экспертизу, они могут только ходатайствовать о ее назначении и кандидатуре эксперта перед судом»⁵.

Рост обращений в экспертные учреждения со стороны физических и юридических лиц подтверждает, что действительность уже изменилась, и глупо закрывать глаза на существующую проблему. Несудебная экспертиза уже твердо вошла в область доказательственного права. Необходимо принимать меры для ее решения.

Другие настаивают на том, что несудебная экспертиза может послужить лишь основанием для назначения судебной. С. Ф. Афанасьев полагает, что любому заключению эксперта, подготовленному в результате проведения несудебной экспертизы, не следует придавать статуса доказательства по гражданскому делу, поскольку его получение не урегулировано нормами гражданского процессуального права. Заявление лица, участвующего в деле, или его представителя о наличии у него такого заключения эксперта может послужить лишь поводом для рассмотрения судом вопроса о необходимости назначения судебной экспертизы для рассмотрения тех же вопросов, на которые были получены ответы при проведении несудебной экспертизы⁶.

И. В. Заболоцкая отмечает, что возможны два варианта представления в суд заключения несудебной экспертизы:

1. Представление заключения по собственной инициативе без назначения экспертизы судом. В этом случае суд может рассматривать заключение эксперта в качестве доказательства в процессе либо назначить экспертизу в качестве процессуального действия;

2. Представление экспертного заключения в качестве альтернативного при уже назначенной или проведенной экспертизе. При таком варианте представленное заключение, если оно имеет расхождение с заключением эксперта, полученным в соответствии с определением суда, может служить основанием для назначения судом дополнительной или повторной экспертизы. Либо суд может рассматривать альтернативное заключение в качестве доказательства по делу наряду с другим заключением эксперта⁷.

А. А. Мохов также полагает, что результаты несудебной экспертизы могут быть использованы лишь для решения вопроса о необходимости назначения судебной экспертизы⁸.

4 Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе. Практическое пособие. — М., 1996. — С. 59.

5 Там же.

6 Гражданское процессуальное право России. Учеб. для вузов / Под ред. С. Ф. Афанасьева. — М., 2013. — С. 426.

7 Заболоцкая И. В. Экспертиза в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. — 2011. — № 9.

8 Гражданский процесс: Учебник / Под ред. А. Г. Коваленко, А. А. Мохова, П. М. Филиппова. — М., 2010. — С. 121.

3 Налоговый Кодекс РФ. Ст. 333.19 // Электронная правовая база «Консультант Плюс» (дата обращения 05.02.2014).

Но такая позиция видится недопустимой в виду следующего. В соответствии с ч. 2 ст. 79 ГПК РФ и ч. 3 ст. 82 АПК РФ лица, участвующие в деле, вправе просить суд назначить проведение экспертизы в конкретном экспертном учреждении или привлечь в качестве эксперта указанное ими лицо. То есть тогда, следуя позиции С. Ф. Афанасьева, А. А. Мохова и И. В. Заболоцкой, получается, что лицо, имеющее на руках заключение несудебной экспертизы, может ходатайствовать в процессе о проведении судебной экспертизы? Смест предположить, что если сторона удовлетворена выводами несудебной экспертизы, то она воспользуется своим правом и будет ходатайствовать о проведении экспертизы у того же эксперта? Полагаем, то обстоятельство, что эксперт уже ранее провел экспертное исследование вне судебного процесса для лица, участвующего в деле, не может послужить основанием для его отвода от проведения судебной экспертизы. Вряд ли в результате проведения судебной экспертизы результаты исследований будут отличаться от несудебной экспертизы.

Большинство современных процессуалистов полагают, что заключение эксперта, полученное без соблюдения требований ст. 82–87 АПК РФ, не может быть использовано как самостоятельное судебное доказательство в смысле ст. 86 АПК РФ, а лишь как письменное доказательство⁹.

Однако такая позиция далека от действительности ввиду следующего.

Так, И. В. Воронцова отмечает в качестве характерного признака письменных доказательств то, что они имеют место быть до возбуждения гражданского дела. Однако она также отмечает необходимость отличать письменные доказательства от письменных показаний свидетелей, объяснений сторон и заключения экспертов¹⁰. Следует отметить, что в данном случае речь идет лишь о письменном заключении эксперта по судебной экспертизе.

Современное законодательство дает общее определение письменных доказательств. ГПК РФ устанавливает, что письменными доказательствами «являются сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, акты, договоры, справки, деловая корреспонденция, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи либо иным позволяющим установить достоверность документа способом»¹¹.

Ученые-процессуалисты предлагают различные определения письменного доказательства, единогласно выделяя в качестве обязательного элемента его материальный аспект.

К. С. Юдельсон в своем определении утверждает, что письменные доказательства есть не что иное, как «предметы, на которых при помощи знаков выражены мысли, содержащие сведения о фактах, имеющих значение для разрешения дела»¹².

С. Ф. Афанасьев представляет письменное доказательство как «результат единства материального носителя и человеческой мысли, содержащей определенную информацию, которая зафиксирована на этом материальном носителе»¹³.

М. К. Треушников полагает, что для письменных доказательств характерна вещественная основа, на которой зафиксирована информация с помощью любого типа письма. А сведе-

ния, необходимые суду для установления обстоятельств дела, воспринимаются из содержания текста¹⁴.

И. В. Решетникова также полагает, что если стороны провели экспертизу до возбуждения судопроизводства по собственной инициативе, в ходе судебного разбирательства заключение эксперта может быть использовано ими только в качестве письменного доказательства¹⁵.

В то же время все процессуалисты сходятся во мнении, что следует отличать письменные доказательства от иных доказательств, полученных в письменной форме, например, от письменных показаний свидетелей, заключения судебной экспертизы, оформленной в письменном виде.

Как уже говорилось, отличительной особенностью несудебной экспертизы от судебной является отсутствие у первой процессуальной формы. То, что результаты проведенных исследований зафиксированы с помощью компьютера в виде документа, пригодного для чтения человеком, не может быть ключевым фактором для отнесения заключения эксперта к письменным доказательствам. Здесь явно присутствует составляющая личного доказательства. «Любое личное доказательство несет на себе некий отпечаток личности воспринимавшего, запоминавшего и воспроизводящего события человека, что должно учитываться при исследовании и оценке доказательств»¹⁶. Отсутствие у несудебной экспертизы процессуальной формы не лишает ее указанных свойств. Проводя несудебную экспертизу, эксперт также проводил исследование, основываясь на своих специальных знаниях. Вывод, к которому пришел эксперт, закрепляется в заключении несудебной экспертизы. Заключение несудебной экспертизы является специальным доказательством и требует специальных методик при исследовании и оценке.

В силу сказанного видится неверным утверждение А. А. Мохова о том, что «экспертное заключение, полученное вне процесса, либо с нарушением требований к форме не приобретает статуса экспертного заключения, которое могло бы быть использовано в качестве такового в суде»¹⁷.

Особого внимания требуют несудебные экспертизы, проведение которых предусмотрено федеральными и другими законами.

В случаях, когда производство несудебной экспертизы предусмотрено Федеральными законами возникает немало сложностей и вопросов. Так, например, может ли считать сторона, что она выполнила бремя доказывания, проведя экспертизу в соответствии с Федеральным законом (например «О защите прав потребителей» № 2300–1 от 07.02.92 г.). Определенно — да. Несмотря на то, что большинство процессуалистов считают недопустимым приобщение в качестве доказательств несудебные экспертизы, судом она будет принята.

По нашему мнению, в том случае, когда Федеральными законами предусмотрено проведение несудебной экспертиз, в судебном процессе может быть проведена лишь повторная или дополнительная экспертиза в соответствии с нормами ГПК РФ и АПК РФ. Проведение судебной экспертизы по тем же вопросам видится недопустимым.

Ю. К. Орлов отмечает также, что единственным отличием судебной экспертизы от несудебной является процессуальная форма. Никаких отличий исторического характера между ними нет. Методический уровень проведения обеих

9 Арбитражный процесс: Учеб. для юридических вузов и факультетов / Под ред. М. К. Треушниковой и проф. В. М. Шерстюка. М., 2001. С. 189.

10 Гражданский процесс: Учеб. пособие. / Под ред. Воронцовой И. В. — М., 2011. — С. 185.

11 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.02, ч.1, ст. 71.

12 Юдельсон К. С. Судебные доказательства и практика их использования в советском гражданском процессе. — М., 1956. — С. 195.

13 Гражданское процессуальное право России: Учеб. для вузов / Под ред. С. Ф. Афанасьева. — М., 2013. — С. 409.

14 Гражданский процесс: Учеб. для вузов / Под ред. М. К. Треушниковой. — М., 2014. — С. 295.

15 Доказывание в гражданском процессе. Учебно-практическое пособие / Под ред. И. В. Решетниковой. — М., 2013. — С. 229.

16 Доказывание в гражданском процессе. Учебно-практическое пособие для магистров. — 3-е издание / Под ред. Решетниковой И. В. — М., 2013. — С. 228.

17 Мохов А. А. Теория и практика использования медицинских знаний в гражданском судопроизводстве России. — СПб, 2003. — С. 263.

экспертиз может и должен быть одинаковым. Следовательно, не имеет никакого смысла проводить судебную экспертизу в том случае, если в деле имеются заключения несудебной экспертизы¹⁸.

Для более подробного рассмотрения данной проблемы следует рассмотреть несколько примеров таких несудебных экспертиз, проведение которых предусматривается Федеральными законами, а также изучить существующую судебную практику по ним.

Несудебная экспертиза по ОСАГО — Постановление ФАС Волго-Вятского округа своим постановлением от 24.04.13 № А29–3593/2012.

Экспертиза по п. 5 ст. 720 ГК РФ (качество выполнения работ) — Постановление ФАС Северо-Западного округа от 13.03.13 по делу № А21–2198/2011.

Экспертиза по Федеральному закону «О защите прав потребителей» — Постановление ФАС Северо-Западного округа от 03.09.09 по делу № А52–57/2009.

Экспертизы, предусмотренная Налоговым кодексом Российской Федерации — Постановление ФАС Поволжского округа от 09.09.2008 г. по делу № А57–365/08–33; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 07.07.05 по делу № А56–48880/04.

Экспертиза по договорам поставки товаров, выполнению работ, оказанию услуг для государственных и муниципальных нужд — Постановление ФАС Московского округа от 27.06.13 по делу № А40–4589/2012–63–38; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 05.08.2011 г. по делу № А56–30273/2010.

Историко-культурная экспертиза по ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» № 73-ФЗ от 25.06.2002 — Определение Верховного Суда РФ от 02.04.2014 № 71-АПГ14–3; Определение Верховного Суда РФ от 04.06.2014 № 78-АПГ14–13.

Во всех приведенных судебных делах несудебная экспертиза была принята в качестве доказательств. Принятие судами заключений несудебных экспертиз, проведение которых предусмотрено законодательством, можно назвать устоявшейся практикой судов.

Автор полагает, что в том случае, когда проведение несудебной экспертизы предусмотрено нормативными актами, она должна быть принята судом. Так как в противном случае видится абсолютно бессмысленным законодательная регламентация действий (в нашем случае проведение несудебной экспертизы), которые впоследствии будут признаны незаконными.

Автором проведен анализ опубликованной судебной практики по гражданским и арбитражным делам по вопросу использования судами результатов несудебной экспертизы. Рассматривались все дела, в которых имела место экспертиза (как судебная, так и несудебная). И получилась следующая статистика. Отказ суда в принятии в качестве доказательства результатов несудебных экспертиз происходит в 2% случаях. Интересно отметить, что из общего количества проанализированных дел в 48% случаев решение суда выносилось на основании лишь судебной экспертизы, в 44% случаев суду было достаточно выводов несудебных экспертных исследований. При наличии в деле несудебной экспертизы повторная судебная экспертиза по тем же вопросам, что и несудебная, назначалась в 8% случаях.

Толкование нормы об обязательном проведении экспертизы в контексте только судебной экспертизы видится абсурдным. Его следует понимать как раз наоборот: стороны для соблюдения процедуры досудебного порядка урегулирования спора вправе проводить несудебную экспертизу, которая впоследствии может быть использована в качестве доказательства в суде. А вот если она не будет проведена до судебного процесса, тогда в соответствии со ст. 79 ГПК РФ и 82 АПК РФ суд

должен назначить ее проведение вне зависимости от того, заявляли ли соответствующие стороны ходатайства о назначении экспертизы или нет.

В отдельных гражданских и арбитражных делах несудебная экспертиза является главным, а иногда и единственным доказательством, исследование и правильная оценка которого позволяет установить обстоятельства дела. Нельзя недооценивать важность такого доказательства.

Но ввиду отсутствия ее законодательной регламентации у судов зачастую возникают сложности при ее использовании в качестве доказательства.

Доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

А. Т. Боннер видит необходимость расширить перечень средств доказывания, предусмотренных действующим ГПК. Причем он предлагает определить не закрытый перечень, а приблизительный. Свою позицию он обосновывает тем, что наука и техника развиваются и будут развиваться, а закрытый перечень средств доказываний будет постоянно подвергаться изменению (расширению) в погоне за этими изменениями¹⁹.

Несудебная экспертиза не может быть отнесена ни к одному из перечисленных средств доказывания ГПК РФ. Однако сложившаяся практика судов принятия ее в качестве такового ставит эту проблему ребром. И видится только один выход: законодательно следует расширить перечень средств доказывания, добавив в него заключения экспертиз, проводимых вне судебного процесса.

Позиции необходимости законодательного закрепления доказательственного статуса результатов несудебной экспертизы придерживается и Т. В. Сахнова²⁰. Она также отмечает, что отнесение заключения несудебной экспертизы к письменным доказательствам является лишь способом допустить использование такого источника доказательственной информации.

В ГПК и АПК РФ необходимо внести изменения. Несудебная экспертиза должна быть признана самостоятельным доказательством и добавлена в ст. 55 ГПК и п. 2 ст. 64 АПК в качестве такового. Поскольку ее проведение уже предусмотрено многими федеральными законами (см. Раздел 2.2.), то вопрос о законодательной регламентации проведения таких экспертиз отпадает. Ввиду наличия специального Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» № 73-ФЗ от 31.05.01 г., проведение остальных несудебных экспертиз должно регулироваться именно этим законом.

Помимо сказанного, в ГПК и АПК РФ следует внести дополнения, касающиеся невозможности проведения судебной экспертизы по тем же вопросам, по каким проводилась несудебная. При наличии в материалах дела заключения несудебной экспертизы дополнительная и повторная экспертиза должна назначаться судом по основаниям, предусмотренным статьями 87 ГПК и АПК РФ.

Ни одно доказательство не имеет для суда заранее установленной силы. Заключение несудебной экспертизы должно оцениваться судом по его внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании каждого отдельно взятого доказательства, собранного по делу, и их совокупности с характерными причинно-следственными связями между ними.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 г. № 23 п.7: «Судам следует иметь в виду, что заключение эксперта, равно как и другие доказательства по делу, не являются исключительными средствами доказывания и должны оцени-

18 Орлов Ю. К. Производство экспертизы в уголовном процессе. — М., 1982. — С. 26.

19 Боннер А. Т. Установление обстоятельств гражданских дел. — М., 2000. — С. 242.

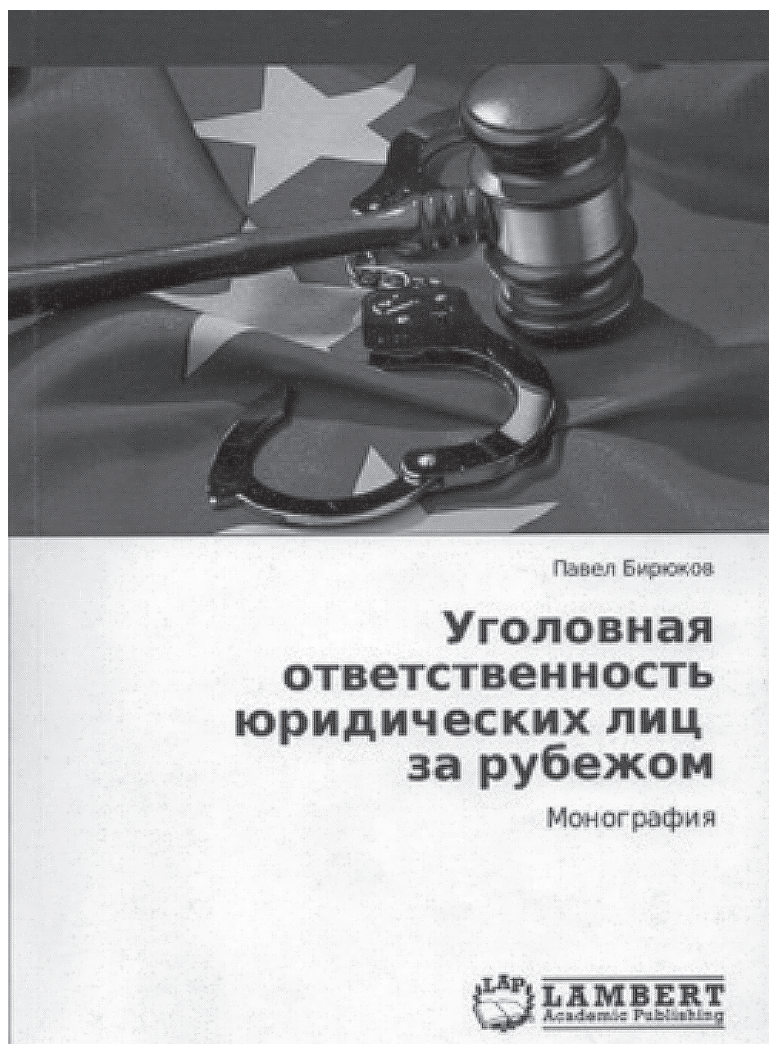
20 Сахнова Т. В. Судебная экспертиза. — М., 2000. — С. 71.

ваться в совокупности со всеми имеющимися в деле доказательствами (ст. 67, ч. 3 ст. 86 ГПК РФ). Оценка судом заключения должна быть полно отражена в решении. При этом суду следует указывать, на чем основаны доводы эксперта, приняты ли во внимание все материалы, представленные на экспертизу, и сделан ли им соответствующий анализ»²¹. Такое правило следует применять и в отношении заключения несудебной экспертизы.

Пристайный библиографический список

1. Арбитражный процесс: учебник для юридических вузов и факультетов/ Под ред. М. К. Треушникова и проф. В. М. Шерстюка. — М., 2001.
2. Боннер А. Т. Установление обстоятельств гражданских дел. — М., 2000.
3. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. Коваленко А. Г., Мохов А. А., Филиппова П. М. — М., 2010.
4. Гражданский процесс: Учеб. для вузов / Под ред. М. К. Треушникова. — М., 2014.
5. Гражданский процесс: Учеб. пособие / Под ред. И. В. Воронцовой. — М., 2011.
6. Гражданское процессуальное право России: Учеб. для вузов/ Под ред. С. Ф. Афанасьева. — М., 2013.
7. Доказывание в гражданском процессе. Учебно-практическое пособие для магистров. 3-е изд. / Под ред. И. В. Решетникова. — М., 2013.
8. Заболоцкая И. В. Экспертиза в арбитражном процессе. Арбитражный и гражданский процесс. — 2011. — № 9.
9. Малахова Ю. Есть истинные ценности // Российская газета. — 2002. — 7 февраля.
10. Мохов А. А. Теория и практика использования медицинских знаний в гражданском судопроизводстве России. — СПб, 2003.
11. Орлов Ю. К. Производство экспертизы в уголовном процессе. — М., 1982.
12. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. — М., 2005.
13. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе. Практическое пособие. — М., 1996.
14. Сахнова Т. В. Судебная экспертиза. — М., 2000.
15. Юдельсон К. С. Судебные доказательства и практика их использования в советском гражданском процессе. — М., 1956.

21 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 г. — № 23. // Электронная правовая база «Консультант Плюс» (дата обращения 18.05.2014).

Бабичев А. Г.

УБИЙСТВО, СОПРЯЖЕННОЕ С ДРУГИМ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ: ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА, КВАЛИФИКАЦИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье анализируется юридическая природа убийства, сопряженного с другими преступлениями, рассматриваются вопросы квалификации этих преступлений, предлагаются изменения и дополнения в уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за эти виды квалифицированного убийства.

Ключевые слова: убийство, похищение человека, разбой, вымогательство, бандитизм, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, другие преступления, квалификация, цель и мотив преступления.

Babichev A. G.

MURDER ASSOCIATED WITH ANOTHER CRIME: LEGAL NATURE, CLASSIFICATION AND DIFFERENTIATION OF RESPONSIBILITY

The article analyzes the legal nature of the murder associated with other crimes, considers the questions of classification of those crimes, proposes changes and additions in legal norms regulating responsibility for these types of classified murder.

Keywords: murder, kidnapping, robbery, extortion, banditry, rape, violent actions of sexual nature, other crimes, classification, the objective and the motive of the crime.

Бабичев А. Г.

Часть 2 статьи 105 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за убийство, сопряженное, соответственно, «с похищением человека» (п. «в»), «с разбоем, вымогательством или бандитизмом» (п. «з»), «с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера» (п. «к»). В этих случаях убийство сопровождается¹, ему сопутствуют² другие, качественно отличающиеся от него по признакам составов и другим социальным и уголовно-правовым характеристикам преступления, которые с ним связаны единым сложным трансформирующимся³ преступным поведением, происходящим в определенный промежуток времени в одной и той же криминальной ситуации, а также во многом своей мотивированностью и целенаправленностью.

Близким к указанным квалифицированным видам убийства является убийство двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ). По сути дела в этом пункте данной статьи УК РФ предусматривается сопряженность убийства, как минимум, с другим убийством без смягчающих обстоятельств в тех случаях, когда они связаны единством умысла или совершаются в определенный промежуток времени в конкретной ситуации преступления, хотя, возможно, по разным мотивам и целям. Это сопряженность одинаковых или однородных⁴ преступлений, как вид специальной повторности или неоднократности, исключенной, по нашему мнению, из УК необоснованно.

Сопряженность убийства с другим преступлением просматривается и в случаях, предусмотренных п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ — «убийство... с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение». В субъективном плане связь убийства с другим преступлением здесь самая непосредственная. Эта сопряженность очевидна и в объективном плане, если их объединяет время и пространство, то есть если они сопутствуют или, соответственно, предшествуют друг другу, совершаясь в процессе или непосредственно после убийства.

1 «Сопряженный» — «взаимно связанный, сопровождаемый чем-нибудь» // Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка, — М., 1997. — С. 746.

2 «Сопутствовать» — «идти вместе с кем-чем-нибудь, сопровождать кого-чего-нибудь» // Там же. — С. 749.

3 «Трансформировать» — «превращать из одного в другое, преобразовывать» // Там же. — С. 808.

4 «Однородный» — «относящийся к тому же роду, разряду, одинаковый» // Там же. — С. 446.

В действительности факт сопряженности убийства с другим преступлением проявляется как совокупность преступлений. Согласно ч. 1 ст. 17 УК РФ «совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено... При совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи настоящего Кодекса».

Это положение законодателя вполне логично и обоснованно. Его неоднократно подтверждал и Пленум Верховного Суда РФ, в том числе в своих рекомендациях, данных судам в постановлении от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

Так, в абзаце 2 п. 7 Постановления указано, что «при квалификации действий виновного по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ по признаку «убийство, сопряженное с похищением человека...» следует иметь в виду, что по смыслу закона ответственность по данному пункту в ч. 2 ст. 105 УК РФ наступает не только за умышленное причинение смерти самому похищенному... но и за убийство других лиц. Совершенное виновным в связи с похищением человека... Содеянное должно квалифицироваться по совокупности с преступлением, предусмотренным ст. 126 УК РФ».

Г. Н. Борзенков справедливо упрекает законодателя за то, что он использует в данном случае неудачное выражение «убийство, сопряженное с...», которое «приводит к ошибочному выводу, что содеянное должно квалифицироваться только по ст. 105 УК РФ, поскольку здесь имеет место «учтенная совокупность»⁵. Последнее выражение, встречающееся в юридической литературе, несет в себе внутреннее противоречие. Совокупность есть вид множественности преступлений, которому противостоит единичное, пусть даже сложное преступление. Единичное (сложное, составное) преступление не может одновременно быть и множественным, а значит, и совокупностью преступлений.

Во всех случаях, когда в содеянном имеются все признаки убийства и похищения человека, когда ни одно из них не поглощает другое как свою составную часть, речь может идти только о совокупности указанных преступлений. Если вменить в вину лицу лишь убийство, то при совокупности его

5 См. Борзенков Г. Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. — М., 2008. — С. 66.

с похищением человека виновный останется безнаказанным за последнее преступление. В связи с этим нельзя не согласиться с В. П. Малковым, по мнению которого множественность, а следовательно, и совокупность преступлений как ее самостоятельный вид имеет место во всех тех случаях, когда «лицо привлекается к повышенной уголовной ответственности за несколько самостоятельных преступлений, совершенных одновременно или в разное время...»⁶.

По другим пунктам ч. 2 ст. 105 УК РФ, где указывается на «сопряженность убийства с...» другими преступлениями Пленум Верховного Суда РФ рекомендует рассматривать такие случаи также как совокупность преступлений, а не как убийство — «учтенную совокупность».

В абзаце 3 п. 11 Постановления от 27 января 1999 г. говорится: «Как сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом следует квалифицировать убийство в процессе совершения указанных преступлений. Содеянное в таких случаях следует квалифицировать по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ в совокупности со статьями УК, предусматривающими ответственность за разбой, вымогательство или бандитизм».

Согласно абзацам 2, 3 п. 13 данного Постановления при оценке «убийства, сопряженного с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера необходимо учитывать... что при этом совершаются два самостоятельных преступления», поэтому «содеянное следует квалифицировать по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, по соответствующим частям ст. 131 или ст. 132 УК РФ».

При наличии умысла на совершение, наряду с убийством, указанных в пп. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ преступлений, реальном совершении действий, составляющих объективную сторону последних, и наличии других признаков их составов, содеянное необходимо квалифицировать по совокупности соответствующего квалифицированного убийства с этими преступлениями.

Выделение среди квалифицирующих обстоятельств в ч. 2 ст. 105 УК РФ такого обстоятельства как «убийство, сопряженное с другим преступлением», призвано подчеркнуть повышенную опасность самого опасного преступления — умышленного посягательства на жизнь человека, которое нередко сопровождается другим опасным (тяжким или особо тяжким) преступлением, а также распространенность соответствующей совокупности преступлений, чреватых сравнительно более опасными и разнообразными последствиями для охраняемых уголовным законом интересов. Это прежде всего «опасная совокупность» или «тремучая смесь» преступлений и их последствий. Поэтому предложение об исключении этого обстоятельства из соответствующих пунктов ч. 2 ст. 105 УК РФ под тем предлогом, что оно содержит в себе возможность произвольного толкования, представляется необоснованным. В таких случаях налицо убийство, сопряженное с соответствующим преступлением, указанным в пп. «в», «з» или «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и преступление, предусмотренное, соответственно, ст. 126 или статьями 162, 163 или 209, либо статьями 131 и 132 УК РФ.

Приведенные рекомендации Пленума Верховного Суда РФ не должны вызывать сомнений, поскольку они полностью соответствуют смыслу ч. 1 ст. 17 УК РФ.

Уголовный закон, однако, необоснованно соединил в пп. «в», «з» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ определенные характеристики самого убийства со случаями реального совершения других преступлений в процессе или в связи с совершением убийства.

Бессистемность и нелогичность законодателя в данном вопросе проявилась также в том, что о «сопряженности убийства с другими указанными преступлениями» он пишет не в одном, а в нескольких пунктах части 2 ст. 105 УК РФ.

Считаем, правильно поступает зарубежный законодатель там, где совершение другого или определенных других преступлений в процессе совершения или в связи с совершением убийства указывает в качествеотячающего последнее обстоятельство как самостоятельное в отдельных пунктах и (или) частях (параграфах) соответствующих статей УК своих стран.

Так, согласно п. 2 § 2 ст. 148 УК Польши тот, кто совершает убийство в связи с захватом заложника, изнасилованием или разбоем, несет ответственность за тяжкое убийство.

По УК Голландии «простое» убийство, которое «сопровождается или которому предшествует уголовное правонарушение», становится тяжким (ст. 288).

Разнообразием в этом отношении отличается уголовное законодательство США.

Например, в соответствии со ст. 189 УК штата Калифорния «убийство в ходе или при совершении поджога, изнасилования, ограбления или берглэри», признается тяжким убийством 1-й степени.

Аналогичное положение содержится и в ст. 1111 Примерного (Федерального) УК США.

Согласно УК штата Нью-Йорк «убийство, связанное с посягательством на более опасное преступление» («фелонию 1-й степени»), признается тяжким убийством 1-й степени (п. 3 ст. 125.25, п. 1 (VII) ст. 125.27).

В ряде штатов США тяжким убийством 1-й степени признается убийство во время совершения любой «фелонии». При этом виновный подлежит ответственности по совокупности преступлений за убийство и «фелонию», если УК данного штата предусматривает ответственность за данный вид «фелонии».

Полагаем, необходимо в порядке совершенствования ст. 105 УК РФ внести в нее следующие изменения:

1) отдельным пунктом в ч. 2 ст. 105 УК РФ сформулировать в качестве самостоятельного отячающего ответственность за убийство обстоятельства его совершение в процессе или в связи с совершением другого умышленного преступления, исключив при этом из пп. «в», «з» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ положения о «сопряженности» убийства, соответственно, с: «похищением человека» (п. «в»); «разбоем, вымогательством или бандитизмом» (п. «з»); «изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера» (п. «к»);

2) в ч. 3 ст. 105 УК РФ, наряду с некоторыми другими особо отячающими обстоятельствами, отдельным пунктом указать на убийство «при совершении или в связи с совершением другого особо тяжкого преступления».

Последовательная дифференциация уголовной ответственности за квалифицированные и особо квалифицированные виды убийства отвечала бы фактической реализации законодателем принципа справедливости ответственности за «убийство, сопряженное с другим преступлением» и позволила бы точнее оценить степень опасности деяния, совершаемого в такой криминальной ситуации, а также содеянное виновным в целом в рамках указанного обстоятельства.

В п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающем ответственность за «убийство... двух или более лиц», законодатель сохранил «реликт» специальной повторности-неоднократности и систематичности преступлений, исключив институт неоднократности из УК РФ (ст. 16 Общей части и соответствующие положения статей основной части). По существу, здесь имеет место именно неоднократность (и систематичность) однородных преступлений — двух или более убийств, так называемая «специальная совокупность преступлений» или «совокупность однородных преступлений», поскольку понятие неоднократности для законодателя перестало существовать. Однако он признает такое квалифицированное убийство как единое сложное преступление, совершенное при отячающих обстоятельствах, а не неоднократность и даже не совокупность преступлений, указав в конце первого предложения в ч. 1 ст. 17 УК РФ, что к таковой не относятся случаи, «когда совершение двух или

6 Малков В. П. Избранные труды. В трех томах. — Т. 3. — Казань, 2011. — С. 32.

более преступлений предусмотрено Особенной частью настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание».

В. П. Малков прав, считая неудачной «находкой» законодателя положение, изменившее редакцию ч. 1 ст. 17 УК РФ (ФЗ от 21 июля 2004 г.): «... к сожалению, не устраняется противоречивость правовых предписаний и их несправедливость... Принятие данного законодательного акта по существу означает признание законодателем ошибки относительно реформирования... понимания совокупности преступлений и своего рода возврат к учету в качестве квалифицирующих признаков составов совершения одного и того же преступления два или более раза...»⁷.

Согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «... убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по пункту «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии к тому оснований также и по другим пунктам части 2 данной статьи, при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден».

Однако непоследовательность Пленума Верховного Суда РФ в данном вопросе становится очевидна, когда он в абз. 2 п. 5 того же Постановления рекомендует судам «квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ», то есть по совокупности преступлений, случаи «убийства одного человека и покушения на убийство другого», которое, по мнению Пленума, не может рассматриваться как одно оконченное преступление — убийство двух лиц. В таких случаях наказание лица должно назначаться в соответствии со ст. 69 УК РФ путем его сложения, учитывая более строгий характер ответственности за содеянное по совокупности указанных преступлений.

Г. Н. Борзенков прав, утверждая, что «рекомендация квалифицировать по п. «а» убийства двух или более лиц, когда они совершены в разное время и при отсутствии единого умысла — это вынужденный шаг, чтобы нейтрализовать или минимизировать недостатки законодательного решения о непризнании квалифицирующего значения неоднократных убийств»⁸.

Строго говоря, убийство двух или более лиц в любых своих проявлениях представляет собой, по сути и по факту, совокупность нескольких убийств. Это достаточно типичный случай, когда виновный совершает два или более убийства, каждое из которых имеет все признаки оконченного преступления (ч. 1 ст. 105 УК РФ) в результате умышленного причинения смерти каждому другому человеку. В таких случаях лицо не может совершать так называемого «продолжаемого убийства» даже тогда, когда оно убивает несколько человек по единому умыслу и в одно и то же время, ибо лишение жизни каждой жертвы представляет отдельное преступление, а вместе — совокупность одинаковых или однородных преступлений. При такой оценке этих случаев многократных убийств у суда возникает возможность оценить каждое из совершенных лицом убийств в рамках их отдельной квалификации и назначить ему в целом (по совокупности) соразмерное содеянному (справедливое) наказание по правилам ст. 69 УК РФ. Учитывая указанные соображения, Т. А. Плаксина предложила исключить из уголовного закона состав убийства двух или более лиц и решить вопрос о повышенной ответственности за такой повышено опасный вид убийства через институт совокупности преступлений⁹.

И. О. Ткачев же предлагает пойти по пути дальнейшей дифференциации ответственности за квалифицированное убийство, выделив в ст. 105 УК РФ особо квалифицирующие обстоя-

тельства и расположив их в части третьей данной статьи, куда считает целесообразным отнести и убийство двух или более лиц. В качестве обязательного признака состава такого квалифицированного вида убийств должен рассматриваться признак единства умысла на совершение нескольких убийств¹⁰.

Вполне очевидно, что уже второе убийство существенно повышает степень общественной опасности преступного поведения виновного и его личности, давая основание для выделения его в ч. 2 ст. 105 УК РФ в качестве квалифицированного вида убийства. С каждым очередным убийством, то есть третьим, четвертым и т. д., степень общественной опасности преступной деятельности и личности убийцы возрастает, делает качественный скачок и подвигает законодателя и суд к той предельной оценке содеянного виновным, которая должна быть выражена в наиболее строгой мере возмездия за содеянное. Поэтому одинаковая юридическая оценка убийства неоднократного и систематического или многократного представляется несправедливой. Бесперспективно пытаться установить, когда наступает тот «момент насыщения», с которого в продолжающейся череде убийств наступают качественные скачки, означающие этапы перехода количества совершаемых убийств в новые типичные события или состояния, существенно повышающие степень общественной опасности противоправного поведения убийцы и опасность его личности. Но кое-какие ориентиры в этом процессе можно определить.

Так, в п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ целесообразно было бы оставить указание на убийство, «совершенное неоднократно»¹¹, или еще более конкретное указание на убийство «двух лиц», а в ч. 3 ст. 105 УК РФ — указание на убийство, «совершаемое систематически»¹², или указание на убийство «трех или более лиц».

В качестве рабочего варианта более справедливой дифференциации убийства, заслуживающего сравнительно более строгое наказание, можно предложить:

1) в п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ оставить тот же признак квалифицированного убийства — «убийство... двух или более лиц»;

2) в ч. 3 ст. 105 УК РФ предусмотреть в качестве особо квалифицирующего обстоятельства «убийство... многих лиц, совершенное серийно»¹³, либо «убийство... повлекшее массовую»¹⁴ гибель людей».

Сопряженность убийства с другим преступлением, как правило, имеется и при убийстве «с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение» (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ). В этих случаях другое преступление должно непосредственно предшествовать убийству, быть уже оконченным или продолжаться как некое наличное бытие (при цели убийства — скрыть это другое преступление), или еще совершаться либо быть намеченным к совершению (при цели убийства — облегчить совершение другого преступления). Наличие или непосредственность совершения, начала или окончания другого преступления при данном виде квалифицированного убийства являются необходимыми признаками сопряженности убий-

10 См.: Ткачев И. О. Множественность потерпевших и ее значение при квалификации убийств: Дисс. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2009. — С. 8–9.

11 Под неоднократностью преступления в теории уголовного права понимается совершение лицом двух и более одинаковых (однородных) преступлений до привлечения к уголовной ответственности и осуждения. Подробнее см. Малков В. П. Избранные труды. — Т. 3. — Казань, 2011. — С. 76–84.

12 Систематичность понимается как совершение лицом трех и более преступлений, предполагающее их логическую цепь // См.: Там же. — С. 84–89.

13 «Серия» — «последовательный ряд чего-нибудь, что обладает общим признаком, составляет одну группу» // Там же. — С. 713.

14 «Массовый» — «распространяющийся на множество, многих людей» // Там же. — С. 344.

7 Малков В. П. Избранные труды. В трех томах. — Т. 3. — Казань, 2011. — С. 261.

8 Борзенков Г. Н. Указ. соч. — С. 48.

9 См.: Плаксина Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: Дисс. ... д-ра юрид. наук. — Томск, 2006. — С. 13.

ства при цели скрыть другое преступление или облегчить его совершение.

При этом, в отличие от квалифицированных составов преступлений, предусмотренных пп. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, где квалифицирующими признаками убийства называется его сопряженность с определенными видами преступлений, в п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ говорится о возможной сопряженности убийства с любым другим, в том числе и мнимым преступлением. Если целью убийцы было скрыть похищение человека, либо разбой, вымогательство или бандитизм, либо изнасилование или насильственные действия сексуального характера, а равно если целью убийства было облегчить совершение указанных преступлений, то при наличии объективных признаков сопряженности убийства с другими названными преступлениями ответственность наступает, соответственно, по пп. «в», «з» или «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и исключает квалификацию содеянного также по п. «к» ч. 2 данной статьи с указанием на специальную цель убийства.

Во всех этих случаях квалификация также по статьям 126, 162, 163, 207, 131 или 132 УК РФ, учитывая совокупность убийства с соответствующими преступлениями, безусловно, предполагается.

Цель убийства — скрыть другое преступление или облегчить его совершение сама по себе при отсутствии объективных признаков покушения или оконченного другого преступления может свидетельствовать лишь о квалифицированном виде убийства по цели его совершения и приготовлении к совершению другого преступления с учетом ч. 1 ст. 30 УК РФ.

Для квалификации убийства по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ не имеет значения, достигнута ли поставленная цель фактически или нет. При сопряженности такого убийства с другим преступлением недостижение указанной цели влияет лишь на квалификацию содеянного по совокупности его с другим неоконченным преступлением, совершение которого убийца пытался облегчить.

Сопряженность убийства с другим преступлением, понимаемая как сопровождение первого вторым и их взаимная связь вовне и в субъективном плане, предполагает такое положение, когда убийство служит целям обеспечения успеха в совершении другого преступления и в сокрытии последнего от правоохранительных органов и суда. Эти цели и связанные с ними мотивы при сопряженности убийства с другим пре-

ступлением, предусмотренным пп. «в», «з» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, не противоречат целям и мотивам совершаемого при этом убийства, а лишь дополняют их, поэтому последнее, как правило, не требует дополнительной квалификации и по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (по цели его совершения).

Полагаем целесообразным дать более полное и точное по содержанию и более оптимальное в редакционном отношении определение обстоятельств, отягчающих ответственность за убийство, которые дают характеристику обозначенных в п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ целей этого преступления.

1. В ч. 2 ст. 105 УК РФ отдельными пунктами вместо определения, имеющегося в п. «к» этой части данной статьи, предусмотреть в одном из пунктов такой квалифицирующий признак, как «убийство... с целью подготовки или облегчения совершения другого преступления», а в другом пункте — «убийство... с целью сокрытия другого преступления, затруднения его раскрытия и расследования или уголовного преследования данного или иного лица, его совершившего, либо обеспечение безнаказанности виновных в его совершении либо назначения им заведомо более мягкого и несправедливого наказания»;

2. В ч. 3 ст. 105 УК РФ также отдельными пунктами следовало бы дать аналогичные определения особо тяжких видов убийства, заменив в обоих текстах слова «другого преступления» на слова «другого особо тяжкого преступления».

Пристатейный библиографический список

1. Борзенков Г. Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. — М., 2008.
2. Малков В. П. Избранные труды. В трех томах. — Т. 3. — Казань, 2011.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка, — М., 1997.
4. Плаксина Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: Дисс. ... д-ра юрид. наук. — Томск, 2006.
5. Ткачев И. О. Множественность потерпевших и ее значение при квалификации убийств: Дисс. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2009.

Мельников В. Ю.

РОЛЬ ИНСТИТУТА ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Отмечается, что дознание в сокращенной форме необходимо совершенствовать. Оно способно существенно повысить эффективность процессуальной деятельности органов предварительного расследования и судебной системы, обеспечить незамедлительную защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц, потерпевших от преступлений.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме; человек, права, свободы; обеспечение прав и свобод человека.

Melnikov V. Yu.

IMPROVING OF INQUIRY INSTITUTE IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA

It is noted in the article that the shortened form of the inquiry should be improved. It can significantly improve the effectiveness of remedial activity of the preliminary investigation bodies and the judicial system, ensure immediate protection of the rights and lawful interests of individuals and legal entities, who have suffered from crimes.

Keywords: shortened form of the inquiry, human, rights, freedoms, ensuring human rights and freedoms.

Мельников В. Ю.

Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства должно отвечать представлениям о человеке и его правах и свободах как о высшей ценности и соответствовать международным нормам в области прав человека, являющихся составной частью правовой системы России. Конституция РФ признает человека, его права и свободы высшей ценностью, а их соблюдение и защиту — обязанностью государства. Смысл, содержание и применение законов, деятельность правоохранительных органов, связанных с расследованием совершенных преступлений, определяются правами и свободами человека и гражданина.

Становление института обеспечения прав человека и выполнение назначения уголовного судопроизводства в настоящее время не завершено, продолжается поиск его реального развития. Содержание ст. 6 УПК РФ позволяет говорить о том, что на государственные органы и должностных лиц возложена обязанность по защите прав и интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Данная обязанность основывается на статьях 2, 18, 45, 46 Конституции РФ. Однако указанное назначение уголовного судопроизводства (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ) пока носит декларативный характер, что никак не способствует повышению эффективности защиты прав и законных интересов человека в уголовном процессе. Нормы, касающиеся обеспечения прав человека, остались необеспеченными в силу крайне непоследовательного, несистемного и фрагментарного регулирования процедуры реализации этих продекларированных прав.

Идея о приоритетности в уголовном судопроизводстве обеспечения и защиты от преступлений, прав и законных интересов человека, общества и государства положена в основу концепции уголовно-процессуального законодательства. Наряду с раскрытием преступлений и изобличением лиц, их совершивших, цель уголовного судопроизводства состоит и в создании должного механизма правового обеспечения, реализации и защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства. УПК РФ предназначен быть гарантом прав и свобод человека от нарушений, допускаемых органами предварительного расследования. Повышение эффективности правового регулирования защиты прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве требует совершенствования, в первую очередь — в досудебном производстве, при применении мер процессуального принуждения.

Анализ правоприменительной практики, полученные данные о количестве выявленных нарушений законодательства, прав и свобод участников уголовного судопроизводства,

динамика применения мер процессуального принуждения в ходе досудебного производства показывают, что существующие процессуальные гарантии участников уголовного судопроизводства недостаточны и не обеспечивают их права и свободы.

Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ» установил сокращенный срок производства дознания (глава 321 УПК РФ). Законом, в частности, расширены полномочия органов предварительного расследования при проверке сообщения о преступлении.

Возникает вопрос о том, как будут соблюдаться права человека при назначении, например, судебной экспертизы еще до возможного возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. Судебная экспертиза в отношении потерпевшего, за исключением случаев, предусмотренных пп. 2, 4 и 5 ст. 196 УПК РФ, а также в отношении свидетеля производится с их согласия или согласия их законных представителей, которые даются указанными лицами в письменной форме (ч. 4 ст. 195 УПК РФ). Лицо, в отношении которого проводится проверка, еще не является подозреваемым или обвиняемым по делу, нет и процессуальной фигуры потерпевшего, свидетеля. У подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве судебной экспертизы существуют права (ст. 198 УПК РФ), которые остаются нереализованными.

Достаточно ли ограничиться на этапе проверки сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ) заключениями специалиста? Тем более что дознаватель вправе не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, за исключением определенных случаев (п. 3 ч. 3 ст. 226 УПК РФ).

Как показал проведенным автором опрос начальников подразделения дознания, дознавателей из более 18 субъектов РФ, более 78% опрошенных не восприняли положительно указанные нововведения законодателя. Большинство опрошенных (86%) считают, что новый сокращенный порядок дознания не полностью согласован с положениями УПК РФ, может влечь признания полученных доказательств недопустимыми. Они пояснили, что считают предварительное следствие в форме дознания в общем порядке более предпочтительным. 72% опрошенных автором респондентов беспокоят требования

ст. 2265 УПК РФ, касающиеся особенностей доказывания при производстве дознания в сокращенной форме. У дознавателей, начальников органов дознания возникают вопросы: не будут ли впоследствии оспорены собранные доказательства, признаны недопустимыми (части 2 ст. 75, части 2–4 ст. 88 УПК РФ), не будут ли допущены нарушения права и свободы человека?

Обвиняемый, его защитник, потерпевший и (или) его представитель до окончания ознакомления с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела вправе заявить ходатайства, в частности, о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, направленных на проверку доказательств, достоверность которых вызывает сомнение, что может повлиять на законность итогового судебного решения по уголовному делу.

На практике такие ходатайства имеют место. Дознаватель, зная об этом, все чаще будет стремиться расследовать дело в общем порядке, исследовать все доказательства, не тратить 28 суток (15+10+3) на расследование дела в сокращенном порядке, чтобы потом перейти к общему.

Как показывает проведенное автором исследование, произвести многие следственные действия за двое суток (вызвать защитника, специалиста, направить повестку подозреваемому и т.д.) часто не представляется возможным. В то же время, если пересоставить обвинительное постановление и направить уголовное дело прокурору в этот срок не представляется возможным вследствие большого объема следственных и иных процессуальных действий, срок дознания может быть продлен до 20 суток в порядке, установленном ч. 2 ст. 2266 УПК РФ (30+20=60). В случае невозможности окончить дознание в сокращенной форме в этот срок дознаватель продолжает производство по уголовному делу уже в общем порядке, о чем выносит соответствующее постановление. Потратить 60 суток на расследование дела в сокращенной форме и начать расследовать дело в общем порядке? О каком сокращенном порядке можно говорить?

Прокурор также может вернуть дело для производства дознания в общем порядке. Он рассматривает уголовное дело, поступившее с обвинительным постановлением, и в течение трех суток может принять по нему одно из решений, предусмотренных ст. 2268 УПК РФ.

По уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, судебное производство осуществляется в порядке, установленном статьями 316 и 317 УПК РФ, с изъятиями, предусмотренными ст. 2269 УПК РФ. Приговор постановляется на основании исследования и оценки только тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении, а также дополнительных данных о личности подсудимого, представляемых в порядке, установленном ч. 3 статьи 2269 УПК РФ. Законодатель не упоминает о требованиях ч. 5 ст. 316 УПК РФ, согласно которым судья при рассмотрении дела в особом порядке не проводит в общем порядке исследования и оценку доказательств, собранных по уголовному делу.

Положение ч. 6 ст. 316 УПК РФ не применяется при рассмотрении уголовных дел, дознание по которым производилось в сокращенной форме, т.е. суд может только вернуть дело прокурору. При наличии обстоятельств, указанных в ст. 2262 и ч. 4 ст. 2269 УПК РФ, судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке. Общие сроки уголовного судопроизводства снова увеличиваются, и становится трудно говорить о какой-либо его сокращенной форме.

Следует обратить внимание на то, что неоднократно указывал ЕСПЧ в своих решениях по конкретным уголовным делам: на государство возлагается ответственность так организовать свою судебную систему, чтобы она была в состоянии рассматривать дела в разумные сроки. Если государство

допускает рассмотрение дела сверх разумных сроков, то оно ответственно за это. Из решений ЕСПЧ следует, что констатация факта нарушения права на разумные сроки связана только с теми просрочками, которые вызваны поведением государства¹.

Б. Я. Гаврилов отмечает, что выявлением и фиксацией преступлений, установлением лиц, их совершивших, должны заниматься органы дознания по направлениям своей деятельности. На органы предварительного следствия целесообразно возложить расследование в полном объеме всех тяжких и особо тяжких преступлений и иных, по которым предварительное следствие обязательно. При этом, начиная с момента возбуждения уголовного дела, расследование осуществляется в непосредственном взаимодействии с органом дознания².

Дознание в сокращенной форме необходимо совершенствовать. Оно способно существенно повысить эффективность процессуальной деятельности органов предварительного расследования и судебной системы, обеспечить незамедлительную защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц, потерпевших от преступлений.

Применение сокращенного дознания позволяет также обеспечить расследование в минимальные сроки основной части преступлений небольшой тяжести при условии их выделения законодателем в «уголовный проступок». Привлечение к ответственности за совершение уголовного проступка не должно влечь за собой судимость с ее негативными последствиями.

Основу для формирования категории уголовных проступков в России могут составить деяния, не представляющие большой общественной опасности, а также ряд преступлений, отнесенных к категории небольшой и средней тяжести, по которым максимальное наказание предусмотрено до трех лет лишения свободы.

Дознание в сокращенной форме можно ограничить допросом подозреваемого и потерпевшего, а также приложить к материалам дела, полученные в ходе проверки о факте совершенном преступлении материалы (ст. 144 УПК РФ): объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребованные документы и предметы, протоколы освидетельствования, осмотр места происшествия, трупа, предметов и документов, заключение специалиста, справки о судимости, характеризующие личность материалы. Этих средств доказывания должно быть достаточно, чтобы установить фактические обстоятельства по уголовному делу анализируемой категории. Более того, именно они должны быть положены в основу для ускоренного производства системы доказывания и должны восприниматься судами именно в качестве доказательств по данной категории дел, для чего необходимо внести соответствующие изменения в УПК РФ.

Одним из условий применения сокращенного производства также должно быть отсутствие обстоятельств, указывающих на невозможность его окончания в короткий срок. Кроме сложностей в доказывании, такими обстоятельствами могут быть: большое число потерпевших или свидетелей, необходимость производства длительных экспертиз, ревизий и т.д.

Следующим условием применения сокращенного производства является отсутствие обстоятельств, указывающих на необходимость применения мер процессуального принуждения, признание лицом, совершившим преступление, своей вины, добровольное возмещение нанесенного преступлением ущерба. Необходимо получить у лица, совершившего преступление, потерпевшего согласие на проведение расследования

- 1 Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cdep.ru>.
- 2 Гаврилов Б. Я. Актуальные проблемы защиты конституционных прав и свобод личности в досудебном производстве. — М.: Академия Управления МВД России, 2012. — С. 233–234.

в сокращенной форме, поскольку это, с одной стороны, учитывало бы его интересы, а с другой — сводило бы к минимуму факты последующих отказов от сокращенной формы производства. Общий срок сокращенного производства не должен превышать десяти суток. Обвинительное постановление подлежит утверждению и представлению в суд прокурором, рассмотрением в особом порядке судебного разбирательства без процедуры возвращения дела прокурору, что будет способствовать, в частности, незатягиванию рассмотрения дела по существу, обеспечению прав и свобод человека.

Несомненно, как об этом уже упоминается в законе, сокращенное производство невозможно и в тех случаях, когда лицо, совершившее преступление, скрылось или заболело психическим или иным тяжким заболеванием, а также при наличии других оснований для приостановления производства по делу.

На первоначальном этапе целесообразно образовать в системе полиции подразделения дознания, которым передать расследование преступлений небольшой тяжести в форме упрощенного производства; усовершенствовать систему профессиональной подготовки; организовать систему информационного обеспечения органов дознания, федерального снабжения и финансирования.

Пристатейный библиографический список

1. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cdep.ru>.
2. Гаврилов Б. Я. Актуальные проблемы защиты конституционных прав и свобод личности в досудебном производстве. — М.: Академия Управления МВД России, 2012.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ КНИГА

Байтеева М.В.

ЯЗЫК И ПРАВО

Монография / М.В. Байтеева.
Казань: Изд-во «Отечество», 2013. - 253с.

В предлагаемой книге исследуются проблемы правового языка из междисциплинарной перспективы: с позиций структурализма, феноменологии и герменевтики. Автор рассматривает также возможности обновления методов понимания права с позиций феноменологической герменевтики.

Николаев Е. М.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПОТЕРПЕВШИХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПСЕВДОНИМА

В статье рассматриваются некоторые проблемы обеспечения безопасности потерпевших путем использования псевдонима в рамках уголовного судопроизводства. Особое внимание уделяется возможности раскрытия судом подлинных сведений о защищаемом лице, что может привести к разрушению выстроенной правоохранительными органами системы обеспечения безопасности потерпевшего в рамках рассматриваемого уголовного дела, и как следствие нарушению принципа взаимной ответственности органов, обеспечивающих государственную защиту, и защищаемых лиц.

Ключевые слова: уголовный процесс, потерпевший, обеспечение безопасности участников уголовного процесса, псевдоним.

Nikolaev E. M.

SOME PROBLEMS OF ENSURING THE SAFETY OF VICTIMS IN CRIMINAL PROCEEDINGS THROUGH THE USE OF ALIAS

This article discusses some of the problems of ensuring the safety of victims by the use of alias in the framework of criminal proceedings. Special attention is given to the possibility of disclosure by the court of authentic information about the protected person, which can lead to the destruction of the built law enforcement system to ensure the safety of the victim within the criminal case, and as a consequence of the violation of the principle of mutual responsibility of agencies providing state protection, and protected persons.

Keywords: criminal proceedings, the victim, the safety of participants of the criminal process, alias.

Николаев Е. М.

Правоприменительная практика показывает, что не каждый очевидец, как и потерпевший от преступления, изъявляет желание давать показания, и это связано, прежде всего, с боязнью за собственную жизнь, здоровье и имущество. В связи с этим реализация назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹, может стать недостижимой.

Вопросы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, и в частности потерпевших, вытекающие из международно-правовых стандартов, в отечественном уголовном судопроизводстве были и остаются весьма актуальными.

По данным МВД РФ в 2011 г. в Российской Федерации по уголовным делам под защитой находилось 790 свидетелей, 863 потерпевших, 485 родственников и близких лиц, подвергшихся противоправным посягательствам. Количество мер безопасности увеличилось на 5,7% по сравнению с 2010 г. и составило 4305². Как видно из отчетных данных, более всего из участников уголовного судопроизводства в защите нуждаются потерпевшие от преступлений.

Еще в ранее действовавшем УПК РСФСР в статьях 141, 160, 161 в целях обеспечения безопасности предоставлялась возможность лицу, производящему расследование, не указывать в протоколе следственного действия адрес проживания потерпевшего, достаточно было обозначить фамилию, имя и отчество.

Сегодня указанный способ являлся бы малоэффективным. Развитие интернет-технологий, активное использование гражданами электронных баз данных и т.д. позволяет любому заинтересованному лицу без каких-либо особых усилий установить место жительства гражданина лишь по фамилии, имени и отчеству.

Возрастающая потребность в защите участников уголовного судопроизводства принуждает законодателя к принятию

новых законов, а также своевременному внесению изменений и дополнений уже в действующие нормативно-правовые акты, обеспечивающие их безопасность.

Введение в УПК РФ института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, принятие Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ, государственных программ «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009–2013 годы»³ и «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы»⁴, а также других правовых норм свидетельствует об особой остроте проблем, связанных с противоправными воздействиями на участников уголовного судопроизводства.

Только Уголовно-процессуальным кодексом предусмотрена возможность применения множества мер безопасности в отношении потерпевших (ч. 3 ст. 11):

- 1) неприведение в протоколе следственного действия данных о личности потерпевшего, указание псевдонима (ч. 9 ст. 166);
- 2) контроль и запись телефонных и иных переговоров по письменному заявлению потерпевшего, при наличии угрозы в отношении самого потерпевшего, его близких родственников, родственников или близких лиц (ч. 2 ст. 186);
- 3) проведение опознания потерпевшим в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым (ч. 8 ст. 193);
- 4) рассмотрение уголовного дела в закрытом судебном заседании (п. 4 ч. 2 ст. 241);

1 Далее УПК РФ.

2 О реализации Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009–2013 годы» за 2011 год // Официальный сайт МВД Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mvd.ru/document/201507>. (дата посещения 11.09.2014.).

3 Постановление Правительства РФ от 2 октября 2009 г. № 792 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009–2013 годы»» // СПС «Консультант Плюс» (дата посещения: 11.09.2014 г.).

4 Постановление Правительства РФ от 13 июля 2013 г. № 586 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы»» // СПС «Консультант Плюс» (дата посещения: 11.09.2014 г.).

5) проведение допроса потерпевшего в ходе судебного разбирательства без оглашения его подлинных данных в условиях, исключающих визуальное наблюдение потерпевшего другими участниками судебного разбирательства (ч. 1 ст. 277, ч. 5 ст. 278);

Одним из актуальных в современных условиях способов обеспечения безопасности потерпевших является производство процессуальных действий с указанием псевдонима.

При производстве предварительного расследования следователю (дознавателю) для разрешения вопроса о присвоении потерпевшему псевдонима необходимо установить, имеется ли реальная угроза применения насилия, уничтожения или повреждения его имущества либо иных противоправных деяний. Несмотря на то, что в УПК РФ и других нормативно-правовых актах способ проверки данной информации не урегулирован, предполагается, что проводится она путем производства следственных и иных процессуальных действий, в том числе и дачей соответствующего письменного поручения органам дознания.

При этом необходимо отметить, что на практике имеют место случаи, когда по уголовному делу присваиваются псевдонимы при отсутствии каких-либо угроз безопасности в адрес потерпевшего и его близких, что противоречит ч. 3 ст. 11 УПК РФ, так как наличие угрозы должно быть не мнимым, а реальным.

В связи с этим допрос потерпевшего в условиях неочевидности позволяет подсудимым и защите высказывать определенные сомнения в допустимости таких показаний. Например, часто высказывается предположение о том, что, пользуясь анонимностью, допрашиваемое лицо из-за личных неприязненных отношений оговаривает подсудимого.

Как справедливо отмечает В. Н. Уруков, применение ч. 9 ст. 166 УПК РФ в отсутствие реальных угроз следователем следует расценивать как произвол в отношении обвиняемого (подозреваемого) и нарушение законности. Более того, такие показания без реальных угроз безопасности потерпевшего и его близких родственников не могут являться допустимым доказательством на основании ч. 1 ст. 75 УПК РФ⁵.

Все действия, проводимые с участием потерпевшего, должны осуществляться с гарантией сохранения его анонимности, в связи с чем в протоколах следственных и иных процессуальных действий не указываются как подлинные данные лица, так и любые другие сведения, позволяющие установить его личность. Не должны применяться при производстве следственных действий с участием защищаемого лица, которому дан псевдоним, фото-, видео-, киносъемка, а при необходимости и аудиозапись.

Согласно ч. 9 ст. 166 УПК РФ постановление, в котором указаны подлинные данные лица, участвующего в процессе под псевдонимом, помещается в конверт, опечатывается и приобщается к уголовному делу. Указанные сведения относятся к сведениям конфиденциального характера⁶.

Особо хотелось бы отметить положение ст. 278 УПК РФ, где в ч. 6 указано, что «в случае заявления сторонами обоснованного ходатайства о раскрытии подлинных сведений о лице... суд вправе предоставить сторонам возможность ознакомления с указанными сведениями», т.е. суду предоставляется возможность раскрытия не приведенных ранее сведений о личности потерпевшего. Данное положение должно быть разъяснено потерпевшему одновременно с разъяснением права ходатайствовать о предоставлении псевдонима.

Несмотря на то, что меры государственной защиты в отношении защищаемых лиц могут быть применены и после постановления приговора, вынесения постановления об освобождении лица от уголовной ответственности или наказания

и о применении к нему принудительных мер медицинского характера (ч. 5 ст. 2 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»), раскрытие судом подлинных сведений о защищаемом лице приведет к разрушению всей выстроенной правоохранительными органами системы обеспечения безопасности потерпевшего в рамках рассматриваемого уголовного дела, нарушению принципа взаимной ответственности органов, обеспечивающих государственную защиту, и защищаемых лиц (ч. 1 ст. 4 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»).

Однако суд вправе и не представить стороне защиты возможность ознакомления с подлинными сведениями о личности потерпевшего.

Для принятия решения об отказе в удовлетворении заявленного ходатайства о раскрытии подлинных сведений суду должны быть предоставлены достаточные данные о том, что потерпевшему угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными опасными противоправными деяниями, т.е. угроза безопасности должна быть реальной.

Также суд должен учитывать позицию потерпевшего, которому еще на стадии предварительного расследования (или возбуждения уголовного дела) была обещана защита его жизни, здоровья и имущества в течение всего уголовного судопроизводства в обмен на его участие в уголовном деле на стороне обвинения. Суд должен полагать, что пострадавшее лицо ждет от органа правосудия реального восстановления нарушенных преступлением прав и законных интересов, торжества справедливости, а не снятия судом ранее предоставленной защиты, что приведет к исполнению поступавших угроз.

Таким образом, полноценное обеспечение безопасности потерпевшего в уголовном судопроизводстве полностью зависит от качества проведенного следователем (дознавателем) предварительного расследования. По уголовному делу наряду с обстоятельствами, предусмотренными ст. 73 УПК РФ, также должны быть установлены и обстоятельства, указывающие наличие реальной угрозы применения насилия в отношении потерпевшего, уничтожения или повреждения его имущества либо иных противоправных деяний, в целях недопущения раскрытия сведений защищаемого лица в ходе судебного разбирательства и создания угрозы его безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. О реализации Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009–2013 годы» за 2011 год // Официальный сайт МВД Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mvd.ru/document/201507> (дата посещения 11.09.2014.).
2. Постановление Правительства РФ от 2 октября 2009 года № 792 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009–2013 годы»» // СПС «Консультант Плюс» (дата посещения: 11.09.2014 г.).
3. Постановление Правительства РФ от 13 июля 2013 г. № 586 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы»» // СПС «Консультант Плюс» (дата посещения: 11.09.2014 г.).
4. Уруков В. Н. К вопросу о доказательственной силе показаний анонимных свидетелей (с учетом прецедентов Европейского суда) // Российская юстиция. — 2009. — № 2.
5. Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» // СПС «Консультант Плюс» (дата посещения: 11.09.2014 г.).

5 Уруков В. Н. К вопросу о доказательственной силе показаний анонимных свидетелей (с учетом прецедентов Европейского суда) // Российская юстиция. — 2009. — № 2. — С. 61–63.

6 Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» // СПС «Консультант Плюс» (дата посещения: 11.09.2014 г.).

Паштов Д. Р.

ФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ И УЧАСТИЕ ПРОКУРОРОВ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ) ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы участия прокуроров в законотворческой деятельности органов законодательной (представительной) власти субъектов Российской Федерации. Вопросы, касающиеся участия прокуратуры в правотворческой деятельности, обсуждаются на страницах юридической печати и имеют особое значение в сфере прокурорской деятельности. До сих пор в науке нет единства мнений относительно функций прокуратуры. Участие прокуратуры (прокуроров) в правотворческой деятельности закреплено в ст. 9 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Неоднократно рядом ученых высказывалась точка зрения об участии прокуратуры в правотворческой деятельности как о самостоятельной функции.

В статье на основе понятий «функция», «функции государства», «функции государственных органов» с учетом позиций по этой проблеме ряда авторов рассмотрено понятие «функции прокуратуры», отмечены основные признаки, образующие понятийную характеристику функций прокуратуры и указаны основные функции, выполняемые современной российской прокуратурой. Дана характеристика функции участия прокуратуры в правотворческой деятельности, соотношение с другими ее функциями. Рассмотрено соотношение функции участия прокуратуры в правотворчестве и участием в законотворческой деятельности законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: органы законодательной (представительной) власти субъектов Российской Федерации, прокуратура, функции прокуратуры, участие прокуратуры в правотворчестве, законотворческая деятельность прокуратуры, направления (основные направления) деятельности прокуратуры.

Pashtov D. R.

THE FUNCTIONS OF PROSECUTION AND PROSECUTORS INVOLVED IN LAWMAKING PROCESS OF LEGISLATIVE (REPRESENTATIVE) BODIES OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article discusses the participation of prosecutors in the legislative work of legislative (representative) bodies of the subjects of the Russian Federation. Issues concerning the participation of the prosecutor's office in the legislative activities on the pages of the press law are discussed and are of particular importance in the area of prosecutorial activities. Until now, in scientific circles there was no consensus on the functions of the Prosecutor's Office. Participation of the prosecutor's office (prosecutors) in the law-making is enshrined in Art. 9 of the Federal Law «On the Procuracy of the Russian Federation». A number of scientists have repeatedly expressed the view on the participation of the prosecutor's office in the law-making process as an independent function.

On the basis of the concepts of «function», «functions of the state», «functions of public bodies» with regard to the positions on this issue, of a number of authors the concept of the «functions of prosecution» is considered, the key features that make up the conceptual description of the functions of prosecution are shown and the main functions performed by modern Russian prosecutors are highlighted. The characteristic to the participation of prosecution in law-making activities as well as the ratio to its other functions is outlined. The correlation of the Prosecutor's Office participation in law-making and participation in legislative activities of legislative (representative) and executive bodies of state power of subjects of the Russian Federation is examined.

Keywords: legislative (representative) bodies of the subjects of the Russian Federation Prosecutor's Office, the functions of prosecution, prosecutors involved in law-making, law-making activities prosecution direction (main directions) of the prosecutor's office.

Ключевой правовой категорией, которая раскрывает и объясняет содержание, структуру и пределы деятельности прокуратуры, как и иного государственного органа, являются ее функции.

В юридической науке этот термин трактуется многозначно (термин «функция» чаще употребляется в смысле «действие», «цель деятельности», «задача» и т.д.), к тому же, он применяется к разнообразным объектам (функции государства, функции права и т.д.). Так, функция в теории государства и права означает направление, предмет деятельности того или иного политико-правового института, содержание этой деятельности, ее обеспечение. Именно в этом смысле говорится о функции государства, правительства, министерства, других государственных органов. Такое обилие употребления термина «функция» во многом объясняет расхождение ученых-теоретиков и государствоведов в толковании понятия «функции государства», а также и «функции государственных органов», в том числе органов законодательной и исполнительной власти.

Функции государственных органов по своему содержанию подчинены функциям государства, их целям и требованиям. Поэтому деятельность государственных органов должна быть строго согласована с функциями государства.

Если говорить о прокуратуре Российской Федерации, то важно отметить, что она в пределах своей компетенции участвует в реализации функций государства, в первую очередь — функции охраны прав, свобод и законных интересов граждан, обеспечения законности и правопорядка. Причем вся деятельность прокуратуры характеризуется своеобразием режима правового регулирования, поскольку наличие у прокуратуры статуса уполномоченного представителя государства требует и соответствующего способа регулирования ее деятельности. Поэтому необходимо подчеркнуть обособленность нормативно-правовой основы прокурорской деятельности.

Законодатель определил предмет ее исключительной компетенции, — осуществление от имени государства надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории страны. Кроме этого, закон регламентирует особый порядок формирования и деятельности прокуратуры, особенности юридических средств и последствий надзорной и иной её деятельности, их соотносимость с правовой системой в целом.

Из вышеизложенного следует, что основополагающей правовой категорией, которая раскрывает и объясняет структуру,

содержание и пределы деятельности прокуратуры, как и иного органа, являются ее функции.

Наиболее часто в литературе функции прокуратуры определяются как виды, основные направления ее деятельности. Так, В. П. Рябцев определил функцию прокуратуры как «такой вид ее деятельности, который предопределяется социальным назначением прокуратуры, ее задачами, характеризуется определенным предметом ведения, направлен на решение соответствующей задачи и требует для своего осуществления использования присущей ему специальной компетенции или полномочий и правовых средств реализации. Названные элементы, характеризующие функцию как таковую, находятся между собой в строгой детерминирующей зависимости»¹. Полагаем, что это определение довольно полно отражает всю сложность и объем этого понятия.

В. В. Ключков, называя функциями прокуратуры взаимосвязанные с функциями государства и права основные направления ее деятельности, указывает, что они реализуются через соответствующие типы деятельности — функциональные и нефункциональные (к каковому автор относит организационно-управленческую деятельность в органах прокуратуры)². С тех же позиций понятие функций прокуратуры рассмотрено в диссертации Е. А. Никитина, который определил их достаточно сложно, как «социально значимые направления ее деятельности, осуществляемые через конкретные виды деятельности в рамках установленных законом типов ее деятельности, в которых реализуется ее компетенция»³.

В. Г. Розенфельд понимает под функцией (внешней функцией) прокуратуры «социальное предназначение ее к такому виду деятельности, который обуславливается поставленными государством перед прокурорской системой целями, характеризуется определенным предметом ведения, осуществляемым на практике с помощью компетенции прокуратуры (ее полномочий и правовых средств их реализации)»⁴. В последующем он и А. В. Фролов несколько конкретизировали свое понимание функций прокуратуры как предназначения к «виду правоохранительной и правозащитной деятельности»⁵.

По мнению Л. М. Давыденко, функции прокуратуры — это обязанности в деле укрепления законности и правопорядка, характеризующие место и роль прокуратуры в системе государственно-правового механизма, а основные направления деятельности обозначают приоритетные задачи прокуратуры, не нашедшие своего отражения в Законе о прокуратуре⁶. Имеются и другие определения понятия функций прокуратуры.

М. С. Шулумов, применительно к прокуратуре как разновидности государственных органов, отмечает, что функции — это определяемые правовым статусом прокуратуры, ее местом и назначением в государственном механизме обязанности по решению поставленных перед нею законом задач обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности,

защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, для выполнения которых она наделена специфическими властными полномочиями⁷.

С уважением относясь к позициям, занимаемым в этом вопросе указанными авторами, отметим, что разделяем в этом вопросе мнение В. Г. Бессарабова о том, что функции прокуратуры — это социально обусловленные, законодательно установленные полномочия по выполнению органами и учреждениями прокуратуры как элементами государственно-правового механизма определенных видов деятельности в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства⁸.

Нам представляется, что обязательным признаком функции является их возложение на прокуратуру только законом. В силу данного обстоятельства перечень функций — исчерпывающий. Исключение отдельных функций или расширение из количества возможно только путем принятия соответствующего законодательного акта.

В то же время, несмотря на некоторые различия при подходе к определению самостоятельных функций прокуратуры, абсолютное большинство исследователей считают основной, главной функцией современной прокуратуры — надзор за исполнением законов. Она закрепляется в ст. 1 действующего Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»⁹. Хотя, с нашей точки зрения, следует говорить как об «основной», «главной» функции современной отечественной прокуратуры — функции надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации, и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации.

Другой самостоятельной, но тесно связанной с надзорной функцией прокуратуры является участие ее в правотворческой деятельности. Эта функция заключается в том, что прокурор, устанавливая в ходе реализации своих надзорных и иных полномочий необходимость совершенствования действующих нормативных правовых актов, вправе вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, соответствующего и нижестоящего уровней, предложения об изменении, дополнении, отмене или принятии законов и иных нормативных правовых актов¹⁰, в том числе нормативных актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления.

Говоря о связи функции участия в правотворческой деятельности и надзорной функции, В. Б. Ястребов отмечает, что именно осуществление надзорной функции дает тот основной материал, на котором базируются исходящие от прокуратуры предложения по разработке проектов новых законов, внесению изменений и дополнений в действующие нормы. Практика прокурорского надзора, по его мнению, показывает, каким приоритетам в прокурорской деятельности должно быть отдано предпочтение. Она способствует выбору оптимальных вариантов законодательных решений. Материалы надзорной практики играют существенную роль в определении действенного механизма исполнения законов, имеющего ключевое значение для обеспечения их жизнеспособности. Все вышеизложенное позволило В. Б. Ястребову сделать вывод о том, что «Как функ-

1 См.: в Сб. Прокуратура в системе политических и правовых институтов общества. — М.: НИИ ГП РФ, 1990. — С. 71–72.

2 Ключков В. В. Деятельность прокуратуры: типология, классификация // Сб.: Прокуратура. Законность. Государственный контроль. — М.: НИИ ГП РФ, 1995. — С. 5–6, 30.

3 Никитин Е. А. Актуальные проблемы прокурорской деятельности при осуществлении уголовного преследования: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. — СПб, 2000. — С. 8.

4 Розенфельд В. Г. Прокуратура в системе органов власти Российской Федерации: цели и функции. В кн.: Служение истине. Научное наследие Л. Д. Кокорева. — Воронеж, 1997. — С. 181–182.

5 Розенфельд В. Г., Фролов А. В. О функциях и организации деятельности прокуратуры // Журнал российского права: 1999. — № 2. — С. 70.

6 Давыденко Л. М. Цели, задачи, функции и основные направления деятельности органов прокуратуры. В сб.: Прокуратура в системе политических и правовых институтов общества. — М.: НИИ ГП РФ, 1990. — С. 116–117.

7 Шулумов М. С. Прокуратура в современном Российском государстве. — Кострома, 2001. — С. 52.

8 Бессарабов В. Г. Прокурорский надзор: Учебник. — М.: Изд-во Проспект, 2007. — С. 114.

9 См.: Осипян С. А. Функции прокуратуры и предмет надзора // Законность. — 2006. — № 12. — С. 9.

10 См.: Прокурорский надзор в Российской Федерации: Учебник. / Под ред. А. А. Чувилова. — М.: Юристъ, 1999. — С. 68.

ция прокуратуры участие в правотворческой деятельности своим осуществлением обязано надзорной функции»¹¹.

Но, с нашей точки зрения, можно даже заключить, что участие прокуратуры в правотворческой деятельности своими возможностями позитивного влияния на состояние законодательства помогает утверждению прокурорского надзора на более прочных правовых позициях. И это, в определенной мере, можно отнести и к другим функциям современной прокуратуры.

Таким образом, функция участия в правотворческой деятельности предопределяется тем, что характер задач, возложенных на прокуратуру, содержание деятельности ее органов и учреждений, распространенность прокурорского надзора практически на все сферы отношений, урегулированных нормами законодательства, объективно делают прокуратуру широко осведомленной не только об исполнении законов, но и о состоянии правового регулирования. Такая информированность прокуратуры отвечает интересам обеспечения правового регулирования в соответствии с потребностями общества и государства. Причем на различных этапах государственного строительства органы прокуратуры осуществляли функцию участия в правотворческой деятельности в различных формах.

Одновременно следует отметить, что ряд авторов, в том числе В. Г. Розенфельд и А. В. Фролов, самостоятельными функциями прокуратуры предлагают считать участие прокуратуры в нормотворческой деятельности и правовом воспитании граждан¹². Ранее профессор В. И. Басков также выделял как самостоятельные «Участие прокуроров в совершенствовании законодательства и в пропаганде советских законов»¹³.

Об участии прокуратуры в правотворческой деятельности как о самостоятельной функции высказывался ряд ученых (В. В. Ключков, Ю. И. Скуратов, В. В. Долежан, Л. М. Давыденко, В. П. Рябцев и другие), хотя с такой постановкой вопроса солидарны далеко не все авторы. Так, М. С. Шалумов пишет, что «для прокуратуры, как и любого другого государственного органа, функция — категория правовая. Функциями можно считать лишь те обязанности, что закреплены в законе»¹⁴. И далее: «В связи с этим участие прокуратуры в правотворчестве... нельзя именовать функцией прокуратуры, поскольку ни Генеральному прокурору, ни прокурорам субъектов Федерации Конституцией РФ, Федеральным законом о прокуратуре или другими федеральными законами не предоставлено право законодательной инициативы. Закрепление такого права прокуроров в отдельных субъектах Федерации не может служить доводом в пользу того, чтобы отнести участие в правотворчестве к функциям органов прокуратуры, тем более что ни статья 1, ни статья 9 Федерального закона о прокуратуре, указывающие на участие прокуратуры в правотворческой деятельности, не наделяют прокуроров какими-либо властными полномочиями для этого»¹⁵.

Думается, что эта позиция автора недостаточно глубоко аргументирована. Дело в том, что в ст. 1 действующего Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» закреплено не только право, но и обязанность прокурора участвовать в правотворческой деятельности. И для участия в этой деятельности, в том числе законотворческой, совсем не обязательно, чтобы Генеральный прокурор РФ обладал правом за-

конодательной инициативы, тем более, что в настоящее время абсолютное большинство прокуроров субъектов Российской Федерации обладают таким правом в своих субъектах.

Полагаем, что отсутствие права законодательной инициативы не умаляет роли прокуроров в подготовке, обсуждении и принятии нового законодательства. Это обусловлено не только правом и обязанностью прокуратуры на участие в этой деятельности, закрепленной в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», но и особым положением, которое занимает прокуратура в системе государственных органов.

Осуществляя, в соответствии с требованиями закона, надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации, органы прокуратуры постоянно накапливают, анализируют и обобщают складывающуюся в стране правоприменительную практику.

Участвуя в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, прокурор сталкивается с недостатками и ошибками в применении законов, связанных, в том числе, с существующими пробелами в законодательстве, неправильным толкованием отдельных положений законов, несоответствием в положениях законов, принятых в разное время и действующих одновременно.

Осуществляя надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, а также проводя уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, информируя федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации о состоянии законности многие прокуроры, используя эту возможность, одновременно с информацией о состоянии законности и преступности, а также о работе органов прокуратуры, направляют свои предложения о необходимости изменения и дополнения того или иного законодательного акта и о необходимости принятия нового закона, и даже разработанные прокурорами законопроекты.

Осуществляя прием граждан, рассматривая жалобы и обращения, органы прокуратуры выявляют значительное число нарушений прав и законных интересов граждан, связанных с неправильным применением материального и процессуального закона.

В связи с реализацией возложенных на прокуратуру обязанностей по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, анализируя и обобщая складывающуюся правоприменительную практику, прокуроры, как никто другой, имеют представление о целесообразности внесения изменений и дополнений в действующее законодательство, о необходимости разработки и принятия новых законов.

То есть прокуроры, осуществляя надзор за исполнением законов, участвуя в рассмотрении в судах уголовных и гражданских дел, рассматривая жалобы и заявления граждан, анализируя причины неисполнения или ненадлежащего исполнения правовых предписаний и совершая многие другие предусмотренные законом действия, нередко встречаются с фактами несовершенства (дефектностью) отдельных законодательных и иных актов, несоответствием их нормативным актам более высокой юридической силы, с противоречивостью правовых предписаний (двусмысленностью), встречающихся в различных нормативных актах, с пробелами в правовом регулировании, разного рода грамматическими погрешностями, нередко искажающими смысл правовых предписаний. Особенно часто с такими фактами прокуроры встречаются в процессе осуществления прокурорского надзора за законностью актов, принимаемых (издаваемых) органами законодательной (представительной) и исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также местного самоуправления. Уже это обстоятельство обязывает прокуроров держать названный участок

11 См.: Ястребов В. Б. Прокурорский надзор: Учебник. — М.: Городец-издат, 2001. — С. 103.

12 См.: Розенфельд В. Г., Фролов А. В. О функциях и организации деятельности прокуратуры // Журнал российского права. — 1999. — № 2. — С. 69.

13 См.: Басков В. И. Прокурорский надзор в СССР. Учебник. М.: Издательство БЕК, 1991. — С. 284–285.

14 Шалумов М. С. Прокуратура в современном Российском государстве. Кострома, 2001. — С. 57.

15 Там же. — С. 57.

деятельности в поле зрения и систематически проводить проверки законности издаваемых правовых актов.

Учитывая изложенное, участие органов прокуратуры в правотворческой деятельности наряду с осуществлением ими надзорных функций может способствовать реальному совершенствованию действующих нормативных правовых актов, как это и предусмотрено Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации».

На наш взгляд, изложенное дает возможность сделать вывод о том, что участие в правотворческой деятельности является одной из функций современной российской прокуратуры, и она может быть определена как социальная обусловленные, законодательно установленные полномочия прокуратуры (прокуроров) (при установлении в ходе осуществления своей деятельности необходимости совершенствования действующих нормативных правовых актов) по внесению в законодательные, представительные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы соответствующего и нижестоящего уровней, предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов.

Оценивая соотношение функции участия в правотворческой деятельности с иными функциями, следует отметить их тесную связь и взаимозависимость, которая проявляется при осуществлении прокурорского надзора, уголовного преследования, участия в рассмотрении дел судами, координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и иных функций прокуратуры.

Мы рассмотрели соотношение функции участия прокуратуры в правотворческой деятельности с иными функциями прокуратуры. Однако считая законотворчество одним из распространенных и ведущих видов правотворчества, попытаемся определить соотношение участия прокуратуры в законотворческой деятельности с функцией участия прокуратуры в правотворческой деятельности, и другими ее функциями.

В теории прокурорского надзора принято выделять не только понятие функции прокуратуры, но и понятие «направления» (основные направления) деятельности прокуратуры, которые тесно связаны между собой и находят свое выражение в повседневной работе органов и учреждений прокуратуры, хотя в ряде работ советских и современных российских ученых они нередко подаются как тождественные. Так, в обстоятельной работе признанных специалистов теории прокурорского надзора НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ указывается, что функции прокуратуры «представляют собой основные направления деятельности прокуратуры, осуществляемые с использованием специфических форм и методов в рамках точно очерченных полномочий (компетенции)»¹⁶. Схожее определение содержится и в других научных работах¹⁷. Но эту позицию разделяют далеко не все авторы. В отличие от системы функций, считает В. Б. Ястребов, являющейся величиной неизменной, направления деятельности прокуратуры характеризуются более выраженной подвижностью. Совокупность направлений деятельности определяется актуальностью стоящих перед государством задач¹⁸.

В. П. Рябцев пишет: «В отличие от функций прокуратуры существует понятие «основные направления деятельности органов прокуратуры». Эти понятия тесно между собой связаны, но четко различаются»¹⁹.

По мнению В. Б. Ястребова, «основное направление деятельности прокуратуры можно определить как составную, специализированную часть ее деятельности, обеспечивающую решение определенного круга задач, стоящих перед прокуратурой, выделяемую исходя из особенностей конкретной исторической ситуации и степени актуальности решаемых вопросов»²⁰.

Мы разделяем эту позицию и считаем, что основным признаком, характеризующим направления деятельности прокуратуры, являются цели и задачи, которые следует решить органам и учреждениям прокуратуры в ходе осуществления своей деятельности. При этом должны быть правильно выбраны приоритеты, от обеспечения которых в решающей степени зависит состояние законности и правопорядка в районе, городе, субъекте Российской Федерации, в стране в целом. Такие приоритетные направления деятельности прокуратуры и являются основными. Они реализуются с помощью надзорных и иных функций прокуратуры в первоочередном порядке, могут составлять основное содержание деятельности органов и учреждений прокуратуры в определенные периоды²¹.

Сделаем обобщающий вывод. Полагаем возможным заключить, что поскольку участие прокуратуры (прокуроров) в правотворческой деятельности закреплено в ст. 9 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», в теории прокурорского надзора определяется как самостоятельная функция прокуратуры, ее участие в законотворческой деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, как одном из видов реализации этой функции (ведь наряду с этим прокуратура участвует в законотворческой деятельности палат Федерального Собрания Российской Федерации), является самостоятельным направлением деятельности современной российской прокуратуры.

Пристатейный библиографический список

1. Бессарабов В. Г. Прокурорский надзор: Учебник. — М.: Изд-во Проспект, 2007.
2. Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яншин В. Н., Калинин В. Н. Прокурорский надзор: Учебник. — М.: Эксмо, 2006.
3. Осипян С. А. Функции прокуратуры и предмет надзора // Законность. — 2006. — № 12.
4. Прокурорский надзор в Российской Федерации: Учебник / Под ред. А. А. Чувилева. — М.: Юрист, 1999.
5. Розенфельд В. Г., Фролов А. В. О функциях и организации деятельности прокуратуры // Журнал российского права. — 1999. — № 2.
6. Рябцев В. П. Прокурорский надзор: Курс лекций. — М.: НОРМА, 2006.
7. Шалумов М. С. Прокуратура в современном Российском государстве. — Кострома, 2001.
8. Ястребов В. Б. Прокурорский надзор: Учебник. — М.: Городец-издат, 2001.

16 Прокуратура Российской Федерации (Концепция развития на переходный период). — М.: НИИ ГП РФ, 1994. — С. 27.

17 См., напр.: Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яншин В. Н., Калинин В. Н. Прокурорский надзор: Учебник. — М.: Эксмо, 2006. — С. 22.

18 См.: Ястребов В. Б. Прокурорский надзор: Учебник. — М.: Городец-Издат, 2001. — С. 101.

19 Рябцев В. П. Прокурорский надзор: Курс лекций. — М.: НОРМА, 2006. — С. 76.

20 Ястребов В. Б. Прокурорский надзор: Учебник. М.: Городец-Издат, 2001. С. 103.

21 См.: Бессарабов В. Г. Прокурорский надзор: Учебник. М.: Изд-во Проспект, 2007. С. 116.

Гусенова П. А.

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО МУСУЛЬМАНСКОМУ ПРАВУ

Статья посвящена анализу мусульманского доказательственного права, который не имеет аналогов в современных традиционных правовых системах. Исследуются особенности доказывания по уголовным делам, основанным на нормах Шариата. Сделан вывод о том, что специфика доказывания в мусульманских странах по многим преступлениям основывается на нормах Шариата.

Ключевые слова: доказательство, доказывание, шариат, исламская доктрина, фикх.

Gusenova P. A.

FEATURES OF PROOF IN ISLAMIC LAW

This article analyzes the Islamic law of evidence, which has no analogues in the modern and traditional legal systems. The peculiarities of proof in criminal cases, based on the norms of Shariah, are examined. It is concluded that the specificity of proof in Muslim countries for many crimes is based on the Shariah norms.

Keywords: evidence, proof of evidence, Shariah, islamic doctrine, fiqh.

Гусенова П. А.

В ряде стран, где ислам признан государственной религией (в Иране, в Судане, в Саудовской Аравии), правовые отношения регулируются не только законодательными актами, но и положениями Корана и Сунны, т.е. нормами мусульманского права¹. Сказанное имеет отношение к уголовному и уголовно-процессуальному праву, к порядку доказывания по уголовным делам.

Особенность доказывания в уголовном процессе мусульманских стран состоит в том, что доказывание по делам о многих преступлениях основано на нормах Шариата, к которым прямо во многих случаях отсылают Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс исламских стран².

Доказывание с использованием норм шариата неоднозначно, оно зависит от категории преступления и от конкретного состава преступления. «Пророк не установил особых правил для доказывания, кроме того, что правосудие должно руководствоваться обстоятельствами дела», — пишут мусульманские праведы, адвокаты Верховного Суда Пакистана Ш. Махмуд и Н. Ш. Махмуд³.

Мусульманские праведы разработали немало классификаций преступных деяний. Большинство ученых за основу классификаций берут следующие критерии: степень определенности и тяжести наказания за то или иное преступление, характер нарушенных прав и интересов. По указанным критериям все преступления подразделяются на три группы или категории: «Худуд», «Кисас и Дийя» и «Тазир»⁴.

Рассмотрим более подробно каждую группу преступлений.

Первая группа называется «Худуд», буквально означает «границы», «пределы» и представляет собой совокупность преступлений, которые обладают наибольшей общественной опасностью, они посягают на «права Аллаха». В современном исламском правоведении они трактуются как публичные интересы всех мусульман. Чаще всего в нее включают семь преступлений: кражу, разбой (грабеж), употребление алкоголя, бунт, вероотступничество (выход из ислама), прелюбодеяние

(внебрачная половая связь) и недоказанное обвинение во вступлении в такую связь⁵.

Следует особо подчеркнуть, что доказывание по делам категории «Худуд» осуществляется способами, указанными в Коране и Сунне, строго в соответствии с нормами Шариата⁶.

Вторая группа, «Кисас или Дийя», включает преступления, которые посягают на интересы отдельных лиц. Основными преступлениями данной категории считаются убийство и телесные повреждения необратимого характера⁷. Доказывание по делам о преступлениях категории «Кисас и Дийя» осуществляется способами, подобными категории «Худуд», указанными Кораном и Сунной, но при этом допускается использование норм светского законодательства⁸.

В третью группу входят иные преступления, которые не включены ни в первую, ни во вторую группу. Они могут затрагивать как «права Аллаха», так и частные интересы, и караются наказаниями категории «Тазир». Главная особенность нарушений категории «Тазир» заключается в том, что ответственность за них не установлена Кораном, Сунной или единогласным мнением ведущих мусульманских праведов (иджма). Поэтому сам термин «Тазир» трактуется как санкция, выбираемая с учетом объективной и субъективной сторон нарушения, которое может посягать как на права Аллаха, так и на частные интересы отдельных лиц⁹.

Все представители мусульманских правовых школ единодушны в том, что по делам о преступлениях категории «Тазир» судья обязан решать спор или дело на основе представленных ему доказательств, и они должны быть оценены с учетом обстоятельств совершенного преступления и обстоятельств, при которых были получены эти доказательства. Судья не должен

1 Решетникова Ф. М. Правовые системы стран мира: Справочник. — М.: Юрид. лит., 1993.

2 Например, Уголовный кодекс Ирана 1991 года; Уголовно-процессуальный кодекс Саудовской Аравии 2001 года; Уголовно-процессуальный кодекс Судана 1991 г.

3 Смирнов А. В. Исторические формы уголовного процесса: Уч. пособие. — СПб, 2002. — С. 62.

4 Тарик Дафалла. Особенности доказывания в уголовном процессе Судана // Следователь. — 2001. — № 3. — С. 62.

5 Сюкияйнен Л. Р. Исламское уголовное право: от традиционного к современному // Российский ежегодник уголовного права. — 2007. — № 2 — С. 571.

6 Тарик Дафалла Эль-Имам Мухамед. Доказательства и доказывание в уголовном процессе Судана: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002. — С. 29.

7 Сюкияйнен Л. Р. Указ. соч. — С. 573; Тарик Дафалла. Особенности доказывания в уголовном процессе Судана. — С. 62; Кибальник А. Преступление и наказание в доктрине мусульманского уголовного права // Уголовное право. — № 1. — С. 26; Манна Аммар Абдуль Карим. Преступление и наказание по мусульманскому праву. — М., 2007. — С. 47.

8 Кибальник А. Указ. соч. — С. 26.

9 Сюкияйнен Л. Р. Исламское уголовное право: от традиционного к современному. — С. 573–575.

судить и выносить приговор, принимать решение, если у него нет полного убеждения в достоверности тех фактов, на основании которых он принял решение¹⁰. Доказывание по делам о преступлениях категории «Тазир» осуществляется при помощи любых средств, при этом применяются положения законов о доказывании и доказательствах исламских стран, а также нормы Шариата (свод мусульманских правовых и теологических норм, основанных на Коране и Сунне)¹¹.

Если обратиться к анализу уголовно-процессуального законодательства, например, Судана, то можно выявить любопытную деталь. Особенностью доказательственного права Судана является то, что здесь действуют две системы: система абсолютных доказательств и система ограниченных доказательств, но они действуют отдельно друг от друга и никоим образом не смешиваются. Поэтому эту систему нельзя назвать смешанной, скорее это совместная система¹².

По делам о преступлениях категории «Худуд», «Кисас и Дийя» действует система ограниченных доказательств, т.е. при доказывании преступлений категории «Худуд» могут использоваться только определенные виды доказательств, причем каждое из этих доказательств имеет заранее определенную доказательственную силу. В ст. 63 Закона «О доказательствах» сказано, что доказательством преступления категории «Худуд» являются признание обвиняемого перед судом хотя бы один раз, показания двух правомочных свидетелей мужского пола. Данное положение распространяется на все преступления категории «Худуд», за исключением случая, предусмотренного в ст. 62 данного закона, касающегося доказательства употребления спиртных напитков сказано следующее: «Не нарушая источников доказательств, указанных в ст. 63 данного закона, доказательством употребления спиртных напитков служит запах алкоголя на обвиняемом, если было установлено путем проведения экспертизы или показаниями двух свидетелей, что данный запах действительно является запахом алкоголя»¹³.

В отношении доказательства преступлений категории «Кисас или Дийя» действует такая же система доказывания. Основными доказательствами по делам данной категории являются: признание обвиняемого, показания двух правомочных свидетелей мужского пола, клятва (кисама), показания двух женщин и одного мужчины, показания четырех женщин. Что же касается доказывания преступлений категории «Тазир», то здесь действует система абсолютных доказательств, то есть такие преступления можно доказывать любыми средствами, причем доказательства не имеют заранее определенной доказательственной силы¹⁴.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующий вывод. По делам о преступлениях категории «Худуд» и «Кисас и Дийя» действует формальная система доказательств. Мусульманское право выделяет преступления категории «Худуд» и «Кисас и Дийя», которые могут быть доказаны строго в соответствии с нормами Шариата, а именно — строгие требования норм Шариата предъявляются к доказательствам преступлений этих двух категорий. По делам о преступлениях категории «Тазир» действует система абсолютных (свободных) доказательств, в соответствии с которой правоприменитель может использовать любые доказательства для доказывания преступлений, если эти доказательства не противоречат духу и существу Шариата.

Центральное место в системе доказательственного права в шариатском процессе, да и в процессе мусульманских стран, занимает понятие «доказательства».

Понятие «доказательства» в самом арабском языке имеет множество формулировок. Например, Ибн Манзур определяет доказательство как восстановление или описание истины, как средство уточнения прав. Эль-Замахшари толкует «доказательство» как знание, т.е. знание фактов или истины. Один из крупнейших правоведов арабского мира, который в некоторой степени занимался проблемами доказывания, Эль-Санхури, определяет понятие доказательства как «представление фактов перед судом при наличии события противоправных действий теми способами, которые указаны в законодательстве». Также сходное определение дает Мухамед Наджиб. То есть авторы этих определений под доказательствами понимают сам процесс доказывания тех или иных обстоятельств в суде¹⁵.

Очень интересное определение понятия доказательства сформулировано Мухамедом Беком. Он определяет доказательство как средство убеждения, т.е. способы, с помощью которых можно убедить суд при рассмотрении дел или споров о наличии или отсутствии прав или событий. Уникальность этого определения состоит в том, что здесь впервые прослеживается мысль о том, что целью всего процесса доказывания является не достижение истины и раскрытие преступления, а решение спора между спорящими сторонами, так как доказательства служат средством убеждения суда, а не средством достижения истины¹⁶.

Что касается понятия доказательства с религиозной точки зрения (это важно, т.к. уголовный процесс мусульманских стран — Ирана, Пакистана, Судана, Саудовской Аравии — это смешение религиозных и светских норм), то оно определяется путем толкования норм Корана и Сунны. Например, в Коране даются четкие указания о применении различных видов доказательств, которые необходимо собрать по тем или иным делам: «И берите в свидетели двух из ваших мужчин. А если не будет двух мужчин, то — мужчину и двух женщин, на которых вы согласны, как свидетелей, чтобы, если сойдет одна, то напомнила бы ей другая. И пусть не отказываются свидетели, когда их зовут» (282:2)¹⁷. Также подобные нормы содержатся в Сунне.

Во всех изречениях Корана и Сунны не содержится определения доказательства, его нет и в иных положениях этих Священных источников. Но здесь четко перечисляются основные источники или средства получения необходимых данных для доказательства того или иного преступления. Поэтому мусульманские правоведы под доказательствами понимают средства установления или отрицания прав при рассмотрении споров и дел перед судебным органом¹⁸.

Абу Захра, один из крупнейших правоведов в современном мусульманском мире, определяет доказательства как «факты, с помощью которых можно установить или отрицать права или события при рассмотрении дел или споров в суде. Представленные факты должны быть собраны в соответствии с нормами шариата».

Необходимо отметить, что данное определение, имеющее религиозную окраску, схоже со светским определением, данным Эль-Санхури. Основное отличие состоит в том, что по определению Эль-Санхури доказательства должны быть собраны в соответствии с законом, а во втором случае доказательства должны соответствовать нормам шариата. Но, по

10 Маргинани. Б. Хидоя. Комментарий мусульманского права. Ч.1. — Т.1-III. — М.: Волтерс Клавер, 2008. — С. 748.

11 Тарик Дафалла Эль-Имам Мухамед. Доказательства и доказывание в уголовном процессе Судана. — С. 33.

12 Там же. — С. 34-36.

13 Там же.

14 Тарик Дафалла. Особенности доказывания в уголовном процессе Судана. — С. 62.

15 Баишев Ж. Общие принципы исламского права, теория доказательств и система наказаний: уч. пособие. — Алматы, 1996. — С. 13.

16 Тарик Дафалла Эль-Имам Мухамед. Доказательства и доказывание в уголовном процессе Судана. — С. 41.

17 Кулиев Э. Р. Коран: перевод смыслов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://musulmanin.com/suri-005-maida.html>

18 Баишев Ж. Указ. соч. — С. 15.

сути дела, эти два отличия не имеют принципиального значения, т.к. сами законы построены в соответствии с нормами шариата¹⁹.

Большое значение в мусульманском праве имеют виды доказательств, применяемые в уголовной практике.

Проанализировав научную литературу, посвященную данной тематике, автор пришел к выводу, что большинство исламских правоведов полагают, что доказательство ограничивается показаниями свидетелей. Другие доказательства образуют так называемую «доказательственную презумпцию», иначе говоря, косвенные доказательства.

В теории и на практике выдвигаются следующие требования к показаниям свидетеля²⁰:

– свидетель обязан быть взрослым. В большинстве случаев показания малолетнего не принимаются во внимание, хотя некоторые считают, что в случае убийства в процессе против других малолетних они допустимы, если нет иных свидетелей;

– свидетелю необходимо быть умственно здоровым. Он обязан иметь хорошую память, чтобы понимать, запоминать и воспроизводить событие, свидетелем которого он стал. Лица, известные своей плохой памятью, не могут стать свидетелями;

– свидетель обязан быть в состоянии говорить. Некоторые школы признают свидетельства глухонемого, если он умеет записывать свои показания, но другие вообще отвергают такие показания.

– свидетель должен быть зрячим, т.е. способным видеть событие, в отношении которого он свидетельствует.

– свидетелю нужно быть благонаправленным человеком, т.е. сочетать в себе набожность и разумность. Следует отметить, что не было единогласия о том, как определить честность свидетеля. Маликитский и Шафиитский мазхабы утверждали, что хороший характер человека основывается на надежности человека и избегании совершения им грехов. Характер человека считался хорошим, когда было предложено доказательство этого;

– свидетель должен представить достоверные показания, т.е. видеть преступление своими глазами, а не передавать о совершившемся со слов других;

– основным требованием к свидетелю является его принадлежность к исламской религии, хотя ханафитская школа допускает свидетельство одного немусульманина против одного мусульманина. Другие школы отвергают такую практику.

Также основными источниками доказательств, перечисленными в Коране и в Сунне, являются показания свидетелей и клятва. Как правило, эти два источника занимают центральное место в системе доказательств в мусульманском уголовно-процессуальном праве²¹.

Помимо этих вышеперечисленных источников доказательств законом допускаются и иные средства доказывания: признание обвиняемого, показания потерпевшего, отказ от клятвы, собственное знание суда о предмете спора или дела, экспертиза, а также иные способы доказывания для конкретных видов преступлений²².

Одним из спорных вопросов теории доказательств исламского права является возможность судьи выносить решения

на основании своих собственных предварительных знаний о предмете спора²³.

По этому вопросу исламские правоведы высказывают три точки зрения²⁴:

1) судье следует запретить пользоваться внесудебными сведениями по делу (как уголовному, так и гражданскому). Это мотивируется тем, что судить на основе заранее полученных сведений — значит принимать решение без доказательств;

2) судье следует разрешать основываться на заранее полученных сведениях при рассмотрении как уголовных, так и гражданских дел. При этом выдвигается тезис: если судье достоверно известно, что одна из сторон виновна, то оставить виновного безнаказанным будет крайне несправедливо;

3) запретить судье выносить решение, опираясь на заранее полученные сведения, только в отношении преступлений, специально указанных в Коране (преступления, за которые установлена фиксированная мера наказания). В частности, запрещено полагаться на собственное суждение при рассмотрении вопроса о супружеской измене. Это обосновывается тем, что Пророк считал, будто сомнение в совершении подобных преступлений освобождает подозреваемого от ответственности.

Кроме того, за подобные преступления судья не может назначить наказание, основываясь на своем знании, если обвиняемый все отрицает.

Проанализировав эти суждения, автор сделал вывод, что в исламском праве укрепляется тенденция к запрещению судье выносить решения по уголовным делам, основываясь на собственном знании и мнении.

Исламское право выработало ряд стандартов, которым должны отвечать доказательства, чтобы быть основой обвинения (допустимость доказательств)²⁵.

Чтобы служить доказательством, факты должны в первую очередь быть убедительными, т.е. ясно и исчерпывающе подтверждать совершение преступления. Поскольку человек изначально считается невиновным, только ясное и убедительное доказательство может опровергнуть эту презумпцию невиновности. Это же относится и к доказательству, полученному путем признания, т.е. оно должно быть ясным, подробным и соответствовать всем другим имеющимся доказательствам в совокупности.

Судья выносит решение тогда, когда все имеющиеся доказательства ясно и убедительно подтверждают, что конкретный человек совершил данное преступление.

Второе условие — доказательство должно сохранять убедительность до вынесения приговора. Если свидетель откажется от своих показаний или обвиняемый откажется от своего признания, то ни доказательство, ни основанное на нем решение не будут убедительными.

Третье условие — представление доказательства не должно откладываться, не должно быть запоздалым, иначе оно может показаться сомнительным. Несоблюдение данных условий приводит к недействительности доказательств. В исламском праве есть три точки зрения по поводу того, какой длительности может быть задержка, чтобы доказательство не потеряло свою силу или не стало считаться сомнительным. Некоторые ученые предлагают исчислять этот срок в один месяц, другие — в полгода, а третьи полагают, что судья сам может определить приемлемый срок, допускающий задержку доказательств, учитывая обстоятельства дела и сложившиеся обычаи. Эти сроки применимы ко всем видам основных преступлений, предусмотренных Кораном, кроме пьянства, где задержка может привести к исчезновению запаха алкоголя — одного из неоспоримых доказательств.

19 Тарик Дафалла Эль-Имам Мухамед. Доказательства и доказывание в уголовном процессе Судана. — С. 41.

20 Abdel M. Haleem, Adel Omar Sharif and Kate Daniels. Criminal justice in Islam. — London, 2003. — P. 98; Lippman M. Islamic criminal law and procedure: religious fundamentalism v. modern law. — Boston, 1989. — P. 19; Баишев Ж. Указ. соч. — С. 32; Маргинани, Б. Хидоя. Указ. соч. — С. 704.

21 Kamali Mohammad Hashim. Shari'ah Law. An Introduction. — Oxford, UK: Oneworld. 2008.

22 Тарик Дафалла Эль-Имам Мухамед. Доказательства и доказывание в уголовном процессе Судана.

23 Баишев Ж. Указ. соч. — С. 69.

24 Terril R. J. World criminal justice system: a comparative survey. — Atlanta, 2009. — P. 78.

25 Маргинани, Б. Хидоя Указ. соч. — С. 778; Баишев Ж. Указ. соч. — С. 72.

Все мусульманские правовые школы права сходятся во мнении, что судья должен быть убежден в доказательстве, представленном в ходе судебной процедуры. Судья наделен полномочиями оценивать убедительность доказательств, вправе отклонять показания свидетелей и даже признание обвиняемого, если не уверен в их правдивости и надежности²⁶.

Помимо требования соответствия нормам Шариата и закона сбор доказательств не должен нарушать общественного порядка и справедливости. Поэтому нельзя говорить, что доказательствами могут быть любые данные, собранные любыми способами. Свобода в выборе доказательств допустима лишь по делам категории «Тазир». При расследовании преступлений категории «Худуд» или «Кисас и Дийя» применяются только допускаемые законом доказательства²⁷.

Один ученый исламского права пришел к выводу, что «правила доказывания по Шариату отражают идеализм мусульманских юристов». Строгое бремя доказывания, возложенное на истца или на прокурора, требуют от них установить свои требования на высокую степень определенности по принципу, что лучше нескольким реальным преступникам уйти от ответственности, чем возложить вину на невинного человека. Он также отметил, что «правило устных показаний возлагает нереальные нагрузки на сторону обвинения», в связи с тем, что большинство преступлений, как правило, не совершаются в присутствии двух мужичиновидцев, известных своей моральной и физической целостностью²⁸.

26 Lippman M. Islamic criminal law and procedure: religious fundamentalism v. modern law. — Boston, 1989. — P. 29.

27 Тарик Дафалла Эль-Имам Мухамед. Доказательства и доказывание в уголовном процессе Судана. Указ. соч. — С. 92.

28 Terril R. J. World criminal justice system: a comparative survey. — Atlanta, 2009. — P. 613.

Пристатейный библиографический список

1. Ахани А. И. Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской республики Иран. — СПб: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008.
2. Баишев Ж. Общие принципы исламского права, теория доказательств и система наказаний: уч. пособие. — Алматы, 1996.
3. Кибальник А. Преступление и наказание в доктрине мусульманского уголовного права // Уголовное право. — М., 2007. — № 1.
4. Кулиев Э. Р. Коран: перевод смыслов [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://musulmanin.com/suri-005-maida.html>
5. Манна Аммар Абдуль Карим. Преступление и наказание по мусульманскому праву: уч. пособие. — М.: Российский университет дружбы народов, 2007.
6. Маргинани Б. Хидоя: Комментарии мусульманского права. — М.: Волтерс
7. Клувер, 2008. — Ч. 1, Т. 1–2.
8. Решетникова Ф. М. Правовые системы стран мира: Справочник. — М.: Юрид. лит., 1993.
9. Смирнов А. В. Исторические формы уголовного процесса: Учеб. пособие. — СПб.: СПбГИЭУ, 2002.
10. Сюкияйнен Л. Р. Исламское уголовное право: от традиционного к современному // Российский ежегодник уголовного права. — СПб: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга». — 2008. — № 2.
11. Тарик Дафалла Эль-Имам Мухамед. Доказательства и доказывание в уголовном процессе Судана: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002.
12. Тарик Дафалла. Особенности доказывания в уголовном процессе Судана // Следователь. — 2001. — № 3.
13. Abdel M. Haleem, Adel Omar Sharif and Kate Daniels. Criminal justice in Islam. — London, 2003.
14. Kamali Mohammad Hashim. Shari'ah Law. An Introduction. — Oxford, UK: Oneworld, 2008.
15. Lippman M. Islamic criminal law and procedure: religious fundamentalism v. modern law. — Boston, 1989.
16. Terril R. J. World criminal justice system: a comparative survey. — Atlanta, 2009.

Ватрушкин А. А. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматриваются официальные правовые акты, касающиеся обеспечения правовой безопасности и борьбы с киберпреступностью, рассказывается об особенностях работы в области совершенствования законодательных актов по проблеме обеспечения информационной безопасности в России, раскрываются методы ведения информационный войны.

Ключевые слова: информационная безопасность, угрозы информационной безопасности, киберпреступность, информационная война.

Vatrushkin A. A. ACTIVITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF INFORMATION SECURITY PROVISION

The article deals with official legal acts on the provision of legal security and cybercrime fighting, discusses the peculiarities of work on improving of the legislation on information security in Russia, discloses the methods of information warfare.

Keywords: information security, threats of information security, cybercrime, information war.

Ватрушкин А. А.

Революционные достижения в компьютерных технологиях, их активное внедрение во все сферы жизнедеятельности мирового сообщества обусловили появление и активизацию новых видов угроз в информационной сфере XXI в.: киберпреступность, информационные войны с применением опаснейшего психотронного оружия. Информационный терроризм, деструктивная деятельность средств массовой информации, информационно-психологические воздействия разрушающе действуют на людей, приводя подчас к необратимым последствиям.

McAfee (компания-разработчик антивирусного программного обеспечения, США) и Центр стратегических и международных исследований (Center for Strategic and International Studies, CSIS) представили совместный отчет «The Economic Impact of Cybercrime and Cyber Espionage» («Экономическое влияние киберпреступности и кибершпионажа»). Основная тема этого отчета посвящалась влиянию киберпреступлений на глобальную экономику. По приведенным данным глобальный ущерб от киберпреступлений в 2013 г. составлял 1 трлн долларов, сейчас же эксперты по безопасности считают, что данный показатель за год составляет от 300 млрд до 1 трлн долларов¹.

В связи с активизацией киберпреступности проблема обеспечения информационной безопасности в разных странах мира в настоящее время является одной из ключевых.

Информационная безопасность может быть осуществлена эффективно только при условии комплексного подхода к решению проблемы. Этот подход включают следующие меры: законодательные, административные, практические и технические. Законодательные меры являются первостепенными.

Главные задачи Российской Федерации по развитию правового регулирования в области информационной безопасности определены в следующих документах: Конституция Российской Федерации; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации; Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (от 7 февраля 2008 г.); Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (от 13 мая 2009 г.); Концепция внешней политики Российской Федерации (от 12 февраля 2013 г.);

Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года; Основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами критически важных объектов инфраструктуры Российской Федерации (от 8 августа 2013 г.); Основные направления научных исследований в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации (от 7 марта 2008 г.); Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ); Федеральный закон «О безопасности» (от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ); Указ Президента РФ «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» (от 15.01.2013 № 31с). В ст. 2 Конституции Российской Федерации говорится, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Обеспечение информационной безопасности в Российской Федерации возложено на Федеральную службу безопасности Российской Федерации в соответствии с не так давно принятым Указом Президента РФ № 31с «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» от 15 января 2013 г.²

Как следует из Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации (от 7 февраля 2008 г.), совершенствование правового обеспечения информационной безопасности является одним из приоритетов при построении глобального информационного общества, провозглашенного в Окинавской хартии глобального информационного общества, подписанной Президентом Российской Федерации 22 июля 2000 г.³

1 The Economic Impact of Cybercrime and Cyber Espionage. Center for Strategic and International Studies. — July 2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mcafee.ee/1xk9a> (дата обращения: 31.10.2013 г.).

2 Указ Президента РФ от 15 января 2013 г. № 31с «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». — 21.01.2013. — № 3. — Ст. 178.

3 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации (от 7 февраля 2008 г.) // Российская газета. — № 34. — 16.02.2008.

Важным документом для обеспечения всей системы национальной безопасности России является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года⁴. Она также является базовым документом по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности РФ. В Стратегии достаточно тщательно разработан раздел «Государственная и общественная безопасность», однако в нем не рассматриваются современные угрозы, вызванные мировым экономическим кризисом. Причем среди угроз национальной безопасности называются лишь внешние угрозы: деятельность террористических организаций, трансграничная преступность и другие. Однако не указаны внутренние угрозы национальной безопасности.

Весьма значимой для информационной безопасности России является Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 года⁵. Она представляет собой систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления внешнеполитической деятельности Российской Федерации. В Концепции 2013 г. впервые был выделен вопрос о предотвращении угроз, возникающих в информационном пространстве. Особо подчеркивается, что Россия «будет принимать необходимые меры в интересах обеспечения национальной и международной информационной безопасности» (п. 32, з). В рамках Организации Объединенных Наций Россия решительно нацелена добиваться принятия правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности (п. 32, и).

Еще одним важным документом стратегического характера, определяющем политику государства в сфере обеспечения международной информационной безопасности, являются Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года (№ Пр-1753 от 24 июля 2013 г.). Главной угрозой в информационной сфере является использование информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в качестве информационного оружия в военно-политических целях, для вмешательства во внутренние дела суверенных государств, а также для совершения преступлений. Противодействие этой угрозе и ее нейтрализация выделяются в документе как приоритетные цели политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности. Как следует из текста документа, Россия намерена бороться с угрозами в информационном пространстве не методами устрашения, а укреплением международного сотрудничества. Основными же угрозами для России являются: использование информационно-коммуникационных технологий в качестве информационного оружия в военно-политических целях, для осуществления враждебных действий и актов агрессии; применение ИКТ в террористических целях; киберпреступления, включая неправомерный доступ к компьютерной информации, создание и распространение вредоносных программ; четвертая угроза, обозначенная в документе, отражает чисто российский подход — речь идет об использовании высоких технологий для «вмешательства во внутренние дела государств», «нарушения общественного порядка», «разжигания вражды» и «пропаганды идей, подстрекающих к насилию». Следует отметить, что обратить внимание на эту проблему заставили события так называемой «арабской весны», продемонстрировавшие реальный потенциал трансграничной сети для организации и координации антиправительственных акций.

4 Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Российская газета. — № 88. — 19.05.2009.

5 Концепция внешней политики Российской Федерации. // Утв. Президентом РФ 12.02.2013 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/785> (дата обращения: 27.11.2013).

Противостоять этим угрозам российские власти намерены вместе со своими союзниками, прежде всего членами ШОС, ОДКБ и БРИКС. С их помощью Москва рассчитывает добиться реализации ряда ключевых инициатив: принятия в ООН Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности, разработки международно признанных правил поведения в киберпространстве, интернационализации системы управления Интернетом и установления международного правового режима нераспространения информационного оружия. До сих пор страны Запада выступали против инициатив РФ, полагая, что они направлены на усиление госконтроля над Интернетом.

Из вышеназванных документов стратегического характера следует, что Россия готова бороться с угрозами в информационном пространстве путем укрепления сотрудничества между странами с участием всех заинтересованных сторон. Так, например, ст. 42 Концепции внешней политики Российской Федерации (от 12 февраля 2013 г.) главными приоритетными направлениями российской внешней политики определяет развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами — участниками Содружества Независимых Государств (СНГ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), группой из пяти быстроразвивающихся стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика (БРИКС) и другими. С их помощью Россия рассчитывает реализовать свои основные инициативы на международной арене: принятия Конвенции об обеспечении МИБ, а также правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности, установление международно-правового режима, нераспространение информационного оружия.

Следует отметить, что в Российской Федерации основополагающим среди законов, посвященных вопросам информационной безопасности, является Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ⁶. Также в Уголовном кодексе Российской Федерации имеется ряд статей, предусматривающих уголовную ответственность за компьютерные преступления: ст. 272 УК РФ⁷, ст. 273 УК РФ⁸, ст. 274 УК РФ⁹ и другие.

Таким образом, в Российской Федерации проходит серьезная работа в области совершенствования законодательных актов по проблеме обеспечения информационной безопасности России. За последние годы в РФ проходили различные мероприятия, посвященные проблеме обеспечения информационной безопасности: конференции, круглые столы, форумы, дискуссии. Большой вклад в развитие новых подходов по проблеме информационной безопасности внес 16-й Национальный форум информационной безопасности «Инфофорум-2014», проходивший 30–31 января 2014 г. в Москве. Участники форума дали глубокий анализ киберпреступности в современном обществе, ее мотивов, раскрыли достижения в борьбе с киберпреступлениями. Так, сотрудниками управления «К» (подразделение Министерства внутренних дел России, осуществляющее борьбу с преступлениями в сфере ин-

6 Федеральный Закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. От 28.07.2012 г.) // Российская газета. — № 165. — 29.07.2006.

7 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2012 г.) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.

8 Там же.

9 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2012 г.) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.

9 Там же.

формационных технологий) предотвращено хищение около 1 млрд рублей с банковских счетов¹⁰.

Большой интерес имела дискуссия, проведенная на заседании Российского общественного совета по теме «Проблемы информационной безопасности и национальные интересы России». Участники, крупные специалисты по проблеме информационной безопасности, высказали весьма ценные предложения по ряду ключевых вопросов: о создании международного договора по вопросу кибербезопасности, предложенного Чрезвычайным полномочным послом С. Орджоникидзе, отметившим, что в создании договора может помочь опыт международного регулирования использования космического пространства в мирных целях. Предложение о создании международного органа, отвечающего за международную информационную безопасность, высказал первый заместитель председателя Комитета Государственной думы по информационной политике, информационным технологиям и связям Л. Л. Левин. Создание международной организации вроде ООН, которая бы регулировала порядок в киберпространстве, предложил председатель Союза армян России А. Абрамян. А. Крутских, специальный представитель Президента РФ по вопросам международного сотрудничества в области информационной безопасности, отметил, что эта тема обсуждается в рамках «стейкхолдаровой модели», суть которой в том, что к решению проблемы подключаются как государственные, так и частные организации, в том числе научные институты. Этот опыт исключительно важен, ибо решает проблему в комплексе.

На многих обсуждаемых мероприятиях ставился вопрос об основных угрозах информационной безопасности в настоящее время, и среди них особую опасность представляют информационные войны. В статье «Международное право и феномен «цветных» революций» В. С. Котляр отмечает, что они были проведены один к одному по инструкции некоего Шарпа, соавторы которого занимались в ЦРУ проблемой информационных войн¹¹. С этим нельзя не согласиться. Конфликт осетино-грузинский (2008 г.) также есть не что иное, как свідетельство информационной войны. Информационная война активно развернулась и на Украине в феврале — марте 2014 г. в связи с незаконным захватом власти националистами.

Известно, что деструктивный характер СМИ является сильным информационным оружием, например, живая, клеветническая информация по заказу определенных политиков, деятелей, террористических организаций.

Информационная война является реальностью нашего времени и используется рядом государств с определенными агрессивными целями. Так, с начала 90-х годов XX в. в США была разработана и принята система руководящих документов (стратегии, доктрины), определяющих возможность, подготовку и проведение информационной войны и информационных операций¹².

Информационная война активно использовалась в Иране, Афганистане, Югославии, в странах бывшего Советского Союза (при проведении «цветных» революций в Грузии и на Украине, например), в Чечне, в грузино-абхазском конфликте 2008 г. При нападении на Абхазию и Южную Осетию

грузинское руководство, вероятно, использовало заготовленный сценарий.

Тот же сценарий был использован в 2013–2014 гг. в разгар украинского конфликта: вначале мирная демонстрация, недовольная правительством страны, затем подключение к ней боевиков-оппозиционеров с националистическими лозунгами, использование снайперов, вооруженный захват власти, хаос на всей территории Украины. В подтверждение вышесказанного следует отметить, что агитирующие листовки на Майдане с подробным описанием действий по противодействию и свержению законного правительства Украины являлись точным отображением аналогичных листовок, которые использовались при свержении правительства Египта в 2003 г.

Основными целями информационной войны являются изменение общественного мнения; привлечение на свою сторону большего числа союзников; использование двойных стандартов; затягивание переговорного процесса и т. д. Как видим, все это в данный момент активно используется на Украине, где Евросоюз вместе с США, являясь, по сути, инициаторами конфликта, ведут активную информационную войну против России, обвиняя ее в агрессии, применяя при этом санкции и грозясь ужесточить их.

Примером того, как реагировать на выпады и ложь участников информационной войны, является обращение президента РФ В. В. Путина к Российской Федерации 18 марта 2014 г., в котором он, опираясь на конкретные исторические факты, раскрыл причину проведения референдума в Крыму, принятия Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации. Он отметил, что референдум в Крыму прошел в полном соответствии с демократическими процедурами и международно-правовыми нормами. Более 96% жителей высказались за воссоединение с Россией. Россия откликнулась на обращение Крыма: «Иначе это было бы просто предательством», — сказал президент. В. В. Путин остановился и на анализе переворота на Украине, заявив, что «главными исполнителями переворота стали националисты, неофашисты, русофобы и антисемиты»¹³.

Следует отметить, что истинная картина происходящего в Украине, раскрытая Путиным, устраивает далеко не все страны, в том числе и новую украинскую власть. Так, известно, что вышеупомянутое обращение президента России подверглось жесткой цензуре на Западе и полностью запрещено на Украине.

Анализ материалов по проблеме обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации показал, что необходимы дальнейшие разработки новых нормативно-правовых актов по обеспечению информационной безопасности в связи с тем, что далеко не все вопросы, связанные с вызовами и угрозами информационной безопасности, освещены в российском законодательстве. Это касается вредоносных программ, кибератак, поведения ряда государств в условиях информационной войны. Кроме того, необходимо дальнейшее совершенствование технического компонента по обеспечению информационной безопасности, прежде всего в вопросах уязвимости сетей. Особого внимания требует разработка компонента, связанного с воспитанием культуры поведения пользователей Интернета.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации с комментариями для изучения и понимания / Лозовский Л. Ш., Райзберг Б. А. — М.: ИНФРА-М, 2003.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации. // Утв. Президентом РФ 12.02.2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/785> (дата обращения: 27.11.2013)

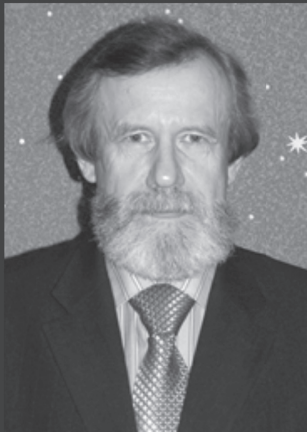
13 Путин В. В. Обращение к Российской Федерации // Российская газета. — 19.02.2014. — С. 1–2.

10 МВД пресекло хищение хакерами 1 млрд рублей со счетов банков [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bfm.ru/news/214439> (дата обращения: 15.04.2014 г.).

11 Котляр В. С. Международное право и феномен «цветных» революций в странах СНГ // Государство и право. — 2007. — № 5. — С. 71–75.

12 Шагов А. Е. Исторический опыт организации и проведения вооруженными силами США психологических операций в ходе локальных войн и вооруженных конфликтов в 1980–2000 гг.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук А. Н. Шагов. — Ин-т военной истории, МО РФ.

3. Котляр В. С. Международное право и феномен «цветных» революций в странах СНГ // Государство и право. — 2007. — № 5.
4. МВД пресекло хищение хакерами 1 млрд рублей со счетов банков [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bfm.ru/news/214439> (дата обращения: 15.04.2014 г.).
5. Путин В. В. Обращение к Российской Федерации // Российская газета. — 2014. — 19 февраля.
6. Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации (от 7 февраля 2008 г.) // Российская газета. — № 34–16.02.2008.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2012 г.) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.
8. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. — № 88. — 19.05.2009.
9. Указ Президента РФ от 15 января 2013 г. № 31с «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 21.01.2013. — № 3. — Ст. 178.
10. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 28.07.2012 г.) // Российская газета. — № 165 от 29.07.2006.
11. Шагов А. Е. Исторический опыт организации и проведения вооруженными силами США психологических операций в ходе локальных войн и вооруженных конфликтов в 1980–2000 гг.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук А. Н. Шагов. — Ин-т военной истории. МО. РФ.
12. The Economic Impact of Cybercrime and Cyber Espionage. Center for Strategic and International Studies. — July 2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mcaf.ee/1xk9a> (дата обращения: 31.10.2013 г.).

БОНДАРЕНКО ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ

доктор философских наук, профессор. Опубликовал более восьмидесяти научно-философских произведений, а также девятнадцать поэтических сборников. Печатался в республиканской прессе, в литературно-художественных журналах и альманахах: «От Невы до Ангары» (Санкт-Петербург, 2003); «От Невы до Камчатки» (Санкт-Петербург, 2004); «Русское слово» (Санкт-Петербург, 2003 – 2013); «Невский альманах. КП» (Санкт-Петербург, 2010); «Сфинкс. Выпуск XX» (Санкт-Петербург, 2010); «Рог Борея» (Санкт-Петербург, 2010; 2012). Публиковался в антологии современной петербургской поэзии «Поэтический форум» (Санкт-Петербург, 2012. — Т. 2). В стихах, поэмах и поэтических сказках В.Н. Бондаренко главное внимание уделяется переживанию и осмыслению красоты природной, социальной и космической, положению и роли человека в современном мире, его взаимодействию с Богом, соотношению рационализма и иррационализма в поэтической и философской мысли.

ВИКТОР БОНДАРЕНКО

МАТЬ ВСЕХ ЖЕНЩИН

Теплякова О. А., Бычек А. Э.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПАТРОНАТНОЙ СЕМЬИ СУБЪЕКТАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются особенности правового регулирования патронатного воспитания законодательством субъектов РФ, раскрываются признаки патроната, его формы, субъекты патронатного воспитания. Обосновывается необходимость сохранения и развития патронатного воспитания в субъектах РФ, поскольку патронат выступает не только как форма временного устройства ребенка в семью, но и как форма поддержки и сохранения кровной семьи ребенка, профилактики социального сиротства.

Ключевые слова: права ребенка, формы устройства ребенка в семью, патронатное воспитание.

Теплякова О. А., Бычек А. Э.

PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION OF FOSTER CARE BY THE LEGISLATION OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

In the article the peculiarities of legal regulation of foster care are considered, especially those which are regulated by the legislation of the subjects of the Russian Federation, and the characteristics of patronage, its forms and the subjects of foster care are researched. The necessity of preservation and development of foster care in the regions is described, based on the reason that the patronage is not only a form of temporary child's accommodation in the family, but also a form of support and preservation of the native family of the child, and thus as a prevention of social orphanage.

Keywords: children's rights, forms of child's accommodation in family, foster care.

Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы обозначает в качестве одного из основных национальных приоритетов — «обеспечение благополучного и защищенного детства»¹. В то же время отмечается низкая эффективность профилактической работы с неблагополучными семьями и детьми, распространенность практики лишения родительских прав и социального сиротства². При этом Семейный кодекс провозглашает принцип «приоритета семейного воспитания детей»³, поэтому необходимо принять все предупредительные и профилактические меры, чтобы сохранить ребенку семью. Практика лишения родительских прав должна выступать как крайняя мера.

В этой связи одной из возможных форм поддержки и сохранения семьи является патронат. Патронат существует только в тех субъектах Российской Федерации, где такая форма устройства ребенка в семью предусмотрена законодательством. Семейный кодекс относит патронат к формам устройства ребенка в семью, однако временный характер патроната и сохранение возможности возврата ребенка в биологическую семью позволяет признать патронат также формой поддержки и сохранения семьи. Патронат обладает следующими признаками:

- временный характер, при этом выделяют краткосрочный патронат и длительный патронат;
- возмездный характер патроната, на основе договора патронатного воспитателя с органами опеки и попечительства, профессиональная составляющая патронатной семьи;
- разделение функций законного представителя ребенка между органами опеки и попечительства, патронатным воспитателем и кровными родителями;
- возможность назначения патроната детям, у которых родители не лишены родительских прав;

1 Указ Президента РФ от 1 июня 2012 года № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» / Собрание законодательства РФ. — № 23 от 4 июня 2012 г. — Ст. 2994.

2 Там же.

3 Ст. 1 Семейного Кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ: по сост. на 31 января 2014 года / Российская газета. — № 17 от 27 января 1996 г.

Теплякова О. А.

Бычек А. Э.

– по мнению ряда исследователей, патронат представляет собой разновидность попечительства.

Таким образом, «патронат» — форма воспитания и оказания социальной помощи профессиональной семьей, в которой ребенок пребывает временно. Субъектами данных правоотношений могут выступать дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, дети, проживающие в кровной семье и находящиеся в трудной жизненной ситуации, а также лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в возрасте от 18 до 23 лет.

Патронат может осуществляться в трех основных формах:

1. Патронатное воспитание — форма устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семью патронатного воспитателя в целях их содержания, воспитания и образования;
2. Социальный патронат — форма оказания патронатным воспитателем необходимой помощи ребенку, проживающему в кровной семье и находящемуся в трудной жизненной ситуации;
3. Постинтернатное сопровождение — оказание необходимой помощи патронатным воспитателем, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в возрасте от 18 до 23 лет, направленной на социальную адаптацию и подготовку к самостоятельной жизни выпускников.

Преимущества патроната очевидны: если ребенок имеет кровную семью, то патронат нацелен на оказание помощи и поддержки ребенку патронатной семьей и при этом на сохранение у ребенка кровной семьи; если ребенок не имеет кровной семьи, то патронат нацелен на реализацию права ребенка жить и воспитываться в семье, в период пока не реализованы формы устройства ребенка в семью, носящие постоянный характер, в качестве альтернативы детскому дому.

При этом статистика показывает, что такая форма устройства ребенка в семью как патронат в России крайне мало распространена. При том что законодательная возможность

передачи детей на патронатное воспитание предусмотрена во многих субъектах Российской Федерации, фактически передача детей в патронатные семьи осуществляется крайне редко. Так, по статистике Министерства образования и науки Российской Федерации⁴ количество заключенных договоров о патронатном воспитании в период с 2006 по 2013 гг. колебалось от 142 до 613, что в целом по России достаточно небольшая цифра. Указанные данные приведены в Таблице 1.

Таблица 1. Количество детей, переданных на патронатное воспитание

Год	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Детей	390	615	419	317	206	229	249	142

В настоящее время законодательство о патронатной семье имеется в 35 субъектах Российской Федерации, а в 2010 такая законодательная возможность существовала в 42 субъектах Российской Федерации. По причине несовершенства нормативной базы, отсутствия стимулирующих факторов, отсутствия специальных служб подготовки и сопровождения замещающих семей сдерживается развитие данной формы устройства детей. Не нашел своего продолжения эксперимент по созданию патронатных семей в ряде регионов: Костромской области (упразднена в 2012 г.), Курской области (упразднена в 2011 г.), Томской области (упразднена в 2012 г.), Сахалинской области (упразднена в 2010 г.) и др.

Рассмотрим опыт субъектов Российской Федерации по регулированию модели патронатного воспитания.

Система патронатного воспитания на 2010 г. осуществлялась в 42 из 83 регионов России. На 1 марта 2014 г. патронатное воспитание осуществляется только в 35 регионах страны. Исследование нормативно-правовых актов субъектов, закрепивших патронат как особую форму устройства детей, выявило ряд различий в правовом положении детей и их патронатных воспитателей, а также потенциальных воспитанников и возможных кандидатов в патронатные воспитатели.

Для комплексного исследования правовых различий были выбраны следующие критерии:

1. возраст детей, которые могут быть переданы на воспитание в семью патронатного воспитателя;
 2. срок устройства ребенка в семью патронатного воспитателя;
 3. общее число детей, передаваемых на воспитание патронатному воспитателю;
 4. иные особенности патроната в различных субъектах РФ.
- Возраст детей, которые могут быть переданы патронатному воспитателю, варьируется в зависимости от установленных в регионе форм патроната. Все три формы закреплены всего в шести субъектах (Краснодарском крае⁵, Республике Адыгея⁶, Московской области⁷), поэтому возраст передачи детей на патронатное воспитание установлен с рождения до 23 лет включительно.

В большинстве случаев предусмотрено только патронатное воспитание, характерным для которого является возраст от 0

до 18 лет (Тюменская область⁸, Воронежская область⁹, Пермский край¹⁰, Республика Башкортостан¹¹). Патронатное воспитание ограничивается моментом совершеннолетия ребенка, однако ребенок и после совершеннолетия нуждается в адаптационном периоде и социализации.

В Рязанской¹² и Ивановской¹³ области минимальный возраст детей для патронатного воспитания установлен — 7 и 10 лет соответственно. Дети младшего возраста не передаются на патронат, в результате чего они утрачивают возможность воссоединиться с кровной семьей при передаче таких детей на семейные формы воспитания. Исключение детей младшего возраста из системы патроната обусловлено тем, что данная возрастная категория востребована для усыновления. Например, в 2013 г. на возрастную категорию детей от 0 до 7 лет пришлось более 90% усыновлений, а на возрастную категорию от 8 до 18 — менее 10% усыновлений¹⁴, вследствие чего был установлен имеющийся порог.

Срок пребывания ребенка в патронатной семье также варьируется в зависимости от законодательства субъектов Российской Федерации. Главное предназначение патронатных семей в адаптации ребенка, временно не имеющего юридического статуса, к семейной обстановке до установления других форм семейного воспитания. Ввиду чего договор о патронатном воспитании может быть краткосрочным (до шести месяцев) либо долгосрочным (от шести месяцев и более). Возможный период содержания ребенка в патронатной семье устанавливается органом опеки и попечительства в заключении о возможности быть патронатным воспитателем. Время пребывания ребенка в профессиональной семье прописывается в договоре. Четко установлен период лишь в некоторых субъектах: до 6 месяцев: Тюменская область, Красноярский край¹⁵; до одного года: Воронежская область, Краснодарский край, Чувашская Республика¹⁶; в Рязанской области указанный срок

8 Постановление Правительства Тюменской области от 25 июля 2005 года № 123-п «О патронатном воспитании в Тюменской области» по сост. на 20 января 2014 года // Сборник постановлений, распоряжений Губернатора Тюменской области, Правительства Тюменской области. — 2005. — июль.

9 Закон Воронежской области от 29 декабря 2010 года № 155-ОЗ «О патронатном воспитании в Воронежской области»: по сост. на 25 июня 2012 года // Молодой коммунар. — № 147 от 30 декабря 2010 г.

10 Закон Пермской области от 06 октября 2000 года № 1129-164 «О патронатном воспитании»: по сост. на 27 апреля 2007 года // Бюллетень Законодательного Собрания и администрации Пермской области. — № 9 от 4 ноября 2000 г.

11 Закон Республики Башкортостан от 11 июля 2006 года № 342-з «О патронатном воспитании в Республике Башкортостан»: по сост. на 29 ноября 2013 года // Республика Башкортостан. — № 138 (26121) от 19 июля 2006 г.

12 Закон Рязанской области от 14 сентября 2011 года № 72-ОЗ «О патронате» // Рязанские ведомости. — № 174 от 17 сентября 2011 г.

13 Закон Ивановской области от 13 октября 2009 года № 97-ОЗ «О передаче детей на патронат в Ивановской области»: по сост. на 14 марта 2013 года // Собрание законодательства Ивановской области. — № 40 (460) от 23 октября 2009 г.

14 Динамика устройства детей в семьи по возрастам. Статистика // Усыновление в России. Интернет-проект Министерства образования и науки Российской Федерации. Департамент государственной политики в сфере защиты прав детей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.usynovite.ru/statistics/2013/1/> (дата обращения 01.09.014).

15 Закон Красноярского края от 28 апреля 2005 года № 14-3365 «Об организации работы по патронатному воспитанию в Красноярском крае»: по сост. на 1 декабря 2011 года // Красноярский рабочий. — № 70 от 21 мая 2005 г.

16 Закон Чувашской Республики от 05 октября 2006 года № 43 «О патронатной форме устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Чувашской Республике»: по сост.

4 Усыновление в России. Статистика // Усыновление в России. Интернет-проект Министерства образования и науки Российской Федерации. Департамент государственной политики в сфере защиты прав детей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.usynovite.ru/statistics/> (дата обращения 01.09.014).

5 Закон Краснодарского края от 19 июля 2011 № 2312-КЗ «О патронате в Краснодарском крае»: по сост. на 30 декабря 2013 // Кубанские новости. — № 134 от 11 августа 2011 г.

6 Закон Республики Адыгея от 24 июля 2007 года № 107 «О патронате»: по сост. на 2 июня 2014 года // Советская Адыгея. — № 147 от 31 июля 2001 г.

7 Закон Московской области от 05 июля 2003 года № 77/2003-ОЗ «О патронате»: по сост. на 23 июля 2014 года // Ежедневные Новости. Подмосковье. — № 125 от 12 июля 2003 г.

составляет от двух месяцев до одного года; Волгоградская область установила максимальный среди всех регионов срок в три года, что в какой-то степени противоречит сущности патроната как временной формы устройства детей в семью.

Пермский край выработал наиболее подходящую для патроната схему установления срока, на который может быть устроен ребенок на воспитание в семью кандидата в патронатные воспитатели. Предусматриваются следующие сроки устройства ребенка (детей) на патронатное воспитание: экстренное устройство (до трех дней); устройство на короткий период времени (до 6 месяцев); устройство на длительный срок (свыше 6 месяцев). Экстренное устройство ребенка на патронатное воспитание (отобрание ребенка при непосредственной угрозе для его жизни и здоровья) возможно без предоставления документов. В этом случае ребенок передается в семью любого патронатного воспитателя, в отношении которого вынесено заключение о возможности быть патронатным воспитателем.

Количество детей, передаваемых на патронатное воспитание в субъектах Российской Федерации, регулируется, как правило, путем установления возможности устройства в одну семью не более трех детей. Такая практика законодательного регулирования применяется в Воронежской, Калужской, Оренбургской, Рязанской, Самарской, Ульяновской областях, Чувашской, Удмуртской республиках, Республиках Адыгея, Башкортостан, Карелия, Краснодарском, Пермском, Ставропольском краях. Однако в законодательстве субъектов Российской Федерации отсутствует полное единообразие по этому вопросу. Так, в Мурманской области на патронатное воспитание в одну семью может быть передано до 10 детей, в Чукотском автономном округе — до восьми детей, в Калининградской, Тамбовской областях — до пяти детей, Красноярском крае — до четырех детей, в Курганской области, Забайкальском крае — до двух детей. В ряде субъектов Российской Федерации данный критерий не установлен: Тюменская, Ивановская, Волгоградская, Тверская области и некоторые другие.

В качестве иных особенностей регионального регулирования можно выделить, например, требования, предъявляемые к патронатному воспитателю. Данные требования прямо зависят от общего понимания патронатного воспитания в субъекте РФ. К ним применяются положения ст. 127 СК РФ, предусматривающие требования к усыновителям; положения ст. 146 СК РФ, предусматривающие требования к опекунам (попечителям). Отдельные регионы устанавливают особые критерии для патронатного воспитателя. Например, Тюменская область допускает проживание патронатного воспитателя и воспитуемого совместно с лицами, являющимися кровными родителями; признанными судом недееспособными или ограниченно дееспособными; лишенными по решению суда родительских прав или ограниченными судом в родительских правах; отстраненными от обязанностей опекуна (попечителя) за ненадлежащее выполнение возложенных на них законом обязанностей; бывшими усыновителями, если усыновление отменено решением суда по их вине; по состоянию здоровья не осуществляющими обязанности по воспитанию ребенка; имеющими или имевшими судимость, подвергавшимися или подвергавшимся уголовному преследованию за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконного помещения в психиатрический стационар, клеветы и оскорбления), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, а также против общественной безопасности; имеющими неснятую или непогашенную судимость за тяжкие или особо тяжкие

преступления; если условия проживания лица, желающего взять ребенка на патронатное воспитание, позволяют обеспечить безопасность, надлежащее воспитание ребенка и уход за ним.

В Тверской области дети, оставшиеся без попечения родителей, достигшие 14 лет, вправе самостоятельно подавать в орган опеки и попечительства заявление о назначении им в качестве патронатных воспитателей конкретных лиц. Применение данной статьи считается невозможным ввиду отсутствия базы данных о кандидатах, прошедших подготовку по специальной программе для лиц, выразивших желание взять ребенка на воспитание в патронатную семью.

При патронатном воспитании законное представительство не передается в полном объеме семье, взявшей ребенка на воспитание, а права и обязанности по защите прав ребенка разграничены между патронатным воспитателем и органом опеки и попечительства (или его уполномоченным учреждением). Предполагается, что права и обязанности по содержанию и воспитанию ребенка должны разделяться не только между учреждением и патронатным воспитателем, но и возлагаться на родителей, не лишенных родительских прав. Волгоградская и Самарская область¹⁷ в этом ключе прописывает, что патронатный воспитатель является законным представителем ребенка, переданного на патронатное воспитание. Таким образом, стираются границы между патронатной и приемной семьей, они практически становятся синонимами. Отсутствует разница в форме устройства ребенка, финансировании, правовом положении ребенка и воспитателя, что, по мнению авторов, является нелогичным.

На сегодняшний день в Семейном кодексе РФ предусмотрена лишь возможность передачи детей в патронатную семью. Федеральное законодательство предоставляет возможность региональным законодательным органам, путем принятия законодательных актов субъектам Федерации решать проблемы по организации патронатного воспитания, регулированию обязанностей и условиям отбора патронатных воспитателей, а также их оплате. Необходимо разработать информационную политику по ознакомлению с сущностью и значимостью патроната. Социальный патронат необходим в качестве первой ступени по профилактике социального сиротства, которое является серьезной проблемой современного общества.

Следует разработать законопроект об институте профессиональных приемных семей, которые будут иметь соответствующее образование, подготовку, лицензии. Тогда органы опеки и попечительства будут иметь возможность экстренно передавать ребенка в замещающую семью, а не изначально помещать в детский дом. Восточная Европа, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Болгария, Финляндия, США давно внедрили в законодательную систему фостерные семьи, когда родители-воспитатели осуществляют свою деятельность по трудовому договору¹⁸. В указанных странах практически сведено к нулю существование детдомов и подобных им учреждений.

Отсутствие единой концепции принимаемых законодательных актов, четко регламентированного механизма работы, различия в правовом и финансовом обеспечении в отдельных регионах ставит существование патронатного воспитания под вопрос.

17 Закон Самарской области от 2 апреля 1998 года № 2-ГД «Об организации деятельности по осуществлению опеки и попечительства в Самарской области»: по сост. на 7 февраля 2014 года / Волжская коммуна. — № 62–63 от 8 апреля 1998 г.

18 Брынцева Г. И. Арифметика сиротства — интервью: Павел Астахов, Уполномоченный при президенте РФ по правам ребенка // Российская газета. — Федеральный выпуск № 6266 (290) от 24 декабря 2013 г.

Пристатейный библиографический список

1. Брынцева Г. И. Арифметика сиротства — интервью: Павел Астахов, Уполномоченный при президенте РФ по правам ребенка // Российская газета. — Федеральный выпуск № 6266 (290). — 24 декабря 2013 г.
2. Динамика устройства детей в семьи по возрастам. Статистика // Усыновление в России. Интернет-проект Министерства образования и науки Российской Федерации. Департамент государственной политики в сфере защиты прав детей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.usynovite.ru/statistics/2013/1/> (дата обращения 01.09.014).
3. Закон Воронежской области от 29 декабря 2010 года № 155-ОЗ «О патронатном воспитании в Воронежской области»: по сост. на 25 июня 2012 года // Молодой коммунар. — № 147. — 30 декабря 2010 г.
4. Закон Ивановской области от 13 октября 2009 года № 97-ОЗ «О передаче детей на патронат в Ивановской области»: по сост. на 14 марта 2013 года // Собрание законодательства Ивановской области. — № 40 (460). — 23 октября 2009 г.
5. Закон Краснодарского края от 19 июля 2011 № 2312-КЗ «О патронате в Краснодарском крае»: по сост. на 30 декабря 2013 // Кубанские новости. — № 134. — 11 августа 2011 г.
6. Закон Красноярского края от 28 апреля 2005 года № 14-3365 «Об организации работы по патронатному воспитанию в Красноярском крае»: по сост. на 1 декабря 2011 года // Красноярский рабочий. — № 70. — 21 мая 2005 г.
7. Закон Московской области от 05 июля 2003 года № 77/2003-ОЗ «О патронате»: по сост. на 23 июля 2014 года // Ежедневные Новости. Подмосковье. — № 125. — 12 июля 2003 г.
8. Закон Пермской области от 06 октября 2000 года № 1129-164 «О патронатном воспитании»: по сост. на 27 апреля 2007 года // Бюллетень Законодательного Собрания и администрации Пермской области. — № 9. — 4 ноября 2000 г.
9. Закон Республики Адыгея от 24 июля 2007 года № 107 «О патронате»: по сост. на 2 июня 2014 года // Советская Адыгея. — № 147. — 31 июля 2001 г.
10. Закон Республики Башкортостан от 11 июля 2006 года № 342-з «О патронатном воспитании в Республике Башкортостан»: по сост. на 29 ноября 2013 года // Республика Башкортостан. — № 138 (26121). — 19 июля 2006 г.
11. Закон Рязанской области от 14 сентября 2011 года № 72-ОЗ «О патронате» // Рязанские ведомости. — № 174. — 17 сентября 2011 г.
12. Закон Самарской области от 2 апреля 1998 года № 2-ГД «Об организации деятельности по осуществлению опеки и попечительства в Самарской области»: по сост. на 7 февраля 2014 года / Волжская коммуна. — № 62-63. — 8 апреля 1998 г.
13. Закон Чувашской Республики от 05 октября 2006 года № 43 «О патронатной форме устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Чувашской Республике»: по сост. на 30 июня 2014 года // Республика. — № 44-45. — 06 октября 2006 г.
14. Конвенция о правах ребенка, одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года / Сборник международных договоров СССР. — 1993. — Вып. XLVI.
15. Постановление Правительства Тюменской области от 25 июля 2005 года № 123-п «О патронатном воспитании в Тюменской области»: по сост. на 20 января 2014 года // Сборник постановлений, распоряжений Губернатора Тюменской области, Правительства Тюменской области. — 2005, июль.
16. Семейный Кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ: по сост. на 31 января 2014 года / Российская газета. — № 17. — 27 января 1996 г.
17. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 года № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» / Собрание законодательства РФ. — № 23. — 4 июня 2012 г. — Ст. 2994.
18. Усыновление в России. Статистика // Усыновление в России. Интернет-проект Министерства образования и науки Российской Федерации. Департамент государственной политики в сфере защиты прав детей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.usynovite.ru/statistics/> (дата обращения 01.09.014).

Игбаева Г. Р.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ИМУЩЕСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ ЧАСТНОГО ЖИЛОГО ФОНДА

В статье с позиции институционального подхода определяются возможные перспективные направления развития обязательного имущественного страхования частных жилых помещений в России: либо введение нового вида недоговорного (социального) обязательного страхования, либо закрепление обязательного страхования гражданской ответственности управляющих компаний. Данному выводу способствовал анализ условий институционализации обязательного страхования жилья, обобщение факторов, препятствующих его введению, правовая оценка этого явления на соответствие действующим нормативным правовым актам.

Ключевые слова: обязательное страхование, жилые помещения, институционализация, обязательное имущественное страхование, жилой фонд.

Igbaeva G. R.

DEVELOPMENT PERSPECTIVES FOR COMPULSORY PROPERTY INSURANCE OF PRIVATE RESIDENTIAL PREMISES

In the article the possible development perspectives for compulsory property insurance of private residential premises are determined from the position of institutional approach: either introduction of a new type of non-contractual (social) compulsory insurance or establishment of compulsory third-party insurance of managing companies. This conclusion was made as a result of the analysis of institutionalization conditions of compulsory property insurance, the generalization of barriers to its introduction, and legal assessment of this phenomenon for compatibility with regulatory acts.

Keywords: compulsory insurance, residential premises, institutionalization, compulsory property insurance, housing stock.

Игбаева Г. Р.

Концепция социального государства во второй половине прошлого века провозглашена основой взаимодействия публичной власти и гражданского общества. Вместе с тем в условиях мирового экономического кризиса и все возрастающей нагрузки на природную среду дальнейший рост социальных обязательств государства ограничен. В связи с этим актуализируется поиск новых механизмов обеспечения конституционных прав граждан, защищающих федеральную казну от значительных расходов на восстановление и строительство частного жилого фонда взамен поврежденного или утраченного от стихийных бедствий.

Социально ориентированная политика современного Российского государства, а также социально ответственное поведение граждан и всего общества — ключевые условия развития и процветания России в XXI в. Данные условия предполагают, что законодательство должно создавать комфортные условия для реализации прав и свобод граждан. А граждане — нести часть бремени утраты или расходов от повреждения частного жилого помещения путем использования механизма страхования.

Идея обязательного страхования жилых помещений не нова. Так или иначе она была реализована в царской России и в СССР. С начала 2000-х годов появлялись различные законопроекты. Проект 2003 г. не был одобрен Правительством, проект 2008 г. был отозван самими разработчиками из Госдумы. В конце 2013 г. Минфин подготовил новый проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части упорядочивания механизма оказания помощи гражданам на восстановление (приобретение) имущества, утраченного в результате пожаров, наводнений и иных стихийных бедствий», который находится на доработке.

Если обратиться к правовой теории, то введение нового института всегда предполагает наличие четкой концепции введения и его теоретической проработки. Необходимо учитывать, во-первых, особенности процесса институционализации. Во-вторых, концептуальные (теоретические) основы введения нового института: наличие единых принципов, терминов, соответствие действующим нормативным правовым актам.

Идея развития обязательного страхования частного жилого фонда заслуживает тщательного изучения. Необходимо заранее учесть возможные причины неэффективности, учитывая опыт иных массовых видов страхования.

Одним из необходимых условий появления новых институтов служит соответствующая социальная потребность.

Объективная потребность введения обязательного страхования частного жилого фонда состоит в понимании необходимости существенного снижения нагрузки на бюджет при наступлении неблагоприятных последствий от стихийных бедствий, природных катаклизмов.

Массовые стихийные бедствия и неблагоприятные природные явления случаются ежегодно. Бюджет утверждается на три года, сложно заранее предусмотреть все возможные расходы, тем более такие значительные, как расходы на восстановление и строительство частного жилого фонда, а потому необходимо создавать дополнительные механизмы защиты федеральной казны от незапланированных расходов.

Экономическая детерминанта ускорила осознание потребности продвижения концепции обязательного страхования.

Вторым условием, свидетельствующим об образовании социального института, является наличие особой культурной среды. Прежде всего, речь идет о системе ценностей, этических норм, образцов деятельности. Эта система гарантирует сходное поведение людей, согласовывает и направляет их определенные устремления, устанавливает способы удовлетворения их потребностей, т.е. должна сформироваться определенная субкультура¹.

По отношению к страхованию жилья это условие институционализации пока находится в зачаточном состоянии. Институт страхования в системе защиты прав собственников еще не стал нормой поведения и не занял своего места в системе ценностей граждан. Так, по оценкам страховщиков, на Дальнем Востоке было застраховано не более 10% убытков. Также выяснилось, что летом 2012 г. после наводнения в Краснодар-

1 Игбаева Г. Р. Институциональные условия развития финансового омбудсмена в сфере страховой деятельности // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 5. — С. 134–136.

ском крае застрахованным было не более 10% пострадавшего имущества².

Наконец, третьим условием, свидетельствующим о формировании социального института, является наличие необходимых ресурсов (материальных, финансовых, трудовых, организационных), которые общество должно стабильно пополнять. Для обязательного страхования жилых помещений такими ресурсами являются наличие страховщиков, желающих страховать риски, связанные с жильем, соответствующего законодательства, решение вопросов с размерами страховых выплат, страховых тарифов, в целом с определением самого механизма страхования.

Данное условие предполагает нахождение ответа на вопрос, насколько обязательное страхование частного жилья вписывается в правовое пространство России. Обратимся к действующему федеральному законодательству.

Статья 935 ГК РФ четко закрепляет, что законом может быть возложена обязанность страховать жизнь, здоровье или имущество других определенных в законе лиц на случай причинения вреда их жизни, здоровью или имуществу либо риск своей гражданской ответственности, которая может наступить вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц или нарушения договоров с другими лицами. Что касается имущественного интереса, связанного с владением, пользованием и распоряжением, то федеральный закон закрепил за ним характер добровольности. Обязательное страхование жилых помещений как вид страхования имущества противоречит действующему законодательству. Эту позицию Минфин изложил в ответе на поручение премьер-министра о подготовке предложений по обязательному страхованию имущества граждан и юридических лиц от стихийных бедствий³.

Нормативно принудить субъекта права к заключению договора страхования можно только в отношении его гражданской ответственности⁴.

Государство может устанавливать и менять правила, может сделать исключения для института обязательного страхования жилого помещения, мотивируя это защитой имущественных интересов самих граждан, но каковы будут последствия? Материальный уровень большинства населения невысокий, и любые дополнительные расходы по содержанию жилого имущества воспринимаются угрожающе. Установленный стандарт 22% семейных расходов на оплату жилья и коммунальных услуг не только обременителен для социально слабых слоев населения, в том числе работников бюджетной сферы, пенсионеров, но также во многих случаях не соблюдается, уступая эскалации тарифов и цен на услуги и работы. Действительной проблемой является то, что бремя страховых премий ложится на граждан, а это может привести к социальному недовольству и взрывам, которые никому не нужны.

Анализ зарубежной практики показывает, что в восстановлении пострадавших от стихийных бедствий территорий всегда участвует государство.

Более того, предполагаемый вид страхования связан с существенным нарушением и ограничением прав собственника жилого помещения. Существует две категории правообладателей жилых помещений: собственники и граждане, проживающие по договорам социального найма. Складывается абсурдная ситуация, когда страхователем является гражданин, проживающий по договору социального найма, а выгодопри-

обретателем — публично-правовое образование. Если будет предусмотрена льгота по уплате страховой премии для проживающих по договору социального найма, то собственники оказываются в худшем положении.

Целый ряд вопросов связан непосредственно с такими важными элементами страхования, как вероятность риска, его оценка, страховые тарифы, размеры страховых премий и страховых выплат.

Россия — одна из самых больших стран мира по занимаемой территории, и существует разная степень вероятности наступления неблагоприятных последствий. Одинаковый размер страховой премии на всей территории России не отвечает принципам социального государства. Если вводить коэффициенты на тарифы, которые будут учитывать множество природных и техногенных рисков в зависимости от географического нахождения страхуемого жилья, то жители регионов, где вероятность высока, окажутся в худшем положении. Необходимо разработать определенный шаблон, методику определения тарифа, а не учитывать множество дифференцированных факторов и рисков.

Рассматриваемый вид предполагаемого обязательного страхования предполагает закрепление страховых тарифов в законе, оптимальным представляется закрепление их максимальных и минимальных величин. Если, как в ОСАГО, тарифы будут минимальными, то через пару лет этот вид станет убыточным и неинтересными для страховщиков. Следует принять во внимание, что на отдельных территориях страховые организации могут быть не представлены. Учитывая добровольность участия в рыночных отношениях, понудить их присутствовать на определенной территории нельзя. Соответственно, «бремя» заключать договоры обязательного страхования частного жилого помещения ляжет на крупных страховщиков. Также возникает вопрос, каким критериям должны соответствовать страховщики, чтобы осуществлять обязательное страхование жилого помещения, — речь прежде всего об их финансовой устойчивости.

Что касается размера страховых выплат и, соответственно, страховых премий, то необходимо учесть неудачи иного массового вида страхования ОСАГО.

К сожалению, страховщики не только довольно часто отказывают в страховых выплатах, но и занижают их стоимость, в связи с чем гражданам приходится обращаться в суд с заявлениями о взыскании со страховых компаний разницы между выплаченной им суммой и реальной стоимостью причиненного им ущерба. Важно предусмотреть механизмы недопущения занижения страховщиками страховых сумм. А для этого необходимо закрепить в нормативных актах величину стоимости, которая будет учитываться страховщиками при осуществлении выплаты. С 2015 г. произойдет переоценка объектов недвижимости и резко изменится налог на недвижимость для физических лиц. Никаких ножниц между оценкой БТИ и рыночной стоимостью, позволяющих по-разному рассчитывать страховую сумму, уже не будет.

Следует констатировать, что на сегодняшний день отсутствует механизм обязательного страхования, который одновременно удовлетворял бы как интересы государство, защищая казну от трат на восстановление жилых помещений, так учитывал бы интересы граждан.

В зависимости от основания возникновения обязательное страхование может быть договорным (использующим гражданско-правовой механизм) и недоговорным (как правило, это социальные виды, использующие финансово-правовой механизм)⁵. С учетом этого представляется, что развитие обязательного страхования частного жилого фонда в долгосрочной перспективе может быть связано с двумя направления-

2 Минфин вновь озаботили массовым страхованием жилья [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.asn-news.ru/news/42984#ixzz34itHpf5N>.

3 Минфин отверг обязательное страхование жилья [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.asn-news.ru/news/36094>

4 Игбаева Г. Р. Гражданско-правовая характеристика договора страхования // Арбитражный и гражданский процесс. — 2007. — № 9. — С. 21.

5 Игбаева Г. Р. Особенности гражданско-правового регулирования обязательного страхования с точки зрения защиты прав и интересов третьих лиц. Монография. — СПб: ИВЭСП, 2008.

ми: введением нового вида недоговорного (социального) вида обязательного страхования либо закреплением обязательного страхования гражданской ответственности управляющих компаний.

Вариант развития первого направления. Отдельные эксперты страхования выступают за введение обязательного страхования жилых помещений, предлагая механизмы обязательного социального страхования⁶. Их мнение не лишено здравого смысла, учитывает специфику страхового механизма и заслуживает поддержки, требуя незначительных изменений российского законодательства. Действительно, владельцы недвижимости уплачивают налог. Представляется возможным за счет части этого налога формировать страховой фонд. В результате соблюдаются положения как Конституции, так и Гражданского кодекса. Средства в виде части налога на недвижимость поступают в бюджеты регионов. Региональная власть может самостоятельно заключать договоры, отбирая по конкурсу страховщиков по аналогии, как это делается при осуществлении обязательного государственного страхования военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов. Для этого необходимо предусмотреть соответствующую обязанность регионов.

Либо можно предложить механизм с формированием соответствующих фондов по аналогии с фондами пенсионного или обязательного медицинского страхования, то есть региональная (местная) власть делает перечисления в специально созданный фонд за счет собранных местных налогов. Участие государства при такой системе понадобится только при катастрофических событиях. На этот случай оно должно оставаться неким «вторичным» страховщиком, выделяя необходимые средства потерпевшим регионам. Регионы же должны будут распределять эти средства между застрахованными потерпевшими владельцами жилья или компенсировать катастрофические выплаты страховщиков.

Развитие первого направления обостряет экономический аспект: потребуется ли повышение налога и насколько. Для ответа на этот вопрос, необходимо обратиться к готовящимся изменениям в сфере налога на недвижимость. С 2015 г. в качестве налоговой базы для исчисления налога на недвижимое имущество физических лиц предусматривается кадастровая стоимость объекта налогообложения, которая заменит инвентаризационную стоимость, являющуюся в настоящее время налоговой базой для исчисления налога на имущество физических лиц. Предложение о возможности формирования страховой фонд за счет части налога на недвижимость также предполагает более детальную проработку, что может стать самостоятельным исследованием специалистов в сфере налоговых знаний. В противном случае предложение не будет поддержано Министерством финансов России.

Соответственно, в самой ближайшей перспективе говорить о введении данного вида страхования не приходится. При этом в отдаленном будущем представляется возможным предусмотреть перераспределение расходных статей и расходных обязательств региональной (местной) власти с целью введения недоговорной (социальной) системы страхования жилых помещений.

Следует предположить, что подобная система обязательного страхования позволит учитывать интересы всех участников: государство экономит на выплатах пострадавшим, граждане не будут обязаны страховать свое имущество, а большая часть ущерба будет покрываться при помощи хорошо отработанных страховых механизмов.

Вариант развития второго направления. Целесообразно рассмотреть возможность переложить часть затрат на структуры, которые обеспечивают безопасность управления жилыми

помещениями, и, как правило, бывают часто виновны в доведении до аварийного состояния, закрепив обязанность страховать их гражданскую ответственность. Механизм такого вида страхования уже отлажен и известен российскому праву.

С 1 сентября 2014 г. Жилищный кодекс дополнен разделом X «Лицензирование деятельности по управлению многоквартирными домами»⁷, в соответствии с которым выполнение работ и (или) оказание услуг по управлению многоквартирным домом осуществляется управляющими организациями на основании соответствующей лицензии. Одна из целей принятия этого положения связана с повышением качества предоставляемых услуг управляющими компаниями и их ответственности. Вряд ли институт лицензирования способен существенно повлиять на качество данных услуг, а в случае причинения вреда собственникам жилых помещений действиями или бездействием управляющей компании компенсировать возникшие расходы у собственников частного жилого фонда. Уже существующие механизмы по его возмещению недостаточны, сложны в применении и показали свою низкую эффективность. Требуются иные, помимо лицензирования, механизмы.

Федеральным законом от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»⁸ установлены способы обеспечения имущественной ответственности предпринимателей перед потребителями произведенных ими товаров (работ, услуг) и иными лицами через саморегулируемые организации путем системы личного или коллективного страхования или формирование фондов компенсации (ст. 13) на случай причинения вреда конечному потребителю услуги или работы или иным лицам (например, их наследникам). Представляется целесообразным в тех случаях, когда создание саморегулируемых организаций невозможно, при получении лицензии для осуществления деятельности, связанной с оказанием услуг или выполнением работ населению, в качестве условия предусмотреть обязанность страховать свою ответственность самостоятельно. Механизм осуществления обязательного вида страхования следует предусмотреть в основах обязательного страхования (либо путем принятия нового закона, либо дополнением ГК РФ и Закона об организации страхового дела). Следует рассмотреть возможность дополнения лицензионных требований, закрепленных в ст. 193 ЖК РФ, еще одним требованием, а именно: наличием действующего договора страхования ответственности управляющей компании.

Вне зависимости от выбранного механизма страхования первоначальной задачей является определение принципов, на которых будет строиться система страхования жилья. Так, А. Дорин считает, что система страхования жилых помещений должна строиться на принципах гарантии права страхователя на возмещение ущерба, причиненного жилому помещению в результате страхового случая; экономической заинтересованности всех участников страховых правоотношений; государственной поддержки путем субсидирования малоимущих граждан, неспособных за свой счет застраховать принадлежащее им жилье; дифференциации и обоснованности страховых тарифов; оценке жилья по рыночной стоимости на основе специально разработанной методики, утвержденной государственным органом по контролю за страховой деятельностью⁹.

К сожалению, как показало исследование, не все из этих принципов могут быть реализованы с учетом положений дей-

6 Как ввести обязательное страхование жилья, не нарушив Конституцию [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.asn-news.ru/blogs/75/post/618>.

7 Федеральный закон от 21.07.2014 № 255-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. — № 30 (Часть I). — Ст. 4256.

8 Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 49. — Ст. 6076.

9 Дорин А. М. Основные направления развития отечественного жилищного страхования // Правовые вопросы недвижимости. — 2007. — № 1 // Доступ из правовой системы «КонсультантПлюс».

ствующего федерального законодательства. Более того, сама теория (основы) обязательного страхования является неразработанной, отсутствуют факторы, позволяющие разграничивать обязательное и добровольное страхование, и способствующие выработке единых требований к законам, вводящим обязательное страхование; единых принципов обязательного страхования; обоснованных критериев выделения его видов¹⁰.

Оценивая перспективы введения обязательного страхования частного жилого фонда, необходимо учитывать существующие в России обстоятельства и факторы, которые препятствуют его институционализации:

- отсутствие намерений у самих страховщиков;
- низкий уровень доверия населения к страхованию, и тем более обязательному, которое часто воспринимается как налог;
- сложившаяся традиция занижения сумм страховых выплат страховщиками и необходимость обращаться в суд за увеличением размера страховой выплаты;
- возросшее количество жалоб на страховщиков в связи с обострением ситуации в сфере ОСАГО и др.

В современных правовых, политических, экономических и социальных условиях перспективы развития страхования жилых помещений могут быть связаны только с добровольным страхованием.

Пристатейный библиографический список

1. Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 49. — Ст. 6076.
2. Федеральный закон от 21.07.2014 № 255-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации».
3. Дорин А. М. Основные направления развития отечественного жилищного страхования // Правовые вопросы недвижимости. — 2007. — № 1 // Доступ из правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Игбаева Г. Р. Гражданско-правовая характеристика договора страхования // Арбитражный и гражданский процесс. — 2007. — № 9.
5. Игбаева Г. Р. Институциональные условия развития финансового омбудсмена в сфере страховой деятельности // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 5.
6. Игбаева Г. Р. Концептуальные направления совершенствования гражданско-правового механизма обязательного страхования // XV Международная научно-практическая конференция «Социальная роль системы страхования в условиях рыночной экономики России». — Казань. — 2–5 июня 2014 г.
7. Игбаева Г. Р. Особенности гражданско-правового регулирования обязательного страхования с точки зрения защиты прав и интересов третьих лиц. Монография. — СПб: ИВЭСП, 2008.
8. Как ввести обязательное страхование жилья, не нарушив Конституцию [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.asn-news.ru/blogs/75/post/618>.
9. Лейба А. Вопросы имущественного страхования жилых помещений // Жилищное право. 2013. — № 12.
10. Минфин вновь озаботили массовым страхованием жилья [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.asn-news.ru/news/42984#ixzz34itHpf5N>.
11. Минфин отверг обязательное страхование жилья [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.asn-news.ru/news/36094>

10 Игбаева Г. Р. Концептуальные направления совершенствования гражданско-правового механизма обязательного страхования // XV Международная научно-практическая конференция «Социальная роль системы страхования в условиях рыночной экономики России». — Казань. — 2–5 июня 2014 г.

Хайруллин В. А., Шибиркина М. С.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАЧЕСТВА КОНЕЧНОЙ СТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ

В настоящее время на территории Российской Федерации происходит интенсификация процесса возведения различных объектов строительства. Но учитывая значительное количество участников в инвестиционно-строительном процессе, юридическое многообразие соотношения объектной и предметной области, определение юридически ответственных за ненадлежащее качество конечной строительной продукции в большинстве случаев является затруднительным. В статье предпринята попытка проанализировать сложившуюся ситуацию и разграничить правовую ответственность между участниками инвестиционно-строительного процесса.

Ключевые слова: строительная продукция, право, дефект, строительско-техническая экспертиза

Khayrullin V. A., Shibirкина M. S.

STATE REGULATION OF THE FINAL CONSTRUCTION PRODUCTS QUALITY

Currently, in the Russian Federation the intensification of the construction process of various construction projects takes place. But given the large number of participants in the investment-construction process, the legal diversity of reference of the object and the subject area, determination of those who are legally responsible for the inadequate quality of the final construction products in most cases is difficult. The article attempts to analyze the situation and to differentiate legal responsibility between participants of investment-construction process.

Keywords: building products, right, defect, construction-technical expertise.

В настоящее время объёмы строительного-монтажных работ как в жилищном строительстве, так и в промышленном имеют тенденцию к росту. Данный факт обуславливает потребность в более чётком и прозрачном правовом механизме, который бы обеспечивал объективное соотношение ответственности между различными участниками строительства. Это необходимо, прежде всего, для того, чтобы обеспечить граждан защитой от возможных дефектов строительных конструкций, которые могут привести к травмам или гибели людей. На сегодняшний момент всё больше объектов строительства не отвечает требуемым техническим и эксплуатационным нормам, что приводит к их разрушению, в результате всё большее количество людей становятся пострадавшими как в физическом, так и материальном плане. Так, обрушение аквапарка в г. Москве привело к гибели семьи и травмам различной степени тяжести посетителей, но при определении, кто ответственен за данный трагический факт, возникли сложности. Заказчик обвинил генерального подрядчика в том, что была нарушена технология строительства, генеральный подрядчик обвинил поставщика материала, ссылаясь на ненадлежащее качество материала, далее обвинили проектировщиков и т.д., в конечном счете, уголовную ответственность понесли рядовые участники: рабочие и мастера, что очевидно выходит за рамки объективной оценки происходящего.

На взгляд авторов, при сдаче объекта в эксплуатацию органам технического надзора следует проводить не только визуальную проверку, формальную проверку документов и соотношения параметров объекта с проектом строительства, но и технически обеспечивать контроль за качеством основных конструктивных элементов здания и основных используемых материалов. Так, к примеру, некачественный утеплитель или ошибки в технологии отделочных работ, очевидно, не приводят к обрушению здания, но ошибки в технологии монтажа несущих конструкций, использование некачественного бетона, очевидно, повышают риск разрушения объекта строительства. Например, авторы обследовали недавно построенный крупный объект в г. Уфе (учитывая конфиденциальность информации, название объекта не приводится), в результате обследования было выявлено следующее: так как входной и текущий кон-

Хайруллин В. А.

Шибиркина М. С.

троль качества бетонной смеси и бетона поставщиком бетона и производителем работ при бетонировании и твердении не проводился (в материалах дела данные отсутствуют), то установить, по чьей вине это произошло, не представляется возможным. Отсутствие такого контроля является нарушением условий договора поставки. Несоответствие бетона нормам по средней плотности в большей степени объясняется неправильным подбором состава бетона¹ на заводе-изготовителе. Очевидно, что данный факт мог быть установлен при сдаче объекта в эксплуатацию. При обследовании нового жилого дома, где заказчиками обследования выступила инициативная группа граждан, авторами было дано заключение, что при монтаже лестничных маршей было установлено несоответствие геометрических размеров лестничных площадок с требованиями проекта. В результате этого большинство лестничных маршей были установлены с недостаточным опиранием на края фризовой ступени. Требуемая величина опирания — не менее 70 мм. Опирание лестничных маршей на фризную ступень составляет в некоторых случаях менее 4 см. Техническое состояние узлов опирания лестничных маршей на фризную ступень монолитной лестничной площадки аварийное.

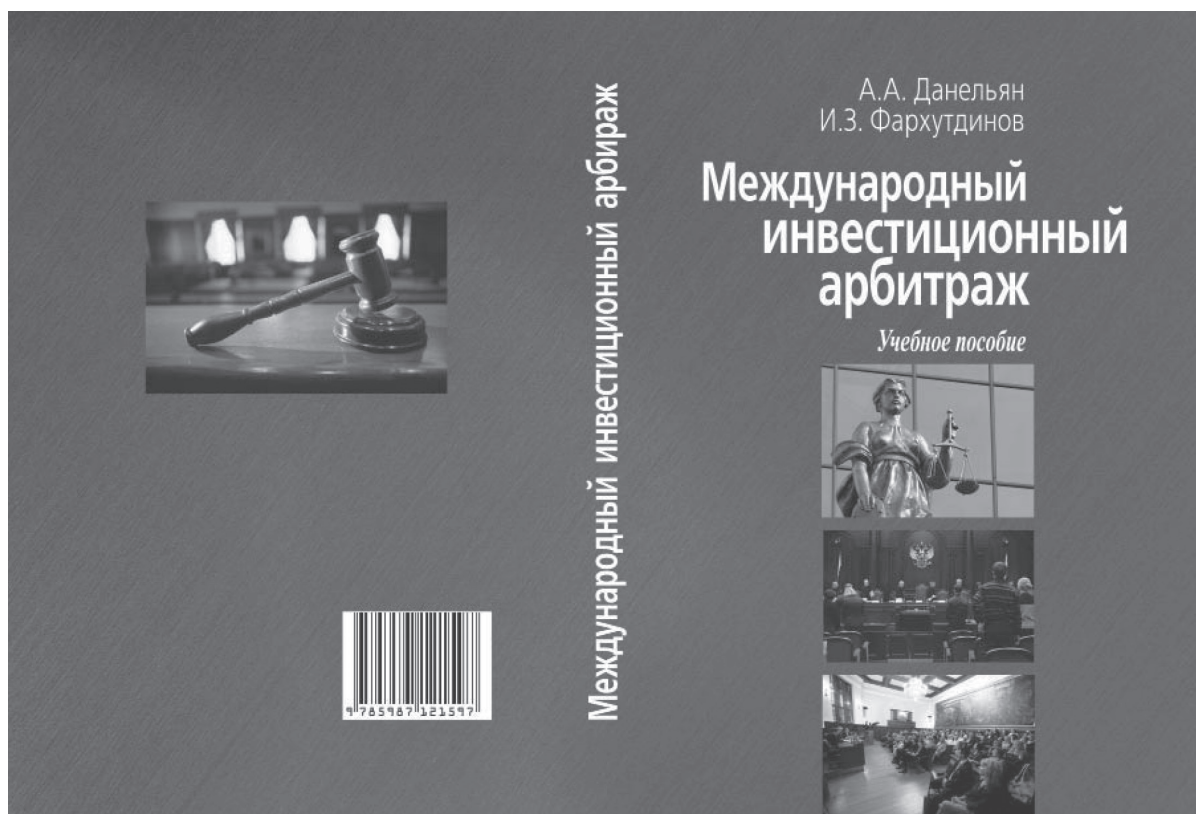
Возникает закономерный вопрос, по какой причине органы государственного регулирования, ответственные за соблюдение качества конечной строительной продукции, дают положительное заключение. Объясняется это вышеперечисленными причинами, прежде всего, формализмом проверки. Учитывая тот факт, что эксплуатация строительной продукции всегда содержит в себе риск для жизнедеятельности потребителей, авторы считают, что прежде всего органы, которые осуществляют мониторинг качества объекта строительства при сдаче его в эксплуатацию, должны нести прямую уголовную ответ-

1 ГОСТ 27006–86 Бетоны. Правила подбора состава. — М.: Издательство стандартов, 2010.

ственность, в случае если эксплуатация объекта строительства привела к травмам или гибели людей.

Пристатейный библиографический список

- ГОСТ Р 54257–2010. «Надежность строительных конструкций и оснований. Основные положения и требования». — М.: Стандартинформ, 2011.
- ГОСТ Р 53778–2010 «Здания и сооружения. Правила обследования и мониторинга технического состояния» — М.: Издательство стандартов, 2010.
- ГОСТ 7473–2010 «Смеси бетонные. Технические условия». — М.: Издательство стандартов, 2010.
- ГОСТ 27006–86 «Бетоны. Правила подбора состава» — М.: Издательство стандартов, 2010.
- РД-22–01–97. Требования к проведению оценки безопасности эксплуатации производственных зданий и сооружений поднадзорных промышленных производств и объектов (обследование строительных конструкций специализированными организациями). — М.: ЭКЦ-МЕТАЛЛУРГ, 1997.
- Нормативы для оценки агрессивности среды при обследовании, усилении и антикоррозионной защите строительных конструкций эксплуатирующихся в условиях агрессивной среды. Обязательное методическое пособие для экспертов промышленной безопасности объектов химического комплекса. — М.: ИПК Нефтехим, 2003.
- Положение об осуществлении государственного строительного надзора в Российской Федерации от 1 февраля 2006 г. № 54.
- ПОТ РО 14000–004–98. Положение. «Техническая эксплуатация промышленных зданий и сооружений».
- Пособие по обследованию строительных конструкций зданий. — М.: АО ЦНИИПромзданий, 1997.
- Рекомендации по оценке надежности строительных конструкций зданий и сооружений по внешним признакам. — М.: ЦНИИПромзданий, 2001.
- РД 03–606–03. «Инструкция по визуальному и измерительному контролю».
- СНиП 3.03.01–87. «Несущие и ограждающие конструкции». — М.: Стройиздат, 1999 г.
- СНиП 2.03.01–84. «Бетонные и железобетонные конструкции». Госстрой СССР. — М., ЦИТП Госстроя СССР, 1989.
- СНиП 52–01–2003. «Бетонные и железобетонные конструкции. Основные положения» / Госстрой РФ. — М.: ГУП НИИЖБ, 2004.
- СНиП 1.02.01–83 «Основания зданий и сооружений». — М., 1985.
- СНиП 2.01.07–85. «Нагрузки и воздействия» / Госстрой России. — 1999.
- СНиП 3.01.04–87 «Приемка в эксплуатацию законченных строительством объектов. Основные положения».
- СП 13–102–2003. «Правила обследования несущих строительных конструкций зданий и сооружений». — М., 2004.
- СДОС-03–2009 «Положение по проведению строительного контроля при строительстве, реконструкции, капитальном ремонте объектов капитального строительства» от 20 июля 2009 г. № 30-БНС.

**Мозговая Н. М., Костылева Е. Г.,
Грогуленко Н. В., Шакирова Э. В.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ:
ПОНЯТИЯ И ДЕФИНИЦИИ**

В статье проводится анализ существующих на данный момент терминологических определений понятия «политическая оппозиция». Делается вывод о том, что понятие оппозиции можно рассмотреть с двух основных подходов, которые условно можно назвать «социологическим» и «политологическим». Авторами предлагается собственное определение «политической оппозиции».

Ключевые слова: общественные организации, политические акторы, политические лидеры, политическая оппозиция, политические партии, политический режим.

**Mozgovaya N. M., Kostilyova Ye. G.,
Grogulenko N. V., Shakirova E. V.
POLITICAL OPPOSITION:
CONCEPTS AND DEFINITIONS**

In the article the analysis of terminological definitions of presently existing concept «political opposition» is carried out. The conclusion that the concept of opposition can be considered from two main approaches which may be conditionally named as «sociological» and «politological» is drawn. The authors offer their own definition of «political opposition».

Keywords: public organizations, political actors, political leaders, political opposition, political parties, political regime.

Понятие «оппозиция» в социальных науках имеет самые разные толкования. В целом можно выделить два основных подхода, условно обозначив их «социологическим» и «политологическим». В первом случае оппозиция трактуется как широкое социальное явление, обусловленное неоднородностью общества и естественной природой человеческой натуры. Так, например, Г. Ионеску и И. де Мадарьяги указывают, что оппозиция может рассматриваться как инстинкт, корни которого проистекают из самой человеческой природы и который в разной степени открыто манифестируется в зависимости от уровня его общественного контроля и подавления¹. В российской науке В. А. Васильев дал понимание политической оппозиции как естественного отражения политической жизни, обусловленного общественной дифференциацией и многообразием интересов различных социальных групп². Подобный социологический подход в понимании оппозиции свойственен также Э. И. Скакунову и другим исследователям³.

Политологический подход понимает «оппозицию» в более узком смысле, разграничивая такие понятия, как просто «оппозиция» и собственно «политическая оппозиция». Это означает, что под оппозицией понимаются не столько объективные социальные разногласия и оппозиционные настроения, существующие в обществе, сколько некие субъекты, включенные в процесс политико-властных отношений и, следовательно, оппозиционная деятельность таких субъектов носит сугубо политический характер. В частности, подобный подход последовательно аргументирует С. А. Сергеев⁴.

Мозговая Н. М.

Костылева Е. Г.

Грогуленко Н. В.

Шакирова Э. В.

Рассматривая эту теоретическую проблему в политической науке, М. Кубат разграничивает «универсальные» и «аналитические» дефиниции оппозиции⁵. Классическим примером универсального подхода в определении оппозиции является дефиниция Р. Даля, который, признав сложность в формулировании однозначного определения такого политического явления, как оппозиция, предложил понимать оппозицию во взаимосвязи отношений А и В в определенный период времени, где А является властным субъектом, а В находится вне властных позиций и оппонирует А. При такой диспозиции В и является тем, что исследователи определяют как «оппозиция». Р. Даль специально вводит хронологическое ограничение, поскольку в иной отрезок времени В может занять место А, и тогда уже А будет рассматриваться как «оппозиция»⁶. К универсальному подходу можно причислить также мнение Е. Колински, которая понимает оппозицию как «право меньшинства критиковать большинство, осуществлять контроль и добиваться общественно-электоральной поддержки для защиты альтернативных позиций»⁷.

Однако столь широкие определения оппозиции создают трудности их использования в исследованиях эмпирической

Казань, 2005. — С. 25.

1 Ionescu G., de Madariage I. Opposition: Past and Present of a Political Institution. — Harmondsworth, UK: PenguinBooks, 1972. — P. 4.
2 Васильев В. А. Оппозиция как социальное явление // Социально-политический журнал. — 1996. — № 5. — С. 42–52.
3 Скакунов Э. И. Политическая оппозиция в период модернизации в России // Социологические исследования. — 1999. — № 8. — С. 15.
4 Сергеев С. А. Политическая оппозиция в современной России (федеральный и региональный аспекты): Дис. ... докт. полит. наук. —

5 Kubát M. Political Opposition in Theory and Central European Practice. — Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2010. — P. 16.
6 Dahl R. A. Political Oppositions in Western Democracies. — New Haven, CT, Yale University Press, 1966. — P. 12.
7 Kolinsky E. «Opposition» // The Blackwell Encyclopedia of Political Science, ed. Vernon Bogdanor. — 2nd ed. — Oxford: Blackwell, 1992. — P. 398.

направленности. Сам Р. Даль признавал, что его вводное определение слишком абстрактное и не может быть окончательным при исследовании каких-то конкретных политических систем со своими особенностями⁸. Поэтому в многочисленных эмпирических работах исследователи в большей мере используют так называемые аналитические дефиниции оппозиции, которые при всем своем многообразии сводятся к пониманию данной категории как институционализированной формы политической конкуренции и оппонирования властным субъектам.

Истоки аналитического подхода связаны с работами Г. Ионеску и И. де Мадарьяги, которые предложили разделять такие понятия, как «оппозиция» и «политическая оппозиция»⁹. Если под первым понятием они рассматривали широкий круг оппонентов власти, то второй термин указывал на определенную степень институционализации отдельных политиков и социальных групп, осуществляющих противодействие власти в рамках определенных формально-правовых границ и институционально интегрированных в контуры существующей политической системы. Такое разделение понятий в концепции этих авторов было не просто игрой слов, но и влекло существенные теоретические последствия. Главным из них является то, что существование политической оппозиции в данном понимании признается только в рамках демократического режима, поскольку только в рамках демократии она может в полной мере принять «институционализированные формы, быть широко известной и легитимизированной»¹⁰.

Такой подход к анализу оппозиции в политических исследованиях стал довольно распространенным. Продолжая эту традицию, Д. Робертсон определяет оппозицию как «политические группы, партии или ассоциации индивидов, которые желают поменять правительство или его политический курс»¹¹. В этой связи в многочисленных эмпирических исследованиях политическую оппозицию рассматривают внутри определенных институциональных границ, таких как парламент или политические партии¹².

Тезис о чрезмерной категоричности ограничения политической оппозиции только институциональными рамками выглядит вполне справедливым еще и потому, что эмпирически ориентированные исследования в политической науке характеризуются разработкой типологий оппозиции, в которые, как правило, включаются разные формы оппозиции, многие из которых нельзя признать достигшими окончательной стадии институционализации.

Наиболее распространенной типологией политической оппозиции является деление различных оппозиционных акторов по таким критериям, как цели и средства. В целом это деление приводит к разграничению «нормальной» и «девиантной» оппозиции. Так, Р. Даль по критерию цели оппозиции разделил ее на «структурную» и «неструктурную», имея в виду то, что «неструктурная» оппозиция ставит своей целью сместить отдельных персон с властных позиций и занять их места, но не стремится поменять режимные характеристики политической системы и социально-экономический уклад государства¹³. Обо-

значая похожий тип политической оппозиции, Х. Линц ввел термин «полуоппозиция»¹⁴, а Ф. Бэргхурн такого рода оппозицию определял как «фракционную»¹⁵.

На другой стороне подобных типологий располагаются «девиантные» политические силы, которые стремятся не только занять властные позиции, но и сменить существующий политический и социально-экономический порядок в обществе. Подобная оппозиция разными исследователями определяется как «принципиальная»¹⁶, «неструктурная»¹⁷, «антисистемная»¹⁸, «фундаменталистская»¹⁹ и т. д.

Когда политологи применяют критерий используемых средств в политической борьбе, то примерно подобным же образом можно выделить «нормальную» и «девиантную» оппозицию. В данном случае в разных рода типологиях можно встретить деление оппозиции на «лояльную» (действующую в рамках легальных процедур), «полулояльную» и «нелояльную»²⁰. В последнем случае имеются в виду политические силы, способные применить неконвенциональные средства в политической борьбе, вплоть до открытого протеста и насилия²¹.

Таким образом, хотя в теоретических дефинициях ученые часто ограничиваются пониманием политической оппозиции как институционального атрибута демократии, при эмпирических описаниях и разработках типологий они включают в это понятие более широкий круг политических акторов, которые действуют как внутри политических институций, так и вне их, используя самые разнообразные средства и стратегии и преследуя самые разные цели, как системного, так и несистемного характера.

Исходя из вышесказанного, в качестве политической оппозиции мы понимаем совокупность политических акторов (политических лидеров, партии, общественные организации, клики, кланы и т. д.), оппонированных власти, действующих как внутри, так и вне институциональных границ, не занимающих властно-управленческих позиций, но стремящихся их достичь.

Пристатейный библиографический список

1. Васильев В. А. Оппозиция как социальное явление // Социально-политический журнал. — 1996. — № 5.
 2. Гельман В. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис. — 2004. — № 4.
-
- and Nelson W. Polsby. — Reading, Mass.: Addison-Wesley Publishing Company, 1975. — P. 167.
 - 14 Linz J. Opposition to and under an Authoritarian Regime: The Case of Spain // Regimes and Oppositions / R. Dahl (ed.). — New Haven and London: Yale University Press, 1978. — P. 191.
 - 15 Barghoorn F. Factional, Sectoral, and Subversive Opposition in Soviet Politics // Regimes and Oppositions / R. Dahl (ed.). — New Haven and London: Yale University Press. — P. 89.
 - 16 Kirchheimer O. Germany: The Vanishing Opposition // Political Oppositions in Western Democracies / Ed. Robert Dahl. — New Haven: Yale University Press, 1966. — P. 170.
 - 17 Dahl R. Governments and Political Oppositions // In Handbook of Political Science: Vol. 3 (Macropolitical Theory) / ed. Fred I. Greenstein, Nelson W. Polsby. — Reading, Mass.: Addison-Wesley Publishing Company, 1975. — P. 167.
 - 18 Sartori G. Opposition and Control Problems and Prospects // Government and Opposition. — 1966. — Vol. 1. — № 1. — P. 151.
 - 19 Kolinsky E. «Opposition» // The Blackwell Encyclopedia of Political Science / Ed. Vernon Bogdanor. — 2nd ed. — Oxford: Blackwell, 1992. — P. 398.
 - 20 Linz J. Opposition to and under an Authoritarian Regime: The Case of Spain // Regimes and Oppositions / R. Dahl (ed.). — New Haven and London: Yale University Press, 1978. — P. 27–38.
 - 21 Гельман В. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис. — 2004. — № 4. — С. 55.

3. Сергеев С. А. Политическая оппозиция в современной России (федеральный и региональный аспекты): Дис. ... д-ра полит. наук. — Казань, 2005.
4. Скакунов Э. И. Политическая оппозиция в период модернизации в России // Социологические исследования. — 1999. — № 8.
5. Шакирова Э. В. Политическая оппозиция как фактор увеличения агрессии у молодежи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. — 2013. — № 4 (30). — Часть III.
6. Barghoorn F. Factional, Sectoral, and Subversive Opposition in Soviet Politics // Regimes and Oppositions. R. Dahl (ed.). — New Haven and London: Yale University Press, 1973.
7. Dahl R. A. Political Oppositions in Western Democracies. — New Haven, CT, Yale University Press. — 1966.
8. Dahl R. Governments and Political Oppositions // In Handbook of Political Science: Vol. 3 (Macropolitical Theory) / Ed. F. I. Greenstein, N. W. Polsby. — Reading, Mass.: Addison-Wesley Publishing Company, 1975.
9. Helms L. Studying Parliamentary Opposition in Old and New Democracies: Issues and Perspectives // The Journal of Legislative Studies. — 2008. — Vol. 14. — № 1.
10. Ionescu G., de Madariage I. Opposition: Past and Present of a Political Institution. — Harmondsworth, UK: PenguinBooks, 1972.
11. Kirchheimer O. Germany: The Vanishing Opposition // Political Oppositions in Western Democracies / Ed. Robert Dahl. — New Haven: Yale University Press, 1966.
12. Kolinsky E. «Opposition» // The Blackwell Encyclopedia of Political Science / Ed. Vernon Bogdanor. — 2nd ed. — Oxford: Blackwell, 1992.
13. Kubát M. Political Opposition in Theory and Central European Practice. — Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2010.
14. Linz J. Opposition to and under an Authoritarian Regime: The Case of Spain // Regimes and Oppositions. R. Dahl (ed.). — New Haven and London: Yale University Press, 1978.
15. Robertson R. The Penguin Dictionary of Politics. — London: Penguin Books, 1993.
16. Sartori G. Opposition and Control Problems and Prospects // Government and Opposition. — 1966. — Vol. 1. — № 1.

ВЕРХОВЕНСТВО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

LIBER AMICORUM
В ЧЕСТЬ ПРОФЕССОРА К. А. БЕКЯШЕВА

Настоящее издание представляет собой сборник статей по актуальным проблемам международного публичного права. Оно подготовлено к юбилею Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заведующего кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктора юридических наук, профессора К. А. Бекяшева. Авторами сборника — учеными-международниками, коллегами и учениками профессора К. А. Бекяшева — освещаются концептуальные проблемы развития современного международного права и его отдельных отраслей.

Для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, практикующих юристов, а также для всех интересующихся проблемами современного международного права.

Издательство «ПРОСПЕКТ»
480 611 42 02
www.prospekt.org

9 785392 113026

ВЕРХОВЕНСТВО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
LIBER AMICORUM В ЧЕСТЬ ПРОФЕССОРА К. А. БЕКЯШЕВА

ВЕРХОВЕНСТВО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

LIBER AMICORUM
В ЧЕСТЬ ПРОФЕССОРА К. А. БЕКЯШЕВА

Ошкин В. В.

ВЛИЯНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЭЛИТЫ И МАССЫ В ЕВРОПЕ РУБЕЖА XIX–XX ВВ. (ПО РАБОТАМ Р. МИХЕЛЬСА)

В статье освещается с позиции междисциплинарного политико-правового подхода вопрос о взаимоотношении элиты и массы. Цели обеих групп предполагают политическую деятельность в рамках существующего законодательства и борьбу за его изменение в собственных интересах. При этом, учитывая «железный закон олигархии» Михельса, следует помнить о возможности отрыва элит от масс, что подразумевает различие в целях, стоящих перед группами. В условиях демократии это может вылиться в отсутствие поддержки у отдельных политических акторов. Данная ситуация рассмотрена на примере борьбы вокруг избирательного права в Европе XIX–XX вв.

Ключевые слова: Михельс, избирательное право, политическая элита, политическое участие.

Oshkin V. V.

THE IMPACT OF ELECTORAL RIGHTS ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE ELITE AND THE MASSES IN EUROPE AT THE TURN OF 19TH AND 20TH CENTURIES (BY R. MICHELS' WORKS)

The article describes from the perspective of interdisciplinary legal and political approach the question of the relationship between elite and mass. The goals of both groups involve political activities within the framework of existing legislation and the struggle for its change in their own interests. However, given the Michels' «iron law of oligarchy», the possibility of detachment of the elite from the masses should be taken into consideration, which implies the difference in goals, facing the group. Within a democratic framework, it can result in lack of support from certain political actors. This situation is considered on the example of the struggle over electoral rights in Europe of the XIX–XX centuries.

Keywords: Michels, suffrage, political elite, political participation

Ошкин В. В.

Нормы права регулируют взаимоотношения между различными акторами общества. Поэтому представители различных общественно-политических организаций и движений прилагают активные усилия в рамках закона для выхода на уровень принятия решений в представительные органы власти либо оказания влияния на принятие решений, как минимум. Также заметим, что отношение к нормам права может быть индикатором измерения разрыва между элитой и массой¹.

В Европе рубежа XIX–XX вв. происходили важные политические изменения. Одним из главных явлений подобного рода стало появление массовых политических организаций — профсоюзов и политических партий. Новые акторы разрабатывали и новые подходы к организации борьбы за власть, новые возможности мобилизации масс². В самом начале процесса становления подобных организаций их изучением занялись ученые. Исследователь Р. Михельс рассмотрел влияние избирательного права на возникновение и развитие подобных организаций в контексте общей темы взаимоотношений элиты и массы в партии и обществе.

Элиты посредством выборов конкурируют за поддержку масс. Путь к такому пониманию открыло изменение избирательного права. При более старой цензовой системе политика и в области принятия государственных решений, и в области избрания представителей власти была делом, скорее, элитарным. Немногие могли себе позволить участие в голосовании. Политики и их незначительный (в масштабах всего общества) электорат могли игнорировать проблемы большинства. Целые группы населения, по причине материальной несостоятельности, могли быть исключены из поля зрения политических сил. Р. Михельс писал, что представители рабочего класса очень

долго пытались привлечь внимание традиционных партий (консерваторов и либералов) к своим проблемам, но не добились в этом успеха³. Самое развитое массовое движение рабочих указанного периода времени сформировалось в Германии. По мнению Р. Михельса, его социалистически ориентированные вожди перехватили инициативу у консерваторов и либералов. Сами же рабочие не являются априорно носителями социалистических идей. Их цели носят мелкобуржуазный характер, социалистическая идеология была привнесена и распространена извне.

Любая политическая партия нуждается в ресурсах нескольких типов. Во-первых, ей нужна поддержка на выборах, чтобы занять места в парламенте и принять активное участие в управлении (рабочие голосовать не имели права, поэтому не рассматривались как электорат либералами и консерваторами). Во-вторых, требуется финансовая поддержка избирательной кампании, что стимулирует руководство политических партий находить поддержку среди бизнес-сообщества либо находить выход на возможность использования административного ресурса (рабочие были бедны — лишь социалисты смогли организовать массовый сбор их средств на политические нужды по принципу скромного участия каждого, но большого числа участников). В 1871 г. избирательное право было распространено на все мужское население Германии, поэтому социалисты получили оба типа поддержки и выдвинулись в ряд влиятельных политических сил.

Политика и право взаимосвязаны — этот тезис вполне имеет право на жизнь. Как правило, реформами в области права завершается долгий период политических дискуссий и борьбы. Новые правовые рамки могут открывать путь к дальнейшему развитию политической системы, начинать новый этап по-

1 Крючков В. А., Сковиков А. К., Титова О. Н. Политическая элита: теоретический аспект // *Фундаментальные исследования*. — 2013. — № 11–8. — С. 1737.

2 Шабров О. Ф. Сущность и механизмы политического представительства // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. — 2009. — Т. 2. — № 6. — С. 110–111.

3 Michels R. Die Besinnung zur Politik [Текст] / Robert Michels. Mit e. Einf. Von Joachim Milles // *Masse, Führer, Intellektuelle: polit. — soziolog. Aufsätze 1906–1933*. — Frankfurt/Main: Campus Verlag, 1987. — P. 81–82.

литического процесса. Эти аспекты хорошо иллюстрируются примером реформы избирательного права.

С одной стороны, законодательное расширение избирательных прав можно рассматривать как итог борьбы. Массы получили легальные способы для реализации собственных интересов.

С другой стороны, эти перемены запустили процессы преобразования элиты, а также послужили истоком множества политических действий. Во-первых, традиционным политическим партиям (консерваторам и либералам) пришлось адаптироваться к новому положению вещей и создавать массовые политические организации. Причем легче всего это удавалось в тех странах, где сравнительно рано избирательное право было распространено на широкие слои населения. Во-вторых, в элиты стали входить руководители новых массовых движений. По результатам исследований Р. Михельса, они имели все шансы на включение в правящий класс, если принимали действующие там правила и нормы. Этот процесс ученый назвал амальгамизацией⁴. В-третьих, политическая борьба активизировалась. Часто она переходила в применение административного ресурса и правовых инструментов. Пример последнего случая рассмотрим подробнее.

Влияние рабочих и их лидеров на политику было в центре пристального внимания элиты Германской империи. Если на этапе ее становления канцлер Бисмарк рассматривал рабочее движение как союзника в борьбе с либерализмом, то в начале XX в. правящий класс перестал рассматривать социалистов в качестве союзников. Консервативные, либеральные, националистические силы вступали в соглашения, чтобы совместными усилиями не допустить социалистов к власти. На выборы в округа кандидаты по договору выставлялись таким образом, чтобы объединить все голоса несоциалистического лагеря вокруг одной фигуры, а не дробить их между несколькими сильными претендентами. Там, где этого было недостаточно, в ход шли законодательные ограничения избирательного права.

Р. Михельс продемонстрировал различие в оценке представителями элиты и массы подобных изменений права. В одной из частей Германской империи (Саксонии) были проведены реформы, снижающие число допускаемых до голосования избирателей-рабочих. СДПГ развернула широкую кампанию по возбуждению и организации народного недовольства прямым поражением в правах большой группы населения. Активисты потратили множество времени и сил на распространение листовок, проведение собраний. Но массы не пошли на конфронтацию с властью и равнодушно отнеслись к изменению законодательства. Р. Михельс объяснял это тем, что рабочие не видели нарушения собственных интересов в подобной контрреформе. Зато элита рабочих, чье политическое будущее зависело от выборов, восприняла ее как угрозу⁵.

Р. Михельс показывал на этом примере увеличивающийся разрыв между элитой и массами. Для нашей же темы важно, что правовые изменения в политике влекут перемены во внутриэлитном взаимодействии (ослабляя одну группу, усиливая другую) и в отношениях «элита-масса». В данном случае ситуация послужила индикатором непонимания элитами желаний масс, что может служить для первых поводом к пересмотру своей стратегии.

Эта ситуация может быть спроецирована и на современную Россию. В нашей стране происходит постоянный поиск оптимальной модели избирательного процесса. Пытаясь придать дополнительное значение институту политической партии, руководство страны проводило выборы по партийным спискам,

но позже было принято решение вернуться к смешанной системе⁶. Руководители регионов избирались народом, затем — парламентом субъекта, сейчас выборы снова возвращаются в политическую практику. Все эти перемены сопровождаются всплеском активности оппозиции (системной и несистемной)⁷. Показательно, что массовых выступлений, спровоцированных изменением законодательства о выборах, не было. То есть, как и в Саксонии начала XX в., элиты видят для себя возможности и угрозы, в отличие от масс. Для элит это сигнал к тому, что они, как минимум, плохо разъясняют свою позицию широким слоям населения. А демократичность устройства государства все же стоит измерять не только конфигурацией институтов и правовых норм, но и реальным взаимодействием элиты и массы, возможностями для социальной мобильности и равноправной коммуникации всех слоев населения⁸.

Таким образом, правовые реформы и действия политических сил вокруг них могут служить основанием для вывода о наличии или отсутствии взаимопонимания между элитой и массой. Наследие Р. Михельса предоставляет нам примеры разрыва элиты и массы по важным политическим вопросам, непонимания интересов друг друга. Согласно одной из современных теорий демократии (И. Шумпетер), это может стать основанием для политического фиаско одной из групп элит в рамках демократии. Примеры демонстрируют нам, что в современной России можно наблюдать сходные процессы взаимного непонимания оппозиции и масс. Все это доказывает необходимость междисциплинарных исследований при внимательном использовании наследия классиков политической науки.

Пристатейный библиографический список

1. Буренко В. И., Шумилов А. В. Политический класс современной России в контексте инструментального подхода // PolitBook. — 2012. — № 4.
2. Крючков В. А., Сквиков А. К., Титова О. Н. Политическая элита: теоретический аспект // Фундаментальные исследования. — 2013. — № 11–8..
3. Сквиков А. К. Политическая и правящая элиты современной России: взаимодействия и противоречия // Политика и общество. — 2010. — № 10.
4. Фалина А. С. Сервисное государство: истоки теории, элементы практики // Социология власти. — 2012. — № 1.
5. Шабров О. Ф. Сущность и механизмы политического представительства // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2009. — Т. 2. — № 6.
6. Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie [Текст] / Robert Michels — Leipzig: Verlag von Dr. Werner Klinkhardt, 1911.
7. Michels R. Die Besinnung zur Politik [Текст] / Robert Michels. Mit e. Einf. Von Joachim Milles // Masse, Führer, Intellektuelle: polit. — soziolog. Aufsätze 1906–1933. — Frankfurt/Main: Campus Verlag, 1987.

4 Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie [Текст] / Robert Michels — Leipzig: Verlag von Dr. Werner Klinkhardt, 1911. — P. 364.

5 Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie [Текст] / Robert Michels — Leipzig: Verlag von Dr. Werner Klinkhardt, 1911. — P. 56.

6 Буренко В. И., Шумилов А. В. Политический класс современной России в контексте инструментального подхода // PolitBook. — 2012. — № 4. — С. 12.

7 Фалина А. С. Сервисное государство: истоки теории, элементы практики // Социология власти. — 2012. — № 1. — С. 134.

8 Сквиков А. К. Политическая и правящая элиты современной России: взаимодействия и противоречия // Политика и общество. — 2010. — № 10. — С. 18.

Севастьянов С. А.
**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
В СИСТЕМЕ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД
(ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**

В данной статье на примере Республики Башкортостан рассматриваются процессы становления и развития региональных отделений политических партий в рамках постсоветской общенациональной трансформации. Анализируются роль и значение органов государственной и муниципальной власти в рамках институционализации региональных отделений политических партий. Обозначены хронологические этапы, особенности и тенденции становления партийно-политического представительства в Башкортостане на различных уровнях власти и управления.

Ключевые слова: политическая партия, политическая трансформация, многопартийность, политическая система, органы государственной власти, институционализация политических партий, избирательная система, регион, этнополитика.

Севастьянов С. А.

Sevastianov S. A.
**REGIONAL BRANCHES OF POLITICAL PARTIES IN THE SYSTEM OF PARTY AND
POLITICAL REPRESENTATION OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN
IN THE POST-SOVIET PERIOD (POLITICAL AND LEGAL ASPECT)**

In the article on the example of the Republic of Bashkortostan the processes of formation and development of regional branches of political parties within the framework of post-Soviet national transformation is examined. The role and importance of state and municipal authorities in the framework of the institutionalization of regional branches of political parties are analyzed. The chronological stages, characteristics and trends of the formation of party and political representation in Bashkortostan at different levels of power and control are defined.

Keywords: political party, political transformation, a multi-party system, political system, public authorities, the institutionalization of political parties, electoral system, regional policy.

В результате структурной трансформации основ государственного и общественного устройства, произошедшей в нашей стране в начале 1990-х годов, в рамках новой политической системы в России возникли такие не существовавшие ранее явления, как многопартийность и усиление политической роли регионов.

Наличие полноценного института политических партий, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ, в настоящее время является важным условием для развития современного, правового государства с федеративной формой государственного устройства. В контексте существующей в России федеративной формы государственного устройства процессы партийно-политического представительства политических партий в регионах являются неотъемлемой составляющей общенациональной политической системы.

Политическая партия — это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления¹. Наряду с программно-идеологическими установками партии, в качестве одного из основополагающих элементов партийной организационно-политической конструкции традиционно принято рассматривать состояние партийно-политического представительства региональных отделений политических партий на различных уровнях власти и управления. От состояния партийных ячеек на местах и качества работы представителей партии в органах законодательной, исполнительной власти регионального или муниципального уровней во многом зависит

степень электоральной поддержки партии. Кроме того, следует отметить, что наличие конкурентоспособных региональных отделений политических партий оговорено действующим законодательством Российской Федерации.

Исследование проблемы регионального партийно-политического представительства обусловлено, во-первых, многообразием общественно-политических процессов, протекающих в российских регионах, во-вторых, возрастающей ролью политических партий как субъектов этих процессов. Формирование партийной системы, становление и развитие политических партий в России постсоветского периода в силу разного рода факторов происходило достаточно сложно и порой противоречиво. В связи с этим изучение процессов партийно-политического представительства в региональной системе власти имеет важное теоретическое и практическое значение. Анализ и характеристика партийно-политического представительства на примере одного из крупных регионов Российской Федерации — Республики Башкортостан — позволит проанализировать состояние и обозначить перспективы развития как самих политических партий, так и институтов государственной власти, парламентаризма, гражданского общества, а также в целом системы политических отношений регионального и общенационального уровня.

Необходимо отметить, что процессы становления и развития партийно-политического представительства российских политических партий конца XX — начала XXI вв. являются частью общенациональной политической трансформации, которая представляла собой сложный процесс, обусловленный конкретными историческими параметрами и социокультурными особенностями. Обращаясь к обозначенной в рамках данной статьи проблеме исследования, автор полагает, что, за исключением небольшого этапа на рубеже начала 1990-х годов, одним из наиболее существенных факторов, оказавших влияние на процессы партийно-политического представительства в регионах Российской Федерации, являлось состояние нормативно-правовой базы и ее правоприменение.

1 Федеральный закон от 02.04.2013 № 28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/04/04/partii-dok.html> (дата обращения 14.09.2014).

Формировавшуюся в условиях политико-трансформационных процессов конца XX — начала XXI вв. федеративную модель политических отношений в силу исторических и иных особенностей регионов России на разных этапах своего развития в той или иной степени можно рассматривать как асимметрично-договорную. Как один из характерных примеров партотгенеза в рамках такой модели политических отношений по линии федеральный центр — субъект Российской Федерации может рассматриваться ситуация с процессом институционализации партийно-политического представительства в Республике Башкортостан. Данный регион выступал одним из ведущих субъектов в системе политических отношений постсоветского периода. Такое положение объясняется тем, что Башкортостан характеризуется полиэтничным составом населения, исторически сложившимися особыми условиями политических отношений с центральными органами государственной власти дореволюционного, советского и постсоветского периодов, а со второй половины XX века — достаточно высоким уровнем социально-экономического развития.

Процессы институционализации партийной системы в постсоветской России берут свое начало с периода конца 80-х гг. XX в., когда в результате начавшейся в СССР политики «перестройки» сформировались собственно политико-идеологические, а также нормативно-правовые и организационные предпосылки становления многих современных российских партий. Весь процесс партотгенеза в рамках новейшей истории России, как на федеральном, так и на региональном уровнях можно разделить на несколько этапов. Хронологические рамки данных этапов обусловлены изменениями, происходившими в общественно-политической, социально-экономической и, как следствие, в нормативно-правовой сфере жизнедеятельности государства и общества.

Первый этап — советский или протопартийный. Он берет свое начало с перестроечных процессов в Советском Союзе конца 1980-х годов и заканчивается в ноябре 1991 г. запретом деятельности КПСС на территории Российской Федерации. В рамках данного этапа тогда еще Башкирская АССР, как составная часть политического пространства РСФСР, была включена в начавшиеся общественно-политические трансформации. Однако общесоюзная повестка демократизации советского общества в БАССР дополнялась региональной тематикой, фактически определившей впоследствии все содержание преобразований в общественно-политической сфере региона. В республике активно обсуждались вопросы изучения родного языка, девальвации культурно-исторических традиций и ценностей коренного населения, снижения уровня материального благосостояния жителей Башкирии. Кроме того, в этот период актуализировались вопросы, связанные с ухудшением экологической ситуации, в частности, с устранением последствий уфимской фенольной аварии 1990 г., строительством АЭС в городе Агидель, плохой экологической обстановкой в городах Стерлитамак и Салават.

В дальнейшем именно под влиянием вышеперечисленных факторов в рядах республиканской общности началось обсуждение и реализация идеи о повышении политического статуса БАССР. В республике начинают возникать новые каналы аккумуляции и артикуляции оппозиционных интересов. В этом процессе, происходившем во многом стихийно, выделились два основных направления — экологическое и национально-культурное. К первому направлению можно отнести такие организации, как БАИД (Башкирская ассоциация избирателей и депутатов), республиканское отделение ВООП (Всероссийское общество охраны природы), ко второму направлению — Башкирский народный центр «Урал», Союз башкирской молодежи. Следует отметить, что часть организаций национально-культурного толка довольно быстро приобрела радикальную окраску, и именно они озвучили требования придания Башкирии нового политического статуса, которые впоследствии поддержало уже новое высшее руководство ре-

спублики в лице М. Г. Рахимова, избранного в апреле 1990 г. Председателем Верховного Совета Башкирской АССР.

В связи с отменой ст. 6 Конституции СССР о руководящей роли КПСС возникла необходимость практической институционализации новых субъектов политического процесса и их политического представительства, прежде всего, большого числа общественных организаций и политических партий. В октябре 1990 г. был принят закон СССР «Об общественных объединениях». Закон открыл дорогу для юридической регистрации политических партий². Ю. Н. Никифоров отмечал: «В БАССР к началу 1990-х годов созрели политические, правовые и идейные предпосылки для начала институционализации, как общероссийских отделений политических партий, так и местных региональных общественно-политических организаций»³.

Следует сказать, что избрание на высшую государственную должность М. Г. Рахимова произошло в условиях, когда республиканские общественно-политические движения и партии фактически не принимали в этом процессе участия. Данное обстоятельство оказало значительное влияние на дальнейшее развитие всей системы многопартийности в Башкортостане. Западающее развитие партийной системы по отношению к изменению власти стало характерной чертой дальнейшего партотгенеза в регионе. Важным результатом этого процесса стало развитие тенденции концентрации властно-административных ресурсов, прежде всего в республиканских органах исполнительной власти.

Второй этап институционализации партийно-политического представительства охватывает хронологические рамки с 1991 по 1999 г. Данный этап можно охарактеризовать как демократический федеративно-региональный. В связи с принятием в октябре 1993 г. Декларации о государственном суверенитете Республики Башкортостан, Конституции Республики Башкортостан и последующим подписанием договора «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти РБ» доминирующим фактором политических процессов в регионе стали законы и нормативно-правовые акты республиканского уровня. Влияние федеральных законов, а также федеральных партийно-властных структур на политическую жизнь в регионе в этот период становится минимальным.

В июне 1994 г., еще до принятия федерального закона, регулирующего деятельность политических партий, в республике был принят местный закон «О политических партиях в Республике Башкортостан»⁴. Он устанавливал нормы, регламентирующие создание политических партий в РБ и основы их деятельности, обеспечивавшие ее правовые и финансовые гарантии.

Невмешательство федеральных структур в республиканское политико-правовое пространство и регионализация процессов партийного строительства, проходившие на территории республики, в этот период были связаны с началом действия системы договорных отношений между Российской Федерацией и Республикой Башкортостан. Кроме того, федеральная исполнительная власть испытывала электоральную зависимость от руководства республики, в случае, когда Москва нуждалась

- 2 Статистические данные о количестве и статусе политических партий и общественно-политических организаций на территории Башкортостана в исследуемый период представлены в ряде работ региональных исследователей. Подробнее см.: Лаврентьев С. Н. Партии, движения и блоки РБ в 1989–1996 гг. // Ресурсы мобилизованной этичности. — М., 1997; Никифоров Ю. Н., Никифоров А. Ю. Статус политических партий в постсоветской России: особенности формирования, типология, тенденции развития. — Уфа, 2002.; Аюпов М. А. Политико-трансформационные процессы в Республике Башкортостан 1986–2006 гг. — Уфа, 2008.
- 3 Никифоров Ю. Н., Никифоров А. Ю. Указ. соч. — С. 49.
- 4 Ведомости Верховного Совета и Правительства Республики Башкортостан. 1994. — № 10 (28) — Октябрь.

в обеспечении поддержки на выборах. При этом характерной чертой этого периода было то, что собственно республиканская элита, представлявшая и выражавшая интересы республиканских органов государственной власти, предпочитала действовать в электоральных процессах преимущественно самостоятельно, ограниченно используя систему партийно-политического представительства главным образом лишь на выборах в Государственную Думу РФ.

Партии в регионе на данном этапе, будучи вытесненными из политической жизни, не имея необходимых ресурсов, общественной поддержки, выступали маловлиятельными субъектами законодательного и административно-управленческого процессов. Если в начале 90-х годов в Башкортостане в органах юстиции было зарегистрировано 236 общественно-политических организаций, то в связи с принятием регионального законодательства о политических партиях к 1997 г. число общественных объединений политической направленности сократилось до семи⁵.

По результатам выборов депутатов Государственного собрания — Курултая Республики Башкортостан первого созыва, состоявшихся в марте 1995 г., политические партии были представлены в Законодательной палате башкирского парламента лишь одиночными депутатами — от Союза ветеранов Афганистана, «Трудовой Башкирии», Аграрной партии и других (их общая доля в это время составляла 1,4%). В Палату представителей были избраны 156 депутатов — по два от каждой из 78 административно-территориальных единиц Башкортостана. 49,7% депутатов Палаты представителей составляли главы районов и городов Башкортостана, а 13,7% — представители республиканского правительства⁶.

По мнению Н. Б. Чувилиной, «причиной активной и доминирующей роли республиканской власти в партийных процессах во второй половине 1990-х годов была необходимость сохранения политической управляемости и стабильности в регионе... Влияние федеральных акторов на политические процессы в республике в этот период ограничивалось лишь некоторым совершенствованием нормативной базы протекания общенациональных избирательных кампаний в регионе»⁷.

Третий этап — федеративно-централизованный, охватывает хронологические рамки с 2000 по 2011 г. На данном этапе происходит переформатирование и встраивание всей системы партийно-политического представительства региона в единую федеральную модель. В мае 2000 г. новым Президентом РФ В. В. Путиным был подписан Указ «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе»⁸, установивший семь федеральных округов и существенно изменивший структуру и вектор государственной внутренней региональной политики. В 2001 г. принимается новая редакция Федерального закона «О политических партиях», направленная на исключение возможностей неконтролируемого возникновения новых партий и вытеснение политических сил, способных конкурировать с властью, на периферию политической жизни⁹.

5 Никифоров Ю. Н., Никифоров А. Ю. Указ соч. — С. 54.

6 Галлямов Р. Р. Политические элиты российских республик: особенности трансформации в постсоветский период / Университетская политология России: Сборник статей. — Москва, 1999. — С. 39.

7 Чувилина Н. Б. Электоральные процессы в Республике Башкортостан в постсоветский период: роль институтов гражданского общества // Глобализация и социальные изменения в современной России: тезисы докладов III Всерос. социол. конгресса. — Москва, 2006. — С. 89.

8 Указ Президента РФ от 13.05.2000 № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?654538> (дата обращения: 14.09.2014).

9 Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» [Электронный ресурс]. — Режим до-

На этом фоне Президент Республики Башкортостан М. Г. Рахимов выступает с критикой общеполитического курса. «В республике в настоящее время зарегистрировано 12 партий и более 400 различных общественных объединений. В то же время в Башкортостане, как и во всей России, процесс их активного включения в общественную жизнь затягивается, что серьезно тормозит становление гражданского общества»¹⁰. Однако, несмотря на отдельные попытки сопротивления, предпринимаемые первыми лицами российских регионов, на данном этапе происходят изменения нормативно-правовых параметров системы партийно-политического представительства, которые сопровождаются утратой влияния в новой конфигурации региональных органов власти и усилением влияния федеральных государственных и партийных структур.

В регионах начинается процесс закрепления политической практики, «проектирования партотгенеза» на основе краткосрочного прогнозирования политической ситуации, исходя из необходимости участия федеральных политических партий в выборах различного уровня. В новой конфигурации региональные отделения политических партий по-прежнему не функционируют как самостоятельные субъекты, при этом они встраиваются в рамки обновленной властно-управленческой вертикали «федеральное законодательство — субъект РФ».

На данном этапе в Республике Башкортостан представительство политических партий в региональном парламенте Государственном собрании — Курултае РБ за исключением партии власти «Единая Россия» было фактически номинальным, ведь из 120 депутатов более 110 представляли «Единую Россию»¹¹.

Таким образом, подводя некоторые итоги, можно констатировать, что процессы институционализации регионального партийно-политического представительства постсоветского периода закономерно несли на себе отпечаток политико-трансформационных преобразований общесоюзного, а затем и общероссийского масштаба. Региональные процессы, являясь составной частью общенациональной трансформации, за два десятилетия совершили переход от общесоюзной административно-командной партийно-государственной советской модели партийно-политического представительства, через последующую демократизацию и регионализацию, к современной общенациональной модели. Последняя характеризуется в отечественной юридической и политической науке такими категориями, как «приоритет федерального законодательства», «единое федеральное правовое пространство», «вертикаль власти», «управляемая демократия», «электоральный авторитаризм»¹².

В качестве причин такого во многом циклического по своему характеру и содержанию нормативно-правового и политического транзита следует назвать отсутствие позитивного опыта многопартийности и демократических электоральных процедур, а также слабую институциональную составляющую гражданского участия жителей России в общественно-политической и законодательской жизни государства.

Следует отметить, что на процессы институционализации партийно-политического представительства в Республике Башкортостан воздействовали как внешние (федеральные), так и внутренние (республиканские), факторы. Находясь в русле

ступа: <http://www.rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html> (дата обращения 14.09.2014).

10 Рахимов М. Г. Послание Президента РБ Государственному Собранию РБ: (Материалы заседания Государственного Собрания Республики Башкортостан второго созыва 7 апреля 2001 года). Уфа, 2001.

11 Павлова Н. Курултай обрежут незаметно. — Коммерсант. — 2011. — № 66.

12 Смолин О. Н. Политический процесс в современной России. — Москва, 2006. — С. 56.

общероссийских процессов, региональный партогенез при этом имел свои особенности, обусловленные исторически сложившейся конфигурацией и поведением республиканских политических элит, а также этнополитическим фактором. Кроме того, степень воздействия федерального законодательства и федеральных и региональных органов власти на процессы партийно-политического представительства в регионе на разных этапах исследуемого периода была различной.

На сегодняшний день партийно-политическое представительство в российских регионах, как и в целом на федеральном уровне, переживает этап очередной трансформации. Это связано в первую очередь с принятием в первой половине 2012 г. комплекса поправок в Федеральный закон № 95-ФЗ «О политических партиях»¹³, а также с изменениями ряда параметров текущего политического и законотворческого процесса на федеральном и региональном уровнях.

Пристатейный библиографический список

1. Аюпов М. А. Политико-трансформационные процессы в Республике Башкортостан 1986–2006 гг. — Уфа, 2008.
2. Ведомости Верховного Совета и Правительства Республики Башкортостан. — 1994. — № 10 (28). — Октябрь.
3. Галлямов Р. Р. Политические элиты российских республик: особенности трансформации в постсоветский период / Университетская политология России: Сборник статей. — М., 1999.
4. Лаврентьев С. Н. Партии, движения и блоки РБ в 1989–1996 гг. // Ресурсы мобилизованной этичности. — М., 1997.
5. Никифоров Ю. Н., Никифоров А. Ю. Статус политических партий в постсоветской России: особенности формирования, типология, тенденции развития. — Уфа, 2002.
6. Павлова Н. Курултай обрежут незаметно. // Коммерсантъ. — 2011. — № 66.
7. Рахимов М. Г. Послание Государственному Собранию: (Материалы заседания Государственного Собрания Республики Башкортостан второго созыва 7 апреля 2001 года). — Уфа, 2001.
8. Смолин О. Н. Политический процесс в современной России. — М., 2006.
9. Указ Президента РФ от 13.05.2000 № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?654538> (дата обращения: 14.09.2014).
10. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html>. (дата обращения 14.09.2014)
11. Федеральный закон от 02.04.2013 № 28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/04/04/partii-dok.html> (дата обращения 14.09.2014).
12. Чувиллина Н. Б. Электоральные процессы в Республике Башкортостан в постсоветский период: роль институтов гражданского общества // Глобализация и социальные изменения в современной России: тезисы докладов III Всерос. социол. конгресса. — М., 2006.

13 Федеральный Закон № 95-ФЗ «О политических партиях» // Российская газета [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html>

Титова О. Н.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ И МОЛОДЕЖИ В РОССИИ

Рассмотрен вопрос участия молодежи в политической жизни общества. Обозначены интересы, ресурсы и возможности взаимодействия между политической элитой и молодежью, показано значение организационно-правового обеспечения этого процесса. Определены границы потенциала молодых россиян в политике с учетом федеральных законов, регламентирующих процесс формирования и деятельности молодежных политических институтов, объективных и субъективных факторов, влияющих на взаимодействие российской политической элиты и молодежи.

Ключевые слова: нормативно-правовое поле, политическое участие, политическая элита, политические партии, молодежь.

Titova O. N.

THE INTERACTION BETWEEN THE POLITICAL ELITE AND YOUTH IN RUSSIA

The issue of the participation of youth in the political life of society is considered. The interests, resources and interoperability between the political elite and youth are designated; the importance of organizational and legal support of this process is shown. The limits of the young Russians' potential in politics with due regard for the federal laws governing the process of formation and activities of youth political institutions, the objective and subjective factors influencing the interaction of the Russian political elite and youth are determined.

Keywords: regulatory-legal framework, political participation, political elite, political parties, youth.

Титова О. Н.

В современной России идет процесс активизации молодежи в политике. Федеральные законы «О политических партиях», «Об общественных объединениях» позволяют гражданам реализовывать свой потенциал посредством участия в политической жизни общества. При этом молодежные активисты ставят перед собой цель выйти на уровень принятия решений в представительные органы власти всех уровней. Это достаточно противоречивый процесс. Трудности во взаимодействии политической элиты и молодежи вызваны тем, что оно осуществляется в сложных условиях развития страны в целом¹. На характер формирующейся элиты влияют внутренние и внешние факторы, обуславливая необходимость адекватного реагирования ее на темпы и содержание перемен².

Принципиальное значение имеет создание такого правового поля, которое определит организационные рамки взаимодействия всех акторов политического процесса, поспособствует поддержанию в относительно стабильном состоянии политической системы. В этом процессе происходит столкновение интересов самой элиты и тех социальных групп, которые рекрутируют своих представителей в ее состав или сохраняют их как резервные группы, как ресурсный потенциал власти³. Станет ли реальностью для представителей молодежи вхождение в состав элиты определяется действием комплекса условий объективного и субъективного порядка (потребностями общества в определенном качестве политической элиты — агрессивности, социальности, нравственности и т. д. и способностью социализированной молодежи удовлетворить эти потребности). Чем более сложно и нестабильно общество, тем более противоречиво идет процесс формирования элиты, преобла-

дает гильдийный принцип ротации кадров. В России эта тенденция особенно четко проявляется на федеральном уровне.

В Российской Федерации с учетом введения санкций со стороны США и Европейского союза есть необходимость в проведении модернизации в экономической, правовой и политической сферах. Реальная модернизация в России может осуществиться при условии структурирования новой политической элиты, качество управления которой обеспечит новое качество жизни граждан. Политическая элита в современной России — самодостаточная, формально модернизированная группа со слабой социальной ориентацией, сохраняющая сложившийся традиционный, консервативный стиль управления⁴. Особенности трансформации политической элиты России в период социально-политических изменений являются: необходимость становления элитного корпуса, адекватного рационализации процесса политического управления; изменение структурного состава элиты, включение в него новых социальных и возрастных групп, «омоложение» политической элиты. Рационализация и социальная значимость функционирования политической элиты предполагает использование комплекса разнообразных материальных и духовных ресурсов. Критерием качества резервного состава элиты становится создание потенциала профессионального, социально значимого политического управления. На рубеже XX–XXI вв. этот процесс осуществлялся через системно-несистемные отношения внутри элиты, вынужденной подчиняться правилам политической игры и включенной в сетевые отношения дифференцирующегося общества. Российская политика продемонстрировала растущий менеджизм российского руководства и отсутствие «национально чувствующих, государственно мыслящих» людей. Легитимизация политической элиты определяется ее технологическими свойствами, в том числе способностью манипулировать населением. Этому способствует и быстрая бюрократизация молодых политиков. На этапе активной демократизации российской политической системы в конце XX в. — на фоне усиливающейся нестабильности общества — молодежь активно пополняла ряды не только региональной, но и федеральной элиты. В силу стабилизации социальной системы и авторитар-

1 Крючков В. А., Сквоиков А. К., Титова О. Н. Политическая элита: теоретический аспект // *Фундаментальные исследования*. — 2013. — № 11–8. — С. 1736–1740.

2 См. например: Дергунова Н. В., Ошкин В. В. Развитие концепции циркуляции элит в творчестве Р. Михельса // *Власть*. — 2013. — № 7. — С. 177–180; Дергунова Н. В., Ошкин В. В. Генезис представлений Р. Михельса о роли и функциях бюрократии в индустриальном обществе // *Власть*. — 2012. — № 11. — С. 100–103.

3 Титова Л. Г. Мифологизация политического процесса в контексте коммуникативного взаимодействия власти и общества // *PolitBook*. — 2013. — № 1. — С. 178.

4 Буренко В. И., Шумилов А. В. Политический класс современной России в контексте инструментального подхода // *PolitBook*. — 2012. — № 4. — С. 12.

ности политического режима, сформированности местных legislatures происходит естественное старение элит, в то время как процесс пополнения их молодыми силами существенно замедляется. Определить механизм формирования новой политической элиты — значит выявить процесс резервирования кадров из молодежной среды, структурирования политической элиты за счет рекрутирования молодежи. Анализ механизма рекрутирования включает: выявление условий, причин и целей вовлечения молодежи в элиту, методов работы с молодежью — создания кадрового резерва, выстраивания системы подготовки кадров, профессионального политического и управленческого образования, оценку качества деятельности молодых резервистов, контроль над исполнением и прогнозирование последующего пополнения состава элиты; предполагает разработку критериев инструментария исследования, обеспечивающих обоснованные выводы и рекомендации к практике рекрутирования. Важной составной частью этого механизма становится комплексная подготовка молодежи как кадрового ресурса политической элиты на уровне субъекта РФ, которая включает ряд позиций. Во-первых, разработку инновационных форм политического образования и воспитания, в процессе которых формируются когнитивные и инновационные способности молодого человека, гражданские и патриотические ценности. Во-вторых, политическую подготовку молодых людей, включенных в инновационные формы деятельности молодежных политических структур — общественно-политических организаций, движений, региональных молодежных правительств и парламентов. В-третьих, инкорпорацию молодых претендентов на власть в региональные политические элиты.

Подготовка профессионального молодежного резерва затрудняется тем, что темпы политической жизни в последние годы опережают способность системы образования осуществить своевременную подготовку кадров.

Соотношение активности политического участия и активности рекрутирования в политическую элиту в настоящее время носит обратный пропорциональный характер: чем выше уровень участия молодых людей в деятельности общественно-политических организаций, в протестных движениях, тем менее они предрасположены для деятельности в составе политической элиты⁵. И наоборот: молодежь, получившая навыки работы в политических институтах, которые достаточно быстро бюрократизируются — в молодежных парламентах и правительствах, — ориентирована на пополнение политической элиты. Современной тенденцией в развитии процессов активизации молодежи является преобладание социальной активности над политической. Молодые люди принимают участие в волонтерских движениях, общественных городских и областных мероприятиях по благоустройству, в местных и международных встречах по проблемам образования, здорового образа жизни, прав молодежи, в общественной жизни региона в целом. Это способствует развитию гражданских качеств молодых людей и создает необходимую базу для формирования навыков социального управления⁶. Менее активно

осуществляется взаимодействие местных органов управления с молодежными организациями, парламентами, правительствами, объединениями, СМИ, а именно это позволяет формировать молодежный ресурс власти — путем передачи опыта управления и решения проблем молодежи при помощи самой молодежи.

Таким образом, эффективность взаимодействия политической элиты и молодежи определяется формированием механизма реализации ресурсного потенциала молодежи, использованием возможностей молодежных политических институтов, общественно-политических объединений, политических партий, средств массовой информации, формированием интереса молодежи к политике, допуском молодежи к принятию политических решений.

Особенность российской модернизации в том, что при возрастании потребности в участии молодежи в становлении новых политических институтов субъективно степень ее реализации низка. При том, что молодежь в целом инертна и недостаточно активна в общественном плане, уровень ее социальной активности, тем не менее, выше, чем уровень активности политической. Невысокая степень политического участия молодежи вызвана несоответствием интересов и ожиданий молодежи (в том числе и карьерных) от предоставляемых элитой возможностей, в то время как будущее элит зависит от: эффективного распоряжения молодежными ресурсами; поощрения и сотрудничества с молодежными политическими институтами, СМИ, общественно-политическими молодежными организациями; заинтересованности в молодых кадрах; дифференцированного подхода к молодежному участию в политике; создания системы подготовки молодежи к политической деятельности. Являясь частью гражданского общества, молодежь сможет реализовать свой ресурсный потенциал при условии соответствующего правового обеспечения, открывающего ей путь в элиту, качество которой, в свою очередь, определяется качеством профессиональной подготовки и опытом политической деятельности молодых кадров.

Пристатейный библиографический список

1. Буренко В. И., Шумилов А. В. Политический класс современной России в контексте инструментального подхода // PolitBook. — 2012. — № 4.
2. Дергунова Н. В., Ошкин В. В. Развитие концепции циркуляции элит в творчестве Р. Михельса // Власть. — 2013. — № 7.
3. Дергунова Н. В., Ошкин В. В. Генезис представлений Р. Михельса о роли и функциях бюрократии в индустриальном обществе // Власть. — 2012. — № 11.
4. Коряковцева О. А., Климов О. А. Тенденции взаимодействия власти и общества в аспекте развития гражданской идентичности молодежи // YouthWorldPolitic. — 2013. — № 1.
5. Крючков В. А., Сквиков А. К., Титова О. Н. Политическая элита: теоретический аспект // Фундаментальные исследования. — 2013. — № 11–8.
6. Титова Л. Г. Мифологизация политического процесса в контексте коммуникативного взаимодействия власти и общества // PolitBook. — 2013. — № 1.
7. Skovikov A. Youth and political parties: interaction and interests // Youth World Politic. — 2013. — № 1.

5 Skovikov A. Youth and political parties: interaction and interests // Youth World Politic. — 2013. — № 1. — P. 7.

6 Коряковцева О. А., Климов О. А. Тенденции взаимодействия власти и общества в аспекте развития гражданской идентичности молодежи // YouthWorldPolitic. — 2013. — № 1. — С. 78.

Бондаренко А. В., Лукиянов М. Ю.
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ: ПРАВОВЫЕ НОРМЫ И МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются виды коррупции, российское антикоррупционное законодательство и возможности применения морально-нравственных аспектов в качестве мер для предупреждения коррупции.

Ключевые слова: противодействие коррупции, антикоррупционное законодательство, морально-нравственные категории.

Bondarenko A. V., Lukiyanov M. U.
COMBATING CORRUPTION: LEGAL NORMS AND MORAL ASPECTS

The article discusses the types of corruption, the Russian anti-corruption legislation and the applicability of moral aspects as measures for preventing corruption.

Keywords: anti-corruption, anti-corruption laws, moral aspects.

Коррупция известна со времен зарождения первых государств. Как социальное явление, коррупция пережила взлеты и падения древних империй (нередко становясь причиной их исчезновения) и сегодня присутствует в большей или меньшей степени практически в каждом государстве мира. К сожалению, коррупция является значительной проблемой и в России. Несмотря на предпринимаемые усилия, достаточно жесткое законодательство по противодействию коррупции, коррупция в России остается сильно распространенным явлением практически во всех областях государственной системы, прежде всего, в органах власти, правоохранительных органах, судах.

Трудно определить масштаб коррупции в России. Ряд экспертов оценивают состояние коррупции в России значительно ниже мирового уровня, другие эксперты говорят о том, что 25 и даже 48% российского ВВП приходится на коррупционную составляющую¹. В любом случае, коррупция весьма распространенное явление, глобальная проблема России.

Суть коррупции состоит в том, что должностное лицо, наделенное определенными полномочиями, получает за исполнение или неисполнение своих должностных обязанностей вознаграждение от заинтересованного лица. Такие действия могут наносить значительный ущерб экономике.

Коррупция условно подразделяется на 2 большие категории — бытовая коррупция и деловая коррупция. Бытовая коррупция порождается взаимодействием рядовых граждан и чиновников. В нее входят различные подарки от граждан и услуги должностному лицу и членам его семьи. Классический пример бытовой коррупции — взятка автоинспектору за правонарушение. Деловая коррупция возникает при взаимодействии бизнеса и власти. Деловая коррупция — плата предпринимателями денежных средств или материальных ценностей государственным служащим для получения определенных административных услуг. Например, в случае хозяйственного спора стороны могут стремиться заручиться поддержкой судьи с целью вынесения решения в свою пользу. Бытовая коррупция в основном затрагивает работу правоохранительных органов, учебные заведения и учреждения здравоохранения. Это объясняется тем, что в данные организации и учреждения гражданин обращается лично (особенно, это характерно для учебных заведений и учреждений здравоохранения). Государственные и муниципальные органы наделены полномочиями для решения вопросов бизнеса, поэтому, факты деловой коррупции там встречаются более часто. Часть полномочий, которыми наделены правоохранительные органы, также позволяет решать хозяйственные вопросы, поэтому факты деловой коррупции там встречаются довольно часто.

1 Оценка Всемирного банка в 2013 г.

Бондаренко А. В.

Лукиянов М. Ю.

В России сформирована необходимая правовая база для эффективного противодействия коррупции. Меры по противодействию коррупции прописаны в Федеральном законе Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»², статьи Уголовного кодекса РФ № 290, 291 и 291.1³. В 2006 г. Россия ратифицировала Конвенцию об уголовной ответственности за коррупцию, принятую в Страсбурге 27 мая 1999 г.

Статья 291 Уголовного кодекса РФ предусматривает наказание за дачу взятки, в зависимости от ее размера, от 10 до 90-кратного размера взятки, принудительными работами от 1 до 3 лет, лишением свободы на срок от 2 до 12 лет. Отягчающими обстоятельствами является участие нескольких лиц в коррупционном преступлении. Чем больше сумма взятки, тем строже наказание. Также, предусмотрено смягчение обвинения или его снятие, если обвиняемое лицо активно помогает следствию. Несмотря на все жесткие меры, Уголовный кодекс содержит положение, по которому лицо, обвиненное в коррупции, не может занимать определенную должность или заниматься определенным видом деятельности сроком всего лишь от 1 до 3 лет. В антикоррупционном законодательстве многих стран введен запрет на занятие должностей лицам, обвиняемым в коррупции. Например, в Германии, несмотря на то, что уголовное наказание за взятку довольно мягкое, по сравнению с другими преступлениями, оно предполагает безоговорочное увольнение со службы и запрет быть любым чиновником⁴. Такая мера, по нашему мнению, меняет само отношение к занимаемой должности — моральное наказание в виде лишения права занимать определенную должность может тяжелее переноситься обвиняемым.

2 Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета от 30 декабря 2008 г.

3 Уголовный кодекс РФ [электронный ресурс] — Режим доступа: <http://base.garant.ru/10108000/>

4 Багмет М. А. Международный опыт борьбы с коррупцией в полиции // Евразийский юридический журнал — 2014. — № 3 (70) — С. 194.

Рассмотрим также градацию по штрафам за получаемые взятки. В Примечании к пункту 6 статьи 290 Уголовного кодекса РФ прописана градация взятки. Значительным размером взятки признается сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающие двадцать пять тысяч рублей, крупным размером взятки — превышающие сто пятьдесят тысяч рублей, особо крупным размером взятки — превышающие один миллион рублей⁵. Получение должностным лицом взятки в значительном размере наказывается штрафом в размере от тридцатикратной до шестидесятикратной суммы взятки, в особо крупном размере — штрафом от семидесятикратной до девяностократной суммы взятки. Т.е., в абсолютных числах штраф за взятку в значительном размере может достигать 9 млн руб., штраф за взятку в особо крупном размере — от 70 млн рублей и выше. На наш взгляд, взыскать подобные суммы (по крайней мере, за взятки в особо крупном размере), практически невозможно. В качестве компромиссного решения, штрафы уменьшаются, иногда в несколько сот раз, до приемлемой суммы. Так, за взятку в 12 млн рублей был задержан следователь главного следственного управления МВД по Республике Башкортостан. Бывшего милиционера суд первой инстанции приговорил к 5 годам лишения свободы в колонии строгого режима и штрафу в 500 млн рублей. Его подельник был приговорен к 4 годам 8 месяцам и такому же штрафу. Верховный суд Республики Башкортостан снизил сумму штрафа до 700 и 600 тыс. руб. соответственно⁶. Таким образом, материальное наказание за взятку в 12 млн руб. и в 30–50 тыс. руб. становится одинаковым.

Таким образом, огромные штрафы за взятки мало способствуют решению проблемы коррупции. Также, по мнению председателя Верховного суда Республики Башкортостан Михаила Тарасенко, пока не вполне понятно, каким образом должно исчисляться наказание из-за невозможности выплаты штрафа: «В прошлом (2012 г. — примечание авторов) году за взятку в полтора миллиона обвиняемого приговорили к штрафу в 120 миллионов. Приговор вступил в силу. Но насколько реально выплатить эту сумму? Закон предусматривает за неуплату штрафа лишение свободы. Тут есть тема для обсуждения. Например, сколько стоит миллион рублей в пересчете на жизнь за решеткой?»⁷.

Также, рассмотрим эффективность наказания за коррупцию в виде лишения свободы. Жесткая борьба с коррупцией ведется в Китае. За последние 12 лет в Китае по обвинению во взяточничестве расстреляли 13 тыс. (!) чиновников, включая главу города Сучжоу и заместителя мэра Пекина, вице-спикера парламента КНР, десятки министров и губернаторов. А в 2013 году 160 тыс. работников госаппарата Китая были арестованы по обвинению в коррупции⁸. Безусловно, такая мера сдерживает ответственных лиц от коррупционных преступлений. Но все же пока что потери от коррупции в Китае оцениваются в 13–17% от ВВП. В Китае жесткие антикоррупционные меры дополняются специальными программами, призванные усилить нравственную составляющую. Около 1000 официальных лиц в Китае уже месяц ежедневно принимают участие в программе «Упражнения по выработке навыков са-

модисциплины по борьбе с коррупцией». Суть этого тренинга сводится к тому, что каждый чиновник каждый день должен честно ответить самому себе на несколько вопросов: «Смогу ли я противостоять искушению получить взятку в размере 15 тыс. долл.? А если предложат 1,5 млн долл.? И готов ли я понести наказание — несколько лет в тюрьме, а вдруг смертная казнь?»¹⁰. В России также периодически проводятся громкие антикоррупционные компании с заключением под стражу многих фигурантов, но становится ли меньше коррупции?

Таким образом, в противодействии коррупции важны все элементы: строгость наказания, его неотвратимость, смягчение наказания, если виновный раскаялся и помогает следствию. Но, на наш взгляд, нужно, прежде всего, предупреждать проблему, чем в дальнейшем бороться с ее последствиями. В качестве примера, можно привести усилия по антикоррупционной политике в правоохранительных органах таких стран, как США, Великобритания, Франция, Китай, Канада, Индонезия, Испания, Израиль и т.д.¹¹ В указанных и многих других странах морально-нравственной подготовке полицейских уделяется первостепенное значение. Важным критерием является престижность и почетность службы в полиции. Проводится постоянный общественный контроль за действиями полицейских. И, как результат, в Германии более 86% опрошенных граждан заявили о полном или частичном доверии к представителям правоохранительных органов. Конкурс на должность полицейского может составлять от 100 в Израиле до более 3000 (в Китае) человек на место. Заработная плата и пенсионное обеспечение сотрудников полиции также высоки. В России принят «Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации»¹², также, имеется проект «Кодекса поведения государственных служащих Российской Федерации». Остается надеяться, что эти меры морально-нравственного воздействия позволят снизить уровень коррупции в России.

Пристатейный библиографический список

1. Приказ МВД РФ от 24 декабря 2008 г. № 1138 «Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257019/#ixzz3FvZpi6cn>
2. Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета от 30 декабря 2008 г.
3. Уголовный кодекс РФ [электронный ресурс] — Режим доступа: <http://base.garant.ru/10108000/>
4. Багмет М. А. Международный опыт борьбы с коррупцией в полиции // Евразийский юридический журнал — 2014. — № 3 (70) — С. 192–196.
5. В Башкирии Верховный суд утвердил приговор бывшему следователю, получившему крупную взятку. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.bashinform.ru/news/666503/?sphrase_id=188016#ixzz3Fv3DOm29
6. Рассуждения об осуждениях. Интервью с председателем Верховного суда Республики Башкортостан Михаила Тарасенко // Республика Башкортостан от 21 марта 2013 г.
7. Фархутдинов И. З. Китай и Россия: через взаимные инвестиции к национальному благополучию (опыт национально-правового регулирования для евразийской интеграции) // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 8 (75) — С. 13–38.

10 Там же. — С. 31.

11 См. подробнее: Багмет М. А. Указ. соч. — С. 192–196.

12 Приказ МВД РФ от 24 декабря 2008 г. № 1138 «Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257019/#ixzz3FvZpi6cn>

5 Уголовный кодекс РФ [электронный ресурс] — Режим доступа: <http://base.garant.ru/10108000/>

6 В Башкирии Верховный суд утвердил приговор бывшему следователю, получившему крупную взятку. [Электронный ресурс] — режим доступа: http://www.bashinform.ru/news/666503/?sphrase_id=188016#ixzz3Fv3DOm29

7 Рассуждения об осуждениях. Интервью с председателем Верховного суда Республики Башкортостан Михаила Тарасенко // Республика Башкортостан от 21 марта 2013 г.

8 Фархутдинов И. З. Китай и Россия: через взаимные инвестиции к национальному благополучию (опыт национально-правового регулирования для евразийской интеграции) // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 8 (75) — С. 30.

9 Там же.

Нечевин Д. К.

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ АВАГИМЯНЦ В. А. И БОДЕНКОВОЙ Е. П. «LE FRANCAIS POUR LES JURISTES». — М., 2013. — 84 С.

Nechevin D. K.

REVIEW OF THE TEXTBOOK OF LECTURERS AVAGIMYANTS V. A. AND BODENKOVA E. P. «LE FRANCAIS POUR LES JURISTES». — MOSCOW, 2013. — 84 P.

Нечевин Д. К.

Рецензируемое учебное пособие подготовлено на основе типовой программы по иностранному языку для неязыковых специальностей высших учебных заведений МВД России. В первую очередь учебное пособие предназначено для магистрантов, обучающихся по направлению подготовки «юриспруденция», по профилю подготовки — «правовое обеспечение правоохранительной деятельности». Владение иностранным языком является неотъемлемой частью профессиональной подготовки магистрантов.

В настоящее время на органы внутренних дел возложено достаточно функций, что предполагает значительное повышение уровня профессиональной подготовки современного полицейского. Задачи формирования в России правового государства предъявляют новые требования к сотрудникам органов внутренних дел, деятельность которых направлена на правовое обеспечение правоохранительной деятельности и защиту прав и законных интересов граждан, как на территории нашей страны, так и в международном сообществе. Для успешного ведения своей деятельности по обеспечению законности и правопорядка сотрудникам органов внутренних дел необходимо обладать не только всем комплексом знаний в сфере реализации правовых норм, обеспечения законности и правопорядка и навыками их практического применения, но и уметь использовать свой правовой опыт в процессе сотрудничества с зарубежными коллегами.

Рецензируемое пособие предназначено для слушателей, изучавших ранее французский язык в высших учебных заведениях или средней школе. При этом примечательно, что учебное пособие «Le français pour les juristes» рассчитано и на категорию обучающихся, изучавших французский язык в неполном объеме средней школы. Таким образом, пособие может быть использовано не только в рамках работы с магистрантами, а может быть интересно широкому кругу читателей, имеющих хотя бы начальный уровень владения французским языком.

В соответствии с рецензируемым пособием «Le français pour les juristes», подготовленным В. А. Авагимянц и Е. П. Боденковой, обучение дисциплине «Иностранный язык для юристов» должно способствовать развитию общекультурного и профессионального уровня магистрантов, умений анализировать, обобщать и оценивать зарубежный опыт административной и правовой деятельности. В процессе изучения аутентичных материалов по юриспруденции магистранты должны сформировать способность самостоятельно приобретать и использовать новые знания в правотворческой, правоприменительной, правоохранительной, экспертно-консультационной, организационно-управленческой, научно-исследовательской и педагогической сферах.

Важнейшим фактором, способствующим формированию гармоничной личности специалиста с высшим юридическим образованием, является развитие навыков профессиональной коммуникации на иностранном языке. Речь идет о специалистах, имеющих достойные перспективы карьерного роста в выбранной профессиональной сфере.

Обучение языковым и речевым навыкам по иностранному (в данном случае — французскому) языку является необходимым компонентом подготовки нового поколения сотрудников органов Министерства внутренних дел, которые способны профессионально общаться со своими зарубежными коллегами, знать и понимать их язык, культуру и историю. Хотелось бы отметить, что профиль подготовки магистрантов — правовое обеспечение правоохранительной деятельности. До настоящего момента отсутствие языковых и речевых навыков по иностранному языку является одним из серьезных пробелов в подготовке специалистов для органов Министерства внутренних дел. Опыт показывает, что без знания иностранных языков сотрудники органов внутренних дел России сталкиваются в своей деятельности с определенными трудностями. Часто уже имеющиеся знания иностранных языков (французского, например) требуют совершенствования. Положение усугубляется отсутствием специализированных учебных пособий для слушателей. Таким образом, авторский замысел пособия «Le français pour les juristes» был достаточно оригинальным: ликвидировать вышеупомянутый пробел и преодолеть стереотип о том, что мало кто из сотрудников российской полиции владеет иностранным языком.

Говоря об общем методологическом подходе авторов к подбору материала, необходимо обратить внимание на то, что в учебном пособии прослеживается взятый за основу коммуникативный метод обучения иностранным языкам. Это позволяет магистрантам принимать активное участие в процессе обучения. Слушатели смогут выразить свое мнение, чувства и поделиться опытом, а также принять участие в деятельности, имитирующей реальные ситуации.

Основной целью рецензируемого учебного пособия по французскому языку «Le français pour les juristes» является повышение исходного уровня владения иностранным языком и формирование у магистрантов необходимых иноязычных компетенций, позволяющих им решать социально-коммуникативные задачи в различных областях юридической деятельности, общаясь с зарубежными коллегами, а также самостоятельно изучать опыт правоохранительной, правоприменительной, правотворческой и организационно-управленческой деятельности иностранных государств.

Структура рассматриваемого пособия соответствует поставленным авторами целям обучения. Пособие «Le français pour les juristes» включает в себя семь глав: «Представление. Биография. Семья», «Работа в полиции», «Руководство отделом внутренних дел», «Закон и порядок», «Структура и организация правоохранительных органов Франции», «Организация охраны общественного порядка во Франции», «Виды преступлений и наказаний». Каждая глава рецензируемого пособия состоит из лексической и грамматической части. Лексическая часть содержит словарь, основной текст, лексико-грамматические упражнения. Грамматическая часть включает объяснение грамматических явлений и упражнения для их тренировки. Также каждая глава содержит диалоги с упражнениями для усвоения ситуационных клише.

Например, первая глава «Connaissance. Présentation. Salutation. Famille» («Знакомство. Представление. Приветствие. Семья») начинается со словаря (Vocabulaire) по теме «Connaissance. Présentation. Salutation. Famille». Словарь включает в себя лексику по следующим подтемам: «Salutations» («Приветствия»), «Adieux» («Прощания»), («Excuses») («Извинения»), «Remerciements» («Благодарности»), «Présentations» («Представления»). Также глава включает формулы вежливости при знакомстве, представлении, встрече и прощании; лексические единицы, необходимые для описания биографических данных. Что касается грамматической части, первая глава направлена на изучение спряжения глаголов 1-й группы в настоящем времени изъявительного наклонения (например, «travailler», «habiter», «étudier», «s'appeler»), спряжения глаголов 3-ей группы в настоящем времени изъявительного наклонения: «avoir» и «être» (Verbes du 3ème groupe: «avoir» и «être»). В данной главе также представлен материал по следующим темам: «Вопросительные обороты: «Qui est-ce?» и «Que fait-il», «Вопросительное предложение», «Вопросительные местоимения «où» (куда) и «d'où» (откуда)», «Утвердительная и отрицательная формы глаголов», «Порядок слов в утвердительном и отрицательном предложении». Таким образом, проработав материал главы «Connaissance. Présentation. Salutation. Famille», слушатель должен уметь представиться, рассказать о себе и своей семье; задать вопросы своему французскому коллеге: узнать, как его зовут, чем он занимается; поинтересоваться, женат ли он, есть ли у него дети; поприветствовать коллегу, попрощаться, извиниться, поблагодарить; задать вопросы «Qui est-ce?» и «Que fait-il»; встретить французского коллегу в аэропорту; расспросить своих коллег о третьем лице. Хотелось бы отметить, что материал первой главы рецензируемого пособия может послужить основой дальнейшего совершенствования умений и навыков устной речи, приобретенных в средней школе.

Вторая глава «Le travail à la police» («Работа в полиции») также начинается со словаря (Vocabulaire) по изучаемой теме, который содержит терминологию, отражающую основные функциональные обязанности; названия должностей, отделов, производственных процессов или задач; клише, необходимые для выражения своего мнения и отстаивания своей точки зрения; разговорные формулы, используемые для выражения удовлетворения, похвалы или порицания работы сотрудников. Также глава включает в себя следующие грамматические аспекты: количественные числительные; определенные и неопределенные артикли; формы слитного артикля: au, à la, à l', aux; du, de la, de l', des; притяжательные прилагательные. Авторский коллектив предположил, что, изучив данную главу, обучающийся сможет поговорить о своей работе, об обязанностях офицера правоохранительных органов, профессиональных интересах; назвать свою должность, звание, отдел; представить своего начальника, коллег; рассказать о причинах выбора профессии, трудностях, с которыми сталкивается офицер правоохранительных органов, профессиональных задачах.

Восьма интересно рассмотрение третьей главы «La gestion de l'organe de l'Intérieur» («Руководство органом внутренних дел»), в которой представлен словарь (Vocabulaire), содержа-

щий названия отраслей, служб и подразделений органов внутренних дел, основных функций, обязанностей. Кроме того, слушателям предстоит изучить в данном разделе глаголы типа: «comprendre», «lire», «écrire», «apprendre»; устойчивые выражения: «parler français», «lire, écrire en français», «apprendre le français», «faire ses études»; устойчивые выражения, обозначающие время. Таким образом, проработав главу «La gestion de l'organe de l'Intérieur», слушатели смогут назвать свою должность, звание, отдел (подразделение), своего начальника, коллег, подчиненных, их звание, должность; расспросить собеседника о его профессии, звании, должности, месте работы; рассказать о своих профессиональных задачах, трудностях, причинах выбора данной профессии.

В четвертой главе «La loi et l'ordre» («Закон и порядок») представлены лексические и терминологические единицы, связанные с профессиональными обязанностями юриста. Что касается грамматического материала, то здесь слушателям предстоит изучить спряжение глагола «vouloir» (III группы) в настоящем времени изъявительного наклонения («Présent de l'Indicatif»); спряжение глагола «vouloir» (III группы) в настоящем времени условного наклонения (Conditionnel présent), а также ознакомиться с употреблением неопределенно-личного местоимения «on». Завершив изучение главы «La loi et l'ordre», обучающиеся должны уметь поговорить об основополагающих принципах общего права, задачах, стоящих перед правоохранительными органами Франции, особенностях судебной и правовой системы Франции; продемонстрировать умение аргументировано отстаивать свою точку зрения, давать оценку, высказать одобрение, согласие или несогласие с мнением собеседника.

Пятая глава «La structure et l'organisation des services d'application de la loi en France» («Структура и организация правоохранительных органов Франции») рецензируемого учебного пособия «Le français pour les juristes» начинается со словаря (Vocabulaire), включающего единицы административного деления, терминологию, необходимую для описания структуры и организации правоохранительных органов Франции; клише, необходимые для выражения своего мнения и отстаивания своей точки зрения. Кроме того, слушателям необходимо изучить спряжение глаголов «s'occuper», «s'intéresser» в настоящем времени изъявительного наклонения («Présent de l'Indicatif»), а проработав тему окончательно, быть готовыми рассказать о структуре и задачах правоохранительных органов Франции; поговорить об основных функциях полиции Франции; обсудить с собеседником некоторые проблемы работы полиции Франции; выразить удовлетворение или неудовлетворение; дать оценку работе той или иной службе правоохранительных органов.

Словарь (Vocabulaire) шестой главы «L'organisation de la sécurité de l'ordre public en France» («Организация охраны общественного порядка во Франции») содержит лексические единицы, необходимые для описания форм и методов организации охраны общественного порядка во Франции. К грамматическому материалу данной главы можно отнести изучение следующих тем: вопросительные слова и обороты «qui», «que», «quel», «quelle», «qu'est-ce qui», «qu'est-ce que c'est»; прошедшее сложное (законченное) время («Passé Composé»), причастие прошедшего времени («Participe Passé»). Авторский коллектив предполагает, что лексико-грамматический материал данной темы позволит слушателям поговорить об организации охраны общественного порядка во Франции, типах патрулирования и контроля дорожного движения, действиях полиции в случаях массовых беспорядков, альтернативных стратегиях по охране общественного порядка, сотрудничестве полиции с общественными организациями.

И, наконец, нам представлена последняя седьмая глава «Les types des crimes et des peines» («Виды преступлений и наказаний»), коммуникативными намерениями которой являются умения поговорить о типах преступлений, о цели применения

тех или иных типов наказаний; дать сравнительную оценку различных классификаций преступлений и соответствующих санкций в России и Франции. Лексический материал данной темы содержит названия основных видов преступлений и наказаний. Завершая курс, предложенный авторским коллективом в рамках работы с учебным пособием «Le français pour les juristes», слушателям предстоит изучить следующие грамматические темы: будущее простое время («Futur Simple»); спряжение глаголов «savoir», «connaître», «apparaître».

Учебное пособие по французскому языку «Le français pour les juristes», подготовленное В. А. Авагимянц и Е. П. Боденковой, обладает целым рядом достоинств, полностью соответствующих заявленному в его названии предназначению и относящихся к следующим аспектам:

1. Отбор грамматического материала. Отобрать из всего многообразия и объема грамматических вопросов те, знание которых обеспечивает «практическую грамотность» письменной и устной речи в большинстве коммуникативных ситуаций — весьма нелегкая задача, с которой авторы справились вполне успешно. Грамматический справочник составлен по принципу изложения материала к каждому уроку. В нем отражены наиболее характерные признаки французского языка и те явления, которые представляют трудности для иностранцев, изучающих французский язык;

2. Поддача материала. Компоновка материала по грамматическим темам (то есть так, как принято в теоретических изданиях и справочниках), логичность и доступность поддачи материала внутри изучаемых тем в значительной степени способствуют усвоению даже относительно сложных грамматических явлений;

3. Система упражнений. Активизация грамматического материала часто рассматривается как необходимая, но достаточно «скучная» составляющая процесса овладения иностранным языком. Такая характеристика не может быть применена к рецензируемому учебному пособию, авторам которого удалось предложить систему разнообразных упражнений, как репродуктивных, так и коммуникативно-ориентированных, которые базируются на тщательно отобранном лексическом материале и обеспечивают высокую эффективность учебной работы.

Также к достоинствам рецензируемого учебного пособия можно отнести:

– выполненное на хорошем научном уровне и вместе с тем доступное для магистрантов объяснение сложных языковых явлений в сопоставлении с русским языком. Например, авторам рецензируемого пособия удалось донести до магистрантов, что французский язык является аналитическим языком, так как все отношения между словами выражаются с помощью предлогов, артиклей, союзов, а также с помощью порядка слов в предложении (в синтетических языках (русский, латынь) взаимоотношения между словами выражаются при изменении формы слов и при изменении окончаний);

– наличие текстов и диалогов, представляющих различные модели использования французского языка в реальных ситуациях, языковые упражнения на трансформацию, дополнение и перевод, достаточное количество ситуативных речевых упражнений для формирования навыков говорения. Особо хотелось бы отметить тексты, которые наиболее ярко отражают юридическую направленность профессии обучаемых: «Le droit commun», «Juriste d'entreprise en France», «La Russie rebaptise sa police dans le cadre d'une vaste réforme», «Les fonctions de la police municipale», «Les fonctions de la Police Nationale», «Ordre public en droit français», «Trouble à l'ordre public», «Classification des infractions et des peines»;

– наличие упражнений, направленных на формирование элементарных умений письменной речи;

– выбор дедуктивного метода формирования грамматических навыков с пооперационной отработкой действий в многочисленных упражнениях, гарантирующих выработку необходимой «чистоты» навыков;

– учет фоновых связей лексических единиц при формировании лексических навыков;

– использование некоторых аутентичных материалов, отобранных с учетом возрастных и профессиональных интересов магистрантов и содержащих страноведческую информацию;

– система упражнений, позволяющая формировать прочные лексико-грамматические навыки, навыки техники чтения. Грамматические упражнения активизируют материал каждого урока, знание которого необходимо для чтения неадаптированных текстов, а также для ведения беседы. Грамматические упражнения делятся на предтекстовые, в которых вводится новый материал, и послетекстовые, где вместе с грамматикой закрепляется лексика урока. Лексические упражнения построены на базе нового и пройденного уроков. Большое внимание уделено словообразованию и речевым образцам. Лексика, подлежащая активному усвоению, дается перед основным текстом;

– диалоги, включенные в содержание учебного пособия, можно разделить на две категории: 1) направленные на отработку ситуационных клише в соответствии с той или иной коммуникативной функцией (это, в основном, диалоги этикетного характера); 2) направленные на формирование умения вести диалог с целью обмена информацией.

Таким образом, к целям написания эффективного и актуального пособия, направленного на формирование навыков диалогической речи, можно также отнести еще и обучение профессионально ориентированной коммуникации на иностранном языке без опоры на русский язык.

Указанный обзор можно продолжить и далее. Любой заинтересованный читатель, раскрыв рецензируемое учебное пособие, сможет обнаружить в нем огромное количество интереснейшего фактического и лексико-грамматического материала. Но всякий раз, когда читатель будет брать в руки данное учебное пособие, он должен помнить о том огромном труде, который провел авторский коллектив по переводу и систематизации информации, чтобы донести ее читателям.

Подводя итоги, следует заметить, что рецензируемое учебное пособие «Le français pour les juristes», подготовленное В. А. Авагимянц и Е. П. Боденковой, занимает особое место в рейтинге учебных пособий, подготовленных для неязыковых специальностей учебных заведений системы МВД России. Авторский коллектив учел изменения в уровне подготовки обучаемых и новые социально-политические реалии жизни. При составлении настоящего учебного пособия авторы старались придерживаться следующих принципов: комплексность изучения грамматики и лексики, речевая направленность в рамках изучаемого речевого материала, тематический принцип отбора учебного материала, ценность в познавательном аспекте, систематичность и последовательность введения материала, его повторяемость. В этом смысле позволим себе надеяться, что рецензируемое учебное пособие сможет стать частью фундамента для погружения в изучение французского языка сотрудниками правоохранительных органов и поможет полицейским выйти на новый уровень своего языкового развития. Учитывая все вышеперечисленное, можно полагать, что намеченные авторами цели достигнуты. Учебное пособие «Le français pour les juristes» может быть рекомендовано к изданию.

К ЮБИЛЕЮ ВЛАДИМИРА МИХАЙЛОВИЧА ШУМИЛОВА

Шумилов Владимир Михайлович — известный российский юрист с большим опытом научной, учебной и практической работы. Закончил МГИМО (У) в 1980 году. Доктор юридических наук. Профессор. Заведующий кафедрой Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ) Министерства экономического развития РФ. Почётный профессор Казахского Университета им. Д. А. Кунаева.

Много лет Владимир Михайлович работал в органах государственной власти СССР и России, том числе за рубежом. Принимал участие в разработке российских законов и других нормативных актов, а также в переговорах по подготовке и согласованию международных договоров. Осуществлял официальное взаимодействие с Международным институтом по унификации частного права (УНИДРУА) в Риме и проводил работу по вступлению СССР/России в эту международную организацию. Руководил внешнеторговыми предприятиями. Возглавлял группу ученых, подготовившую экспертный проект Договора о Евразийском экономической союзе (ЕАЭС), который был положен в основу межправительственных переговоров.

Профессор Шумилов — член международно-правового совета при МИД России, научный консультант Счетной Палаты, его опыт и знания чрезвычайно востребованы в федеральных министерствах и ведомствах. Возглавляемая им рабочая группа подготовила проект Договора о Евразийском экономическом союзе, участвовала в согласовании этого важнейшего международного договора с государствами-членами будущего Союза. В мае этого года Договор, знаменующий новую эпоху евразийской интеграции, был подписан и передан на ратификацию.

В. М. Шумилов — юридический консультант крупных предприятий, государственных учреждений и общественных организаций России. Член Международно-правового совета при

МИД РФ. Научный консультант Счетной палаты РФ. Член Экспертного совета по защите инвестиций за рубежом (в рамках службы Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав российских компаний и предпринимателей). Эксперт Рабочей группы Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП). Член Российской ассоциации международного права, редколлегии нескольких юридических журналов. Третейский судья, арбитр МКАС.

Наступил XXI век, и Владимир Михайлович полностью посвящает себя научной и преподавательской работе. За эти годы он создал научную школу международного публичного права в ВАВТ, написал десятки научных трудов, сегодня редкая диссертация по экономической тематике минует научную экспертизу на возглавляемой им кафедре.

В подготовке юристов-международников, специализирующихся в области международного экономического права, центральное место занимают труды профессора В. М. Шумилова. Он автор большого числа научных трудов и публикаций в России и за рубежом по вопросам теории государства и права, сравнительного правоведения, международного права. Среди основных трудов — выдержавший многократное переиздание учебник «Международное экономическое право», (издания 1999, 2001, 2002, 2003, 2011, 2014 гг.), учебники «Международное финансовое право» (издания 2005, 2011 гг.) и «Право ВТО» (издание 2013 г.). Международному экономическому праву и ВТО также были посвящены работы «Международное экономическое право в эпоху глобализации» (издание 2003 г.) и «ВТО: право и система» (издание 2006 г.). Необходимо упомянуть также труды в сфере сравнительного правоведения: «Правовая система США» (издание 2003, 2006, 2013 гг.) и «Введение в правовую систему ФРГ» (издание 2001 г.), а также научное редактирование работы французских ученых Д. Карро и П. Жюйара «Международное экономическое право» (2002 г.). Подготовке

будущих юристов посвящены учебники «Правоведение», издававшиеся в 2006–2011 гг.

Особняком в трудах В. М. Шумилова стоит учебник «Международное право» (издания 2007, 2011 и 2013 гг.). Автор сам называет этот учебник экспериментальным исходя из подхода к системе международного права. Кроме того, Шумилов В. М. соавтор нескольких российско-казахстанских учебников по международному праву, международному экономическому праву.

Не все знают, что Владимир Михайлович — одаренный поэт, автор стихотворных сборников, член Союза писателей. Его стихотворения на портале Stihi.ru прочли десятки тысяч неравнодушных читателей, они оставили тысячи восхищен-

ных рецензий. В. М. Шумилов является автором книги «Литературные опыты в духе русского экзистенциализма» (2007), «Стихи в духе русского экзистенциализма» (2010), сборников стихов.

Юбилей известного профессора — всегда заметное событие в научной жизни. И это не только праздник кафедры или университета, где работает юбиляр, — это праздник всего профессионального сообщества.

Редакционная коллегия ЕврАзЮж от имени его коллег и друзей горячо и сердечно поздравляет Владимира Михайловича Шумилова с 60-летним юбилеем и желает крепкого здоровья, творческого долголетия и новых успехов, семейного счастья!

В.М. Шумилов

ИЗ ПОЭМЫ «СТРАНСТВИЯ ВАНЕЧКИ ИВАНОВА»

... Вокруг лежит бескрайняя земля.
Не одолев окопа, танк дымится.
Усеяны убитыми поля.
Какой-то Иванов закрыл бойницу,
упав на разъярённый пулемёт
единственным своим тщедушным телом, —
как будто мимоходом, между делом, —
и захлебнулся беспощадный дот.
А парень что-то больше не встаёт.
Не будет поколений Ивановых —
ни новых сыновей, ни внуков новых...
Под гусеничный рык ползут кресты,
как полчища облезлых вурдалаков, —
насытятся от нашей наготы,
поистязать и задушить со вкусом.
Отпраздновать непобедимость зла.
С ухмылкой затащить в паучьи сети,
и на углях, где догорают дети,
удачно конвертировать тела
в очередные тёмные дела
и яства на столе чумного пира,
отщёлкнув в закрома ещё полмира.

Где шли бои — ряды могильных плит.
Без края... До границы горизонта.
Иван молчал: тут сбылся геноцид.
Здесь — линия невидимого фронта...
Нам не простить руины городов.
Мы не забудем «ценностей» Европы:
этнической — народной — катастрофы...
Ни слёзы матерей, ни смерть сынов.
Ни пришлых палачей, ни их плодов.
По-прежнему военные картины
хранятся в каждом сердце славянина.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. № 45.1–132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 10 pt шрифт Palatino Linotype через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора 10 pt полужирным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Palatino Linotype 10 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Palatino Linotype через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (< в угловых скобках >), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Palatino Linotype 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG) или TIFF.
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикации рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.

АДУ Яо Никэз — старший преподаватель кафедры международного права юридического факультета Российского университета дружбы народов

АЗАНОВ Берик Куралбаевич — научный работник послевузовского образования РФ, директор, научный сотрудник Межотраслевого научно-исследовательского, образовательного центра «Евразийский союз - Казахстанская Республика» при ТОО «Казахская многопрофильная компания» Исследователь в области международного права, экономики и международных отношений. Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Республика Казахстан, Мангистауская область, г. Актау

АШАВСКИЙ Борис Матвеевич — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры международного права Дипломатической академии Министерства иностранных дел России

БАБИЧЕВ Арсений Георгиевич — кандидат юридических наук, докторант кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета

БЕЗНОСОВА Яна Викторовна — аспирантка кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

БЕКЯШЕВ Камилль Абдулович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

БОБКОВА Елена Михайловна — кандидат социологических наук, доцент, проректор по науке и научной связям Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко

БОНДАРЕНКО Александр Викторович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уфимского государственного нефтяного технического университета

БЫЧЕК Анжелика Эдуардовна — магистрант кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского Государственного Университета

ВАТРУШКИН Алексей Алексеевич — кафедра международного и европейского права Казанского (Приволжского) Федерального Университета

ГОЛОВКО Ирина Ивановна — кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и обеспечения участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной Прокуратуры РФ

ГРОГУЛЕНКО Надежда Владимировна — ст. преподаватель кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГУСЕНОВА Патимат Арисланиевна — соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

ДЕМИДОВ Виктор Николаевич — кандидат юридических наук, профессор, председатель Конституционного суда Республики Татарстан, заместитель Председателя Консультативного Совета председателей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, член Совета судей Российской Федерации

ЕЛИЗАРОВ Михаил Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета

ЗАЙЦЕВА Елена Рудольфовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права Сибирского федерального университета

ЗАХАРОВА Лариса Ивановна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

ЗОЛОТУХИНА Татьяна Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Таганрогского института управления и экономики

ИВАНЕНКО Виталий Семёнович — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета

ИГБАЕВА Гузель Римовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института Министерства внутренних дел России

ИЗОТОВ Александр Викторович — кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

КАЗАКОВ Алексей Олегович — аспирант кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета

КАЗАЧКОВА Земфира Мухарбиевна — доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права Российской правовой академии при Министерстве юстиции Российской Федерации

КАЮМОВА Альфия Револевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета

КИШЕВА Марьяна Хусиновна — соискатель юридического факультета Северо-Кавказского федерального университета.

КОСТЫЛЕВА Елена Геннадиевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета

КРИВОРУЧКО Ольга Анатольевна — помощник судьи Тринадцатого арбитражного апелляционного суда.

КУШИМОВ Нурхат — Магистр права (LL.M.) юридического факультета Кембриджского университета

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич — старший научный сотрудник Института социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан

ЛЫСЕНКО Владлена Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права юридического факультета Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко

ЛЯМИН Николай Михайлович — аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов

МЕЛЬНИКОВ Виктор Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры Теории государства и права Ростовского государственного университета путей сообщений (РГУПС)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович — доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

МОЗГОВАЯ Нэлли Михайловна — кандидат философских наук, доцент кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович — доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

НИКОЛАЕВ Евгений Михайлович — кандидат юридических наук старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института Министерства внутренних дел России

НОВИКОВА Оксана Ивановна — кандидат исторических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета

ОПШКИН Виталий Владимирович — соискатель кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

ПАШТОВ Джамал Русланович — аспирант Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, прокурор Лескенского района Кабардино-Балкарской Республики

ПРОВОЛОЦКИЙ Виталий Витальевич — аспирант кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета

РАКИШЕВ Кенес Хамитович — соискатель кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

РАХИМОВ Эльдар Харисович — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры экономических дисциплин Уфимского юридического института Министерства внутренних дел России

СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Александрович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела политических исследований научно-исследовательского центра Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан

ТЕЙМУРОВ Эльвин Сахават оглы — аспирант кафедры международного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина

ТЕПЛЯКОВА Ольга Андреевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета

ТИТОВА Ольга Николаевна — соискатель, специалист отдела региональной политики и пиар проектов Федерального государственного автономного учреждения Государственный научно-исследовательский институт информационных технологий и телекоммуникаций «Информика»

ТОЛСТЫХ Владислав Леонидович — доктор юридических наук, заведующий кафедрой международного права Новосибирского государственного университета

ТУКУЛОВ Бахыт — Магистр права (LL.M.) юридического факультета университета Джорджтаун, Советник и директор Департамента разрешения споров юридической фирмы «GRATA»

УЛОКИНА Айно Михайловна — аспирант кафедры гражданского процесса Санкт-Петербургского государственного университета

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович — доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права (сектор международно-правовых исследований) Российской академии наук, главный редактор «Евразийского юридического журнала»

ХАЙРУЛЛИН Виталий Агзамович — старший преподаватель кафедры экономики и управления на предприятии нефтяной и газовой промышленности Уфимского государственного нефтяного технического университета.

ХАМИДОВА Манзура Файзуллоевна — аспирантка кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета

ХОДАНИЧ Юрий Михайлович — аспирант юридического факультета Ужгородского национального университета, Украина

ШАКИРОВА Эльвира Венеровна — кандидат политических наук, преподаватель кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета

ШАМИЛОВА Гульшат Загитовна — аспирантка кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета

ШАРАФУТДИНОВ Артур Шамилевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин, Уфимского юридического института Министерства внутренних дел России

ШИБИРКИНА Марина Сергеевна — магистр кафедры экономики и управления на предприятии нефтяной и газовой промышленности Уфимского государственного нефтяного технического университета

ШОНИН Николай Егорович — кандидат политических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета

ШУМИЛОВ Владимир Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации

ЯМАЕВА Альмира Ильдаровна — аспирант кафедры государственного права Башкирского государственного университета.

ЯМАЛОВА Эльвира Наилевна — кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью Башкирского государственного университета

ABOUT THE AUTHORS

ADU Yao Nicaise — Senior teacher of International law sub-faculty of the Faculty of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

ASHAVSKIY Boris Matveevich — Dr (candidate) of Law, senior research fellow, professor of sub-faculty of International Law within the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

AZANOV Berik Kuralbaevich — Scientist postgraduate Education the Russian Federation. Director, Interdisciplinary Scientific Researcher (research associate), Research, Educational Center «Eurasian Union — Kazakh Republic» with LLP «Kazakh multiprofile company» researcher in the field of international law, economics and international relations. Russia, St. Petersburg., Kazakhstan, Mangystau region, Aktau city

BABICHEV Arseniy Georgievich — Dr (candidate) of Law, doctoral student of the Criminal Law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

BEKYASHEV Kamil Abdulovich — Dr of Law, Professor, Head of International Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

BEZNOSOVA Yana Viktorovna — postgraduate student of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Faculty of Law of the N. I. Lobachevskiy Nizhniy Novgorod State University

BOBKOVA Elena Mihailovna — Dr (candidate) of Sociology, associate professor, vice rector of scientific affairs T. G. Shevchenko Pridnestrovien State University

BONDARENKO Alexandr Viktorovich — Dr (candidate) of Philosophy, associate professor of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Oil Technical University

BYCHEK Angelica Eduardovna — magister of Constitutional and Municipal Law sub-faculty, of the Institute of State and Law of the Tyumen State University

DEMIDOV Viktor Nikolaevich — Dr (candidate) of Law, professor, President of the Constitutional Court of the Republic of Tatarstan, Deputy Chairman of the Advisory Council of presidents of the Constitutional (Charter) Courts of subjects of the Russian Federation, member of the Board of judges of the Russian Federation

ELIZAROV Mihail Vladimirovich — Dr (candidate) of Philosophy, associate professor of International Law and International Relations sub-faculty of the Law Institute of the Bashkir State University

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich — Dr of Law, leading researcher of the Institute of State and Law (sector international legal studies) of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the «Eurasian Law Journal»

GOLOVKO Irina Ivanovna — Dr (candidate) of Law, associate professor of Public prosecutions and the participation of the Prosecutor in criminal, civil and arbitration cases sub-faculty of the Saint-Petersburg law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, candidate of legal Sciences

GROGULENKO Nadezda Vladimirovna — senior teacher of Political science, Sociology and Public Relations sub-faculty of the Ufa State Oil Technical University

GUSENOVA Patimat Arislanalievna — competitor of Criminal Process and Criminalistics sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

HAMIDOVA Manzura Faizulloevna — postgraduate student of the International Law sub-faculty of the Saint-Petersburg State University, scientific adviser — Marusin Igor Stanislavovich

IGBAEVA Guzel Rimovna — Dr (candidate) of Law, associate professor of Civil disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

IVANENKO Vitaly Semyonovich — Dr (candidate) of Law, associate professor of International law sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

IZOTOV Alexander Viktorovich — Dr (candidate) of Political science, associate professor of International relations sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

KAYUMOVA Alfiya Revilvelna — Dr (candidate) of Law, associate professor of International and European Law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

KAZACHKOVA Zemfira Muharbievna — Dr of Law, professor of Administrative and Financial Law sub-faculty of the Russian legal Academy of the Ministry of justice of the Russian Federation

KAZAKOV Alexey Olegovich — postgraduate student of Business Law, Civil and Arbitration process of the Perm State National Research University

KHAYRULLIN Vitaliy Agzamovich — senior teacher of Economics and Management of Oil and Gas Industry sub-faculty of the Ufa State Oil Technical University

KHODANYCH Yuriy Mihailovich — postgraduate student of Law faculty of the National university of Uzhgorod, Ukraine

KISHEVA Marijana Khusinovna — competitor of the Law faculty of the North-Caucasian Federal University

KOSTYLYOVA Yelena Gennadievna — Dr (candidate) of Sociology, associate professor of Political science, Sociology and Public Relations sub-faculty of the Ufa State Oil Technical University

KRIVORUCHKO Olga Anatoljevna — judge's assistant of the Thirteenth commercial Court of appeals

KUSHIMOV Nurkhat — Master of laws (LL.M.) of the law faculty of Cambridge University

LUKIJANOV Mihail Yurjevich — Dr (candidate) of Political science, senior researcher of the Institute of socio-political and legal research of the Republic of Bashkortostan

LYAMIN Nikolay Mihailovich — postgraduate student of the International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

LYSENKO Vladlena Vladimirovna — Dr (candidate) of Law, associate professor of International Law sub-faculty, T. G. Shevchenko Pridnestrovien State University

MELNIKOV Victor Yurievich — Dr (candidate) of Law, associate professor of Theory of State and Law sub-faculty of the Rostov State University of Railway Transport (RSTU)

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich — Dr of Law, Dr of Economics, professor of International relations sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

MOZGOVAYA Nelly Mihailovna — Dr (candidate) of Philosophy, associate professor of Political science, Sociology and Public Relations sub-faculty of the Ufa State Oil Technical University

NECHEVIN Dmitry Konstantinovich — Dr of Law, professor of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

NIKOLAEV Evgeniy Mihailovich — Dr (candidate) of Law, senior lecturer of Criminal Process sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

NOVIKOVA Oksana Ivanovna — Dr (candidate) of historical sciences, associate professor of the International Law and International Relations sub-faculty of the Law Institute of the Bashkir State University

OSHKIN Vitaliy Vladimirovich — competitor of Political science, Sociology and Public Relations sub-faculty of the Ulyanovsk State University

PANCHENKO Vladislav Yuryevich — Dr (candidate) of Law, associate professor of the Theory of State and Law sub-faculty of Law Institute of the Siberian Federal University

PASHTOV Dgamail Ruslanovich — postgraduate student of Academy of the General Prosecutor of the Russian Federation, the Prosecutor Lescinskas district of the Kabardino-Balkarian Republic

PROVOLOTCKIY Vitaliy Vitalevich — postgraduate student of the International Law sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

RAKHIMOV Eldar Kharysovich — Dr (candidate) of Law, lecturer of Economic disciplines Sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

RAKISHEV Kenes Khamitovich — competitor of Criminal Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

SEVASTIANOV Sergey Alexandrovich — leading researcher of the Department of political studies research center of the Bashkir Academy of state service and management under the President of the Republic of Bashkortostan

SHAKIROVA Elvira Venerovna — Dr (candidate) of political sciences, lecturer of Political science, Sociology and Public Relations sub-faculty of the Ufa State Oil Technical University

SHAMILOVA Gulshat Zagitovna — postgraduate student of International and European Law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

SHARAFUTDINOV Artur Shamilevich — Dr (candidate) of Law, senior teacher of administrative and legal disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

SHIBIRKINA Marina Sergeevna — magister of Economics and Management of Oil and Gas Industry sub-faculty of the Ufa State Oil Technical University

SHONIN Nikolay Egorovich — Dr (candidate) of Political science, associate professor of International Law and International Relations sub-faculty of the Law Institute of the Bashkir State University

SHUMILOV Vladimir Mihailovich — Dr of Law, professor, head of the International law department of the All-Russian Academy of foreign trade of the Ministry of economic development of the Russian Federation

TEPLIAKOVA Olga Andreyevna — Dr (candidate) of Law, associate professor of Constitutional and Municipal Law sub-faculty, of the Institute of State and Law of the Tyumen State University

TEYMUROV Elvin Sakhavat oglu — post-graduate student of International Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

TITOVA Olga Nikolaevna — competitor, Specialist of Department of regional policy and PR projects Federal state Autonomous institution of the State scientific-research Institute of information technologies and telecommunications «Informika»

TOLSTYKH Vladislav Leonidovich — Dr of law, head of the International Law sub-faculty at the Novosibirsk State University

TUKULOV Bakhyt — Master of Law of the law faculty of of the Georgetown University, Counsel, Head of Dispute Resolution at «Grata» Law Firm

ULOKINA Aino Mihailovna — postgraduate student of Civil Process sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

VATRUSKIN Alexey Alexeevich — International and European Law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

YAMAEVA Almira Ildarovna — postgraduate student of State law sub-faculty of the Bashkir State University

YAMALOVA Elvira Nailevna — Dr (candidate) of Political science, associate professor of Public Relations sub-faculty of the Bashkir State University

ZAITSEVA Elena Rudolfovna — Dr (candidate) of Law, associate professor of Constitutional, Administrative and Municipal Law sub-faculty of the Siberian Federal University

ZAKHAROVA Larisa Ivanovna — Dr of Law (candidate), associate professor of the International Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ZOLOTUKHINA Tatyana Aleksandrovna — Dr (candidate) of Law, associate professor of Theory and history of State and Law sub-faculty of the Law faculty of the Taganrog Institute of management and economics